

М.А. ДАНДАМАЕВ, В.Г. ЛУКОНИН

КУЛЬТУРА
И ЭКОНОМИКА
ДРЕВНЕГО
ИРАНА

М.А. ДАНДАМАЕВ, В.Г. ЛУКОНИН

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА ДРЕВНЕГО ИРАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Монография охватывает период XI—IV вв. до н. э.; авторы ставят перед собой задачу проанализировать в свете новейших открытий археологии и эпиграфики совокупность проблем истории культуры и экономики древних государств Ирана.

Д 10603-057 БЗ-103-27-79. 0504010000
013(02)-80

*Мухаммед Абдулкадырович Дандамасв,
Владимир Григорьевич Луконин*

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА ДРЕВНЕГО ИРАНА

Редактор *Н. Б. Кондырева*. Младшие редакторы *Р. Г. Канторович, Т. Н. Толстая*
Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковина*. Корректор *В. В. Воловик*

ИБ № 13687

Сдано в набор 21.06.79. Подписано к печати 05.02.80. А-01729. Формат 60×90^{1/16}

Бум. типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге.

Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 26,0. Уч.-изд. л. 30,69
Тираж 7000 экз. Изд. № 4550. Зак. № 2224. Цена 2 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», Москва К-45,
ул. Яданова, 12/1. 3-я типография издательства «Наука», Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иран — страна древней и высокоразвитой цивилизации. Его обитатели одними из первых вступили на путь исторического прогресса, создав еще в начале III тысячелетия до н. э. свою письменность и государственные объединения. Несмотря на не легкие исторические судьбы, народ Ирана в течение многих тысячелетий сохранял и непрерывно развивал свою культуру, оказывая при этом благотворное влияние на соседние и далекие страны и, в свою очередь, заимствуя их достижения.

В нашей стране интерес к прошлому Ирана был всегда велик как среди ученых, так и в широких кругах читателей. Это легко объясняется тем, что начиная с древнейших времен история Ирана была неразрывно связана с историей обширных областей нашей страны, в первую очередь Средней Азии, Кавказа и южнорусских степей. Особенно плодотворны были культурные контакты и торговые связи, которые в древности почти никогда не прерывались.

В течение последних десятилетий в СССР, Иране и других странах издано немало трудов, посвященных древней истории и культуре Ирана. Большинство этих работ носит общий характер, и в них излагается история Ирана от древнейших времен до VII — X вв. н. э., а в некоторых книгах, наоборот, рассматриваются лишь сравнительно узкие исторические периоды. До настоящего времени наиболее подробным исследованием по истории и культуре древнего Ирана остается книга американского востоковеда А. Т. Олмстеда «История Персидской державы», законченная в 1943 г., опубликованная посмертно в 1948 г. и с тех пор неоднократно издававшаяся без всяких изменений. После выхода в свет этого сочинения в научный оборот поступило много тысяч письменных источников. Большая часть этих текстов, обнаруженных на территории Ирана, Вавилонии, Египта и других провинций Персидской державы Ахеменидов, пока остается малоисследованной, и в существующих трудах по истории Ирана об этих источниках читатель найдет лишь самые общие сведения.

Наши источники о древнем Иране непрерывно пополняются благодаря весьма интенсивным археологическим раскопкам, которые ведутся во многих районах этой страны. Итоги этих раскопок нашли отражение в сотнях публикаций, разбросанных в многочисленных журналах. Авторы настоящей книги, посвященной культуре и экономике Ирана со времени прихода на плато

иранских племен и до конца ахеменидского периода (XI—IV вв. до н. э.), пытались по археологическим памятникам и материалам богатых клинописных архивов и других источников воссоздать цельную картину истории мидийцев и персов. Книга содержит самостоятельное исследование и освещает современное состояние изучения основных проблем культуры и экономики древнего Ирана.

В книге использованы доступные авторам источники и литература, опубликованные до конца 1976 г. Более поздние издания учтены лишь выборочно.

Ссылки на тексты и исследования даются в сокращенной форме, а полные названия публикаций содержатся в библиографии. В круглых скобках даются дополнения, которые сделаны для большей ясности при переводе с языка оригинала на русский, в квадратных скобках — восстановления разрушенного текста.

Многие советские и зарубежные ученые охотно помогали авторам, сообщая подробную информацию о новых находках археологических памятников и текстов задолго до их публикации. Во время поездок в Иран они пользовались неизменным гостеприимством иранских коллег и властей и получили возможность изучить на месте важнейшие памятники древней культуры. Авторы выражают глубокую благодарность всем, кто щедро делился с ними своими знаниями и способствовал написанию настоящей книги.

Разделы «Археология Ирана „железного века“», «Мидийская культура» и «Ахеменидское искусство» написаны В. Г. Лукониным, материалы которого использованы также в разделах «Пасаргады» и «Персеполь». Им же подобраны все иллюстрации. Остальные разделы написаны М. А. Дандамаевым. Э. А. Грантовский и В. А. Лившиц сделали по рукописи книги ценные замечания, которые позволили избежать ряда ошибок.

В древней истории Ирана ахеменидский период наиболее широко документирован самыми разнообразными письменными источниками. Это царские надписи, исторические хроники, законодательные распоряжения, указы царей и распоряжения сатрапов, письма к областеначальникам с жалобами подданных, официальная переписка высокопоставленных персидских чиновников, письма частных лиц, инструкции о методах управления имениями, сбора податей и обращения с рабами, квитанции об уплате податей, документы о выполнении военной повинности, протоколы судебных процессов, брачные контракты, арендные договоры, долговые расписки, религиозные и научные трактаты, повествовательная литература и т. д. Эти тексты, составленные на различных языках, дают возможность изучить исторические события, экономическую и социальную историю, культуру, повседневную жизнь, быт и обычаи народов Персидской державы. Ежегодно в научный оборот поступает значительное количество новых находок, и поэтому изучение древней истории Ирана остается одним из самых динамичных направлений исторического исследования.

Остановимся на характеристике основных групп источников.

Ахеменидские надписи

Почти все ахеменидские клинописные надписи составлены на древнеперсидском, эламском и аккадском языках. Кроме ценных исторических сведений они дают также возможность сопоставления социальной лексики в различных языках. К настоящему времени издано около 200 надписей [346; 424]. Они были обнаружены на важнейших торговых путях, на царских гробницах, стенах и колоннах дворцов или вырезаны на металлической посуде, оружии, каменных вазах и печатях. Некоторые надписи найдены в фундаментах дворцов, куда они были положены самими строителями в качестве закладных пластинок.

Большинство древнеперсидских надписей находится на территории Персии, Элама и Мидии. Самая значительная из них — наскальная Бехистунская надпись, рассказывающая о событиях конца правления Камбиза и первых годах царствования Дария I. Она расположена в 30 км к востоку от города Керманшах у древнего караванного пути, пролежавшего между Вавилоном и Экбатанами и продолжавшегося до бактрийско-индийской границы.

Надпись высечена в искусственном углублении на отвесной скале на высоте около 105 м.

Общая высота надписи равна 7,80 м, ширина — 22 м. В центре помещены пять столбцов древнеперсидского варианта, первые четыре из которых занимают площадь менее 2 м в ширину и около 4 м в высоту. Всего в древнеперсидском тексте насчитывается 515 строк. Над персидским текстом находится рельефная сцена средней высотой 3 м и шириной 5,48 м, изображающая триумф Дария над «самозванными» царями.

Справа от рельефа находятся четыре сильно разрушенных столбца первоначального эламского варианта надписи, который частично был стерт самими составителями надписи, чтобы расширить рельеф. Каждый из этих столбцов имеет высоту 2,10 м и ширину около 1,5 м. В этом эламском тексте насчитывается 323 строки. Слева от персидского варианта находятся три столбца более позднего текста, являющегося точной копией первоначального эламского варианта и соответствующего первым четырем столбцам персидского текста. Всего эламских строк в обоих вариантах — 650 [189]. Слева от рельефа расположен аккадский вариант, помещенный на обеих сторонах нависшей скалы одним столбцом, шириной от 3,23 до 4,36 м и высотой от 3,16 до 3,37 м, он содержит 141 длинную строку. Кроме того, имеется также еще 11 маленьких надписей, которые обычно помещены близ фигур, ярлыками к изображениям которых они служат [подробное описание рельефа и историю сооружения памятника, а также обстоятельную библиографию до 1963 г. см.: 26, с. 13 и сл. Экспедиция Западногерманского археологического института в Тегеране зимой 1963-64 г. детально исследовала и сфотографировала рельефы с помоста, сооруженного непосредственно у надписи. Результаты этих исследований см.: 479 и 685].

Другие значительные надписи Дария I расположены в Накш-и Рустаме в нескольких километрах к северу от Персеполя. У входа к могилам ахеменидских царей, вырубленным в скале, находятся две клинописные надписи Дария I на древнеперсидском, эламском и аккадском языках, одна (а) из которых содержит царскую генеалогию и перечень подвластных персам стран, а другая (б) излагает этические и правовые принципы, которыми руководствовался Дарий. Там же находится рельеф с изображением Дария I. Сохранилась также надпись Ксеркса, почти дословно повторяющая Накширустамскую надпись b Дария во всех трех вариантах [381, с. 45 и сл.].

Из остальных трехязычных надписей Ахеменидов, обнаруженных на территории Ирана, большое значение имеют надписи Дария I и Ксеркса из Персеполя и Суз. Отметим лишь важнейшие из них. В Персеполе раскопаны золотая и серебряная закладные пластинки с надписями Дария. Надпись Дария о сооружении дворца в Сузах найдена во многих (большей частью разбитых) экземплярах. Одни из них написаны на мраморе, дру-

гие — на глиняных табличках и кирпичах. Некоторые экземпляры были выставлены в различных местах царского дворца, а другие положены в его фундамент. В 1970 г. французские археологи обнаружили новую, прекрасно сохранившуюся надпись Дария I о сооружении другого дворца в Сузах [694]. Еще более интересную находку сделали французские археологи в конце 1972 г. Они нашли в Сузах почти трехметровую статую Дария I (голова не сохранилась) с древнеперсидским, эламским, аккадским и особенно обстоятельным египетским иероглифическим текстом [425; 699; об отдельных эпиграфических находках в Сузах см. также: 696; 697; 645; 102].

В Персеполе и Пасаргадах найдены экземпляры надписи Ксеркса на камне, рассказывающей о борьбе с запрещенными им культами некоторых богов (Антидэвовская надпись.)

Сохранилось также небольшое количество надписей поздних Ахеменидов, но лишь немногие из них имеют существенную ценность для истории. Кроме того, в Иране обнаружено более десяти золотых и серебряных сосудов с древнеперсидской клинописью или обычными трилинговмами [538, с. 126].

Ряд ахеменидских надписей найден в Мидии и других странах. Близ Хамадана были обнаружены золотая и серебряная пластинки с клинописными трилинговмами, которые были положены в основание дворца Дария I в Экбатанах. В Вавилоне в руинах царского дворца раскопана каменная глыба с частью аккадского варианта Бехистунской надписи. Из Вавилона известны также несколько коротких надписей с именами персидских царей, а в Уруке найдена алебастровая ваза с клинописной трилингвой [UVB, т. XVI, с. 60 — публикация ван Дайка].

Из значительных ахеменидских надписей, найденных в Египте, следует назвать три стелы Дария I о сооружении Суэцкого канала, составленные на древнеперсидском, эламском, аккадском и египетском языках. Из Египта известно также некоторое количество коротких ахеменидских надписей: фаянсовая пластинка из Саккары, алебастровая ваза и т. д. [608; 512]. Эти надписи содержат имена и титулы Дария I и Ксеркса. Некоторые из них составлены лишь на древнеперсидском языке, другие являются обычными трилинговмами, а иногда сопровождаются и египетским иероглифическим текстом. В египетском городе Гиерополе найдена алебастровая ваза с четырехязычной надписью, относящейся ко времени Артаксеркса I [321]. Издано также более 60 каменных vaz с именами и титулами Ахеменидов. На вазах, датированных временем Дария I (они сохранились в фрагментарном виде), имеются только египетские иероглифические тексты, а вазы Ксеркса и Артаксеркса I содержат также клинописные трилингвы. Большинство этих vaz происходит из Суз, но они были изготовлены в Египте и затем доставлены в Иран [575, с. 189—190]. Одна из таких vaz с квадралингвой Артаксеркса I найдена в 1971 г. в Орске, близ Оренбурга [81].

На территории Египта обнаружено также несколько текстов, составленных персидской клинописью и содержащих имена персидских вельмож (например, ваза с именем Ариарши, сына Аршамы) [512, с. 96—97; ср. 487, с. 86—87].

В 1952—1955 гг. во время раскопок турецких археологов в Даскилее, столице персидской сатрапии в Малой Азии (современное Эргили), было найдено около 300 булл ахеменидского времени, 41 из которых имеет оттиски печатей с клинописными и арамейскими надписями. Одна булла сохранила в фрагментарном виде греческую надпись, а 30 печатей имеют древнеперсидский текст по две строки, но ни одна из этих надписей не уцелела полностью. Эти буллы относятся ко времени Ксеркса, как видно из самих текстов [128].

Наконец, сохранилось также немало печатей ахеменидских царей с древнеперсидскими надписями. В частности, в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве содержится прекрасный халцедоновый цилиндр — печать с изображением и надписью Артаксеркса II [100]. Большое количество ахеменидских печатей с надписями известно по сохранившимся оттискам на эламских документах из Персеполя.

Авеста

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на обширной авестийской литературе, составляющей свод священных книг зороастрийской религии. Ограничимся лишь краткими сведениями о тех частях Авесты, которые существовали или возникли в ахеменидское время и оказали определенное влияние на идеологию населения древнего Ирана.

Авеста складывалась постепенно, в течение длительного времени. В сасанидское время Авеста состояла из 21 книги, излагающей мифологические и религиозные представления иранцев. Но эти тексты дошли до нас далеко не полностью. В окончательном виде Авеста была собрана, канонизирована и зафиксирована пехлевийским письмом зороастрийскими жрецами при сасанидских царях, не ранее V в. н. э., но до нашего времени сохранилась лишь в гораздо более поздних рукописях, восходящих к XIII—XIV вв.

В сохранившуюся часть Авесты входят Ясна, Вендидад (иначе Видевдад), Яшты и Висперед. Особую часть Ясны составляют 17 стихотворных гимнов (Гаты), написанных на архаическом диалекте. Гаты являются проповедями самого Заратустры и относятся к первой половине I тысячелетия до н. э. Известный иранист Х. Бартоломе назвал Гаты труднейшей частью индоевропейской филологии, и ученые в толковании и переводе их весьма существенно расходятся между собою (ср., например, недавние переводы Хумбаха, Хинца, Дюшен-Гиймена и Инслера) [398; 377; 239; 401].

Яшты — молитвенные гимны, которые, как Гаты и некоторые другие части Авесты, в течение долгого времени заучивались наизусть и передавались устно из поколения в поколение. В них сохранились древнейшие (дозороастрийские) легенды и верования иранских племен, восходящие к II тысячелетию до н. э., переложения и отголоски древнеиранских эпических песен. Вендидад в своей основной части относится к более позднему времени и содержит главным образом предписания ритуального характера, а Висперед по содержанию и форме примыкает к Ясне.

В Авесте упоминаются Согдиана, Маргиана, Бактрия и другие среднеазиатские или восточноиранские области, но там ничего не говорится о Персии и мидийских или ахеменидских царях. Начиная с XVIII в. ученые многократно стремились отождествить легендарных героев, упоминаемых в Авесте, с историческими мидийскими и ахеменидскими царями, и хотя эти попытки до сих пор не оставлены, их нельзя признать хоть сколько-нибудь убедительными.

В «Шахнаме» Фирдоуси руины Персеполя называются «Троном Джемшида» по имени мифического царя золотого века. Ахемениды в «Шахнаме» представлены двумя-тремя правителями, которые отнесены к династии Кейянидов во главе с ее родоначальником Кей-Кобадом. Вероятно, это была одна из среднеазиатских или восточноиранских династий. Кейянида Виштаспу часто (но бездоказательно) отождествляют с Виштаспой, отцом Дария I. В «Шахнаме» упоминаются также два Кейянида с именем Дария (Дараб, Дара). Их некоторые ученые не без оснований отождествляют с Дарием II и III [414, с. 78 и 395]. В персидской традиции, по-видимому, сохранились определенные сведения об Ахеменидах. Об этом прежде всего свидетельствует воспроизведение древнеперсидских форм некоторых имен у арабских и персидских авторов IX—X вв. (например, Dāraūš у Табари) [указано В. А. Лившицем; ср. 734, с. 517 и сл.]. Примечательно также, что в надписи Шапура I на Кабе Зороастра некоторые части «по структуре и даже фразеологии близки к ахеменидским надписям, что наводит на мысль либо о парфянском посредстве, либо о какой-то иной цепи передачи» (сообщение В. А. Лившица).

В настоящее время почти все исследователи согласны, что родина Авесты находилась в Средней Азии или в Восточном Иране, однако расходятся в своих мнениях относительно более точной локализации ее.

Эламские документы

Сузский архив. Во время раскопок французский археологической миссии на акрополе в Сузах был найден архив эламских хозяйственных документов (более 300 табличек). Тексты не содержат дат, но исходя из содержания их можно отнести

к раннеахеменидскому времени (может быть, ко времени царствования Кира II). Однако не исключено, что эти документы следует датировать последними годами Эламского царства (между 650—630 гг.) или временем захвата Суз вавилонянами (600—560 гг.), но в любом случае они дают ценные сведения об иранцах, которые в них упоминаются довольно часто. Одна из табличек (MDP XI, № 308) по формуляру, методу датировки и оттиску печати определенно относится к ахеменидскому времени, а именно к 22-му году царствования Дария I или Артаксеркса I. К сожалению, сейчас, по-видимому, невозможно установить, была ли эта табличка найдена вместе со всеми остальными (в таком случае весь архив можно было бы довольно уверенно отнести к ахеменидскому времени) или отдельно от них. [Документы изданы В. Шейлем в MDP IX, № 1—298 и MDP XI, № 299—309; ср. русский перевод и исследование Ю. Б. Юсифова: 105; о датировке см. у Дж. Камерона: РТТ, с. 24, примеч. 2 и у Юсифова 103, с. 18 и сл.; 105, № 2, с. 192. Последний полагает, что тексты 1—298 относятся ко второй четверти VI в., а 301—307, вероятно, ко второй половине VII в.]. В 1950 г. Р. Гиршман раскопал в Сузах три эламских хозяйственных текста, которые, по-видимому, относятся к тому же времени, что и остальной архив сузских табличек [см. предварительную публикацию Г. Пейпера в MAI, XXXVI, с. 79—82].

Персепольский архив. В 1933—1934 гг. археологическая экспедиция Восточного института Чикагского университета под руководством Э. Херцфельда раскопала в крепостной стене, в северо-западном углу Персепольской террасы большое число клинописных текстов на эламском языке. Они получили условное название «таблички крепостной стены».

Из этих текстов в 1969 г. Р. Халлок издал 2087 [PF; см. также Hallock, где опубликовано еще несколько документов]. Неизданными остаются несколько тысяч текстов. Первоначально было объявлено, что находка насчитывает около 30 000 табличек [366, с. 231], но годных для издания текстов, включая сюда и уже опубликованные, по-видимому, не более 8000 единиц. Некоторые из них пока не поддаются чтению и переводу.

Документы крепостной стены датируются 509—494 гг., т. е. с 13-го по 28-й год царствования Дария I. Они охватывают значительную территорию Персиды и Элама (при этом некоторые тексты составлены в Сузах), хотя все они и найдены в Персеполе. Таблички можно разделить на две большие группы: документы, которые фиксируют крупные операции по перевозке различных продуктов с одного места на другое в соответствии с хозяйственными потребностями и для создания государственных запасов, и ведомости о распределении продуктов работникам царского хозяйства и чиновникам.

Среди этих текстов встречаются документы различной величины, начиная с ярлыков, содержащих всего одну или несколько

строк, до сводных ведомостей о расходе продуктов, имеющих 80—90 и более строк. Эти сводные ведомости фиксируют расходы тех или иных продуктов на определенном месте по определенному ведомству в течение одного или нескольких лет, повторяя содержание отдельных расписок о выдаче продуктов для конкретных целей.

Тексты рассказывают о транспортировке продуктов и скота, о взимании налогов, выдаче рационов для работников и выплате жалованья государственным чиновникам и т. д. Среди них документы о сдаче шкур домашних животных на склад, отчеты о расходе продуктов (зерна, муки, растительного масла, вина, пива, фиников и фруктов) с указанием всех расходных статей. Большинство текстов фиксирует выдачу ячменя, муки, вина и пива.

Среди табличек крепостной стены сохранилась также служебная переписка высокопоставленных царских чиновников. Пока издано 78 таких писем.

Тексты крепостной стены по содержанию и формулярам имеют много общего с так называемыми документами сокровищницы, которые были раскопаны в 1936—1938 гг. в юго-западном углу Персепольской террасы, в одном из помещений сокровищницы. Всего было найдено 753 целые таблички и фрагменты, которые составляют приблизительно 200 документов. Из них пока опубликовано Камероном около 140 текстов [РТТ; РТОН; НРТТ]. Большую часть фрагментов, по-видимому, невозможно издать из-за отсутствия в них значительного связного текста.

Документы сокровищницы датируются 492—458 гг. (от 30-го года Дария I до 7-го года Артаксеркса I) и фиксируют выдачу серебра и натуральных продуктов, главным образом для работников царского хозяйства (*kurtaš*) в Персеполе и его окрестностях. Эти тексты, по существу, являются расчетными документами между дворцовой сокровищницей и дворцовыми складами, откуда отпускались продукты. По формулярам документы делятся на письма и «памятные записки». В письмах от разных чиновников, адресованных заведующему сокровищницей в Персеполе, указывается, что определенная сумма должна быть оплачена лицам, которые выполняют такую-то работу. В памятных записках фиксируется выполненная работа, время ее начала и завершения, ответственное лицо и сумма оплаты работникам по различным категориям в зависимости от их квалификации.

Некоторые тексты сокровищницы и крепостной стены содержат личные распоряжения царя.

К документам приложены печати, большинство которых цилиндрические, некоторые — штемпельные. На табличках сокровищницы сохранилось 199 печатей (глиняных булл с надписями), из которых Камерон издал 114 [РТТ]. В текстах крепостной стены гораздо больше печатей, но пока они еще не изданы. Более ста печатей этой серии содержат надписи клинописью или, го-

раздо реже, арамейским письмом. Попутно можно отметить, что в одном тексте крепостной стены (№ 1853) встречается печать чиновника по имени Ашпазана (передача иранского Аспачана), которая имеется и в четырех табличках сокровищницы.

Эламские таблички из Персеполя по своей внешней форме представляют особую группу клинописных текстов на глине. В отличие от синхронных вавилонских табличек правый край у них округлен, а левому краю придана плоская форма, чтобы поместить там оттиск печати [277, с. 504]. Кроме того, в отличие от вавилонских персепольские документы почти без исключения были привязаны к их арамейским дубликатам, о чем свидетельствуют дырки и остатки шнуров на углу плоской стороны табличек. Размер большинства табличек — 6 см в длину и 3 см в ширину.

Значение персепольских документов исключительно велико. Во-первых, мы до сих пор при всем многообразии источников не располагали государственными архивами ахеменидского времени, а только архивами частновладельческих и храмовых хозяйств. Во-вторых, до недавнего времени хозяйственные тексты ахеменидского времени с территории собственно Ирана вообще не были известны науке. Персепольские документы содержат весьма богатые данные о царском хозяйстве в Иране. Они являются также очень важным источником для изучения древнеиранской лексики, так как в них содержится много древнеперсидских слов, заимствованных эламским, и около 2000 иранских собственных имен, которые отражают идеологию общества, многие стороны быта и культуры, социальные отношения.

Аккадские тексты

Ценные сведения об иранских племенах на границах Передней Азии дают ассирийские надписи IX—VII вв., сообщающие о походах ассирийского войска в ту или иную иранскую область [переводы: 476]. Например, в одном из таких текстов упоминается правитель Парсумаша (Персии) Кир I. Некоторые из надписей являются реляциями верховному богу Ассирии Ашшур у с описанием какого-либо одного похода, основанным на погодных записях. Среди таких текстов особый интерес представляет реляция о походе Саргона II против Урарту и соседних с ним областей в 714 г. [Thureau-Dangin]. Основные итоги некоторых походов в иранские области содержатся и в ассирийских погодных записях с изложением важных исторических событий, а также в обзорных надписях, дающих общую сводку походов того или иного царя в географическом порядке, и, наконец, в торжественных надписях с кратким описанием событий. Две стелы о походах ассирийских царей найдены и на территории Мидии [Levine; DAFI, 3, 1973, с. 105 и сл.].

Все эти тексты, естественно, тенденциозны, они восхваляют победы ассирийского войска, замалчивая его поражения. Но со-

хранилось также некоторое количество донесений ассирийских лазутчиков и сообщений наместников пограничных областей, адресованных ассирийскому царю, распоряжения царей и дипломатическая переписка VIII—VII вв. [Waterman]. Заслуживают полного доверия и запросы ассирийских царей к оракулам богов по поводу тревожных для Ассирии событий, происходивших в пограничных областях (например, запросы Асархаддона и Ашшурбанапала во второй четверти VII в.). Сохранились и тексты договоров ассирийского царя Асархаддона, заключенных в 672 г. с мидийскими вождями [Wiseman; более подробный обзор ассирийских источников см. 35, с. 12—14].

С территории Мидии имеется надпись на аккадском языке, составленная по распоряжению одного из местных царьков [371, с. 239].

Начиная с VIII в. в Вавилонии по погодным записям составляли более или менее подробные хроники с изложением важнейших исторических событий. Из этих текстов, в ряде случаев дающих ценные сведения о политической истории Ирана, пока обнаружены и изданы хроники от 745—668, 626—623, 616—595 и 556—538 гг. [ВНТ; ССК; Grayson]. В этих хрониках, в частности, рассказывается о крушении Ассирийской державы под ударами мидийских и вавилонских армий (так называемая Хроника Гэдда за 616—609 гг.), а также о захвате Месопотамии персами (Хроника Набонида-Кира за 556—538 гг., составленная при Кире II, поскольку она написана во враждебном по отношению к Набониду духе).

К последней из упомянутых хроник примыкает ряд текстов, сочиненных вавилонскими жрецами после захвата Месопотамии персами. Это прежде всего не полностью сохранившийся отчет о правлении последнего вавилонского царя Набонида, составленный в стихотворной форме [ВНТ, с. 27—97]. В тексте, в частности, рассказывается о событиях, которые привели к захвату страны персами и о деяниях Кира II, когда он вступил в Вавилон. Большой интерес представляет цилиндр Кира, повествующий о политике этого царя по отношению к покоренному населению Месопотамии [последний раз издан В. Эйлерсом, 269, с. 161—166]. Одна надпись Кира на аккадском языке сохранилась также из Ура [УЕТ I, № 194]. Однако все эти тексты, порицающие Набонида и написанные в угоду Киру, требуют критического отношения. В вавилонском тексте, часть которого отбита, подробно говорится о справедливом правлении какого-то царя, имя которого разрушено. Издатель текста У. Г. Ламберт [Lambert] полагал, что этим царем был Навуходоносор II, но, по всей вероятности, в тексте имеется в виду Набонид [643, с. 283]. Некоторые надписи Набонида дают ценные сведения о событиях в Иране во время восстания персов против мидийского господства [NKI; подробная библиография; 144, с. 343 и сл.; анализ и попытка датировки: 663].

В Вавилоне раскопано и несколько фрагментарно сохранившихся стереотипных надписей (обычно трилингвы) поздних ахеменидских царей [718, с. 48—49 — публикация Ф. Х. Вейсбаха].

Сохранилось также более 4000 частноправовых и административно-хозяйственных вавилонских документов ахеменидского времени. Основная часть (около 3000) их относится ко времени правления Кира II, Камбиза и Дария I. Они составлены на поздневавилонском диалекте аккадского языка и написаны большей частью на необожженных глиняных табличках [подробная библиография: 32, с. 9—12]. Кроме того, много тысяч вавилонских документов ахеменидского времени, хранящихся в музеях и частных коллекциях, еще не издано.

К ахеменидскому времени относятся также более 400 писем из храмовых и частных архивов Вавилонии. Они написаны на продолговатых маленьких табличках из глины мелким убористым почерком. Некоторые из них обожжены, а большинство высушено на солнце. Адресату они посылались в глиняных запечатанных конвертах, что обеспечивало тайну переписки и сохраняло текст от повреждений. Большинство писем носит характер административно-хозяйственной переписки. Основная масса писем происходит из архивов храма Эанна в Уруке и Эаббарра в Сиппаре. Имеются также письма из архивов частных лиц (деловая, семейная переписка и т. д.).

Большая часть вавилонских документов происходит из крупных городов (Вавилон, Сиппар, Ур, Урук, Ниппур и т. д.). Если не считать единичных текстов — для Вавилонии мы пока не располагаем государственными (царскими) архивами ахеменидского времени, — почти все упомянутые выше документы принадлежат храмовым и частным архивам. Среди храмовых особенно следует отметить архивы храмов Эанна в Уруке и Эаббарра в Сиппаре.

Из частных архивов наиболее богато представлены архивы деловых домов Эгиби и Мурашу. Большинство документов архива Эгиби составлены в Вавилоне и его предместьях. Этот архив, к сожалению, разбросан по самым различным музеям и изданиям.

Архив дома Мурашу был полностью найден в одной комнате, и поэтому он издан более компактно. Всего найдено 730 табличек, большая часть которых сохранилась прекрасно. До настоящего времени изданы 502 таблички [основные публикации: BE IX, BE X, UM]. Написаны они несколькими десятками писцов на очень чистой и мягкой глине. Таблички были составлены в Ниппуре и его окрестностях, но упоминают более 200 населенных пунктов. Почти все тексты датированы годами царствования Артаксеркса I и Дария II (между 455—403 гг.).

Небольшое количество вавилонских документов происходит не из самой Вавилонии, а из других стран. Это отчасти объясняется тем, что вавилоняне ездили в соседние страны по торговым делам и заключали там различные контракты (например, члены

домов Эгиби и Мурашу или их агенты ездили в Экбатаны и Сузы, откуда мы имеем несколько заключенных ими контрактов). В других случаях составление документов на аккадском языке за пределами Вавилонии легко объясняется тем, что в этих странах в ахеменидское время жило значительное число вавилонян.

Среди табличек сокровищницы в Персеполе сохранился один пространный текст, написанный на аккадском языке и фиксирующий уплату государственных податей в 502 г. [РТТ № 85]. Камерон полагает, что этот документ был составлен не в самом Персеполе, а, скорее всего, в каком-либо вавилонском городе, а затем доставлен в Иран [РТТ, с. 202], но это может быть и не так, поскольку в тексте налогоплательщиками выступают мидийцы, а не вавилоняне [ср. 735, с. 70]. В Персеполе среди документов крепостной стены сохранилась также табличка на нововавилонском диалекте, которая пока еще не поддается чтению. В Нейрабе (в 5 км от Алеппо в Сирии) найдены документы на аккадском языке, которые датируются временем от Набонида до Камбиза и Навуходоносора IV [Nerab].

Здесь невозможно остановиться на обширной вавилонской астрономической, математической, географической, медицинской и лингвистической литературе, часть которой возникла в ахеменидское время.

Арамейские тексты

Об исключительной распространенности арамейского языка в Персидской державе свидетельствуют многочисленные папирусы, кожаные свитки, надписи на камнях, монетах, гирях, печатях и на глине, найденные в самых различных местах, начиная с острова Элефантина в Египте и до границ Индии. Начнем обзор основных групп этих текстов с территории Ирана.

В течение долгого времени ученые были убеждены, что арамейская надпись из Накш-и Рустама, найденная Херцфельдом в 1923 г., относится ко времени Дария I или Артаксеркса I [издание: 368, с. 4, 12]. Но позднее В. Б. Хеннинг исследовал надпись на месте и прочитал в ней имя Селевка. По его мнению, чтение это является бесспорным и надпись относится к первой половине III в. до н. э. [357, с. 24].

В Иране найдено также значительное количество ваз VIII—V вв. с арамейскими надписями [538, с. 126 и сл.].

В 1936—1938 гг. в Персеполе была раскопана разбитая каменная посуда (блюда, подносы и ступки). На 203 из этих кусков имеются надписи чернилами арамейским письмом и на арамейском языке [627, т. I, с. 53—56; РТТ, с. 6]. Они изданы Боуманом [Bowman].

Среди текстов крепостной стены в Персеполе имеется некоторое количество глиняных табличек на арамейском языке (они пока не изданы). Кроме того, на 44 табличках эламский текст

сопровождается приписками, сделанными чернилами арамейским письмом и на арамейском языке. Эти приписки содержат краткие резюме эламского текста. Часть таких арамейских глосс в чтении Боумана приведена Халлоком в его издании табличек крепостной стены [PF].

Подобные же приписки арамейским письмом и на арамейском языке появляются в вавилонских клинописных документах начиная с VII в. до н. э. Эти приписки, которые наносились на глину черной жидкостью или были нацарапаны твердым предметом на свежей глине, дают краткое содержание клинописных текстов, чтение которых, по-видимому, требовало гораздо больше времени. Таких приписок особенно много в документах V в., например в текстах архива Мурашу в Ниппуре [большая часть таких приписок собрана и исследована А. Т. Клейем, М. Лидзбарским и Л. Деллапортом: 207; 470, т. II, с. 203 и сл.; т. III с. 12 и сл.; 228].

В 1895 г. Я. И. Смирнов обнаружил в Турции, на территории древней Каппадокии, в местности Аребсун, два каменных рельефа с надписями арамейским письмом. Большинство ученых считают, что обе надписи составлены на арамейском языке, и относят их к ахеменидскому времени [82; 610, с. 201]. М. Н. Боголюбов полагает, что одна из этих надписей начертана на древнеперсидском языке [14]. В Малой Азии, в древней Даскилее, обнаружено несколько арамейских стел ахеменидского времени [IAD]. Отметим попутно, что из Малой Азии известны надписи ахеменидского времени на лидийском языке, часть которых сопровождается параллельным арамейским текстом. Одна из этих надписей датирована по царствованию Артаксеркса (неясно, I или II) [издание: Sardis, VI]. Имеются также лидийско-арамейские и лидийско-греческие билингвы. Монеты, чеканенные в Малой Азии и Финикии персидскими сатрапами, правителями областей и т. д., содержат арамейские легенды [211, с. 343—347].

Месопотамские писцы кроме обычной для них клинописи на глиняных табличках писали также, хотя и гораздо реже, на глине арамейским письмом и на арамейском языке, а в редких случаях клинописью на арамейском языке [TCL VI, № 58; ср. 591, с. 34; 328, с. 105 и сл.; 455, с. 247 и сл.]. Согласно имеющимся литературным упоминаниям, для записи документов хозяйственной отчетности пользовались и восковыми дощечками [601].

Но основным материалом для арамейского письма в Месопотамии, как и в других странах, служили кожа и папирус (еще на рельефах новоассирийского времени изображены писцы, которые держат в руках кожаный свиток или папирус). По-видимому, в ахеменидское время значительную часть частныхправовых и хозяйственных документов писали на арамейском языке на коже; но в Месопотамии такие тексты не могли долго сохраняться и поэтому не дошли до нас.

Документы на коже и папирусе могут сохраниться только в странах с сухим климатом. В 1962—1964 гг. в местности Вадии-

Далиях (в 14 км к северу от древнего Иерихона), на территории бывшей ахеменидской провинции Самария, в одной из пещер, было найдено около 20 арамейских папирусов и несколько сот фрагментов, которые, к сожалению, плохо сохранились. Над их окончательной публикацией работает Ф. М. Кросс, и пока их содержание известно по его предварительным обзорам [213 и 214]. На папирусах обнаружены отиски 28 печатей, многие из которых оказались несломанными. Папирусы содержат тексты частнопроводного и административного характера (брачные контракты, манумиссии рабов, продажа имущества и т. д.) и охватывают период между 375—335 гг., освещая, таким образом, один из темных периодов истории Палестины. Некоторые из этих документов датированы по годам царствования Артаксеркса III.

В Египте найдено около 200 арамейских папирусов ахеменидского времени, большая часть которых прекрасно сохранилась. Некоторые папирусы были известны еще в XIX в. (первый арамейский папирус был привезен в Европу в 1824 г.), а публикация их в значительном количестве началась с 1903 г. Во время раскопок немецких археологов на острове Элефантина в 1907—1908 гг. было обнаружено около 100 папирусов, происходящих из иудейской военной колонии. На некоторых документах сохранились целые буллы (глиняные печати). Большинство этих текстов — брачные контракты, купчие и т. д., но среди них имеются указы ахеменидских царей и другие официальные документы, касающиеся деятельности различных органов персидской власти, а также письма, проливающие свет на отношения военных колонистов с иудейской общиной в Палестине. Часть папирусов датирована и относится ко второй половине V в. Среди этих же текстов были выявлены и арамейские фрагменты Бехистунской надписи, которые составляли более позднюю копию арамейского экземпляра текста надписи, посланной канцелярией Дария I в Египет. На Элефантине был найден также литературный текст — повесть о мудреце Ахикаре, первоначальный сюжет которой возник еще в новоассирийское время [все арамейские папирусы, известные науке до 1923 г., собраны в книге А. Каули AP; там же дана и подробная библиография; см. также 21, с. 173—178; часть этих текстов включена и в сборник арамейских текстов персидского времени, изданный Б. Портеном: 574; 106 арамейских папирусов даны в переводе в книге П. Грело, содержащей также обстоятельное исследование этих текстов: 334].

В 1953 г. Кралинг издал 17 папирусов, которые происходят из той же иудейской среды на Элефантине (их еще в 1893 г. приобрел известный египтолог Вилбур, но об этой находке никто не знал, пока в 1947 г. папирусы не поступили в Бруклинский музей). Почти все они являются частнопроводными документами, которые охватывают время между 451—399 гг. [Kraeling].

В 1954 г. Г. Р. Драйвером опубликована чрезвычайно ценная коллекция 13 писем персидского сатрапа в Египте Аршамы [AD;

в 1957 и 1965 гг. тексты были переизданы с исправлением и дополнением комментария]. Они были приобретены в Египте, но об обстоятельствах и месте их находки ничего не известно. Эти тексты написаны на коже по-арамейски и дают живую картину господства персов в Египте в V в., ибо они содержат инструкции по приобретению рабочей силы, обращению с непослушными рабами, управлению имениями Аршамы и других персидских вельмож, разбросанными по всей стране. Письма отправлены от Аршамы и других высокопоставленных персидских чиновников к управляющим их имениями, вероятно, из Вавилона и Суз. Таким образом, хотя они и написаны в форме частных писем и не затрагивают служебную деятельность Аршамы как сатрапа, но благодаря высокому положению их отправителей являются документами официального (или полуофициального) характера и содержат важную информацию о государственных делах. Письма не датированы, но, исходя из содержания и по различным косвенным данным, Драйвер относит их к 411—408 гг. [AD, с. 8—10], хотя и не исключает, что они могли быть составлены около 454 г. (что нам представляется более вероятным; например, в одном из плохо сохранившихся текстов содержится имя Инара, который, возможно, был известным саисским вождем, поднявшим восстание против персидского господства). На письмах сохранились глиняные печати. Одна печать изображает двух персидских воинов в рукопашной схватке с врагами. Над сценой битвы виден солнечный диск, а также следы арамейской надписи, которая переводится: «печать царевича Аршамы». Как полагает Драйвер, эти письма составляли часть архива одного из чиновников Аршамы, вероятно, Нехтихора, которому и адресовано большинство их.

В 1945 г. египетский археолог Сами Габра¹ нашел в Туна эль-Джебел² (на территории древнего Западного Гермополя) на кладбище мумий ибисов, посвященных египетскому богу Тоту, глиняный сосуд с восемью арамейскими папирусами. Они чужды всему комплексу находок на этом кладбище и были спрятаны там во время каких-то волнений в стране. Эти папирусы оказались частными письмами, отправленными арамейскими военными колонистами в Мемфисе другим семитским колонистам в различных местах Египта (четыре письма адресовано в Сиен, остальные в Офи, т. е. Луксор). В них содержатся семейные новости, пожелания благополучия адресатам и различные указания относительно торговых сделок. Тексты не датированы, но по своим языковым особенностям и реалиям относятся к середине V в. Недалеко от сосуда с этими папирусами был найден паос с картушем, содержащим имя «Интарвиш» (египетская транскрипция имени Дария I). Письма были найдены нераспечатанными, с нетронутыми печатями, ибо они по неизвестным причинам не дошли до адресатов, а застряли по пути на юг в Гермополе. Они имеют большое научное значение, так как свидетельствуют о существовании деловых связей и переписки между семитскими военными

колониями в различных районах Египта. В отличие от элевтинских папирусов, освещающих главным образом религиозные представления иудеев с центром в храме Йахо (Яхве) на Элефантине, гермопольские письма содержат ценные сведения о языческой религии арамеев и других семитских поселенцев, поклонников Набу, Бетел, Малкат-шамин и других божеств. Письма изданы в 1966 г. Брешиани и Камилем [Bresciani e Kamil; там же на с. 361, примеч. 2 приведен список предшествующей библиографии; см. также 288 и 416].

Из остальных публикаций арамейских источников из Египта необходимо упомянуть следующие. В 1931 г. Н. Эме-Жирон издал 112 текстов, среди которых кроме папирусов имеются также острака и граффити [A.-G.]. Все эти тексты были найдены во время раскопок в Саккаре (Мемфис) в 1926 г. Большинство папирусов из этого собрания, по мнению издателя, являются частями «дневника» государственного арсенала по сооружению и ремонту военных кораблей в Мемфисе. В текстах часто встречаются египетские и персидские даты, но ни один царь не упомянут по имени, и поэтому точное время их написания установить трудно. По всей вероятности, они относятся к V в. Эме-Жирон опубликовал также еще несколько папирусов, раскопанных в 1913 и 1917 гг. в Саккаре [Aimé-Giron].

Контракт об аренде земли, датированный 7-м годом царствования Дария I (515 г.), является самым ранним из всех пока известных арамейских папирусов ахеменидского времени [Baueer-Meissner]. Другой арамейский папирус повествует о путешествии одного выходца из финикийского города Сидона, чтобы поклониться египетскому богу Осирису [Teixidor].

Из многих арамейских острака ахеменидского времени, которые с большим трудом поддаются чтению, пока опубликовано лишь небольшое количество. Изданием их занят А. Дюпон-Соммер [250 и 251]. Часть острака написана на финикийском языке. Надписи на финикийском языке известны и из самой Финикии, например надгробная надпись подвластного Ахеменидам царя Сидона и др. [CIS I, № 4 и сл.].

Особое место среди арамейских текстов персидского времени занимает папирус религиозного содержания на арамейском языке, но демотическим письмом [ART].

Демотические тексты

Из ахеменидского Египта известно сравнительно много разнообразных источников, написанных главным образом демотикой (часть деловых документов написана курсивным иератическим письмом). Среди этих текстов в первую очередь надо упомянуть надпись Уджагорресента, крупного сановника при саисских царях Амасисе и Псамметихе III, который позднее был близок к Камбизу и Дарию I [последнее полное издание: 575, с. 1 и сл.].

Большой интерес представляют также декрет Камбиза об ограничении собственности египетских храмов и указ Дария I о кодификации египетских законов, действовавших в стране до завоевания ее персами. Оба текста сохранились в более поздних копиях на оборотной стороне так называемой Демотической хромики, текст которой был записан в III в. до н. э. в Нижнем Египте. Начало и конец Хроники утрачены. В ней содержатся туманные пророчества о грядущем приходе великого фараона из древней местной династии, который спасет Египет от чужеземного засилья. Но этот папирус дает также яркую картину условий жизни в Египте при последних ахеменидских царях. Изложение событий начинается с 404 г. Имена царей XXVIII—XXX династий даны в правильной последовательности и даже более точно, чем у Манефона [DC, с. 3—32].

Ценную информацию об административной и правовой системе Египта в персидское время дают демотические письма, адресованные сатрапу Ферендату [Spiegelberg], и папирус Rylands, который, в частности, содержит жалобу некоего Петеси о незаконном захвате его имущества жрецами [335]. Сохранились и папирусы, рассказывающие о пожертвовании Ахеменидами ценных даров в египетские храмы, надписи частных лиц и восставших против персидского господства местных царей.

Ж. Позенер издал 117 египетских надписей, датированных временем правления Камбиза, Дария I, Ксеркса и Артаксеркса I. Часть из них составлена от имени указанных царей, а другие — различных персидских чиновников. Среди последних 12 надписей принадлежат персидским чиновникам, управлявшим каменоломными работами в Вади-Хаммамат. Там же, а также на каменных блоках в Фаюме, Мемфисе и других местах найдены надписи Дария I. Большинство их — краткие посвяительные тексты с обращением к египетским богам или же надписи на культовых предметах [575].

Известны также египетско-арамейские надписи [например, надпись Ксеркса: Burchardt]. Некоторые тексты сопровождаются и клинописными вариантами. Сохранилось и значительное количество частноправовых документов [основные издания: 335; 477; Erichsen; 483; перечень египетских частноправовых документов саисского и ахеменидского времени: 637, с. 11—29; перечень египетских надписей, датированных по ахеменидским царям: 296, с. 136 и сл.].

Библейские источники

Кроме некоторых частей Книг Эзры и Даниила, составленных на арамейском языке, библейские тексты написаны на древнееврейском и возникли в разные исторические периоды.

Относительно этих источников ахеменидского периода существует огромная литература. Остановимся на основных выводах,

к которым пришла современная библеистика после полемики в течение многих десятилетий.

Книги пророков Наума и Авакума (Хаваккук), живших приблизительно в одно и то же время, описывают грядущее крушение Ассирии. В первой книге говорится об ожидаемой катастрофе Ниневии, а во второй — о падении Ашшур. Возможно, что пророчества в обоих произведениях относятся ко времени, когда Ассирийская держава еще существовала, но участь ее казалась решенной. Но не исключено, что обе книги возникли *post factum*, уже после разгрома Ассирии [литература: 271, с. 558—562, 570].

Книга Исайи по хронологии описанных в ней событий распадается на три части. В отличие от более ранних глав, относящихся к ассирийскому периоду (VIII в.), главы 40—55 описывают события, когда начался закат Вавилонского царства и войско Кира наступало на Месопотамию или готовилось к войне с нею (период около 547—538 гг.). В Книге Исайи в поэтической форме выражается надежда, что Кир разрушит мощь Вавилона и позволит пленным иудеям вернуться на свою родину. В библеистике до сих пор продолжается полемика, была ли Книга Исайи написана двумя (или тремя) различными лицами или же ее составили позднее, переработав отдельные части, возникшие в разное время [подробная литература: 644, с. 1—23; 271, с. 407—466; 528, с. 35 и сл.].

В Книге Иезекииля, жившего в Вавилоне на рубеже VII—VI вв., содержатся важные сведения о политической истории Ближнего Востока указанного времени [271, с. 494 и сл.].

Некоторые части Книги Аггея точно датированы, а именно 2-м годом царствования Дария I, когда этот пророк обращался к проповедям к наместнику Иудеи Зеровавелю, первосвященнику и жителям Иерусалима, побуждая их к восстановлению храма. Книга Аггея дополняется книгой его современника Захарии, выступавшего с такими же проповедями [271, с. 575—595].

Книга Эзры, часть которой составлена на арамейском языке, содержит указ Кира II с разрешением восстановить Иерусалимский храм и переписку иерусалимских властей с персидскими царями относительно того же храма. До 1896 г. часть ученых считала эти документы абсолютно подлинными (главным образом авторы теологического направления), другие же считали эти тексты подделками [566, с. 824]. Например, крупнейший западноевропейский востоковед XIX в. Т. Нёльдеке склонялся в пользу мнения, что указанные тексты не являются подлинными и возникли в эллинистическое время [532, с. 62—64]. В 1896 г. Эдуард Мейер, будучи свободным от теологического подхода и исходя из всей суммы имевшихся тогда свидетельств об ахеменидской Иудее, пришел к выводу, что арамейские части Книги Эзры составлены на канцелярском языке Персидского государства, не искажают исторических событий и являются подлинными официальными документами первостепенной важности [505, с. 65]. Что же касается

декрета Кира в Книге Эзры, составленного на древнееврейском языке, Мейер не считал его подлинным. Однако позднее Э. Бикерман показал, что это достоверный текст [154, с. 72—108]. Постепенно вывод о подлинности арамейских частей Книги Эзры стал господствующим в науке и был поддержан Х. Х. Шедером, по мнению которого указ о восстановлении храма был утвержден персидским царем, но составлен каким-то иудейским писцом, служившим в государственной канцелярии [610, с. 55; 614; там же дан подробный исторический и филологический анализ царских указов в Книгах Эзры и Даниила]. В настоящее время лишь немногие ученые возражают против этой точки зрения. Например, Ч. Торри датирует арамейские части Книги Эзры III—II вв. до н. э., считая их работой какого-то хрониста, который основывался лишь на своем богатом воображении [679; 684, с. 14]. В. Баумгартнер полагает, что арамейский язык в Книге Эзры по своим особенностям моложе языка элефантинских папирусов, и это, по его мнению, не свидетельствует в пользу подлинности документов, приведенных в этом произведении [133, с. 116 и сл.; подробная литература: 594, с. 63—68].

Книга Неемии по содержанию примыкает к Книге Эзры и рассказывает об истории иудеев в персидский период (главным образом о восстановлении Иерусалимского храма).

Ни одно из библейских произведений не вызвало появления такой обширной литературы, как Книга Даниила [библиография: 594, с. XIII—XXXIV]. Это исторический роман о событиях второй половины VI в. до н. э. (главным образом о падении Вавилонского царства в 539 г.). Но само произведение возникло в 167—163 гг. во время жестоких преследований Антиохом Эпифаном местного населения Иудеи [274, с. 571 и сл.; 151, с. 127]. Сам Даниил известен из более ранних рассказов, и ему приписывались пророчества о грядущей гибели Вавилона. Эти пророчества звучали актуально и в 60-х годах II в. до н. э. и содержали намеки, что Антиоха Эпифана ждет печальный конец, ибо исполнение пророчества в прошлом считалось гарантией того, что они сбудутся и в будущем. Из Книги Даниила видно, что более поздняя иудейская традиция об ахеменидском периоде была ненадежна и недостоверна: всему мидийско-ахеменидскому периоду отводится 52 года вместо 206 лет. В последовательности царей допускается большая путаница. Например, по этой традиции Дарий был мидийцем, сыном Ксеркса, и получил престол в возрасте 62 лет, а затем ему наследовал Кир.

Книга Эсфирь также является историческим романом, насыщенным сказочными мотивами. В ней рассказывается о судьбе иудейской диаспоры при Ксерксе (некоторые полагают, что в книге имеется в виду не Ксеркс, а Артаксеркс II, но это вряд ли верно; ср. [489, с. 164—165]). Действие романа происходит в Сузах. Автор хорошо знаком с топографией этого города и оперирует именами персидскими (Мемукан), эламскими (Хаман) и вави-

лонскими (Мардохай). Жена Ксеркса (Ахашверш, др.-перс. Хшайриша) отказалась появиться на приеме, который давал ее муж, и поэтому была лишена своего положения царской супруги, и ее место заняла Эсфирь, племянница Мардохая. Последний, согласно произведению, был уведен в вавилонский плен еще Навуходоносором (в таком случае ему при Ксерксе было бы более ста лет). Хотя роман этот возник во II в. до н. э. и в нем мало исторического материала, в некоторых его частях была использована достоверная традиция. Реалии быта царского дворца и делопроизводства, описание персидских обычаев, содержащееся в произведении, подтверждаются и независимыми источниками [151, с. 169—240; 271, с. 684—694; 119, с. 212].

Об ахеменидской административной системе некоторые сведения дают также библейские Хроники, Книга Руфь и т. д.

Античные источники

Несмотря на постоянный приток новых текстов по ахеменидскому периоду, произведения греческих авторов остаются основными нашими нарративными источниками, и многие важные исторические события (например, греко-персидские войны) и почти вся дипломатическая и политическая история V—IV вв. известны лишь из этих источников. По существу, первая история Персидской державы была написана не самими персами, а греками. Но греческие авторы, как правило, были враждебны персам, покорившим греческие города Малой Азии и пытавшимся завоевать материковую Грецию, и поэтому, естественно, не всегда были объективны к своим противникам. Произведения греческих авторов оказали большое влияние на современную нам науку о древности (даже имена персидских царей и названия городов во всех европейских языках употребляются в греческой транскрипции), и многие книги по истории Ирана по традиции до сих пор пишутся с филэллинской точки зрения.

Первыми греками, которые писали о Персии, были ионийские логографы VI—V вв. Для их прозы характерны сжатость, однообразие, сухая констатация фактов относительно географии, этнографии и истории народов Персидской державы [33, с. 10—11]. Начнем обзор этих источников с Гекатея Милетского, жившего между 560—460 гг. Он был жителем города Милета в Малой Азии и подданным персидского царя. Как полагают, он совершил путешествие по странам Ахеменидской державы и после возвращения в Милет в конце VI в. составил географический перечень областей и народов, которые были покорены персами, а также исторический и географический комментарий к этому перечню. Сочинение это называлось «Обозрение земли» и состояло из рассказов об образе жизни, обычаях, религиях и т. д. различных народов. Гекатею приписывается также история Египта, Лидии и Скифии. Впрочем, сохранившиеся фрагменты

не свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком с персидской историей. По мнению многих ученых, к Гекатею восходит список сатрапий, сохранившийся у Геродота. Во всяком случае, Геродот четыре раза упоминает Гекатея, и исследователи обнаружили дословные совпадения в труде Геродота с несколькими фрагментами Гекатея, а также в некоторых случаях и близость стиля (оба автора писали на ионийском диалекте). Однако трудно с уверенностью судить, как широко использовал Геродот работы своего предшественника.

Персидской историей занимались также Харон из Лампсака (греческий город на берегу Геллеспонта, находившийся под властью персов) и Гелланик из Митилены, труды которых (судя по немногим сохранившимся фрагментам) были краткой хроникой событий. Харон пытался сочетать занимательность рассказа с серьезным подходом к истории. Его произведения содержали также первое описание греко-персидских войн, которое позднее было полностью вытеснено трудом Геродота. В науке до сих пор продолжается полемика по вопросу, пользовался ли Геродот произведениями Харона или был независим от него, однако материал слишком скуден, чтобы судить об этом. Некоторые произведения Харона существовали еще в римское время, их читали и на них ссылались Плутарх, Афиней, Страбон, Павсаний и другие авторы. Некоторые сообщения из Харона сохранились также у Диона через посредство Юстина.

Более обстоятельная история Персии была составлена Дионисием Милетским, жившим в первой половине V в. до н.э., когда история Ахеменидской державы стала неразрывно связанной с греческой историей. В труде Дионисия излагалась персидская история начиная со времени Кира II. По свидетельству Суда, Дионисий написал также сочинение, где содержались подробные сообщения о состоянии Персидского царства после Дария I. Позднее это произведение было использовано Диодором Сицилийским. Греческая традиция считала, что все логографы были старше Геродота, но эту традицию нельзя считать безусловно достоверной. Например, К. Ниландер полагает, что Харон писал после 465 г., т. е. был современником Геродота, а Ф. Якоби относит деятельность Харона ко времени около 400 г., с чем почти никто из исследователей не согласился. Сам Геродот, кроме Гекатея, других логографов вообще не упоминает. [Фрагменты Гекатея, Харона, Гелланика и Дионисия Милетского: FHG I, с. 5 и сл., 67 и сл.; Fg Gr H III A, с. 1—8; III C, с. 412 и сл.; исследования 562, с. 1—108, 139—236; 33, с. 11 и 185, примеч. 3; 53, с. 108—110; 403, стб. 2672; 406, с. 178—206; 538, с. 134—135; 628, с. 124; 577, т. I, с. 174—175.]

«История» Геродота — чрезвычайно важный источник по истории, экономике и этнографии народов Персидской державы. Это, по существу, первая книга по истории, и в то же время ей присущи острая наблюдательность, изумительная художествен-

ная выразительность, очарование формы и стиля, пленявшие читателей всех эпох. Геродот первым стал рассматривать историю не как собрание занимательных рассказов о богах и героях, а как предмет научного исследования. Труд Геродота остался незаконченным из-за смерти автора. Точные даты его жизни неизвестны: родился до 480 г. и умер до 424 г. Детство и юность его прошли в городе Галикарнассе на юго-западном берегу Малой Азии. Этот город был дорийской колонией, находившейся в карийском окружении. Сочинение Геродота написано на ионийском диалекте, который у греков Малой Азии был языком науки и литературы. Да и дорийское население ко времени Геродота в результате постоянных контактов с ионийскими городами уже говорило на ионийском диалекте и слилось с ионийцами.

Геродот принял участие в борьбе против тирана в Галикарнассе Лигдамида и вследствие этого был вынужден бежать на остров Самос. Затем между 477—455 гг. он много путешествовал по странам Ближнего Востока, а позднее долгое время жил в Афинах. Никаких языков, кроме своего родного, он не знал и поэтому во время своих странствований целиком зависел от услуг переводчиков. В передаче чужеземных слов и имен Геродот обычно неточен [628, с. 143]. Он был в Вавилонии и по личным впечатлениям и результатам опроса местных людей дает превосходное и в существенных чертах верное описание города Вавилона и общие сведения об одежде, обычаях, деталях повседневной жизни и хозяйстве населения этой страны. Однако в исторических событиях, непосредственно предшествовавших захвату Вавилонии персами, Геродот ориентируется поразительно плохо, хотя к его времени не прошло и ста лет после смерти Навуходоносора II. Даже имени его Геродот не упоминает. В этой части своего труда Геродот целиком зависел от устной традиции (правда, и устная традиция, вероятно, не могла за такой короткий период предать забвению важнейшие политические события, и, возможно, информаторами греческого историка оказались случайные люди). В Вавилоне Геродот мог бы найти много достоверных клинописных текстов с именами царей и изложением исторических событий. Но в это время, очевидно, мало кто умел их читать, кроме профессиональных писцов. По всей вероятности, Геродот встречался в Вавилоне с греками, жившими там (еще в армии Навуходоносора II были греческие наемники), но эти люди не могли снабдить его надежной исторической информацией [581, с. 92—93; 717, с. 67—68].

В Вавилоне Геродот оставался недолго. Около 458 г. он через Финикию отправился в Египет, где от Дельты вверх по течению Нила добрался до Фив и достиг острова Элефантина на юге страны. Вторая книга труда Геродота посвящена Египту. Это подробный и достоверный рассказ о Египте саисского и персидского времени, его географии, быте, обычаях и религии населения. В этой книге Геродот выступает перед нами как объективный

исследователь, желавший понять чужую культуру, проникательный наблюдатель с критическим подходом, не лишенный, однако, определенной наивности [644, с. 36; 109, с. 254 и сл.].

Центральное место в труде Геродота занимает история греко-персидских войн (последние пять из девяти книг), в которую как предыстория этих войн включена история Лидии, Вавилонии, Египта, Персии и других стран со множеством новелл, интереснейшего этнографического и фольклорного материала. Во второй части труда Геродота отступлений становится гораздо меньше, и стройный рассказ доведен до 478 г.

Геродот писал спустя целое поколение после битвы при Марафоне, но в его распоряжении были хорошие источники: различные греческие надписи, храмовые хроники, произведения более ранних греческих авторов (например, пьеса участника войны Эсхила «Персы», поставленная на афинской сцене в 472 г.) и устные рассказы людей, которые сами воевали и были еще живы, когда создавался труд отца истории.

Труд Геродота — основной и за исключением некоторых деталей вполне достоверный источник по истории греко-персидских войн. Однако необходимо иметь в виду, что у Геродота доминирует аттическая традиция и в угоду афинянам, гостеприимством которых он много лет пользовался и, что еще важнее, политическому строю которых он симпатизировал, некоторые события описываются в искаженном виде. Выступая выразителем афинских политических интересов, Геродот недоброжелательно изображает Спарту и некоторых других участников войн с персами, а Афинам приписывает роль спасителей Эллады. Геродот как крупный историк всегда принимал активное участие в политической жизни и поэтому не мог быть беспристрастным наблюдателем.

В отличие от многих других греческих авторов Геродот относится к персам объективно, без вражды, без пренебрежения и старается изложить и персидскую точку зрения на описанные им события. Здесь Геродот выступает историком исключительной добросовестности. За это позднее Плутарх назвал его «варварофилом» и написал сочинение «О злокозненности Геродота», обвиняя его в дружелюбии к персам.

Геродот подробно рассказывает об административной системе и материальных ресурсах Ахеменидской державы и дает перечень входивших в нее народов с подробными указаниями о податях с каждой сатрапии, приводит детальное описание персидской армии во время похода Ксеркса против Греции, включая оружие каждого отряда и имена полководцев, дает описание царской дороги с указанием количества станций и расстояния между ними. Геродот сообщает также о тайнах дворцовой жизни в Сузах и интригах царедворцев с вызывающими доверие подробностями; он хорошо информирован о быте персов.

Геродот был очень доволен своими источниками о персидских делах, считая их надежными (см. его труд I, 95). Что же

представляли собой эти источники? По общему мнению ученых, источники Геродота были разнообразными. Список сатрапий и податей с них, сведения о царской дороге, перечень контингентов в войске Ксеркса и другие подобные сведения Геродот взял из официальных (или полуофициальных) персидских источников, которые он как подданный персидского царя мог получить на своей родине в Малой Азии (в самой Персии Геродот, очевидно, никогда не был). В остальных случаях Геродот следует устной традиции, прежде всего персидской, рассказам переводчиков, участников тех или иных событий и т. д. Английский исследователь Дж. Уэллс высказал предположение, что основным информатор Геродота был перс Зопир, который около 440 г. бежал в Афины и находился там несколько месяцев как политический изгнанник (об этом факте упоминается и в труде Геродота). Зопир мог располагать хорошей информацией о дворцовой жизни в Сузах и других персидских делах, так как он был внуком Ксеркса и сыном Мегабиза, одного из полководцев Ксеркса в его греческом походе, а дед его был наместником Вавилонии. По мнению Уэллса, Зопир, прибыв в Афины, стремился установить связи с людьми, которые подобно ему самому в прошлом были подданными персидского царя, и в течение нескольких месяцев снабжал Геродота важной для труда последнего информацией. Это предположение представляется вероятным, хотя его трудно доказать. По мнению Т. Нёльдеке, Геродот свои сведения брал прямо или косвенно у потомков мидийца Гарпага, служившего Киру II [533, с. 13]. Среди информаторов Геродота, снабжавших его надежными сведениями, были и греки, которые в течение многих лет жили при дворе ахеменидских царей (такие, как личный врач Дария I Демокед, спартанский царь Демарат и т. д.), или греческие художники, работавшие в царских столицах [о Геродоте в советской исторической литературе имеются превосходные книги А. И. Доватура и С. Я. Лурье: 33 и 53; см. также 404; 17; 715; 584; 717; 134; 644].

С именем Геродота еще в древности связывали имя его недруга Ктесия.

Ктесий был личным врачом Артаксеркса II и жил при его дворе. Однако относительно того, сколько лет он провел в Иране, существуют разные мнения. Согласно Диодору Сицилийскому (II, 32, 4), Ктесий находился вместе с греческими наемниками, которые в 401 г. воевали на стороне Кира Младшего против Артаксеркса II; затем Ктесий был взят в плен и в течение 17 лет служил врачом при персидском дворе и вылечил рану, которую Артаксеркс II получил в битве при Кунаксе. Но при этом известно, что в 398-7 г. Ктесий был послан с дипломатическими поручениями Артаксеркса II к кипрскому царю Эвагору и в Спарту, однако не вернулся обратно в Персию, а направился к себе на родину в город Книд на Карийском побережье Эгейского моря и занялся написанием своего труда. Следовательно, если Ктесий

попал на службу к персидскому царю в 401 г., он мог провести в Иране только несколько лет. В. В. Струве полагал, что Диодор допустил опisku, написав «17 лет» вместо «семи лет» [657, с. 208, примеч. 4]. По мнению же Ф. Якоби, Ктесий сам сознательно преувеличил продолжительность своего пребывания в Персии. В подтверждение своего предположения Якоби ссылается на то, что Ктесий о царствовании Дария II рассказывает кратко, а первым семи-восемью годам правления Артаксеркса II посвятил пять книг [405, стб. 2033—2035]. Однако этот аргумент решающей силы не имеет, поскольку труд Ктесия не дошел до нас в первоначальном виде. Во всяком случае, Ксенофонт, который лично участвовал в битве между Киром Младшим и Артаксерксом II, в «Анабасисе» (I, 8, 27) пишет, что Ктесий находился при царе еще до битвы. Об этом же свидетельствует и Плутарх (Art., 11). Следовательно, он попал в Персию еще до 401 г. и мог жить там с 414 до 398 г. [ср. 35, с. 22, примеч. I].

Труд Ктесия, который состоял из 23 книг, сохранился только фрагментарно у Диодора, Помпея Трога, Полиэна, Плутарха, Николая Дамаскина и особенно в пространных эксерптах византийского патриарха IX в. Фотия. На Ктесия ссылаются также Динон, Ксенофонт и другие античные авторы. I—III книги были посвящены Ассирии, IV—VI — Мидии, VII — XIII — Персии до конца царствования Ксеркса, XIV—XXIII — событиям до начала IV в. У Фотия сохранились извлечения из VII—XXIII книг. Труд был написан на ионийском диалекте с примесью аттического.

Ктесий постоянно стремится исправить Геродота, часто называя его лжецом и болтуном, настойчиво противопоставляет себя ему, и поэтому Фотий три раза подчеркивает, что сообщения Ктесия о Кире, Камбизе, Смердисе, Дарии и Ксерксе совершенно иные, чем у Геродота. Сам Ктесий претендует на то, что его «Персидская история» основана на царских архивах. Диодор (II, 32, 4) пишет: «Ктесий говорит, что он тщательно исследовал все, что касалось каждого царя, в царских пергаментах, в которые персы, согласно своему закону, записывали древние деяния... Написав свою историю, он опубликовал ее для греков». Австрийский ученый Ф. В. Кёниг полагал, что Ктесий действительно пользовался царскими анналами, и стремился реконструировать эти несохранившиеся архивы по его труду и Бехистунской надписи [441, с. 236—237]. По мнению А. Кристенсена, под «царскими пергаментами» имеются в виду не анналы, а эпос наподобие сасанидского «Хвадай-намак» или «Шахнаме» Фирдоуси [206, стб. 699]. Однако из Библии и греческих авторов известно, что при дворе персидских царей велись регулярные записи важных событий, и нет сомнений в том, что именно эти записи имел в виду Ктесий. На самом деле, как это явствует из содержания его фрагментов, никакими анналами он не пользовался, а был обязан своей информацией устной традиции персов, к которой присовокупил личные наблюдения. Но, находясь в Иране в тече-

ние продолжительного времени, он упустил исключительно благоприятную возможность для сбора ценной информации, наполнив свой труд рассказами об интригах, сказочных приключениях и т. д. Поэтому не удивительно, что во многих случаях, где имеется возможность проверить, Ктесий отклоняется от истины. Например, битву при Маратоне Ктесий относит ко времени скифского похода Дария I, датирует битву при Платеях раньше сражения при Саламине и т. д. Ктесий, завидуя славе Геродота и ругая его, тем не менее по многим вопросам не располагал сам достаточной информацией, был зависим от Геродота и пользовался его трудом. Это понимали и древние авторы, которые называли многие сообщения Ктесия баснословными и лживыми. Он был не только жертвой неточной информации. Например, он утверждает, что сам видел в Персии чудовище, посланное индийским царем, которое имело лапы льва, а лицо и уши человека. Поэтому можно согласиться с теми учеными, которые считают, что Ктесию были недоступны серьезность и точность исследователя [157, с. 265; русский перевод фрагментов Ктесия о Средней Азии и биографический очерк см. у И. В. Пьянкова: 73; 77].

Однако плохая репутация Ктесия как историка и убеждение, что он сам выдумывал сообщаемые им сведения, мешают многим современным исследователям оценить в ряде случаев весьма важные и интересные сведения, которые можно почерпнуть из сохранившихся фрагментов его труда. Например, в некоторых случаях Ктесий гораздо ближе к Бехистунской надписи, чем Геродот. Неверно также утверждение многих ученых, что Ктесий даже не знал о существовании города Персеполя (см. с. 254). Фрагменты Ктесия имеют большое значение для исследования истории второй половины V в. и начала IV в., в изложении событий этого времени ему часто следовал Диодор. Много ценных деталей персидского быта взял у Ктесия и Плутарх (особенно в биографии Артаксеркса). Ктесий приводит также расстояние в парасапгах, перечисляет станции и дневные переходы от Эфеса в Малой Азии до Бактрии и Индии. В его фрагментах сохранились и иранские эпические сказания, приведенные, по мнению В. В. Бартольда, в «произвольной обработке» [42, с. 383 и сл.]. Наконец, Ктесий, по-видимому, мог объясняться по-древнеперсидски, и некоторые собственные имена у него более близки к оригиналу, чем у Геродота [631, с. 15].

Период в пятьдесят лет между 478—433 гг., к сожалению, известен плохо. Геродот кончает историю взаимоотношений между персами и греками 478 г., а знаменитый историк Фукидид (460—396) в своем труде о Пелопоннесской войне подробно и достоверно рассказывает о войнах между Персией, Спартой и Афинами начиная с 433 г. и даже приводит тексты заключенных этими государствами мирных договоров. Главные события указанных пятидесяти лет были описаны Геллаником, но от его сочинения сохранились лишь фрагменты. Фукидид, будучи не-

удовлетворенным произведением Гелланика, составил краткий конспект событий от взятия афинянами Сеста и до начала Пелопоннесской войны и предпослал его как введение к своей «Истории», устранив хронологические неувязки у Гелланика. Возможно, что этот период подробно освещался в сохранившейся лишь в фрагментах «Греческой истории» Эфора, автора IV в. Событиям V в. много внимания уделяется в «Сравнительных биографиях» Плутарха, отчасти основанных на не дошедших до нас коротких хрониках и поздних сочинениях [см. 184, с. 555].

Фукидид успел довести изложение событий Пелопоннесской войны только до 411 г., и, по существу, продолжением его «Истории» является «Греческая история» (Hellenica) Ксенофонта (ок. 430—354 гг.), которая кончается 362 г. и служит основным источником об отношениях между Персией и эллинскими государствами за несколько десятилетий. Ксенофонт был гражданином Афин, но за свои лаконофильские настроения и взгляды был объявлен у себя на родине политическим преступником и жил в изгнании. Много лет он провел в Малой Азии сначала на службе у Кира Младшего, затем у спартанского царя Агесилая, воевавшего против Персии. Позднее он поселился в Греции, в отведенном ему лакедемонянами поместье, и посвятил себя литературному труду.

Кроме «Греческой истории» Ксенофонту принадлежит еще несколько произведений, содержащих важные сведения об Ахеменидской державе. Особенно ценны его исторические мемуары «Анабасис», посвященные мятежу Кира Младшего и последующему возвращению греческих наемников, служивших последнему, из Вавилонии через Армению к Черному морю (отсюда и название «Анабасис» — «Восхождение»). Книга эта — ценнейший источник по истории и экономике Ахеменидской державы на рубеже V—IV вв., особенно по истории малоазийских провинций. Кроме того, в «Анабасисе» содержится большой культурно-исторический материал об образе жизни, правах и обычаях племен, по территории которых пролегал путь Ксенофонта и его спутников. Вместе с тем книга читается с живейшим интересом как одно из лучших произведений мировой литературы.

Ксенофонт опубликовал свои мемуары под именем Темистогена Сиракузского, а о себе говорит в третьем лице, чтобы легче было приписать себе решающую роль в успешном возвращении греческих наемников домой после гибели Кира. Но Плутарху был известен подлинный автор «Анабасиса». Поход Кира Младшего и последующее отступление греческих наемников были описаны также другим участником этих событий, а именно стратегом Софенетом из Стимфалы. Труд Софенета не сохранился, но, как полагают, был использован Диодором в соответствующих частях «Исторической библиотеки» (XIV, 19—31 и 37). Подробный рассказ Диодора в основном совпадает с содержанием труда Ксенофонта, но примечательно, что у Диодора последний вообще не

упомянут [ср. 511, т. V, с. 184]. Наконец, о тех же событиях сохранились и фрагменты сочинений Ктесия и Динона.

«Греческая история» и «Анабасис» написаны тенденциозно, с умалчиванием и искажением многих событий в угоду спартанскому политическому строю. Например, когда между 379 и 371 гг. Ксенофонт работал над «Анабасисом», у Спарты были хорошие отношения с Персией, и поэтому в своем произведении он не упоминает о помощи Спарты Киру Младшему в его мятеже против персидского царя Артаксеркса II. Но когда Ксенофонт писал «Греческую историю» (после 369 г.), Спарта открыто воевала против Персии, и автор рассказывает о помощи лакедемонян Киру Младшему [511, т. III, с. 278].

Интересные сведения об экономике, податях, управлении сатрапиями Персидского государства содержатся и в «Домострое» Ксенофонта.

Он написал также исторический роман «Киропедия» («Воспитание Кира»). Но здесь реальная биография Кира II отступает на задний план. Кир изображается идеальным правителем, прототипами которого послужили спартанский царь Агесилай и Кир Младший, а персидское царство рисуется по образцу платоновского государства, где все, включая царя, следуют закону. В «Киропедии» использован и труд Геродота, но автор существенно перерабатывает и искажает взятые оттуда сведения. Например, в «Анабасисе» (III, 4, 8 и 11), написанном на десятилетия раньше «Киропедии», в соответствии с Геродотом и фактами Ксенофонт говорит, что Кир поднял восстание против своего деда Астиага и лишил его власти. В «Киропедии» же он пишет, что Кир стал царем после смерти Астиага как его законный наследник, а не как мятежник. Ксенофонт продолжительное время пребывал на территории персидского царя, много встречался с персами и был хорошо знаком с современным ему положением вещей в Персии и особенно с ее государственными институтами. Но весь этот материал он использовал чрезвычайно вольно. Ксенофонту были известны также произведения иранского эпоса, персидские сказки, но он их переработал в соответствии со своими политико-философскими и дидактическими взглядами.

Некоторые историки полагают, что «Киропедия» сохранила ценные сведения, большей частью восходящие к догеродотовской логографической литературе и не засвидетельствованные в других дошедших до нас произведениях античных авторов [460, с. 341—345; 636, с. 242; 440, с. 42—44]. Действительно, в отдельных случаях в распоряжении Ксенофонта был, по-видимому, оставшийся недоступным Геродоту материал о событиях времени Кира II. Например, в «Киропедии» упоминается полководец Кира Гобрий, который захватил Вавилон. Геродот не упоминает его имени, но зато он известен из Хроники Набонида—Кира именно как завоеватель Вавилона. Однако совершенно невозможно сказать, какие источники в данном случае были использованы

Ксенофонт. Во всяком случае, полагаться на «Киропедию» без проверки сообщений Ксенофонта через другие источники рискованно, ибо в ней сознательно искажены многие факты. Поэтому большинство исследователей невысоко ставит это произведение как исторический источник [132, с. 33—45 и др.; 511, т. III, с. 130; 35, с. 29—34].

Обычно принято считать, что последняя глава восьмой книги «Киропедии», где изображены события, современные автору произведения, не принадлежит Ксенофону [см., например, 577, т. I, с. 177; 511, т. III, с. 9]. Но Олмстед не без оснований полагал, что эта глава была написана самим Ксенофонтom в последние годы жизни, когда рушились безвозвратно его идеалы и надежды на персов как союзников Спарты, политический строй которой он считал образцовым. В этой главе Ксенофонт противопоставляет «испорченные» нравы персов, своих современников, идеальным порядкам, якобы существовавшим при Кире II [545, с. 396, примеч. 16; 231].

Из сочинения Феопомпа об отношениях между Персидской державой, с одной стороны, и греками и Египтом — с другой, сохранились лишь фрагменты.

К концу ахеменидского господства Динон из Колофона написал обширную историю Персии (наряду с другими странами Ближнего Востока) начиная с Кира II, которая была доведена до конца царствования Артаксеркса III. Он подробно рассказывал также о государственных институтах и обычаях персов, и наряду с Геродотом его труд был основным источником по истории Персии, но до нас он дошел лишь в фрагментах. Судя по некоторым фрагментам, сохранившимся у Цицерона (*De div. I*, 23, 46), Динон в изложении персидской истории следовал Ктесию [132, с. 12—13]. Труд Динона наряду с Ктесием был главным источником для биографии Артаксеркса II, написанной в I в. н. э. Плутархом и полностью дошедшей до нас. Ряд других биографий (Фемистокла, Александра Македонского и т. д.), написанных Плутархом с использованием не дошедших до нас источников, также сохранил важные сведения о древней Персии. Из его философских произведений также можно почерпнуть некоторые сведения об иранских религиях.

От «Персидской истории» Гераклида из Киме сохранились лишь фрагменты. Симонидом были написаны поэмы «Царство Камбиза и Дария» и «Морская битва с Ксерксом», содержание которых известно нам лишь по скудным фрагментам [547, с. 271].

XV книга «Географии» Страбона (жил между 64 г. до н. э. и 24 г. н. э.), посвященная в значительной мере Персии, сохранила ценные сведения о религии и обычаях персов, которые нам большей частью из других источников неизвестны.

В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского содержатся ценные сведения по истории Персии начиная со времени Артаксеркса I. Особенно незаменимы те части его труда, в кото-

рых изложены история Египта персидского времени и история греко-персидских отношений. Труд Диодора основан на литературных и исторических сочинениях, большей частью не дошедших до нас (особенно на произведении Эфора).

Помпей Трог написал на латинском языке обширный труд в 44 книгах, который сохранился лишь в более поздней компиляции Юстина, жившего, по всей вероятности, во II в. н. э. В этом произведении содержатся важные сведения о Персии, которые в ряде случаев остались неизвестными Геродоту. Труд Помпея Трога, в свою очередь, являлся переработкой сочинения неизвестного нам греческого автора. Относительно того, кто был этот автор, ученые расходятся между собой. Нёльдеке считал источником Трога Харона из Лампсака, которого Трог использовал косвенно, Альтхейм — Аполлодора из Артемисии, автора II в. до н. э., Гутшмид и Прашек — Тимагена, греческого автора из Александрии, Херцфельд — Динона из Колофона. По мнению К. К. Зельина, вопрос о предшественниках Трога остается открытым [533, с. 29, примеч. 1; 534, с. 186—187; 117, т. I, с. 2 и сл.; 340, т. V, с. 218 и 252; 577, т. I, с. 177; 365, с. 127; 511, т. IV, с. 5; 132, с. 12—13; 43, с. 184]. Во всяком случае, предшественник Трога для своего труда использовал сочинения логографов, Геродота, Фукидида, Ктесия, Динона и других авторов.

Ценные данные о хозяйстве персидских царей, их сатрапов и о податях содержит «Экономика» псевдо-Аристотеля, написанная в последней четверти IV в. до н. э. неизвестным автором [337; 593, т. I, с. 74 и сл.; 440 и сл.]. Сведения о персидской религии сохранились у Диогена Лаэртского, компилятора II в. н. э., жившего в городе Лаэрта в Киликии. У позднего автора Николая Дамаскина содержатся рассказы о Кире II, которые в ряде случаев независимы от Геродота.

Перейдем к рассмотрению сообщений о древней Персии в трудах авторов, которые по своему происхождению не были греками, но писали на греческом языке.

Кариец Скилак из Карианды написал сочинение о своем путешествии в Индию, совершенном по распоряжению Дария I. По-видимому, его работа, которая не дошла до нас, была использована Гекатеєм [547, с. 212].

По свидетельству Дионисия, Страбона, лексикона Суда и других источников, в первой половине V в. лидянин Ксанф, сын Кандавла, написал «Лидийскую историю» в четырех книгах, основанную на местных письменных источниках и устной традиции. Некоторые фрагменты из этого труда сохранились у Дионисия из Митилены и Стефана Византийского [FHG, I], но они часто носят сказочный характер. Около 120 г. до н. э. сочинение Ксанфа было переработано Дионисием из Митилены. У Афинея сохранилось утверждение Эфора, что Геродот в своих рассказах о Лидии пользовался трудом Ксанфа, однако историческая критика в настоящее время отвергает такой взгляд [511, т. III,

с. 129—130; 33, с. 190, примеч. 35]. В древности Ксанфу приписывали также и сочинение о персидской религии (Magica). Некоторые современные исследователи оспаривают подлинность приписываемых Ксанфу отрывков. Например, Л. Пирсон отмечает, что ссылки на Ксанфа не встречаются ранее II в. до н. э., и это вызывает сомнение в историчности их автора [562, с. 115—117]. Однако такой взгляд нельзя считать убедительным или общепринятым [ср., например, 33, с. 93—94 и 190].

Около 290 г. до н. э. вавилонянин Беросс, жрец храма Эсагила, составил сочинение в трех книгах по истории и культуре Вавилонии. В третьей книге он, в частности, подробно описывал персидское господство в Вавилонии. В качестве источников он пользовался астрономическими таблицами, произведениями древней вавилонской мифологии и историческими документами. К сожалению, этот труд, основанный на надежных источниках, сохранился только в цитатах у Клитарха, Посидония, Александра Полигистора, Иосифа Флавия и Евсевия [все упоминания о Бероссе в древней литературе и его фрагменты исследованы П. Шнабелем: 633; см. также 437].

Египетский жрец Манефон на рубеже IV—III вв. опубликовал историю своей страны, написанную на основе местных источников. Он, в частности, рассказывал о захвате Египта персами, о правлении Дария I, Смердиса и Ксеркса, указывая верные даты их царствования. Деление Манефоном истории Египта на 30 династий (персидскую династию он считал XXVII) в основном и сейчас остается принятым в науке. К сожалению, его труд сохранился лишь в более поздних выдержках у Иосифа Флавия, Евсевия и т. д. [они исследованы В. В. Струве: 85 и 86]. Возможно, что труды Скилака, Ксанфа, Беросса и Манефона, которые писали на чужом для них языке, не отличались хорошим стилем, и именно поэтому их мало читали и переписывали, а потом они постепенно были преданы забвению.

В особую группу можно выделить историков, писавших о походах Александра Македонского. Участники этих походов Аристокл, Птолемей (впоследствии царь Египта), Онесикрит, Неарх и другие оставили мемуары о жизни и деятельности Александра. Позднее по этому вопросу возникла большая литература. Во второй половине II в. н. э. Арриан, грек из Никомерии в Малой Азии, написал труд «Поход Александра», где была сделана первая попытка отделить подлинный материал от более поздних наслоений. Это ценный труд, основанный на огромном фактическом материале, который большей частью не дошел до нас (документы канцелярии Александра, записки его соратников и т. д.). В труде Арриана сохранились также письма Дария III к Александру, которые некоторыми исследователями считаются подлинными [47, с. 19].

Историю походов Александра составил также автор I в. н. э. Курций Руф (на латинском языке). Этот труд, как и работа

Арриана, содержит важные данные о последнем периоде существования державы Ахеменидов. Ценный материал содержится также в биографии Александра, написанной Плутархом [подробный анализ источников о походах Александра: 669, т. II].

В заключение остановимся кратко на нескольких греческих эпиграфических текстах, имеющих отношение к истории Персии.

В поздней копии римского времени сохранился указ Дария I, адресованный управляющему его имениями в Магнесии на Мемфисе, в Малой Азии [SIG I, № 22]. В 1973 г. на территории Ксанфа (Кария) была найдена надпись от 1-го года Артаксеркса III на ликийском, греческом и арамейском языках [504]. Среди эламских табличек крепостной стены в Персеполе имеется одна короткая надпись, нацарапанная ионийскими буквами [RF, с. 2]. В 1965 г. недалеко от Персеполя были обнаружены две маленькие греческие надписи, которые по эпиграфическим данным относятся к началу V в. [199]. Среди печатей ахеменидского времени, найденных в столице Пригеллеспонтской сатрапии в Даскилее, сохранилась одна булла с греческой надписью [128, с. 124, № 35]. Наконец, обильный эпиграфический материал из греческих областей в ряде случаев содержит сведения, представляющие интерес для истории греко-персидских отношений [ср. 511, т. III, с. 3—15; 386, с. 5—14].

Здесь невозможно подробно остановиться на исследованиях по древнему Ирану, один перечень которых занял бы много страниц. Кроме того, на работах, посвященных отдельным частным вопросам, уместно будет остановиться в соответствующих разделах книги. Поэтому отметим лишь труды общего характера и основные направления исследований в течение последних трех десятилетий после опубликования в 1948 г. «Истории Персидской империи» Олмстеда, которая заметно устарела в свете новых находок. Попытка осветить эти находки за период с 1948 по 1968 г. сделана в специальном номере журнала «Historia» за 1972 г. в очерках В. Хинца (источники), М. Дандамаева (экономика и социальные институты). Ж. Дюшен-Гиймена (религия) и Р. Фрая (политические институты).

В книгах М. М. Дьяконова, Р. Гиршмана и Б. Брентьеса рассматривается история Ирана с древнейших времен до арабского завоевания, а в переведенной на русский язык книге Фрая «Наследие Ирана» — до X в. н. э. [42; 317; 171; 97].

Приходу иранских племен на плато и дальнейшему их распространению посвящены исследования И. М. Дьяконова, И. Алиева, Э. А. Грантовского, Р. Гиршмана, В. Хинца и др. [35; 40; 8; 9; 24; 25; 314; 319; 383].

История и культура Мидии подробно исследованы в книгах И. М. Дьяконова и И. Алиева [35; 8]. Детальный анализ греческих источников о войне персов с мидийцами сделан И. В. Пьянковым [74; 75]. История образования Ахеменидской державы исследована в книге М. Дандамаева [26].

В современной научной литературе насчитываются десятки книг и статей, посвященных греко-персидским войнам. Авторами этих исследований являются главным образом специалисты по истории древней Греции. На наш взгляд, самой обстоятельной и надежной среди этих работ является книга А. Р. Бэрна, рассматривающая греко-персидские отношения в 546—478 гг. [184, там же подробная библиография]. Более популярно, но без ущерба для достоверности греко-персидские отношения между 520—330 гг. рассмотрены в книге Г. Бенгтсона [137; см. также 135]. До сих пор сохраняют свое значение 2-я часть III и IV — V тома «Истории древности» Э. Мейера, в значительной мере посвященные греко-персидским отношениям [511]. Гораздо меньше интереса представляет IV том «Кембриджской древней истории» («Персидская держава и Запад»), опубликованный в 1926 г.

и затем без значительных изменений в 1969 г. [185]. Греческие государственные договоры, в том числе и с Персией, собраны и исследованы Г. Бенгтсоном [136]. Из многочисленных книг о походах Александра Македонского необходимо упомянуть капитальные труды У. Тарна и Ф. Шахермейера, а также популярную работу П. Бриана [669; 609; 178].

Этнографическое описание и историческая география Ахеменидской державы с учетом клинописных, античных и раннемусульманских источников даны Э. Херцфельдом [371].

Религии древних иранцев посвящены книги Х. С. Ньюберга, Э. Херцфельда, В. Б. Хеннинга, Ж. Дюшен-Гиймена, В. Хинца, Г. Виденгрена и т. д. [536; 370; 355; 243; 377; 722].

Древнеиранское искусство исследовано в работах Р. Гиршмана, Э. Шмидта, Г. Вальсера, К. Ниландера, Э. Порады и др. [311; 627; 540; 572; 215; 706].

Хронологические таблицы правления ахеменидских царей даны в известном труде Р. А. Паркера и В. Х. Дабберстейна о вавилонской хронологии [560].

Подробная библиография и транскрипция древнеперсидских надписей содержится в книге Р. Кента [424; см. также 64, с. 95—135]. Некоторые тексты, оставшиеся неизвестными Кенту или изданные позднее, указаны выше в разделе об источниках. До сих пор не потеряли своего значения книга Ф. Х. Вейсбаха, в которой даны транскрипции и переводы древнеперсидских, эламских и аккадских вариантов ахеменидских надписей, опубликованных до 1911 г., и издание древнеперсидских надписей Э. Херцфельда [710; 368]. Лексика древнеперсидских надписей полностью учтена в работах М. Майрхофера и В. Хинца [169; 387].

Что же касается отдельных регионов Ахеменидской державы, то история среднеазиатских и закавказских сатрапий исследована В. В. Струве, политическая история позднего Египта — Ф. К. Киницом, Палестины — К. Галлингом, Х. Крейссигом, П. Р. Экройдом, И. П. Вейнбергом и др. [89; 428; 293; 446; 108; 19; 20]. Наиболее подробное освещение истории среднеазиатских сатрапий содержится в книге Б. Г. Гафурова «Таджики» [22]. Государственное управление, экономика и частное право Вавилонской и Египетской сатрапий рассмотрены в работах Э. Брешiani, Г. Кардашиа, В. Эйлерса, Г. Петчова, Э. Зейдля, М. Сан-Николо, А. Верджера, Р. Ярона, И. Муффса, Б. Портена, М. Дандамаева и др. [173; 195; 564; 702; 733; 522; 573; 32; 264].

На территории Ирана кроме иранских археологов работают археологические миссии и институты Франции, США, Англии, ФРГ, Бельгии, Японии и многих других стран, которые регулярно публикуют материалы своих раскопок в журналах VCH, DAFI, StIr, Iran, AMI и т. д. В ахеменидских резиденциях — Сузах, Персеполе и Пасаргадах раскопки с короткими перерывами ведутся в течение многих десятилетий. [Об основных архео-

логических памятниках в Иране см. труд Л. Ванден-Берге: 700; сводку раскопок в Иране с подробной литературой за 1965—1971 гг. см. у К. Шиппманна: 618.]

Интенсивные археологические раскопки ведутся и на территориях, которые некогда составляли сатрапии Ахеменидской державы: в Средней Азии, Афганистане, Малой Азии, Ираке, Сирии, Палестине, Египте и т. д.; с наиболее существенными итогами этих раскопок читатель сможет ознакомиться ниже.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ*Приход мидийцев и персов в Иран*

Вопросы о времени и путях проникновения мидийцев и персов в Иран и постепенного расселения там этих племен вот уже более ста лет обсуждаются в научной литературе. Этой проблеме много внимания уделяли Ф. Шпигель, Ю. Прашек, Ф. В. Кёниг, в наше время она рассматривается в работах Р. Гиршмана, Дж. Камерона, В. Хинца и многих других известных западных ученых. В советской литературе особенно детально эти вопросы исследованы И. М. Дьяконовым и И. Алиевым, а в течение последних двадцати лет в их разработку большой вклад внес Э. А. Грантовский, который в ряде статей и в книге «Ранняя история иранских племен Передней Азии» рассмотрел весь материал по истории иранских племен на Ближнем Востоке до образования Мидийской и Ахеменидской держав и дал исчерпывающий обзор литературы.

До недавнего времени большинство ученых полагало, что прародина иранцев находилась в Средней Азии и прилегающих к ней районах и оттуда часть иранских племен направилась на плато. Таково, в частности, мнение Э. Мейера, Дж. Камерона, а в советской науке И. М. Дьяконова и И. Алиева, согласно которому иранские племена вторглись в Мидию из Средней Азии и соседних районов и в IX—VIII вв. заняли территорию Ирана, хотя, как полагают оба упомянутых советских ученых, преобладающая роль все еще принадлежала старому местному населению, говорившему на эламском, касситском, кутийском и других неиндоевропейских языках [35, с. 137 и сл.; 40, с. 126—130; 8, с. 190 и сл.].

В настоящее время эта распространенная гипотеза пересматривается многими учеными. Еще в конце XIX в. некоторые исследователи полагали, что иранские племена направились на плато из южнорусских степей через Кавказ [литература: 24, с. 10 и сл.]. В 30-х годах нашего века Ф. В. Кёниг писал, что персы и мидийцы пришли в область Экбатан через Восточное Закавказье. В 1965 г. В. И. Абаев на основе изучения скифо-европейских изоглосс пришел к выводу, что по меньшей мере с начала II тысячелетия до н. э. североиранские племена находились на юге России, а позднее часть иранских племен оттуда через Кавказ и вдоль северного

побережья Каспийского моря направилась соответственно в Иран и Среднюю Азию, в то время как скифы, также являвшиеся иранцами, остались на своей родине, т. е. в Южной России. С ссылками на труды Р. Гиршмана и других археологов В. И. Абаев считает, что археологический материал также свидетельствует о движении мидийцев и персов не из Средней Азии, а с севера, т. е. через Кавказ [4, с. 121—124; 5, с. 11]. По мнению Э. А. Грантовского, сообщения клинописных текстов IX—VIII вв. говорят, скорее, в пользу теории о продвижении мидийцев и персов в Иран через Кавказ, а не из Средней Азии, хотя это пока нельзя считать доказанным [25, с. 327].

Э. А. Грантовский на основании ономастического, а частично и топонимического материала клинописных текстов показал, что в районах Западного Ирана, в том числе и за пределами собственно мидийской территории, в IX—VIII вв. иранский элемент играл гораздо большую роль, чем это до сих пор предполагали почти все исследователи, по мнению которых роль иранцев среди населения Западного Ирана была незначительна до VII в. Согласно Э. А. Грантовскому, иранские племена распространились в Иране в начале I тыс. до н. э.; появление их там относится к XI в., а в районах близ Урмийского озера и в Закавказье — к XII в. При этом в IX—VIII вв. в некоторых районах старое, неираноязычное население еще оставалось преобладающим в политическом отношении, но начиная со второй половины VIII в. иранцы составляли большинство во многих областях Западного Ирана, в том числе и на территории будущего Мидийского царства и к западу от Мидии. Государство мидийцев, как позже и царство Ахеменидов, возникло в области, где преобладал иранский этнический элемент, именно на основе предшествующего развития иранских племен. При этом, согласно мнению Грантовского, проникновение иранских племен в Иран не носило характера завоевания и не сопровождалось переходом власти в их руки на значительных территориях, а наоборот, в IX—VII вв. иранские племена обычно были в зависимости от Элама, Манной, Ассирии и Урарту. Грантовский отвергает мнение Кёнига, Херцфельда и некоторых других западных ученых, что господствующий класс происходил от иранских переселенцев, а основное население оставалось автохтонным, и полагает, что как правители, так и рядовое население были ираноязычными еще до возникновения крупных иранских государственных объединений, после чего на иранские языки стало переходить и неираноязычное население. Грантовский считает ошибочным также довольно распространенное мнение об отсталости иранских племен по сравнению со старым местным населением Иранского плоскогорья. Он полагает, что, когда иранцы появились здесь, у них уже были развитые культурные и социально-экономические традиции, они занимались как скотоводством, так и земледелием, хорошо знали металлы, пользовались колесницей и разводили коней [25, с. 289, 314—320].

И. М. Дьяконов и И. Алиев, два главных оппонента Грантовского, теперь согласны, что последнему удалось определить время появления ирапоязычного населения в областях Западного и Центрального Ирана и Иранского Азербайджана — не позднее IX в. до н. э., однако они продолжают считать (по-видимому, вполне обоснованно), что Грантовский недооценивает роль автохтонного населения, продолжавшего занимать значительные территории Иранского плоскогорья [40, с. 129—130; 38, с. 90; 9, с. 172 и сл.]. В целом необходимо признать, что работы Грантовского заставляют пересмотреть многие традиционные взгляды на раннюю историю иранских племен и показывают, что процесс сложения иранских государственных объединений был более длительным и сложным, чем это до сих пор представлялось исследователям.

Обратимся теперь к фактам, засвидетельствованным в клинописных текстах. Древнейшая история иранцев лишь очень скупо отражена в письменных источниках. Впервые персы упоминаются в ассирийских текстах IX в. до н. э. В надписи ассирийского царя Салманасара III, составленной около 843 г., упоминается область Парсуа. В 834 г. ассирийцы получили подать с 27 «царей» этой области. До недавнего времени ученые считали, что Парсуа была расположена поблизости от озера Урмия. По почти единодушному мнению историков и археологов, в Парсуа обитали персидские племена, от которых и получила свое название эта область. Персы еще не были объединены и находились под предводительством своих многочисленных, независимых друг от друга вождей. Несколько позднее, в конце VIII в., в ассирийских текстах упоминается страна Парсу(а)маш, расположенная восточнее нынешнего города Сулеймание, т. е. к северо-востоку от Элама. Как полагают, около 800 г. персы отделились от мидийских племен и под натиском урартов и маннеев направились на юг, в долину Загросских гор, а затем постепенно двинулись на юго-восток. В 714 г. они упоминаются как подданные ассирийского царя Саргона II. Постепенно персы заняли эламскую территорию на юго-западе Ирана, которая по имени новых пришельцев получила название Парсумаш (так в ассирийских текстах; Парса — древнеперсидских источников, Персида — греческих авторов; современная провинция Фарс). Таково, во всяком случае, мнение большинства ученых о путях продвижения персов [186, с. 185—211; 379, с. 115].

При этом археологи (например, Гиршман) полагают, что о направлении движения иранских племен свидетельствуют и изменения в материальной культуре (особенности погребений, украшения конского снаряжения, керамика). Как полагает Гиршман, персы пришли в Элам не как завоеватели, а получили земли для обитания, поступив на службу к местным правителям в качестве конных всадников, поскольку до прихода иранцев на плато Конница была неизвестна в Передней Азии.

Но Дьяконов полагает, что названия Парсуа и Парсумаш вовсе не указывают на направление движения персидских пле-

мен. По его мнению, Парсуа и Парсумаш — разные одновременно существовавшие топонимы, при этом область Парсуа у озера Урмия не имела отношения к персам, а Парсумаш еще с конца IX в. по территории совпадала с более поздней Парса (Персида) и уже тогда была занята персами. Далее Дьяконов считает, что Парсуа и Парсумаш не связаны с исконным самоназванием персов, перенесенным на обитавшее в этих областях население, а являются топонимами, которые означают «окраину» по отношению к Мидии [35, с. 69, 161, 224; 38, с. 90—91; 40, с. 130]. Грантовский, отвергая такое мнение, высказал предположение, что термины Парсуа, Парсумаш, Парсамаш и Парса относятся к людям и означают «(широко)грудый», «крепкобокий», «бокастый» (т. е. люди крепкого сложения) и все области с этим этнонимом свидетельствуют о продвижении персидских племен с северо-запада на юг, указывая пути их миграции и последующего расселения [25, с. 312]. Р. Лабат также полагает, что, по всей вероятности, персы уже находились в Парсуа, когда туда вступили ассирийские войска Салманасара III, поскольку близ этой области правил вождь с несомненным иранским именем Аргасари [450, с. 19].

По мнению Л. Д. Левина, нет оснований для локализации Парсуа на берегах Урмии ни в один из периодов, и все источники свидетельствуют о том, что эта область находилась в горах центрального Загроса, к югу от маннеев и к востоку от Намру. В поздний новоассирийский период, как отмечает Левин, ссылки в текстах на Парсуа в центральном Загросе исчезают, и при Ашшурбанапале эта область, по-видимому, была расположена далеко на юге, в современной провинции Фарс [467, с. 106 и сл.]. Парсуа упоминается также и в урартских текстах IX и VIII вв. в форме Паршуа [см. у Г. А. Меликишвили: 60, с. 422], что, собственно, и послужило основанием для локализации этой области близ Урмии. Однако Левин обращает внимание на то, что Парсуа упоминается в урартских текстах, когда Ассирия была слаба, когда урарты могли продвинуться к Загросу, и, наоборот, когда Ассирия находилась в зените своего могущества, урартские надписи ничего вообще не сообщают о Парсуа.

Как полагает Д. Стронах, нет археологических доказательств в пользу того, что персидские племена прибыли в Хузистан ранее 700 г. и что затем они медленно продвигались на восток, к плодородным долинам современного Фарса. По его мнению, персидские племена приближались к Фарсу прямо с севера (а, может быть, одновременно и с востока) и затем начали наступать на запад. Кутир-Наххунте (693—692 гг.) был последним эламским правителем, который носил титул «царь Аншана и Суз». По предположению Стронаха, вскоре после 700 г. значительный район Аншана был покинут эламитами, и персы поселились там. В таком случае первые постоянные центры пребывания персов на юге Ирана надо искать ближе к провинции Фарс, а не за холмами Суз [654, с. 247 и сл.; ср. 186, с. 158—165].

Таким образом, вопрос о конкретных путях продвижения персидских племен в Иране во многом пока остается дискуссионным. Во всяком случае, в IX в. они начали проникать в Персиду, ставшую их новой родиной. До начала 40-х годов VII в. персы находились в зависимости от эламских царей и затем на короткое время стали данниками ассирийцев. По-видимому, уже в то время персы составляли племенной союз, который возглавлялся вождями из рода Ахеменидов. Основателем династии традиция считала Ахемена (такое мнение господствовало по крайней мере уже ко времени, когда Дарий I захватил престол). Его деятельность, если он был реальным лицом, можно отнести к концу VIII — первой четверти VII в. Однако не исключено, что Ахеман был лишь эпонимом, мифическим родоначальником. Кир II совершенно не упоминает его в подробном перечне своих предков, данном в Вавилонском цилиндре, хотя он и был заинтересован в возведении своего рода к более отдаленным временам. Один схолиаст к Дионисию Периегету пишет, что персы получили свое название от Персея, сыном которого был Ахеман [Schol. Dion. Per. 1053]. У Николая Дамаскина говорится: «Ахеман — герой, от которого произошли и персы Ахемениды» [FrGrH I, 2, с. 361]¹. Можно согласиться с И. М. Дьяконовым, когда он пишет, что в Фарсе еще во второй половине IX в. существовало небольшое персидское царство и что Ахеман не был вождем вторгшихся в эту область в VII в. некоторых персидских племен, поскольку там еще и раньше того жили персы [40, с. 130]. Около 675—640 гг. союз персидских племен возглавил Чишпиш (в греческой транскрипции — Теисп), согласно поздней традиции сын Ахемана.

*Археология Ирана эпохи железного века
(периодизация, формулировка проблемы)*

За последние два десятилетия на территории Ирана, в обширной области, ограниченной приблизительно на северо-западе районами побережья озера Урмия (Резайе), на северо-востоке — южным побережьем Каспия, на юго-востоке — центром Иранского плато (район г. Кашана) и на юго-западе — областью Луристан, были проведены интенсивные археологические работы на многочисленных памятниках (поселениях и могильниках). Все они суммарно датируются 1300—600 гг. до н.э. и относятся к эпохе, которую принято называть железным веком.

В указанной области к настоящему времени раскопаны могильники Сиалк (под г. Кашаном), Кайтарие и Хурвин в районе Тегерана, Марлик и Калураз в Прикаспии, Вар-Кабуд, Кал-и Чипан, Татгулбан и другие в Луристане, Динха-тепе в районе Урмии и ряд других, а также поселения Хасанлу, Годин-тепе,

¹ Правда, имя Ахемана имеет довольно простую этимологию, а именно: «дружелюбно настроенный».

Баба Джан-тепе и Сурх-и Думб (Луристан), Тепе Нуш-и Джан (Курдистан), «Ахеменидская деревня» в Сузах, Пасаргады, Тепе-Малиан (Фарс) и некоторые другие.

Периодизация железного века в Иране была разработана в шестидесятых годах, после того как были исследованы многослойные археологические памятники, относящиеся к этому периоду (прежде всего — Хасанлу), и накопился достаточно большой материал (керамика, оружие, украшения, устройство могил, архитектура зданий), позволивший провести сравнительный анализ.

Наиболее развернуто аргументировал свои выводы по периодизации эпохи железного века Т. Кайлер-Янг, положивший в основу своего исследования керамику из Хасанлу, Гиана, Геой-тепе (все эти памятники имели сложную стратификацию), которую он сопоставлял с керамическими комплексами могильников Сиалк, Хурвин и некоторыми памятниками предахеменидской поры (Зендан-и Сулейман, Зивие и др.) [734а; 734б].

Основным результатом, к которому пришел Кайлер-Янг, было установление того факта, что археологическая культура Западного Ирана, начало которой относится к 1300 г. до н.э., является новым для плато феноменом, что в это время происходит «археологическая революция». Эта «революция», как полагает Кайлер-Янг, характеризуется полной сменой форм и орнаментации керамических сосудов. Исчезает расписная керамика, и вместо нее по всему Западнему Ирану распространяется монохромная (темно-серая, черная, красно-охристая или красная)², появляются новые и близкие между собой формы сосудов на различных памятниках, а также изменяются погребальные обряды (на смену многократно использовавшимся усыпальницам внутри поселений, характерным для бронзового века, приходят одиночные погребения вне стен поселений). Кайлер-Янг считал, что эти черты свидетельствуют о культурном единстве всего района, указывая на общее происхождение этой новой культуры. Исследуя «типологические керамические параллели», он выделил следующие периоды железного века, названные им «керамическими горизонтами»:

I. «Горизонт ранней западной серой керамики» (1300—1000 гг.).

II. «Горизонт поздней серой керамики» (1000—800 гг.).

III. «Горизонт красной керамики» (750/700—550 гг.).

Установив, что к 1300 г. в Западном Иране распространяются на всех известных тогда памятниках (поселениях и могильниках) характерные формы керамики (сосуды со свободно стоящим длинным сливом — так называемые чайники, бокалы на ножке, с петлеобразной ручкой, прикрепленной к тулову, чашки с небольшой петлеобразной ручкой и некоторые другие), Кайлер-Янг, просле-

² Для этой керамики в археологической литературе по Ирану употребляется термин «buff», которым обозначают сосуды различных оттенков от красного до светло-желтого цвета.

живая затем развитие этих форм, приходит к заключению, что, хотя традиции первого «горизонта» продолжают во втором «горизонте», но прошлое «керамическое единство» распадается и наступает период «большого керамического разнообразия». В третьем «горизонте» серая керамика почти повсеместно сменяется красной, иногда с росписью (так называемые *triangle wares*, или *feston wares*) или с гравировкой. Хотя и это обстоятельство, и появление новых керамических форм могло бы рассматриваться как некая смена культуры, Кайлер-Янг предлагает считать этот «горизонт» (время, предшествовавшее Ахеменидам) продолжающим «прошлое культурное развитие». «Происхождение ахеменидской керамики,— пишет Кайлер-Янг,— лежит в этом периоде, и при переходе от доистории к исторической эпохе Кира и его преемников никакого разрыва не отмечается» [734б, с. 27].

Р. Дэйсон, изучая не только керамику, но и весь комплекс материальной культуры Ирана эпохи железного века, пришел к сходным (хотя и различающимся в некоторых деталях) выводам и предложил называть ее периоды «железный век I—III» (ЖВ I—III — с теми же датами) [254а]. Дэйсон был более решителен, чем Кайлер-Янг, полагая, что «археологическая революция» ЖВ I вызвана сменой населения.

Здесь, видимо, полезно привести самую краткую характеристику археологических культур, предшествовавших стадии железного века, как она рисуется в современных обобщающих археологических сводках [734в, с. 830—832; 255а, с. 687].

Около середины IV тысячелетия (или несколько позже) на северо-востоке Ирана расписная керамика сменяется серо-черной и соответственно меняются типы оружия, украшений и т. д. Причиной таких перемен в этом районе может быть как появление новых племен, так и просто локальное развитие в области, изолированной в то время в большей или меньшей степени от влияния «западных» культур³.

В Месопотамии и Западном Иране развитие предшествующей культуры расписной керамики (с локальными вариантами) продолжается. Несколько позже влияние Северной Месопотамии и Ассирии на культуру Северо-Западного и Западного Ирана даже усиливается (к этому периоду относятся слои Годин III, Хасанлу VI, Динха IV). Но во второй половине II тысячелетия «вначале, вероятно, постепенно, а затем — с поражающей внезапностью» [734в, с. 831] весь запад и северо-запад Ирана был охвачен влиянием культуры серой и серо-черной керамики — той, что до того времени «гнездилась» уже более 1000 лет на северо-востоке. «Теперь,— пишет Кайлер-Янг,— внедрение этих влияний таково, что бесспорно можно считать, что в Загросе происходит полная перемена и вторжение совершенно новой культуры, вероятно, новых племен. Именно это развитие обозначает конец „бронзового века“

³ Памятники северо-востока Ирана в этой книге не рассматриваются.

в Западном Иране и вводит эти области в ранний протоисторический период» [734в, с. 831].

Таким образом, как отмечал О. Маскарелла, «перерыв в культуре между „бронзовым“ и „железным“ веками совершенно ясен и драматичен — в особенности в керамике и погребальных обрядах» [523а, с. 52 и сл.].

Л. Ванден-Берге выделил (на основании изучения могильников) следующие признаки, характеризующие смену погребального обряда, происшедшего в эпоху ЖВ I, и соответственно «археологическую революцию» ЖВ в целом.

1. Умерших более не хоронят под полами домов — на некотором расстоянии от поселений теперь устраиваются специальные могильники.

2. Могилы в этих могильниках в основном так называемые каменные ящики, сложенные из плит или камней, куда умершего кладут вместе с различными предметами.

3. Эти предметы (погребальный инвентарь) составляют в основном керамические сосуды тех самых форм, которые характерны и для поселений ЖВ I.

4. Кроме керамики в состав погребального инвентаря входят разнообразные изделия из металла, причем в эпоху ЖВ I оружие, украшения и т. д. — еще исключительно бронзовые, железо появляется лишь в эпоху ЖВ II.

5. Кроме этого в погребальном инвентаре иногда присутствуют и памятники искусства (преимущественно золотые и серебряные сосуды с различными изображениями, а также золотые, серебряные и бронзовые украшения), которые представляют зарождающееся искусство «звериного стиля», в дальнейшем — отличительная черта иранского (скифского, мидийского) искусства.

Все это давало возможность предположить, что новое население, принесшее на Иранское плато новую археологическую культуру, — это племена кочевников (Л. Ванден-Берге указывает на наличие погребений с конями) [700а].

Итак, раскопки памятников железного века, проводившиеся в Иране, имели своей целью реконструкцию облика культуры новых племен — ее носителей, установление начальной даты их проникновения на плато, путей их миграции, этапов развития культуры, приведших к ее расцвету в «историческую» (ахеменидскую) эпоху. Это были работы, инспирированные определенной идеей, ставившие задачу максимально полного обзора памятников.

Такой целенаправленный план, осуществление которого началось в основном в 50-х годах, объединил археологов разных стран, многочисленные археологические миссии, музеи, институты. И хотя до сих пор результаты большинства раскопок издавались лишь в виде предварительных отчетов, накопившийся за это время материал представлялся достаточным для формулировки решающих выводов. Раскопки на основных памятниках, относящихся к железнному веку, продолжаются (на Хасанлу в 1975 г. шел девятый

сезон, в Тепе Нуш-и Джан — четвертый), сейчас их все более координирует созданный в 1971 г. иранский «Исследовательский центр по археологии и истории культуры», однако кульминационная точка этих раскопок уже позади. Уточняются детали, дискутируются даты отдельных памятников, их связи, до сих пор не получено определенных данных по проблеме направления миграций, но основной вывод для археологов, работающих в Иране, считается незыблемым: культура ЖВ I — это единая культура, принесенная на плато новыми племенами.

Итак, как это сейчас представляется, появление самых ранних носителей новой археологической культуры в Загросе может быть датировано периодом ЖВ I (ок. 1300 г. до н. э.). Археологически культура ЖВ II (1000—800 гг.) может рассматриваться как развитие культуры ЖВ I; с несколько меньшей определенностью то же самое можно сказать и о связях между ЖВ II и ЖВ III (800—550 гг.). Распространение культуры ЖВ I—II в Загросе пространственно ограничено и, кажется, в принципе может быть согласовано с расселением иранских племен, известным по письменным памятникам. Распространение культуры ЖВ III, напротив (по крайней мере в VII в.), гораздо более широко — фактически эта культура охватывает весь Западный Иран.

Таким образом, аргументы, которые объединяют эти археологические модели с письменными данными о миграции иранцев в эти области, ассоциируют культуры ЖВ I—II с ранним проникновением иранских племен в самые восточные части Загроса и с их постепенной инфильтрацией на запад, по главным дорогам, пересекавшим горные долины.

Как до сих пор полагают, в районах, которые находились под контролем иранских государственных образований, подвластных Урарту, Ассирии и Эламу, культуры ЖВ I—II должны отсутствовать. Широкое распространение культуры ЖВ III и в этих районах в таком случае ассоциируется с усилением Мидийского царства в VII — начале VI в. и иранизацией Загроса [734в, с. 832].

Так формулируется основная историко-культурная проблема эпохи железного века в Иране почти во всех работах по иранской археологии.

Как говорилось выше (с. 40), для Ирана во II — начале I тысячелетия характерна чрезвычайная этническая и политическая пестрота. Не нашедшие до сих пор окончательного решения споры о местонахождении различных мелких государственных образований, упоминаемых в клинописных (преимущественно — ассирийских) источниках [24; 467], неустановленность этнической карты Ирана этого периода, естественно, не позволяют непосредственно связывать распространение новой культуры с теми или иными этническими или политическими изменениями.

Тем не менее для многих зарубежных исследователей теория связи «археологической революции» с миграцией на плато иранцев остается пока незыблемой. Эта точка зрения настолько укорени-

лась в археологической литературе, что аргументы для ее обоснования переносят из работы в работу, сейчас уже почти не пополняя новыми данными. Кажется, у археологов и нет альтернативы — никакими иными историческими фактами нельзя объяснить доказываемую ими уникальную керамическую (и шире — культурную) унификацию периода ЖВ I. Внимание археологов концентрируется по преимуществу на вопросе о путях проникновения иранцев на плато — с севера (через Кавказ) или с востока (ср. выше, с. 39). Так, согласно Р. Гиршману, племена персов шли через Кавказ, вначале обосновавшись на западе или юго-западе Урмии (Парсуа; ок. 850 г.); после восьмого похода Саргона (714 г.) они двинулись на юг, вначале — в Хузистан, где поселились в районе Суз, Масджид-и Сулеймана и Бард-и Нишанде, а затем — в Фарс, в Пасаргады. Соответственно ряд археологических памятников — Масджид-и Сулейман, Бард-и Нишанде, так называемая «Ахеменидская деревня» в Сузах — датировались доахеменидским временем [309, с. 22]. Кайлер-Янг (и многие другие), отмечая некоторое сходство серо-черной керамики Западного Ирана с керамикой, открытой в Тепе Гисар около Дамгана (в слое Гисар IIIС, по радиокарбонным датам — около 1800 г. до н.э.) [624а], и сопоставляя его с другими данными, полагал, что иранцы двигались с востока на запад [734б]. Это, в свою очередь, порождало споры о датировке некоторых памятников, например могильника Хурвин, территориально наиболее близкого к Гисару из могильников ЖВ I. Несмотря на все усилия датировать Хурвин максимально рано (например, XIV в.), разрыв между ним и Гисаром IIIС оставался все же слишком значительным — не менее 400 лет!

Все эти работы учитывали в той или иной степени лингвистические исследования, посвященные анализу топонимов и имен в анналах ассирийских царей периода не ранее IX в. И здесь, как указывалось, вопрос нельзя считать окончательно решенным, поскольку в разных работах те или иные топонимы и имена получают разное толкование. В советской литературе крайние точки зрения представлены в работах Э. А. Грантовского и И. М. Дьяконова (см. выше, с. 40).

Для реконструкции истории культуры Ирана существенное значение имеет даже не установление пути миграций, а определение времени появления и динамики роста ираноязычного населения на северо-западе и западе Ирана. Согласно Грантовскому, иранские племена проникают сюда не позже, а возможно, и раньше X в. до н. э., и «материалы ассирийских текстов свидетельствуют о широком распространении ираноязычного населения, в том числе в Приурмийском районе, у верхнего течения реки Малый Заб и т. д.» [25, с. 314].

И. М. Дьяконов в одной из последних работ частично соглашается с этим выводом, полагая, однако, что «ираноязычная ономастика и, возможно, даже топонимика появляются в областях Запад-

ного Ирана и Иранского Азербайджана никак не позже IX в. до н. э., а может быть и ранее, правда, наряду с мощным автохтонным языковым слоем» [40, с. 130]. В этом случае «археологическая революция» ЖВ I уже вряд ли может быть связана с иранцами.

Таким образом, вопрос об «археологической революции» ЖВ I перерастает в большую историческую проблему — проблему смены этноса на плато.

Получается как бы замкнутый круг — смена этноса постулируется археологами. Эта идея превалирует в большинстве исследований, несмотря, например, на осторожные замечания того же Кайлер-Янга: «Слишком уверенный тон, в который иногда облечена историческая реконструкция, маскирует большое количество проблем, оставляемых в стороне...» [734а, с. 86 и сл.]. Вместе с тем лингвисты и филологи в своих попытках определить пути проникновения иранцев и время их появления на западе Иранского плато иногда используют для доказательства заключения археологов.

Наиболее уязвимыми пунктами теории иранского вторжения, якобы вызвавшего «археологическую революцию» уже в 1300 г., являются, по-видимому, следующие.

Во-первых, не существует строгих доказательств бесспорности связи новых форм керамики, ее новой орнаментации и т. д. — только с этническими изменениями.

Во-вторых, даже в более обнадеживающем случае — появлении на этом этапе нового обряда захоронения — археологическая картина получается смазанной, обряд захоронения неустойчивым, варьирующим в весьма широких пределах (подробнее см. ниже).

В-третьих, для периода начала ЖВ I (1300—1200 гг.) не существует никаких лингвистических данных о присутствии не только значительных групп, но и вообще каких-либо иранцев на северо-западе плато.

Как известно, в районы к северо-востоку и востоку от Ассирии (на луллубейско-кутийские территории) во II тысячелетии ассирийцы проникали очень редко — это были лишь отдельные набеги, причем ассирийские владыки не пытались закрепиться в этих районах. После разгрома Касситской Вавилонии (ок. 1175 г.) эламиты также предпринимали отдельные военные рейды на север, иногда проникая в Загрос, но установить там свою власть на длительное время они так и не смогли.

С конца XI в. набеги ассирийцев в Загрос надолго вообще прекращаются. Впервые достоверные иранские имена и топонимы появляются в ассирийских надписях лишь в IX в. (Парсуа, например, на северо-западе, близ Урмии, упомянута в 843 г.).

В-четвертых, вопрос о смене археологической культуры в результате смены этноса чрезвычайно усложняется тем обстоятельством, что до сих пор не существует четкого представления о том, кем были иранские племена и в ту эпоху, когда они уже фиксируются письменными источниками: кочевниками и «коровыми пастухами», скотоводами и земледельцами? В первом случае вряд

ли и *a priori* можно говорить о смене керамического стиля на оседлых поселениях с их приходом.

Наконец, само понятие «археологическая революция» ЖВ I, включающее в себя единство как бы внезапно возникших новых черт материальной культуры, и прежде всего возникновение новых форм и орнаментации керамики — самого массового археологического материала, нуждается, по-видимому, в уточнении.

В самое последнее время появились работы, где основное внимание было уделено керамическим комплексам ЖВ I с целью подввергнуть проверке теорию о внезапности появления серо-черной керамики и ее быстром распространении по всему плато. Эта проверка показала, во-первых, что ряд керамических форм (бокалы, миски) — не новы для этой территории, а являются развитием предшествующих форм. Во-вторых, оказалось, что керамические комплексы ЖВ I представляют собой несколько локальных групп: каждый из памятников ЖВ I характеризуется специфическим набором керамики и так называемые ведущие формы различны на каждом из них. Так, например, самые характерные для эпохи ЖВ I сосуды с длинным открытым сливом («чайники») представлены далеко не повсеместно. Их возникновение и бытование фиксируется в разных районах с последующим проникновением в другие в качестве единичных предметов или распространения «моды» [566]. Специальное изучение «чайников» (с распространением именно этой формы связываются особенно ответственные выводы о миграции иранских племен) показало, в частности, что эта форма никак не может быть исконной принадлежностью именно иранской культуры, поскольку появляется на древнем Востоке еще в IV тысячелетии и имеет длительную и сложную историю развития [566].

Следовательно, анализ всех данных может привести к выводу, что период ЖВ I совсем не демонстрирует всеобщего единства культуры и слишком внезапных перемен.

Таким образом, археологические данные для периода ЖВ I дают не столь уж четкую картину, и их интерпретация не может в настоящее время считаться однозначной. Для проблемы прихода иранцев на плато решающими все еще остаются данные письменных источников. Следует повторить, что, согласно этим источникам, в Северо-Западном и Западном Иране с IX до второй половины VIII в. идет процесс постепенного увеличения удельного веса иранских племен с полным их преобладанием к концу периода. Но именно эти данные независимо от решения вопроса о том, какими путями шло заселение плато — с северо-запада или с востока, свидетельствуют против внезапного взрыва — завоевания ряда мелких городов-государств Западного Ирана новыми этническими группами, внезапного появления уже в период ЖВ I значительных масс иранцев-кочевников, или скотоводов, или «коровьих пастухов» и т. д., способных изменить лицо археологической культуры. С процессом, фиксируемым письменными источниками, в значительной большей степени согласовывалось бы постепенное накоп-

ление новых черт материальной культуры, занявшее не одно столетие. Во всяком случае, в период ЖВ II (1000—800 гг.) иранские черты в материальной культуре уже должны быть вполне ясны, а период ЖВ III (700—550 гг.) для Западного Ирана целиком должен рассматриваться как отражающий культуру иранских племен.

Ниже будут приведены основные археологические памятники периодов ЖВ I—III.

Памятники эпохи ЖВ I—III

Часть памятников эпохи железного века уже давно известна науке. Так, Тепе-Гиян (Восточный Луристан) и Сялк (у г. Капана) были раскопаны в 30-х годах экспедицией Лувра под руководством Р. Гиршмана.

Гиршман был первым из археологов, который отметил изменения в материальной культуре Ирана (анализируя преимущественно материалы могильника «Сялк В», относимого им в то время приблизительно к 1000 г. до н. э.). Прибавив к этому ряд материалов, раскопанных им в начале 50-х годов, Гиршман впервые в науке предложил объяснять появление ряда новых черт в археологической культуре движением иранских племен — с северо-запада, через кавказские перевалы и Загрос в Фарс.

Поселение Хасанлу (пожалуй, наиболее важное для установления хронологии периода) наряду с Динха-тепе и Геои-тепе исследовалось еще в 1935—1936 гг. А. Стейном.

Интенсивное и целенаправленное изучение «горизонтов железного века» в различных пунктах Ирана началось в 1957 г., с развертывания работ по «Проекту Хасанлу», выдвинутому Пенсильванским университетом (США) и возглавленному Р. Дайсоном. Раскопки на холме Хасанлу были центром «Проекта», однако он включал изучение памятников всего северо-запада Ирана. Дайсон определял основные задачи «Проекта» таким образом.

1. Установление хронологической последовательности различных фаз культуры, сменявшихся на поселениях, вплоть до периода Ахеменидов.

2. Характеристика (по возможности полная) каждой из этих фаз, всей суммы фактов, составлявших эти культуры.

3. Реконструкция исторических событий на основании полученных данных [254б, с. 39].

Одновременно с этим в Пасаргадах начались работы Британского института по изучению Ирана под руководством Д. Стронаха [649].

Д. Стронах ставил в число задач экспедиции изучение предшествовавших Ахеменидам памятников культуры этого района (в частности, Зендан-и Сулейман), в этом отношении его раскопки были как бы завершающим этапом раскопок Р. Дайсона. И действительно, изучение археологических памятников ЖВ I—III в

качестве предварительной альтернативы с самого начала имело теорию движения иранских племен — носителей новой культуры ЖВ через Загрос в Фарс [649, с. I, с. 20], археологи искали факты, подтверждавшие эту теорию, и, стало быть, на побережье Урмии исследовалась начальная стадия этого движения, а в Пасаргадах — конечная.

Впоследствии эти «базисные раскопки» дополнились еще рядом исследований могильников (работы Л. Ванден-Берге в Луристане и Хурвине, Э. Негахбана и А. Хакими в Прикаспии и др.) и поселений (раскопки Д. Стронаха в Тепе Нуп-и Джан, К. Гофф — в Баба Джан-тепе, исследования американской экспедиции в Гордин-тепе и др.). Некоторые из них принесли сенсационные результаты. Ниже будут кратко описаны основные археологические памятники этой эпохи [библиография: 700в].

Хасанлу

Многолетние раскопки (1951—1960; 1964; 1970; 1972—1975 гг.) ведет Музей Пенсильванского университета, при участии Метрополитен-Музея (США). Отчеты о раскопках (пока только предварительные) публикуются в различных журналах [за последние годы: 254в].

Холм Хасанлу (точнее, два холма: «центральный холм цитадели», высота около 25 м, «нижний холм внешнего города») скрывал под собой остатки поселений приблизительно от VI тысячелетия до эпохи ислама (всего десять слоев). К эпохе железного века относятся слои V—III (B, A) — последний смыкается уже с эпохой Ахеменидов. Нужно отметить, что именно эти слои и в особенности слой IV, относящийся к 1000—800 гг. (фаза ЖВ II), раскопаны на больших площадях.

Раскопки на «центральном холме цитадели» вскрыли громадный комплекс зданий периода IV [описание: 254в].

Большинство зданий этого периода погибли в огне, и в публикациях для них используется обозначение СЗ — сгоревшее здание (англ. BB — *burned building*)⁴. К этому периоду относится крепостная стена с двенадцатью башнями (интервалы между башнями — около 10 м). Обычно стену Хасанлу сравнивают с фортификационной системой урартских крепостей.

Единственные ворота в западном фасе стены были укреплены огромными известняковыми плитами. По двум параллельным улицам от ворот можно было спуститься к центру холма и оттуда по высоким ступеням подняться на так называемый верхний двор, фланкированный двумя зданиями (западное СЗ I; восточное СЗ I). Эти здания представляют типичный образец стандартной для периода IV архитектуры. В здание ведет портик (в СЗ I — длиной 4,5 м). К портику примыкает «лестничная клетка» (лестница вела на второй этаж). За портиком находился большой «колонный зал»

⁴ О датировке, архитектурных параллелях и отдельных находках в зданиях СЗ I—III см.: [734г, с. 48—71; 523, с. 123—125].

с четырьмя рядами колонн. В зале (как правило, у задней стены) возвышалась кирпичная платформа с ведущими на нее ступеньками и длинная суфа — по одной или по обоим продольным стенам зала. В центре зала помещалась еще одна платформа с маленькой постройкой из кирпича в виде колонны, — вероятно, место для жертвенника с горящим огнем. В СЗ I колонна всякий раз после возжигания огня обмазывалась новой обмазкой — сотрудники экспедиции насчитали около ста слоев обмазки. За залом располагались большие кладовые (в СЗ I — с громадными глиняными *карасами*), по плану также напоминающие урартские. На втором этаже (его остатки находят на полах первого этажа), вероятно, помещались кухни и жилые покои.

В качестве архитектурных параллелей этим зданиям указывают обычно на северо-сирийские *bit hilani*, в особенности раскопанные в Зинджерли, или на «мегароны», подобные, например, мегаронам Пилоса. Неясно, в частности, какова была конструкция крыш над «колонными залами» — плоская или двускатная (как, например, в изображении храма в Мусасире).

Наиболее интересным по находкам и, пожалуй, одним из самых больших (44×39 м) было здание СЗ II.

Остатки архитектурных деталей, мебели, украшений позволили археологам детально восстановить интерьер колонного зала (размеры 25,25×19 м). Вдоль трех его стен располагались довольно узкие скамейки из необожженного кирпича, а по обеим сторонам от входа были возведены высокие платформы. У южной стены находилась платформа, облицованная камнем. Прямо перед ней, на полу, были найдены остатки мебели — вероятно, на платформе помещался деревянный трон, украшенный бронзовыми деталями. В центре зала стоял высокий бронзовый светильник на трех ножках. Стены зала были украшены черепами оленей. За платформой находилась небольшая комната, пол которой был тщательно выложен сырцовым кирпичом. Над ней и по сторонам зала располагались покои какого-то чрезвычайно знатного лица, как об этом позволяет судить находка большой золотой вазы с мифологическими сюжетами и других очень ценных предметов (глазурованные терракотовые статуэтки, изделия из бронзы, золота, слоновой кости, сотни бус из раковин, различных полудрагоценных камней, египетской пасты), часть из которых, несомненно, импортные (сирийские, ассирийские, на некоторых — клинопись).

Здание СЗ II (возможно, вместе с СЗ I) использовалось, конечно, для каких-то официальных церемоний, возможно включавших и ритуальные пиршества. Однако существуют споры о характере этих церемоний — гражданских или сакральных и, следовательно, о характере всего комплекса (храм или дворец). Возможно, например, что в комнате за платформой хранилась культовая статуя [572, с. 112]. Но повторение всех особенностей архитектуры колонного зала СЗ II в других зданиях, а также то, что все драгоценные предметы хранились некогда на втором этаже, позволяет, ско-

рее, заключить, что весь комплекс зданий предназначался для гражданских церемоний, а СЗ II было жилищем местного владыки. «Картина, представляющая местного царя, сидящего на троне или ложе, установленном на высокой платформе, во время аудиенции в колонном зале с его чиновниками и знатью, расположившимися на окружающих зал возвышениях, возможно собравшихся для пира, с царской сокровищницей, которая находилась в кладовых рядом с залом,— все это хорошо согласуется с археологическими находками, как и с другими фактами для реконструкции. Тот же царь мог также иногда устраивать более широкие приемы, сидя перед портиком зала для аудиенций и обозревая громадный открытый и замощенный двор. Тогда — слева от него, скрытые стеной, декорированной пилястрами, располагались кухни и помещения для охраны, за которыми находилась его частная резиденция — СЗ I. За холмом, в СЗ III, жил какой-то важный чиновник, несомненно, более низкого ранга» [734г, с. 58 и сл.].

Здания слоя IV, как говорилось выше, погибли в огне, во время штурма Хасанлу, происшедшего около 800 г. до н. э. Хотя по письменным источникам экспансия урартов в этом районе известна, кажется, только для конца VIII в., возможно, что причиной гибели Хасанлу все же было урартское нашествие. Во всяком случае, на городище найдены две каменные стелы с урартскими надписями, вероятно воздвигнутые победителями (в них упоминается о походах в эти районы). Следы катастрофы, иногда даже ее мелкие детали, восстановлены во время раскопок с впечатляющей достоверностью. Так, археологи реконструировали обстоятельства, при которых обитатели Хасанлу во время штурма пытались спасти знаменитую золотую вазу с мифологическими изображениями (XII—XI вв., о ней подробнее см. ниже). Ваза, как полагают, была сакральным предметом, переходила от поколения к поколению и хранилась (в момент штурма) в помещении на втором этаже СЗ II — дворца или храма.

Летом 1958 г., во время расчистки от остатков рухнувших перекрытий и части стен второго этажа одного из нижних помещений СЗ II — кладовой, где держали различные запасы пищи, оказалась рука человека, кости пальцев которой были покрыты зеленой окисью от бронзовой перчатки. «Когда я начал зачищать кости,— пишет Р. Дайсон,— блеснуло золото. Вначале я подумал, что это золотой браслет, но золото шло все глубже и глубже, пока, наконец, не появился тяжелый золотой сосуд (размеры: 20,6××28 см)... Тщательная расчистка еще двух скелетов, найденных рядом... показала: сосуд выносил из горящего здания один из этих трех людей; все они в момент пожара находились на втором этаже. Рухнули перекрытия, и первый из них упал лицом вниз на вытянутые вперед руки; его железный меч с обложенной золотым листом рукоятью при этом ранил его в грудь. Второй — тот, кто нес сосуд,— упал на правый бок, его правая рука в перчатке из бронзовых пластин была прижата к стене, сосуд упал рядом с ним,

а голову ему проломил бронзовый шлем. Когда человек с сосудом падал, третий воин находился слева от него. Он тоже упал вниз, споткнувшись о его ногу, а сверху свалились остатки крыши и стен» [254г, с. 12—14].

О том, что эти три воина были не грабившими город завоевателями, а принадлежали к охране дворца или храма (СЗ II) и пытались спасти священный сосуд, свидетельствует, быть может, и то, что один из них нес булаву со звездообразным бронзовым навершием на деревянной рукояти. Такой тип навершия много старше, чем дата пожара. Известны такие навершия с эламскими надписями XIII—XII вв., происходящие из Луристана (в частных коллекциях); в Хасанлу, в СЗ V (в том же слое пожара) в 1975 г. была найдена еще одна такая же булава с надписью «Дворец Ашшур-убаллита» (ассирийский владыка XIV в.). Вместе с тем доспехи всех трех воинов и железный меч одного из них датируются как раз временем катастрофы. Следовательно, эти вооруженные люди выносили из сокровищницы на втором этаже СЗ II не только древний золотой сосуд, но и древнюю бронзовую булаву (священное оружие?).

В 1971 г. между СЗ V и СЗ IV во дворе был раскопан подвал, тщательно обмазанный штукатуркой. Р. Дайсон пишет: «На полу подвала были обнаружены два скелета — мужской и женский. Голова женщины покоилась на руке мужчины, ее лицо было повернуто к нему, а рукой она касалась его губ. Оба были молоды. Не обнаружено никаких свидетельств ранений или ушибов, нет сломанных костей. Кроме скелетов, в подвале ничего не найдено, но под голову женщины был положен плоский камень. Вокруг скелетов — обломки штукатурки, маленькие куски обожженного кирпича, но ничего достаточно тяжелого, чтобы сломать кости. Были выдвинуты две гипотезы, чтобы объяснить эту совершенно необычную сцену: одна — что двое возлюбленных прокрались в подвал, чтобы спрятаться во время захвата цитадели, и погибли в самый нежный в их отношениях момент. Другая гипотеза — что смерть наступила в момент, когда женщина просила мужчину не издавать никаких звуков. В любом случае ясно; они умерли мирно, вероятно все, задохнулись в дыму» [254в, с. 2 и сл.].

После пожара часть зданий использовалась уже не по назначению — в одном была устроена конюшня, колонный зал другого был поделен на несколько маленьких помещений, а вне круглой стены цитадели, «подобно спицам колеса вокруг сломанной втулки», возводились небольшие дома слоя III (800—650 гг.).

В 1972 г. продолжались раскопки слоя V, относимого к периоду ЖВ I (с конца II тысячелетия). Было раскопано центральное помещение одного из зданий (9×11 м) с двумя каменными базами колонн и окружающие комнаты, которые ясно показали, что как план зданий, так и строительные приемы свидетельствуют о культурном единстве слоев V и IV. То же подтверждает и могильник Хасанлу (вдоль северного конца города), где найдены в основном

индивидуальные захоронения в ямах, без стандартной ориентации покойных, с погребальным инвентарем, состоящим из керамики (сосуды со сливом, миски), личных бронзовых украшений и костей животных — жертвенной пищи. В двух случаях могилы были облицованы сырцовым кирпичом и булыжниками. Эти материалы изданы выборочно и описывались слишком суммарно.

О единстве культуры слоев V—IV свидетельствует также керамика — вся серо-черная или красная (в слое V встречается в очень небольшом количестве расписная, связанная с предшествующей эпохой); некоторые формы керамики (бокалы на высоком поддоне, чашки с ручкой, «чайники» с прикрепленным или свободно стоящим сливом) характерны для ЖВ I—II. Вместе с тем раскопки показали значительный перерыв в традициях между слоем VI (1700—1400 гг.) и слоем V.

Как уже упоминалось, слой IV сменяется некоторым запустением городища, после чего (около 700 г. до н. э.) жизнь в некоторых местах Хасанлу возобновилась. Этот период характеризуется новой керамикой — красными сосудами, расписанными «треугольниками» (слой III B, около 700—600 гг.) и сменявшими их новыми формами сосудов (фляги, чаши с вогнутым краем, кувшины со сливом в виде трилистника) в слое III A. Последний по форме сосудов и орнаментации смыкается со слоями ахеменидской эпохи.

Многолетние раскопки Хасанлу помимо громадного количества материалов для детальной характеристики культуры дали, таким образом, стратиграфическую шкалу, значительно дополненную и обогащенную раскопками в Динха-тепе, недалеко от Хасанлу [523а], что привязало к этому району (и шкале) многие памятники эпохи железного века, как могильники, так и поселения, открытые на всей территории Западного Ирана, вплоть до границ «Великих пустынь».

Сиалк

Вторым важнейшим опорным пунктом для археологической реконструкции этой эпохи является могильник Сиалк (в 3 км к юго-западу от г. Кашана), исследованный Р. Гиршманом (1933—1934; 1937 гг.) [306а; 317, с. 69—86, рис. 29—32].

К эпохе железного века в Сиалке относятся погребения в двух могильниках: могильнике А (по разным оценкам — период ЖВ I или периоды ЖВ I—II) и могильнике В (периоды ЖВ II—III или только ЖВ III).

В могильнике А раскопано 15 могил — простых ям, куда клали умерших в скорченном положении. Погребальный инвентарь составляли в основном керамические сосуды — черно-серые и *buff*. Формы этих сосудов — преимущественно больших горшков, мисок трапецевидного профиля или скошенных у дна, так называемых триподов, — встречаются также и на других памятниках этого периода, но нужно отметить, что характерные керамические формы железного века — «чайники» и бокалы на ножке — найдены здесь в единичных экземплярах (из 110 сосудов — только два «чай-

ника» и два бокала). Все оружие, которое было положено в могилы вместе с умершими, исключительно бронзовое.

Могильник В резко отличается от могильника А по устройству могильных сооружений и пайденым там предметам. Прежде всего, сами могилы это «каменные ящики» с двускатным перекрытием. В могилах иные формы сосудов (есть, в частности, «чайники»), кроме серо-черной керамики встречается расписная с фигурными композициями, изображающими людей и животных (на «чайниках»). Материал могил много богаче (найлены, в частности, сосуды из бронзы, много оружия, в том числе и железного). Наконец, в ряде случаев можно считать установленным, что некоторые могилы принадлежали всадникам.

О датировке могильников Сялка (в особенности могильника В) ведутся споры. Даты различаются более чем на два столетия (для могильника В — между X и началом VII в.).

Датировку могильника В второй половиной VIII в. обосновывал П. Кальмейер на основании исследования бронзовых предметов, и прежде всего деталей конской узды и украшений, и сравнения их с изображениями на ассирийских рельефах. Его аргументы развил Р. Бёмер, который предложил выделить в могильнике В две стадии: «Сялка В 1» (преобладает серо-черная керамика, нет «чайников» с утолщением у основания слива, большое количество сосудов с каннелюрами, как в Хасанлу IV) с датой конец IX — середина VIII в. (инвентарь могил 31, 53, 61, 62, 123) и «Сялка В 2» (расписные сосуды, украшения конской сбруи не старше времени Тиглатпаласара III, «чайники» с утолщением у основания слива) с датой середина VIII — начало VII в. (инвентарь могил 1, 3, 7в, 15, 21, 38, 52, 66, 74, 78, 94) [161а, с. 802—822].

Несмотря на споры, богатейшие материалы могильников А и В Сялка также позволили привязать к нему материалы части могильников эпохи железного века.

Хурвин

О могильнике Хурвин (в 80 км к северо-западу от Тегерана) стало известно в конце 40-х годов, когда на антикварных рынках Ирана появилось много серо-черных и черных керамических сосудов очень изящных форм. В 1950 г. в этом районе были проведены пробные раскопки Археологической службы Ирана (возглавляли раскопки М. Рад и А. Хаками), а в 1954 г. в течение десяти дней здесь работала Бельгийская археологическая миссия во главе с Л. Ванден-Берге. Через десять лет вместе с материалами своих раскопок Л. Ванден-Берге опубликовал также прекрасную частную коллекцию керамики, оружия и украшений Хурвина, собранную госпожой Малек [700 г].

Могилы (научным раскопкам подверглись лишь два десятка) располагались на естественном холме и представляли собой ямы, возможно обложенные камнями, в которые клали умерших в скорченном положении. Керамика могил — это «чайники» со свободно стоящим сливом, миски с ручкой, одноручные кувшины, «трипо-

ды» — тот набор форм периода ЖВ I, о котором не раз уже упоминалось. Найдено небольшое число бронзового оружия и украшений. Датировка могильника спорна (по Л. Ванден-Берге, он должен датироваться 1400—1100 гг.; предлагались более поздние даты). В частных коллекциях, где хранятся сотни сосудов, добытых нелегальными раскопками и в Хурвине и, как представляется, в могильнике Чандар, рядом с Хурвином (для последнего, возможно, характерна черная лощеная керамика), встречаются сосуды и более поздних форм. К сожалению, недавно проведенные разведочные поездки показали, что могильник Чандар почти полностью разграблен неконтролируемыми раскопками.

К а л у р а з

Могильник Калураз (в Гиляне) был открыт в 1965 г. иранским археологом А. Хаками. Материалы его раскопок публиковались пока преимущественно в иранской периодической печати [341a].

Калураз — небольшое селение, расположенное у шоссе Казвин — Решт, в горном ущелье Бази на берегу р. Сефидруд. Могильник Калураз, как и другие памятники, обнаруженные в этом районе, насколько можно судить по кратким полевым отчетам, — однослойный, что вызвано особыми природными условиями Гиляна. Древние поселения, вначале располагавшиеся в долинах у предгорий, из-за быстрой заболачиваемости долин как бы лезут вверх, в горы, представляя своеобразную стратификацию — не по нескольким последовательным слоям одного памятника, но по последовательно сменявшим друг друга однослойным поселениям (археологи используют термин «горизонтальная стратификация»). К сожалению, в публикациях не приводятся подробные данные об устройстве могил, но из косвенных указаний автора раскопок можно заключить, что они были во всем подобны могилам Марлика (см. ниже). Как и там, это были каменные цисты — сложенные из плит песчаника сооружения, куда клались умершие в скорченном положении, без определенной ориентации по сторонам света. А. Хаками различает (не описывая их) четыре типа могил. Согласно его устному сообщению, все они содержали индивидуальные захоронения [ср. 618, с. 46]. Хаками сообщил также, что в Калуразе им было открыто значительное количество захоронений коней, располагавшихся отдельно, но на определенном расстоянии от гробниц с людьми.

Керамика Калураза почти не публиковалась, но широко представлена в нескольких витринах Археологического музея в Тегеране. Она поражает изысканностью форм и великолепным исполнением. Представлены черные высокие горшки с длинным свободно стоящим сливом, напоминающим клювы бакланов, сосуды — «чайники», иногда орнаментированные отпечатками зерен, интересное керамическое изделие — три сосуда со сливами, прикрепленные к своеобразной колеснице, сосуд на ножках-сапогах с загнутым острым носком и т. д. Сосуды черного цвета с лощением, серо-черные и красные (последних очень много), все из прекрасно

отмученной глины, тонкостенные, возможно, частично специально изготовленные для могил: на одном из горшков *buff* длинный изящный слив прикреплен недалеко от днища, к тому же перевернут — сосуд не мог использоваться в быту.

Оружие, найденное в могилах, в основном бронзовое, характерных для Прикаспия форм (связанных с талышскими), представлено очень разнообразными предметами — кинжалами, мечами, наконечниками копий и стрел, топорами, навершиями булав. Рукоятки мечей — с инкрустацией, с конусообразным навершием (подобны хурвинским мечам и кинжалам из частных коллекций), топоры — с трапециевидными клинками.

В большом количестве найдены детали конской упряжи, в некоторых случаях представляющие прекрасные произведения искусства (например, бронзовый хомут, украшенный фигурками охотников и зверей). Наконец, издано немало ювелирных изделий — золотых, серебряных и бронзовых бус (некоторые украшены зернью), браслетов и т. д. Опубликованы также золотые и серебряные сосуды — цилиндрические кубки, украшенные «плетенкой» по краям и различными изображениями: львов, нападающих на горных козлов, оленей, крылатых львов, птиц и т. д. Стиль изображений и техника те же, что и в торевице Марлика (см. ниже).

О точной датировке могильника, как говорилось выше, судить невозможно до его полной публикации. Весь изданный и экспонируемый в музее материал «из Калураза», скорее, свидетельствует о том, что в этом районе раскапывалось несколько разновременных могильников периодов ЖВ I—III.

К а й т а р и е

Раскопки могильника Кайтарие (под Тегераном) вели иранские археологи под руководством С. Камбахш-Фарда. Здесь в грунтовых захоронениях (раскопано более 200) найдено свыше двух с половиной тысяч серо-черных и *buff* сосудов, а также иные материалы ЖВ I, тесно связанные с материалами Хурвина [56a]. В инвентаре отсутствуют железные предметы, оружие представлено только ножами и наконечниками дротиков, украшений очень немного. Среди погребений есть мужские и женские. Основной инвентарь могил — керамика. Иногда с погребенным клали около полутора десятков сосудов разнообразных форм и назначения.

М а р л и к

Могильник Марлик (Гилян, в 14 км к востоку от сел. Рудбар на южном берегу Сефидруд) раскапывался экспедицией Тегеранского университета и Археологической службы Ирана под руководством Э. Негахбана в 1961—1962 гг. Полный отчет о раскопках еще не издан. В 1964 г. вышел в свет «Предварительный отчет» [527], в последующие годы — несколько статей, посвященных разным видам материалов [527a].

Негахбан раскопал 53 погребения, причем фиксация (и издание) материалов производилась им не по инвентарю каждого от-

дельного погребения, а по квадратам, нанесенным на план могильника до начала раскопок, в результате чего материалы одной могилы попадали в разные квадраты. Кроме того, во всех появившихся до сих пор публикациях издавались лишь художественные или редкие вещи — даже в описаниях не упоминаются формы и ornamentация массовой керамики. Такие датирующие материалы, как, например, наконечники стрел или печати, не распределены по могилам.

Наконец, даже в тех неполных комплексах, которые удается восстановить по публикациям, странным образом присутствуют и ранние и поздние вещи. Например, на фотографии так называемой могилы воина (XXIII G) вместе с бронзовым «чайником» с утолщением у слива (форма, представленная в Сялке В, где она датируется различными исследователями от IX до начала VII в.) показан также бронзовый меч, по форме — XII в.

Эти обстоятельства до подробного издания всех материалов не дают возможности в полной мере использовать памятники Марлика для реконструкции материальной культуры. Дата могильника, предложенная Негахбаном, конец II — начало I тысячелетия, должна рассматриваться как предварительная. В качестве основания для датировки Негахбан привлекает для керамики и бронзовых сосудов параллели преимущественно из Сялка В (IX — начало VII в.), для оружия — более ранние материалы Талыша, Калардашта, для украшений — аналогии от Тене Гисар до Хурвина и Сялка и т. д. [527, с. 34—36].

По мнению автора раскопок, Марлик являлся царским некрополем. Раскопанные могилы были отнесены к четырем типам. I тип представлял собой большую, неправильной формы цисту, стенки которой были сложены из мелких плит сланца и булыжников с глиняным заполнением. Размеры таких цист — около 3×5 м. Этот тип могил сравнительно редок. II тип — цисты прямоугольной формы с одной закругленной стороной, сложенные из камня и плит, с глиняным заполнением. Стенки цист покрыты штукатуркой красного цвета. Вся могила обычно перекрыта слоем почвы краснокоричневого цвета — возможно, применялась охра. Как считает Негахбан, в таких могилах хоронили женщин — «цариц» и детей. III тип — тщательно выложенные камнем квадратные «ящики» (3×3 м). Негахбан относит их к наиболее раннему типу. IV тип — неправильной формы небольшие цисты (1×2 м; найдено всего три), примыкавшие к могилам I типа и содержавшие остатки конских костяков и украшения конской сбруи. В могилах почти не было найдено костей: как полагает Негахбан, «они были уничтожены грызунами или сгнили».

В «Предварительном отчете» выделяются несколько групп различного материала, однако их, как правило, невозможно объединить даже в неполные комплексы.

Так, в квадрате XIV D [527, рис. 20, 27, 91, 117] найдены: бронзовый кухонный котел с округлым дном и двумя ручками у

венчика; керамический сосуд, состоящий из двух соединенных кувшинов с ручками и орнаментом в виде насечек; красноглиняная лощеная фигурка зебу с золотой серьгой в ухе — зооморфный сосуд (морда — открытый, как у некоторых форм «чайников», слив); на фотографии могилы [рис. 20] изображены выстроенными в ряд еще пять таких сосудов. На плане некрополя в квадрате XIV D изображена лишь половина могилы I типа. Вторая ее половина вместе с половиной могилы III типа и четвертью еще одной могилы II типа попала в квадрат XV. Остальные три четверти этой последней вместе с частью большой могилы I типа изображены в квадрате XV E. В этом квадрате [рис. 16а, в, 17в, 35, 44, 66, 70, 74, 92, 95; 107, 124] найдены:

Керамика: лощеная фигурка из красной глины — сидящая жепцина с медвежьей головой (сосуд, рот в виде открытого слива).

Оружие: бронзовый наконечник копья с продольным ребром (длина 75 см), бронзовые вилы с двумя зубцами и полый ручкой для насадки на рукоять (длина 61 см), двубушный бронзовый топор (длина 16,5 см).

Украшения: ожерелье — золотая цепочка с подвешенным к ней кольцом, к которому прикреплена ромбовидная бусина, украшенная «зернью»; золотая подвеска — две головы орлов на витом кольце; серебряный браслет из двух полых трубок, вставленных одна в другую; бронзовая фигурка зебу на четырех колесах.

Торевтика: серебряная чаша с ямочным орнаментом; массивный золотой сосуд (на рис. 107 — лежал внутри бронзового котла?) с изображением горных козлов, птиц и «древа жизни».

В квадрате XVII B [527, рис. 18а, 25, 39, 49—51, 53, 56, 58, 59, 68, 69, 83, 97, 102, 125] — половина могилы I типа (?) — был найден великолепный чернолощенный ангобированный сосуд с отстоящим длинным сливом, такой же, как и в могильнике Калураз [рис. 25], два бронзовых меча — длинный тяжелый с большим полым серповидным навершием (длина 82 см) [рис. 50] и короткий (длина 59,3 см) [рис. 51] с прямым нешироким клинком и полукруглым навершием рукояти, бронзовые наконечники стрел различных типов, бронзовая модель лука, много золотых украшений, в том числе подвеска, украшенная «зернью».

Наиболее представительный комплекс — полная могила XVIII C (принадлежит ко II типу) [527, рис. 14, 18в, 27, 28, 42, 54, 77, 81, 93, 94, 96а, 99, 101, 111, 112, 127]. Здесь три массивных золотых сосуда. Один — чаша с прямым венчиком, украшенным сложной «плетенкой» [рис. 112]. На чаше — орел с распростертыми крыльями над фигурами двух баранов и два барана (на другой стороне) по сторонам «древа жизни». Головы баранов и орла выполнены в высоком рельефе, детали тел проработаны чеканом с оборота и гравировкой. На втором сосуде (табл. VIIIA) изображены два ряда (в двух регистрах) лежащих горных козлов.

Третий сосуд — вероятно, наиболее известный по многочисленным воспроизведениям — с изображением крылатых быков и гри-

фонов (в двух регистрах); в особенности интересны грифоны с телом и лапами львов и орлиными головами.

Кроме этих сосудов в погребении найдена полая золотая фигурка человека [рис. 101] в церемониальной одежде (изображена пунктирной гравировкой и чеканкой с оборота), как считает Нехабап, изображение царя, две большие керамические фигурки обезьян (мужская и женская, табл. XI) с сосудами со сливом в руках, большая бронзовая человеческая фигура с конической прической (или головным убором), зооморфные краснотелые сосуды — антилопа и колесница с конями, различные золотые украшения и т. д. Выделяется также комплекс могилы I типа XX H — XXI H, где в числе других материалов представлены золотая ваза с фантастическими конями (в два регистра), напоминающими своими вычурными формами изображения фантастических коней на керамике Сялка В [рис. 109], серебряный кубок с фигурой человека в коротком платье с конической прической или шапкой и (на другой стороне) горным бараном на «древо жизни» — местным вариантом распространенного ассирийского сюжета [рис. 104—105], кинжал с бронзовым клинком, декорированным желобками, заполненными лазуритом, и с покрытой золотым листом рукоятью, инкрустированной вставками из золота, лазурита и зеленого камня (длина 48 см) [рис. 48], и мозаичная ваза [рис. 101, вставки из белого и синего камня] типичной ассирийской работы.

Наконец, неоднократно упоминается в литературе «могила царя-воина», т. е. комплекс XXIII G — циста размером 4×4 м, в которой был найден скелет, лежавший на левом боку. Под черепом были найдены два бронзовых меча и наконечники копий. Оружие было положено на каменную плиту. Сверху, над скелетом, обнаружены бронзовая модель плуга со впрыженными в него двумя зебувидными быками, бронзовые фигурки животных, бронзовый котел с черпаком, бронзовый «чайник» с длинным открытым сливом и утолщением у слива (подобно глиняным «чайникам» в Сялке В). Под плитой, на которой покоился скелет, лежали глиняные фигурки: мужская с головой фантастического зверя и еще несколько фигурок зверей.

Находки в могильнике Марлик значительно обильнее изданного пока материала, но даже приведенный выше перечень содержания нескольких могил говорит о чрезвычайном богатстве погребального инвентаря. В особенности выделяются памятники торевтики — золотые и серебряные сосуды с изображениями реальных и фантастических животных. Почти для всех этих сосудов характерны некоторые общие технические приемы исполнения (чеканка с оборота, которой достигался как высокий, так и низкий рельеф, особая трассировка пунктирных линий — насечек для изображения шерсти, грив, подчеркивание мускулатуры круглыми широкими пунсонами) и орнаментальные мотивы (сложные розетки, украшающие днища почти всех сосудов, «плетенки», иногда — рельефные по краям венчиков, и др.), что свидетельствует о наличии

единой школы торевтов. Вместе с тем изображения на кубках имеют очень разнородные источники.

Все памятники Марлика — или местные или импортированные из Ассирии, Элама, Митанни. Так, например, найденные в Марлике печати — или митаннийские цилиндры XV—XI вв. (их большинство), или ассирийские XII—IX вв. (на одном из цилиндров остатки клинописи, по мнению Дж. Камерона, времени не ранее Ададнирари I), или же местные, вырезанные из гипса, жировика или чеканенные из золота [527a].

Некоторые ученые полагают, что Марлик, как и Калураз характеризуют культуру племени мардов [341a]. По мнению Негахбана, культура Марлика представляет собой «остатки великой цивилизации, существовавшей в Гиляне и Мазендаране, имевшей тесные контакты с ближайшими соседями и достигавшей Кашана на юге, Луристана на юго-западе и Кавказа на севере». Царское кладбище Марлика, использовавшееся, по заключению Негахбана, в течение двух-трех столетий (конец II — начало I тысячелетия; периоды ЖВ I—II), должно было, по его мнению, располагаться у какого-то весьма крупного поселения — центра сильного государства, в указанный период распространившего свое влияние на Гилян, Мазендаран, Южный Азербайджан (район оз. Урмия). В начале I тысячелетия, вероятно, под нажимом Ассирии, это государство пришло в упадок, «и в конце концов остатки населения были вытеснены в центральную часть Иранского плато, оставив после себя такие свидетельства, как могильник В в Сиялке и некоторые могилы в Луристане» [527, с. 37 и сл.].

Если вспомнить, что могильник Сиялк В давно уже ассоциируется с иранцами [например, 306a], то становится ясным, что импозантная теория Негахбана подразумевает те же иранские племена, создавшие в этом обширном регионе «великую и единую цивилизацию» уже в конце II тысячелетия до н. э. (ЖВ I). Представляется все же, что связи с центром плато и даже Луристаном, отмеченные Негахбаном, слишком слабы для подобного заключения. Торевтика Марлика (именно к ней обращаются Негахбан и другие исследователи), конечно, относится к некоей местной школе мастеров, произведения которых, впрочем, были найдены не только в Гиляне (Амлаш, Марлик, Калураз), но и в Южном Азербайджане и в других местах Северо-Западного Ирана.

Говоря о крупном политическом объединении начала I тысячелетия в указанных районах (а материал позволяет датировать Марлик и тем более Калураз IX и даже началом VIII в.), прежде всего следует вспомнить Манну (Хасанлу V—IV как один из центров Маннейского государства рассматривал и Р. Дэйсон). Возможно, мы имеем дело именно с маннейскими мастерами. Но основное население Манны в начале I тысячелетия (до этого времени определенными данными мы не располагаем) было преимущественно хурритским (в том числе хурритские имена носили также маннейские вожди). Манна известна как отдельное царство по крайней

мере с IX в., и еще до начала VI в. она продолжала, по-видимому, существовать как зависимая от Мидии. Кандидатов для заполнения «царского некрополя» в Марлике, скорее всего, можно искать именно среди маннейских вождей-хурритов. Но в этих районах в IX в. представлено и ираноязычное население, чем, быть может, и объясняется «иранское» толкование некоторых памятников Марлика (см. ниже).

Марлик — это один из ярких примеров, где среди иноязычной, по всей вероятности, культуры уже возможно искать (пусть предположительно) некоторые иранские черты. Вторым таким примером, наверное еще более ярким, является культура Луристана.

Луристан

Культура Луристана знаменита прежде всего «луристанскими бронзами» — вотивными предметами, оружием, деталями сбруи коней. Такие памятники стали находить во время кладочислительских раскопок еще в 20-х годах, но лишь недавно, после работ Бельгийской экспедиции Л. Ванден-Берге в районе Пушт-и Кух, удалось определить их абсолютные даты.

К периодом ЖВ I—III в Луристане относятся могильники Бард-и Бал (Пушт-и Кух, 54 км к юго-востоку от г. Илам, раскапывался в 1970 г.), Кутал-и Гулгул (также к юго-востоку от Илама) — оба относятся к периодам ЖВ I—III; Вар-Кабуд, Бани Сурмах — оба относятся к периоду ЖВ III.

Кроме того, Бельгийской экспедицией раскопано еще несколько могильников и проведена детальная археологическая разведка всего района [7006].

Интерес к культуре Луристана возник в конце 20-х годов. Рассказывают, что в 1928 г. в деревне около г. Харсина в одной из лавок появился странный бронзовый предмет — «идол» с телом человека, оплетенным фантастическими зверями. Предмет нашел кочевник-лур, предложивший его местному торговцу за несколько лепешек. Появившись в Европе, подобные «идолы» вызвали беспрецедентный интерес у антикваров и любителей древностей, что привело к нелегальным раскопкам самого широкого масштаба. Любители искусства и музеи Тегерана, Парижа, Лондона, Брюсселя, привлеченные уникальной пластикой форм, оригинальностью, «примитивностью», сочетающейся с ультрасовременным стилем этих странных «идолов» и зверей, сотнями, скупали найденные в результате этих раскопок или ловко подделанные «луристанские бронзы». И ученые, усматривавшие в бронзах реликты совершенно неведомой культуры, связанной и с Эламом, и с Ассирией, и с хеттами, и с Кавказом (были даже работы, связывавшие «луристанские бронзы» с бронзами тагарской культуры в Минусинской котловине), пытались установить даты этих объектов, вскоре убедились, что почти все могильники полностью разграблены неконтролируемыми раскопками, а керамика и прочий «рядовой» материал уничтожены, поскольку почти не находили сбыта.

Теперь, после проведенных раскопок и изучения коллекций

[см.: 184а; 516а], выделяются так называемые «типичные луристанские бронзы» (в отличие от многочисленных бронзовых предметов III тысячелетия — VI в. до н. э., найденных на территории Луристана), для которых по сравнению со всеми остальными характерны оригинальные формы и иконография.

Бронзовые ритуальные топоры с многочисленными остроугольными выступами — шипами на обухе — и таким расположением клинка (90° к рукояти), что ими невозможно было пользоваться в быту, часто украшенные литыми фигурами людей или зверей, представляют совершенно оригинальные изделия. На двух таких топорах из коллекции Мохсена Форути надписи с именем эламского царя Шилхак-Иншущинака (около 1150—1120 гг.) и вавилонского царя Навуходоносора I (1126—1105 гг.) [235а]. Несколько подобных топоров, но без надписей, найдены Л. Ванден-Берге в могильнике Кутал-и Гулгул.

Цельнолитые бронзовые кинжалы с плоской рукоятью с «закраинами» и так называемыми крыльями на рикассо — для инкрустации деревом или костью и полукруглым навершием также типичны для Луристана. Они в большом количестве найдены во всех раскопанных Ванден-Берге могильниках (часто по несколько в одной могиле). Такие же кинжалы встречены и в Хасанлу V и в Тепе-Гиян. На одном из кинжалов (в частной коллекции) — надпись с именем вавилонского царя Мардук-надин-аххе (1100—1083 гг.).

Бронзовые ручки для точильных камней, обычно заканчивающиеся протомой козла с великолепными рогами или птицы, — еще один пример типично луристанских изделий. Такой точильный камень с золотой ручкой, заканчивающейся львиной головой, входил в ритуальный клад, обнаруженный археологами под храмом эламского бога Иншущинака в Сузах (XII в.). На ассирийской стеле времени Ашшурнасирпала II (883—859 гг.) изображен царь, у пояса которого — два описанных выше кинжала и точильный камень с ручкой, заканчивающейся головой рогатого животного. В могилах Луристана часто находят такой набор: пару кинжалов и ручку для точильного камня.

Все эти предметы, судя по надписям на них и по сопутствующим археологическим материалам, датируются XII—IX вв. (ЖВ I).

Для более поздней эпохи луристанской металлургии характерны бронзовые «псалии» определенной формы, которыми в особенности богаты луристанские коллекции. Они представляют чудовищное смешение иконографических образов: здесь и псалии, выполненные вполне в ассирийском духе (подобные изображенным, например, на рельефе Синаххериба), и псалии с изображениями местных и эламских божеств и, наконец, псалии, представляющие образы зверей — муфлонов, лошадей, «единорогов» (подобных изображенным в тореитике Марлика), оленей с поджатыми ногами, даже лосей. Такие псалии найдены в Нимруде (слой конца VII в.), на Самосе (слой VIII—VII вв.) и в других местах, но центром их

производства был, несомненно, Луристан. Технические приемы (литье по восковой модели, проработка резцом) показывают близительную одновременность их изготовления, но вместе с тем указывают на давние ремесленные традиции.

На бронзовых псалях Луристана этого времени помимо ассирийских, эламских и других образов есть изображения фантастических существ, демонов, антропоморфных божеств, которые не имеют иконографических параллелей за пределами Луристана. Отдельные детали, составляющие эти, как правило гибридные, композиции, имеют длительную историю развития здесь и на соседних территориях (прежде всего в Эламе). Наиболее характерны так называемые идолы, навершия votивных штандартов в виде гибридного образа — антропоморфного божества в переплетении с хищниками, фантастическими зверями и птицами, и богини-женщины с головами хищных птиц, вырастающими из плеч. Не менее типичны довольно большие дисковидные или ажурные навершия булавок, представляющие богиню-мать или богиню плодородия в окружении зверей, птиц, рыб, растений, или, наконец, так называемого Зрвана — полиморфное божество, сочетающее в себе черты юноши и старца. Все это изображения собственно луристанских божеств.

Мастера Луристана, таким образом, имея тысячелетние традиции и громадный навык в бронзовой металлургии, изготавливали различные вещи для различных заказчиков, в числе которых были цари, царьки и вожди различных по этносу племен. Люди, которые изготавливали эти предметы и помещали их в некрополи, располагавшиеся у рек и ручьев, в местах, которые еще и до сих пор считаются священными, жили в эпоху ЖВ I—III, вероятно, также, как и сравнительно недавно: они были пастухами, пасли свои стада на летних пастбищах в горах и на зимних — в долинах, занимались земледелием. Они жили в переносных палатках, однако найдены и долговременные их поселения — около особо почитаемых храмов, например в Сурх-и Думб [625, с. 205—246]. В период ЖВ I—II они хоронили своих покойников в обширных некрополях, могилы в которых — цисты, облицованные камнем и перекрытые каменными плитами, или «каменные ящики» (стенки могилы из вертикально стоящих каменных плит). Вместе с покойниками в могилы клали бронзовое оружие, бронзовые votивные предметы и украшения, керамические сосуды (для периодов ЖВ I—II — серые или красные). В период ЖВ III могилы — простые ямы неправильной формы, небрежно обложенные камнями, или круглые, из камня, перекрытые плитами песчаника. Для захоронений этого времени характерна грубая лепная керамика *buff* или тщательно выделанная серая керамика, иногда декорированная «треугольниками» (по плечикам горшков). Обнаружены и зооморфные сосуды в виде быков, а также изредка глазурованная эламская и ассирийская керамика. В могилах уже много железного оружия, встречаются двубушные топоры-тесла с рельефными человеческими го-

ловами, декорирующими втулку. Именно в одной из таких могил, впервые в достоверном археологическом контексте, был найден типичный для «луристанских бронз» вотивный «идол» [700б, с. 91, рис. 12].

* * *

Представляется, что краткое описание памятников ЖВ I—II все же показывает скорее разнообразие, чем «поразительное единство» археологической культуры данного региона в этот период. О том же свидетельствуют и керамика (см. таблицы: 56а; 56б) и разнотипность могильников. Массовый археологический материал не дает, по-видимому, возможности однозначно судить об этносе его владельцев.

Более определенно этнос может фиксироваться изобразительными памятниками, однако при их анализе главной трудностью является доказательство объективности интерпретации сюжетов или отдельных образов.

Например, изображения птиц и зверей, реальных и фантастических, а также различных божеств на ритуальных предметах из Луристана (в особенности на бронзовых поясах, серебряных, золотых и бронзовых пластинах, вотивных булавах из Сурх-и Думб) истолковываются Р. Гиришманом, Л. Ванден-Берге и некоторыми другими учеными, исходя из авестийских мифов. Такое истолкование базируется на том же, что и для Западного Ирана, предположении, что в конце II тысячелетия в Луристане появляются первые иранские племена. Хотя при анализе таких памятников мы находимся на более твердой почве, получая возможность сопоставлять эти изображения, например, с религиозными концепциями иранских племен и искать в памятниках отражение хотя бы некоторых из этих концепций, здесь нужно отметить, что на столь раннем этапе интерпретация этих памятников как иранских по существу начинается словом «неизвестно».

Действительно, почти ничего не известно о верованиях ранних иранцев, об их обычаях и обрядах. Неплохо освещенный письменными источниками период державы Ахеменидов позволяет, конечно, дать некоторую реконструкцию идеологии этой державы, точнее, пока только идеологии правящей династии. Но и здесь многие детали остаются в тени. А ведь только этот зыбкий фундамент (с опорами на данные по иранской религии, которые отстоят от описываемой эпохи иногда более чем на тысячелетие) и есть то, с чего иногда начинают интерпретацию.

Так, например, на бронзовом умбоне щита из Луристана, относящегося к VIII—VII вв., изображены две антропоморфные фигуры, как бы вырастающие из головы божества. Такой сюжет представлен и на «бронзах Луристана», часть которых была открыта и в Сурх-и Думб, причем иногда к одной из фигур движется процессия старцев с цветками или пучками ветвей в руках,

а к другой — процессия юношей. Было заманчивым предположить, что здесь перед нами изображение иранского бога Зрвана — божества вечного времени, подобного Кроносу. Но следы культа Зрвана сохранились лишь в религиозных текстах, относящихся к III—IX вв. н. э. В раннесасанидскую эпоху (III—IV вв. н. э.) зранизм был одной из сект зороастризма, имел своих жрецов, своих последователей и, очевидно, свою литературу. Но тогда это направление было связано только с различными философскими течениями, с ортодоксией в религии и «высокими» богословскими спорами. Мы не знаем никаких изображений, связанных с этим культом, даже для позднейшей эпохи, отстоящей от «луристанских бронз» на полторы тысячи лет. Скорее всего, именно учение зранизма подразумевал Плутарх, называя его «учением магов», и, таким образом, вероятно, что философская дискуссия в зороастризме относится еще к позднеахеменидской эпохе (Плутарх ссылается на Феопомпа, писавшего в IV в. до н. э.). Но и это сопоставление вряд ли помогает, и, следовательно, интерпретация сюжетов этой серии «луристанских бронз» зависит лишь от смелости ученого и его вкуса.

Это касается и многих других памятников, например, в том же духе истолковывается луристанская пластинка из Музея Цинцинатти (США), на которой, по мнению Р. Гиршмана, изображен бог Зрван, окруженный мальчиками, мужами и старцами; «идолов» же этот ученый связывает с культом зороастрийского божества Сраоши [317, с. 100—101, табл. III, IV (2)].

Та же иранская интерпретация не раз предлагалась и для других памятников искусства периодов ЖВ I—II.

Так, изображения на наиболее известном памятнике искусства этой эпохи — знаменитой золотой вазе, найденной Р. Дайсоном в СЗ II в Хасанлу, — рассматривались как иллюстрации к авестийским мифам, связанным с богиней Анахитой или «женской версией мифа об Этане» [249, с. 149]. Поиски иранских черт в изображениях на этой вазе, в сущности, вызваны общей идеей этнических перемен, лежащих в основе «археологической революции» (ваза по иконографии деталей, например по изображению мечей, должна относиться приблизительно к 1100 г.; слой, в котором она найдена, датируется X—IX вв.) [572, с. 96—102; 500, с. 72—87]. Кроме того, по ряду деталей («плетенка» и т. д.) она может быть связана с торевтикой Марлика. Одно из изображений на вазе — птица, несущая обнаженную женщину, — напоминает подобное же изображение на серебряном иранском блюде V—VI вв. н. э.

Вместе с тем именно обстоятельства находки этой вазы, с очевидностью показавшие, что она представляла собой культовый (или, во всяком случае, особо почитавшийся) объект, который хранился в храме или во дворце правителя Хасанлу, препятствуют его иранской интерпретации. И действительно, какие иранские изображения можно представить себе на сосуде XI в., какие иранские культы могли быть распространены в центре с хурритоязыч-

ным или загро-эламским населением X—IX вв.? Хасанлу в то время почти наверняка был одним из центров Манны: в надписи, найденной в СЗ II на большой каменной крышке котла, упоминается, например, «дворец страны Иды» [255, рис. 9]. Однако из этого факта еще невозможно заключить, что именно Ида была страной Хасанлу: крышка найдена в комплексе с золотой вазой и другими древними предметами и могла быть привезена издалека. Самое большее, о чем можно говорить, — это о возможной иранской интерпретации для некоторых неиранских изображений, относящейся к тем же явлениям, что и двуязычные названия божеств (Багбарту, Баг Тешуб, Парни Олди), хотя и эти данные более позднего времени [24, с. 302—305].

Наряду с этим в работах [572; 500], подробно исследовавших этот памятник, указывались многочисленные иконографические и композиционные параллели для сцен на вазе в хеттских рельефах Малатьи и Арслантепе, староассирийских и вавилонских печатях (в том числе и для обнаженной богини) [см.: 572, с. 99] и т. д. Все сцены на вазе были достоверно истолкованы как иллюстрации к хурритским мифам (сохраненным в хеттской передаче: «Божественное царство», «Песня Улликумми»), где главным героем выступает сын бога Ану, драконоборец Куммарби.

Однако именно ваза из Хасанлу открывает серию произведений торевтики, техника и стиль которых свидетельствует о новой местной школе, о крупном художественном центре, образовавшемся в Северо-Западном Иране в период ЖВ I.

Этот центр, или школа, инспирируемая иконографическими композициями ассирийского, сирийско-малоазиатского, эламского искусства, демонстрирует вначале свою оригинальность лишь в стиле изображений, технических приемах мастеров, в деталях, не относящихся к основному содержанию композиций. До сих пор все наиболее ранние произведения этой школы находят в исторической области Манны (первые письменные свидетельства о Манне — в надписях Салманасара III, 60—30-е годы IX в.), и, видимо, мы вправе называть эти произведения маннейской торевтикой. В сущности, торевтика для этого времени — такие же престижные памятники местных царей, как и «большое искусство» владык Ассирии или Элама: на них, так же как и там, вероятно, прослаиваются местные божества и герои. Золотые и серебряные сосуды остаются основными престижными памятниками в течение многих столетий.

Поиски иранской интерпретации для изображений на этих памятниках новых историй, рассказанных с помощью использования старых картинок, конечно, не безнадежны, но следует иметь в виду, что такие гипотезы будут тем более вероятными, чем менее эти старые картинки будут связаны между собой. Другими словами, можно предполагать, что иранский художественный язык мог использовать иноязычные идеограммы, но в этом случае нужны такие памятники, где идеограммы не составят связанных тек-

стов — иначе это будет иносязычный текст. Ваза из Хасанлу как раз являет один из примеров, где нет необходимости искать иранскую интерпретацию для изображений хурритских мифов.

Одним из образцов, где такие поиски кажутся возможными, является большая золотая ваза с «историей жизни козы», найденная в Марлике, в могиле на склоне холма (квадрат VI B) [527, рис. 113, табл. IV]. Изображения на вазе размещены в четырех регистрах. В нижнем — коза, кормящая козленка. Эта композиция канонична для искусства Ассирии XII—X вв. и входит в определенный религиозный контекст; во втором регистре — уже подросшая коза, жующая верхние листья «древа жизни». Некоторые детали этого изображения выдают руку местного мастера, но почти все элементы «древа жизни», как и композиция в целом, опять взяты из искусства Ассирии несколько более поздней эпохи и из другого религиозного контекста. В третьем регистре — волки (?), идущие чередой, и летящая птица. Наконец, в четвертом верхнем регистре — труп козы, очевидно задранной этими волками, который клюют два коршуна. Опять в деталях — местный стиль, но мотив этот часто использовался в качестве восторженно-пессимистического (над основной сценой) в касситской глиптике (XIV—XIII вв.), на эламском цилиндре, найденном в Ашшуре (XIII в.), на каменных хеттских рельефах Каратепе. Как установила Э. Порада, этот мотив связан с символикой выигранного сражения, «удачи во время боя» [572а, с. 163—182]. Нужно подчеркнуть, что изображения во всех регистрах выполнены в «марликом стиле» местным мастером, использовавшим ряд приемов местной школы торевтов. Над всеми регистрами изображена странная фигурка — «эмбрион или обезьяна», как называет ее Э. Негахбан [527, с. 55]. «Если это эмбрион, — замечает он, — фигура, должно быть, обозначает новое возрождение жизни. Если обезьяна, то она, должно быть, рассказывает всю эту историю. Для древних сказок Ирана является обычным, что какое-то животное, чаще всего обезьяна, рассказывает их».

Итак, здесь перед нами четыре разнородные «цитаты», или, точнее, «пересказа своими словами», — различные изображения, входящие в сложную символику разных религий (Ассирии, Элама, касситов, хеттов), вырванные из их контекстов и объединенные на одном сосуде местным мастером, чтобы рассказать историю рождения и смерти, передать идею «круговращения судьбы», столь характерную и для иранских религиозных мифов и для иранского фольклора. Если принять в качестве гипотезы такое объяснение сюжета вазы, то тогда ее можно рассматривать как пример формирования иранского искусства. Оно создается из разнородных цитат, вырванных из контекста, из элементов религиозных изображений различных древневосточных цивилизаций, перетолкованных, приспособленных местными мастерами для иллюстрации своих мифов или изображений своих божеств.

Дата описанного памятника неопределенна. Ваза найдена в могиле II типа (с одной закругленной стенкой, по мнению автора

раскопок, женской), никакого иного материала из этой могилы не издавалось. Судя по самым поздним иконографическим аналогиям, сосуд может быть отнесен к IX в. (или даже позже).

На памятниках искусства более позднего времени (ЖВ II—III) иранские черты выступают яснее.

Так в «луристанских бронзах» уже в VIII в. все чаще встречаются выполненные в новом для этого района стиле изображения зверей. Конечно, этот стиль нельзя еще назвать «звериным», если под этим понимать особый стиль памятников прикладного искусства, характерный прежде всего для скифов. Аналогии со скифскими памятниками в этом случае только иконографические, но нужно отметить, что в Луристане очень рано появляются именно те изображения, которые впоследствии составят триаду «скифского звериного стиля»: изображение оленя с поджатыми ногами (деталь бронзовой псалии, как полагают, VIII в.) [322а, с. 237, рис. 151], изготовившейся к прыжку пантеры (поселение Баба Джан, см. ниже), головы грифа (например, украшение обуха бронзового топора XI—X вв.) [739, № 420]. Но здесь они еще ни в коем случае не являются ведущим мотивом в изобразительности. Для той эпохи это просто вещи, сделанные «на заказ» (например, псалии делали и для ассирийцев и для эламитов), в данном случае, возможно, для иранского вождя или воина.

Иран в IX — первой половине VI в. до н. э.

Мидийцы, которые пришли на плато в конце II — начале I тысячелетия, осели в Северо-Западном Иране. В IX в. ассирийцы совершали походы на мидийскую территорию с целью захвата добычи [35, с. 154 и сл.; 194 и сл.]. В это время в Северо-Западном Иране едва только начинался переход от первобытнообщинных отношений к классовым, и там существовали десятки мелких княжеств, которые объединяли как мидийцев, так и автохтонное население кутийско-касситского происхождения. Возможно, что сравнительно сильная политическая власть существовала на территории современного Гиляна еще на рубеже II—I тысячелетий, когда возникли памятники, раскопанные в Марлике [527, с. 38]. На территории Мидии найдена надпись IX в. на аккадском языке, вырезанная на двух сторонах бронзовой пластины. Текст составлен от имени правителя неизвестной страны Шилисруха, и в нем говорится, что царь облегчил натуральные поборы с подданных [374, с. 239—246; 222, стб. 477].

Сначала ассирийцы захватили западную часть Загросского района, которую они называли Замуа (в современном Ираке), и превратили ее в плацдарм для походов в Мидию. В 883—880 гг. ассирийцы обложили податями — крупным рогатым скотом, лошаадьми и бронзовыми сосудами — районы вокруг западного берега озера Урмия. В 881 г. луллубеи области Замуа восстали против Ассирии. Затем последовала жестокая расправа ассирийцев, кото-

рые разрушили многие селения, сжигали детей на кострах и увозили в рабство взрослое население. В стране были оставлены ассирийские гарнизоны, хотя местные вожди и сохранили свою власть. В конце IX в. ассирийцы совершали набеги на Манну, расположенную к западу от Мидии. Население этой страны в значительной мере было автохтонным загро-эламским или, возможно, хурритским [60, с. 11—12; 57; 467, с. 115 и сл.; об этническом составе населения, истории, экономике и религии Манны см. 45]. В самом конце IX в., когда урарты стали угрожать Манне, она становится верным союзником Ассирии.

С конца IX в. в Ассирии начался затяжной внутренний политический кризис. Этим воспользовались урарты, которые нанесли ассирийцам ряд поражений и захватили часть территории Манны и Парсуа. Между 745—727 гг. ассирийский царь Тиглатпаласар III провел военные и административные реформы. Прежде всего он создал постоянную армию, находившуюся на полном государственном снабжении. Изменилась также политика по отношению к соседним странам. Если раньше ассирийцы совершали походы на восток с целью лишь грабежа, то теперь покоренное население стали переселять в другие концы Ассирийской державы, а на место угнанных селили этнически чуждые им племена. Население некоторых областей ассирийцы оставляли на месте, обложив тяжелой податью, а территория таких областей включалась в состав Ассирии. В 744 г. ассирийцы захватили область Бит-Хамбан к западу от Мидии и затем обложили вождей «страны могучих мидийцев» податью. В своих походах ассирийское войско дошло до центра Иранского плато, а именно до горы Бикни (Демавенд у современного Тегерана), и установило подать с мидийцев лошадьми, мелким скотом, до 300 талантов (9 т) лазурита и 500 талантов (15 т) бронзовых изделий [35, с. 196].

В 737 г. Тиглатпаласар III совершил новый поход в Мидию, о чем содержится сообщение в стеле этого царя, найденной в Западном Иране. В ней, в частности, говорится, что Иранзу, царь Манны, доставлял дань ассирийскому царю конями, крупным рогатым скотом и т. д. Постепенно Манна превращается в крупное государство, которое пользовалось покровительством Ассирии.

После смерти царя Манны Иранзу на престол вступил его сын Аза, который вскоре был свергнут и убит маннейскими наместниками. Ассирийский царь Саргон II совершил поход на Манну и назначил царем брата Азы Уллусуну. Но последний отложился от Ассирии и заключил союз с Урарту. Тогда Саргон II вернулся в столицу Манны Изирту и захватил в плен Уллусуну, но тем не менее оставил его царем этой страны. Вскоре ассирийцы создали к востоку от своих границ три провинции, одна из которых называлась Мадай (Мидия).

Во второй половине VIII в. Вавилония, боровшаяся за свою независимость от ассирийцев, стала союзницей Элама, который оказался втянут в постоянные войны с Ассирией. В 720 г. у кре-

пости Дер произошло кровопролитное сражение между эламитами, которыми командовал их царь Хумбанигаш I, и ассирийцами. Вождь вавилонян Мардук-апла-иддина II (библейский Меродах-Баладан) намеренно явился на поле битвы, когда уже разгромленные ассирийцы начали отступать. В 717 г. умер Хумбанигаш. Престол захватил его племянник Шутрук-Наххунте II (717—699 гг.), который остался верен военному союзу с вавилонянами.

В 716 г. урартский царь Руса захватил 22 маннейские крепости и побудил Дайаукку, правителя одной из маннейских областей, отложиться от Ассирии. Однако в 715 г. Дайаукку был взят ассирийцами в плен и сослан в сирийскую область Хамат. В 715 г. Саргон II совершил поход против Урарту и прошел значительную часть этой страны, нанеся Русе полное поражение. Многие ученые считают, что Дайаукку был тождествен Дейоку Геродота [383, с. 1023]. По рассказу Геродота (I, 96—101), Дейок сначала был избран судьей в своей деревне, а затем и царем мидийцев. После этого он объединил мидийские племена, велел построить город Экбатаны и царский дворец и впоследствии освободил страну от ассирийского господства. Тождественность имен Дайаукку и Дейока, очевидно, не должна вызывать сомнения [630, с. 145], но И. М. Дьяконов отмечает, что Дейок был лишь одним из многих правителей мидийских областей, и Геродот, считая его основателем Мидийского государства, упростил события и перенес на него деятельность нескольких поколений мидийских вождей [35, с. 179]. По мнению Э. А. Грантовского, Дайаукку правил в одной из маннейских областей (Миси), значительно к западу от Мидии, и поэтому не имеет ничего общего с Дейоком, который возвысился в Экбатанах и жил в первой половине VII в. [24, с. 249—251; 25, с. 298—299]. Г. А. Меликишвили также считает, что Дайаукку трудно отождествить с Дейоком, поскольку первый был правителем небольшой маннейской области близ Ассирии [59, с. 170 сл.]. Но, по-видимому, Меликишвили не прав, считая, что имя Дайаукку хурритского происхождения, так как теперь это имя засвидетельствовано в различных вариантах в персепольских текстах крепостной стены и, по всей вероятности, оно иранского происхождения [630, с. 138].

В 710 г. Саргон II вторгся в Элам, и Шутрук-Наххунте скрылся в горах. Теперь Мардук-апла-иддина оказался не в состоянии защитить вавилонские города и бежал на юг, в болотистую часть Вавилонии.

После смерти Саргона II в 705 г. Мардук-апла-иддина заключил союз со всеми потенциальными врагами Ассирии. В эту коалицию вступили Элам, Иудея и финикийские города Тир, Арад и Аскалон. Эламский царь Шутрук-Наххунте принял посланные Мардук-апла-иддиной богатые дары золотом, серебром и драгоценными камнями и предоставил в его распоряжение значительную помощь оружием и войсками, с помощью которых был захвачен у ассирийцев Вавилон. Тем временем развернулись оже-

сточенные сражения между ассирийской и эламской армиями, но Мардук-апла-иддина, верный своей политике избегания решающих битв, уклонялся от активного участия в военных действиях. Эламиты потерпели поражение и бежали в свою страну, а Мардук-апла-иддина скрылся в недостижимых для ассирийцев болотах на юге Вавилонии.

В 700 г. эламиты возобновили свой союз с Мардук-апла-иддиной. Ассирийский царь Синаххериб двинулся против Мардук-апла-иддины, но последний, опасаясь столкновения с основными силами ассирийцев, бежал в болотистую область на юге Элама. Тогда ассирийский флот направился к устью реки Керха, и ассирийские воины, высадившись на сушу, захватили прибрежные эламские города и затем вернулись с добычей домой. Но эламский царь Халлутуш-Иншупинак II (699—693 гг.) ответил на это неожиданным набегом на Вавилонию с севера, захватил Синпар и разрушил его, а затем взял в плен сына Синаххериба, который был наместником Вавилонии, и посадил на трон вавилонянина Нергал-ушезиба.

Через год, в 693 г., Синаххерибу удалось нанести у Ниппура поражение объединенным силам вавилонян и эламитов. Нергал-ушезиб был взят в плен, а эламское войско отступило в свою страну. В том же году Халлутуш-Иншупинак был устранен, и к власти пришел Кутир-Наххунте II. В 692 г. он был убит в результате дворцового переворота, и престол захватил его брат Хумбан-нимена II, который в ассирийских текстах назван Менау.

Необходимость оказать сопротивление ассирийским нашествиям ускорила процесс объединения мелких мидийских княжеств в единое государство. В этом мидийцам помогло также то обстоятельство, что ассирийцы оказались втянутыми в военные действия в Вавилонии и Юго-Западном Иране.

В 692 г. вавилоняне во главе со своим вождем Мушезиб-Мардуком подняли восстание против ассирийцев, предварительно создав коалицию Вавилонии, халдейских и арамейских кочевников на границах Ассирийской державы, а также Элама и всех племен Загроса (Парсуаш, Анзан, Эллипи и т. д.). Таким образом, персы выступили на стороне эламского царя против Ассирии. Ядро армии союзников составляли эламские и иранские колесничие, пехота и конница. Объединенные силы вавилонско-эламской коалиции вступили в жестокую битву с ассирийцами у Халуле на Тигре, недалеко от современного города Самарра. Ассирийцам не удалось одержать победу, но их противники понесли столь большие потери, что оказались не в состоянии использовать свой успех.

Через два года, в апреле 689 г., воспользовавшись тем, что эламский царь Хумбан-нимена II был разбит параличом, царь Ассирии Синаххериб двинулся против Вавилона и в декабре того же года захватил его.

Вскоре ассирийцам пришлось снова сосредоточить свое внимание на подвластных им мидийских областях. К тому же поло-

жение осложнялось вторжением в пределы Ассирийской державы киммерийских и скифских племен. Поскольку в истории Ближнего Востока VII в. эти племена играли большую роль, здесь уместно будет остановиться подробнее на их набегах в Переднюю Азию.

В ассирийских источниках киммерийцы упоминаются начиная с конца VIII в., когда они впервые появились на границах Ассирийской державы [39, с. 169—175; 71, с. 232 и сл.]. Вскоре вслед за киммерийцами в Переднюю Азию вторглись и скифы. Ассирийцы различали оба эти народа, называя их соответственно гимирри и ишкуза [35, с. 242]. Ассирийцам было известно также название сака. Так, например, в надписи, составленной около 640 г., упоминается Тугдамме, царь умман-манда (по мнению И. М. Дьяконова, под этим термином имеются в виду киммерийцы), саков (по Дьяконову, скифы; само название, по-видимому, было принято через западноиранское посредство) и кутиев (по Дьяконову, страна Гутиум — Мидия; по Х. Тадмору, Манна; Тадмор видит здесь указание на то, что Тугдамме властвовал также над скифами, которые находились в области Гутиум) [90, с. 241]. В следующем, 639 г. на смену Тугдамме пришел новый вождь, а именно Сандакшатру, который стал угрожать северо-западным границам Ассирии [90, с. 241].

В вавилонских текстах еще до Ахеменидов и в персидское время термины ишкуза и сака вообще не употребляются, и для их обозначения применяется название гимирри, т. е. киммерийцы. Причиной такого широкого употребления этого этнического названия было как присущее вавилонской литературе стремление к архаизации, так и то обстоятельство, что из всех кочевых племен, совершавших набеги с востока, первыми в Переднюю Азию вторглись киммерийцы.

Согласно Геродоту (VII, 64), персы называли все скифские племена саками. Греки же скифами называли кочевые племена степей южной России и Средней Азии, поскольку из всех этих племен они прежде всего имели контакты со скифами, жившими в Северном Причерноморье. В современной научной литературе саками называются древние племена северных и восточных районов Средней Азии и Восточного Туркестана в отличие от родственных им массагетов Приаралья и скифов Северного Причерноморья. Большая часть этих племен говорила на иранских языках. Преимущественно они занимались кочевым скотоводством.

В отличие от киммерийцев, которые в последние десятилетия VIII в. направились из Северного Причерноморья по Западному Кавказу в Малую Азию, скифы вторглись туда же в начале VII в., и путь их пролегал вдоль побережья Каспийского моря. Часть скифских племен осела в области Сакасена (получившей свое название по своим новым поселенцам) в Закавказье, образовав там свое царство [35, с. 250—251]. Отсюда скифы совершали набеги на Урарту, Ассирию и, по сообщению Геродота (I, 105), между

630 и 620 гг. доходили до границ Египта, разграбив Сирию и Палестину. Навстречу скифам вышел с дарами египетский фараон Псамметих I и уговорил их не вторгаться в страну. Этнически и по языку скифы и киммерийцы были родственны между собою (оба народа говорили на древнеиранских диалектах) и, как это отметил И. М. Дьяконов, ассирийцы, не говоря о вавилонянах, не всегда четко различали их [35, с. 242; ср. 5].

В течение длительного времени киммерийцы находились в стране Гимирра, по-видимому, в восточной части Каппадокии и в области Манна [71, с. 233; 67, с. 172; 58, с. 61—62]. Около 715 г. киммерийцы нанесли поражение урартскому царю Русе I и захватили восточную часть Малой Азии. Мидас, царь Фригии, боясь киммерийского вторжения, искал помощи у Ассирии и в 709 г. направил посольство к Саргону II. Во время царствования Асархаддона (680—669 гг.) киммерийцы стали угрожать северным границам Ассирии (однако возможно, как это склонен полагать И. М. Дьяконов, в запросах Асархаддона к оракулу бога Шамаша относительно угрозы со стороны киммерийцев под последними имеются в виду скифы).

В 679 г. киммерийцы во главе со своим вождем Теушшой вторглись в Ассирию, но ассирийцам удалось одержать над ними победу. Около 676 г. ассирийцы совершили поход до страны Патуш'арри (Патисхвар раннесредневековых источников) и дошли до Прикаспия, достигнув самых дальних пределов своих завоеваний на востоке. Но вскоре обстоятельства начали складываться неблагоприятно для Ассирии. Около 675 г. киммерийцы разгромили Фригийское царство в Малой Азии и снова стали угрожать Ассирии [58, с. 314 и сл.]. Тем временем многие области Мидии перестали платить дань Ассирии. В Ниневию к Асархаддону прибыли с дарами три мидийских вождя с просьбой о помощи против восставших местных жителей. Это были Уппис из Партакки, Занасана из Партукки и Раматейя из Уруксабарна (районы в Мидии, локализация которых пока не установлена). Асархаддону удалось восстановить власть этих вождей. В 672 г. он, стремясь создать опору в северо-западных областях Ирана, вынужден был заключить договор с правителями этих подвластных Ассирии территорий. Договор гарантировал местным наместникам сохранение за ними власти в своих областях при условии их верности ассирийскому царю и его наследнику Апшурбаналу [Vassal-treaties, с. 29 и сл.].

В том же, 672 г. мидийцы, поддержанные киммерийцами и скифами, подняли восстание против Ассирии. Восстание возглавил один из мидийских вождей — Каштарити (возможно, сын Дейока). Но вскоре Асархаддону удалось добиться, чтобы скифы отложились от восставших, выдав ради этого свою дочь замуж за скифского вождя Партатуа (Прототий Геродота). Сохранился запрос Асархаддона к богу Шамашу с просьбой сказать, будет ли Партатуа верен союзу, если за него выдать царевну [Knudtzon, № 29]. В ассирийских источниках Партатуа назван «царем страны Иш-

куза». Это царство было расположено на территории Мидии (Сакасена античных авторов) и в дальнейшем стало союзником Ассирии.

Но мидийцы продолжали борьбу и сумели добиться независимости, изгнав ассирийцев из провинций Бит-кари, Мадай и Сапарда [35, с. 272—274]. Во главе этого царства стал Каштарити. Геродот (I, 102) в своем рассказе о событиях этого времени вообще не упоминает Каштарити, считая организатором похода против Ассирии Фраорта. Но Камерон показал идентичность обоих этих лиц. Поскольку в синхронных мидийскому восстанию аккадских источниках не может быть спутано имя вождя мидийцев, надо полагать, что путаницу эту допустил Геродот. Камерон и Дьяконов убедительно выяснили причину ошибки Геродота [186, с. 177; 35, с. 275—276]. Согласно Бехистунской надписи, когда Дарий I стал царем, некий Фравартиш поднял восстание в Мидии, выдавая себя за Хшатриту из рода Хувахштра, т. е. Киаксара. Мидийскому имени Хшатрита в ассирийских источниках соответствует Каштарити, а Фравартишу у Геродота соответствует Фраорт. Очевидно, Геродот спутал настоящее имя самозванца с тем именем, под которым выступал этот самозванец, полагая, что в роду мидийских царей был Фраорт, а не Хшатрита.

Около 672 г. мидийцы создали свое государство, которое, правда, еще не включало все мидийские области. Каштарити—Фраорт начал постепенно объединять все мидийские племена, ликвидируя мелкие княжества. Как указывает Дьяконов, в одном письме из ассирийского царского архива, которое относится ко времени между 672—669 гг. [Waterman, № 434], Мидия упоминается наряду с Урарту, Манной и Хубушкией в качестве независимого царства, а в период между 669—552 гг. Мидия упомянута среди фактически независимых государств, которые ассирийцы формально все еще считали своими территориями [35, с. 274 со ссылкой на АВИУ № 71].

К этому времени киммерийцы, еще ранее положившие конец Фригийскому царству, стали угрожать и другим государствам в Малой Азии. Цари Лидии, Киликии и Табала (на юго-востоке Малой Азии) около 660 г. обратились за помощью к Ассирии, которая в это время и сама была сильно обеспокоена угрозой своим границам со стороны киммерийцев. Послание лидийского царя Гига (в клинописных источниках Гуггу) достигло Ниневии и было переведено Ашшурбаналалу [646, т. II, с. 156]. Отразив с помощью ассирийцев натиск киммерийцев, Гиг послал Ашшурбаналалу дары и двух закованных в кандалы киммерийских вождей, которых он взял в плен. Но затем Гиг вступил в союз с фараоном Египта Псамметихом, который незадолго до этого поднял восстание против Ассирии.

Однако вскоре киммерийцы во главе со своим вождем Лигдамисом (Тугдамме ассирийских источников) снова напали на Лидию, которая теперь, разумеется, уже не могла рассчитывать на

помощь Ассирии, и между 657 и 654 гг. захватили и разграбили столицу Лидии Сарды. Сам Гиг, который так и не дождался помощи Египта (по образному выражению Ашшурбанапала, «этой надломленной трости»), погиб в бою [35, с. 284; 202, с. 142]. Но около 639 г. скифы во главе со своим вождем Мадием, сыном Прототия, вторглись в Каппадокию и нанесли там поражение киммерийцам. Вскоре после этого скифы совершили набег до границ Египта. Новый царь Лидии Ардис, сын Гига, возобновил союз с Ассирией, нарушенный его отцом.

К середине VII в. Мидия наряду с Эламом, Ассирией, Урарту и Манной стала крупным государством. В 653 г. мидийский царь Хшатрита (или, по Геродоту, Фраорт) предпринял поход против Ассирии. Но в это время скифы, союзники Ассирии, напали на мидийцев. Последние потерпели поражение, не выдержав борьбы на два фронта. Хшатрита погиб в бою, и в 653—624 гг. в Мидии господствовали скифы. Теперь Ассирия получила возможность снова выступить против своих врагов в Вавилонии и Юго-Западном Иране.

Перед своей смертью в 669 г. Асархаддон разделил Ассирийскую державу между двумя своими сыновьями. Ассирией стал править Ашшурбанапал, а Вавилонией — на правах вассального царя — Шамаш-шум-укин. В мае 652 г. последний восстал, заранее установив тайные связи с эламским царем Хумбанигашом, египетским фараоном, арабскими племенами Сирийской степи, правителями сирийских городов и с вождями халдейских племен на юге Вавилонии. Но ассирийцам удалось разбить вавилонско-эламские силы близ крепости Дер. Затем Ашшурбанапал пустил в ход интриги, и в 651 г. Хумбанигаш был устранен путем дворцового переворота. Летом 648 г. пал Вавилон. Теперь Ашшурбанапал сосредоточил все свои силы против Элама. В 646 г. ассирийцы нанесли сокрушительное поражение Эламу и захватили Сузы [датировка по Тадмору: 90, с. 241; другие исследователи относят захват Суз к 642 или 639 г.]. Тем самым был положен конец независимости Элама.

После этого царь Парсумаша (Персиды) Кир I послал своего сына в качестве заложника в Ниневию. Об этом одна надпись Ашшурбанапала сообщает следующее: «Кураш, царь страны Парсумаш, услышал о моей мощной победе, которую я... одержал над Эламом. Он послал Арукку, своего старшего сына, со своей податью в Ниневию, мою столицу, чтобы заявить о своей покорности» [708, с. 1 и сл.]. От Кира I сохранилась также печать с эламской легендой: «Кир из Аншана, сын Чипшиша». На печати изображен всадник, который своим копьём поражает противника, а два других врага уже валяются под его конем [384, с. 300].

Казалось, положение Ассирии стало прочным. Ее могущественный враг Элам был сокрушен, на границах Ассирийской державы установился мир. Но это было обманчивое затишье перед бурей. Около 630 г. начинается распад Ассирийской державы, отдельные

центры ее стали соперничать и бороться друг с другом [90, с. 241]. В 626 г. в Вавилонии вспыхнуло восстание против ассирийского господства. Ассирийский наместник Приморья (южной части Вавилонии) Набопаласар решил, что настало подходящее время возобновить борьбу вавилонян против Ассирии. Он стал действовать как независимый царь и возобновил традиционный союз халдейских племен юга Вавилонии с Эламом. В ноябре 626 г. Набопаласар был официально признан в Вавилоне «царем Аккада» (традиционное название севера Вавилонии) и основал новую, халдейскую, или нововавилонскую, династию.

Однако предстояла еще долгая и ожесточенная война с ассирийцами. После ряда побед, одержанных на юге Вавилонии, в 616 г. армия Набопаласара поднялась по Евфрату до реки Хабур и затем оттеснила ассирийцев до устья реки Балих. Теперь почти вся территория Вавилонии оказалась в руках Набопаласара. Успехи Набопаласара встревожили египетского фараона Псамметиха I, опасавшегося чрезмерного усиления Вавилонии. Поэтому он готов был заключить военный союз с ассирийцами, от ига которых Египет освободился лишь в 655 г. Но египтяне оказались не в состоянии оказать ассирийцам немедленную помощь, а вавилоняне в 616 г. осадили ассирийскую столицу Ашшур. Осада эта была безуспешной, и вавилоняне отступили от города с большими потерями. Но вскоре на Ассирию обрушился сокрушительный удар с востока.

В 624 г. мидийский царь Киаксар (Хувахштра по-мидийски), сын Фраорта—Хшатриты (по Геродоту, внук Дейока), нанес поражение скифам, вторгшимся в Мидию в первые десятилетия VII в., и окончательно объединил все мидийские племена в единое государство со столицей в Экбатанах. Вскоре Киаксар создал сильную регулярную армию, реорганизовав ее по родам оружия (копьеносцы, лучники и конница) вместо прежнего ополчения по племенному принципу [35, с. 295]. Теперь мидийцы могли обратиться против своего исконного врага Ассирии, которая уже более десяти лет воевала с Вавилонией. В 614 г. мидийцы во главе с Киаксаром захватили ассирийскую провинцию Аррапху и затем двинулись в направлении Ниневии и окружили этот город. Ниневию взять не удалось, но мидийцы осадили и осенью 614 г. захватили Ашшур. Город был превращен в развалины, а жители его истреблены. Вавилонская хроника отмечает, что мидийцы учили в городе страшный разгром. Когда битва окончилась и от Ашшура остались лишь дымящиеся развалины, к городу явился Набопаласар со своим войском. Мидийцы и вавилоняне заключили союз друг с другом, скрепив его династийным браком между Навуходоносором, сыном Набопаласара, и Амितिдой, дочерью Киаксара (по другой версии, она была дочерью Астиага, сына Киаксара). Согласно греческой традиции, восходящей к Бероссу, Навуходоносор соорудил в Вавилоне за своим дворцом на террасах, которые имели вид естественных холмов, знаменитые висячие

сады, подобные горным садам Мидии, чтобы Амитида не скучала по родной природе [633, с. 270, фр. 47а; археологические раскопки подтвердили это сообщение: 186, с. 216 и 220].

Падение Ашшура потрясло Ассирийскую державу до основания, но пока победители были заняты разделом добычи, ассирийцы смогли собраться с силами. В 613 г. ассирийское войско под руководством Син-шар-ишкуна продолжало военные действия в долине Евфрата и даже сумело нанести поражение вавилонянам. Но вскоре объединенные силы вавилонян и мидийцев осадили Ниневию.

В Хронике Набопаласара (или, как ее иначе называют, Гэдда) Киаксар назван царем умман-манда, в то время как в той же хронике в сообщении о захвате Ашшура он обозначен просто «мидиец» (ССК, стк. 24 и 38). Далее в той же Хронике говорится, что умман-манда пришли на помощь Набопаласару, когда последний продолжал войну против ассирийского войска в Сирии (ССК, стк. 58). Попутно можно отметить, что позднее в одной надписи Набонида мидийский царь Астиаг назван «царем Манды» [NKI, с. 220 : 32] и в Цилиндре Кира о захвате Мидии персами говорится как о поражении умман-манда. Однако сказать с полной уверенностью, кто такие были умман-манда, участвовавшие в осаде Ниневии, трудно. По мнению С. Дж. Гэдда, этим термином обозначались различные северные племена индоевропейского происхождения (в том числе и киммерийцы), которые вторглись в Малую Азию и прилегающие страны, но иногда в аккадских текстах не делается различия между ними и мидийцами [289, с. 14, примеч. 1]. Камерон считает, что Киаксар в 613 г., по-видимому, подчинил себе скифских поселенцев к северу от Ассирии и поэтому в сообщении Хроники от 612 г. назван «царем умман-манды» [186, с. 216]. По Херцфельду, впервые термин умман-манда упоминается в вавилонских гадательных текстах и отсюда писцы взяли это архаичное название для обозначения мидийцев [371, с. 186—187]. К этому близко и мнение Дьяконова, согласно которому умман-манда и Мадай (Мидия) — разные названия одного и того же государства [35, с. 307, примеч. 1]. А. К. Грайсон, наоборот, считает невероятным, чтобы в одном и том же тексте мидийцы были названы разными именами [330, с. 194—195]. Б. Ландсбергер и Т. Бауэр переводят название *manda* — «кто знает, (что за племена)» и видят в нем коалицию различных народов [454, с. 88]. Наконец, Б. Б. Пиотровский и И. Алиев полагают, что умман-манда представляли собою объединенные силы мидийцев и северных кочевников [69, с. 149, примеч. 2; 8, с. 240—241; 71, с. 234]. По всей вероятности, во время осады Ниневии вместе с мидийцами участвовали также скифы и киммерийцы. Во всяком случае, Геродот (I, 103) пишет, что Киаксар осаждал Ниневию вместе со всеми подвластными ему народами. Диодор (II, 26, 1—4) сообщает, что Ниневия была взята скифской и бактрийской армиями после нескольких битв, в которых мидийцы потерпели поражение.

Через три месяца осады, в августе 612 г., после искусственного наводнения и ожесточенного штурма мидийцы и вавилоняне ворвались в Ниневию, в это «логовище львов», как его назвал библейский пророк Наум. Он был очевидцем гибели города и оставил яркую картину штурма. «Огнем сверкают колесницы... древки копий колышались... Грабьте серебро, грабьте золото, ибо нет конца запасам, полно всякой прекрасной утвари!..

Горе городу крови, что весь полон обмана и грабежа, где не прекращается хищничество! Шум бича и шум крутящихся колес, и скачущих коней, и несущихся колесниц; всадники заносят и меч пламенеющий и копьё блестящее — и (уже) множество сраженных, груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются они о тела убитых!.. Все, кто слышит слух о тебе, рукоплещут, ибо кого не постигало извечное зло твое» [Книга Наума I, 14; II, 1 и сл.; III, 1 и сл.; см. перевод Дьяконова: 35, с. 309]. Так пал ненавистный всем соседям город, а жители его были вырезаны. Через 200 лет никто даже не мог сказать, на каком месте находилась Ниневия. Геродот упоминает лишь название этого города (Нинос), а Ксенофонт, проходивший мимо его развалин, даже не знал, что там когда-то находилась Ниневия.

Ассирийский царь Син-шар-ишкун, по-видимому, погиб при штурме Ниневии, но часть ассирийского войска сумела пробиться в Харран, город в Сирии, и там под руководством Ашшур-убаллита II продолжала войну. Тем временем в конце 612 г. мидийцы с львиной долей добычи вернулись к себе домой, предоставив вавилонянам завершение войны. Фараон Нехо II послал помощь ассирийскому войску, укрепившемуся в Харране. Тогда Набопаласар, по-видимому, обратился за помощью к мидийцам. Согласно Хронике Набопаласара, в ноябре 610 г. войско умман-манда, придя на помощь вавилонскому царю, выступило против ассирийцев. Судя по одному письму, отправленному царевичем Навуходоносором, эти умман-манда были мидийцами [TCL IX, 99; ср. у Тюроданжена: 675, с. 28]. В этом письме говорится, что «царь отправился в Харран; большие силы мидийцев пошли с ним». Под «царем», очевидно, здесь имеется в виду Киаксар. Мидийцы разгромили ассирийские войска и разграбили храм Эхульхуль (святилище бога Луны) в Харране. В штурме участвовали также вавилоняне, хотя их роль в захвате Харрана и была второстепенной. Согласно одной надписи Набонида, царь умман-манды поспешил на помощь вавилонянам. «Сверху и снизу, справа и слева, подобно урагану, явился он (т. е. царь умман-манды)... и без страха разрушил их (т. е. харранцев) храм и города на границе с Аккадом (= Вавилонией), которые были враждебны царю Аккад (т. е. Набопаласару)... и святилище их нисколько не пощадил» [NKI, с. 272—274, № 8, II, 3 и сл.]. Далее в том же тексте говорится, что царь Вавилона не принял участия в этом святотатстве и, скорбя о разрушении храма Эхульхуль, молился богам и даже спал на земляном полу, а не в своей постели. Иосиф Флавий также

сообщает, что союзниками вавилонян в походе против Харрана были мидийцы (Ant. Jud. X, 5).

В Харране был оставлен вавилонский гарнизон, а Киаксар с основной частью своей армии вернулся обратно в Мидию. Но в июне 609 г. египетский фараон Нехо II дошел со своим войском до Евфрата и в течение трех лет воевал против вавилонян, опираясь на подвластные ему государства в Сирии. В Библии говорится, что Нехо совершил поход против ассирийского царя (II Regn. XXIII: 29). Но это, несомненно, ошибка, так как из Вавилонской хроники видно, что в 609 г. египтяне воевали на стороне ассирийцев против Вавилонии. Теперь Ашшур-убаллит сделал попытку вернуть себе Харран. Однако двухмесячная осада не принесла успеха ассирийцам, и затем у стен города появился Набополасар с большим войском. Ашшур-убаллит снял осаду и еще некоторое время (до 607 г.) продолжал сопротивление близ границ Урарту, которое в это время, по-видимому, было союзником Ассирии. Но участь самого Урарту уже была решена, так как мидийцы приступили к захвату его территории [35, с. 316].

В результате разгрома Ассирийской державы мидийцы захватили восточную часть Малой Азии, коренную территорию Ассирии (т. е. Северную Месопотамию) и область Харран в Сирии. Это видно из следующего. Бехистунская надпись свидетельствует, что в состав Мидии входил ассирийский город Арбела, поскольку там был казнен сагартиец Чиссатахма, выдававший себя за потомка мидийского царя Киаксара. Далее, как на это обратил внимание Дьяконов, из Ксенофонта (Anab. III, 4, 7—10) видно, что в V—IV вв. в народной памяти коренные ассирийские земли считались мидийскими [35, с. 339]. Наконец, из одной вавилонской надписи следует, что мидийцы владели Харраном с 607 по 553 г. [NKI, с. 220, I, 37 — II, 25].

Вавилоняне готовились захватить все области к западу от Евфрата, принадлежавшие ранее Ассирии. Но Нехо считал, что территория Сирии и Палестины должна принадлежать Египту. Таким образом, на всем Ближнем Востоке осталось только три могущественных государства: Мидия, Вавилония и Египет. Кроме того, в Малой Азии было два не столь могущественных, но независимых царства: Лидия и Киликия.

Прежде чем обратиться к захватам Мидии, остановимся кратко на завоеваниях Вавилонии, поскольку они имели большое значение для последующей истории Ирана. В первые годы после победы над ассирийцами Набопаласар вел войну в горах к югу от Урарту, которое теперь оказалось под властью Мидии. По-видимому, в это же время Элам, ранее находившийся под властью Ассирии, отошел к Вавилонии. Во всяком случае, Вавилонская хроника сообщает: «Богов страны Сузы, которых ассирийцы увезли и установили в Уруке, Набопаласар вернул в город Сузы» (ССК, стк. 15 и сл.; см. также надпись Навуходоносора II: NKI, с. 226]. Можно полагать, что это было сделано в знак благодарности за помощь эла-

митов в период, когда Вавилония воевала против Ассирии. В Сузах найдены также вавилонские votивные предметы: алебастровая ваза, печати, гиря с именем Навуходоносора и т. д. [121, т. I, № 2469—2479; 617, с. 47 и сл.; MDP, IV, табл. 48; MDP, VI, № 56; MDP, X, № 96; 186, с. 220—221]. Правда, эти предметы не могли попасть туда вместе с военной добычей, но обнаруженные в Сузах строительные кирпичи со штампом Навуходоносора II, которые использовались для сооружения государственных зданий, все же свидетельствуют о том, что Элам контролировался вавилонскими царями. Время присоединения Элама к Вавилонии можно установить, исходя из Библии. Около 604 г. Иеремия упоминает одного эламского царя (XXV: 25), но в 597-6 г. он возвещает опустошительное вторжение в Элам (XLIX: 34 и сл.), а в 584 г. Иезекииль (XXXII: 24 и сл.) говорит об эламитах как о подвластном чужим царям народе [511, т. III, с. 144—145].

Из Вавилона сохранились интересные документы, датированные между 595—570 гг. и фиксирующие выдачу продовольствия для чужеземцев, которые находились в этом городе. В частности, в одном из текстов говорится о выдаче масла для 713 эламитов, которых возглавлял вавилонянин по имени Набу-леу. Как полагает издатель текстов Э. Ф. Вейднер, это были эламские воины, расквартированные в Вавилоне. В тех же документах упоминаются и персы (жители страны Парсумаш) [Weidner, с. 929—930]. Очевидно, наличие как эламитов, так и их соседей персов в Вавилоне можно объяснить тем, что Элам в это время входил в состав Вавилонской державы.

Весною 607 г. Набополасар передал командование армией своему сыну Навуходоноору. Перед последним стояла задача захватить Сирию и Палестину. Но сначала необходимо было овладеть городом Каркемиш на Евфрате, где находился сильный египетский гарнизон, часть которого составляли греческие наемники. Весною 605 г. вавилонское войско перешло Евфрат и одновременно с юга и севера напало на Каркемиш. Еще за городскими стенами началась жестокая битва, и скоро город превратился в пылающие руины, а египетский гарнизон был уничтожен до последнего человека. После этого в 604 г. большая часть Сирии и Палестины без сопротивления подчинилась вавилонянам.

В августе 605 г. Набопаласар умер, и Навуходоносор II стал царем. Вскоре после этого он завоевал и финикийские города, которые, несмотря на свою мольбу о срочной помощи, остались без поддержки Египта. В 598 г. царь Иудеи Иоаким, побуждаемый уговорами фараона Нехо, отпал от Вавилонии. Навуходоносор осадил Иерусалим и 16 марта 597 г. взял его. Более 3000 иудеев было уведено в плен в Вавилонию, а царем Навуходоносор назначил Седекию. Согласно греческой традиции, Навуходоносор во время похода против Иерусалима просил помощи мидийского царя Киаксара [186, с. 220, примеч. 24 с ссылкой на фрагмент из Полигистора в Eusebius. *Evang. Praep.* IX, 39].

Вскоре новый египетский фараон Априй решил попытаться установить свою власть в Финикии и захватил города Газа, Тир и Сидон, а также уговорил иудейского царя Седекию поднять восстание против вавилонян. Навуходоносор решительными действиями отгеснил египетское войско обратно к прежней границе и в 587 г. после 18-месячной осады захватил Иерусалим. Теперь Иудейское царство было ликвидировано и присоединено к Новоавилонской державе в качестве провинции, тысячи жителей Иерусалима уведены в плен.

При Навуходоносоре II Вавилония превратилась в процветающую страну. Это было временем подлинного возрождения, экономического расцвета и культурного развития. В стране были воздвигнуты мощные фортификационные сооружения, чтобы обезопасить ее от вражеских нападений в будущем. Хотя отношения с Мидией пока были хорошие, Навуходоносор опасался ее чрезмерного усиления и хорошо понимал, что рано или поздно она из союзника превратится в опасного противника. По-видимому, Навуходоносор охотно принимал беженцев из Мидии, так как, согласно вавилонским текстам 595—570 гг., царский двор выдавал продовольствие мидийским эмигрантам [Weidner, с. 930].

Пока Навуходоносор был занят украшением и укреплением своей столицы, мидийский царь Киаксар, которого Эхил назвал «основателем владычества над Азией», расширял границы своего государства за счет южных и восточных соседей. Один из первых ударов обрушился на Персию (вероятно, около 624 г.). Правда, Геродот (I, 102) говорит, что персов покорил еще Фраорт, но это маловероятно [ср. 35, с. 294; 186, с. 214]. По-видимому, царем персов в это время был Камбиз I, который сохранил свою власть ценой зависимости от Мидии. Судя по более поздним косвенным свидетельствам, Киаксару удалось захватить также Парфию, Гирканию и Армению. Например, когда Парфия и Гиркания отложились от Дария I, они поддерживали мидийского вождя Фравартиша, который выдавал себя за потомка Киаксара. Следовательно, эти страны когда-то входили в состав Мидийской державы и поэтому признавали над собою власть мидийского царя. Страбон (XI, 7, 2) пишет, что мидийцы были властителями гирканцев. Согласно греческой традиции, весь иранский Восток, включая Парфию, принадлежал Мидии (например: Diod. II, 26, 1—4). Но вряд ли можно согласиться с Херцфельдом, когда он полагает, что мидийцы распространили свое господство до берегов рек Яксарт (Сырдарья) и Инд и лишь после этого выступили против Ассирии [371, с. 179 и 346].

Около 590 г. Киаксар присоединил к Мидии Манну. К концу существования Ассирии Манна сражалась на стороне последней, и это решило ее участь [35, с. 316—317; 39, с. 142]. Тогда же мидийцы подчинили своей власти Урарту, вероятно предварительно захватив его столицу Тушпу у Ванского озера [ср. 34, с. 31 и сл.; 71, с. 116; 39, с. 178]. По мнению Б. Б. Пиотровского, урартский

город Тейшебаини (современный Кармир-блур близ Еревана) в начале VI в. был разрушен местными племенами при участии скифов [68, с. 24; 71, с. 116]. Но Дьяконов считает более вероятным, что Тейшебаини был разрушен не скифами, а мидийцами во время войны на севере Передней Азии в 593—590 гг. С ссылкой на сообщение в «Киропедии» Ксенофонта и в армянской эпической традиции, сохранившейся у Моисея Хоренского, Дьяконов высказал предположение, что на месте Урарту (или наряду с ним) образовалось Армянское царство, которое признавало над собою власть мидийцев. Последний раз Урартское царство упоминается у Иеремии (LI: 27) под названием Арапат наряду с Манной и Скифским царством. Около 590 г. все три государства были включены в состав Мидийской державы [35, с. 312, 317 и 354; 39, с. 183—188].

Согласно Геродоту (I, 72), вся Каппадокия до реки Галис (совр. Кызыл-Ырмак) была захвачена мидийцами. Когда мидийская армия в 590 г. подошла к Галису, царь Лидии Алиатт, обеспокоенный завоеваниями Киаксара в Малой Азии, выступил против него. Судя по Геродоту, война между Мидией и Лидией длилась пять лет, но ни одна из сторон не смогла одержать решающей победы. 29 мая 584 г. во время битвы на Галисе произошло солнечное затмение⁵, которое было воспринято обеими воюющими сторонами как плохое предзнаменование. Поэтому войну прекратили, и вскоре при посредничестве некоего Набонида из Вавилона (Лабинет Геродота; по мнению некоторых ученых, это был будущий царь Набонид [590, с. 239]) и царя Киликии Свинесия был заключен мирный договор, установивший границей между Лидией и Мидийской державой реку Галис. За договором последовал брак между дочерью Алиатта Ариенией и сыном Киаксара Астиагом. Заинтересованность Вавилонии в прекращении военных действий, вероятно, объяснялась тем, что из-за войны нарушилась торговля этой страны через Малую Азию.

В том же, 584 г. Киаксар умер, оставив в наследство Астиагу могущественную державу. По-видимому, при Астиаге мидийцы подчинили своей власти Элам, который при Навуходоносоре II и его преемниках находился в зависимости от Вавилонии, но был потерян при Набониде. Это, естественно, привело к ухудшению отношений между Вавилонией и Мидией, и обе стороны начали готовиться к войне, еще не подозревая, что вскоре им в одиночку придется обороняться от нового врага, а именно от персидского царя Кира II.

⁵ Вместо этой даты почти во всех работах приводится другая, а именно 28 мая 585 г., что, по мнению О. Нейгебауэра, неверно. Согласно древней традиции, это затмение было предсказано Фалесом Милетским. Многие ученые полагают, что он это сделал на основе вавилонской астрономии. Но Нейгебауэр считает, что тогда у вавилонян еще не было теории для предсказания солнечных затмений, и предание о предсказании Фалеса нельзя считать достоверным [62, с. 144].

К сожалению, в настоящее время наука еще не располагает прямыми данными для исследования социальной и государственной структуры мидийского общества. Однако большие успехи мидийцев в войне против такого сильного врага, как Ассирия, и сравнительно легкий захват территории многих соседних стран объясняются тем, что в Мидии в начальный период классовое расслоение было еще невелико и вооруженные народные массы играли большую роль в военной и политической жизни страны. В Мидии в VI — начале V в. еще не было развитых форм рабства, а только полупатриархальное рабовладение, когда бедняк сам прибегал в силу экономических причин к покровительству богатого соседа и таким образом попадал в зависимость от него [ср. 35, с. 182 и сл.]. Но захват колоссальных богатств ассирийских царей и знати, которые были накоплены в течение многих веков путем грабительских войн и податей, заметно ускорил классовое расслоение в мидийском обществе, поскольку львиная часть добычи досталась знати, а долгая война неблагоприятно сказалась на хозяйствах рядовых общинников, составлявших ядро армии. Когда к середине VI в. часть мидийских общинников оказалась порабощенной знатю, страна стала добычей внешних врагов.

Мидийская культура

В VII и первой половине VI в. Мидия была центром иранской материальной и духовной культуры, которую заимствовали и развили дальше персы.

Раскопки археологических памятников мидийской эпохи, по существу, только начинаются. В 1974 г. Иранский центр по изучению археологии приступил к систематическому исследованию мидийского поселения на месте города Хамадан, однако пока раскапываются лишь раннеисламские и сасанидские слои. Остатки сооружений мидийской эпохи открыты в Годин-тепе, Баба Джан-тепе и на некоторых других памятниках. Интенсивно исследуется ряд крепостей урартского и раннеахеменидского времени в Южном Азербайджане. Однако к 1975 г. сравнительно полно были изучены только два мидийских памятника — поселения Баба Джан и Нуш-и Джан-тепе.

Баба Джан-тепе

Баба Джан-тепе — крупное поселение железного века (ЖВ II—III), расположенное в Пиш-и Кух, в Луристане (около 170 км к северо-востоку от Хорремабада). Оно раскапывалось Археологическим институтом Лондонского университета в 1966—1969 гг. (руководила раскопками К. Гофф) [275, с. 41 и сл.; там же приведена и предшествующая литература].

Поселение располагалось на нескольких холмах. Было установлено наличие трех фаз обитания (III—I, или двух периодов — А, В) приблизительно с X до VII в. На центральном холме, окруженном небольшими домами со стенами на каменных фунда-

ментах, находилась так называемая укрепленная ферма (33×34 м) с центральным двором, по сторонам которого, с востока и с запада, располагались большие прямоугольные помещения. Внешний фасад «фермы» был укреплен девятью башнями (на углах и в центре каждой стены). «Укрепленная ферма» впоследствии была несколько раз перестроена — на месте двора был возведен колонный зал, в который с востока и запада вели портики.

Руины наиболее интересного здания — «Форты» — были открыты на малом холме, к востоку от центрального. Центр «Форты» занимал большой квадратный зал (сторона 11 м), фланкированный с востока, севера и запада прямоугольными коридорообразными помещениями. И в зале и в северном и восточном коридорах были обнаружены очаги, по устройству напоминающие камины. Возможно, эти очаги использовались для культовых целей — у одного из них был найден каменный ступенчатый плинт, под который был засунут обломок раскрашенной глиняной статуэтки.

Все помещения «Форты» имели плоские деревянные перекрытия, в квадратном зале крыша поддерживалась четырьмя деревянными колоннами. На полах были обнаружены многочисленные фрагменты расписной керамики так называемого луристанского стиля (см. ниже). К восточному коридору «Форты» был пристроен зал Т-образной формы (10,5×12 м, в центральной части — «расписная комната»). Зал, несомненно, имел культовое назначение. Проход в восточной части вел в маленькое замкнутое помещение, против входа в северной стене находился большой камин, западная стена была декорирована «слепыми окнами» и выступающими острым углом пилястрами. Стены покрывали несколько слоев красной штукатурки, крыша поддерживалась деревянными выкрашенными в красный цвет колоннами на каменных базах. В этом же зале найдено 186 больших (размером до 50 см) квадратных керамических плит — облицовки стен с крестообразным орнаментом (с красной краской по кремовому фону).

«Форт» погиб в огне. Пожар начался, по-видимому, внезапно. Он был, возможно, связан с походом в этот район ассирийцев (второй поход Синаххериба?). Вскоре после пожара «Форт» был вновь заселен, но руины «расписной комнаты» и соседних помещений были превращены в конюшни и различные кладовые. Этот период (VII в.) завершился пожаром — в конюшни на месте «расписной комнаты» были найдены обгоревшие кости лошадей и ослов. Поселение было окончательно оставлено в конце VI в.

Среди находок в Баба Джан — обломок луристанского «идола», бронзовая булавка с навершием в виде изготовившейся к прыжку пантеры (в слое VIII в.), бронзовые детали упряжи коней, большое количество керамики. В особенности характерны сосуды так называемого луристанского стиля: большие горшки и «чайники» со свободно стоящим сливом и витой ручкой, расписанные крестообразными и треугольными узорами черной и коричневой краской по кремовому или светло-желтому фону. Представлена также крас-

ная лощеная керамика — подобная той, которая встречается на мидийских поселениях, и прежде всего в Нуш-и Джан-тепе.

Сурх-и Думб

На юге Луристана, в Сурх-и Думб, американская экспедиция раскопала в 30-х годах святилище, в котором были найдены десятки «луристанских бронз», но материалы этих раскопок до сих пор не изданы. Судя по краткому описанию результатов работ на вершине холма Сурх-и Думб, возвышающегося над долиной Кух-и Дашт, было открыто здание, стены которого были сложены из сырцового кирпича на каменном фундаменте [625]. Возможно, в центре «главного зала» здания (планы в описаниях не приводятся) возвышался алтарь, поскольку на полу найдена квадратная платформа из кирпича. В небольшой комнате рядом с «главным залом», под полом был найден клад, состоявший из бронзовых зеркал, больших votивных бронзовых булавок с ажурным диском вверху, чаще всего с изображением «богини-матери» в окружении различных зверей, каменный пестик с бронзовым кольцом и ряд других предметов.

В различных помещениях обнаружено около двухсот цилиндрических печей, на некоторых из них — клинопись касситского времени. Но наибольшее количество «луристанских бронз» находилось в «главном зале». Вероятно, многие бронзовые булавки были воткнуты в стену, возможно, для того, чтобы закрепить ковры, украшавшие стены этого святилища. Некоторые из них имеют столь тяжелое навершие, что, скорее, являлись чем-то вроде скипетров.

Мотивы на навершиях булавок те же, что и на псалиях и других деталях конской упряжки, найденных в Луристане (в том числе и мотив «идола»).

По мнению Э. Шмидта, святилище в Сурх-и Думб должно датироваться VIII—VII вв. Об этой дате свидетельствует, в частности, и сообщение о находке в святилище предметов из железа.

Нуш-и Джан-тепе

Нуш-и Джан-тепе — в настоящее время единственное почти полностью раскопанное поселение на территории исторической Мидии, относящееся к начальному периоду и расцвету этого государства (750—600 гг.). Поселение занимало вершину скалы высотой около 30 м. Его помещения, сложенные из сырцового кирпича, сохранились настолько хорошо (на высоту около 7 м; местами обнаружены не только полы и стены второго этажа, но даже остатки крыши), что полная реконструкция не составляет большого труда.

Нуш-и Джан-тепе раскапывается уже пять полевых сезонов (1967, 1970, 1973, 1974, 1976) Британским институтом по изучению Ирана (руководит раскопками Д. Стронах). Предварительные отчеты регулярно публикуются в журнале «Iran» (т. VII, IX—XII, XIV) [см. также: 651, с. 177—186; 275, с. 43—45; 655, с. 203—212]. За это время вскрыт почти весь памятник, который

состоит (с востока к западу) из «форта», «центрального храма», «колонного зала» и «западного храма». Все эти здания окружала круглая кирпичная стена с башнями (Д. Стронах напоминает в связи с этим описанную Геродотом цитадель столицы Мидии). На полпути между двумя храмами в 1974 г. был обнаружен вырубленный в скале туннель (подземный ход высотой 1,7 м, шириной 1,8 м прослежен в западном направлении на 18 м).

Наиболее древними постройками Нуш-и Джан-тепе были «западный храм» (здесь ниже всего расположены полы) и «центральный храм» — весьма сложные по архитектуре сооружения в виде ступенчатого ромба с небольшим вестибюлем, входной комнатой, коленообразным коридором — пандусом, ведущим на второй этаж (в южной части), и треугольным центральным помещением (11×7 м), украшенным нишами, «слепыми окнами», декоративными крестообразными углублениями в стенах и «каминами» (очагами) в нишах — по всем стенам зала. Храм выглядел высокой башней с уступами (стены сохранились на высоту до 8 м). Слева от единственной двери, ведущей в центральное помещение, находился алтарь, огороженный невысокой кирпичной стенкой (высотой около 80 см). Алтарь представлял собой круглую колонну, увенчанную капителью из четырех увеличивающихся в размерах «ступеней». Он был сложен из сырцового кирпича и покрыт белой обмазкой. Возможно, священный огонь из храма выносили по пандусу на крышу.

Все центральное помещение храма в какой-то момент было тщательно заложено (на высоту по крайней мере 6 м) плитами сланца, перекрытыми сверху сырцовыми кирпичами. При этом алтарь хотели сохранить — он был со всех сторон дополнительно обложен кирпичами. Дверь, ведущая в храм, также была тщательно замурована.

Как пишет Д. Стронах, «такие сложные предохранительные работы невозможно было провести в спешке, например во время приближения врагов; и среди других возможных объяснений можно предполагать что здесь перед нами — свидетельство тщательного церемониального ритуала, связанного с угасанием „царского огня“ после смерти правившего монарха».

Возможно и другое предположение: храм был заложен (забутава) с целью возвести на образовавшейся платформе новое святилище — иное по плану или иного культа. Эту гипотезу как будто бы поддерживает и то, что «колонный зал», помещавшийся за храмом (16×20 м; плоское перекрытие поддерживалось двенадцатью колоннами — деревянными, на каменных базах, расположенными по четыре в три ряда), был в какой-то момент поделен на небольшие комнатки. В них, как полагает Д. Стронах, могли жить рабочие, забутовавшие храм.

Самое позднее здание Нуш-и Джан-тепе — большой «Форт» (25×22 м), возведенный к концу существования «центрального храма». Его стены были укреплены выступами-башнями (по пе-

сти на коротких стенах и по семи — на длинных) с узкими бойницами. Внутри «форта» — несколько коридорообразных помещений для гарнизона и запасов.

В числе находок в Нуш-и Джан-тепе (кроме керамики) — украшения, клад серебряных слитков [159, с. 97—111]. Нуш-и Джан-тепе не богат произведениями искусства и другими эффектными находками. Наибольший интерес представляют архитектура и планировка памятника.

В Нуш-и Джан-тепе обнаружен колонный зал (один из четырех, относящихся к мидийскому периоду). Он больше похож на ахеменидскую ападану, чем, например, мидийский (по времени) колонный зал в Годин-тепе, все еще сохранявший характерные черты колонных залов Хасанлу, — платформу для трона у задней стены, алтарь посередине, суфы вдоль длинных стен.

План «форта» Нуш-и Джан-тепе близок, как считает Д. Стронах, плану многокомнатной башни в углу ападаны Дария—Ксеркса в Персеполе [653].

Храм, раскопанный в Нуш-и Джан-тепе, — это, вероятно, первое на территории Ирана маздеистское святилище. Оно отвечает, по мнению Д. Стронаха, «самым скрупулезным требованиям поздней зороастрийской практики». Р. Гиришман полагает, что храмы Нуш-и Джан-тепе и были теми самыми *дайвадана* («капища дэвов»), которые разрушал Ксеркс. Заложенный храм в Нуш-и Джан-тепе, таким образом, — это «осужденное исчезнуть сооружение, которое по каким-то соображениям не хотели разрушать, но сделали недоступным, заполнив камнями и запретив религиозные церемонии в честь гонимых богов» [23].

Наконец, весьма важной является структура поселения в целом, объясняющая в какой-то степени характер раннемидийского государства. На естественной возвышенности, господствующей над обширной долиной, возведены лишь культовые и административные постройки — храмы, зал для аудиенций, форт. Все поселение — это только ставка вождя, здания, построенные для его вельмож и его гвардии.

Клад из Зивие

Одна из самых сенсационных находок в Иране, относящаяся к фазе ЖВ III, — это знаменитый клад из Зивие (в советской литературе его иногда называют «саккызским кладом»).

Клад был обнаружен в 1947 г. у высокого холма в 40 км к востоку от г. Саккыз, сравнительно недалеко от Хасанлу.

Политические события в Южном Азербайджане в то время совсем не благоприятствовали нормальным связям с центральными районами Ирана, и потому многие предметы этого клада — в первую очередь изделия из драгоценных металлов — были переплавлены или поломаны при дележе, а менее ценные вещи брошены или разбиты. Активная деятельность торговцев древностями привела к тому, что клад разошелся по частным коллекциям, а также попал в различные музеи США, Франции, Канады, Англии,

Японии. Сейчас большая часть клада хранится в Археологическом музее в Тегеране. Р. Гиршман издал список этих предметов с обозначением их размеров, материала и кратким описанием (всего — 341 предмет, из них 43 — из золота, 71 — из серебра, 103 — из слоновой кости) [316, с. 445—452].

Андре Годар, тогдашний генеральный инспектор Археологической службы Ирана, в 1950 г. опубликовал часть изделий из золота, серебра и слоновой кости, дал подробное описание обстоятельств находки клада, предложил дату для основной части материалов — IX в., определил эти памятники как «искусство „звериного стиля“ Загроса с элементами искусства Ассирии и прилегающих областей». Он полагал, вслед за Э. Херцфельдом, что именно это искусство было впоследствии воспринято скифами и Ахеменидами. Для части предметов А. Годар впервые предложил термин «маннейские». Именно благодаря его энергичной деятельности многие из этих вещей попали в Археологический музей в Тегеране [324].

Предложив рассматривать современное название «Зивие» как сохранившееся древнее «Зибие» — крепость, упоминаемая, в частности, в надписи Саргона II [476, т. II, с. 5], А. Годар отмечал, что многие предметы того же стиля и, кроме того, золотые и серебряные ритоны находили в нескольких километрах от Зивие, в Капланту (или Гафланту), на древнем городище, которое он отождествлял с Изирту — столицей Манны.

С 1950 г. началась «мода на Зивие». В результате кладу стали приписывать и вещи, найденные в соседних районах, и случайные находки в Южном Азербайджане вообще, которые продавались в антиквариате, как «вещи из Зивие». Сам А. Годар впоследствии обратил внимание на несколько предметов, ошибочно отнесенных им к кладу [325].

Археологи смогли побывать в Зивие лишь через много лет после находки клада. Ими было установлено, что Зивие — небольшая крепость, возведенная в период ЖВ III. Обильные керамические сборы показали, что керамика Зивие схожа с керамикой Хасанлу (слой III В). Среди керамического материала здесь встречаются и обломки позднеассирийских глазурованных сосудов. Керамика Зивие показывает связи с «южной группой» памятников ЖВ III, в особенности с найденной в Зендан-и Сулейман (датируется в пределах 700—620 гг.). На этих основаниях дата керамики и, следовательно, крепости Зивие должна быть отнесена к периоду между началом и второй половиной VII в. до н. э. Крепость представляла собой резиденцию правителя округа. Сейчас она изрыта ямами кладоискателей, которые местами обнажили толстые, до 7,5 м, стены, сложенные из необожженных кирпичей (34×34×9 см). Вероятно, в крепости было и здание дворцового типа с портиком, поддерживаемым колоннами. Дворец был декорирован глазурованными изразцами, подобными изразцам ассирийских дворцов в Ашшуре и Кальху [255].

Клад мог быть и не связан с судьбой крепости, хотя нашедшие его уверяют (и это видно по остаткам их «раскопок»), что он был обнаружен у стен цитадели. Но следы их интенсивной деятельности и в пределах цитадели заставляют подозревать, что некоторые «вещи из Зивие», и в особенности бронзовые и железные предметы вооружения, детали сбруи, изделия из кости и рога, были найдены не в составеклада, но на самой цитадели.

Как заметил один из исследователей клада, Ч. Вилкинсон, «к сожалению, все, что осталось в конюшне, после того как лошадь была украдена, говорит нам только о том, что некогда здесь все же была лошадь, а совсем не о том, как она выглядела. Поэтому, хотя черепки от сосудов, собранные на Зивие, и раскрывают некоторые детали обыденной жизни в этом районе, они не так уж много сообщают о вельможах, которые здесь жили, и о сокровищах, которыми они владели. Чтобы быть совершенно честным, следует прибавить, что на некоторые из этих вопросов мы никогда не получим ответа, даже путем самых тщательных раскопок» [729, с. 7].

Вместе с другими вещами в Зивие были найдены обломки края и стенок большой бронзовой «ванны». Две точно такие же «ванны» обнаружены археологами в Уре (Вавилония) при раскопках слоев нововавилонской и персидской эпох. Там они были использованы для захоронений женщин, но дату этих захоронений и их принадлежность с достоверностью установить не удалось. Определения колеблются между серединой VII — началом VI в. [732, с. 16—18]. Еще одна такая же «ванна» открыта в Зинджерли, но там она использовалась именно как ванна [478, табл. 37]. Вещи эти, несомненно, ассирийской работы и происходят из какого-то одного центра. На сохранившихся кусках «ванны» из Зивие по верхнему ее краю резьбой изображена типичная для ассирийских памятников сцена приношения дани. К ассирийскому вельможе, его свите и воинам направляется процессия данников, в руках которых рога козлов (символизирующие, вероятно, стада коз), сосуды (один по форме такой же, как и описанная выше ваза из Хасанлу), меха с вином и модель города-крепости — нечто вроде ключей от городских ворот, которые принято подносить победителям. На другом фрагменте «ванны» представлена сцена, также типичная для искусства Ассирии, — козел, стоящий на сложной розетке. Мы ничего не можем сказать об этнической принадлежности данников. Судя по их костюмам — обуви, плащам из шкур, — они, должно быть, жители горных районов. Во всяком случае, среди них нет ни сирийцев, ни вавилонян, обычно ясно распознающихся по их одеждам и украшениям. Ничего определенного нет и в составе дани — она также обычна для многих народов [728, с. 213—220; 129, с. 111—116].

Что же касается стиля изображения и мелких иконографических деталей, таких, например, как форма прически и одежда вельможи, то, вероятнее всего, они относятся к позднеассирийскому

периоду — ко второй половине VIII в. Так или иначе, но находка «ванн» в Зивие прежде всего могла бы свидетельствовать о том, что этот клад был на самом деле богатейшим захоронением. Этому противоречит, однако, неустановленное назначение таких «ванн» и отчасти слишком пестрый состав вещей клада.

Но в любом случае — было ли это захоронение или клад, спрятанный в бронзовом сосуде, — ясно, что вещи, его составляющие, были награблены из разных мест. Так, еще одна группа вещей — плакетки из слоновой кости, детали украшения парадной мебели и драгоценных ларцов с различными изображениями — перед тем как попасть к своему последнему хозяину, побывали в огне. Да и сам их подбор (правда, далеко не все памятники удалось собрать) говорит о том, что они попали в клад уже оторванными от различных парадных кресел и лож, от разных ларцов. Издавший плакетки Ч. Вилкинсон делит их на две группы — импортную и местную [729]; часть из них, выполненная с великолепным мастерством, сравнима с костяными пластинками, обнаруженными в ассирийских дворцах Арслан Таша, Нимруда и Куянджика [130]. Другую группу составляют изделия, изображения на которых по многим деталям похожи на изображения на золотых пластинках Зивие.

Все они резко отличаются по стилю от фрагментов из слоновой кости, найденных в слое IV Хасанлу, что говорит о разнице в датах [523, с. 121—135]. Как полагают, слоновая кость из Зивие не может быть датирована в основной своей массе ранее времени Тиглатпаласара III (744—727 гг.) и представляет собой главным образом вещи «провинциальной ассирийской работы» с некоторым влиянием искусства Финикии, Северной Сирии и, быть может, Урарту.

Большей частью золотые и серебряные предметы этого клада относятся к «смешанному стилю», где несомненно ассирийские, несомненно урартские, по-видимому, малоазийские, почти наверняка сирийские черты сочетаются с новыми, до Зивие неизвестными (а теперь, после ряда последних открытий, правильнее сказать, в Зивие наиболее ярко представленными) чертами стиля, техники, а главное, набора образов.

Эти вещи представляют собой предметы престижного искусства — украшения, вооружение, инсигнии власти царя или вождя. Так, например, в Зивие обнаружена золотая пектораль — нагрудное украшение, которое носилось на цепочке. Такие украшения, бесспорно, символ власти или знатности, встречаются в основном на урартских статуэтках, изображающих царей и богов. Здесь же нужно сказать, что бронзовые пекторали более раннего времени были найдены в Луристане, более поздние — в могильниках скифского времени.

Не исключено, что некоторые золотые плакетки, найденные в Зивие, украшали некогда деревянные колчаны и служили обкладками рукояток и ножен парадного царского меча.

Там же найдены массивная золотая нижняя часть ножен меча (бутероль), золотое навершие рукояти меча, серебряные и бронзовые детали конской сбруи и, наконец, несколько экземпляров боевого оружия — два железных меча, наконечники стрел и наконечник копья. Кроме того, среди предметов из Зивие, поступивших в разные музеи, находятся обломок золотой царской диадемы с розетками, серебряный диск (скорее всего, плоское блюдо) с золотыми аппликациями, несколько прекрасных керамических сосудов, изображения на которых выполнены в технике инкрустации.

В украшении некоторых из этих вещей главное место занимают образы, которые в работах, посвященных Зивие, называют «скифскими» — олень, пантера, голова грифа, заяц, баран. Серебряный диск украшен концентрическими поясами золотых аппликаций: две пантеры в геральдической позе, головы грифов, лежащие пантеры, зайцы. Бутероль занята изображением двух пантер, золотой пояс — фигурками барана и оленя, включенными в ромбовидный узор из ветвей «дерева жизни», обломки диадемы — головы грифов и лежащими пантерами.

Другие вещи, прежде всего пектораль, представляют смесь различных стилей; два регистра пекторали заняты изображениями фантастических существ: в центре композиции — «дерево жизни», по сторонам которого два вздыбившихся козла на верхнем регистре и два крылатых быка — на нижнем. Эти фантастические существа — частью ассирийские, или, точнее, почти ассирийские, частью урартские, или, точнее, почти урартские, частью же «скифские» (например, пантера и заяц на концах пекторали).

Некоторые, осторожно говоря, не вполне ассирийские черты присутствуют и на тех вещах, принадлежность которых ассирийской знати почти не вызывает сомнений: например, на деталях парадного ассирийского нагрудника центр занят изображением двух крылатых божеств, крылатых баранов и процессией львов, «дерево жизни» показано, скорее, в урартском варианте.

Почти на всех этих памятниках композиция строится по геральдическому принципу: она разворачивается симметрично по сторонам «дерева жизни». Это «священное дерево» представлено в Зивие в нескольких вариантах (не менее десяти), построенных по одному принципу: S-образные завитки в сложном переплетении, оканчивающиеся или палочками пинии, или гранатовыми яблоками, или сложными цветами. Почти все эти элементы, и прежде всего принцип построения «дерева жизни», находят прямые аналогии в искусстве Урарту, в особенности на бронзовых поясах, найденных в Ани Пемза, Закиме, при раскопках Кармир-блур и Аринберда [131; 120]. Похожие элементы составляют и разнообразные «дерева жизни» костяных пластин — деталей мебели, найденных в ассирийских дворцах Нимруда. Эти костяные пластинки, однако, не ассирийские, а сиро-финикийские. На ассирийских, точнее, «провинциально-ассирийских», костяных пластинах, проис-

ходящих из Зивие, «древо жизни» изображается иначе, хотя в нем присутствуют те же элементы.

Итак, уже центр композиции, весьма важный в смысловом отношении (во всяком случае, для ассирийского и урартского искусства), демонстрирует связи по крайней мере с тремя областями Ближнего Востока со строго канонизированным, развитым прокламативным искусством, таким, где все образы, их иконография и место, на котором они помещены, регламентированы и осмыслены, поскольку они имеют вполне определенную религиозную символику. Эти три области — Урарту, Сиро-Финикия, Ассирия, причем именно все три, в том порядке связей, в котором они перечислены.

По сторонам «древа жизни», как уже говорилось, развертывается симметричная композиция, составленная из образов фантастических существ.

Этих образов сравнительно немного. Ниже следует их перечень с буквенным обозначением (с тем чтобы показать впоследствии порядок их расположения на разных памятниках).

А — крылатый грифон с головой орла и телом льва, птичьими и львиными лапами, в «переднике» (анalogии — ассирийские рельефы VIII в.).

Б, Б¹ — рогатый и крылатый лев с хвостом скорпиона или рыбы (анalogии — ассирийские рельефы и печати, урартские бронзовые пояса).

В, В¹ — человекобык (ассирийский *шеду*) в конической или расширяющейся вверх короне.

Г — крылатый баран с закругленными рогами, в «переднике».

Д, Д¹ — крылатый сфинкс с телом и лапами льва и женским лицом, в «переднике» или без него (в последнем случае с лицом, повернутым назад).

Е — крылатый бык.

Ж — крылатый козел.

З — «гений» (*шеду* В, поднявшийся на задние лапы с простертыми вверх руками).

И — «гений» (грифон А, поднявшийся на задние лапы с ситой в руках).

На золотой обкладке колчана (фрагменты в Метрополитен-Музее и в Археологическом музее в Тегеране) представлены (по сторонам «древа жизни» различных форм) в семи регистрах следующие композиции: (1) АБВ×ВБА; (2) ГВ¹Д×ДБ¹Г; (3) Д¹ЕВ¹××В¹ЕД¹; (4) ЖБА×АБЖ; (5) В¹Б×БВ¹; (6) БВ¹×В¹Б; (7) ИБ¹××Б¹И.

На золотой пекторали в двух регистрах:

(1) Заяц, «скифская пантера», Б, В, Д, композиция с двумя горными баранами, поднявшимися на задние лапы у «древа жизни» (та же композиция — на слоновой кости, ассирийских глазурованных плитках VIII в.), Д, В, Б, заяц, «скифская пантера».

(2) Заяц, «скифская пантера» Д¹Г, А, З, ЕХЕ, З, А, Г, Д¹, «скифская пантера», заяц.

Эта простая схема на двух разнородных памятниках (один — с так называемыми «скифскими элементами», другой — в древневосточном стиле) свидетельствует о некоем общем направлении в отборе изображений для всех этих композиций. О единстве большинства этих произведений говорят и мелкие детали стиля и иконографии: почти у всех «монстров» на теле — треугольные «подкрылья» с поперечными насечками, подчеркнутые овальной линией лопатки, пальметты на теле баранов, жгуты для изображений шерсти внизу животов, одинаково трактованные глаза, шерсть.

Все эти приемы типичны и для «скифской пантеры» на пекторали (даже «подкрылья») и для «скифских» оленей на золотом поясе. Кроме того, хвосты всех ассиро-урартских «монстров» и ветви «древа жизни» показаны так же, как и рога «скифских» оленей. Для многих золотых вещей Зивие характерна единая техника (выколотка на твердой модели и гравировка с лицевой стороны).

К общим признакам принадлежат и орнаменты по краям плакеток и манера изображения лап (похожая на урартскую). Детали эти имеют прототипы в тореutique Хасанлу и в особенности Марлика. К сожалению, неполная публикация золотых сосудов Марлика отчасти препятствует детальному сравнению, но не раз указывалось на совпадение мелких, даже мельчайших иконографических деталей, не несущих никакой семантической нагрузки, т. е., другими словами, долго живущих стандартных ремесленных приемов, передающихся от мастера к ученику. Так, например, Э. Порада отмечала такие детали на изображениях грифонов вазы из могилы XVIII с [527, табл. XII] и грифонов пекторали из Зивие [572, с. 132—134]. Сейчас почти наверняка можно считать, что мастера Зивие — это потомки торевтов Хасанлу, Марлика, Калардашта, т. е. маннеев. Но с тех пор необычайно расширился круг их иконографических источников. Они, видимо, и работали совсем для другого заказчика.

Часть «гениев» и «демонов» Зивие заимствована из искусства Ассирии. Однако ни в одном из ассирийских памятников мы не заметим такого хаоса в изображении «злых» и «добрых» существ, такой случайности в их расположении. Некоторые из этих существ есть и в Урарту — заимствованные из ассирийского религиозного искусства, претерпев некоторые изменения в иконографии, они стали здесь символами различных местных богов. Наконец, некоторые из этих «демонов» встречаются в искусстве Северной Сирии, западного побережья Малой Азии и Ионии. И вся эта смесь присутствует на вещах в Зивие. Сфинкс здесь изображен в его ионийском и сиро-финикийском вариантах, крылатый баран напоминает баранов на костяных плакетках Нимруда, североассирийский вариант представляет быкочеловек, некоторые львы — типично урартские, хотя мелкие детали на всех изображениях (такие, например, как разделка крыльев) ближе всего к искусству Урарту.

Кажется ясным, что мастер Зивие, имея перед собой разнородные памятники, копирует некоторые из образов, не заботясь ни об их первоначальном смысле, ни об их исконной иконографии.

Нужно напомнить предшествующие Зивие памятники. В Хасанлу мы найдем полные аналогии некоторым геральдическим композициям Зивие (например, бараны по сторонам «древа жизни») и некоторым чудовищам, но эти аналогии будут на полтора-два столетия старше клада из Зивие. Среди сосудов Марлика, тоже более ранних, есть такие, где встретятся крылатые быки и крылатые бараны. Особенно много аналогий окажется в Луристане — и среди «луристанских бронз» VIII—VII вв., и среди плакеток и фибул, найденных в Сурх-и Думб, также VIII — начала VII в. А если немного отвлечься от клада Зивие и вспомнить другие вещи, в особенности ритоны, найденные в этом районе, то количество аналогий возрастет. Весь материал убеждает, что в некий период на этой территории из всего богатства образов соседних «больших культур» идет довольно строгий отбор, и в этом отборе не придается особенно серьезного значения той символике, которую имели эти образы в «больших культурах».

Вывод этот важен потому, что как раз те фантастические существа, которые встретились в Зивие, в конечной и самой богатой точке этого отбора попадут затем в искусство персов ахеменидской эпохи. Попадут, видимо, отсюда, а не непосредственно из Ассирии или Урарту. И смысл, который им придавали персы эпохи Ахеменидов, мог быть в принципе тем же, что и у мастеров Зивие. Кажется, что эту идею подкрепляет, пусть косвенно, еще один факт: фантастические существа (хотя и несколько непохожие по деталям иконографии), о которых идет речь, действительно, широко представлены на памятниках Ближнего Востока в позднеассирийскую эпоху, но памятники эти, как правило, не громадные официальные рельефы, украшавшие дворцы ассирийских владык или урартское парадное оружие, а главным образом личные печати, или орнаментальные живописные панно, или костяные плакетки. В особенности много аналогий и отдельным образам и целым сценам находится на ассирийских цилиндрах конца VIII—VII в. до н. э. Такие памятники легко передвигались, в массе попадая в Северо-Западный Иран. Их композиции могли послужить «моделями» для мастеров Зивие.

Это искусство, основанное на древних местных традициях, к VII в. до н. э. полностью (или, во всяком случае, в значительной степени) меняет свою изобразительность: место древних образов и композиций (торевтика Хасанлу и Марлика), связанных, очевидно, с иным этносом, занимают образы и композиции, заимствованные иногда в качестве прямых «цитат», как правило вырванных из контекстов, но чаще как «пересказ своими словами» из произведений искусства великих цивилизаций древности. К «прямым цитатам» и к «пересказу» добавляется новый пласт образов, который хотя и был известен на этой территории ранее,

но до стадии Зивие не занимал столь значительного места в искусстве. Новый пласт — те самые «скифские звери», о которых шла речь выше.

Рассмотрим самые показательные памятники из Зивие с такими изображениями.

Золотой пояс с оленем и бараном между стилизованными побегами «древа жизни» по размещению изображений, по орнаментам, даже по размерам (но не по образам) имеет точные аналогии в урартских бронзовых поясах, подобных найденным в Закиме, Ани Пемза или на Кармир-блуре (дата этих памятников — VIII—VII вв. до н. э.). Здесь перед нами опять-таки «скифская цитата» или «пересказ» в ином смысловом окружении.

Серебряный диск с изображениями пантер, голов грифов и зайцев имеет ассирийскую центральную розетку, урартские орнаменты в центре и по краю; а на «пикообразном орнаменте» по борту — иероглифическую надпись, знаки которой напоминают урартские или хеттские иероглифы [317, с. 105, рис. 42].

Наконец, обратимся к золотому навершию рукоятки меча с изображением свернувшейся пантеры и грифа. Особенно интересно то обстоятельство, что тип свернувшегося зверя совершенно не характерен для искусства древнего Востока и не получил в дальнейшем развития, но сам зверь выполнен в канонах искусства Ассирии и Урарту. А гриф, включенный в тело зверя, относится к той же ассиро-урартской символике.

В районе озера Урмия скифские племена появляются, во всяком случае, не позднее 60-х годов VII в. до н. э., а может быть, и раньше (об этом подробнее см. с. 75), и на первый взгляд не исключено, что именно они принесли с собой мотив оленя с поджатыми ногами и ветвистыми рогами, мотив пантеры, стилизованное изображение головы грифа и образ свернувшегося зверя. Однако сейчас нельзя указать ни на одну твердо датированную, происходящую из бесспорно скифского комплекса подобную вещь, которая была бы старше предметов из Зивие или одновременна им. Вместе с тем, не говоря уже о позе оленя или барана, распространенной весьма широко на территории Ближнего Востока, именно такой образ оленя, как в Зивие, представлен на бронзовой бляхе — детали псалии — из района г. Харсин (Луристан). Бляха эта, бесспорно, относится к тому кругу луристанских бронзовых псалий, самая поздняя дата которых VIII — начало VII в. до н. э. Ни заяц, ни гриф также не являются специфическими скифскими образами уже потому, что аналогии им мы встречаем в той же «луристанской бронзе». Аналогии отдельным иконографическим деталям голов имеются в искусстве северных районов Ирана, отчасти — в искусстве Ассирии. Наконец, в сильно стилизованном виде те же головы грифов есть и на рельефах ахеменидского времени. Еще в большей степени это относится к образу барана с поджатыми ногами.

Что касается пантеры, то в Зивие известны два иконографических типа ее: один — пантера, лежащая, поджав лапы; другой — две пантеры во встречно-геральдической позе. Этот образ представлен не только на золотых обкладках и в виде аппликации на серебряном диске, он украшает литой золотой наконечник ножен меча и повторен на керамических сосудах. Многочисленные пантеры Зивие демонстрируют и развитие этого образа — лапы и хвост постепенно превращаются в кольца, треугольное сердцевидное ухо закругляется, глаз становится круглым, наконец, тело зверя свивается в кольцо. Следует подчеркнуть, что эти этапы фиксируются только на памятниках Зивие; в скифских же пантерах, например знаменитой келермесской, этот образ стилизован еще сильнее (впрочем, в том же направлении), чем наиболее стилизованный образ из Зивие. Наконец, как уже говорилось, в Луристане, в районе Пушт-и Кух, при раскопках крепости Баба Джан-тепе в слоях VIII в. до н. э. была обнаружена бронзовая булавка с навершием в виде лежащей пантеры, иконографически наиболее близкой к ранним пантерам Зивие.

Некоторые аналогии этому образу в «луристанских бронзах» уже давно приводил А. Годар [324].

Нужно отметить здесь же, что определенная стилизация деталей этого образа, в сущности, урартская (раскрытая пасть пантеры в Зивие имеет точные аналогии в изображении львиных голов на урартских шлемах), а исполнение, несомненно, местное, манейское.

Пожалуй, следует повторить, что вопрос о том, кем был последний владелецклада, в данном случае почти безразличен, поскольку вещи, образовавшие этот комплекс, составляли, скорее всего, военную добычу. Сейчас уже невозможно восстановить обряд погребения — в том случае, если это было действительно погребение, — а потому и данный аргумент не может быть принят во внимание. Что же касается первоначального владельца памятников Зивие, о которых шла речь выше, т. е., другими словами, заказчика этих предметов, то им должен был быть вождь крупного племенного объединения или царь одного из раннеиранских государственных образований. Иначе говоря, цари державы скифов, цари Мидийской державы или, наконец, владыки Манны — вот возможные претенденты на престижное, в принципе даже прокламативное, искусство Зивие. Нужно еще раз напомнить, что на территории Северо-Западного Ирана в VIII—VII вв. иранский язык (язык мидийцев, скифов и других иранских племен) становится средством межплеменного общения, что, бесспорно, объединяло все эти племена, сближало их и экономически и идеологически.

Если исходить из политической ситуации в этом районе (Зивие, по указанным аналогиям, должно датироваться VII в. до н. э.), то наиболее вероятными претендентами подсказчиков вещей из Зивие будут мидийцы. И если это так, то к описанным памятни-

кам из Зивие следует прибавить большую группу произведений тореvтики (золотые и серебряные, зооморфные ритоны, вазы, предметы вооружения), случайно найденных в районе Капланту, в округе Хамадана, и в других местах Северо-Западного Ирана. Об этих памятниках будет рассказано ниже.

Разумеется, нет пока никаких прямых доказательств, позволяющих рассматривать часть комплекса Зивие как памятники, с которых начинается мидийское искусство. Но эта гипотеза кажется очень заманчивой. Ниже будет показано, во-первых, что некоторые стилистические черты, приемы и даже образы этого искусства (причем именно в том сравнительно узком наборе, который был выше описан) войдут в искусство эпохи Ахеменидов и встретятся на памятниках, позднемидийская атрибуция которых кажется достоверной. Во-вторых, процесс сложения мидийского искусства, такой, как он описан на предыдущих страницах, окажется сходным с процессом сложения искусства Ахеменидов. В основе сходства будет лежать общая для мидийцев и персов религия и общий подход к начальной стадии формирования образов божеств этой религии. Другими словами, и для группы памятников Зивие, и для определенных групп памятников ахеменидской эпохи можно предложить сходную интерпретацию.

Ясно, что в данном случае ответить на вопрос, как именно истолковывались образы Зивие, весьма трудно. Но сравнительно строгий отбор чуждых иранским верованиям изобразительных символов и введение в круг этих символов своих собственных, очевидно, свидетельствует о том, что они как-то интерпретировались, причем по-своему.

Только в поздних зороастрийских сочинениях мы встречаем слабые намеки на антропоморфную изобразительность; пожалуй, даже лишь одна богиня — Анахита — описывается антропоморфно. Все остальные зороастрийские божества описываются абстрактно и имеют лишь свои «ипостаси», перевоплощения (главным образом в определенных зверей и птиц). В «Ясне семи глав» упоминается почитание древних мифических существ, таких, например, как священный трехногий осел Хара, и некоторых других, но боги религии маздаяснийцев зримо не воспринимаются. Это обстоятельство, всего вероятнее, и являлось причиной того, что при возникновении необходимости изобразить этих богов пришлось искать подходящую для них иконографию в чуждых и по религии и, разумеется, по этнической принадлежности, но в то же время широко известных и почитаемых образцах искусства древнего Востока, которым была дана соответствующая интерпретация.

Для мидийских царей было вполне естественным использовать в качестве основы богатейшую изобразительность Ассирии, Урарту, Элама и в особенности искусства того историко-культурного региона, где создавалась их держава, но отбор образов должен был быть направленным и сравнительно узким.

В надписи Дария I о строительстве его дворца в Сузах

(стк. 49—50), отстоящей от комплекса в Зивие более чем на столетие, говорится: «Золотых дел мастера, которые выполняли работы по золоту, были мидийцы и египтяне». Как мы знаем, при перечислении иных мастеров-специалистов в работе по камню, глазурированным изразцам, скульпторов и строителей — ионийцев, лидийцев, вавилонян, египтян — Дарий был точен, и это можно доказать с помощью археологии. Всего вероятнее, что он был столь же точен, говоря о мидийцах — признанных мастерах-торевтах.

На своем пути к югу иранское искусство IX—VII вв. претерпело определенные изменения. Искусство державы Ахеменидов известно нам приблизительно с середины VI в., по преимуществу в парадных прокламативных памятниках, относящихся к сфере придворного искусства царя царей.

Как уже упоминалось, в этой конечной точке развития иранское искусство сохранило именно тот пласт образов, который связан с передневносточным искусством. Нужно еще раз подчеркнуть, что оно действительно сохранило этот пласт и, более того, перенесло его с мелких, в общем утилитарных предметов в «большое искусство», где эти образы приобрели яркую прокламативную окраску. Что же касается образов зверей, то они, наоборот, заняли здесь подчиненное положение, быстро став орнаментальными мотивами или даже деталями этих мотивов, как, например, головы грифов, известные как детали орнаментов в Персеполе.

Какими путями шло это искусство к югу и как оно менялось по пути, отчасти показывают мечи-акинаки мидийских воинов. Акинак, изображенный на рельефе из Персеполя (480—470 гг.), по форме почти такой же, что и акинак из Келермесского кургана. К тому же верхняя пластина ножен орнаментом по краю очень похожа на келермесскую: как и там, этот орнамент составляют стилизованные головы грифов. Однако центральное поле заполнено изображениями цветов, восходящих к ассирийским, но уже известных по «дреvu жизни» из Зивие. В верхней части ножен — два крылатых грифона, имеющих тот же исток — Зивие, но уже претерпевших определенные стилистические изменения, превратившихся в ахеменидские. Около каждого из грифонов — остатки «древа жизни»: на акинаке они такие же, как и на больших ахеменидских рельефах, или на ахеменидских печатях, или на ахеменидской торовитке. Всю поверхность ножен украшает ряд баранов в той же «ближневосточной» позе, как и на келермесском акинаке, но уже совсем иных по стилю. Наконец, бутероль по форме подобна фигуре свернувшегося барана. Стилизация здесь совершенно иная, чем в скифском искусстве, да и образ зверя изменился, однако некоторые иконографические детали все-таки связывают его со свернувшейся пантерой из Зивие.

Описав начальную фазу мидийского искусства и определив хотя бы приблизительно черты, которые его характеризуют, мы можем выделить из большой группы памятников торовитки бо-

лее поздней, ахеменидской эпохи те образцы, которые больше других сохранили связи с памятниками Зивие.

Среди многих золотых, серебряных и бронзовых украшений, ритонов и ваз более поздней эпохи трудно выделить собственно мидийские — в Ахеменидской империи сравнительно быстро был создан унифицированный «имперский стиль» престижных произведений (а драгоценные сосуды, и прежде всего ритоны, имели именно престижное значение). К сожалению, ни на одном из раскопанных археологами мидийских памятников пока не обнаружены произведения искусства. Поэтому вновь придется обращаться к предметам, обнаруженным в результате коммерческих раскопок.

На антикварном рынке Европы и Америки в 50-х годах стали появляться великолепные золотые и серебряные сосуды для питья — ритоны в виде рога, увенчанного головами различных животных. Сообщалось, что часть из них была найдена в районе Капланту — небольшого городка, всего в нескольких километрах от Зивие. Похожие ритоны находили и в других местах Северо-Западного Ирана.

Эта форма сосуда — совсем не новость для искусства древнего Востока. Не говоря уже о том, что керамические зооморфные сосуды, в том числе и ритоны, хорошо представлены в коллекциях урартской керамики, и на ассирийских рельефах VIII—VII вв. до н. э. есть сцены пиршеств, где знатные ассирийцы пьют вино именно из таких сосудов. Керамические ритоны встречаются также и в более ранних памятниках Северо-Западного Ирана. Они очень разнообразны, но можно выделить среди них две ведущие формы: конический сосуд, заканчивающийся головой животного, и ритон в виде рога с зооморфной протомой. Оба эти типа характерны и для ахеменидского искусства. Для несколько более позднего времени есть несомненные свидетельства, что такие сосуды, выполненные в драгоценных металлах, служили атрибутом власти. Возможно, те же функции имели они и при мидийском и ахеменидском дворах.

Оба типа керамических ритонов найдены и в Капланту и в Зивие. Ритоны Зивие, вероятно не входившие в клад, а выкопанные на цитадели, особенно изящны. Протомами им служат головы газели или горного барана. Такой же ритон с головой газели, но только серебряный, был найден где-то в Северо-Западном Иране и до недавнего времени хранился в одной из частных коллекций в Иране. Он очень близок (даже по мелким деталям) к керамическим ритонам из Зивие. Богатый орнамент, который его украшает, является репликой золотой пекторали.

Часть этих сосудов выполнена уже в «имперском» ахеменидском стиле. И тем не менее на них — в качестве индикации — мы всегда можем уловить отдельные стилистические и технические приемы раннемидийских памятников Зивие. Такие приемы характерны не только для группы ритонов, но и для прекрасного серебряного с позолотой блюда (коллекция Норберта Шиммеля,

Нью-Йорк), датируемого VI в. [535, № 78], где на туловище козлов изображены точно такие же стилизованные пальметты, как и на козлах пекторали Зивие, и для золотого сосуда с ручками в виде рогатых козлов и процессией крылатых львов по тулову (до недавнего времени хранился в Археологическом музее г. Цинцинатти, США), где и орнаменты и туловища львов исполнены в том же стиле Зивие [739; 419; 131].

Золотой сосуд из коллекции Кеворкяна помимо той же стилизации, примененной в изображениях львов, связан с раннемидийскими памятниками еще и техникой горельефной накладной пластины [739].

Вместе с тем все перечисленные памятники — неотделимая часть ахеменидской торевтики. Но торевты, изготовлявшие эти вещи, вероятнее всего, были мидийцами и использовали технические приемы и навыки, которые они унаследовали от своих маннейских учителей. Нужно отметить, что эти раннемидийские «индикации», в сущности, те необходимые в исходных для раннемидийского искусства образах черты, которые были прочно связаны с семантикой. Но уже на раннемидийской стадии они постепенно теряют эту связь, воспринимаются сначала как орнаментальное украшение, а затем — как просто традиционный технический прием. Так, например, в мидийской торевтике ахеменидского времени туловища крылатых львов почти обязательно снабжаются своеобразными «подкрыльями», которые на исходных для них ассирийских памятниках служат изображением ребер животного, не только крылатого льва, но и просто льва, крылатого грифона, *шеду* и т. д. Уже на стадии Зивие эта деталь орнаментализируется.

Выше уже говорилось о некоторых чертах, присущих раннемидийской архитектуре. Здесь опять можно заметить влияние тех же цивилизаций: так называемые слепые окна имеют ближайшие параллели в архитектуре Урарту, стреловидные бойницы связаны с архитектурой Ассирии. В дальнейшем эти приемы сохраняются в архитектуре Фарса ахеменидской эпохи (Зендан-и Сулейман в Пасаргадах, Ка'ба Зороастра в Накш-и Рустаме).

Мидийскую дворцовую архитектуру, как и памятники монументального искусства, еще предстоит открыть — развалины царской резиденции Экбатан лежат под фундаментами домов современного иранского города Хамадана. Но роль мидийского искусства как одного из важнейших компонентов, формировавших искусство персов эпохи Ахеменидов, уже можно наметить.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ЭКОНОМИКА
АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ*Основные события политической истории*

В 558 г. царем персидских племен стал Кир II. В 553 г. он поднял восстание против мидийского царя Астиага, в вассальной зависимости от которого находились персы. Война длилась три года и окончилась полной победой персов.

Покорив в 550 г. Мидию, Кир в течение следующих двух лет захватил Парфию и Гирканию, входившие в состав бывшей Мидийской державы. В 546 г. персы завоевали и Лидию, которая в то время наряду с Вавилонией и Египтом была одним из крупнейших государств Ближнего Востока. Между 545 и 539 гг. Кир подчинил Дрангиану, Маргиану, Хорезм, Согдиану, Бактрию, Арейю, Гедросию, среднеазиатских саков, Саттагидию, Арахосию и Гандхару. Таким образом, персидское господство распространилось вплоть до северо-западных границ Индии, южных отрогов Гиндукуша и бассейна реки Яксарт. И только тогда, достигнув самых дальних пределов своих завоеваний в северо-восточном направлении, Кир выступил против Вавилонии.

Осенью 539 г. Вавилония была захвачена персами. Кир формально сохранил Вавилонское царство и ничего не изменил в социальной структуре страны. Вавилон стал одной из царских резиденций. Вавилоняне удержали в государственном аппарате свое преобладающее положение, а жречество получило возможность для возрождения своих древних культов, которым Кир всячески покровительствовал. Более того, власть Кира в Вавилонии рассматривалась не как чужеземное господство, так как он получил царство из рук бога Мардука, исполнив древние священные церемонии. Кир принял титул «царь Вавилона, царь стран», который сохранялся за его преемниками до начала правления Ксеркса.

После захвата Вавилонии все западные страны до границ Египта (Сирия, Палестина и Финикия) добровольно подчинились персам. Торговые группы Финикии, так же как вавилонские и малоазийские купцы, были заинтересованы в создании большого государства с безопасными дорогами, где вся посредническая торговля находилась бы в их руках.

Захватив весь Ближний Восток до границ с Египтом, Кир решил обезопасить северо-восточные границы своего государства от вторжения кочевых племен Средней Азии. В битве против массагетов на восточной стороне Амударьи в 530 г. он потерпел поражение и погиб.

В августе 530 г. царем Ахеменидской державы стал Камбиз, который вскоре начал готовиться к нападению на Египет. Египетская армия была быстро разгромлена, а флот сдался без боя. В мае 525 г. Египет превратился в персидскую сатрапию. Камбиз стал египетским царем и основал XXVII династию фараонов. Он короновался по египетским обычаям, пользовался традиционной египетской системой датировки и принял титул «царь Египта, царь стран». Следуя политике Кира, Камбиз предоставил египтянам свободу в религиозной и частной жизни. Египтяне продолжали занимать свои должности в государственном аппарате.

Захватив Египет, Камбиз начал готовиться к походу против страны эфиопов. Согласно Геродоту, Камбиз вторгся в Эфиопию без достаточных запасов продовольствия, в его армии началось людоедство, и он вынужден был отступить. Камбиз вернулся в столицу Египта Мемфис и подавил волнения, которые тем временем произошли в этой стране. В марте 522 г. он получил известие о том, что его младший брат Бардия поднял восстание в Персии и стал царем. Камбиз направился в Персию, но умер по пути, не успев вернуть себе власть.

Согласно официальной версии, изложенной в Бехистунской надписи Дария I, Камбиз еще до похода в Египет велел тайно убить своего брата Бардию и этим воспользовался некий маг Гаумата, который объявил себя Бардией и 11 марта 522 г. стал царем под видом последнего. К 1 июня 522 г. Гаумата получил всеобщее признание у народов Ахеменидской державы. Чтобы удержать покоренные народы от восстаний, Гаумата отменил подати и военную повинность на три года. Его внутренняя политика была направлена на уничтожение привилегий персидской родовой знати и ее господствующего положения в экономике и обществе.

29 сентября 522 г., после семи месяцев царствования, Гаумата был убит заговорщиками в результате неожиданного нападения. Эти заговорщики были представителями семи знатных родов персов. Один из заговорщиков, а именно Дарий, которому было всего 28 лет, стал царем и восстановил привилегии знати, отмененные Гауматой.

Сразу после захвата престола Дарием I против него восстала Вавилония. Дарий сам возглавил поход против восставших. В декабре 522 г. персы захватили Вавилон, и руководители мятежа были преданы казни.

Пока Дарий был занят карательными действиями в Вавилонии, против него восстали Персия, Мидия, Элам, Маргиана, Парфия, Саттагидия, сакские племена Средней Азии и Египет. На-

чалась долгая, жестокая и кровопролитная борьба за восстановление державы Ахеменидов.

Против восставших в Маргиане двинулся сатрап Бактрии Дардаиш, и 10 декабря 522 г. маргианцы потерпели поражение. За ним последовала резня, во время которой каратели убили 55 000 человек. Уже одна эта цифра показывает, что восстание в Маргиане было всенародным движением.

В самой Персии некий Ваххяздата выступил соперником Дария под именем сына Кира Бардии и нашел среди народа большую поддержку. Ему удалось также захватить восточноиранские области вплоть до Арахосии. Лишь 16 июля 521 г. после пяти битв полководцам Дария удалось нанести решающий удар войску Ваххяздаты. Это была крупная победа Дария, так как теперь вся Персия оказалась в его руках.

Но в остальных частях державы продолжались восстания. Пока Дарий был занят подавлением двух восстаний в Эламе, почти вся Мидия оказалась в руках Фравартиша, который утверждал, что он происходит из рода древнего мидийского царя Киаксара. Это восстание было одним из наиболее опасных, и Дарий сам выступил против мятежников. Мидийцы потерпели поражение, а Фравартиш попал в плен и был приведен к Дарию, который жестоко расправился с ним. Он отрезал Фравартишу нос, уши и язык и выколол ему глаз. После этого его отвезли в Эктабаны и посадили там на кол. В Эктабаны были доставлены также ближайшие помощники Фравартиша и заключены в крепость, а затем с них содрали кожу.

К лету 521 г. полководцы Дария после пяти битв с восставшими смогли установить свой контроль в Армении. Тогда же было подавлено восстание в Парфии и Гиркании. Но вскоре в Вавилоне произошло новое восстание, продолжавшееся до 27 ноября 521 г.

Это было последним крупным восстанием, хотя в государстве все еще продолжались волнения. Теперь, через год с небольшим после захвата власти, Дарий смог упрочить свое положение и вскоре после этого восстановил державу Кира и Камбиза в ее старых границах.

Около 518 г. Дарий приступил к осуществлению своих знаменитых административно-финансовых реформ.

Между 519—512 гг. персы захватили Фракию, Македонию и северо-западную часть Индии. Таким образом, к концу VI в. до н. э. границы Ахеменидской державы простирались от реки Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до первого нильского порога на юге.

Однако вскоре началось ослабление Персидской державы. Во время греко-персидских войн (первая половина V в.) персы потерпели ряд крупных поражений в материковой Греции и в морских битвах. В V в. Египет, Вавилония, Мидия, области Малой Азии и другие страны много раз поднимали восстания против

персов. В 486 г. восстал Египет и, получив помощь от афинян, сопротивлялся персидскому войску до 484 г. В том же году против персов поднялись вавилоняне под руководством Белшимани, а спустя два года в Шамаш-рибы. В 460 г. новые волнения в Египте возглавил ливийский вождь Инар.

В конце V в. вспыхнули новые восстания в Малой Азии, Мидии, Египте и других странах. Эти восстания были обусловлены тем, что при поздних Ахеменидах господство персов обрекало население покоренных стран на разорение. В начале IV в. персы потеряли Египет, который был вновь покорен только в 342 г. При последних Ахеменидах была потеряна и Индия, а Хорезм, Согдиана и сакские племена из подданных превратились в союзников персов. Вдобавок к этому с конца V в. сатрапы Малой Азии постоянно вели между собой войны, в которые ахеменидские цари обычно не вмешивались. Отдельные сатрапы часто восставали против царя и, опираясь на помощь греческих наемников, стремились стать самостоятельными. Наконец, большое влияние приобрела дворцовая знать, которая с помощью заговоров устраивала неугодных ей царей.

Военные поражения заставили ахеменидских царей радикально изменить свою дипломатию, а именно натравливать одни государства на другие, прибегая при этом к подкупу. Заинтересованная в ослаблении Греции Персия во время Пелопоннесской войны помогала то Спарте, то Афинам. В 449 г. персы денежной компенсацией побудили афинян отказаться от помощи восставшим египтянам.

В 358 г. царем Персии стал Артаксеркс III, который энергично взялся за восстановление державы в ее прежних размерах. Были подавлены многочисленные восстания и мятежи в Малой Азии и Сирии, восстановлено персидское господство в Египте и на Кипре. Но в 337 г. этой деятельности Артаксеркса III пришел конец: он был отравлен своим личным врачом по наущению придворного евнуха Багоя. На трон посадили сына Артаксеркса III Арсеса, который вскоре (в июне 336 г.) оказался жертвой нового заговора и был убит вместе со всей своей семьей. Теперь придворная знать возвела на трон сатрапа Армении, представителя боковой линии ахеменидского рода Кодомана, который принял тронное имя Дария III.

Пока верхушка персидской знати была занята дворцовыми интригами и переворотами, на политическом горизонте появился опасный противник. Весной 334 г. македонская армия Александра выступила в поход против Персии. Армия эта насчитывала 30 000 пехотинцев и 5000 конницы.

Хотя Дарий располагал более многочисленным войском, оно по своим боевым качествам сильно уступало македонскому (особенно тяжеловооруженной пехоте Александра). Персидское командование, которое давно знало, что греческие и македонские воины значительно превосходят персидских качеством своего во-

оружения и тактической подготовкой, тем не менее ничего не сделало для улучшения своей армии, игнорируя все достижения греческого военного искусства. Персы ограничились лишь тем, что добавили к своей армии контингенты греческих наемников, которые теперь были наиболее стойкими частями ахеменидского войска.

Летом 334 г. при реке Гранике персидская армия потерпела первое поражение от македонцев, за которым последовало новое поражение в октябре 333 г. в битве при Иссе. Решающая битва произошла 1 октября 331 г. в местности Гаугамела в Сирии, в которой персы потерпели полное поражение и больше уже не были в состоянии оказать организованное сопротивление македонской армии. Через год Ахеменидская держава перестала существовать.

Государственное управление

По своему социально-экономическому укладу держава Ахеменидов отличалась пестротой и разнообразием. В нее входили области Малой Азии, Элам, Вавилония, Сирия, Финикия и Египет, которые задолго до возникновения Персидской империи имели свои собственные государственные институты. Наряду с этими экономически развитыми странами персы покорили также массагетские и другие племена, которые находились на стадии разложения родового строя, занимались собирательством диких плодов и жили групповым браком, а также Ликию и некоторые другие страны, где еще сохранялись матриархальные отношения.

Поэтому при создании системы управления над завоеванными странами персы столкнулись с значительными трудностями. Однако по сравнению с предшествовавшими им египетскими, ассирийскими и вавилонскими царями Ахемениды достигли больших успехов в организации государственного управления, широко используя, в частности, традиционные формы управления и делопроизводства. Покорив Мидию, Вавилонию и Египет, ахеменидские цари придали своим завоеваниям характер личной унии с народами этих стран, короновались по местным обычаям и пользовались традиционными системами датировки и исторически сложившимися методами управления. Ахемениды стремились создать в завоеванных странах нормальные условия для развития экономики и транзитной торговли. Кир и Камбиз сохранили внутреннее политическое устройство в завоеванных странах, почти не изменив его, и предоставили покоренным народам местное самоуправление.

Однако восстания 522—521 гг. показали непрочность Ахеменидской державы. Стремясь предотвратить сепаратистские тенденции, Дарий I провел важные административно-финансовые реформы, которые позволили создать устойчивую систему госу-

дарственного управления и контроля над завоеванными странами, упорядочили сбор податей и увеличили контингент войск. Осуществление этих реформ заняло ряд лет, и началом их, по видимому, послужила предпринятая около 518 г. реорганизация и унификация системы управления провинциями. В результате проведения этих реформ в Вавилонии, Египте и других странах была создана, по существу, новая административная система, которая в дальнейшем, до конца господства Ахеменидов, не претерпела существенных изменений.

Однако и после реформ Дария Персидская держава оставалась военно-административным объединением, которое могло существовать только до тех пор, пока удавалось силой оружия удерживать различные народы в составе государства. До конца господства Ахеменидов сохранялись племенная обособленность и разобщенность. Каждая провинция оставалась самостоятельной социально-экономической областью со своими общественными институтами и внутренним строем, со старыми местными законами, обычаями, традициями, системами мер, веса и денежными системами.

Хотя после мировых завоеваний Ахеменидов местные административные, экономические и правовые традиции не были прерваны, постепенно произошли значительные изменения как в структуре самого аппарата управления, так и в терминах для обозначения чиновников. Например, в вавилонских документах появляется много заимствованных из древнеперсидского языка терминов административной лексики (*dātabara* — «судья», *gan-zabara* — «сокровищехранитель», *hāmārakara* — «счетовод», *gite-patu* — «казначей», *bāra* — «подать» и т. д.).

Дарий разделил государство на административно-податные округа, которые назывались сатрапиями. Как правило, сатрапии по своим размерам превосходили провинции более ранних империй, и в ряде случаев границы сатрапий совпадали со старыми государственными и этнографическими границами стран, входивших в состав Ахеменидской державы (например, Египет и Мидия).

Список сатрапий сохранился в труде Геродота¹ (III, 89—97), но он только частично совпадает с перечнем стран Ахеменидской империи, содержащемся в Бехистунской и других древнеперсидских надписях. В Бехистунской надписи перечень этот дан по географическому принципу, но без строгого порядка: «Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, [страны], которые у моря, Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гандхара, Скифия, Саттагидия, Арахосия, Мака».

¹ Кроме слова *satrapēē* («сатрапия») в качестве его синонимов Геродот употребляет также *nomoi* («номы») и *archai* («царства») [465, с. 48].

Таким образом, сначала перечислены Персия и Элам, затем страны к западу от центра государства до Египта, после этого малоазийские провинции, а также Мидия и Армения и, наконец, иранские страны к востоку от Персии. В персепольских и других надписях появляются также Индия, Фракия, Македония (Скудра), Эфиопия (Куш), Ливия (Пут) и ряд других стран, завоеванных позднее. Но в этих надписях упоминаются также Кария и некоторые другие страны, которые были завоеваны еще при Кире, но тем не менее не перечислены в Бехистунской надписи (о списках покоренных народов и изображениях их представителей на ахеменидских рельефах см. [706, с. 42 и сл.; 588, с. 73 и сл.]).

В списке Геродота среди 20 сатрапий перечислено около 70 народов и племен, входивших в состав Персидской державы. В Бехистунской надписи перечислены 23 страны, из которых в списке Геродота отсутствуют Каппадокия и Арахосия. 12 стран, упомянутых в Бехистунской надписи, составляют 5 сатрапий списка Геродота, а 6 стран, данных в надписи как отдельные провинции, у Геродота включены в состав других сатрапий. Сам список у Геродота начинается с Ионии и других малоазийских сатрапий, затем названы Сирия и Египет, Элам и Вавилония и, наконец, страны, расположенные между Ираном и Индией [35, с. 340—348; 119, с. 127—128; 422, с. 304—305].

По мнению некоторых исследователей, эти расхождения объясняются тем, что в надписях дан перечень административных округов, у Геродота же приводится список податных областей [580, с. 21 и сл.]. Сюда примыкает и мнение ряда ученых, которые полагают, что надписи содержат перечень основных стран державы в их старых государственных границах и что эти страны не имели ничего общего с сатрапиями, обязанными платить подати [575, с. 181, примеч. 7; 409, с. 44, 90; 465, с. 299; 293, с. 42; 184, с. 111; 192, с. 47 и сл.; 511, т. III, с. 51]. Это мнение отчасти основывается на утверждении Геродота (III, 88), что арабы не входили в состав какой-либо сатрапии, а Бехистунская надпись упоминает Аравию среди подвластных Дарию стран. Кроме того, в этой надписи упомянута и Скифия (Сака), которая, как полагают, не являлась отдельной сатрапией. Высказывалось также предположение, что Геродот в интересующей нас части своего труда не имел в своем распоряжении какой-либо официальный персидский источник, а пользовался сочинением и картой Гекатея, в которой Азия была разбита на фигуры с обозначением внутри них различных народов [117, с. 142; 119, с. 128—134].

Но более обоснованным представляется мнение тех исследователей, которые считают, что податные и административные округа действительно совпадали и что список сатрапий у Геродота восходит через посредство труда Гекатея или Дионисия Милетского к официальному персидскому источнику из царской

канцелярии в Ионии [511, т. III, с. 80, примеч. 1; 35, с. 340—341; 465, с. 204; 259, с. 139—140; 403, с. 2666; 371, с. 292 и сл.]. Кроме того, в официальном списке перечень, вероятно, начинался не с Ионии, как у Геродота, а с центра, т. е. Мидии или Элама.

Относительно датировки списка сатрапий, содержащегося у Геродота, также существуют различные мнения, но большинство ученых относит его к середине V в. (правление Артаксеркса I), т. е. ко времени самого Геродота, а не к периоду царствования Дария I [413, с. 58; 259, с. 139; 227, с. 6—7].

Что же касается расхождений между данными ахеменидских надписей и списком Геродота, то их легко можно объяснить тем, что количество сатрапий и их границы менялись вследствие новых завоеваний, отпадения отдельных стран или же в результате новых административных реформ. Общая тенденция этих реформ сводилась к тому, что количество сатрапий увеличивалось, а территория их соответственно уменьшалась. Например, при Дарии I Малая Азия была разделена на четыре сатрапии, а при Дарии III там было семь провинций. Дарий I отделил Армению от Мидии в качестве самостоятельной сатрапии, а при Ксерксе Армения была разделена на две сатрапии (Западная и Восточная), одна из которых занимала часть бывшего Урарту. Вскоре после смерти Дария I Гиркания была отделена от Парфии и превращена в самостоятельную провинцию. Гандхару, которая в административном отношении вначале была присоединена к Бактрии, около 508 г. выделили в самостоятельную сатрапию. В IV в. Заречье и Киликия были объединены в одну сатрапию.

Характер административных реформ Дария можно наглядно проследить на примере Вавилонии и областей к западу от нее. После захвата Вавилонии Кир сначала оставил наместником этой страны вавилонянина Набу-аххе-буллита, занимавшего этот пост еще при Набониде. Но в 535 г. Кир создал единую провинцию из Месопотамии и Заречья², т. е. стран, расположенных к западу от Евфрата (Сирия, Финикия и Палестина), и назначил ее наместником перса Губару, который занимал этот пост по меньшей мере десять лет, т. е. до 525 г. [600, с. 61—62]. Он оставил значительный след в вавилонских документах, в которых упоминаются управляющие его имуществом, «переводчики и гонцы Губару», канал и гавань, названные его именем [BE VIII, 80; Camb. 96; Pohl. I, 61 и др.].

К марту 520 г. наместником Месопотамии и Заречья стал перс Уштан (Губару, возможно, погиб во время восстаний вавилонян в 522—521 гг.). Но около 516 г. эта огромная сатрапия была разделена на две. Наместником Месопотамии был назначен Уштан, а областеначальником Заречья стал Татнай, который,

² Эбир-нари (арам. Абар-нахара) — при ассирийцах географический термин для обозначения Сирии, в ахеменидское время становится политическим понятием [555, с. 30 и сл.].

однако, в административном отношении был подчинен Уштану [546, с. 46; 293, с. 51; 547, с. 134 и 139]³. По свидетельству Книги Эзры (V, 6), Татнай имел власть и над Иудеей. В списке Геродота эти страны выступают в качестве различных сатрапий, а именно Вавилония и «прочая Ассирия», составлявшие девятую сатрапию, и Заречье — пятая сатрапия.

Во главе новых административных округов стояли сатрапы (греческая передача древнеиранского слова *xšaθrapāna* — «блюститель царства»; ср. также вавилонскую транскрипцию *abšada-garaṇni*, лидийскую *kssadrapa* и т. д.) [ср. 142, с. 103; 632]. Из труда Геродота (III, 89 и сл.) вытекает, что должность сатрапа впервые была введена Дарием I. Однако титул сатрапа, как показал Грантовский, существовал еще до возникновения Мидийской державы для обозначения самостоятельных вождей в Северо-Западном Иране [24, с. 154 и 323—324; 25, с. 303]. Возможно, должность сатрапа — областеначальника существовала и в Мидии, хотя и не исключено, что она была введена именно при Ахеменидах [ср. 35, с. 364; 24, с. 323]. Во всяком случае, должность сатрапа известна с начала возникновения Ахеменидской державы, но при Кире, Камбизе и в первые годы царствования Дария I наместниками многих стран были местные цари, вожди и чиновники, как еще в Ассирийской и Мидийской империях. Реформы же Дария, в частности, были направлены к тому, чтобы сосредоточить руководящие посты в руках персов, и на должность сатрапов теперь, как правило, назначались именно персы.

Далее, при Кире и Камбизе гражданские и военные функции были объединены в руках одного и того же лица, а именно сатрапа. Об этом, в частности, свидетельствуют документы о деятельности сатрапа Губару в Вавилонии и Заречье, который одновременно был гражданским и военным наместником. Кроме того, согласно Бехистунской надписи, в самом начале царствования Дария I сатрапы Вивана, Дадаршиш и другие кроме управления своими областями осуществляли также общее командование войсками во время войны.

Дарий ограничил власть сатрапа, установив четкое разделение функций сатрапов и военных властей. Теперь сатрапы превратились лишь в гражданских наместников, они стояли во главе администрации своей области, осуществляли судебную власть, следили за хозяйственной жизнью страны, поступлением податей и выполнением повинностей, обеспечивали безопасность в пределах границ своей сатрапии, контролировали местных чиновни-

³ Б. Мейсснер полагал, что Уштан вавилонских текстов и Татнай Книги Эзры — одно и то же лицо, которое одновременно было сатрапом Вавилонии и Заречья. Это мнение было принято всеми исследователями, пока О. Леуце не показал его ошибочность. А. Т. Олмстед считает, что Уштан — персидское имя, а Татнай — арамейское [465, с. 196; 546, с. 46; 690, с. 241 и сл.].

ков и имели право чеканить серебряную и медную монету. В мирное время в распоряжении сатрапов находилась только небольшая личная охрана [Herod. III, 128]. Что же касается армии, она была в ведении военачальников, которые были независимы от сатрапов и подчинялись непосредственно царю [212, с. 328; 259, с. 113—114].

Однако после смерти Дария I это требование четкого раздела военных и гражданских функций не соблюдалось строго, и часто власть сатрапа зависела от многих факторов. При Ксерксе и позже некоторые сатрапы находились в зависимости от военачальников. Но нередко сатрапы осуществляли и военную власть. Как видно из труда Геродота, во время похода Ксеркса против Греции некоторые сатрапы руководили ополчениями подвластных им областей. Например, царь Киликии Свинесий командовал киликийским флотом. Во время этого похода войска шести сатрапий, начиная от Ионии и кончая Закавказьем, выступают в десяти отдельных контингентах под начальством различных командиров. Обычно исследователи считают, что предводителями войска в этом походе были сатрапы. Но Э. Мейер полагал, что эти военачальники не были сатрапами, за исключением лишь Ахемена, сатрапа Египта, который руководил египетским флотом. Тем не менее, по мнению Мейера, в руках сатрапов во все времена была как гражданская, так и военная власть [511, т. III, с. 71]. Такой вывод, на наш взгляд, слишком категоричен и в ряде случаев не подтверждается источниками [ср. 92, с. 113]. Но в IV в. сатрапы обычно осуществляли и военное руководство войсками своих областей, подчиняясь лишь главнокомандующему, который нередко был также сатрапом какой-либо области. Например, во время войны с Александром Македонским бактрийцы сражались под командованием своего сатрапа.

Ксенофонт (Оес., IV, 10—13) постоянно говорит, что у персов военное командование было полностью отделено от административного. По его словам, комендант гарнизона обязан был обеспечивать мир в подвластной ему области, а правитель области — экономическое процветание и уплату податей. Однако, продолжает Ксенофонт, сатрап заведовал тем и другим. Очевидно, к началу IV в., когда Ксенофонт писал «Домострой», власть сатрапа уже не ограничивалась гражданскими функциями. Один из таких сатрапов, а именно Кир Младший, по свидетельству Ксенофонта [Оес., IV, 16], выполнял функции как военачальника, так и гражданского наместника, отлично поддерживая порядок в стране и защищая ее. Этому могущественного сатрапа Ксенофонт называет «самым славным из царей», а по свидетельству Плутарха (Lysand. 9), он даже имел трон из золота и серебра. Хотя Кир Младший был царевичем, его положение нельзя считать исключительным, так как, когда он погиб, его место занял Тиссаферн, который одновременно был военачальником и сатрапом. Позднее военачальником в Малой Азии стал

Фарнабаз, который сохранил свою должность сатрапа. По Ксенофону, предводителями войска Артаксеркса II во время мятежа Кира Младшего были сатрапы. В V—IV вв. подавление восстаний покоренных народов было обязанностью сатрапа. Таким образом, сатрапы в IV в. имели в своем распоряжении войска (например, наместник Сирии Мегабиз, Кари — Тиссаферн и т. д.), и это давало им возможность часто поднимать мятежи против центральной власти.

Судя по письму сатрапа Аршамы (AD IV), адресованному Арамапае, начальнику гарнизона одной из крепостей в Египте, функции военных и гражданских властей, подчиненных наместнику страны, были разграничены [348, с. 210]. Как выясняется из письма Аршамы, во время восстания в Египте управляющий его имениями Псамшек сообщил ему следующее: «Арамапая с войском, которое под его начальством, не подчиняется мне в делах моего владыки». Аршама приказывает: «Относительно дел моего имения, о которых Псамшек даст тебе указания, ты с войском, которое под твоим начальством, подчиняйся ему и делай, [как он говорит]... Если Псамшек направит мне [еще раз] жалобу на тебя, ты будешь призван к строгому ответу и наказан».

Начиная со времени царствования Ксеркса иногда две или несколько сатрапий находились в руках одного человека. Например, власть Кира Младшего распространялась на Лидийскую, Ионийскую и значительную часть Даскилейской сатрапий. Позднее всеми этими сатрапиями и Карией правил Тиссаферн. В середине IV в. сатрап Киликии Мазай одновременно был и наместником Заречья.

По-видимому, и после реформ Дария, как и в предшествующее время, продолжительность деятельности сатрапа не была ограничена каким-либо определенным сроком. Например, Аршама был сатрапом Египта приблизительно с 454 по 404 г. Согласно Геродоту (III, 160), Дарий I даровал персу Зопиру пожизненное наместничество в Вавилоне. Часто власть сатрапа была наследственной. Например, в 476 г. сатрапом Геллеспонтской области стал перс Артабаз, который основал наследственное наместничество.

Титул сатрапа носили не только наместники крупных административных округов, но также и начальники более мелких областей, входивших в состав тех или иных сатрапий. Они находились в подчинении у соответствующих областных начальников. Поэтому библейские источники говорят о 120—127 сатрапиях от Инда до Эфиопии вместо 20 сатрапий, упоминаемых Геродотом⁴. В арамейских документах соответствующее иранское слово *xšāθrapāna* — «сатрап» обычно переводится термином *pehā* — «наместник» и применяется, в частности, по отношению к наместникам Самарии и Иудеи Санбаллату и Багою, хотя эти

⁴ Est. I, 8; VIII, 9; Dan. VI, 12; Joseph., Ant. Jud. XI, 3, 2; XI, 6, 1.

страны не были самостоятельными сатрапиями, а входили в состав Заречья [АР 30: 1, 29; см. также арамейский перевод Бехистунской надписи: АР, с. 252: 18]. Сохранилась также печать «наместника Иудей». Вместе с тем наместник Вавилонии и Заречья Уштан также назван *pehā*, хотя в ряде арамейских текстов встречается и титул *'hšdrpny*, передающий иранское *xšaθrapāna*. У Геродота и Фукидида слово «сатрап» (*satrapēs*) не употреблено, и вместо него они пользуются словами «архонт» (*archōn*) и «гипарх» (*hyparchos*). Более поздние греческие авторы оба последних слова и «сатрап» обычно употребляют как синонимы в одном и том же значении. Ксенофонт словом «сатрап» обозначает не только наместников двадцати административных округов (Оес. IV, 11), но и правителей более мелких областей, например Трои [Hell. III, 1, 10].

Сатрапии делились на более мелкие административные округа — вплоть до деревень. Судя по египетским текстам, Египет сохранил традиционное деление на номы, которые были одновременно административными и судебными округами, существовавшими еще в саисское время. В эту провинциальную систему персы не ввели каких-либо существенных изменений, ограничившись заменой части местных чиновников персами. Среди них были, в частности, начальник города Коптос Атиявахия и другой перс, по имени Ариарша, от которых сохранилось много надписей. Такие наместники округов носили персидский титул *фратарака* (*frataraka*). Известно, что в южном округе, тянувшемся от Асуана до Гермополя, в 410—408 гг. фратараком был перс Видранг, а после него — перс Дамадин. Их резиденция была расположена в Асуане, где помещалась и канцелярия с «писцами провинции». Города и деревни имели своих начальников, которые подчинялись фратараку. В арамейских папирусах такие начальники называются *пекид* (*pekid* — «назначенный») [174, с. 319; Kraeling, с. 32]. Власть их обычно передавалась по наследству. В Египте большинство таких чиновников было местного происхождения, но иногда среди них были также персы и вавилоняне. Подобным же образом Вавилонская сатрапия делилась на провинции и города, во главе которых стояли персидские и местные чиновники, которые носили вавилонский титул *пакду* (*paqdu*).

В состав более обширных сатрапий могли входить и страны, которые пользовались автономией во внутренних делах. Это особенно относится к отдаленным провинциям, во внутренние дела которых персидская администрация редко вмешивалась, осуществляя управление ими с помощью местных князей и племенных вождей и ограничиваясь получением податей. Например, Иудея, составлявшая часть административного округа Заречья (пятая сатрапия Геродота), сатрап которого имел своего заместителя в Самарии с правом надзора над наместником в Иудее, постепенно начала пользоваться большой независимостью во

внутренних делах⁵. С 516 г. в Иудее не было персидского наместника. Сначала в Иерусалиме областеначальником был Шешбацар из древнего рода царя Давида, а затем Зеровавель, который находился в подчинении у наместника Самарии. В V—IV вв. правители Иудеи также назначались из местных жителей. Об этом, в частности, свидетельствует и печать, употреблявшаяся правителем Иудеи в V в.: «Иудея, наместник (*пеха*) Йехоазар» [293, с. 156, 182—183]. В 458 г. наместником Иудеи был назначен иудей Эзра, который до этого служил писцом в центральном административном аппарате в Сузах. В 445 г. его сменил иудей Неемия, также до этого находившийся в Сузах. В результате проведенных Эзрой и Неемией реформ была заложена основа Иерусалимской общины, объединенной вокруг местного храма во главе с первосвященником. Эта община имела свои органы самоуправления, в дела которых персидский сатрап не вмешивался, и пользовалась значительными привилегиями. Постепенно наместником Иудеи стал первосвященник [ср. 115, с. 52].

После Неемии областеначальником Иудеи был назначен Багой (в папирусах Багохи), об этнической принадлежности которого трудно судить с уверенностью. Имя его иранское, однако еще в VI в., не говоря о более позднем периоде, некоторые иудеи носили это и другие иранские имена. Кроме того, все известные до Багоя четыре наместника Иудеи были местного происхождения. Широко распространено мнение, что со времени Багоя автономия Иерусалимской общины была урезана и ограничена религиозными делами, а управление находилось в руках персидского наместника. Но сравнительно недавно появились эпиграфические свидетельства о том, что иерусалимские первосвященники действительно были наместниками страны, управляли ею, собирали подати от имени персидских царей и чеканили серебряные монеты, подчиняясь, однако, центральному правительству, которое представлял сатрап. Например, в IV в. первосвященник Иезикия был как религиозным руководителем общины, так и светским правителем [213, с. 111 и сл.; 115, с. 55]. Таким образом, хотя центральное управление в Иерусалиме подчинялось сатрапу, во главе общины и местной администрации стояли первосвященники, и Иудея начиная с V в. в результате деятельности Эзры и Неемии постепенно превратилась в теократическое государство, которое характеризуется исключительностью общинного порядка, а Иерусалим стал самоуправляющимся городом храмовой округи [568, с. 205—210; 293, с. 60, 148].

Обычно под контролем сатрапа находились наследственные наместники или цари, а в Малой Азии и городские общины, а также местные династы (например, правители дорийского го-

⁵ По мнению А. Альта, в 537 г. Иудея была присоединена к провинции Самария. Х. Крейссиг полагает, что пока остается неясным, подчинялась ли Иудея прямо наместнику Заречья или же его заместителю в Самарии [116, с. 328; 446, с. 39].

рода Кос; карийские князья в Галикарнассе, из которых наибольшей славой пользовалась царица Артемисия, взявшая власть в свои руки после смерти мужа; затем эту власть унаследовали сын ее и внук — но и они именовались сатрапами). Во второй половине IV в. малоазийская область Эолида находилась под верховным начальством сатрапа Фригии Фарнабаза, а сатрапом ее был Зений из города Дардана в Троаде. По рассказу Ксенофонта (Hell. III, 1, 10—18), после смерти Зения Фарнабаз собирался назначить на его место другого, но Мания, жена покойного, одарив богатыми подарками персидского наместника и его приближенных, попросила передать должность сатрапа ей, обещав исправно доставлять подати. Мания была назначена сатрапом и участвовала в походах Фарнабаза на непокорные племена мисийцев и писидийцев. Но зять Мании, считая позорным терпеть правление женщины, убил ее и обратился к Фарнабазу с просьбой назначить его сатрапом. Однако Фарнабаз, отклонив подарки убийцы, заявил его послам, что скоро сам возьмет эти подарки вместе с головой преступника.

В Малой Азии существовали также полуавтономные храмовые общины. Например, начиная с V в. миласскую общину возглавляли жрецы — правители Гекатомниды, получившие сатрапскую власть и чеканившие монеты [66, с. 147]. В ионийских городах Малой Азии до начала V в. правили тираны, на острове Наксос — совет аристократов. В Малой Азии были также «вольные» греческие города с демократическим устройством. В Самарии около 40 лет наместником был Санбаллат, и затем эта должность передавалась по наследству в его семье⁶, что было обычной практикой в Ахеменидской державе. В Киликии правила местная династия, цари которой носили титул *свинесий*.

На Кипре никогда не было персидского сатрапа, и управление там находилось в руках местных царей. Киликия, Пафлагония, Ликия, Кария и финикийские города имели своих царей с правом наследственной передачи власти (позднее, после подавления восстания в 345 г., в финикийский город Сидон был назначен персидский наместник). Наряду с царями в финикийских городах существовали и народные собрания — органы местного самоуправления и суда. Диодор Сицилийский называет финикийские города автономными, а по свидетельству Курция (IV, 3, 23), все дела в Тире решались старейшинами. В IV в. города Финикии объединились в конфедерацию с центром в Атаре (греки называли его Триполис — «тройной город»). Там были три отдельных поселения для жителей Сидона, Тира и Арада и ежегодно происходили собрания представителей конфедерации.

⁶ AP, с. 29, 30; Neh. II, 10, 19; Joseph., Ant. Jud. XI, 7, 2. В пока еще неопубликованных папирусах из Самарии также упоминаются наместники из семьи Санбаллата [213, с. 110 и сл.]. На территории Самарии найдены части трона, похожего на царский, который, по-видимому, принадлежал здешнему наместнику [664, с. 42].

Такие отдаленные племена, как арабы, колхи, эфиопы, саки и т. д., управлялись своими племенными вождями. При этом арабы, Киликия, финикийские города и некоторые народы не только пользовались местной автономией, но и считались союзниками персидского царя, поскольку они добровольно перешли на сторону персов и оказали им большую помощь в захвате других стран. В V—IV вв. многие племена (особенно те, которые жили в неприступных горах и на побережье Черного и Каспийского морей) доставляли персидским царям бесконечные хлопоты. Кадусии, писидийцы, кардухи и мисийцы часто выходили из повиновения и совершали набеги на другие страны. Персидским царям при проходе из Суз в Персеполь даже приходилось платить дань разбойникам из племени уксиев. Иногда эти воинственные племена заключали союз с персидским царем или его сатрапами.

Что же касается самой Персии, не вполне ясно, управлялась ли она сатрапом или же находилась под непосредственным управлением царской администрации. По сообщению Геродота (III, 70), отец Дария Гистасп был наместником Персии, а Арриан (*Anab.*, III, 18) свидетельствует о том, что при Дарии III сатрапом Персии был Ариобарзан. Можно было бы полагать, что в промежуточный период Персия также находилась под сатрапским управлением, однако, как следует из Бехистунской надписи, отец Дария Виштаспа был наместником Парфии и Гиркании, а не Персии.

В связи с осуществлением новых реформ был создан большой центральный аппарат во главе с царской канцелярией. Центральное государственное управление помещалось в Сузах — административной столице Ахеменидской державы. Эта важнейшая столица государства находилась в центре державы и была связана каналом с Персидским заливом, а с Экбатанами, Вавилоном и Персеполем — сухопутными дорогами [309, с. 7—9]. Из Суз шли распоряжения во все провинции, а обратно поступали донесения сатрапов и других чиновников царю. По государственным делам в Сузы приезжали многие высокопоставленные лица и мелкие чиновники из различных концов государства, начиная от Египта и кончая Индией. Не только в Сузах, но также в Вавилоне, Экбатанах, Мемфисе и других городах существовали крупные государственные канцелярии с большим штатом чиновников и писцов, которые были заняты перепиской официальной корреспонденции.

Для управления провинциями была налажена регулярная почтовая служба, которая, по-видимому, восходила к ассирийской почте. На крупных дорогах существовали станции с постоянными дворами, которые были расположены на расстоянии дневного перехода друг от друга и охранялись государством. На важных проходах находились сторожевые укрепления с сильной охраной. Например, на пути от Сард до Суз было 111 станций. Путь этот,

по Геродоту (V, 53), составлял 13 500 стадиев, или 450 парасапгов (около 2470 км), и шел через Каппадокию на верхний Евфрат и оттуда к Тигру, а затем через Загрос на Сузы. Обычно в день проходили 150 стадиев, а на весь путь требовалось 90 дней. Однако при помощи смены лошадей и гонцов в день преодолевали до 300 км, и все расстояние от Сард до Суз можно было пройти за семь дней. Геродот (VIII, 98) рассказывает, что на свете нет ничего быстрее царских гонцов. На всем пути на каждый день приходились особая лошадь и гонец, который передавал весть следующему гонцу. Эту конную почту, по свидетельству Геродота, персы называли *ангар* (происхождение и значение слова неясны).

Из текстов крепостной стены видно, что лошадей меняли на станциях, которые находились друг от друга приблизительно на расстоянии 30 км. Эти тексты содержат весьма обильную информацию о доставке государственной почты в различные области державы, начиная от Египта и кончая Индией. Среди документов сохранились, в частности, письма служебного характера и донесения высокопоставленных чиновников друг другу и царю и распоряжения последнего. Донесения, адресованные царю, обычно направлялись в Сузы и, по всей вероятности, в большинстве случаев фактически были предназначены для царской канцелярии. Из Суз с распоряжениями царя гонцов посылали чуть ли не во все сатрапии. Естественно, для регулярной доставки государственных распоряжений надо было располагать значительным штатом профессиональных гонцов, которые находились на постоянном государственном снабжении.

На станциях имелись царские склады, откуда отпускалось продовольствие для гонцов и других чиновников, находившихся в пути. Тексты фиксируют выдачу продовольствия также высокопоставленным чиновникам и сопровождавшей их свите и слугам. Начальник отряда имел при себе «документ с печатью», выданный царем или кем-либо из высокопоставленных чиновников. Сохранился один документ такого характера. Это письмо на арамейском языке, выданное сатрапом Египта Аршамой и адресованное управляющим его имениями в разных странах с предписанием о выдаче дорожного продовольствия лицам, следовавшим по его распоряжению из Суз в Египет.

Большинство персепольских текстов о путевых рационах фиксируют выдачу продовольствия на один день. Отсюда можно сделать вывод, что на главных дорогах станции с запасами продовольствия были расположены на расстоянии дневного пути. Именно на таких промежуточных станциях были составлены расписки о получении дорожного продовольствия, которые затем для отчета доставлялись в Персеполь. Гонцы и другие чиновники (счетоводы, судьи, писцы и т. д.), следовавшие по государственным делам, получали в день 1–1,5 л муки, а также вино или пиво, а иногда и мясо. Согласно одному документу (PF 1555),

24 мужчины, находившиеся на пути из Бактр в Сузы⁷, в день получали кроме муки по 1 л вина.

Вероятно, на крупных дорогах езда была безопасна для частных лиц. Геродот (V, 35 и VIII, 22) пишет, что все дороги в Персидской державе охранялись и дорожные стражи проверяли у путешественников, что они везут. Эзра, прибыв из Суз в Иерусалим, заявил, что он постеснялся попросить у царя воинский отряд для охраны в пути (VIII, 22). Греческие авторы рассказывают, что в Малой Азии во время наместничества Кира Младшего по краям дорог можно было увидеть тела казненных, которые занимались грабежами на дорогах. Трудно сказать, осуществляли ли контроль за перемещением жителей и задерживали ли неизвестных лиц. По свидетельству Ксенофонта (*Anab.*, I, 9, 13), по владениям Кира Младшего безопасно со своим имуществом могли ездить куда хотели как сами персы, так эллины и т. д., если только они не совершили никаких преступлений. Но когда Артаксеркс I направил своего придворного Неемию из Суз в Иерусалим, он дал ему письма наместникам Самарии и других соседних с Иудеей областей, чтобы те обеспечили царскому посланцу свободный проход на подвластных им территориях.

Для доставки срочных вестей применялась также сигнализация огнем. Например, таким способом Мардоний сообщил в Персию о взятии Афин (*Herod.* IX, 3).

До нашего времени сохранился кожаный мешок, в котором доставляли официальные документы из Суз и Вавилона в Египет. В этом мешке были найдены письма египетского сатрапа Аршамы управляющим его имениями. На внешней стороне писем содержится адреса и краткое содержание посланий, во внутренней — сами письма на коже. Кир Младший регулярно посылал из Малой Азии письма своей матери Парисатиде, жившей в Сузах (*Aelian.*, Var. XII, 1). Плутарх (*Sim.* 49) рассказывает о письмоносцах персидского царя. В Даскилее найдены буллы на персидском и аккадском языках с надписью «Я — Ксеркс, царь». Этими печатями были скреплены царские распоряжения, адресованные сатрапу в Даскилее. Сами указы, очевидно, писались на арамейском языке [ср. 128, с. 125 и сл.]. В Книге Эсфирь (III, 12; VIII, 10) говорится, что письма, скрепленные царской печатью, доставляли по назначению «на конях, на дромадерах и мулах царских». Геродот (III, 128) рассказывает о персидском чиновнике, который прибыл с поручением устранить сатрапа Лидии Оройта, имея при себе указ с царской печатью. Античный комментатор пишет, что «печать персидского царя, по одним источникам, представляла собой царский портрет, по другим — портрет персидского царя Кира, по третьим —

⁷ В труде Ктесия было дано описание этого пути из Суз до Бактр и Индии с указанием числа стоянок и количества дней, необходимых для их прохождения. Ксенофонт при описании больших дорог пользуется персидской мерой парасангами. Из этого можно сделать вывод, что персы сами измеряли эти дороги.

изображение лошади Дария, благодаря которой он достиг царской власти» [48, с. 231]. Очевидно, такие большие расхождения в описании печати объясняются тем, что на печатах были различные изображения.

В Персеполе найдены десятки цилиндрических печатей с изображением царя, а также печати высокопоставленных чиновников (например, Багапата, двоюродного брата Дария I и одного из начальников персидского флота). По свидетельству одного персепольского документа, в 500 г. была утеряна «печать Фарнака, сына Аршамы» (эта легенда на печати была вырезана на арамейском языке). Фарнак, который занимал должность заведующего царским хозяйством, заявляет: «Печать, которая прежде принадлежала мне, утеряна. Теперь действительна печать, которая оттиснута здесь (т. е. на документе). Это — моя печать» [PF 2067 и 2068; ср. 384, с. 271]. Одна печать из Суз с изображением крылатого быка также имеет арамейскую легенду с указанием имени ее владельца, вероятно, царского чиновника [121, т. I, с. 286, № 2223]. На территории Сирии найдена печать с арамейской легендой, содержащей титул начальника финансового ведомства *ššmnr* [387, с. 42]. В Северном Причерноморье нашли халцедоновую цилиндрическую печать, которая, по мнению ее издателя, принадлежала персидскому наместнику на Босфоре [100, с. 18]. Хорошо известна также печать сатрапа Аршамы с арамейской легендой «печать царевича [Аршамы]» [AD, с. 2, примеч. 4]. В древнем городе Гордион в Малой Азии найдена цилиндрическая печать V в. с арамейской надписью, вероятно принадлежавшая персидскому наместнику этой области [издана анонимно в «Archaeology», XIX, № 3, 1966, с. 126]. Частные лица имели штемпельные печати. Среди персепольских печатей есть и греческие, как по стилю, так и по содержанию (например, с изображением Геракла или Афины на колеснице; одна из печатей, обнаруженных в воинских казармах Персеполя, изображает голую танцовщицу). Вероятно, эти печати носили греки, находившиеся на царской службе в Персеполе [627, т. II, с. 9 и сл.].

В древности почтовая служба существовала лишь для государственных нужд. Многочисленные частные письма ахеменидского времени из Вавилонии посылались запечатанными в глиняные конверты либо с оказией, либо через гонцов или агентов, находившихся на службе у частных лиц. В одном письме вавилонянин Арад-Бел пишет своей сестре: «Пусть боги Бел и Набу изрекут благополучие и здоровье моей сестре. Это ужасно! Почему я не получаю известий ни от кого из вас? Сердце мое радуется, узнав, что ты беременна... Пришли мне через кого-либо, отправляющегося этим путем, мину серебра... [и] сумку...» [СТ XXII, 40]. В другом письме отправитель жалуется, что некий Набу-надин-шум избил его и сломал ему палец [YBT III, 123].

Из Египта, в частности, сохранились письма, отправленные тремя лицами из Мемфиса на рубеже VI—V вв. членам своих се-

мей в Сиене и Луксоре, но не достигшие их, а оказавшиеся загадочным для нас образом в кувшине, найденном на кладбище в Гермополе. Любопытен конец одного письма: «Когда я найду кого-либо надежного, я вам кое-что вышлю». Отправитель другого письма сообщает: «Змея укусила меня, и я умираю, а ты [даже] не посылаешь [письма, чтобы узнать], жив ли я или уже умер». Но, по-видимому, смерть все же была не столь близка к отправителю письма, так как он просит адресата прислать ему касторовое масло и другие вещи [Bresciani-Kamil. IV, V]. В письме-остраконе, написанном около 475 г., говорится: «Смотри теперь за детьми, пока Ахутаб не прибудет и не доверит их другим» [331, с. 199 и сл.].

Царский двор осень и зиму проводил в Вавилоне, лето — в Экбатанах, весну — в Сузах, а время больших праздников — в Пасаргадах и Персеполе. Коронация и возведение на трон происходили в Пасаргадах.

В различных странах империи существовали разные системы правления, и персы широко пользовались развитыми их предшественниками методами делопроизводства, однако центральный аппарат был организован по вавилонскому образцу, и вавилонские методы правления стали широко распространяться по всему государству.

Сатрапы и военачальники были тесно связаны с центральным управлением и находились под постоянным контролем царя и его чиновников. Постоянный надзор над всеми в центре и провинциях осуществляли «уши» и «око царя», которые были независимы от сатрапов и других местных властей, подчинялись непосредственно царю и докладывали ему о всяких крамольных речах и делах. Об этих агентах тайной полиции подробно рассказывают греческие авторы⁸, а титул «уши царя» известен и из арамейских папирусов ахеменидского времени в форме *gaušaka* («подслушивающий», т. е. осведомитель). Там же встречается и иранский титул *tīftāye*, обозначавший полицейских чиновников. «Око царя», вероятно, по-древнеперсидски звучало *pati-āxša* [об этих терминах см.: 612; 486, с. 229; 264, с. 119, примеч. 2; 556, с. 160 и сл.; 475, с. 92 и сл.; 387, с. 98—99]. Секретарь, назначенный к сатрапу, также был независим от последнего, считался царским писцом и осуществлял связь между центральным правительством и канцелярией данной области (Herod. III, 128). По свидетельству Ксенофонта (Оес. IV, 10—11), наместник области и военачальник также нередко доносили царю друг на друга. Во время выездов царя полицейские функции выполняли также царские ковроносцы, которые заботились об удобствах царя в походе, подстилая ему мягкие персидские ковры, и бичами очищали дорогу от нежелательных лиц. На персепольских рельефах такие ковроносцы изображены со свернутыми коврами и бичами в руках [381, с. 67].

⁸ Aesch., Pers. 980; Herod. I, 114; Xen., Cyrop. VIII, 2, 10—12; Plut., Art. 12,

Верховный контроль над всем государством и всеми чиновниками был доверен *хазарапату* (*hazahrapati* — «тысяченачальник», или, в греческом переводе, *хилиарх*). Последний был одновременно начальником личной охраны царя (первой тысячи полков «бессмертных») и начальником центральной государственной канцелярии. Он также докладывал царю о посетителях и вводил их к нему. Непот (Соп. 3) пишет, что хилиарх занимал второе место после царя во всем государстве и без его согласия никто к царю не допускался [см. также Diod. XVIII, 48; ср. 410, с. 14 и сл., 35 и сл.; 486, с. 228; 492, с. 663, примеч. 8]. У здания сокровищницы в Персеполе хазарапат в мидийском костюме изображен перед Дарием I в почтительной позе, докладывающим царю о чем-то. При Артаксерксе III власть хилиарха была ограничена в пользу евнуха Багоя, и хилиарх Аристоклаз был «довереннейшим из друзей царя после Багоя» (Diod. XVII, 47).

В необходимых случаях царь посылал для инспекции в провинциях специальных ревизоров. Например, в одном документе, датированном началом V в., зафиксирована выдача путевых расходов восьмью высокопоставленным персидским вельможам и сопровождавшим их лицам, которые были направлены из царской резиденции в Сузах в Борсиппу (Вавилония) для выполнения каких-то важных поручений. «...6 мин Уштану; 52½ сикля за 7 кувшинов вина, из них 1 [кувшин получил] Уштан, 1 — Артабан, 1 — Багазшт, 1 — Хурузшт, 1 — Аспамишшу, 1 — переводчик Либлуг... 6 баранов, из них 3 — Уштану, 2 — Шатабару, 1 — Либлиту, ½ мины Мардуку, переводчику Уштана... 45 сиклей серебра за повидло, ¼ [сикля] за овощи, ¼ (сикля) за рыбу...» [Ungnad, с. 79—81]. Как видно из текста, упомянутые в нем лица получили определенную сумму денег, часть которых была предназначена для приобретения вина, баранов, овощей и т. д.

Сатрапская канцелярия точно копировала царскую канцелярию в Сузах. Под начальством сатрапа находилось множество чиновников и писцов, в том числе начальник канцелярии («владыка приказа»), следивший за выполнением официальных распоряжений, заведующий сокровищницей (*ganzabara*), принимавший государственные подати, сборщики налогов, глашатаи (*azdākara*), которые публично оглашали официальные распоряжения, счетоводы (*hāmārakara*), судебные следователи (*frsaka*) и многочисленные писцы [610, с. 264; 660, с. 204; 507, с. 24; Kraeling, с. 33—34]. Такая же система канцелярии была характерна для более мелких областей, городов и т. д. Но и столь тщательно организованная система управления на практике функционировала негладко. Например, управляющему царским хозяйством Фарнаку одним из его подчиненных был послан запечатанный документ, в котором указывалось, что счетоводы не сдают финансового отчета. Но гонец, посланный к Фарнаку с этим документом, бежал [Fort. 2858; текст пока не издан, см. 345, с. 31].

Уже при Кире II государственные канцелярии в западной части Ахеменидской державы пользовались арамейским языком, а позднее, когда Дарий провел свои административные реформы, этот язык стал официальным и в восточных сатрапиях и применялся для общения между государственными канцеляриями всего государства [611, с. 55; 320, с. 1—9, 95—103; 591, с. 63 и сл., 68; 168, с. 76 и сл.]. Действительно, в целях создания единой официальной системы общения всех административных учреждений различных сатрапий обширного государства с большим количеством отдельных языков, а также для облегчения политических и торговых связей между разными странами державы арамейский язык был наиболее удобен. Арамейская письменность по своей простоте, легкости написания и доступности несравненно проще любой клинописной системы. Поэтому еще в VIII в. в Ассирийской державе арамейский стал международным языком торговли и дипломатии. Судя по находке печати — буллы из битума на Кармир-блуре, с помощью которой, вероятно, скреплялся папирусный текст, арамейский язык применялся и в Урартском царстве [68, с. 75 и сл.; 92, с. 107]. И в Иран арамейское письмо проникло достаточно рано (в VIII—VII вв.), о чем свидетельствуют надписи на чашах и других предметах посуды [538, с. 119 и сл.; 253, с. 108 и сл.]. При Ахеменидах в Вавилонии арамейский стал разговорным языком большинства населения страны и постепенно вытеснил в повседневной жизни аккадский, который продолжал оставаться языком литературы, религиозной службы и юридических документов. В V в. на клинописных табличках архива Мурашу встречается большое число кратких приписок на арамейском языке, написанных чернилами или нацарапанных твердым предметом. Эти приписки дают краткое содержание клинописных текстов, чтение которых, очевидно, требовало много времени. Принятие арамейского языка ахеменидской канцелярией панесло тяжелый удар вавилонским школам писцов и сыграло решающую роль в исчезновении клинописных документов.

Об исключительно широкой распространенности арамейского языка в Ахеменидской державе свидетельствуют многочисленные папирусы, пергаменты, надписи на камнях, монетах, гирях и печатях, написанные на арамейском языке и найденные в самых различных местах. При этом во всех странах державы употреблялся так называемый имперский арамейский язык, который был стандартизован в V в., и применялись одни и те же формуляры документов [Kraeling, с. 4; 610, с. 226—228; 449; 591, с. 46—55]. Короче говоря, при Ахеменидах арамейский язык достиг зенита своего распространения [168, с. 65 и сл.].

Наиболее яркий пример делопроизводства на арамейском языке и арамейским письмом дают письма сатрапа Египта Аршамы, адресованные управляющим его имениями. Они написаны на коже имперским арамейским языком и отправлены из Суз и Вавилона, где Аршама временно пребывал, в Египет. Геродот (V, 58), Дио-

дор (II, 32, 4) и другие греческие авторы также свидетельствуют, что персидская канцелярия пользовалась кожей. Фукидид (IV, 50, 2) пишет, что грекам было вручено письмо персидского царя «ассирийскими (т. е. арамейскими) буквами». При дворе персидского царя вели дневник или анналы, в которые тщательно заносили подробные сообщения о всех важных событиях⁹. Судя по Геродоту (VIII, 90; ср. Plut., Themist. 13), персы даже во время битв вели записи. Например, когда происходила Саламинская битва, Ксеркс восседал у подошвы горы и диктовал своим многочисленным писцам имена и происхождение отличившихся военачальников. По свидетельству Книги Эсфирь (VI, 1), во время бессонных ночей персидский царь вызывал секретаря и приказывал ему читать летописные рассказы о событиях своего времени и времени своих предшественников. Согласно Книге Эзры (VI, 2), в царском архиве в Экбатанах хранился декрет Кира о разрешении восстановить Иерусалимский храм. В Книге Даниила (VI, 9) также говорится об аналогичном декрете Дария. Не приходится сомневаться, что все эти документы были составлены на арамейском языке и написаны, вероятно, на коже¹⁰ (мнение П. Лекока, который считает, что эти тексты могли быть составлены на древнеперсидском языке, представляется нам маловероятным) [459, с. 99]. Ксенофонт (Hell. V, 1, 31) приводит выдержки из текста об условиях мира между персидским царем и Спартой, заключенного в 387 г. в Сузах. Оригиналы этого и подобного ему документов, по-видимому, также были составлены на арамейском языке. Донесения сатрапов царю, переписка царя с сатрапами также велись на арамейском языке.

Писцовые школы выпускали много писцов. При дворе царя, сатрапов и в армии были переводчики, которые знали несколько языков¹¹. Как видно из документов, в Персеполе находились представители многих народов. Для координации их работы требовалось немало переводчиков [ср. 192, с. 52]. Подобным же образом при царском дворе в Сузах был большой штат переводчиков, чтобы дать необходимые объяснения приезжавшим со всех концов государства чиновникам. Например, по свидетельству Геродота (III, 140), когда грек Силосант с Самоса явился во дворец Дария I, при дворе сразу нашлись переводчики, которые обратились к нему с вопросами по-гречески.

Из центра в Сузах по всему государству рассылались официальные документы на арамейском языке. Получив эти документы на местах, писцы, которые знали два или несколько языков, пере-

⁹ Herod. VII, 100; Diod. II, 3; Esth. II, 23; VI, 1; X, 2; Joseph., Ant. Jud. XI, 6, 4; XI, 6, 10.

¹⁰ Хотя в Египте уже в древние времена обычным материалом для письма был папирус, его широкий экспорт в другие страны начался лишь в послеекзехенидское время.

¹¹ Xen., Anab. I, 8, 12; II, 5, 35; IV, 2, 18; IV, 4, 5; Plut., Them. 6; Curt., V, 13, 7.

водили их на родной язык начальников областей, которые не знали арамейского [610, с. 199—205; 119, с. 58—64; 611, с. 41]. Кроме общего для всего государства арамейского языка в различных странах для составления официальных документов писцы пользовались также и местными языками, и, таким образом, делопроизводство велось на двух языках. Например, в Египте администрация была двуязычна, и наряду с арамейским применялся также язык демотических документов для общения с местным населением [173, с. 133]. Об этом свидетельствует, в частности, переписка сатрапа Ферендата с жрецами храма бога Хнума на Элефantine [174, с. 319]. Египетские законы, кодифицированные при Дарии I, были написаны демотикой и сопровождались арамейским переводом. Жалобы и прошения, адресованные сатрапу и другим должностным лицам, также часто писались демотикой. Кроме того, юридические и деловые документы египетского населения писались, как правило, демотикой [575, с. 189; 511, т. IV, с. 43 и сл.]. Вавилоняне также продолжали пользоваться аккадским языком для составления частноправовых документов.

Подобным же образом в общении с греческим населением Малой Азии канцелярия пользовалась наряду с арамейским и греческим языком, о чем может свидетельствовать письмо Дария I управляющему его имениями близ Магнесии Гадате. Согласно Плутарху (Arist. 10; Lysandr. 20), персидский полководец Мардоний и сатрап в Малой Азии Фарнабаз писали письма в Спарту и другие греческие города. Очевидно, эти письма также были на греческом языке. Библиейские источники подтверждают, что Ахемениды писали «в каждую область и к каждому народу на его языке» (Esth. I, 22; III, 12; VIII, 9). Мнение Э. Мейера, что общение центрального правительства с провинциальными канцеляриями велось на древнеперсидском языке, а соответствующие документы сопровождались арамейскими переводами [511, т. IV, с. 43 и сл.], не подтвердилось.

В столице самой Персии Персеполе в делопроизводстве наряду с арамейским широко пользовались и эламским языком, пока во второй половине V в. он не был окончательно вытеснен арамейским. В персепольском архиве сокровищницы первоначально эламские таблички были привязаны к кожаным свиткам с официальными документами на арамейском языке. Об этом свидетельствуют 199 глиняных ярлыков с оттисками печатей, на которых сохранились арамейские надписи. По мнению Камерона, остатки шнуров внутри клинописных табличек и следы прикрепления этих шнуров на глиняных печатях свидетельствуют о том, что эламские таблички были привязаны к кожаным свиткам с официальными документами на арамейском языке, которые, вероятно, были уничтожены во время пожара в Персеполе в 331 г. [РТТ, с. 26 и сл.]. Но его предположение, что распоряжения персидских чиновников сначала переводили на арамейский и направляли в сокровищницу, где их переводили на эламский, маловероятно,

так как в эламских табличках ни разу не встречаются заимствованные арамейские слова. В то же время в этих табличках бросается в глаза большое число древнеперсидских слов. Из этого можно сделать вывод, что свои распоряжения персидские чиновники давали устно, а затем эти распоряжения переводили одновременно на эламский и арамейский, так как первый был административным языком Персиды, а второй — государственным языком державы [119, с. 78—82]. Особенно много персидских слов и целых выражений встречается в письмах сатрапа Аршамы, написанных на арамейском языке. В этих документах некоторые формы приветствия и другие выражения являются кальками с древнеперсидского, а служебные титулы, юридические, технические и профессиональные термины — арамейской транскрипцией иранских слов [ср. 333, с. 245—246]. В вавилонских административно-хозяйственных и деловых документах также встречается значительное число древнеиранских служебных титулов, юридических, технических и профессиональных терминов.

В государственном аппарате персы занимали особое положение, и в их руках были сосредоточены важнейшие военные и гражданские должности не только в самой Персии, но и в других странах. После реформ Дария персы появились даже в провинциальных учреждениях Вавилонии и других стран в качестве судей и т. д. Однако Ахеменидская держава не могла существовать без широкого использования культурных, правовых и административных традиций покоренных народов, и персидская администрация часто пользовалась в государственном управлении услугами представителей этих народов. В Вавилонии, Египте, Малой Азии и других странах обычно судьями, заведующими канцеляриями, градоначальниками, номархами, управляющими государственными арсеналами, сборщиками налогов, начальниками царских строительных работ были вавилоняне, египтяне, иудеи, арамеи, эламиты, греки и т. д. с их многовековым техническим и административным опытом, знанием местных обычаев, традиций и законов. Судя по собственным именам лиц административного персонала, в царском хозяйстве Персеполя счетоводами работали эламиты, а надсмотрщиками и заведующими сокровищницей — персы. Иногда наиболее удачливые чужеземцы могли добиться высокого положения. Например, кариец Датам стал правителем Карики, гирканец Артабан — начальником телохранителей Ксеркса, египтянин Тамос — наместником Киликии (в начале IV в.), иудей Неемия был доверенным лицом Артаксеркса I, занимая важный в чиновничьей иерархии пост царского виночерпия.

Правовые системы

В Ахеменидской державе существовали самые различные правовые системы и институты, начиная от крайне примитивных до довольно высокоразвитых, и завоевания персов не привели к разрыву правовых традиций и норм покоренных народов. В вавилон-

ских деловых документах персидского времени встречается выражение «согласно закону (*dāta* — иранское слово) царя». Например, по свидетельству одного документа, с определенной местности необходимо было уплатить пошлину дворцу «в соответствии с законами царя» [NRV 681; см. также: Dag 53 и UET IV, 101, где уже в 514 и 506 гг. упоминается иранское слово *dāta*]. Это же слово встречается в Бехистунской и других древнеперсидских надписях, а также в книгах Эзры (VII, 26 и др.) и Эсфирь (I, 8 и др.), где говорится о «законах царя». По всей вероятности, здесь имеется в виду общий правовой порядок, установленный Ахеменидами, а не единый общегосударственный кодекс законов, который, вопреки мнению Олмстеда, вряд ли вообще существовал [547, с. 128; ср. 456, с. 224—225; 565, с. 279].

В период царствования Дария I велась интенсивная работа по кодификации законов покоренных народов, а также изучались древние законы, особенно Кодекс Хаммурапи, хотя трудно согласиться с мнением Олмстеда, что Дарий и его советники при составлении царских законов имели перед глазами этот кодекс в качестве образца [547, с. 127—128]. Действующие в различных странах законы были приведены к единообразию в масштабах данной страны, а в необходимых случаях и изменены в соответствии с политикой царя.

Согласно Платону (Leg. 695c), Дарий установил законы, обусловив в них дань с покоренных народов, которую еще Кир обещал персам. Персы имели свое примитивное право, основанное на обычаях. Решения царя были последней инстанцией и не подлежали изменению. Но царь должен был править в соответствии с традиционными установлениями персов, советоваться с представителями семи знатных родов, которые играли большую роль в правовой жизни страны. В особо важных случаях царь собирал совет, который состоял из представителей знати. В ранний период у персидских племен функционировало народное собрание, на котором решались важнейшие дела (ср. Herod. I, 125). Царь мог устанавливать новые законы, ссылаясь на желание Ахура-Мазды. Основные принципы этих законов изложены в надписях Дария I. В Бехистунской надписи (I, 20 и сл.) он заявляет: «Человека, который был верен мне, я вознаграждал; человека, который был вероломен, я строго наказывал. Милостью Ахура-Мазды эти страны (т. е. страны державы) следовали моим законам. Как я говорил, так они делали... Говорит Дарий царь: Ахура-Мазда потому помогал мне... что я не был вероломным, лжецом или злодеем, ни я, ни род мой. Согласно справедливости поступал я. Я не делал зла ни слабому, ни сильному... Страны эти, которые стали мятежными, ложь сделала их мятежными. Ты, который будешь царем впоследствии, берегись от лжи крепко». Согласно Геродоту, персидские юноши учились только стрельбе из лука и говорить правду. В политической жизни правдой считалась преданность царю.

Если верить Геродоту (V, 12), Дарий I иногда сам разбирал

тяжбы. Для рассмотрения наиболее важных преступлений судьи назначались лично царем. Например, для суда над армянским царем, который изменил союзу с персами, Кир II созвал персидских и мидийских предводителей (Хен., Сугор. III, 1, 8). Артаксеркс II учредил из знатных персов суд для решения участи преступника Тирибаза (Diod. XV, 10, 1). Когда Фемистокл бежал к персидскому царю, сестра Ксеркса, сыновья которой погибли во время войны в Греции, просила царя выдать ей для расправы этого перебежчика. Когда последовал отказ, она обратилась к «знатнейшим из персов» с просьбой помочь ей добиться «правосудия». Толпа приблизилась к дворцу, требуя наказать Фемистокла, и царь обещал назначить суд из знатных персов для решения по этому делу (Diod. XI, 57, 1—5). Постановления таких судей обжалованию не подлежали, если только сам царь не хотел отменить их.

Обычные преступления рассматривались царскими судьями¹², которые назначались из знатных персов пожизненно и с наследственной передачей своих должностей. Они разрешали тяжбы между персами, а также толковали законы и обычаи (Herod. III, 34).

Впервые царские судьи упоминаются при Камбизе II (Herod. III, 14). По рассказу Геродота (V, 25), один из царских судей по имени Сисамн брал взятки. Камбиз велел содрать с него кожу, выделать ее и обтянуть судейское кресло взяточника. Затем Камбиз назначил судьей сына казненного, приказав ему выносить решения, сидя на этом кресле. Другой царский судья — взяточник был приговорен Дарием I к распятию на кресте, но перед казнью царь решил, что прошлые заслуги превышают вину этого судьи, и помиловал его (Herod. VII, 194). После захвата Египта персами царские судьи постановили казнить за каждого погибшего воина из армии Камбиза по десять знатных египтян (Herod. III, 14). Перс Оронт за ложный донос был исключен из списка царских друзей (Diod. XV, 11, 2).

Персидские законы не сохранились до нашего времени, если не считать отдельных и, по-видимому, не всегда точных данных о них у греческих авторов. В Книгах Эсфирь (I, 19) и Даниила (VI, 9 и 12) говорится, что «по закону мидийцев и персов» всякое постановление, утвержденное царем, нельзя было впоследствии изменить. Прежде чем обратиться к царю, необходимо было совершить земной поклон (проскинезис). Но ахеменидские цари не считались богами, и проскинезис был лишь церемонным приветствием [объяснение этого обычая, ссылку на источники и литературу см. у Э. Бикермана: 149, с. 241 и сл.; ср. 669, т. II, с. 359].

Преступления против царя или его семьи карались смертной казнью. Часто за такие преступления наказывали всю семью, что создавало круговую поруку. Курций Руф (IV, 6, 5) рассказывает,

¹² *Dātabara* — иранское слово, дословно «носитель закона». Засвидетельствовано в книге Даниила (III, 2), вавилонских документах, эламских текстах из Персеполя (382, с. 425), а в послеахеменидское время и во многих иранских языках.

что, когда после битвы при Иссе Дарий III бежал, Александр Македонский не смог узнать от пленных персов ничего о его местопребывании, ибо персы по своим обычаям преданно хранили тайну.

Согласно Геродоту (VII, 2; см. также Хен., Сугор. VIII, 7, 9), по персидскому обычаю царь перед походом должен был назначить наследника престола. Отсутствие точно установленных законов престолонаследия вызывало бесконечные гаремные и дворцовые интриги. Царь мог по своему выбору назначить наследником престола любого из своих сыновей, но обычно выбор падал на старшего сына. Если верить античным авторам, персидские законы требовали наследования престола тем из сыновей, кто родился после вступления отца на трон (см., например, Plut., Mor. 488 D и сл.). Коронация царя считалась общегосударственным праздником, который продолжался несколько дней, и на это время прекращалась всякая работа (Joseph., Ant. Jud. XI, 6, 1).

Возможно, что распространенный у Ахеменидов обычай жениться на своих ближайших родственницах вызывался порядком наследования по женской линии (например, Камбиз II был женат на обеих своих сестрах, Дарий II на Парисатиде и т. д. [42, с. 365, примеч. 142; 494, с. 117]. Судя по Диодору (X, 30—31), такой обычай выходил за рамки царского дома, и персы обычно женились на своих единокровных сестрах. По мнению Камерона, обычай ахеменидских царей жениться на сестрах возник под эламским влиянием [186, с. 20]. Юсифов полагает, что такие обычаи восходят ко времени первобытнообщинных отношений, а не заимствованы у эламитов [106, с. 17 и сл.].

Только представители семи ведущих персидских родов, а также мать царя и его главная жена могли явиться к царю без вызова, а остальные должны были просить о приеме через хазарапату. Никто, кроме царя, ближайших родственников и евнухов, не мог видеть под страхом смертной казни царских жен и наложниц, и среди многочисленных рельефов в Персеполе нет ни одного женского изображения. Плутарх (Them. 26) пишет, что персам свойственна дикая ревность не только по отношению к женам, но даже рабынь и наложниц они держат взаперти, чтобы посторонние не видели их, а во время поездок возят их в закрытых повозках. Широко известен библейский рассказ о том, что персидский царь во время приема велел своей жене Вапшти явиться на пиршество, чтобы показать ее народу. Она отказалась последовать приказу мужа, поскольку это противоречило персидским законам, запрещавшим женщинам показываться посторонним. Однако вместе с тем царь сам являлся законодателем, и все его распоряжения подлежали безусловному выполнению. Поэтому он созвал истолкователей законов и обвинил перед ними Вапшти, которая затем была лишена сана царицы и превращена в обычную наложницу (Esth. I, 11—13).

Царь ел обычно вместе с царицей и своей матерью, и в это время слуга с завязанным ртом, чтобы его дыхание не осквернило царя, держал над ним опахало от мух и стоял. Придворные обеда-

ли в соседней комнате. Но когда царь хотел выпить и повеселиться (после еды персы обычно пили вино), он отсылал мать и царицу в их покои и вызывал танцовщиц (Plut., Mor. 140 B).

Еще со времен Кира II существовал закон, согласно которому персидские цари, вступая в Пасаргады, дарили всем женщинам, которые встречались там, по золотой монете, и некоторые скупые правители избегали поездок в этот город (Хен., Сугор. VIII, 5, 21; Plut., Mor. 246 B).

Смерть царя и его ближайших родственников оплакивалась всеми, жители в знак печали разрывали на себе одежды, остригали волосы и даже гривы коней и оглашали все пространство скорбными воплями (Herod. IX, 24; Curt. V, 12, 12 и др.).

Согласно Геродоту (I, 137), у персов за первое преступление вообще не казнили, а за многократные преступления приговаривали к казни лишь в том случае, если вина судимого превышала его заслуги. Такой юридический подход мог, конечно, иметь место в отдельных случаях, но в целом Геродот, несомненно, идеализирует персидские законы. По свидетельству Ксенофонта (Anab., I, 6, 6—11), после того как перс Оронт три раза изменил сатрапу Киру Младшему и был приговорен к смертной казни, судившие его лица прикоснулись к поясу преступника, подчеркивая тем самым его обреченность. О таком обычае рассказывает и Диодор (XVII, 30).

Для дознания прибегали к битью плетью и пыткам скорпионами (Herod. III, 130). Наказания, как правило, были очень суровые. Гистией, тиран Милета, восставший против Дария I, был распят на кресте. Уже мертвому царевичу Киру Младшему, поднявшему мятеж против Артаксеркса II, «по обычаю персов» были отрублены правая рука и голова. По свидетельству Ксенофонта (Anab., I, 9, 13), во владениях Кира Младшего в Малой Азии вдоль больших дорог часто можно было видеть «злодеев» с отрубленными ногами, руками и выколотыми глазами. Отравителей клали головой на широкий камень и давили другим камнем, пока голова не расплющится. Лицам, выражавшим неповиновение властям, а иногда и клеветникам отрубали головы (Herod. VIII, 90; Strabo XV, 3, 7).

Если верить Плутарху (Mor. 173 D), Артаксеркс I заменил битье и выдиранье волос из голов знатных персов за совершенные ими преступления битьем снятой с них одежды и шапок. По свидетельству Ктесия (Pers. 72—73), сестра Артаксеркса I Амитада стала любовницей греческого врача при царском дворе Аполлониды. Царь передал соблазнителя на суд Аместриды, своей матери, которая после двухмесячного заключения в темнице велела похоронить его живьем.

Семья в Иране не была моногамной, разрешалось иметь много законных жен, а также наложниц. Можно было жениться также на близких родственниках, например на племянницах и даже на единокровных сестрах. Геродот (III, 31) рассказывает, что Кам-

биз влюбился в родную по отцу и матери сестру и захотел жениться на ней, но это запрещалось законом. Камбиз собрал царских судей и спросил у них, не имеется ли закона, разрешающего вступить в брак с родной сестрой. Судьи, не желая идти против обычаев своего народа и в то же время боясь за свою жизнь, ответили, что такого закона нет, но имеется закон, позволяющий царю делать все, что он пожелает. Ежегодно царь раздавал подарки многодетным родителям (Strabo XV, 3, 17). Сохранились некоторые сведения и о свадебных обычаях. Во время пиришества невеста, вкусив вина, садилась к жениху, который обнимал и целовал ее. Новобрачные ели от одного и того же хлеба, разрубленного мечом на две части (Arrian. VII, 4, 6—7).

Х. Шедер полагал, что зороастрийская книга ритуальных предписаний и законов Вендидад была записана арамейским письмом еще при ранних Ахеменидах, скорее всего, при Дарии I [614, с. 26; подробно об авестийских правовых нормах см.: 182]. Но такое мнение представляется маловероятным (ср. ниже, с. 308).

При Ахеменидах вавилонское право достигло наивысшего расцвета. В целом оно было образцом для правовых норм стран Ближнего Востока и начало распространяться на запад. Вавилонское частное право, как и формуляры документов, существенно не изменилось при персах, хотя многие публичные учреждения подверглись иранскому влиянию, и в юридических документах V в. встречается много иранских терминов [195, с. 5 и сл.]. Кроме того, в конце царствования Дария I преобразования в экономике и государственном управлении повлекли за собою некоторые изменения и в области частного права [603, с. 218, примеч. 1]. Тем не менее ахеменидское управление в общении с населением Вавилонии придерживалось местного права, и персы, которые стали принимать активное участие в деловой жизни страны, руководствовались вавилонскими законами.

Судебная власть в Вавилонии принадлежала сатрапу, царским судьям и народному собранию полноправных граждан. Высшую судебную власть в стране осуществлял сатрап, и в юридических документах часто оговаривается, что нарушитель контракта «понесет наказание Губару, наместника Вавилонии и Заречья» [TCL XIII, 168 и др.]. Уже вскоре после завоевания Вавилонии персами в юридических документах упоминаются «судьи Кира, царя Вавилона, царя стран» [Суг 112] или еще чаще «царские судьи» [YBT VII, 159, 189 и др.]. Они выносили решения по наиболее важным делам. В частности, их компетенции подлежали дела об убийстве.

В VIII—VII вв. крупнейшие города страны (Вавилон, Сиппар, Нишпур, Урук и др.) добились освобождения от военной повинности, строительных работ и запрета наказывать жителей городов без суда. Однако еще при халдейских царях (особенно при Набониде) началась отмена этих привилегий, а в ахеменидское время многовековая конкуренция между царским судом и общинным на-

родным собранием закончилась поражением последнего, и его юрисдикции теперь подлежали имущественные споры и отдельные преступления местного характера.

Иногда храмовые чиновники (например, верховный жрец в городе Сиппар) были наделены значительной судебной властью, и эта власть распространялась не только на лиц, принадлежавших храмовому персоналу, но была более широка. Однако решения храмовых судей могли быть обжалованы в царском суде, и в решении важных дел храмовые судьи подчинялись царским, получали от них различные предписания, а также снабжали их необходимыми сведениями [28, с. 24 и сл.]. Царский суд обычно состоял из коллегии от пяти до семи человек. Иногда состав суда был смешанным, и в него входили как царские судьи, так и старейшины из числа полноправных граждан. Продажа домов и земельных владений часто производилась в присутствии храмовых чиновников. Некоторые частноправовые документы V в. о купле-продаже, аренде и т. д. составлялись в присутствии судей. Особенно часто упоминаются «судьи канала (бога) Сина», в присутствии которых заключены контракты об аренде земли и другие документы [BE X, 7, 8 и др.]. В ряде документов V в. упомянут «судья ворот Губару» (сатрап Вавилонии во второй половине V в.) вавилонянин Апла [BE X, 128 и др.]. Один документ из Борсиппы составлен в присутствии «судей дворцовых ворот» [NRV 717]. Некоторые документы оформлены перед комендантом крепости и начальником гарнизона [264, с. 109].

Греческие авторы сообщают о том, что персидские цари посылали в завоеванные страны в качестве судей персов, и вавилонские тексты подтверждают это. Например, в документах из Нинпура упоминается иранец Иштубазан, «судья канала Сина» [Kgr 185 и др.]. Позднее он передал эту должность своему сыну Хумардату [BE X, 34]. Документ о получении ссуды в 45 мин серебра известным вавилонским дельцом Мардук-нацир-анли из дома Эгиби оформлен в присутствии персидского судьи Умардата, сына Удуната, а в другом тексте упоминается судья — перс Аммадат [TCL XIII, 193; Dag 435; оба текста относятся ко времени Дария I].

В документах V в. для обозначения должности судьи многократно встречается иранское слово *databara* (ср. выше). Оно является синонимом аккадского *dajānu* — «судья». Например, вавилонянин Зитту-Набу был *databara* иранского вельможи Артарима [Kgr 202 и др.].

Нередко при тяжбах стороны давали «клятву царя» или клялись вавилонскими богами и персидскими царями.

Члены царской семьи и многие персидские вельможи, владевшие в Вавилонии, как и в других странах, обширными землями, располагали собственным судебно-административным управлением. Например, царица Парисатида, жена Дария II, держала в качестве судьи одного вавилонянина, который упоминается в документах как «судья дома Парисатиды» [BE, X, 97 и др.].

При Ахеменидах в Вавилонии продолжали действовать так называемые нововавилонские законы, которые сохранились лишь частично (главным образом статьи, относящиеся к брачному и имущественному праву). Подобно более древним правовым памятникам из Месопотамии, нововавилонские законы дают юридические заключения по поводу различных случаев повседневной жизни [последний раз эти законы изданы Шлехтером: 662].

В ахеменидское время продолжали также переписывать и изучать Законы Хаммурапи, о чем свидетельствуют их многочисленные копии, относящиеся к VI—V вв. Некоторые статьи этих законов действовали и при Ахеменидах. Это прежде всего статьи о тридцатикратном возмещении украденного храмового имущества. Например, по свидетельству документа из Урука, составленного в 528 г., четыре человека, которые были заняты земляными работами близ одного канала, заметив стаю уток, принадлежавших храму Эанна, схватили двух из них, убили и закопали в землю, чтобы съесть их позднее. Но об этом стало известно, и преступников судили на заседании народного собрания в присутствии храмовых чиновников. Обвиняемые полностью признались в совершенном ими преступлении, и народное собрание вынесло решение, что они должны возместить храму ущерб в тридцатикратном размере [Figulla, с. 95 и сл.].

Значительный интерес представляют следующие два документа из архива Мурашу. Некий Шита заключил контракт с домом Мурашу на вырубку и доставку 500 бревен определенных размеров. В случае нарушения условий контракта Шита обязался уплатить 10 мин серебра в качестве штрафа и, кроме того, должен был подвергнуться порке ста ударами тростниковой палкой. Согласно второму документу, два лица заключили контракт с домом Мурашу, чтобы разровнять землю. Если к оговоренному сроку они не выполнят эту работу, то будут подвергнуты порке ста ударами тростниковой палкой, их волосы на голове и бороде будут выщипаны, а сами они заключены в рабочий дом одного из рабов Мурашу (оба текста пока не опубликованы и будут изданы М. Столпером).

Нововавилонское право требовало письменной фиксации заключаемых сделок. Контракты составлялись профессиональными писцами в присутствии от трех до десяти и более свидетелей в двух экземплярах по определенным формулярам, и каждая из сторон получала по одному экземпляру. В документах подчеркивается, что контрагенты вступают в сделку добровольно. Документы о продаже движимого имущества (рабов и скота) и недвижимости составлялись по различным формулярам. В V в. особенно широко распространились контракты в форме диалога. В контрактах указываются условия сделки, место и дата составления документа и определяется наказание (штраф) за возможное нарушение оговоренных условий. К документам прилагаются

печати свидетелей и контрагентов или оттиски ногтей последних [599, с. 190].

Обычный процент на ссуду равнялся 20 в год, но иногда достигал и 40.

В ахеменидское время женщина в Вавилонии (а также в Эламе и Египте) пользовалась большой независимостью и могла иметь свое имущество, которым она свободно распоряжалась (дарила, продавала, обменивала, отдавала в аренду и т. д.). После смерти мужа его вдове по закону необходимо было выделить часть имущества покойного, даже если у нее не было детей от него. Но в качестве свидетельницы при заключении контрактов женщина не могла выступать. Однако она могла выступать в качестве контрагента и иметь свою печать. Семья в Вавилонии, как и в большинстве других стран Ахеменидской державы, в основном была моногамной, и мужчина, который брал вторую жену, обычно должен был уплатить высокий штраф в пользу первой, если только она не была бездетной [ср. 197, с. 79 и сл.]. Тем не менее законы не запрещали брать вторую жену, если даже первая не была бездетной. Если были дети от обеих жен, то при разделе отцовского имущества дети от первой жены получали $\frac{2}{3}$ наследства, а дети от второй $\frac{1}{3}$. Такой раздел имущества предписывается нововавилонскими законами (§ 8—9, 15) и подтверждается юридическими документами [NRV 1]. Если женщина умирала бездетной, приданое возвращалось в дом ее отца. Дочери состоятельных родителей получали значительное приданое. Например, одна из дочерей дельца Итти-Мардук-балату из семьи Эгиби получила в качестве приданого 10 мин серебра, 5 рабов и домашнюю утварь [Cyr 143].

Из ахеменидской провинции Самарии сохранились частноправовые документы о продаже рабов, земли, разводе, долговые документы, манумиссии и т. д., которые составлены между 375 и 335 гг. в присутствии правителя Самарии Ханании. Обычно к документам прилагается и печать наместника [214, с. 45].

Относительно египетского права в рассматриваемую эпоху сохранилось мало сведений. В ахеменидское время египетское право впервые вступает в контакт с вавилонским и начинает испытывать его влияние [ср. Kraeling, с. 52]. По мнению Р. Таубеншлага, египетское право заимствовало многое из вавилонского. Более осторожную позицию занимает М. Сан-Николо, который отмечает, что египетские документы значительно отличаются от переднеазиатских как по формуляру, так и по отсутствию печати. Э. Зейдль считает, что пока нет бесспорных данных, свидетельствующих о влиянии вавилонского права на египетское [670, с. 185; 598, с. 217 и сл.; 637].

На оборотной стороне папируса, содержащего так называемую «Демогическую хронику», сообщается о кодификации Дарием I египетских законов. В 518 г. он «по великодушию сердца своего» велел сатрапу Египта отправить к нему в Сузы «мудрых

из числа воинов, жрецов и писцов», чтобы собрать и записать «законы фараона, храмов и воинов», действовавшие в стране до захвата ее персами («от 44-го года Амасиса до того дня, когда Камбиз стал владыкой Египта»). Кодификация свода законов заняла 22 года и была закончена в 495 г. По-видимому, Дарий внес в эти законы необходимые изменения и затем одобрил. После этого они были официально зафиксированы демотическим и арамейским («ассирийским») письмом¹³ и, очевидно, размножены и разосланы судьям в Египте. Для последних были предназначены демотические экземпляры, а арамейский — для сатрапа и его канцелярии. Традиция об этой кодификации была известна и Диодору (I, 95, 4), который называет Дария I шестым законодателем Египта (пятым был Амасис). К сожалению, эти законы, как и законы других периодов истории Египта, не сохранились [DC, с. 30—32; 584, с. 179 и сл.].

Судя по частноправовым документам, в египетском праве в ахеменидское время не произошло существенных изменений [173, с. 154]. Высшая судебная власть в стране принадлежала сатрапу, который мог распорядиться о бичевании, заключении в тюрьму и казни преступников. В одном папирусе времени Дария I с мольбой о правосудии к сатрапу обращается писец храма Амона Петеси, который лишился своей должности, дома и другого имущества из-за интриг жрецов и потерпел неудачу в судах низших инстанций, так как судьи были подкуплены жрецами. Исход этой пространной реляции неизвестен, так как папирус содержит только жалобу истца [335, т. III, № IX; 173, с. 168 и сл.].

Все административные округа страны имели своих судей. В некоторых номах суд возглавлялся чиновником с иранским титулом *фратарак*, который одновременно был и начальником гарнизона. Царские судьи подчинялись номархам и сатрапу и, по всей вероятности, назначались царем [341, с. 81].

При продаже рабов, скота и земли продавец гарантировал, что это его собственность и что никто не имеет законных прав претендовать на нее. В случае таких претензий, необоснованность которых продавец не мог доказать, он должен был уплатить штраф, вдвое превышающий цену проданного имущества [637, с. 56].

В случае неуплаты долга в оговоренный срок кредитор мог захватить имущество должника, его рабов и даже детей [637, с. 39]. Например, в документе времени Дария I фиксируется ссуда пшеницей. Если эта ссуда не будет погашена в срок, кредитор может забрать все имущество должника: зерно, поле, рабов, рабынь, сыновей и дочь [483, с. 20 и сл.].

¹³ Аналогичным образом греческие авторы под «ассирийским» письмом наряду с клинописью имели в виду и арамейское письмо [509, с. 308; 538, с. 122 и сл.].

Семья была моногамной. Египетская женщина пользовалась значительными правами, и муж не имел права отдавать ее в долговой залог. Демотические брачные контракты предусматривают право жены на сохранение своего имущества в браке и в случае развода, а также право передачи его в наследство детям. Женщина могла также владеть своим имуществом, отделив его от имущества мужа. Если разводился муж, он должен был выделить жене определенную долю имущества. Развод мог быть осуществлен и по инициативе жены, но в таком случае она должна была вернуть деньги, которые получила от мужа как брачный подарок, и не могла претендовать на имущество, нажитое совместно с мужем [издание египетских брачных контрактов: 477; ср. 341, с. 86]. Дочь наследовала имущество родителей наравне с братьями и могла по своему усмотрению распоряжаться им. Но власть отца над детьми в Египте была весьма значительной, и он мог отдавать их в долговой залог [637, с. 72].

Что касается иудейских колонистов на Элефантине, они в основном пользовались привезенным со своей родины правом, на которое вавилонские и египетские правовые воззрения оказали определенное влияние. Однако в исследовании вопроса о влиянии клинописной традиции на арамейские формуляры между учеными наметились значительные разногласия. Р. Ярон считает, что, хотя в арамейских папирусах заметно египетское влияние, именно клинописная правовая традиция оказала решающее воздействие на возникновение арамейского формуляра. По его мнению, это была сирийско-ханаанская ветвь клинописной традиции, нововавилонская же традиция не имела никакого влияния на правовую сторону арамейских папирусов. И. Муффс полагает, что, хотя арамейские писцы Элефантины и приняли некоторые египетские элементы, они инкорпорировали их в правовую систему, которая по происхождению была клинописной. Как он полагает, прототипом арамейских юридических папирусов послужили новоассирийские и нововавилонские документы [733, с. 114 и сл.; 522, с. 172 и сл.; 703, с. 586 и сл.; 598, с. 217 и сл.; 334, с. 265 и сл.; Kraeling, с. 52].

Семья была моногамной, и муж не имел права брать вторую жену. Например, при заключении брачного контракта между иудейкой Мибтахией и египтянином Асхором оговаривается, что если у него будет другая жена кроме Мибтахии и другие дети кроме детей от нее, то он должен уплатить ей 20 каршей (200 сиклей) серебра и потеряет все, что дал в качестве подарка [AP 15]. Иногда в брачных контрактах оговаривается, что и жена не может иметь второго мужа [Kraeling VII]. Жених должен был уплатить отцу невесты выкуп (обычно от 5 до 10 сиклей серебра). Приданое невесты обычно составляли несколько десятков сиклей серебра, одно шерстяное и несколько полотняных платьев, зеркало, посуда и т. д. В случае смерти одного из супругов другой наследовал ему.

В разительном контрасте с библейским правом женщина в среде иудейских колонистов пользовалась широкими правами, и ее положение перед законом существенно не отличалось от положения мужчины независимо от того, была ли она замужем или нет. Она владела собственностью (движимой или недвижимой) и могла отчуждать ее. В отличие от всех древних ближневосточных законов (кроме египетских) и талмудических норм женщина имела право на развод, теряя лишь подарок мужа. Кроме того, в таком случае она должна была внести и разводную плату (около 7 сиклей серебра). Но если жена покидала мужа без развода, половина ее имущества переходила к мужу. Если инициатива развода принадлежала мужу, он должен был вернуть жене ее приданое и внести разводную плату. Упомянутая выше Мибтахия три раза выходила замуж, и в элефантинском архиве сохранились ее брачные контракты и документы о разводе.

За нарушение супружеской верности со стороны жены муж мог развестись с ней, но другому наказанию она не подвергалась в отличие от библейского и большинства древних прав, где измена жены считалась уголовным преступлением и каралась суровыми наказаниями. Но такие наказания были чужды египетскому праву, и Ярон полагает, что иудейские женщины на Элефантине были обязаны своим благоприятным правовым положением влиянию египетских законов на брачное право колонистов (733, с. 53 и сл.; см. также 688, с. 166 и сл.). Тем не менее женщина не выступает свидетельницей при заключении различных сделок (такое же положение было характерно также для египетского и вавилонского права). Однако в ахеменидское время в Египте, Вавилонии и Эламе муж не мог отдать жену в залог. В Египте женщина даже имела право на развод в отличие от Вавилонии, Иудеи и других стран, где такое право имел только мужчина [703, с. 586 и сл.; 497, с. 93 и сл.; 637, с. 72; 173, с. 158]. В отличие от египетского права власть отца над детьми в среде колонистов не была столь велика, и он, по-видимому, не мог отдавать их в долговой залог.

Относительно долгового права характерен следующий документ. В 402 г. один иудей взял у другого небольшую ссуду пшеницей. Если ссуда не будет погашена в оговоренный срок, в течение 20 дней после этого срока должник обязан был «без суда» уплатить 1 каршу (10 сиклей) чистого серебра; если тем временем должник умрет, ссуду должны были погасить его дети. В противном случае кредитор мог забрать из дома должника все, что нужно для возмещения ссуды: рабов, «медные и железные орудия», одежду, зерно и даже детей должника [Kraeling XI].

Имущественные споры между иудейскими колонистами Элефантины, составлявшими единую культовую общину, обычно решал специальный «суд иудеев», довольствуясь клятвой. Например, некий Махсей был обвинен в краже рыбы, но отрицал свою вину. Однако, когда ему предложили поклясться, он воздержался

от этого и, очевидно, будучи виновным, согласился возместить стоимость рыбы [АР 45].

На Элефантине, кроме того, действовали и обычные царские суды, которые рассматривали, в частности, и имущественные тяжбы между колонистами. Такие суды состояли по меньшей мере из двух царских судей и начальника гарнизона, который выполнял обязанности председателя. Суд принимал клятвы сторон независимо от того, к какой религии они принадлежали. Например, в папирусе, составленном в 464 г., говорится следующее: «Даргаман, сын Харшина, хорезмиец из отряда Артабана в крепости в Элефантине, сказал Махсею... иудею из отряда Вარიызата в крепости в Элефантине: „Ты поклялся мне Йахо (т. е. Яхве), богом в элефантинской крепости... относительно участка, о котором я раньше жаловался на тебя перед Дамидатом и его коллегами судьями, а они наложили на тебя клятву... [именем] Йахо... что это не участок Даргамана... Ты поклялся Йахо и удовлетворил мое сердце относительно этого участка. Я не буду возбуждать тяжбу против тебя... ни я, ни дочь моя...“» [АР 6].

Но царские суды в необходимых случаях не избегали и действительного расследования дела. Это видно из папируса, рассказывающего о том, что в 440 г. жрецы храма египетского бога Хнума засыпали колодец, которым пользовались воины элефантинского гарнизона. Последние направили жалобу сатрапу, утверждая, что, «если судьи, следователи, осведомители исследуют это дело, они установят, что колодец действительно засыпан» [АР 27].

Судебную власть над войнами элефантинского гарнизона имел также начальник этого гарнизона (*фарапак*). Перед ним, в частности, делается заявление о манумиссии рабыни [173, с. 156—157; 174, с. 320; 704, с. 75 и сл.].

Иосиф Флавий (Jud. Ant. XI, 6, 12) пишет, что персидские цари разрешали иудеям жить по собственным законам, и это сообщение подтверждается и другими источниками. В Иудее внутренние дела решались гражданско-храмовой общиной во главе с советом старейшин. Десять заповедей библейского права слишком хорошо известны, чтобы останавливаться здесь на них. Положение женщины характеризуется известным предписанием «да убьется жена мужа своего». Тем не менее женщина пользовалась определенными правами, после развода могла вторично выйти замуж и даже могла иметь свою личную печать [123, с. 128]. По библейскому праву власть кредитора распространялась не только на должника и его имущество, но также на детей, которых можно было взять в долговой залог [276, с. 43 и сл.].

Эзра, посланный персидским царем в Иудею в качестве местного начальника, назначил в стране судей, а также завершил работу по кодификации «законов Моисея» (Тора, или Пятикнижие), которые он объявил обязательными для всех членов иудейской

общины и стал сурово наказывать их нарушителей. При этом Эзра утверждал, что введенные им законы были даны богом Яхве еще Моисею, но впоследствии иудеи стали нарушать их. Пятикнижие содержит различные предписания ритуального и правового характера, которые возникли за несколько поколений до Эзры. Последний поставил перед собою цель превратить соблюдение этих предписаний в веру и закон иудейского населения. Но в результате сопротивления большинства народных масс миссия Эзры окончилась провалом. Однако его преемник Неемия 30 октября 445 г. торжественно объявил о введении законов, собранных и кодифицированных Эзрой, как основного закона Иудеи [507, с. 70]. В результате этого Иерусалим превратился в теократическое государство во главе с первосвященником, и были заложены основы самоуправления иудейской общины в рамках верховной власти персидского царя. Теперь возникла, по существу, новая община, для которой был характерен изоляционный дух. Постепенно при покровительстве и с помощью персидских царей законы Пятикнижия были распространены и на иудеев диаспоры [Esr. VII, 14, 25—26; ср. 611, с. 5 и сл.; 507, с. 97 и сл.].

Финикийские города сохраняли свои древние законы, согласно которым судебная власть принадлежала местным царям и народному собранию. Право остальных стран Ахеменидской державы известно лишь по крайне отрывочным данным.

Аграрные отношения

Основной отраслью производства в большинстве стран древнего Востока было сельское хозяйство.

В ахеменидский период на Ближнем Востоке произошли значительные изменения в системе земельных отношений. Вся обрабатываемая земля была точно измерена, и лучшая ее часть принадлежала царю, храмам, торговым домам, военной знати, чиновникам царской и храмовой администрации. В Вавилонии, Египте, Эламе и Персии из зерновых культур чаще всего сеяли ячмень, значительно реже полбу и пшеницу. Последняя была основным продуктом питания в Палестине, где также выращивали горох, чечевицу и горчицу. Кроме ячменя в Вавилонии сеяли просо, сезам, горох, лен, горчицу, чеснок и лук, а из овощей и фруктов выращивали огурцы, яблоки, гранаты и абрикосы. В Вавилонии и Эламе наряду с ячменем основным продуктом питания были финики, из которых делали хлеб, вино, уксус, мед. Субпродукты финиковых пальм (ветви, волокна и т. д.) использовались как корм скоту, а также для плетения дверей и оград, изготовления веревок, мешков, циновок и даже одежды. Средний урожай фиников с 1 га составлял около 7000 л. Плотность посева ячменя в Вавилонии равнялась приблизительно 112,5 л, или 67,5 кг на 1 га, что давало урожай в среднем около

1575 л на га. При пахоте в Вавилонии нередко употребляли двойную упряжь, т. е. в один плуг впрягали четырех волов. В Сирии, Лидии и Киликии было много фруктовых садов. Из фруктов в Персии выращивали груши, фисташки и т. д.

Утверждение Геродота, что в Персии не растет инжир и что вавилоняне не знали винограда, неверно, так как эти культуры упоминаются в текстах из Ирана и Вавилонии. В Сирии, Киликии, Персии, Армении и Согдиане было развито виноделие (при этом в Персии уже в древности славились ширазские вина)¹⁴, а в Вавилонии и Эламе главным образом довольствовались пивом из ячменя и фиников. В Египте пиво варили из ячменя, и в документах из Персеполя упоминается египетский пивовар. У иранцев западные народы научились выращивать лимонное дерево, и поэтому греки называли лимоны мидийским или персидским яблоком. В Иране и некоторых других странах Ближнего Востока было известно и пчеловодство.

Египет, Вавилония, Фригия и Иран были богаты скотом. Геродот (I, 133) пишет, что персы в день рождения, который у них был самым большим праздником, подают на стол зажаренных целиком быков, коней и верблюдов. За исключением Персии, где мясо входило в ежедневный рацион питания, оно в ряде стран оставалось роскошью. Даже в богатой Вавилонии мясо было доступно только богатым, а остальные ели его лишь пять-шесть раз в году (главным образом на храмовых праздниках). Молочная пища также занимала незначительное место в общем рационе питания. В текстах животные жиры упоминаются очень редко, и в Вавилонии жителям приходилось довольствоваться кунжутным, а в Палестине — оливковым маслом. Но в Египте оливковое масло было импортным и считалось роскошью, зато животные жиры стоили там сравнительно недорого.

В Мидии, Персии и Армении разводились лучшие породы лошадей, и основным кормом их была люцерна. Эту траву стали сеять и в Вавилонии и ее иранское название *аспаста* («лошадиная еда») было заимствовано аккадским языком, а со времени греко-персидских войн она распространилась и в Грецию, где ее называли мидийской травой [498, т. I, с. 210; Strabo XI, 13, 7].

В Вавилонии из домашней птицы были известны только утки и гуси. В текстах крепостной стены из Персеполя упоминаются двенадцать видов птицы, в том числе куры, гуси и утки.

В Египте и Вавилонии важным продуктом питания была рыба, которая в изобилии водилась в реках, озерах и болотах. Еще в древние времена вавилоняне знали много способов консервирования рыбы. В частности, ее солили, вялили, коптили, консервировали в растительном соусе и т. д. [597, с. 259 и сл.].

¹⁴ Как видно из текстов крепостной стены, город Шираз существовал еще до прихода персов в Иран, и само его название является эламским (в текстах обычно пишется Тиразиш, но встречается и вариант Ширазиш).

По сообщению Геродота (II, 77), египтяне употребляли рыбу в пищу в вяленом, просоленном, жареном или вареном виде.

В древности город господствовал над деревней, но само городское население главным образом занималось сельским хозяйством. К городу прилежала сельская округа радиусом до 5—6 км, землю которой обрабатывало население, жившее внутри городских стен. Таким образом, города были не только ремесленными, но и сельскохозяйственными центрами [18, с. 150 и сл.; 176, с. 186—187].

Согласно Курцию Руфу (V, 1, 27), Вавилон занимал 365 стадиев, из них под жилье было отведено только 80 стадиев, а оставшаяся площадь засевалась или была занята под сады. В Вавилонии существовало четыре типа поселений: маленькие деревни (до 3,5 га), большие деревни (3,6—9,5 га), маленькие города (9,6—22,5 га) и большие города (22,6—60 га). При этом в нововавилонское и ахеменидское время 32% обитаемой территории занимали маленькие города [179, с. 347]. В Палестине в ахеменидское время такие большие города, как Лахиш и Гезер, занимали площадь около 7,2 га и имели население около 6500 человек. Но преобладали города средней величины (2,5—4 га) с населением около 2000—4000 человек и маленькие города с площадью 0,4—1 га и населением 400—1000 человек [литература: 18, с. 158].

В Египте и Вавилонии дождей выпадало мало, и поэтому большую роль играло искусственное орошение. В Вавилонии у города Сиппар был сооружен большой бассейн, чтобы регулировать и распределять воду как во время весеннего наводнения, так и во время засухи, и из этого бассейна шли крупные каналы [508, с. 1106 и сл.]. Большая часть вавилонских каналов принадлежала государству, а некоторые — храмам и отдельным лицам. За особую плату такими каналами могли пользоваться все землевладельцы. Большие каналы существовали также в Средней Азии [94, с. 89; 41, с. 121; 54, с. 63 и сл.]. Что касается самой Персии, в некоторых ее частях, где без искусственного орошения невозможно было получать устойчивые урожаи, также были сооружены каналы. В частности, для снабжения водой равнин, окружающих Персеполис, пользовались каналами [627, т. I, с. 57; 451, с. 21 и сл.]. Вероятно, еще при Ахеменидах бедное водой Иранское плато было изрезано широкой сетью подземных каналов (кяризов) [451, с. 30; 170, с. 53].

Крупные землевладельцы большей частью сдавали свои земли в аренду. Особенно это относится к вавилонским храмам, которые владели большими латифундиями, для обработки которых не хватало собственных рабов. Обычно земля отдавалась в аренду большими частями крупным арендаторам, которые, в свою очередь, отдавали ее мелкими участками в субаренду [258, с. 46]. Арендная плата была двух видов: размер ее либо устанавливался уже заранее при заключении контракта и зависел от качества

земли и уплачивался натурой или деньгами, либо же владелец получал $\frac{1}{3}$ урожая, а арендатор — $\frac{2}{3}$. Контракт обычно заключался на один год. Например, администрация храма Эбббарра в Сиппаре сдала поле в аренду одному частному лицу сроком на десять лет за 70 кур (10 500 л) фиников годовой арендной платы [Camb. 42]. Согласно арамейскому папирусу времени Дария I, арендатор поля должен был засеять его своим зерном и тем же менее отдать арендодателю половину урожая [Bauer-Meissner, с. 418]. Демотические контракты об аренде земли заключались на один год, а плата вносилась в размере от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ урожая [101, с. 264 и сл.; 637, с. 59 и сл.]. В одном демотическом папирусе размер арендной платы определяется в три гуся. Редко египетский арендатор получал от владельца поля и пару волов. В Вавилонии же предоставление арендатору вместе с землей посевного зерна и волов было обычным. Кроме того, в Вавилонии был распространен наем скота за заранее установленную плату. Например, дом Мурашу сдает внаем вола на три года за плату 10 кур (1500 л) ячменя в год [BE IX, 52]. В другом случае этот же дом сдал внаем 4 вола с необходимой упряжью на 3 года за 150 кур ячменя в год [BE IX, 89].

Мелкие землевладельцы обрабатывали свои участки сами вместе с членами семей, а иногда и с помощью рабов и наемников, которых обычно нанимали на время уборки урожая. Труд наемников широко применялся в крупных хозяйствах (особенно в храмовых), где они работали либо круглый год, либо во время уборки урожая. Иногда таких работников привлекали даже из соседних стран за плату и харчи, а после уборки урожая они возвращались обратно домой.

Некоторые исследователи полагают, что при Ахеменидах царь теоретически считался юридическим собственником всей земли [614, с. 20; 97, с. 156; 530, с. 161; 176, с. 177; 183, с. 187; 91, с. 135 и сл.; ср. 195, с. 196; 265, с. 272, примеч. 1]. Однако источники не содержат бесспорных данных в пользу такого мнения, и поэтому возможно, что в ахеменидский период еще не существовало теории о верховной собственности на землю. Во всяком случае, землю свободно, без разрешения царской администрации, продавали, закладывали, дарили и т. д. Но возможно, что в Египте картина была несколько иная, чем в Вавилонии и большинстве других стран. По мнению М. Малинина, частная собственность на землю существовала в Египте лишь в форме уступки царских прерогатив на определенных условиях [484, с. 92]. Однако в ахеменидское время и в Египте существовали участки земли, которые отчуждались частными лицами без разрешения царя. Сохранился контракт о продаже поля, заключенный в Фивах в 511 г. [483, с. 85 и сл.]. По другому демотическому папирусу времени Дария I, несколько участков земли были проданы и их владельцы поклялись, что эти поля действительно принадлежали им [637, с. 56; ср. 341, с. 82; 599, с. 232, примеч. 1].

По мере захвата новых земель персидская администрация отбирала у покоренного населения часть земли, и притом, по-видимому, самую плодородную. В. Эйлерс склонен полагать, что за захватом Вавилонии персами последовало полное перераспределение земли, в результате чего вся земля или большая ее часть стала царской, т. е. государственной собственностью [260, стб. 95]. Однако, по всей вероятности, ахеменидская администрация не распоряжалась землей покоренных народов произвольно, а отбирала в свою собственность земли, принадлежавшие прежним правителям и близкой к ним знати, когда они не подчинялись персам добровольно. Отобранную у покоренного населения землю Ахемениды раздавали большими поместьями в полновластное и наследственное владение членам царской семьи, друзьям и сотрапезникам царя и т. д. Эти земельные владения были освобождены от уплаты государственных податей, но с них во время войн надо было выставлять определенное число воинов вместе с вооружением (ср. Хел., Сугор., VIII, 8, 20).

Источники сохранили сведения о многих крупных земельных владениях, дворцах, парках с дикими зверями, садами, лугами и большими поместьями, а также о домах, складах и другом недвижимом имуществе в Египте, Сирии, Финикии, Вавилонии, Малой Азии и в других странах, принадлежавших персидской знати [195, с. 82 и сл.; 218, с. 147 и сл.]. Например, в Сардах и в Карии были расположены сады и парки, принадлежавшие сатрапу Малой Азии Тиссаферну (Diod. XIV, 80, 2). Согласно Плутарху (Alc. 24), сады Тиссаферна изобиловали полезными для здоровья водами, лужайками и по-царски убранными приютами для отдыха и местами для увеселений. Для характеристики таких владений значительный интерес представляет сообщение Ксенофонта (Anab. VII, 8, 12 и сл.) о хозяйстве перса Асидата в Мисии. Когда 300 греческих воинов напали на его замок, который был окружен стенами толщиной до восьми кирпичей и многочисленными бойницами, рабы Асидата бежали из окрестностей замка. Подошедшее на помощь осажденным войско царя вынудило греков поспешно отступить. Однако при отступлении среди прочей добычи они увели с собою около 200 рабов. Эти рабы, очевидно, составляли только часть общего числа рабов Асидата, так как при появлении греков большинство их разбежалось. Они, по-видимому, работали в хозяйстве Асидата, на его полях, лугах и в садах, расположенных вокруг замка.

Судя по аккадским и египетским частнопроводным документам, персы постепенно начали оседать в двух самых богатых странах державы, а именно в Вавилонии и Египте, превратившись в крупных землевладельцев и рабовладельцев. В частности, поля вокруг Нишпура в Вавилонии были поделены между персидскими вельможами. Более или менее аналогичным было положение и в других местах Месопотамии (Вавилоне, Опесе и т. д.).

Яркое представление о хозяйствах такого типа дают письма

египетского сатрапа Аршамы и других персидских вельмож к своим управляющим. Эти письма большей частью являются инструкциями об управлении имениями, сборе податей и обращении с рабами. Аршама имел крупные земельные владения не только в Нижнем и Верхнем Египте, но также в шести различных странах на пути из Суз в Египет [AD I, VI, XII]. Например, Аршама приказывает управляющим своими имениями в Ла'ире, Арзухине, Арбеле и других местах ежедневно выдавать партии работников во главе с управляющим его имениями в Нижнем Египте Нехтихором, направлявшимся из Элама в Египет, баранину, муку, вино, а также сено для их лошадей. Однако Аршама предупреждает, что, если эти работники будут задерживаться более одного дня на одном месте, их следует лишить продовольствия [AD VI]. Он владел полем также в окрестностях Нишпура, которое граничило с полем, принадлежавшим царю [TCL XIII, 203]. В одном еще не опубликованном вавилонском документе поле Аршамы упоминается в связи с полем царя (ср. ниже).

Кроме того, в Нишпуре Аршама владел большими стадами мелкого скота и сдавал его внаем. Так, например, в 413 г. в течение пяти дней он отдал через своего управляющего внаем различным пастухам 2381 голову мелкого скота, а в 403 г. только в один день он отдал внаем 1333 головы скота [UM 144, 147, 148]. Скот сдается внаем за твердую арендную плату. Наниматель берет на себя обязательство отдать контрагенту продукты скота и его приплод в установленных размерах, а оставшаяся часть является платой арендатору за пастбу и уход. Арендатор обязан был отдавать ежегодно владельцу скота на каждые сто овец $66\frac{2}{3}\%$ приплода, с одного барана или овцы — $1\frac{1}{2}$ мины (ок. 750 г) шерсти, с каждой козы — по одному козленку и $\frac{5}{6}$ мин (ок. 417 г) шерсти, с каждой суягной овцы — по одному сыру. Кроме того, арендатор обязуется отдать контрагенту шкуры всех погибших голов скота, а также возместить $\frac{1}{10}$ часть погибшего скота.

В Египте крупные земельные владения имели также знатные персы Варохи, Варфиш и др. [AD X, XI, XII]. В этих имениях управляющими были египтяне, а работали гарда (см. ниже, с. 168), которые вербовались из захваченных во время подавления восстания в Египте пленников, а также из насильственно уведенных из других стран и обращенных в рабство людей.

Персы чувствовали себя в Вавилонии настолько уверенно, что некий Багавир, сын Митрадата, в 429 г. в Нишпуре сдал в аренду дому Мурашу сроком на 60 лет свое обработанное зерновое поле и поле, которое досталось ему после смерти его дяди (брата отца) Рушундата. Оба поля были расположены близ Нишпура по берегам двух каналов рядом с полем другого перса по имени Рушунпатиш. Багавир сдал в аренду также «жили-

дома в местности Галиа». Арендатор уже при составлении контракта уплачивал всю арендную плату, которая равнялась 1200 *кур* фиников (ок. 1800 гл). При этом дом Мурашу берет на себя обязательство превратить взятые в аренду поля в сады. Если до истечения 60 лет Багавир отберет у арендатора свои поля, то он должен уплатить ему 1 талант серебра [BE IX, 48]. Согласно другому документу, иранец Хаттууду, сын Атебага, сдал одному вавилонянину в аренду поле на 20 лет [Mich 46]. Такой длительный срок аренды объясняется тем, что арендатор должен был получить возможность амортизировать капитал, вложенный в землю, чтобы разбить там сад.

Ктесий упоминает о «городах Парисатиды» (жены Дария II) в Вавилонии [Gilmore, fr. 89]. Ксенофонт (Anab. II, 4, 27) также рассказывает о «деревнях Парисатиды» в Вавилонии. Кроме того, в другом месте своего труда «Анабасис» (I, 4, 9) он пишет, что в Сирии у реки Гал находились деревни, отданные Парисатиде «на пояс». Вероятно, эти деревни должны были нести расходы по содержанию гардероба царицы и ее двора. По-видимому, в них жили свободные подданные, которые обязаны были платить подати царице. Это предположение можно подтвердить и сообщением Геродота (II, 98; ср. также I, 192) о том, что город Антилла в Египте поставлял обувь персидской царице.

От этих владений по своему статусу отличались деревни Парисатиды, расположенные в шести дневных переходах от города Опис, о которых рассказывает Ксенофонт [ср. 237, т. II, с. 414; 92, с. 104]. Эти деревни были полновластной частной собственностью царицы. Ксенофонт пишет, что персидский полководец Тиссаферн предоставил их на разграбление эллинам, принимавшим участие в мятеже Кира Младшего, запретив только уводить оттуда рабов. Не исключено, что часть этих имений обрабатывалась рабами. С этих владений Парисатида получала хлеб, скот, вино и т. д.

Вавилонские документы говорят о сдаче имений Парисатиды, расположенных близ Нишпура, в аренду дому Мурашу [UM 50, 60, 75 и др.]. Например, один документ [Кг 158], составленный в 420 г. в Нишпуре в присутствии «Иштубазана, судьи (округа) канала Сина и Набу-мит-убаллита, судьи имения Парисатиды», фиксирует выплату домом Мурашу арендной платы Парисатиде: «317 *кур* 2 *пан* 3 *сут* (ок. 19 075 л) ячменя, 5 *кур* 2 *пан* 3 *сут* (835 л) пшеницы. Это арендная плата с части зерновых полей, принадлежащих Парисатиде, и с надела лука, принадлежащего Эа-буллитсу, управляющему Парисатиды, за 4-й год царя Дария (II)».

Крупными собственниками земли в Вавилонии были также персидские царевичи, в частности Ахемен и его сын Фрадат. Один документ [BE X, 85] свидетельствует о том, что «30 *кур* ячменя, 1 бочка сладкого пива, 2 барана, 1 *пан* 4 *сут* муки составляли полную арендную плату за 4-й год царя Дария с зер-

новых полей в селоме, [а именно с] доли царевича Ахемена в местности Хамманая, [с полей], которые в руках (т. е. в управлении) Манну-икабу, управляющего Ахемена, и в распоряжении (т. е. в аренде) у Римут-Нинурты, потомка Мурашу».

По свидетельству другого документа [UM 201], «1 мина серебра — цена фиников за 4-й год царя Дария с поля... принадлежащего Фрадату, сыну Ахемена, и находящегося в распоряжении у Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Серебро это... Циха и Нинурта-этир, рабы Фрадата, получили по поручению Фрадата, из рук Римут-Нинурты...» Третий документ [UM 203] также фиксирует уплату «1 мины серебра — арендной платы с полей полностью за 5-й год царя Дария, [а именно] с зерновых полей с деревьями и урожаем, расположенных в окрестностях всего Ниппура и принадлежащих Фрадату, сыну царевича Ахемена и находящихся в распоряжении у Римут-Нинурты, потомка Мурашу» [см. подробно: 223].

Как видно из этих текстов, в местности Хамманая близ Ниппура были расположены поля царевича Ахемена. Поля ахеменидского царевича Дундана располагались в той же местности и находились в аренде у дома Мурашу. В качестве годовой арендной платы с них было уплачено 200 *кур* ячменя, бочка пива, 1 *пан* 4 *сут* муки и 1 баран [BE X, 32]. В местности Хамманая находились также поля царских воинов (в частности, «киммерийцев», т. е. скифов) и различных зависимых от царя групп населения [BE X, 81, 90, 97, 122; Kt 145 и др.]. Очевидно, земля в целой округе была конфискована государством и частично отдана персидской знати, а частично распределена среди людей, которые должны были нести царские повинности и платить подати.

Царевич Мануштану получил со своих полей в окрестностях Ниппура, сданных в аренду дому Мурашу, 4000 *кур* (600 000 л) ячменя в качестве годовой арендной платы (текст будет издан М. Столпером). Другой царевич (имя его не приведено) через своего управляющего получил 294 *кур* (ок. 44 100 л) ячменя как арендную плату за год [BE X, 59]. Согласно документу, составленному в Вавилоне в 423 г. [UM 5], «перс Ихияэгам, сын перса Фарнака», получил арендную плату с полей в местности Кутурди, сданных дому Мурашу. Заведующий сокровищницей перс Багасар получил с одного из своих полей близ Вавилона 170 *кур* зерна [Dag 296]. Артамарга, Багавир, Рушундат, Артабар, Митридат и другие знатные персы стали в Вавилонии земельными магнатами. Иногда по именам своих владельцев вавилонские поселения носили персидские названия: «поместья Багадата, Уштана» и т. д. [Be IX, 65 и 101; UM 105]. Эти поселения были расположены в окрестностях Ниппура, Вавилона и других городов [ср. 195, с. 82 и сл.; 264, с. 43]. Даже кормилицы царских детей и дворцовые дамы (например, персиянки Артия и Артагата) владели в Вавилонии полями и садами, которые находились в руках

их управляющих и сдавались ими в аренду [Dag 476; Херх 2; BE IX, 28 и др.]. Одна из дворцовых дам получила в качестве годовой арендной платы 100 *кур* ячменя, 400 *кур* фиников, 10 баранов, 15 овец и т. д. [BE IX, 50]. Один из постельничих царя получил в «дар от царя» участок земли в Вавилоне [264, с. 107 и сл.].

Перс по имени Партамму купил себе в центре Вавилона дом [Dag 379 и 410]. Персы Арбатем и Тиркам, сын Багапана, сдавали в аренду склады, расположенные соответственно в Борсиппе и Нишпуре [NRV 138; BE IX, 54]. Перс Арбамихри, сын Партасема, сдал в аренду дом в Борсиппе, а сатрап Губару — дом в Вавилоне [Bodl. A 124; Mich 14].

Огромные земельные владения (иногда целые области) с правом наследственной передачи получали и так называемые благодетели царя, оказавшие последнему важные услуги. Их имена вносились в специальные списки (Herod. VIII, 89; Joseph., Ant. Jud. XI, 6, 4). Греческие авторы называют таких лиц эвергетами («благодетели») или оросангами (по мнению Шедера, греческая транскрипция др.-перс. **varusanka* — «широкопрославленный») [литература: 628, с. 131]. В отдельных случаях целые города объявлялись царскими «благодетелями». Например, Ксеркс провозгласил фиванцев благодетелями персидских царей за их помощь против остальных греков, а жителей города Аканф почтил титулом царских гостеприимцев за их усердную работу во время сооружения канала близ этого города. Жители города Абдера получили от Ксеркса звание союзников за радушный прием, который был оказан ими его войску (Herod. V, 120; VII, 116; Diod. XVII, 14, 2). Арриан (III, 27, 4) и Диодор (XVII, 81, 1) пишут, что племя ариаспов на южной границе Дрангианы, которое добровольно снабдило войско Кира II продовольствием, было объявлено царскими благодетелями и освобождено от уплаты податей.

«Благодетели» награждались почетными платьями, конями, золотыми украшениями и т. д. (Хен., Anab. I, 2, 27). Как щедро царь одарял верных ему людей, видно из одного персепольского документа [РТТ, 4]. По личному распоряжению Дария I тринадцать лиц (почти все они, судя по именам, были иранцами) получили 530 *каршей* серебра за поимку совместно с 113 пастухами какого-то преступника.

Царские «благодетели» имели даже право суда над людьми, жившими в принадлежавших им областях. Целые области находились в руках потомков Отаны в Каппадокии, Гидарна в Армении, Тиссаферна в Фригии и т. д. Среди царских «благодетелей» были и чужеземцы, которые получали в дар целые деревни и города. Например, Фемистокл получил от персидского царя во владение города Магнесию, Лампсак, Миунт, Перкоту и Палескепс, которые должны были снабжать его соответственно хлебом, вином, мясом, рыбой, приправами, а также постелью и одеж-

дой¹⁵. Магнесия на Меандре, подаренная Фемистоклу, была самым богатым хлебом городом в Малой Азии, и, по свидетельству Непота (Them. X, 3), годовой доход оттуда составлял 500 талантов. Фемистокл был назначен правителем Магнесии под верховной властью персидского царя.

Спартанский царь Демарат, бежавший в Персию и затем принявший участие в походе против Греции, получил от Ксеркса в качестве «царского дара» в наследственное владение города Тевфранию и Алисарну в Мисии (Herod. VI, 70; Xen., Hell. III, 1, 6). Братьям Гонгилу и Горгиону, изгнанным со своей родины в Эритрее за персофиilstvo, были даны «в дар от царя» четыре города в Троаде, которыми впоследствии управляли их потомки (Xen., Anab., VII, 8, 8). Тирану Милета Гистиею, оказавшему большую услугу Дарию I, была пожалована область Миркин во Фракии на реке Стримоне (Herod. V, 11). Персидский сатрап Фарнабаз пожаловал афинскому перебежчику Алкивиаду поселение во Фригии, с которого он получал доход в 50 талантов в год (Xen., Hell. III, 1, 6; Nepos, Alcib. IX, 3). По свидетельству Афинея (Deipnosoph. I, 54), еще Кир II подарил Питарху из города Кизик семь городов в Малой Азии. Ксеркс писал спартанскому царю Павсанию, тайно перешедшему на сторону персов, что за его благодеяния «в доме персидского царя» ему будут оказаны большие милости (Thuc. I, 129, 3). В надгробной надписи царя Сидона Эшмуназара говорится, что «владыка царей» (т. е. персидский царь) дал ему за его «великие деяния» превосходные зерновые поля Дор и Ионнию в долине Шарон, решив навечно присоединить их к территории Сидона. К. Галлинг полагает, что под «великими деяниями» имеется в виду участие сидонских кораблей в походе Ксеркса против Греции¹⁶.

Трудно с полной уверенностью сказать, были ли такие территории освобождены от уплаты царских податей, или же население этих городов и деревень содержало своих владельцев сверх уплаты дани царю (кроме выставления определенного числа воинов вместе с вооружением). По свидетельству Геродота (I, 192), сатрап Вавилонии Тритантехм ежегодно получал от вавилонян *артабу*¹⁷ серебра. Из того можно было бы заключить, что указанная сумма вносилась населением помимо царской дани, которой, как известно, была обложена вся Вавилония. Об этом же может свидетельствовать и сообщение в Книге Неемии (V, 15) о том, что наместники Иудеи брали с населения хлеб, вино и серебро. Но, по Геродоту, упомянутый сатрап Тритантехм имел 16 800 коней,

¹⁵ Athen., Deipnosoph. XII, 533 D; Diod. XI, 57, 7; Thuc. I, 138, 5; Plut., Them. 29; Moral. 328 E—F; Nepos, Them. X, 2—3; Strabo XIV, 1, 10.

¹⁶ Однако Э. Липински вместо «великие деяния» соответствующее место переводит «за большой подарок, который я сделал», полагая, что новые территории были приобретены за значительную подать, уплаченную персидскому царю [471, с. 58 и сл.; там же приведена и литература].

¹⁷ Артаба равнялась 56 л.

не считая боевых, и так много собак индийской породы, что четыре большие равнинные деревни были освобождены от других податей, чтобы они доставляли провизию для этих собак (цифры эти, несомненно, фантастически преувеличены, [ср. 581, с. 87 и сл.]). Если здесь под «другими податями» имеется в виду дань царю, то можно было бы полагать, что сатрап имел право собирать с определенных деревень Вавилонии подати в свою пользу. Согласно письму, сочиненному одним позднегреческим ритором на основании исторических фактов, Фемистокл освободил от дани город Лампсак, стонавший от тяжелой подати [Hercher, с. 761, № 20; ср. 72, с. 370, примеч. 168]. Само собой разумеется, что Фемистокл мог освободить этот город только от дани, которая поступала в его личное распоряжение, а не от государственной подати. Поскольку из указанного письма, по-видимому, вытекает, что Лампсак вообще был освобожден от подати, можно полагать, что он до этого платил дань только Фемистоклу, но не персидскому царю. Плутарх (Phocion. 18) рассказывает, что Александр Македонский предоставил Фокиону несколько городов — не в полную собственность, а только доходы с них. Поскольку Александр Македонский сохранял ахеменидские институты, П. Бриан полагает, что аналогичным было положение подаренных персидскими царями грекам городов и сел [177, с. 47 и 81].

Как нам представляется, персепольские документы бросают свет на статус селений и городов, отданных в дар. В них в отличие от владений, являвшихся частной собственностью, жили свободные люди, которые обязаны были (кроме обычной подати царю?) нести в течение определенного количества дней в году расходы по содержанию того или иного высокопоставленного лица или снабжать его одеждой по установленным нормам. Как видно из персепольских документов крепостной стены, высокопоставленные чиновники получали определенное количество продуктов из различных городов и сел; при этом каждый пункт обязан был доставлять продукты за строго установленное количество дней и продолжительность такого периода зависела от величины города или деревни. Ряд документов фиксирует выдачу жалования Фарнаку, заведующему царским хозяйством в 528—486 гг. Прежде всего для характеристики экономики весьма примечательно, что он получал жалование не деньгами, а натурой¹⁸. Ежедневно он получал по 2 овцы, 18 *баров* муки и 9 *марришей*¹⁹ пива или вина [PF 666—668 и др.], т. е. в 120—180 раз больше муки, чем работники царского хозяйства и гонцы, и в 90 раз больше пива или вина, чем гонцы. Другой высокопоставленный

¹⁸ В упомянутом выше документе РТТ 4, фиксирующем выдачу серебра за поимку преступника, выступает и Фарнак, которому досталось 20 *каршей* (200 сиклей) серебра.

¹⁹ *Бар* — единица измерения сыпучих тел, около 10 л; *марриш* — единица измерения жидкостей, около 10 л.

чиновник, а именно Зишпавиш, в день получал по 1,5 овцы, 3 *марриша* вина и 6 *баров* муки [PF 674, 678, 670 и др.]. Гобрый (по-видимому, то же самое лицо, которое упомянуто в Бехистунской надписи как один из сообщников Дария в убийстве Гауматы) получал 7 *марришей* пива (PF 688)²⁰. Естественно, такое высокое жалованье получали лишь немногие лица, ставки чиновников более низших рангов были 1—3 овцы в месяц, 3 *ка* (3 л) муки в день, 50 *марришей* (500 л) вина или пива в месяц [PF 824, 825 и др.]. Жалованье рядовым чиновникам и пайки работникам государственного хозяйства обычно выдавали ячменем и пивом, реже финиками, вином, мясом и фруктами.

По своему положению к царским эвергетам были близки «родственники царя» и «друзья царя». Это были титулы людей, которыми удостаивались те, кто имел право принимать участие в царских трапезах. Например, правитель Западной Армении Тирибаз считался другом царя, и в его присутствии никто другой не имел права помогать царю садиться на коня (Хен., Анаб. IV, 4, 4).

Владельцы крупных имений располагали собственными воинскими отрядами, судебно-административным управлением, полицейскими чиновниками и целым штатом управляющих, начальников сокровищниц, счетоводов [BE IX, 28, 32, 50, 74 и др.; Хен., Анаб. VII, 8, 17]. Некоторые из них имели в своем распоряжении даже скульпторов и других мастеров искусства. Так, например, один из рабов-скульпторов египетского сатрапа Аршамы был направлен из Египта в Сузы, чтобы изготовить статую всадника на коне [AD IX]. Один из рабов царевича Камбиза был резчиком печатей (Суг 323).

Крупные землевладельцы обычно жили в своих парадисах (парках) или в больших городах — Вавилоне, Сузах и т. д., вдали от сельской местности, на доходы с земельных владений, которые находились в ведении их управляющих [ср. AD I, II, XI]. Например, в одном письме сатрап Аршама пишет своему управляющему Нехтихору, что персидский вельможа Варохи пожаловался ему, говоря следующее: «[Что касается] имений в Египте, которые были пожалованы мне моим владыкой, оттуда мне ничего не доставляют». Варохи попросил Аршаму написать Нехтихору и подчиненным ему счетоводам, чтобы они указали Хатубасти, управляющему Варохи, на необходимость «немедленно послать доходы с этих имений и доставить [их] ко мне вместе с доходами, которые Нехтихор собирается привезти» Аршаме. Последний повелевает: «Скажи Хатубасти, управляющему Варохи, собрать доходы в имениях Варохи полностью и с процентами и привезти и [сам явись] вместе с сокровищем, которое я приказал доставить в Вавилон» [AD X]. Очевидно, сами Ар-

²⁰ К документу приложена и печать Гоброя с изображением охотничьей сцены.

шама и Варохи в это время находились в Вавилоне. Сохранилось также письмо от Варохи к Нехтихору, в котором он говорит: «Я здесь пожаловался Аршаме на моего управляющего Хатубасти, который не доставляет мне никаких доходов... Будь деятелен и заставь моего управляющего доставить ко мне в Вавилон доходы [с моих владений]... Хатубасти или его брат или его сын должны прибыть ко мне в Вавилон с доходами» [AD XI]. Из других писем Аршамы видно, что его управляющий Нехтихор несколько раз ездил на восток (вероятно, в Сузы и Вавилон), чтобы лично доставить сатрапу доходы с его владений [AD X, XII]. Во время одной из таких поездок Псамшека, другого управляющего имениями Аршамы в Египте, восемь сопровождавших его рабов бежали, захватив все имущество своего господина [AD III].

Местные цари, которые были оставлены персами у власти (например, в Киликии, финикийских городах и т. д.), естественно, также являлись крупными землевладельцами.

Наконец, часть земель (вероятно, самая плодородная) находилась в фактической собственности царя, и по сравнению с предшествующим периодом при Ахеменидах размеры царской земли резко увеличились [224, с. 306 и сл.].

Эти земли, как и поля членов царской семьи, обычно сдавались в аренду. Так, например, согласно контракту, составленному в 420 г. близ Нингура, представитель дома Мурашу обратился к управляющему посевными полями царя, расположенными по берегам нескольких каналов, с просьбой сдать ему в аренду на три года одно поле. Арендатор обязался доставлять ежегодно в качестве арендной платы 220 *кур* (ок. 33 000 л) ячменя, 20 *кур* пшеницы, 10 *кур* полбы, а также одного быка и 10 баранов. Согласно этому же тексту, вода близлежащих каналов также являлась «собственностью царя» и поле было сдано с правом орошения из царских каналов. Сам контракт составлен в присутствии некоего Бел-буллитсу, судебного чиновника (*iprasakku*, от др.-перс. *frasaka*), а среди свидетелей упомянут иранец «Митридат, состоящий на службе у Дадаршу, сына Багазушта» [Кг. 147].

В том же архиве Мурашу, а также в архивах из Ура, Сиппара, Вавилона и т. д. сохранились и другие документы о сдаче царских полей в аренду. Согласно одному из них, в 435 г. в качестве арендной платы с одного поля — «собственности царя» дом Мурашу уплатил 200 *кур* [30 000 л] ячменя [BE IX, 32a]²¹. По свидетельству документа времени Дария I из Дилбата, на поле какого-то лица были предъявлены претензии царской администрацией, утверждавшей, что это поле — собственность царя. Но владелец поля сделал заявление перед несколькими лицами (в том

²¹ См. далее BE IX, 67, 90; BE X 15, 34, 46; UET IV 50, 194; UM 31, 36, 59, 123, 124, 150, 172, 178; NRV 380; TCL XIII, 203.

числе и «Шешшети, персом, сыном Камакки»), что «поле это не принадлежит царю» [NRV 702].

К категории царских земель относились и земли *uzbarru* (иранское слово, дословно «подлежащий обложению»). Эти земли, которые обычно были расположены по берегам царских каналов, засеивались зерновыми культурами и отдавались в аренду [BE IX, 67; UM 124 и др.]. Документы из Ниппура свидетельствуют о том, что дом Мурашу часто сдавал царские каналы и земли мелкими участками зависимым от него лицам или мелким арендаторам [BE IX, 65; UM 150, 158 и др.].

По-видимому, в Вавилонии были также птичьи фермы, принадлежавшие царю (так, например, в документах BE X, 128; UM 63 и др. упоминается некий Ханания, который был назначен для ухода за птицей, принадлежавшей царю).

Кроме того, царю принадлежали также многие крупные каналы [221, с. 307]. Управляющие царя обычно сдавали эти каналы в аренду за высокую плату. В окрестностях Ниппура царские каналы арендовал дом Мурашу, который отдавал их, в свою очередь, в субаренду коллективам мелких землевладельцев. Например, в 439 г. семь землевладельцев заключили контракт с тремя арендаторами царского канала, в числе которых был и дом Мурашу. По этому контракту субарендаторы получили право орошать свои поля в течение трех дней (с 12-го по 15-й день) ежемесячно «водой из канала — собственности царя». За это они должны были платить своим арендаторам, в частности, $\frac{1}{3}$ часть урожая и фруктов как «водную подать» с орошаемых полей, а также определенную сумму денег за каждую меру земли. Если субарендаторы используют воду для орошения земель, не предусмотренных договором, арендная плата возрастет соответственно. Если субарендаторы будут пользоваться водой сверх указанных в контракте дней, то обязаны «без суда» уплатить штраф в 5 мин серебра [Be IX, 7]. Обычно плата за пользование водой доходила до $\frac{1}{4}$ урожая фиников [BE IX, 65; UM 158 и др.]. В одном случае доля царя за пользование каналом равнялась 2 кур 24 ка (ок. 320 л) сезама [BE IX, 73].

Персидским царям принадлежали также ирригационные сооружения у реки Акес в Средней Азии, за пользование которыми население платило большие суммы (Herod. III, 117 и сл.), рудники в Кармании, где добывались золото, серебро, медь и т. д. (Strabo XV, 3, 14), леса в Сирии (по свидетельству Неемии (II, 8), эти леса охранялись специально назначенными людьми), доходы от ловли рыбы в Меридовом озере в Египте, а также сады, парки и дворцы в различных частях государства [ср. 627, т. I, с. 90; 293, с. 208].

В древности широко славились так называемые парадисы. Они упоминаются и в персепольских документах в форме *partetaš*. В 1958 г. Э. Бенвенист высказал предположение, что это — заимствованное эламским древнеперсидское *paradaida*, которое гре-

ки передавали словом «парадиз». Р. Халлок пишет, что, судя по текстам крепостной стены, *partetaš* — место хранения различных продуктов, т. е. склад, а не парадиз — парк для отдыха²². При этом он ссылается на частное сообщение И. Гершевича, который выразил сомнение в идентичности соответствующих древнеперсидского и греческого слов, а также на письмо Бенвениста с указанием, что его прежние высказывания относительно *partetaš* требуют пересмотра [PF с. 15; там же приведена и литература]. Но В. Хинц отметил, что в нескольких вавилонских документах ахеменидского времени встречается слово *pardisu* (ср. араб. *par-des*), которое, несомненно, заимствовано из древнеперсидского. Поэтому отождествление указанных древнеперсидского и эламского слов можно считать твердо установленным. Исходя из контекстов документов крепостной стены, Хинц считает, что в древнем Иране парадисы часто были сельскохозяйственными имениями [387, с. 26 и сл.].

Обычно парадисами назывались парки с фруктовыми и другими деревьями и дикими зверями, принадлежавшие персидским царям и вельможам (позднее словом «парадиз» стали обозначать христианский рай). Ксенофонт (Оес. IV, 13 и сл.) пишет, что персидской царь большую часть времени проводит в парадисах и заботится о том, чтобы во всех местах, куда он наезжает, были такие сады, в которых росли лучшие произведения земли. Сохранилось также описание такого парадиса в Сардах, который принадлежал царевичу Киру Младшему. Все деревья в нем были расположены правильными рядами на одинаковом расстоянии друг от друга. В Малой Азии в городе Келены (Фригия) были укрепленный дворец и парк, принадлежавшие царю. В этом парке было много диких зверей, и посредине его протекала река Меандр (Хен., Анаб. I, 2, 7—9). О таких парадисах известно из указа Дария I, адресованного Гадате, управляющему его имениями близ Магнесии в Малой Азии (некоторые считают, что он был сатрапом Ионии). Дарий, в частности, выражает свое одобрение Гадате за то, что тот сажал на царских землях растения, которые росли «за Евфратом», т. е. в Сирии [SIG I, № 22; ср. 505, с. 20, примеч. 2]. Античный автор Посидоний пишет, что персы стали культивировать у себя виноград из местности Халиб в Сирии, так как царь пил вино только из этого винограда [FGrGr, с. 87, fr. 68; Athen., Deipnosoph. I, 28D; ср. 474, с. 94].

Царские парадисы были расположены и в других странах державы, в частности в Вавилоне, в Финикии близ Сидона и на границе между Самарией и областью Асход (Neh. VI, 2). Плутарх в биографии Артаксеркса II рассказывает о великолепных царских парках, разбитых в совершенно безлесной и пустынной местности. По мнению Оппенхейма, такие парадисы были своего рода сочетанием ботанического сада и парка [552, с. 333].

²² Например, 49 330 л зерна, принадлежавшего царю, было положено в *partetaš* в местности Тамуккан, а 28 100 л — в Шушире [PF 157 и 161].

О размерах царского хозяйства определенное представление могут дать следующие факты. Гераклид из Киме и Ктесий сообщают, что ежедневно за счет царя питалось 15 000 человек и на такой обед тратили 400 талантов серебра. Прежде чем отправиться на обед, необходимо было принять ванну и одеться в белые одежды. Часть людей располагалась вне помещений на виду у всех, а другие — в дворцовых помещениях. Царь сидел в отдельной комнате, откуда через занавеси мог видеть гостей, оставаясь сам незамеченным. Иногда он приглашал к себе десяток вельмож, которые, однако, должны были сидеть на полу в отличие от царя, обедавшего, сидя на ложе с золотыми ножками. Во время обеда наложницы пели и плясали²³. По словам Гераклида, хотя царский обед считают роскошным, при внимательном рассмотрении оказывается, что он устраивается очень экономно. Ежедневно для обеда забивали 1000 голов скота (быков, оленей, лошадей), птицу. К обеду подавали также сыр и вино. Каждый участник обеда получал свою долю, остатки которой он брал с собой домой для семьи. Но большую часть убойного скота и прочих припасов выносили во двор для телохранителей и прочих царских воинов, которые делили между собой поровну мясо и хлеб (по утверждению Гераклида, воины царя получали жалованье не деньгами, а натурой). Таким же образом и в домах персидских вельмож всю еду ставили на стол. После окончания обеда, когда гости насытятся, остатки еды (обычно мясо и хлеб) давали рабам (Athen., Deipnosoph. IV, 145B и сл.)²⁴.

Полиэн (Strategemata IV, 3, 32) упоминает надпись, найденную Александром Македонским во дворце персидского царя, которая фиксировала ежедневные расходы дворцового хозяйства Ахеменидов (сама надпись, вероятно, относилась не ко времени Кира II, как это утверждает античный автор, а к более позднему периоду). Согласно надписи, для обеда царского двора наряду с другими продуктами ежедневно расходовались 1000 *артаб* (1 *артаба* = 56 л) пшеничной муки, 1000 *артаб* ячменной муки, 200 *артаб* ячменя и 10 *артаб* тончайшей ячменной муки. А войско, охранявшее царя, ежедневно получало 500 *артаб* пшеничной муки, 2000 *артаб* ячменной муки, 500 — полбы, 20 000 — фуражного ячменя и т. д. [ср. 395, с. 15].

Из персепольских документов перед нами предстают контуры огромного царского хозяйства, охватывавшего большую территорию Персии и Элама.

Чтобы получить определенное представление о доходах и рас-

²³ По Ксенофонту (Anab. VI, 1, 40), персы танцевали, приседая и поднимаясь под звуки флейты и ударяя щитами друг о друга.

²⁴ Ср. Esr. IV, 14, где Эзра говорит, что он ел «соль дворца» и «хлеб царя». За столом сатрапа также кормилось много людей. В Книге Неемии (V, 17—18) говорится, что за столом иудейского наместника ежедневно обедало 150 человек и на обед расходовали одного быка, шесть отборных баранов, птицу и вино.

ходах царского хозяйства в некоторых районах Персии и Элама в течение одного хозяйственного года, можно привести следующие обобщенные данные документов, датированных 22-м годом царствования Дария I (500 г.). В текстах обычно отмечается, куда и из какой местности были доставлены те или иные продукты, кто и от кого их принял и для какой цели они предназначались (создание запасов и семенного фонда, выдача пайков работникам и жалованья чиновникам, корм для скота и птицы и т. д.). Однако полученные результаты могут дать лишь неполную картину, так как не все хозяйственные тексты этого времени найдены и не все обнаруженные документы пока изданы, а часть их плохо сохранилась.

В течение указанного хозяйственного года на царские склады поступило 67 967,5 *бара* ячменя, 10 814,5 *бара* других видов зерна, 711 — муки, 180 — сезама, 1090 — различных фруктов, 2857 *марришей* вина. Общее количество зерна и муки, поступивших в течение года, равнялось 79 462 *барам*, или 794 620 л. В течение того же года, по неполным данным, царским хозяйством было израсходовано 19 732,2 *бара* ячменя (из них 12 176,2 — для работников царского хозяйства, 2672 — для царских лошадей, 1376 — для пиршеств, а 1707 *баров* положено в качестве семенного фонда), 1062 *бара* других видов зерна, 4594 *бара* муки (из них для чиновников, находившихся в пути во время поездок по государственным делам, — 2111 *баров*, для верблюдов 110 *баров* и т. д.). Зерна, муки и мучных продуктов всего было израсходовано 26 228,2 *бара*, или 262 282 л. Из этого количества в качестве продовольствия для работников царского хозяйства было выдано 16 217,7 *бара*. Тексты говорят также о расходе большого количества вина, пива, сезама, фруктов (инжира, фиников, яблок и т. д.), крупного рогатого и мелкого скота и т. д. В документах упоминается 51 местность, где в течение данного года были произведены те или иные расходы.

В структурном отношении царское хозяйство было единым, и по мере необходимости в соответствии с потребностями различные продукты доставлялись из одного места в другое. Например, после перечня поступлений сезама в документе сказано: «Все это было взято в различные места» [PF 2082]. Как и следовало ожидать, наибольшее количество текстов фиксирует доставку зерна, муки, масла, сезама, вина, пива, фруктов, скота и птицы в Персеполь. За три месяца через одного лишь чиновника в Персеполь было привезено 3000 *баров* ячменя [PF 6].

Ряд документов фиксирует личные распоряжения Дария I. Один из них является письмом чиновника Фарнака к Ямакшедда, в котором изложено приказание Дария выдать царице Ирташдуна²⁵ 200 *марришей* вина [PF 1795]. Другой текст является

²⁵ Одна из жен Дария I. Она упоминается у Геродота (III, 88; VII, 69 и 72) под именем Артистона.

письмом от Фарнака к главному пастуху Харрена. В нем сказано следующее. Дарий велел Фарнаку: «100 овец из моего имущества надо отдать царице Ирташдуна». Фарнак продолжает: «Как царь Дарий велел мне, я приказываю тебе: ты должен передать 100 овец царице Ирташдуна, как это приказано царем» [Fort. 6764; см. 187, с. 216]. Далее, по распоряжению Дария, в 21-м году его царствования различным лицам было распределено 12 610 *баров* муки в Персеполе и 1783 *бара* того же продукта в каком-то другом месте, которое пока точно не локализуется, а также израсходовано 1333 головы птицы [PF 701, 702 и 2034]. Кроме того, тексты фиксируют выдачу корма для скота, принадлежавшего царю. Например, в 20-й год царствования Дария I в местности Баттираккан для рогатого скота царя было израсходовано 1436,5 *бара* ячменя [PF 1965]. Согласно одному тексту, около 700 пастухов перегоняли «мелкий скот царя» из Персии в Сузы [PF 1441]. Судя по числу пастухов, стада эти, по-видимому, насчитывали десятки тысяч голов [384, с. 290]. В 501 г. по одному распоряжению в Персеполе было выдано 12 610 *баров* муки [PF 701]. Как полагает Хинц, эта мука была предназначена для новогоднего праздника и испеченного из нее хлеба хватило бы приблизительно на 10 000 гостей Дария в течение 10 дней [384, с. 289 и сл.].

Как видно из персепольских текстов, хозяйство членов царской семьи было довольно тесно связано с дворцовым хозяйством, и работники, принадлежавшие членам царской семьи, могли быть направлены для выполнения государственных работ. Из дворцового имущества в ряде случаев отпускали продукты для потребностей членов царской семьи и, наоборот, в особых случаях из имений последних выдавали рационы государственным служащим. Кроме указанных выше текстов о выдаче царице Ирташдуне вина и овец из царского имущества можно отметить, что в местности Матаннан для ее потребностей было положено 764 *бара* зерна и 57 *баров* инжира [PF 166—168]. Примечателен сам факт, что документы (или часть их), фиксирующие деятельность в имениях членов царской семьи, составляют часть архива дворцового хозяйства.

Дворцовым хозяйством, составившим, по-видимому, единое целое в масштабах всей державы, управлял целый ряд высокопоставленных чиновников. При Дарии I их возглавлял управляющий царским хозяйством Фарнак²⁶.

При Ахеменидах широко применялась (по крайней мере в Вавилонии) такая система землепользования, когда царь сажал на землю своих воинов, которые обрабатывали выделенные для них наделы коллективно целыми группами, отбывали воинскую

²⁶ В. Хинц отмечает, что Фарнак распоряжался царскими складами, винными погребами и стадами скота. По его мнению, Фарнак был мидийским придворным, который изображен на персепольских рельефах стоящим перед царем, с жезлом в руке, управляя дворцовым приемом [382, с. 425 и сл.].

повинность и платили определенную денежную и натуральную подать (мукой, пивом и т. д.). Имеются основания полагать, что аналогичная система наделов существовала и в Египте [ср. 599, с. 54]. В Вавилонии наделы воинов назывались наделами лука, лошади, колесницы и т. д., и их владельцы должны были выполнять военную повинность в качестве лучников, всадников, и колесничих [257, с. 203 и сл.; 196, с. 55 и сл.; 260, стб. 95 и сл.]. Среди этих наделов наибольшее значение имели наделы лука, поскольку лук был главным оружием персидской армии. Во время походов владельцы наделов должны были выступать со своим снаряжением. Среди таких воинов были как вавилоняне и иранцы, так и представители других племен (арамей, иудей, лидийцы, индийцы, саки и т. д.).

Такая организация землепользования называлась *haṭru* (точное значение и происхождение слова неясны; в документе ВЕ X, 126 оно на арамейский язык переведено словом со значением «земля». Возможно, *haṭru* — заимствованное в аккадский древнеиранское слово *haṭrā*, соответствующее древнеиндийскому *satrā* — «вместе, коллективно объединенные»; указано В. А. Лившицем; [ср. AiWb, стб. 1762]).

Организацией *haṭru* кроме военных колонистов были охвачены также некоторые группы ремесленников (например, кожевники, плотники и т. д.), пастухов, купцов, писцов и т. д. (разумеется, наряду с ремесленниками, пастухами, купцами и писцами, которые были независимы от царской администрации), а также работники царского хозяйства и хозяйств членов царской семьи (*garḍu*, см. ниже, с. 168). В документах архива Мурану в окрестностях Ниппура упоминается около 60 *haṭru*, каждый из которых охватывал много наделов. Во главе *haṭru* стояли *šaknu* («начальники»), которые управляли территорией соответствующего *haṭru*, собирали царские подати и сдавали их в казну.

Организация *haṭru* возникла в ахеменидское время и известна преимущественно из ниппурских документов второй половины V в., но, судя по некоторым текстам, она была характерна для всей Вавилонии и начала складываться еще в период царствования Камбиза, т. е. в 30-х годах VI в. [ср. 198, с. 150 и сл.]. Возможно также, что после восстаний вавилонян при Ксерксе часть земли вавилонских храмов была конфискована и роздана воинам в качестве наделов [542, с. 1060].

Из вавилонских текстов трудно выяснить, сколько земли в среднем получал воин. Согласно Геродоту, в Египте при последних саисских царях каждый воин имел надел в 120 *арур* (3,28 га). Вероятно, приблизительно столько же земли получали и военные колонисты в Вавилонии. Такие наделы считались царским даром. Например, в одном документе отмечается, что «зерновое поле... надел лука — дар царя» [ВЕ IX, 99].

Обычно исследователи полагают, что упоминания об этих наделах не встречаются раньше времени Дария I [444, с. 560 и сл.;

195, с. 8, примеч. 7; 97, с. 157]. Если это так, их появление можно было бы считать одним из результатов административно-финансовых реформ Дария. Однако такое мнение находится в противоречии с данными источников.

Прежде всего, термин «надел лука» встречается в документе из Вавилона, который датирован 1-м годом царствования Камбиза (529 г.). Судя по этому документу, «собрание старейшин египтян» решило, что несколько поименно названных египетских колонистов (при этом некоторые из них носят египетские имена, например Ханимена, сын Пишмиша) в течение определенного времени должны обрабатывать «зерновое поле, надел лука», расположенное близ Вавилона, и делить между собою урожай с него. Вероятно, собрание отвечало за выполнение повинностей с таких наделов [Camb 85].

В другом документе, который составлен в Сипшаре в 7-м году царствования Камбиза (523 г.), встречается термин «надел лошади» (*bīt-aspātum*; первое слово — аккадское, а второе — иранское). В тексте речь идет о земельном наделе, который принадлежал царю, но находился в пользовании у вавилонянина по имени Или-акаби. Часть надела была обработанным полем, остальная являлась целиной. Или-акаби сдал этот надел в аренду на шесть лет. Арендатор должен был превратить целину в пахотную землю и отдавать владельцу поля $\frac{1}{5}$ урожая, полученного с целины, и $\frac{2}{3}$ с пахотной земли [NRV 71].

В. фон Зоден полагает, что слово *aspātum* написано здесь вместо *aspastum*, и переводит его как «люцерна» [АНw с. 75]. Однако нет оснований полагать, что в этом тексте речь идет о поле, засеянном люцерной. Во-первых, среди многих тысяч нововавилонских документов нет ни одного, который свидетельствовал бы о сдаче в аренду полей, засеянных люцерной. Во-вторых, часть поля в упомянутом документе вообще не была обработана и, если только часть его была засеяна люцерной, вряд ли все поле могло быть названо «полем люцерны». Кроме того, не было необходимости ухаживать несколько лет за целиной, чтобы сделать ее годной для посева люцерны. Еще более невероятно, чтобы владелец сдал бы свое поле на шесть лет в аренду, чтобы в качестве арендной платы получать люцерну. Да и условия аренды не отличаются от тех, на которых сдавались в аренду зерновые поля. Наконец, и само слово *aspātum* является составным от иранского *aspa* — «лошадь» с аккадским суффиксом мн. числа *-ātum*. Очевидно, в документе речь идет о наделе земли, который получил Или-акаби для несения военной повинности, и при этом само поле названо «собственностью царя». Слово *aspa* является мидийской формой для обозначения лошади (в др.-перс. ему соответствует *aša*). Поэтому можно высказать предположение, что система повинностных наделов была заимствована персидской администрацией от мидийцев. Не исключено, что последние, в свою очередь, взяли ее от ассирийцев [ср. 408, т. II, с. 172].

По-видимому, в начале господства Ахеменидов в Вавилонии для обозначения надела, владелец которого должен был выполнять воинскую повинность в качестве всадника, употреблялось иранское слово, так как система повинностных наделов была введена персидской администрацией. Позднее чуждый семитам иранский термин был заменен его аккадским переводом.

Очевидно, надел лука и другие наделы существовали еще в самом начале царствования Камбиза и, скорее всего, были введены еще при Кире вскоре после захвата Вавилонии персами.

Может возникнуть вопрос, почему в документах времени Кира они вовсе не упоминаются, а в текстах, датированных царствованием Камбиза, засвидетельствованы всего два раза. На это легко ответить. Документы, о которых идет речь, являются деловыми, хозяйственными, и в них такие наделы могли быть упомянуты только в тех случаях, когда они становились объектом аренды, залога, раздробления и т. д. В начале господства персов экономическое положение владельцев этих наделов было устойчивым, так как завоевания продолжались, и поэтому цари заботились о своих воинах. Когда владельцы наделов находились на войне, их землю обрабатывали члены семьи. В тех случаях, когда государство не нуждалось в этих людях в качестве воинов, они должны были платить подати. Но постепенно такая замена военной повинности уплатой податей стала обычной. Этот процесс перехода к взиманию подати с военных колонистов, по-видимому, начался еще при Дарии I [219, с. 41, примеч. 16].

Денежные подати особенно отрицательно сказывались на хозяйствах рядовых воинов, так как последним для уплаты их приходилось прибегать к помощи ростовщиков. Владельцы земель вынуждены были закладывать им свои наделы и нередко оказывались не в состоянии выкупить их обратно. Правда, эти наделы нельзя было отчуждать, и кредитор мог брать только урожай, как эквивалент долга, а не заложенную землю, которая переходила по наследству по мужской линии или же при отсутствии таких наследников возвращалась государству. Но многие колонисты были обременены долгами, и иногда кредиторы становились фактическими владельцами заложенных наделов под видом усыновления. Например, согласно одному документу времени Дария II, член делового дома Мурашу, Эллий-шум-иддин из Нишпура, был усыновлен западносемитским владельцем надела лошади Гадал-ямой (раньше эта земля принадлежала деду последнего) и, таким образом, стал его совладельцем. Но военную повинность с этого надела выполнял внук его бывшего владельца, которому дом Мурашу дал оружие, коня со снаряжением и деньги на пропитание на время несения повинности [UCP, т. IX, с. 271 и сл.; 196, с. 58]. Согласно документу времени Артаксеркса II, для выполнения царской повинности одновременно были усыновлены отец и сын, которые, по условиям контракта, могли пользоваться $\frac{1}{3}$ надела приемных отцов [NRV, 10].

В Ниппуре и его окрестностях военные колонисты для уплаты государственных податей прибегали к помощи дома Мурашу.

Повинностные наделы можно было сдавать в аренду при условии, если владелец продолжал выполнять повинности. Например, согласно одному документу, дом Мурашу арендовал два поля на берегу канала близ Ниппура и внес в качестве годовой арендной платы 5 *кур* 2 *пан* 3 *сут* (ок. 800 л) ячменя и 2 *кур* (300 л) пшеницы. Эта плата предназначалась «начальнику копьеносцев» (*ašta-barru* — иранское слово) Каргушу [BE X, 76].

Следует учесть также то, что размеры наделов постепенно уменьшались, так как они делились между наследниками. Поэтому нередко два или несколько человек совместно владели одним наделом или делили его между собою. Например, по свидетельству документа из Ниппура (время Артаксеркса I), четыре поименно названных лица (среди них два брата) добровольно поделили между собой на 15 лет зерновое поле — надел лука и каждый «обязан был служить царю со своей доли» [TCL XIII, 203]. Естественно, такая практика также вела к разорению военных колонистов. Поэтому в V и IV вв. до н. э. в своей военной политике Ахеменидам приходилось полагаться в основном на наемников, а не на владельцев наделов, которые не всегда имели даже военное снаряжение.

Наконец, земельные наделы получали в пользование также государственные чиновники вплоть до низших рангов. Такие наделы назывались иранским термином *baga* («доля»). Например, сатрап Египта Аршама пишет своему управляющему Нехтихору: «Лесник Петосирис, мой слуга, сообщил мне следующее: „[Мой отец] Памун погиб, когда произошло восстание в Египте, а имение в 30 *ардаб*²⁷, которым владел мой отец Памун, было покинуто, так как женщины нашего дома тогда же погибли. [Поэтому дай] мне имение моего отца Памуна...“» Аршама приказывает расследовать дело, и «если это так, как в этом прошении, которое послал [мне] Петосирис..., т. е. [если] это имение в 30 *ардаб* было покинуто и не было присоединено [к моему имуществу] или не пожаловано мною другому слуге, то я повелеваю передать имение Памуна Петосирису. Извести его, чтобы он вступил во владение [имением] и платил поземельный налог (*ilku*) в мою казну (дословно „имущество“) в соответствии [с той ставкой], которую платил прежде его отец Памун» [AD VIII]. В другом письме Аршама повелевает одному из своих подчиненных: «Надел, который был пожалован царем и мною слуге моему Аххапи, который был моим управляющим в Египте, передай Псамшеку, сыну Аххапи, назначенному теперь на место отца управляющим» (в имениях Аршама в Верхнем и Нижнем Египте) [AD II].

²⁷ Т. е. надел посевной площадью 30 *ардаб* (1530 л.).

Владельцы таких наделов уплачивали подати царю и сатрапу, а сами наделы могли быть переданы по наследству только по распоряжению государственной администрации.

Рабство и социальная структура общества

На древнем Ближнем Востоке общество состояло из трех больших социальных групп: полноправных граждан городов, свободных, лишенных гражданских прав, различных групп полусвободного населения и, наконец, рабов.

В Вавилонии и некоторых других развитых странах полноправные граждане были членами народного собрания при том или ином храме. Граждане принимали участие в культе местного храма и имели право получать определенную долю из храмовых доходов. К числу таких полноправных граждан относились государственные и храмовые чиновники, жрецы, писцы, купцы, свободные ремесленники и земледельцы. В юридическом отношении все они считались равноправными, и их статус был наследственным. Все эти лица жили в городах и владели землей в пределах прилегающей к тому или иному городу сельской округи, на которую распространялась власть народного собрания.

Свободные люди, лишенные гражданских прав, состояли из царских военных колонистов, а также чужеземных чиновников на царской службе и вообще всех чужеземцев, живших в разных странах по тем или иным причинам (но иногда такие люди могли создать свою собственную организацию самоуправления). Все эти группы были лишены гражданских прав ввиду того, что они не владели землей в пределах городского общинного фонда и поэтому не могли стать членами народного собрания.

Зависимые слои населения состояли из земледельцев, лишенных собственной земли и работавших из поколения в поколение на земле, принадлежавшей государству, храмам и частным лицам. С юридической точки зрения они не считались рабами, и их, например, нельзя было продавать. Такие земледельцы жили в сельской округе, для которой не была характерна структура городского самоуправления и где свободных людей вообще не было.

В наиболее развитых странах Ахеменидской державы рабы наравне со скотом были главным предметом движимой собственности, их продавали, передавали по наследству, дарили и т. д. Большое число рабов использовалось для выполнения различных видов домашней работы, но гораздо меньше в сельском хозяйстве, в царских каменоломнях и на строительных работах. Среди рабов было также некоторое число квалифицированных ремесленников (ткачей, сапожников, архитекторов и т. д.).

В начале ахеменидского периода раб в Вавилонии стоил в среднем одну мину (ок. 0,5 кг) серебра, но в конце персидского господства цена его повысилась в два раза. В Вавилонии при продаже раба продавец нес ответственность, в частности, за то, что его раб

не был свободным человеком и что он в течение первых ста дней после продажи не совершит побега от своего нового владельца. Более или менее сходные гарантии встречаются и в египетских документах о продаже рабов [637, с. 55]. Побег рабов был довольно распространенным явлением. Беглых рабов ловили, клеймили, как скот, заключали в кандалы и возвращали обратно на работу.

В Вавилонии и других покоренных странах персидские вельможи превратились в крупных рабовладельцев²⁸.

Уже ко времени возникновения Персидской державы и в период царствования Ахеменидов рабство в некоторых странах претерпело важные изменения. Хотя рабов в рассматриваемое время было больше, чем в любой из предшествующих периодов, сам институт рабства уже начал разлагаться и стали наблюдаться случаи отпуска рабов на свободу или выделения им пекулия. Судя по вавилонским документам и арамейским папирусам с Элефантины, нередко рабы отпускались на свободу с условием, чтобы они продолжали служить хозяину или же снабжали его пищей, пока последний был жив. Иногда рабы отпускались на свободу с последующим усыновлением их свободными людьми. Судя по арамейским папирусам и документам из Вавилонии, разрешался также брак между свободными и рабами.

Когда хозяева не могли использовать труд рабов в своем хозяйстве или считали такое использование невыгодным, рабы нередко предоставлялись самим себе с уплатой определенного оброка с пекулия, которым владел раб. Величина оброка колебалась в зависимости от имущества раба, но в среднем в денежном исчислении он составлял 12 сиклей серебра в год (такую же сумму составляла и средняя годовая плата взрослого наемного работника независимо от того, был ли он свободным или рабом; для сравнения можно отметить, что сам раб стоил около 60—90 сиклей и за 1 сикль серебра можно было купить 150 л ячменя или фиников). Иногда денежный или натуральный оброк заменялся работой на хозяина.

В Вавилонии было сравнительно большое число рабов, которые имели семьи, владели домами и значительным движимым имуществом. Своим имуществом рабы могли распоряжаться довольно свободно, например закладывать, сдавать в аренду или продавать [32, с. 188 и сл.]. Рабы могли не только участвовать в экономической жизни страны, но также иметь свои печати, выступать свидетелями при заключении свободными или рабами различных деловых сделок. В правовой жизни рабы могли выступать как свободные и судиться между собой или со свободными (но, разумеется, не со своими хозяевами). При этом, по-видимому, не было каких-либо различий в подходе к защите интересов рабов и сво-

²⁸ См., например, о рабах Артабара, Гобрия, Мануштану, Митрадата, Фрадата, Уштана и других персов: BE IX, 13, 59; BE X, 60, 114; UM 105, 128, 201 и др.

бодных. Далее, рабы, как и свободные, давали свидетельские показания о преступлениях, совершенных другими рабами и свободными, в том числе их собственными хозяевами [литература и ссылки на тексты: 32, с. 249 и сл.].

Рабы в Вавилонии иногда даже покупали других рабов или принимали свободных лиц, чтобы использовать их труд в своем хозяйстве. Однако в делах с третьим лицом раб мог заложить лишь пекулий, но не свою личность. Хозяин мог по закону лишить своего раба пекулия. Поэтому зажиточные рабы, хотя имели достаточно средств, не могли выкупиться на свободу, так как все их имущество в конечном счете являлось собственностью их хозяев.

Из Египта сохранилось несколько документов VI в., фиксирующих самопродажу свободных людей. В них женщины и мужчины продают себя за деньги в рабство. По условиям контракта, они вместе с детьми, которые уже имеются или могут родиться в будущем, и с уже накопленным имуществом, а также с имуществом, которое они приобретут в дальнейшем, станут «вечными» рабами того, кто купит их, а другой человек не имеет власти над ними. Как видно из текстов, и после самопродажи эти люди могут вступать в законный брак, накапливать имущество, вступать в деловые сделки с другими лицами и т. д., но тем не менее по отношению к своему хозяину они считались рабами.

Наглядное представление о привилегированной части вавилонских рабов ахеменидского времени дают документы из архива храма Эанна в Уруке, которые позволяют восстановить в общих чертах биографию храмового раба по имени Гимиллу. В течение двух десятилетий (539—520 гг.) он пользовался большим влиянием, занимал высокое положение и видное место в аппарате управления храма Эанна в Уруке и его окрестностях. Сначала он был надзирателем над храмовым скотом, а позднее — сборщиком арендной платы и арендовал сотни гектаров храмовой земли.

Гимиллу предстает в документах как ловкий и беззастенчивый расхититель храмового имущества, которому неоднократно пришлось появляться перед судом и сознаваться в различных преступлениях. Например, в 538 г. в Уруке состоялся громкий судебный процесс, который вели шесть человек (в том числе и градоначальник Урука). Суд состоял из 15 представителей свободных, а его заседания протоколировались четырьмя писцами. На этом процессе Гимиллу было предъявлено обвинение по 12 пунктам в расхищении имущества храма Эанна (скота, одежды и т. д.). Кроме того, за взятку он освободил одного храмового должника из тюрьмы. Часть украденного имущества была найдена у него дома. Под нажимом вещественных улик и показаний многочисленных свидетелей Гимиллу вынужден был признать свою вину по всем 12 пунктам обвинения.

В 530 г. Гимиллу поймал беглого храмового раба, который скрывался в течение двух лет, но, вместо того чтобы вернуть в храм, отдал его внаем частному лицу, а деньги положил в соб-

ственный карман. Однако Гимиллу не успокоился на этом, а заключил контракт с еще одним лицом об отдаче внаем того же раба. В 524 г. Гимиллу снова пришлось предстать перед судом. Он держал в загоне вверенный ему скот и птицу, вместо того чтобы погнать в степь для пастбы. За это он был брошен в предварительное заключение в амбар, но, когда его повели на заседание суда, вырвался из рук стражи и сделал попытку бежать, однако был пойман у храмовых ворот. И все же Гимиллу сумел более или менее благополучно выпутаться из этой опасной для его карьеры ситуации. В 520 г. ему снова пришлось предстать перед судом, где он был уличен в продаже значительного количества собранных в качестве арендной платы фиников.

Несмотря на свою репутацию неисправимого мошенника, Гимиллу пользовался большим влиянием и иногда даже давал различные советы высшим храмовым чиновникам. По-видимому, он был очень способным чиновником и поэтому, несмотря на многочисленные проступки, сумел в течение многих лет сохранить свое высокое положение. Кроме того, он, очевидно, пользовался покровительством сатрапа Гобрия, к которому имел доступ во время пребывания в Вавилоне по делам храма Эанна. Гимиллу владел таким имуществом, что оказался в состоянии возместить храму ущерб, общая сумма которого, судя только по одному документу, составила около 400 голов скота и 1 мину 10 сиклей серебра. Он был типичным представителем верхушки храмовых рабов, пользовавшихся значительной свободой и владевших сравнительно большим имуществом. Разумеется, этой верхушке противостояло большое число храмовых рабов, живших за счет выдаваемых им из храмового хозяйства рационов и готовых в любой момент бежать из храма и попытаться приобрести свободу [подробно: 32, с. 309 и сл.].

Долговое рабство в ахеменидское время уже не имело большого распространения, по крайней мере в наиболее развитых странах. Случаи самозаклада, не говоря о продаже себя в рабство, были крайне редким явлением. В арамейских папирусах V в. дети не упоминаются в качестве долгового залога, но в Вавилонии, Иудее и Египте детей можно было отдавать в залог [564, с. 57—59; 637, с. 39; 276, с. 43 и сл.]. В Египте власть отца даже над взрослыми детьми была велика. Отец мог распоряжаться имуществом своих детей, отдавать их самих внаем [637, с. 49].

В случае неуплаты долга в установленный срок кредитор мог обратиться детей должника в рабство. В Книге Неемии (V, 3—5) говорится, что жители Иудеи закладывали поля, виноградники и дома, чтобы купить хлеб для пропитания, а также отдавали детей в рабство и из-за отсутствия средств не могли выкупить их на свободу. В 433 г. персидский наместник Иудеи Неемия провел ряд важных социальных реформ, в том числе освобождение от долгов через каждые семь лет.

Кредитор мог арестовать несостоятельного должника и заключить его в долговую тюрьму. Например, дом Мурашу имел в Нип-

пуре несколько долговых тюрем. По свидетельству одного документа, четыре лица обратились к Римут-Нинурте, одному из ведущих членов дома Мурашу, с просьбой освободить из долговой тюрьмы на некоторое время двух женщин и поручились в том, что освобожденные никуда не уйдут. Если эти женщины совершат побег, поручители обязались «без суда» уплатить 1,5 таланта серебра. Сам документ составлен в Ниппуре в присутствии 11 свидетелей [Кг 203]. На аналогичных условиях дом Мурашу передал из своей долговой тюрьмы четырех женщин их мужьям (текст пока не издан). Житель Ниппура Бел-ах-иддин обращается к Эллильшум-иддину из дома Мурашу с просьбой: «Освободи в мое распоряжение Нидинту-Бела... сына моего брата, который находится арестованным в тюрьме. Я ручаюсь, что он не уйдет из Ниппура в другое место». Просьба эта была удовлетворена, но с условием, что поручитель уплатит 10 мин серебра, если Нидинту-Бел убежит из Ниппура [BE IX, 57].

Однако в ахеменидское время кредитор не мог продать должника в рабство третьему лицу. Обычно должник погашал ссуду антихрезой (бесплатной работой на кредитора), сохраняя свою свободу. Практика самозаклада и самопродажи совершенно исчезла к персидскому периоду.

Количество рабов — военнопленных было довольно велико. Например, в Вавилонии продавали уведенных из Египта, Бактрии и других стран рабов — «добычу лука», а в Египте было немало рабов ливийского и киликийского происхождения. В вавилонских текстах ахеменидского времени упоминаются уведенные из Египта, Бактрии, Гандхары и других стран рабы [ссылки на тексты: 32, с. 69 и сл.].

В целом рабов по отношению к числу свободных было мало даже в наиболее развитых странах, и их труд не в состоянии был вытеснить труд свободных работников. Основой сельского хозяйства являлся труд свободных земледельцев и арендаторов, и в ремесле также доминировал труд свободного ремесленника, занятие которого обычно наследовалось в семье.

Храмы и частные рабовладельцы вынуждены были прибегать в широких масштабах к использованию квалифицированного труда свободных работников в ремесле, сельском хозяйстве и особенно для выполнения трудных видов работы (оросительные сооружения, строительные работы и т. д.). Много наемных работников было в Вавилонии, где они нередко работали на строительстве ирригационных сооружений или на полях партиями по несколько десятков или несколько сот человек. Эти многочисленные массы наемников состояли из разорившихся свободных и малоземельных крестьян. Иногда таких работников привлекали даже из соседних стран (например, из Элама) за плату и харчи, а после уборки урожая они возвращались обратно на родину.

Относительно использования вавилонскими храмами труда свободных значительный интерес представляет следующий документ.

Управитель храма Эанна и царский контролер заявили «плотникам, резчикам по металлу, ювелирам и всем ремесленникам (храма) Эанна...: „[Вы будете заниматься] ремонтом и работу по серебру, золоту, бронзе, (драгоценным) камням и дереву и всякую другую работу [будете выполнять. Если] вы не будете делать эту работу и не будете заниматься ремонтом и [...если кто-нибудь из вас] будет выполнять работу или заниматься ремонтом [в] другом храме, [то он подвергнется наказанию царя]“.

Плотники, резчики по металлу, ювелиры, все ремесленники (храма) Эанна в полном составе [поклонялись богами Белом, Набу и царем Вавилона Киром]... в следующем: „Никто [из нас] без вашего разрешения не будет самовольно работать или заниматься ремонтом в [других] храмах города или в [других] культовых местах и [вообще] в каком-либо ином месте. Мы не скроем и не утаим все, что мы увидим или услышим относительно того, что кто-либо работает где-либо в другом [месте]“» [Weisberg 1].

Документ составлен в Уруке в период царствования Кира II. Храмовые власти, по-видимому, боялись, что другие заказчики переманят к себе ремесленников, работавших в Эанне, и стремились избежать этого. Ремесленники, очевидно, могли отказаться подчиниться предъявленным им требованиям, но в таком случае лишились бы своего исключительного права ремонтировать храмовое имущество в Эанне.

Из Египта сохранились единичные документы о найме свободных людей для выполнения различных сельскохозяйственных работ [599, с. 243].

В Восточном Иране и в среднеазиатских сатрапиях институт рабства был еще слабо развит, и в Авесте рабы упоминаются лишь редко. По сравнению с западными сатрапиями Ахеменидской державы рабство в Персии имело ряд своеобразных черт. Ко времени возникновения своего государства персы знали только патриархальное рабство, и рабский труд еще не имел серьезного экономического значения. Как и во многих других странах древнего Востока, все подданные царя, в том числе и высокопоставленные вельможи (например, сатрапы), считались рабами царя. Исходя из этого, греческие авторы писали, что за исключением царя весь персидский народ был толпой рабов, лишенных гражданских добродетелей. Наиболее общим термином для обозначения рабов в древнем Иране было слово *banda* от глагола *band* — «связывать», «заковывать». Этот термин употреблялся не только для обозначения настоящих рабов, но также и для выражения общей зависимости (например, от царя или сатрапа).

Главы патриархальных семей в Иране по отношению к членам своих семей, по существу, были как бы рабовладельцами. Например, Аристотель (Eth. Nic. IX, 12) отмечает, что у персов власть отца является тиранической и они используют своих детей как рабов. С этой точки зрения большой интерес представляет один из иранских терминов для обозначения рабов, а именно *grda*, пер-

воначальное значение которого было «домашний раб». Этот термин засвидетельствован в арамейских и вавилонских текстах в форме *garda*, а в эламских документах из Персеполя — как *kurtaš*. Во всех упомянутых текстах словом *grda/kurtaš* обозначаются работники царского хозяйства и хозяйств персидских вельмож. Обычно слово *kurtaš* имеет собирательный смысл, но в некоторых текстах оно употребляется с суффиксами как единственного, так и множественного числа.

Таблички крепостной стены фиксируют, в частности, выдачу для *курташ* натуральной платы зерном, мукой, баранами, вином и пивом в 509—494 гг., а таблички сокровищницы отмечают выплаты серебра и продовольствия этим работникам в 492—458 гг.

В документах *курташ* часто характеризуются по половозрастным признакам, месту работы и профессии. *Курташ*, прежде всего, это ремесленники, которые строили город Персеполь вместе со всеми его дворцами: каменотесы, мастера по дереву, плотники, кузнецы, ювелиры, скульпторы и т. д. Одновременно на строительных работах в Персеполе было занято около 4000 человек.

По-видимому, среди *курташ* были и пахари, так как *курташ* получают зерно для посева. Упоминаются и *курташ*-мукомолы. Вероятно, *курташ* ухаживали и за скотом. Например, в одном письме Шуддаяуда, начальник над *курташ*, сообщает управляющему царским хозяйством Фарнаку, что в местности Шалир рогатый скот остался без зерна [PF 1792]. Из этого можно сделать вывод, что упомянутый скот находился в распоряжении *курташ*. Судя по табличкам сокровищницы, среди *курташ*, работавших вне Персеполя, в частности, были пастухи овец, виноделы и пивовары. Короче говоря, *курташ* обслуживали все громадное царское хозяйство в Персии и Эламе.

В этническом отношении *курташ* состояли из представителей покоренных персами народов: египтян, вавилонян, лидийцев, ионийцев, каппадокийцев, карийцев, согдийцев, бактрийцев и т. д. Например, в местность Тамуккан для работы в 501 г. было послано 547 египтян. В 498 г. 224 ассирийских²⁹ *курташ* работали в Персеполе. Один ассирийский мастер по дереву работал в Персеполе в том же году в течение пяти месяцев. Подобным же образом упоминаются значительные партии вавилонян. Ряд текстов фиксирует выдачу продовольствия для вавилонских писцов на коже (их число колеблется от 3 до 31 в различных партиях)³⁰, работавших по заданию высокопоставленных чиновников Фарнака и Зишшавиша. В этих текстах упомянуты также и слуги при пис-

²⁹ *Aššuriya*. По всей вероятности, имеются в виду жители пятой сатрапии Ахеменидской державы, куда входили Северная Месопотамия, Сирия, Палестина, Финикия и Кипр (Herod. III, 91).

³⁰ Среди этих писцов были мужчины, женщины и дети обоего пола. По-видимому, женщины и дети являлись лишь членами семей писцов, однако в некоторых текстах число женщин превышает число мужчин. Например, в одной группе вавилонских писцов насчитывалось 5 мужчин, 2 мальчика, 8 женщин и 3 девочки.

цах, и при этом как сами писцы, так и их слуги отнесены к числу *курташ*. В одном тексте фиксируется выдача зерна 17 ионийцам. Упоминаются также ионянки, получавшие довольствие после родов. Документы говорят о партиях капнадокийских и карийских работников в сто и более человек. Особенно часто упоминаются *курташ* из племени термилы (этническое название, которое у Геродота I, 173 применяется для обозначения жителей Ликии; ср. 264, с. 209). Многократно говорится также о фракийских³¹ *курташ*. Например, один текст фиксирует выдачу продовольствия для 520 фракийцев. 133 фракийца работали в Курдушуме, 220 — в Раккане и 150 — в Тамуккане. Далее упоминаются 100 согдийских *курташ*, 52 согдийца в местности Харакурра, бактрийские *курташ* и, по-видимому, работники из Арахосии. В двух текстах говорится о партиях персидских мальчиков по 16 и 29 человек, которые были заняты писцовой работой в местности Питтаннан, и при этом в одном документе они названы *курташ*. Это пока единственный известный случай, когда персы отнесены к числу *курташ*. Наконец, таблички сокровищницы говорят о таких партиях *курташ*, как 55 каменотесов, «которые прибыли из Египта в Персию», 313 сирийских *курташ*, 201 сирийский, египетский и ионийский *курташ*, 72 карийских каменотеса, 1149 «разноплеменных» ремесленников и т. д.

О том, что среди *курташ* были ионийцы (или, возможно, другие греки), свидетельствуют и краткие греческие надписи в одной каменоломне недалеко от Персеполя, в западной части горы Кух-и Рахмат. На скале каменоломни написано ионийскими буквами: «Я (т. е. скала) принадлежу Питарху». Очевидно, эта скала была резервирована для грека Питарха и его товарищей для будущих разработок камня. Недалеко от той же каменоломни другой грек, по имени Никон, также увековечил свое имя. По эпиграфическим данным, эти надписи датируются началом V в. [199, с. 31 и сл.]. В Персеполе найдены также зарисовки на камне двух человеческих голов, которые были работой греческих мастеров [367, с. 73 и сл.]. Однако, возможно, что ионийцы, упоминаемые в персепольских текстах, были не греками, а автохтонными жителями Малой Азии (ср. ниже, с. 192).

Согласно изданным текстам, *курташ* были размещены в 108 городах и селениях по всей Персии и Эламу, обслуживая громадное царское хозяйство, подобного которому в I тысячелетии до н. э. не было на Ближнем Востоке. В этих 108 населенных пунктах в 509—494 гг. находилось 16 186 *курташ*, в каждой местности от нескольких человек до тысячи человек (иногда и по несколько тысяч работников). Однако эта цифра является не полной, поскольку сюда не включены те работники, местопребывание которых в текстах не указано. Кроме того, часть хозяйственных текстов

³¹ *Iškudra*. Страна и народ *Skudra* известны также из ахеменидских надписей, и, судя по их географическому расположению в перечнях провинций Персидской державы, они соответствуют Фракии и Македонии.

еще не обнаружена, а многие уже раскопанные тексты пока остаются неизданными. Наконец, часть документов плохо сохранилась, и они не всегда могут быть учтены.

Если взять число *курташ* во всех опубликованных документах крепостной стены (т. е. в период между 509—494 гг.), получаются следующие цифры (проценты даны округленно):

Всего	мужчин	женщин	мальчиков	девочек
21,575	8183	8564	2687	2142
100%	37,5%	39,8%	12,7%	10%

Как видно из приведенных данных, мужчин и женщин (а также подростков обоего пола) было приблизительно одинаковое количество. Это заставляет полагать, что *курташ*, как правило, жили семьями. Например, в местности Бактиш находилась группа из 50 каппадокийских *курташ*, состоявшая из 19 мужчин, 19 женщин, 6 мальчиков и 6 девочек. Другая группа из 65 каппадокийских *курташ* состояла из 28 мужчин, 27 женщин, 7 мальчиков и 3 девочек. В одной партии бактрийских и термилских работников было по 13 мужчин и женщин, 4 мальчика и 1 девочка. Среди карийских ремесленников было по 27 мужчин и женщин, 13 девочек и 3 мальчика [ср. 327, с. 32 сл.; 35, с. 329, примеч. 2]. В одной партии фракийских *курташ* было 60 мужчин, 59 женщин, 9 мальчиков и 5 девочек. В ряде текстов соотношение мужчин и женщин не одинаковое. Например, в группе 145 работников было 47 мужчин, 37 женщин, 34 мальчика и 31 девочка. В некоторых текстах наблюдается значительная диспропорция между числом мужчин и женщин. Например, группа из 167 работников состояла из 6 мужчин, 16 мальчиков, 130 женщин и 15 девочек. В группе из 244 работников было 49 мужчин, 111 женщин, 45 мальчиков и 39 девочек. Среди 124 вавилонских *курташ* в местности Барниш было 6 мужчин, 31 женщина, 59 мальчиков и 28 девочек. В некоторых партиях мужчин совсем не было, а только женщины и дети. Упоминаются также значительные партии, состоящие исключительно из женщин. Но наряду с этим были и отдельные специализированные мужские отряды, состоящие из кузнецов, каменотесов и других ремесленников.

Работников в соответствии с хозяйственными потребностями перебрасывали с места на место. Такие перемещения производились по распоряжению надзирателей над *курташ*, а также высокопоставленных чиновников Зишпавиша и Фарнака, иногда и самого царя. Например, в Тамуккан направляются 547 египетских *курташ*, 150 фракийцев и еще 304 других работника. В Элам (в некоторых текстах сказано, что в Сузы) посылаются 108 каппадокийцев, 100 термилов, 262 других *курташ* и т. д. Один документ свидетельствует о перемещении 1500 работников из Персеполя в Сузы. Большие партии *курташ* направляются также в Персеполь, Матез-зиш и т. д.

Продолжительность работы *курташ* прямым образом не засвидетельствована. Многие тексты фиксируют выдачу им продовольствия за 6—7 и 10—11 месяцев, а иногда и за целый год. Следовательно, *курташ* работали в царском хозяйстве круглый год. Можно установить, что одна и та же партия *курташ* работала и в течение более длительного периода времени, т. е. два года и более.

В большинстве случаев *курташ* работали группами по несколько сот человек, а некоторые документы говорят о партиях *курташ* численностью более тысячи человек. Такие партии делились на более мелкие подразделения, во главе которых стояли десятники и сотни ³².

После издания табличек сокровищницы исследователи резко разошлись в своих мнениях по вопросу о плате или рационах, которые получали *курташ*. По мнению одних, довольствие, выдаваемое для *курташ*, являлось голодными пайками. Другие, наоборот, считают, что *курташ* не только не голодали, но получали довольно высокую плату.

Регулярная плата или рационы для *курташ* называется *gal*. В некоторых арамейских приписках к эламским документам *gal* переведено через слово со значением «довольствие, пайки». Однако значение эламского коррелята гораздо шире, так как он определенно обозначает не только довольствие и денежную плату для *курташ*, но и жалованье чиновников государственного аппарата (в том числе самых высокопоставленных лиц, например заведующего царским хозяйством Фарнака), дорожные рационы для гонцов и т. д., а также корм для скота.

Регулярная плата *курташ* выдается зерном (обычно ячменем, реже пшеницей и просом, а во время нахождения в пути мукой), вином или пивом и растительным маслом. Обычно мужчины получают 3 *бара* (29,1 л) зерна в месяц, женщины — от 2 до 3, подростки обоего пола — 0,5 до 2,5 (причем девочкам выдается меньше, чем мальчикам), или в пересчете на дневную норму приблизительно от 0,5 л (низшая ставка для подростков) до 1 л (нормальная ставка для мужчин) [ср. РГ, с. 5; 382, с. 431—432; 384, с. 274]. Для сравнения можно отметить, что 118 «свободных» во время деловых поездок в день получали по 1,5 *ка* (ок. 1,5 л), а 173 «слуги» — по 1 *ка* муки. Для чиновников, которые ездили по государственным делам в различные районы, обычно выдавали в день по 1,5 *ка* муки, а женщинам и подросткам, по тем или другим обстоятельствам сопровождавшим этих чиновников, — по 1 *ка*.

³² Такое же деление рабочих групп засвидетельствовано и в арамейских папирусах из Египта. Например, в Мемфисском арсенале, где строили, снаряжали и ремонтировали государственные корабли, работали мастера из разных концов державы (вавилоняне, финикийцы, хорезмийцы и т. д.), которые были распределены на бригады [AG, с. 52—62]. Очевидно, по всей Ахеменидской державе была единая организация комплектования рабочих бригад из представителей различных племен [ср. 327, с. 41 и сл.; 118, с. 190].

Некоторые работники получали и большее количество зерна. Максимальная ставка зернового довольствия равнялась 6 *барам*; но такую плату получали лишь считанные единицы. Хотя женщинам в большинстве случаев выдавали 2 *бара* зерна в месяц, некоторые женщины (главным образом старшины над рабочими бригадами) получали до 5 *баров*. 16 термилам, размещенным в Раккане, выдавали по 5 *баров* зерна в месяц. На такой же ставке находилось 17 ионийцев. 9 лидийских кузнецов получали по 4,5 *бара* зерна. В нескольких документах зафиксирована выдача зерна для крупных партий работников (694, 702 и 677 человек), причем 1 мужчина получает 5 *баров*, 49 мужчин — по 4, 31 мужчина — по 3,5, 4 женщины — по 5, 128 женщин — по 4, остальные по обычным нормам. Писцы (персы и вавилоняне) — от 1 до 4 *баров*, при этом персидским подросткам выдавали не менее 3 *баров*, а вавилонским — только 1–2 *бара*.

В единичных случаях половина ячменного рациона заменялась фруктами или другими продуктами. По мнению Р. Т. Халлока, такая замена вызывалась кратковременными трудностями в снабжении ячменем [РГ, с. 32 и сл.]. Примечательно указание ряда документов, согласно которым с государственных складов было отпущено 120 *баров* ячменя для жертвоприношений богам Ахура-Мазде и Мишдуши, а «затем *курташ* съели [это зерно]».

По свидетельству пока изданных текстов, в 22-м году царствования Дария I (500 г.) управлением царского хозяйства было израсходовано 26 228,2 *бара* (ок. 262 280 л) зерна и муки, из которых в качестве продовольствия для *курташ* было выдано 16 212,7 *бара*.

Кроме зерна работникам выдавали также сезамное масло обычно из расчета 1 *ка* (0,97 л) в месяц. В одном документе зафиксирована выдача для 34 *курташ* в местности Хутпирри зернового рациона, а в другой табличке говорится о выдаче сезама тем же лицам приблизительно за тот же рабочий период. 410 *курташ* получали в месяц по 1 *ка* сезама. Однако ведомостей о выдаче сезама мало, и, возможно, что не все *курташ* получали растительное масло.

Взрослым работникам сверх зерна и сезама выдавали также от 1 до 3 *марришей* (ок. 10–30 л) вина или пива в месяц. Халлок отмечает, что два текста, составленных в одном и том же месяце, фиксируют выдачу для 1 мужчины и 1 женщины, работавших в местности Питтаннан, как зерна, так и вина [РГ, с. 30 и сл.]. Однако подобных текстов мало, и, возможно, что винные рационы получали не все *курташ*, а только наиболее квалифицированные работники [ср. 384, с. 274]. Из 259 работников 1 мужчина получал 3 *марриша* вина в месяц, 29 мужчин — по 2, 145 мужчин — по 1, 5 женщин — по 3 и 78 женщин — по 1. 3 *марриша* вина женщины получали редко, главным образом лишь старшины бригад. 100 термилов, посланных в Элам, получали в пути по $\frac{1}{30}$ *марриша* вина ежедневно, т. е. по 0,97 л. Иногда вместо вина выдавали пиво, обычно по 1 *ка* в день.

Мясо получало лишь небольшое число работников, наиболее квалифицированные ремесленники и старшины рабочих групп. Например, в соответствии с письменным указанием Фарнака 5 женщинам, назначенным руководителями над *курташ* соответственно в пяти поселениях, за 19 месяцев было выдано по 4 барана каждой. 163⁴/₅ барана было распределено среди 177 мужчин-ремесленников, работавших в Персеполе в течение пяти месяцев, причем 6 человек получили по ²/₃ барана каждый, 21 — по ¹/₂, 14 — по ¹/₃, остальные — лишь от ¹/₆ до ¹/₁₅. Другими словами, эти лица в месяц получали лишь от ¹/₇ до ¹/₇₅ барана каждый.

До сих пор речь шла о довольствии или плате, которая выдавалась *курташ* регулярно. Эта полная плата для одних групп ограничивалась зерном, другие получали еще вино или пиво, а некоторые сверх всего этого — также растительное масло и мясо. Иногда работникам от случая к случаю выдавали также и дополнительные пайки зерном (или мукой), сезамом, инжиром и другими сухофруктами (лишь в одном случае и мясом) [ср. RF, с. 36]. 47 фракийцам за шесть месяцев было выдано 32,9 *бара* муки, т. е. каждому по 7 *ка*, или около 1 л за каждый месяц. 64 *курташ* в течение шести месяцев получали в месяц по 1 *ка* муки каждый.

Дополнительные винные рационы, по-видимому, выдавались раз в два месяца обычно по 1 *ка* на человека или еще меньше. Иногда вино заменялось пивом. Например, 104 *курташ* получили каждый по 0,5 *ка* пива. О выдаче дополнительного довольствия мясом имеется только один текст, согласно которому в Урандуше 751 *курташ* получил баранину из расчета 1 баран на каждые 30 человек. Наконец, *курташ* в качестве дополнительного довольствия получали инжир, финики или другие фрукты, обычно по 1 *ка* в месяц на каждого. В одном документе зафиксирована выдача инжира и фиников 42 работникам, которым почти одновременно было отпущено и вино.

Особое дополнительное довольствие отпускалось для *курташ*-роженниц (среди них были ионянки, фракийки и т. д.). При этом женщины, родившие мальчиков, получали неизменно в два раза больше тех, у кого родились девочки³³. Каждой из них выдавали 0,5—1 *марриш* вина или пива, вероятно, за год, а также соответственно 1—2 *бара* зерна или муки, по-видимому, также за год.

Обычный рабочий период, за который *курташ* получали плату или пайки, равнялся месяцу, но иногда несколькими дням или месяцам. Например, согласно одному документу, 80 работников получали довольствие «месяц за месяцем». Другой текст содержит распоряжение заведующего царским хозяйством Фарнака о выдаче

³³ Мимоходом отметим, что, согласно текстам, младенцев обоего пола было приблизительно одинаковое число. Например, документ 1219 говорит о 40 женщинах, родивших мальчиков, и 42 матерях девочек. Р. Т. Халлок отмечает, что общее число младенцев-*курташ*, упомянутых в изданных текстах, равняется 449, из них 247 (55%) — мальчики [RF, с. 37].

вина золотых дел мастерам «месяц за месяцем». Работники, которые находились в пути, получали довольствие ежедневно.

Но иногда плату выдавали с опозданием на два месяца и более. Халлок, рассматривая указание одного документа о том, что «*курташ* еще не получили рационов», полагает, что вряд ли работники могли оставаться без пищи. По его мнению, местные интенданты выдавали довольствие регулярно, а затем им с государственных складов в порядке возмещения отпускали соответствующее количество продуктов [РФ, с. 57]. Однако, скорее всего, у *курташ* оставались излишки, за счет которых они существовали при опоздании с получением довольствия, или же часть *курташ* могла иметь свое небольшое хозяйство. Определенный интерес представляет письмо Фарнака, адресованное Иршене, надзирателю над *курташ*, в котором содержится распоряжение выдать 15 *баров* муки одному ассирийскому мастеру по дереву за работу в течение пяти месяцев с III по VII месяц 24-го года царствования Дария I. Само письмо датировано V месяцем того же года, и, следовательно, плата была выдана с опозданием на 2 или 3 месяца.

Плата *курташ* была постоянной для одной и той же группы. Например, в V—VII месяцы 23-го года группа фракийцев получает следующее довольствие: 16 мужчин — по 3 *бара* зерна и 8 женщин — по 2 *бара*. Очевидно, в другие месяцы, от которых пока нет сведений, плата была такая же. 4 *курташ* сокровищницы в Анкараккане в течение 20-го и 22-го годов получили одну и ту же плату (2 мужчин — по 3 *бара* зерна в месяц, 1 женщина — 2 *бара* и 1 девочка — 1,5). Согласно одному документу, 27 работников будут получать ежемесячно 46 *баров* зерна «как *курташ*, состоящие на рационах в [местности] Ибараш».

Все сказанное выше относится к системе оплаты в период табличек крепостной стены, т. е. в 509—494 гг. Позднее в методах оплаты *курташ* и ее размерах произошли значительные изменения. В частности, работникам стали платить и деньги. Денежная плата для *курташ* в сохранившихся текстах сокровищницы появляется в 32-м году Дария I (490 г.), где отмечается, что вместо мясного пайка работникам выдавали серебро [384, с. 274—275]. Так, согласно РТТ 9, каменотесам, которые «прибыли из Египта в Персеполь», за месяц вместо баранины выдали деньги: 11 мужчинам — по 3 сикля серебра, 20 — по 1,5 и 24 — по 1. В том же, 490 г. группа *курташ* в течение семи месяцев получала денежную плату [РТТ 2], а один египетский мастер по дереву в ранге сотника в течение пяти месяцев зарабатывал по 6,5 сиклей серебра в месяц [РТТ 1]. В тексте сказано, как и в большинстве других аналогичных случаях, что серебро было дано ему как *šak*. В 1948 г. Дж. Камерон переводил это слово и его различные варианты как «эквивалент», полагая, что плата *курташ* исчислялась в серебре, но часть ее выдавалась натурой [РТТ, с. 52—53]. Но в 1958 г. он предложил перевести это слово как «остаток», считая, что *курташ*, кроме серебра получали также довольно крупные натуральные выдачи,

размеры которых в документах сокровищницы не указаны. По мнению Камерона, эти натуральные выдачи фиксировались в особых текстах, которые пока еще не найдены [RTTON, с. 163 и сл.].

Многие исследователи не согласились с переводом *šak* как «остаток» и полагают, что большая часть *курташ* получала скудные пайки. Р. Т. Халлок переводит это слово как «соответствующая (плата)», И. М. Дьяконов и В. Хинц — как «замена» [343, с. 91 и сл.; 36, с. 84; 378, с. 243]. Такое толкование, по существу, совпадает с переводом «эквивалент» или «соответствующая плата». Хинц указывает, что семантически слово это связано с однозвучным *šak* — «сын», поскольку по эламским представлениям сын является заменой умершему отцу [384, с. 275]. Позднее Камерон также вернулся к своему прежнему переводу *šak* как «эквивалент» [NTPT, с. 171], и теперь перевод «замена» можно считать определенно установленным, так как в одной табличке крепостной стены говорится о выдаче для 120 *курташ* фрутков вместо ячменя [384, с. 275].

Начиная с 7-го года Ксеркса (479 г.) в табличках сокровищницы, как правило, стали отмечать для учета размеры как денежной, так и натуральной платы *курташ*. Другими словами, в документах писцы стали указывать, что выдаваемое работникам серебро является $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ их общей оплаты, остальная часть которой выдавалась натурой по тарифу 1 баран за 3 сикля и 1 кувшин (9,7 л) вина за 1 сикль серебра. При этом такой тариф цен оставался неизменным по крайней мере в 492—458 гг. Хинц сначала высказал предположение, что частичная замена натуральной платы денежной производилась управлением царского хозяйства во всех тех случаях, когда работники просили об этом. Такая замена была выгодна для последних, так как при разделе барана, скажем, на 10—20 человек часть *курташ* оказывалась обделенной. Кроме того, управление могло выдать низкосортного барана. Поэтому многие работники отказывались от мясных и винных пайков, чтобы купить эти продукты на свободном рынке [382, с. 432—433]. Позднее Хинц пришел к выводу, что замена натуральной оплаты денежной производилась как в конце царствования Дария I, так и при Ксерксе и Артаксерксе I лишь в порядке исключения для определенных категорий работников в отличие от большинства *курташ*, которые должны были ограничиваться продуктами и вообще не получали серебра. Что же касается зерновых пайков, ни один работник не мог отказаться от них, и поэтому эти пайки не заменялись деньгами [384, с. 276—279]. Исключение составлял 467-66 хозяйственный год, когда ощущался острый недостаток ячменя, цена которого по сравнению с обычной повысилась почти в восемь раз [343, с. 94; 384, с. 279]. Поэтому аппарат управления в течение этого трудного года выдавал работникам деньги, исходя из нормальных цен на ячмень, что, естественно, было невыгодно для *курташ*.

Остановимся на некоторых табличках сокровищницы, фикси-

рующих плату для *курташ*. Согласно РТТ 42, эквивалент половины месячной платы 190 работников в Ширазе в 467 г. составил по $3\frac{3}{4}$ сикля серебра для 12 мужчин и по 2,5 сикля для 78 женщин, а для подростков обоего пола — от 2,5 до $\frac{5}{8}$ сикля (причем $\frac{5}{8}$ сикля получили 20 девочек). Половина месячной платы карийских ремесленников в Персеполе равнялась для 1 мужчины — $4\frac{1}{6}$ сикля, 26 мужчин — по 2,5, 27 женщин — по $1\frac{2}{3}$ и для подростков обоего пола — от $\frac{5}{8}$ до $\frac{5}{12}$ сикля [РТТ 37]. Карийские каменотесы получали: 1 мужчина — $6\frac{1}{4}$ сикля, 26 мужчин — по $3\frac{3}{4}$, 4 мальчика — по $1\frac{1}{4}$, 1 мальчик — $\frac{5}{8}$, 27 женщин — по 2,5, 5 девочек — по $1\frac{7}{8}$, 3 девочки — по $1\frac{1}{4}$ и 4 девочки — по $\frac{5}{8}$ [NTPRT 2]. 3 каменотеса получали в месяц по 1 сиклю, 1 — $\frac{1}{2}$ сикля и 3 других — по $\frac{1}{3}$ [NTPRT 1]. 957 вавилонским (?) добытчикам камня было выдано за месяц: 660 мужчинам — по $1\frac{1}{2}$ сикля, 203 женщинам — по 1 сиклю, а подросткам обоего пола — от 0,5 до 1 сикля [NTPRT 20]. 4 пивовара получили по $3\frac{3}{4}$, а 1 мальчик — $1\frac{7}{8}$ сикля [РТТ 38]. Пивоварам из другой группы выдавалась плата по следующим ставкам: 19 мужчин — по $3\frac{1}{3}$ сикля, 2 мальчика — по $1\frac{2}{3}$, 3 мальчика — по $\frac{1}{2}$, 9 женщин — по 2 сикля и т. д. [РТТ 46]. Одному египтянину, пивовару, работавшему в Персеполе, было выдано 2,5 сикля [NTPRT 16]. Виноделам было выдано: для 12 мужчин по $3\frac{1}{3}$ сикля, а для 9 мальчиков — по 2 и остальных 9 мальчиков — по 1 сиклю [NTPRT 14]. По свидетельству РТТ 39, в 466 г. в Персеполе работала партия *курташ* из 1348 человек, из которых четверо мужчин получали по 7,5 сиклей в месяц, 8 мужчин — по 6, 270 мужчин — по $4\frac{1}{3}$, 5 женщин — по $6\frac{1}{4}$, 303 женщины — по 5, 150 женщин — по $3\frac{3}{4}$, 38 женщин — по 3, 56 женщин — по 2, подростки — от $3\frac{1}{8}$ до $\frac{5}{8}$ сикля. Во всех указанных выше случаях речь шла лишь о половине месячной платы, остальная часть которой выдавалась натурой. Другими словами, если удвоить приведенные выше цифры, мы получим суммы полных ставок месячной платы.

В 466 г. 612 мастеров по дереву в течение трех месяцев в качестве $\frac{1}{3}$ своей месячной платы ($\frac{2}{3}$ платы им было выдано вином) получали по $\frac{2}{3}$ сикля (385 человек), $\frac{1}{2}$ (76 человек) и $\frac{1}{3}$ сикля [РТТ 75]. В документе РТТ 79 фиксируется выдача ремесленникам $\frac{2}{3}$ их месячной платы (остальную $\frac{1}{3}$ они должны были получить вином) в течение полугода по следующим ставкам: 788 мужчин по $\frac{2}{3}$ сикля, 85 — по $\frac{1}{2}$ и 271 — по $\frac{1}{3}$ сикля.

Судя по текстам, максимальная полная плата *курташ* в период табличек сокровищницы в денежном исчислении доходила до 15 сиклей (половина ее обычно выдавалась натурой). Но такую высокую плату получали лишь считанные единицы, а именно самые высококвалифицированные ремесленники, возглавлявшие рабочие бригады. Минимальная оплата серебром равнялась $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ сикля в месяц. Обычная денежная плата работников колебалась между $3\frac{3}{4}$ и $\frac{2}{3}$ сикля в месяц. При этом *курташ* со ставкой около $3\frac{3}{4}$ сикля серебра получали в месяц натуральную оплату на та-

кую же сумму, а ставки $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ сикля обычно равнялись $\frac{1}{3}$ общей оплаты. Для сравнения можно отметить, что счетоводы получали в месяц по 5,5 сикля серебра.

Особенно резкую градацию в оплате различных групп *курташ* невозможно установить. Такая градация, скорее, наблюдается внутри отдельных групп. Другими словами, если не все *курташ* получали одинаковую плату, то это нередко зависело от их ремесла, квалификации, интенсивности труда, размера и качества выполненной работы, а также пола и возраста.

Теперь обратимся к параллельным источникам. Как уже говорилось, в арамейских и вавилонских текстах (главным образом в документах архива Мурашу) ахеменидского времени встречается термин *гарда*. В. Б. Хеннинг указал, что это слово, как и эламское *kurtaš*, является транскрипцией соответствующего древнеиранского слова со значением «домашний раб».

В окрестностях Ниппура во второй половине V в. *гарда* были посажены на землю. В некоторых текстах отмечается, что поля, принадлежавшие *гарда*, граничили с полями других лиц. Нередко *гарда* сдавали свои поля и финиковые рощи в аренду дому Мурашу. Например, поля *гарда*, расположенные по берегам нескольких каналов, находились в аренде у дома Мурашу, который ежегодно выплачивал Патап-Эси, «начальнику над *гарда*», 30 *кур* (4500 л) ячменя (UM 91). Документ составлен в Ниппуре в 420 г. Дом Мурашу внес в качестве арендной платы за 28-й год Артаксеркса I (437 г.) с полей, расположенных по берегам каналов в местности Бит-киппу близ Ниппура, 20 *кур* (3000 л) проса, не считая 160 *кур* (24 000 л), выплаченных ранее [BE IX, 15]. Арендную плату получил некий Бица, начальник над *гарда* местности Бит-киппу, который в конечном итоге должен был доставить просо агенту персидского чиновника Артамбара. В 424 г. упомянутый выше Бица получил арендную плату с полей, принадлежащих *гарда* и расположенных по берегам нескольких каналов (UM 2). Оплата была произведена по письменному распоряжению «начальника над *гарда*». В 420 г. дом Мурашу доставил 47 *кур* (7057 л) ячменя, 3 бочки пива, 2 баранов и 4,5 *пана* (135 л) муки в качестве арендной платы с орошаемых полей в местности Тахмая, принадлежавших *горда* [BE X, 92]. В том же году управляющий царевича Ахемена и один *гарда* получили от дома Мурашу арендную плату с полей Ахемена [UM 202].

Поля одного из ахеменидских царевичей в 420 г. были отданы в аренду дому Мурашу. В соответствии с распоряжением управляющего имуществом царевича арендная плата (294 *кур*, т. е. 44 100 л ячменя) была получена кассиром *гарда* и распределителем продовольствия для *гарда* [BE X, 95]. Оба получателя должны были доставить ячмень к управляющему царевича и начальнику над *гарда*.

Как можно заметить из приведенных текстов, часть вавилонских *гарда* была посажена на землю, а другая часть получала за

свою работу довольствие. *Гарда* упоминаются в вавилонских документах только в связи с ахеменидскими царями («*гарда*, принадлежащие царю») и членами царской семьи. Судя по собственным именам, *гарда* состояли из вавилонян и египтян. Они находились под надзором особых чиновников.

Рассмотрев вавилонские тексты ахеменидского времени, Г. Эйлерс пришел к выводу, что характер функций *гарда* не выясняется из документов, но, скорее всего, это были люди, прикрепленные к определенным имениям и работавшие в принудительном порядке [263, с. 193 и сл.]. Г. Кардашиа считает, что *гарда* составляли контингенты войска или работников, которые были тесно связаны с имениями царевичей [195, с. 79, примеч. 1].

Относительно юридического статуса *курташ* в литературе высказывались противоречивые мнения. В частности, одни исследователи полагают, что *курташ* были военноопленными, обращенными в рабов [374, с. 349; 277, с. 505]. Другие исследователи видят в *курташ* низы свободного населения персов, потерявшие свои земельные наделы и в массовом числе по экономическим причинам или принудительно работавшие в хозяйствах царей и знати [96, с. 36]. Согласно Дж. Камерону и Э. Шмидту, часть *курташ* — свободные персидские ремесленники, а остальные прибыли в Иран из других стран [PITTON, с. 163—165; 627, т. I, с. 161, примеч. 34]. И. М. Дьяконов, наоборот, считает, что основная масса *курташ* состояла из рабов, хотя среди них могло быть некоторое число свободных общинников, привлеченных в порядке повинности на царя. Это предположение он, в частности, аргументирует тем, что более трех тысяч человек не могли работать на царя по найму, учитывая слабую развитость персидского общества [36, с. 82—88]. Я. Харматта полагает, что *курташ* — полусвободные люди, посаженные на царской земле [348, с. 208]. Остановимся на этом вопросе более подробно.

В документе RF 1092 говорится о 80 «*курташ* царя», которые состояли на пайках в местности Каркутия, а RF 1127 упоминает «царских *курташ*», получавших рационы в Марсашкаш. Очевидно, в преобладающем большинстве остальных случаев также подразумевается, что *курташ* принадлежали царю, т. е. были государственными работниками. Но в ряде текстов упоминаются и *курташ*, принадлежавшие определенным лицам. Многие тексты говорят о крупных партиях *курташ* (согласно одному документу, 490 человек, в других табличках — по несколько сот работников), принадлежавших женщине по имени Ирдабама, по всей вероятности, близкой родственнице царя [ср. RF, с. 29]. Ее работники были размещены в Ширазе, Тамуккане, Тукраше и Туртуккане. В табличке RF 1029 фиксируется выдача продовольствия для 344 *курташ* Ирдабамы за 24-й год. Интересно отметить, что в RF 1030 от 25-го года упоминается та же партия работников (теперь 241 человек) почти в той же половозрастной градации, однако они не названы *курташ* Ирдабамы. Очевидно, это случайный пропуск.

В двух документах говорится о *курташ*, принадлежавших Ирташдуне (жене Дария I). Эти тексты подтверждают, что в Иране *курташ* работали не только в царском хозяйстве, но и в имениях знати, как это имело место в Вавилонии и Египте.

Надсмотрщиками над *курташ* в большинстве случаев, судя по собственным именам (например, Огана, Барадкама, Аспатин и т. д.), были персы или другие иранцы, а в некоторых случаях также эламиты, вавилоняне и др. Они назначали на работу *курташ* и следили за выполнением возложенных на них заданий. Плату для *курташ* выдавали в соответствии с письменными распоряжениями их надсмотрщиков. Более мелкие начальники рабочих групп (сотники и десятники) назначались из состава самих *курташ* (например, несколько раз упоминаются египетские мастера-сотники). Общий надзор над *курташ* осуществлял управляющий царским хозяйством Фарнак.

Вряд ли среди *курташ* было сколько-нибудь значительное число персов. Как отмечалось выше, лишь один раз в текстах персы названы *курташ* (мальчишки-писцы). Возможно также, что среди пастухов и виноградарей также были работники персидского происхождения. Бенвенист отмечает, что в тексте Fort. 3707 упоминаются *курташ*-мараппияш, а последнее название соответствует названию персидского племени марафиев, упоминаемого Геродотом [140, с. 56]. Но другие данные не содержат каких-либо сведений, позволяющих полагать, что персы работали в числе *курташ*-ремесленников. В частности, из надписи о строительстве дворца Дария I в Сузах видно, что персы в отличие от вавилонян, ионийцев и др. не принимали участия в сооружении этого дворца. Очевидно, в Персеполе аналогичные работы выполняли представители этих же и других народов.

Из персепольских документов видно, что по меньшей мере преобладающее большинство *курташ* состояло из чужеземцев. Интересно отметить, что среди *курташ* нет арабов, хотя в текстах крепостной стены несколько раз упоминаются арабы — чиновники, находившиеся на царской службе. Вероятно, это объясняется тем, что арабы считались не подданными, а союзниками персов (см. ниже с. 196].

Ахемениды обращали в рабство население ряда областей и городов, когда оно поднимало восстания против персидского господства. Например, Кир II велел продать в рабство соседнее с Лидией прибрежное население (Herod. I, 156). Камбиз угнал в Азию для сооружения дворцов 6000 египетских ремесленников (Diod. I, 46, 4). По приказанию Дария I жители города Барка в Северо-Западной Африке, взятые в плен милетцы, афиняне, жители островов Лемнос и Наксос, а также племя пеонов были обращены в рабство и уведены с мест их жительства. В частности, баркияне, по словам Геродота (IV, 203—204), получили для жительства деревню в Бактрии, которая существовала еще тогда, когда отец истории писал свой труд [об этих переселениях см. подробно: 218,

с. 150 и сл.]. Эретрийцы на острове Эвбея, оказавшие сопротивление персидской армии, в 490 г. были выселены в местность Ардерикка близ Суз [338, с. 350 и сл.]. Геродот (VI, 119) пишет, что Дария I велел поселить их в своем поместье. Можно не сомневаться, что эти эретрийцы были на таком же положении, как и *курташ*, которые многократно упоминаются в персепольских документах. Артаксеркс III переселил восставших иудеев в Гирканию. Диодор (XVII, 69) и Курций Руф (V, 5) рассказывают, что, когда Александр Македонский приближался к Персеполю, навстречу ему вышли 4000 греческих пленных ремесленников (по Диодору, их было около 800 человек). Все они были изуверены, чтобы лишить их возможности бежать. Многим были отрублены ноги или руки. Часть их была клеймена. Однако те части тела, которые были нужны для выполнения их профессиональной работы, оставались невредимыми. Очевидно, эти греки составляли часть *курташ*. Курций (V, 4,4) рассказывает также о воине, который был взят в плен в Лидии и затем работал пастухом в окрестностях Персеполя. Вряд ли можно сомневаться в том, что этот пастух был одним из *курташ* царского хозяйства.

Можно упомянуть также, что в 345 г. из восставшего финикийского города Сидона по приказанию Артаксеркса III часть военнопленных была направлена в Сузы [ВНТ, с. 148 и сл.]. Очевидно, эти финикийцы по своему статусу не отличались от *курташ*.

Значительную часть пленных направляли в хозяйства персидских царей и вельмож, остальных сажали на землю. Последние вели самостоятельное хозяйство и платили царю подати. Очевидно, часть *курташ* состояла из людей, обращенных Ахеменидами в рабство и насильственно угнанных в Иран. Можно упомянуть также, что в египетских имениях сатрапа Аршамы среди *гарда* было много чужеземцев, в том числе и киликийцев³⁴. В одном из писем Аршамы к управляющему его имениями Нехтихору ярко характеризуются способы добычи рабов. Во время подавления восстания в Египте прежний управляющий добывал много *гарда*-ремесленников из разных мест, а также другое имущество и присоединял все это к собственности Аршамы. Теперь, во время нового восстания в Нижнем Египте, управляющие заботятся о *гарда* и имуществе своих хозяев, а также добывают их из других мест. А Нехтихор не делает ничего этого, хотя Аршамы уже предупреждал его, чтобы он охранял и увеличивал имущество своего господина. Да-

³⁴ Ср. AD, V, где приведены имена (за несколькими исключениями все они малоазийские) 13 киликийцев — *гарда* Аршамы. В другом письме (XII) содержится приказание Аршамы направить в распоряжение персидского вельможи Варфиша пять киликийцев, не считая пяти других, которые по просьбе последнего были посланы прежде из Египта в Вавилон. Наконец, в письме VI упоминаются два киликийца — рабы Аршамы, которые временно находились в Сузах. А. Гетце указывает на то, что Киликия являлась поставщиком рабов и для ассирийцев позднего времени [326, с. 55]. Ср. также сообщение Ксенофонта (Anab. I, 2, 27) о том, что воины Кира Младшего увели из Киликии в рабство много людей.

лее Аршама приказывает Нехтихору, чтобы тот добывал *гарда*-ремесленников в большом количестве, клеймил их тамгой Аршамы и включал в его хозяйство, как это делали прежние управляющие, а в противном случае он подвергнется суровому наказанию [AD VII; см. подробно: 36, с. 76 и сл.]. Это письмо, по-видимому, является свидетельством того, что *гарда* (или часть их) были рабами, поскольку их клеймили и приравнивали к другому имуществу. В другом письме Аршама пишет Араманию, начальнику воинского отряда в Египте, что, по сообщению его управляющего Псамшека, Арамания со своим отрядом не подчиняется Псамшеку в вопросах защиты интересов хозяина. Поэтому Аршама предупреждает Араманию, что в делах, связанных с защитой и умножением его имущества, он должен слушаться Псамшека, а иначе подвергнется наказанию [AD IV]. По-видимому, подчиненный Арамании отряд войска должен был помогать Псамшеку в угоне людей, чтобы включить их в хозяйство Аршамы.

Некоторые *гарда* находились на постоянном довольствии, но могли владеть определенным имуществом. Согласно одному письму, Аршама, узнав, что Нехтихор избил *гарда*, принадлежавших персидскому вельможе Варфишу, и отнял их имущество, а также присвоил вино и урожай с имений самого Аршамы, расположенных в Папремисе, приказывает своему управляющему немедленно восстановить весь ущерб и вернуть *гарда* все их имущество [AD XII].

Все сказанное позволяет предполагать, что в результате мировых завоеваний Ахеменидов в царском хозяйстве и в хозяйствах персидской знати произошел резкий скачок от примитивного патриархального рабства к интенсивному использованию труда чужеземных работников в сельском хозяйстве, а отчасти и в ремесле. Часть этих чужеземцев эксплуатировалась как рабы, а остальные — как полусвободные люди, посаженные на царской земле.

Значительное число рабов, выполнявших домашние работы на Ахеменидов и персидскую знать (пекари, повара, виночерпии, евнухи и т. д.), также вербовались из представителей покоренных народов. Одна только Вавилония обязана была ежегодно поставлять для этих целей персидскому царю 500 мальчиков в виде подати (ср. ниже, с. 194). Некоторое число таких рабов персы покупали и на невольничьем рынке (Herod. VIII, 105).

Тот факт, что слова *garda* и *kurtaš* являются различными транскрипциями одного и того же термина, наводит на мысль, что и *курташ*, работавшие в Персеполе, также являлись рабами, поскольку *гарда* можно было клеймить. Кроме того, само слово *grda*, как уже говорилось, означает «домашний раб». Характерно также, что *курташ*-роженцы получали продукты с государственных складов бесплатно. Это, очевидно, свидетельствует о том, что они — зависимые люди, которые должны были остаться в Иране и работать в царском хозяйстве, т. е. их статус был наследственным. Выше было отмечено, что матери мальчиков получали в

два раза больше дополнительного довольствия, чем матери девочек. Отсюда Р. Т. Халлок делает вполне закономерный вывод, что государство было заинтересовано в увеличении мужской рабочей силы [РФ, с. 37].

Однако слово *kurtas* со временем приобрело и более широкое значение «работник», и поэтому оно обычно предшествует определению с указанием различных специальностей ремесленников³⁵. Этим объясняется и то, что в разряд *курташ* включаются, в частности, и писцы, в том числе и персидские, которые вряд ли могли быть рабами. Кроме того, в арамейских глоссах к текстам крепостной стены слово *курташ* передается через *gbrn* — «мужчины» [РФ, с. 717—718]. Халлок справедливо отмечает, что *курташ* — люди простые, безымянные [РФ, с. 718]. Тем не менее по своему составу и юридическому положению *курташ* не были однородны. По всей вероятности, среди них кроме рабов было некоторое число лично свободных людей из низов персидского общества. Кроме того, *гарда* в Вавилонии составляли контингент работников, прикрепленных к царскому хозяйству и к имениям знатных персов. Однако этих работников трудно считать рабами. Скорее, они были полусвободными людьми.

Наконец, следует учесть также данные ряда вавилонских документов, которые свидетельствуют о том, что вавилонянам приходилось ездить в Элам для выполнения государственной трудовой повинности. Например, один вавилонянин должен был отправиться для несения «сменной повинности в Эламе» в течение целого года, с месяца тебету 9-го года царствования Дария I до конца тебету 10-го года [Mich. 26]. Этот документ дает дополнительный материал для установления юридического положения работников царского хозяйства в Эламе и Персии (как отмечалось выше, работники по мере надобности перебрасывались из Суз в Персеполь и другие места) и позволяет предположить, что часть *курташ* состояла из свободных подданных государства, которые отбывали целый год повинность в царском хозяйстве³⁶. В этой связи интересно отметить указание одного документа из архива Мурашу, где некий Шаламману назван «*гарда* 4-го года царя Дария» [UM 91; 420 г.]. По-видимому, здесь имеется в виду годовая повинность, которую выполняли *гарда* в определенном месте. Можно отметить также, что в ряде текстов статус *курташ* определяется словом *rabbap*, которое Р. Т. Халлок переводит *conscripted* — «призванные»

³⁵ Ср. P. T. HALL, с. 162. И. Гершевич для слова *курташ* предлагает более общее значение «человек», «люди» [298, с. 141]. Халлок также считает, что *курташ* — работники в самом широком смысле, включая ремесленников, слуг и т. д. [РФ, с. 718].

³⁶ Как известно, еще в доахеменидской Вавилонии (например, при Навуходоносоре II) в государственных строительных работах принимали участие жители многих стран, часть которых после выполнения повинности возвращалась обратно домой. Еще пророк Иеремия выступал против введения иудейскими царями практики безвозмездного использования труда свободных для сооружения царских дворцов (Chron. XXII, 13).

[РФ, с. 34]. Значение *rabbār* достаточно хорошо выясняется из аккадского и древнеперсидского вариантов Бехистунской надписи, где оно переведено словами со смыслом «связанный» (речь идет о врагах Дария, приведенных к нему связанными). В табличках крепостной стены это слово, по-видимому, имеет значение «прикрепленные» или «приписанные». Например, в документе РФ 1597 фиксируется выдача муки для *курташ*, которых некий Маупарра «прикрепил» к местности Хидали. Вероятно, среди таких прикрепленных к определенным местам работников находились как рабы, статус которых был наследственным, так и свободные подданные, выполнявшие временную повинность. Например, в документе РТТ 22 содержится распоряжение, чтобы заведующий персепольской сокровищницей выдал определенную сумму денег сирийским *курташ*, «которые были прикреплены (призваны?), а теперь отпущены» [ср. РТТ, с. 122]. По-видимому, в документе речь идет о работниках, которые в течение определенного периода работали в царском хозяйстве и затем были отпущены домой.

Выше отмечалось, что в оплате *курташ* постепенно произошли большие изменения. Плата или рационы, которые получали работники при Дарии I, были весьма невелики. Этих рационов хватало для жизни, но вряд ли у работников оставались большие излишки. Нам неизвестно, сколько мог заработать в среднем взрослый наемный работник, скажем, в Каппадокии или во Фракии и мог ли он добровольно отправиться в Иран для работы в царском хозяйстве за 1 л зерна в день или за еще меньшую плату. Но египтяне, вавилоняне и представители других экономически развитых стран Ближнего Востока вряд ли добровольно отправились бы на чужбину для работы за такую плату. Например, в Вавилонии VI—V вв. взрослый наемник зарабатывал в день в среднем около 6 л зерна, т. е. в шесть раз больше, чем платили *курташ*. Очевидно, вавилоняне, египтяне и представители некоторых других народов, упоминаемые в табличках крепостной стены, в Иране находились не добровольно, не на заработках, а были уведены туда насильственно и эксплуатировались внеэкономически, независимо от того, были ли они там лишь временно или всю жизнь.

Позднее положение изменилось. Выше говорилось, что состав *курташ* был пестрым и среди них было значительное число рабовоеннопленных, некоторое количество свободных, работавших добровольно за плату (например, пастухи), а также лица, отбывавшие временно повинность. Судя по сохранившимся текстам, начиная со времени Ксеркса аппарат управления стал относиться ко всем этим группам *курташ* как к равноправным в экономическом отношении. Все они эксплуатировались не как рабы (хотя оставить работу *курташ*, кроме, возможно, свободных наемников, конечно, не могли), т. е. получали плату в соответствии с выполненной ими работой, независимо от своего социального статуса. Уже в конце царствования Дария I часть *курташ* стала получать за свою работу плату не только натурой, но и деньгами. При Ксерксе такая прак-

тика начала прочно входить в жизнь, а ставки платы стали гораздо выше, чем при Дарии I, от 1 до 8 сиклей серебра в месяц. Большинство же *курташ* получало 3—4 сикля серебра в месяц. Это в три-четыре раза больше, чем платили в Вавилонии того же времени взрослому квалифицированному наемному работнику, который в среднем получал 1 сикль серебра в месяц. При этом цены на продукты питания в Вавилонии и Иране VI—V вв. были примерно одинаковы. Следует иметь в виду, что кроме указанной выше денежной платы *курташ* получали еще продукты, и поэтому им не было надобности часто прибегать к рынку. Во всяком случае, натуральную оплату *курташ* при сравнении с положением наемников в Вавилонии можно не принимать во внимание, так как работодатели кормили вавилонских наемников в течение наемного периода.

Таким образом, в методах управления рабочим персоналом царского хозяйства при Ксерксе (а частично еще в конце царствования Дария I) произошли существенные изменения. Работникам царского хозяйства стали платить сравнительно высокую плату, которая была в несколько раз выше, чем на свободном рынке труда в соседних странах. Следовательно, персепольские работники были на особом положении, так как они сооружали царские дворцы и большая часть их состояла из квалифицированных ремесленников. Очевидно, это вызывало заинтересованность работников в количестве и качестве работы, результатах своего труда и сделало царское хозяйство более эффективным. Что же касается «демпинговой» оплаты труда части *курташ*, управление царским хозяйством могло позволить себе это за счет огромных средств, собранных в качестве подати с покоренных народов.

У многих *курташ* создавались излишки продуктов питания (например, вина или пива, которыми часто уплачивалась половина рационов или платы). Эти излишки необходимо было реализовать на открытом рынке, чтобы купить необходимые вещи (одежду, обувь и т. д.). Однако большая часть этих излишков попадала обратно в царское хозяйство, управленческий аппарат которого всегда был в состоянии платить. Такая практика была очень выгодна царскому хозяйству, которое располагало деньгами и большими запасами продовольствия и, не имея конкурентов, могло диктовать выгодные для себя цены. Об этих методах царского хозяйства рассказывает псевдо-Аристотель в своем труде «Экономика» [см. у Альтгейма и Камерона: 118, с. 192 и сл.; РТТОН, с. 172].

Кроме Ирана царские ремесленные мастерские находились и в других странах. В Сузах были мастерские по производству оружия (наконечники стрел, копья), посуды и одежды. Эти мастерские, по-видимому, относятся к раннеахеменидскому времени [104, с. 87 и сл.]. В египетском городе Мемфисе были расположены государственные мастерские («дом кораблей»), где строили и чинили военные суда [А-Г, с. 13 и сл.]. В этих мастерских работали ремесленники из разных стран. В арамейских документах с Элефан-

тины упоминаются «царские архитекторы» [АР 15 и др.]. Из синхронных вавилонских документов видно, что царские ремесленники (плотники, строители, пивовары и т. д.) были размещены на отведенных им из государственного фонда землях и за право пользования этой землей коллективно платили царские подати и отбывали повинности. Многократно высказывавшееся в литературе предположение о существовании в ахеменидской Вавилонии или даже в более ранние периоды автономных замкнутых корпораций ремесленников, состоявших из определенного числа членов и ставивших перед собою цель монополизировать ту или иную отрасль ремесла, находится в противоречии с данными источников. Организации ремесленников существовали, но они находились под полным контролем царской администрации.

Как известно, в Сузах и Персеполе обнаружено большое число разрушенных ваз из алебаstra, на многих из которых сохранились надписи. Шесть ваз имеют надписи на египетском языке со следующей титулатурой Дария I: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка двойной короны Дарий, который живет вечно» [575, с. 138]. 35 надписей содержат титулатуру Ксеркса, Артаксеркса I и Артаксеркса III, зафиксированную не только египетскими иероглифами, но также клинописью на древнеперсидском, эламском и аккадском языках (например: «Ксеркс, великий царь», в египетском варианте: «Ксеркс, великий фараон»). Одна из таких ваз с четырехъязычной надписью, содержащей титулатуру Артаксеркса I, была найдена и на территории СССР близ Орска. Позенер полагает, что все эти вазы, составлявшие часть царской посуды, были изготовлены в Египте [575, с. 137—151, 190; ср. 296, с. 152; 627, т. II, с. 88]. По-видимому, в Египте существовали государственные мастерские, производившие посуду для потребностей царского двора.

Мастерские по изготовлению царской посуды были расположены также в Вавилоне, к югу от царского дворца. Там археологи кроме разбитой алебастровой посуды раскопали большое число помещений, в каждом из которых работала отдельная партия ремесленников во главе со своим начальником [436, т. I, с. 12 и сл., 65]. Возможно, что найденные в Уруке сосуды с надписями персидских царей также были изготовлены в упомянутых вавилонских мастерских [648, с. 41, табл. 54; ср. 686, с. 158]. Наконец, судя по обнаруженным в Персеполе арамейским надписям, в Арахосии также были мастерские, где изготавливали посуду для двора персидских царей (этот факт установил В. А. Лившиц).

Во всех этих мастерских, по-видимому, работали свободные ремесленники, получавшие плату за свой труд или же выполнявшие царские повинности в течение определенного периода.

Как мы видели выше, в ахеменидском Иране произошел скачок от примитивного патриархального рабства к интенсивному использованию труда чужеземных рабов в имениях и ремесленных мастерских, принадлежавших персидскому царю. Но в масштабах

всего Ирана и державы в целом рабов (по сравнению со свободными) было довольно мало, и основными работниками как в земледелии, так и в ремесле оставались свободные люди.

Западные ученые обычно считают, что общественной структурой в древнем Иране был феодализм и что в социальном строе Персии ахеменидского, парфянского и сасанидского периодов не было какой-либо существенной разницы [см., например: 537, с. 93; 195, с. 8; 181, с. 110 и сл.; 723, с. 12 и сл.; 212, с. 327 и сл.]. По мнению этих ученых, ахеменидские цари, создавая в завоеванных странах военные колонии и раздавая земельные наделы своим гражданским и военным чиновникам, способствовали развитию феодализма. Таким образом, в западной науке феодализм рассматривается не как определенная общественно-экономическая формация и феодальным считается любое общество, где наблюдается политическая децентрализация или иерархическая зависимость подданных. Как полагают многие западные востоковеды, на всем древнем Востоке господствовали феодальные отношения и социальная база общества на протяжении всей древней истории оставалась постоянной, и поэтому для любого политического и социального процесса позднего времени можно найти прецеденты в более ранних периодах. Но такое мнение находится в явном противоречии с данными многих тысяч документов ахеменидского времени, свидетельствующих о больших социальных сдвигах, и в особенности о коренных переменах в аграрных отношениях, которые произошли в VI—V вв.

Государственные подати и повинности

По утверждению Геродота (III, 89), в Персидской державе подати были введены впервые при Дарии I, а при Кире II и Камбизе подданные обязаны были доставлять лишь подарки. Однако исследователи уже отмечали, что государственные подати существовали еще при Кире [514, т. III, с. 37 и сл.; 259, с. 92—96]. Это видно хотя бы из того факта, что Гаумата, которого Дарий сверг с персидского престола, как сообщает Геродот, отменил подати на три года, а также из вавилонского Цилиндра Кира (строка 30), из различных мест труда самого Геродота³⁷, из Бехистунской надписи (I, 19), из сообщений Платона (Leg. III, 695 с), Ксенофонта (Сугор. VII, 4, 2; VIII, 1, 9), Арриана (Ind. I, 8) и других источников. Да и *a priori* трудно допустить мысль, что в Персидской державе до Дария I подати не взимались, в то время как у вавилонян, ассирийцев и мидийцев сбор податей с покоренных народов являлся важнейшей функцией царской администрации.

Но при Кире и Камбизе еще не было твердо урегулированной системы податей, основанной на учете экономических возможно-

³⁷ См., например, VII, 51, где говорится, что Кир II заставил всю Ионию платить дань персам. См. также Herod. III, 13; IV, 165.

стей стран, входивших в состав Ахеменидской державы. Подвластные народы доставляли подарки или же платили подати, которые по крайней мере частично вносились натурой (ср. Herod. III, 90, 94 и 97). Другими словами, кто не платил податей, должен был доставлять подарки, и наоборот. Система эта на практике вела к тяжелым поборам. Известно, например, что Камбиз милостиво принял дары ливийцев, но остался недовольным подарками жителей Киренаики (500 мин серебра) и, сочтя их недостаточными, раздал своему войску (Herod. III, 13).

Дарий в Бехистунской надписи (I, 17—20) заявляет, что страны Персидской державы приносили ему дань: «Что мною было сказано им, будь это ночью, будь это днем, они делали».

Около 518 г. Дарий установил новую систему государственных податей. Земля была точно измерена в парасангах и классифицирована по роду насаждений или же по величине урожая (Herod. VI, 42). Все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные подати серебром, установленные с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности на основе среднего урожая за несколько лет в соответствии с кадастрами по отдельным областям [ср. например, 259, с. 97 и сл.].

В Бехистунской и других ахеменидских надписях для обозначения подати употребляется древнеперсидское слово *baži*, которому в аккадских вариантах этих надписей соответствует термин *mandattu* (от глагола *nadānu* — «давать»). В табличках крепостной стены подать называется заимствованным из иранского словом *baziš* [PF 267 и др.], а сборщик налогов — *bazikara*. В Книге Эзры (IV, 20; VI, 8) подать для персидского царя обозначена словом *mdt*, что соответствует аккадскому *mandattu*. В аккадских текстах ахеменидского времени наряду с *mandattu* с тем же значением довольно часто употребляется также иранское слово *barra* (от корня *bar-* «нести»). Но в V в. в Вавилонии для обозначения царской подати с земли чаще всего применяется слово *ilku*, которое первоначально имело значение «повинность с земли» и продолжало сохранять это значение и в I тысячелетии до н. э. Такое широкое употребление этого термина можно объяснить тем, что военные повинности царских колонистов в V в. обычно заменялись податями, а для обозначения обязанностей этих колонистов по отношению к государству продолжало применяться то же самое слово *ilku*, которое постепенно начало вытеснять термин *mandattu*. В арамейских приписках к вавилонским документам аккадскому *ilku* соответствует слово *halāk*, которое встречается и в Книге Эзры (IV, 13 и 20; VII, 24) для обозначения подати [228, с. 67 и 151]. Из арамейского слово это через среднеперсидское *xarāg* было заимствовано арабским языком в форме *harāg* со значением «земельный налог» [353, с. 291—293].

В Книге Эзры (IV, 3 и 20) для обозначения дани персидскому царю встречаются также термины *middā* и *belō*, первый со значе-

нием «денежный налог» в соответствии с величиной земли, а второй — «натуральная подать» [446, с. 90].

Что же касается самих персов, они, по утверждению Геродота (III, 97), как господствующий народ были освобождены от податей. Однако это утверждение трудно принять безоговорочно, хотя среди данников на персепольских рельефах персов нет. По-видимому, персы не платили денежных налогов, но не были освобождены от натуральных податей [ср. 465, с. 206]. Во всяком случае, при проходе войска через территорию Персии жители должны были заботиться о его содержании (Хен., Сугор. VII, 4, 2). Кроме того, многие персы преподносили царю подарки, которые в принципе считались добровольными. Элиан (Var. I, 34) пишет, что, когда царь проезжает мимо их домов, персы по своему обычаю в соответствии с достатком дарят ему быка, овцу, хлеб, вино, финики, плоды и т. д.

Документы крепостной стены содержат некоторые сведения о сборе податей в Юго-Западном Иране в период царствования Дария I. Некоторые тексты фиксируют прием мелкого скота и зерна, сданных в качестве государственных податей. Например, в течение 22-го и 23-го годов царствования Дария I два сборщика податей приняли 7410 *баров* ячменя [PF 443, 451, 567]. В 18-м и 19-м годах царствования Дария I различные поименно названные налогоплательщики сдали одному пастуху в общей сложности 642 головы мелкого скота [PF 2025 и 2070]. Несколько чиновников сообщают управляющему царским хозяйством Фарнаку, что они передали овец, поступивших в качестве налога, пастуху царя Умиззе, сыну Халпы, который живет в местности Хиран [PF 2070]. Далее, одному пастуху вручаются 553 овцы и 41 коза, полученные в качестве «царского налога» [PF 2085]. В качестве подати упоминается также вино, однако нет крупного рогатого скота. Персепольские документы свидетельствуют о том, что Персия не была освобождена от натуральных податей [ср. у Хинца: 384, с. 289—292].

Подвластные персам народы, в том числе и жители автономных государств (киликійцы, финикийцы, пафлагонцы и т. д.), платили в год в общей сложности около 7740 вавилонских талантов серебра (232 200 кг), не считая Индийской сатрапии, которая вносила подать золотым песком (Herod. III, 90—94). Если конкретные цифры, приводимые Геродотом, верны, при пересчете золота, поступавшего в качестве подати на серебро, общая сумма составляла 14 560 эвбейских, или 12 480 вавилонских, талантов, или более 400 т [ср. 711, с. 490]. При этом большая часть этой суммы уплачивалась народами наиболее экономически развитых стран: Малой Азии, Вавилонии, Сирии, Финикии и Египта.

Хотя система подарков тоже была сохранена, последние отнюдь не носили добровольного характера. Они, как и налоги, были строго регламентированы и назывались подарками, скорее, эвфемистически, поскольку их размер был точно установлен. Но в отличие

от податей подарки уплачивались натурой. Преобладающее большинство подданных платило подати, а подарки доставлялись только народами, жившими на границах державы (колхи, эфиопы, арабы, некоторые сакские племена и т. д.) (Herod. III, 97). Другими словами, реформы Дария отдавали предпочтение податям перед подарками.

По утверждению Геродота, подарки персидскому царю должны были приносить только те племена, которые освобождались от денежных податей. Но народы, платившие денежные подати, не были полностью освобождены и от доставки продуктов сельского хозяйства и ремесленных изделий своих стран (коня, фрукты, вино, золотые и серебряные предметы и т. д.), хотя эти подарки могли приурочиваться к определенным важным событиям. Например, на персепольских рельефах изображены представители всех подвластных Ахеменидам народов, которые ведут различных животных или несут разнообразные сосуды. Как полагает большинство ученых, на этих рельефах изображена доставка подарков или дани натурой персидскому царю по случаю новогоднего праздника (однако ср. ниже, с. 255).

По свидетельству одного документа из Вавилонии, в 522 г. житель этой страны нанял работника сроком на 40 дней, чтобы откормить трех быков, предназначенных в подарок (*namurtu*; возможно, имеется в виду определенный налог) Дарию I [Pohl II, 10]. Согласно другому тексту, с частновладельческого сада вавилонянина предполагалось сделать «подарок царю» [BIN I, 70]. Когда в 399 г. Артаксеркс II прибыл в Ур, жрецы местного храма наняли двух мальчиков, чтобы нести подарки (*bari* — «подать»?) царю по случаю его приезда в город [UET IV, 48 и 49]. Афиней (Deipnosoph. IV, 145 F) с ссылкой на греческого историка Феопомпа пишет: «Всякий раз, когда Великий царь³⁸ прибывает в какую-либо подвластную страну, ее жители собирают на обед 20—30, а часто еще больше талантов, ибо издревле для каждого города пропорционально его населению установлены как подать, так и расходы на [царский] обед».

Псевдо-Аристотель (Оес. II, 3—5) сообщает, что персидский царь получал от сатрапов не только серебро, но и подать натурой. По утверждению Ксенофонта (Анаб. I, 9, 22), сатрап Малой Азии Кир Младший «по разным поводам» получал от своих подданных подарки (золотые украшения, вино и т. д.). Еще больший интерес представляет следующее сообщение Феопомпа: «Все имеющиеся в Персидском государстве продукты природы и ремесленные изделия доставляются царю в виде подарков: ковры, одежда, палатки, мебель художественной работы, золотые и серебряные сосуды, бесчисленное количество оружия, кроме того, вьючные животные и убойный скот, далее пряности, шелк, бумажные ткани и вообще все, что может найти себе какое-либо применение» [FrGrH, т. II,

³⁸ Обычный у греческих авторов титул персидских царей.

с. 526 и сл. фрагмент 125; русский перевод М. И. Максимовой: 49, с. 262].

Когда Александр Македонский захватил Персеполь, в его руки одних лишь золотых чаш и кубков попало на 73 вавилонских таланта (более 4 т) Курций Руф (V, 6, 5) в этой связи упоминает также каменные сосуды тонкой работы. Вероятно, все эти сосуды были доставлены в Персеполь в разное время в качестве подати или подарков [ср. 538, с. 125]. На одной греческой вазе изображен заведующий сокровищницей персидского царя, принимающий три чаши тонкой работы [538, с. 125, примеч.]. Часто Ахемениды дарили такие сосуды и другие ценные предметы своим сановникам и чужеземным послам [ср. 538, с. 125]. Например, по сообщению Элиана (Var. I, 22), персидский царь дарил каждому из прибывших к нему греческих послов по серебряному вавилонскому таланту чеканной монетой, по два серебряных сосуда стоимостью каждый в один талант, браслеты, персидский меч, нагрудную цепь стоимостью 1000 дариков и мидийскую одежду. Согласно Ксенофону (Anab. I, 2, 27), персидские цари обычно дарили своим приближенным, когда хотели выделить их, коня с золотой уздой, золотую гривну, браслет, золотой акинак и персидское платье. Афинея (Deipnosoph. II, 48D—49A) упоминает среди даров Артаксеркса II одному греку палатку исключительных размеров и красоты, кровать с серебряными ножками, серебряный трон, позолоченный зонтик, золотые блюда, украшенные алмазами, серебряные подносы и кубки, столы с ножками из слоновой кости и персидские ковры с художественными изображениями.

Приведенные выше факты показывают, что вопреки утверждению Геродота только часть ежегодной дани персидскому царю уплачивалась нечеканенным металлом, а остальное — оружием, драгоценными сосудами, скотом и т. д. [ср. 538, с. 125, примеч. 23]. Геродот сам отмечает, что Египет и Вавилония сверх денежных податей обязаны были выделять также значительное количество зерна для снабжения продовольствием войск, расквартированных в этих странах, а вавилоняне сверх того снабжали царский двор евнухами (см. ниже). Ксенофонт (Оес. IV, 5 и сл.) пишет, что правители областей доставляли содержание размещенному в данной стране гарнизону и царь устанавливал размеры продовольствия, которое каждая обложенная податью страна должна была выделять для прокормления воинов.

По свидетельству Арриана, племя ариаспов, жившее на южной границе Дрангианы и обеспечившее Кира II продовольствием во время его похода, было награждено титулом «царские благодетели» и освобождено от уплаты податей (ср. выше, с. 148). Но, по всей вероятности, ариаспы обязаны были доставлять подарки персидскому царю.

За помощь армии Камбиза при переходе через Синайскую пустыню во время похода против Египта арабы были награждены титулом союзников персидского царя и поэтому, если верить антич-

ным авторам, не считались подданными. Геродот (III, 88) пишет, что арабы никогда не были под игом персов, а по словам Диодора (II, 1, 5), ни один из персидских царей не был в состоянии поработить эти племена. Но, пожалуй, это не совсем верно, и Ахемениды в отличие от ассирийских царей не делали бесплодных попыток завоевать огромные безводные пространства, на которых жили арабы.

Как союзники арабы должны были доставлять персидскому царю ежегодно 1000 талантов ладана в качестве подарков (Herod. III, 97). Но столько ладана арабы могли платить только в том случае, если они контролировали транзитную торговлю в районе Хадрамаута и Акабского залива. В Бехистунской надписи Аравия включена в число подвластных Дарию I стран. Но трудно с полной уверенностью сказать, какая именно область имеется здесь в виду. Геродот (VII, 69) в перечне контингентов персидской армии упоминает арабов рядом с племенами, жившими близ границ Египта. Поэтому ученые обычно локализуют арабов между Нилом и Красным морем, полагая, что арабами персы называли кочевые племена к югу и востоку от Палестины [582, примеч. к: Herod. II, 8; 393, т. I, с. 280]. По мнению А. Т. Олмстеда, при Дарии I персы совершили окончившуюся неудачей попытку объединить набатейских арабов в самостоятельную сатрапию под названием «Аравия» [547, с. 56]. О. Леуце считает, что Аравия Бехистунской надписи идентична с Сирией в широком смысле или, во всяком случае, охватывала и Сирию [465, с. 166, примеч. 1]. Аравию Бехистунской надписи с Сирией отождествляли также И. Маркварт, Э. Херцфельд и некоторые другие исследователи [371, с. 306; литература: 641, с. 146, примеч. 117]. Однако такому предположению до некоторой степени противоречит то, что в одной надписи Дария I (DSf) «Ассирии» (Атурайя) древнеперсидского варианта в аккадском соответствует «Эбир-нари» (Заречье), и это подтверждает мнение Т. Нельдеке, что греческое название «Сирия» является сокращенной формой от «Ассирия».

Как полагает Дугерти, персидское географическое понятие «Аравия» включало не весь Аравийский полуостров, а только его южную часть, и лишь греческие авторы стали применять это название ко всему полуострову [236, с. 121, там же и литература; ср. 641, с. 149, примеч. 123]. В ассиро-вавилонских источниках название для арабских племен (*aribi/arubu/arabu*, ср. библейское *arab* в Книге Иеремии XXV, 24) впервые засвидетельствовано около 600 г. до н. э., когда оно еще не применялось для обозначения Аравийского полуострова [200, с. 206].

Ниже приводится перечень податей и подарков с сатрапий по данным Геродота (III, 90 и сл.) с дополнением этих сведений по другим источникам (главным образом по изображениям данников на персепольских рельефах) [ср. 35, с. 344—346; 119, с. 109 и сл.; 184, с. 123—126; ср. превосходные фотографии персепольских рельефов: 627, т. I, с. 95 и сл.; 706, с. 42 и сл., 68 и сл.].

I. Иония (сатрапия включала собственно Ионию, Эолиду, Карию, Ликию и Памфилию) — 400 талантов серебра. На персепольских рельефах ионийцы изображены на 12-м месте, несущими какие-то чаши и мотки шерстяной одежды. Местность Асса в Эолиде поставляла для стола персидского царя отборную пшеницу (Strabo XV, 3, 22).

В ахеменидских надписях кроме Ионии упоминаются также «ионийцы, которые на море», «ионийцы-такабара» (в аккадском варианте надписи DNa это выражение переведено: «ионийцы, которые несут на голове щиты», ср. [487, с. 84—86]) и «ионийцы, которые за морем». Под последними, очевидно, имеются в виду материковые греки, часть которых была покорена во время похода Ксеркса на Балканский полуостров. Относительно локализации «ионийцев, которые на море» между учеными были разногласия, и многие считали, что здесь имеются в виду жители островов Эгейского моря и Кипра [литература: 629, с. 523 и сл.]. Р. Шмитт, найдя в так называемом 16-м письме Фемистокла [издание: Negcher, с. 755] выражение, соответствующее др.-перс. «те, которые на море», а также выражение «сатрап царя над народами у моря», показал, что «ионийцев, которые на море» следует локализовать на Пропонтиде, т. е. в Даскилейской сатрапии [629, с. 524 и сл.].

Из всех греков ассирийцы, вавилоняне, а затем и персы прежде всего сталкивались с ионийцами и поэтому называли греков «яван», т. е. ионийцами. В Библии название Яван применяется как для Ионии, так и для Греции в целом. Ниландер отмечает, что термины «ионийцы» и «Иония» часто были административными понятиями для определенного района и его обитателей независимо от их этнической или культурной принадлежности. Поэтому для писцов персидской канцелярии слово «иониец» могло обозначать жителя Западной Малой Азии, но не обязательно грека [540, с. 18, примеч. 39]. В клинописных документах времени Навуходоносора II многократно упоминаются «ионийские» ремесленники, работавшие в Вавилоне [Weidner, с. 933 и сл.]. Однако все эти ремесленники носят не греческие, а лувийские имена, например «Кунзумпия из страны Иония» [326, с. 54]. Таким образом, в древневосточных текстах название «Иония» употребляется скорее в географическом, чем в этническом смысле, или же для обозначения любых греков без различия принадлежности их к тому или иному племени [586, с. 26].

II. Лидия (собственно Лидия и Мисия) — 500 талантов серебра. В Персеполе лидийцы изображены на 6-м месте с вазами, кубками, браслетами, а также с запряженной лошадыми колесницей.

III. Фригия (собственно Фригия, Геллеспонт, Вифиния, Пафлагония и Каппадокия) — 360 талантов. В Персеполе каппадокийцы изображены на 9-м месте с плащами и крупной лошадыю. По свидетельству Страбона (XI, 13, 8), Каппадокия кроме денежного налога ежегодно доставляла персидскому царю 1500 лошадей, 2000 мулов и 50 000 овец. Согласно Арриану (I, 26, 3 и I, 27, 4),

жители города Аспенд, расположенного в этой сатрапии, выращивали коней для персидского царя.

IV. Киликия — 360 талантов. Кроме того, эта сатрапия обязана была ежегодно доставлять 360 белых лошадей и выделить 140 талантов серебра на содержание царской конницы, расквартированной в Киликии. На персепольских рельефах киликийцы несут суды, шкуры, одежду и ведут баранов.

V. Заречье (Сирия, Палестина, Финикия и Кипр) — 350 талантов. Очевидно, большую часть этой суммы платили финикийские города, занимавшиеся международной торговлей. Из Иудеи, входившей в эту сатрапию, сохранились сотни сосудов IV в. с надписью *Yhwd* («Иудея»). Среди них имеются 108 официальных штампов сборщиков податей в Иудее. Некоторые из этих штампов содержат имя наместника провинции: «Иудея, Йехоазар, наместник» [110, с. 105 и сл.]. Из местности Халиб близ Дамаска (Сирия) персидскому царю поставляли особые сорта вина (Strabo XV, 3, 32).

VI. Египет (собственно Египет, Ливия, Киренаика и Барка) — 700 талантов. Кроме того, египтяне ежегодно доставляли 120 000 *медимнов* (1 *медимн* = 52,53 л) хлеба для содержания гарнизонных войск, расквартированных в этой стране (Herod. III, 94). Из арамейских папирусов видно, что жители Южного Египта обязаны были снабжать провиантом персидский гарнизон на Элефантине. Например, сохранилась расписка от 484 г., согласно которой два лица получили от египетского лодочника 55 мер ячменя и бобов для 200 воинов элефантинского гарнизона.

Кроме того, персидский царь получал доходы от ловли рыбы на Меридовом озере — в течение полугода во время прилива по одному таланту серебра в день, а в остальное время по 20 мин ежедневно (Herod. II, 149; Diod. I, 52). По свидетельству Диона, египтяне регулярно поставляли на стол персидского царя соль, а также воду из Нила [FHG II, с. 92, фр. 15]. Согласно Афинею (Deipnosoph. I, 60), египетский город Антилла давал средства на обувь и гардероб персидской царицы. В Персеполе египтяне изображены на 10-м месте с кусками ткани и с быком. Ливийцы изображены на 22-м месте, ведущими куду и запряженную лошадьми колесницу.

VII. Саттагидия, Гандхара и Арахосия — 170 талантов. В Персеполе арахосийцы занимают 7-е место. Они несут чаши и ведут верблюда. О доставке чаш из Арахосии свидетельствуют и арамейские надписи из Персеполя. Гандхарцы — на 14-м месте несут копы и ведут зебу.

VIII. Элам — 300 талантов. В Персеполе эламские данники изображены на 2-м месте, несущими кипжалы в ножнах и луки. Они ведут также львицу и несут двух львят. Отметим, что персидскому царю доставляли воду из реки Хоасп в Эламе, считавшуюся самой легкой. Воду эту кипятили, разливали в серебряные сосуды и возили за царями повсюду (Herod. I, 188; Strabo XV, 3, 32).

IX. Вавилония (включая территорию бывшей Ассирии) — 1000 талантов (это самая большая сумма, уплачиваемая одной сатрапией). Кроме того, вавилоняне ежегодно посылали во двор персидского царя 500 мальчиков в качестве евнухов (Herod. III, 92). Согласно Геродоту (I, 192), кроме уплаты денежной подати Вавилония обязана была содержать расквартированное в стране войско и каждый год в течение четырех месяцев снабжать царя и его двор продовольствием. Ксенофонт (Anab. III, 4, 31) рассказывает, что в вавилонских деревнях было собрано в большом количестве пшеничной муки, вина и ячменя, чтобы доставить сатрапу. В Персеполе вавилоняне изображены на 5-м месте, несущими сотканную одежду, вазы и разные сосуды. Они ведут также зебу.

Геродот (III, 160) пишет, что Дарий I передал Вавилон в управление персу Зопиру без обложения податью, что, разумеется, не может соответствовать действительности и находится в противоречии с другими данными, содержащимися у самого отца истории. Подобным же образом маловероятно и утверждение Ктесия, что младший сын Кира II Таниоксарк владел несколькими среднеазиатскими областями, которые якобы были освобождены от уплаты податей центральному правительству [текст: Gilmore, § 39].

По поводу отнесения Ассирии к IX сатрапии в литературе имеются некоторые разногласия. В древнеперсидских надписях Вавилония и Ассирия упоминаются как отдельные страны. Но, как указывалось выше, в аккадском варианте надписи DSf персидскому и эламскому Атурайя («Ассирия») соответствует Эбир-нари (Заречье), т. е. Сирия. Следовательно, в официальном употреблении персидской канцелярии название «Ассирия» относилось к Сирии. После крушения Ассирийского государства его коренная территория была включена в состав Мидии, а само название этой страны постепенно перенесено на Сирию. Это можно объяснить тем, что последние остатки ассирийской армии отступили на территорию Сирии и потерпели там окончательное поражение. Обычно греческие авторы вслед за персами Ассирией именуют Сирию. Однако Геродот не делает различия между Ассирией и Вавилонией и называет Вавилон столицей ассирийцев, а иногда и самих вавилонян — ассирийцами [см., например: Herod. III, 155; ср. 439, с. 4; 591, с. 3, примеч. 1].

X. Мидия (согласно Геродоту, эта сатрапия включала также племена париканиев и ортокорибантиев) — 450 талантов. По Геродоту и Страбону (XI, 13, 7), в мидийской области Нисейя паслось 50 000 кобылиц, предназначенных для персидского царя. Арриан (VII, 13, 1) пишет, что Нисейская равнина в Мидии была отведена для царских кобылиц. Согласно Диодору (XVII, 110, 6), в Мидии когда-то паслось до 160 000 лошадей, принадлежавших персидскому царю, но, когда туда прибыл Александр Македонский, там было всего 60 000 коней.

В одном документе на аккадском языке, найденном в Персеполе и составленном в 501 г., упоминается «подать мидийца Пат-

темиду, сына пастуха», который уплатил большую сумму серебра [РТТ 85]. На Персепольских рельефах мидийцы изображены на 1-м месте, несущими чаши, кувшины, мидийский меч и одежду.

Согласно Ксенофону (Сугор. VIII, 7, 11), при Кире II Мидия вместе с Арменией и племенем кадусиев составляла единую сатрапию. Утверждение Геродота, что ортокорибантии (т. е. саки-тиграхауда) входили в состав Мидийской сатрапии, вызывает сомнение, поскольку между Мидией и ортокорибантиями находились Парфия и Гиркания [ср. 409, с. 44, где отмечается, что у Геродота иногда один и тот же народ включается в две различные сатрапии; М. Кислинг полагает, что Геродот прав, отнеся ортокорибантиев к Мидийской сатрапии: 429, с. 51 и сл.].

XI. Племена каспиев, павсиков, пантиматов и дарейтов — 200 талантов.

XII. Бактрия — 360 талантов. В Персеполе бактрийцы изображены на 15-м месте, с сосудами и двугорбыми бактрийскими верблюдами.

XIII. Армения — 400 талантов. Согласно Страбону (XI, 14, 9), армянский сатрап ежегодно по случаю праздника бога Митры посылал персидскому царю по 20 000 жеребят. По свидетельству Ксенофонта (Anab. IV, 5, 24 и 34), в армянских деревнях откармливались жеребята, предназначенные для отправки в Персию в качестве подати. Среди персепольских данников армяне ведут лошадь и несут большой сосуд. Они занимают 3-е место.

XIV. Дрангиана (кроме самих дрангианцев в сатрапию входили также саранги, сагартии, таманай, утии, мики и жители островов Персидского залива) — 600 талантов. В Персеполе дрангианцы изображены на 21-м месте, ведущими быка, а сагартии — на 16-м месте с одеждой и лошадью.

XV. Саки — 250 талантов. В Персеполе саки с остроконечными шапками появляются на 11-м месте. Они ведут лошадь и несут одежду.

XVI. Парфия, Хорезм, Согдиана и Харайва (племя ареев) — 300 талантов. Среди персепольских данников арееи занимают 4-е место и несут чаши, шкуры, бурдюки и ведут верблюда. Согдийцы изображены на 8-м месте с кубками и двумя верблюдами. Парфяне на 13-м месте несут кубки и ведут двугорбого верблюда, а хорезмийцы появляются на 17-м месте с мечом, браслетами и лошадьми.

XVII. Парикании и азиатские эфиопы (Гедросия и Мекран) — 400 талантов.

XVIII. Матиены, саспейры и алародии — 200 талантов.

XIX. Мосхи, тибарены, макроны, мосинойки и мары — 300 талантов.

XX. Индия (долина р. Инд) — 360 талантов золотого песка. Но, по мнению У. Тарна, Индийская сатрапия никогда не могла платить такую громадную сумму [668, с. 108]. В Персеполе индийцы занимают 18-е место, они несут корзины и ведут осла.

Арабы и некоторые другие племена не включены в перечень Геродота, поскольку они не платили денежных податей. В Персеполе арабы несут ткани и ведут одногорбого верблюда. Геродот (III, 97) пишет также, что эфиопы доставляют в дар персидскому царю каждые три года 2 *хеника* (ок. 2,2 л) самородного золота, 200 стволов эбенового дерева, 20 слоновых бивней и 5 мальчиков. В Персеполе эфиопы изображены на 23-м месте со слоновыми бивнями. Они ведут также окаши. Рядом с эфиопами появляются ливийцы с копыями, повозкой, запряженной в две лошади, и антилопой. По свидетельству Геродота (III, 97), колхи ежегодно посылали персидскому царю 400 девочек и 100 мальчиков.

Перечислив все 20 сатрапий, Геродот (III, 96) пишет, что персы позднее (после реформ Дария) подчинили также эллинские острова и европейские народы вплоть до фессалийцев и стали взимать с них подати. Из этих народов на персепольских рельефах изображены фракийцы (на 19-м месте), которые ведут коня. Рядом с ними македонцы несут копыя, щиты и ведут коня.

Страны, лишенные собственных рудников (например, Вавилония, аллювиальная почва которой не содержала почти никаких полезных ископаемых), для внесения податей должны были приобретать серебро из других областей путем продажи продуктов земледелия и ремесла, что способствовало развитию товарно-денежных отношений. По-видимому, в качестве податей уплачивалась десятая часть доходов, которая считалась «долей царя».

Техника сбора государственных податей лучше всего известна по документам архива делового дома Мурашу в Вавилонии, среди которых имеется большое количество квитанций об уплате податей с повинностных наделов. Подати уплачивались серебром и натурой (ячменем, мукой, мелким скотом, пивом и т. д.)³⁹. Г. Кардашиа, исследовавший эти документы, отмечает следующие теоретические и практические варианты уплаты податей [195, с. 189—198].

1. Землевладелец сам платил подати, не обращаясь к услугам дома Мурашу (о таких случаях в архиве Мурашу, естественно, нет никаких данных).

2. В тех случаях, когда землевладелец нуждался в деньгах для уплаты податей, он обращался к дому Мурашу с просьбой уплатить причитающуюся с него подать. Дом Мурашу платил соответствующую подать, а должник передавал последнему долговую расписку за уплаченную сумму.

3. Землевладелец, имевший в банке Мурашу, так сказать, текущий счет, просил своего банкира уплатить за него подать.

³⁹ Геродот утверждает, что согласно реформе Дария подати уплачивались в основном серебром. Возможно, что налоговый статус повинностной земли был несколько иным и поэтому владельцы такой земли обязаны были наряду с денежными вносить и натуральные подати. Кроме того, как мы выше видели, наряду с денежными налогами подданные вносили также натуральные подати.

4. В тех случаях, когда повинностная земля была отдана в распоряжение дома Мурашу в качестве долгового залога, за владельца земли подать уплачивал дом Мурашу с последующим погашением этой суммы должником.

5. Когда повинностная земля была отдана в аренду дому Мурашу, последний наряду с арендной платой землевладельцу уплачивал за него и подать.

6. Когда землевладелец отдавал надел в залог или в аренду не дому Мурашу, а какому-либо другому лицу, техника уплаты податей могла быть аналогичной предыдущему случаю.

Подати в разные годы с одних и тех же наделов в основном оставались неизменными.

В начале XX в. немецким исследователем Э. Коталлой было высказано мнение, что члены дома Мурашу были не частными лицами, а агентами персидского царя по откупу податей и что государство собирало налоги не непосредственно с населения, а с помощью откупщиков. Коталла полагал, что Мурашу выплачивали подати в царскую казну заранее, а затем собирали их с налогоплательщиков, как это позднее делали и римские откупщики податей. Основанием для такого вывода послужил тот факт, что дом Мурашу часто выплачивал подати с земель, которые не принадлежали ему самому [444, с. 553]. Это мнение было принято В. В. Струве, Б. Мейсснером и многими другими учеными, считавшими, что сдача податей на откуп практиковалась Ахеменидами не только в Вавилонии, но и в других странах, что приводило к разорению налогоплательщиков (87, с. 245—248; 498, т. I, с. 130; 216, с. 300; 264, с. 7, примеч. 1). В. В. Струве аргументировал свое мнение, в частности, тем, что Мурашу чинили насилия и грабили налогоплательщиков. Например, по свидетельству одного документа, налоговый инспектор Бел-иддин обвинил Эллия-шум-иддина из дома Мурашу в том, что тот вместе со своими людьми разорил несколько поселений и даже угнал крупный и мелкий рогатый скот, а также унес золото и серебро, принадлежавшие некоему Багадату (судя по имени, он был иранцем). Хотя Эллия-шум-иддин стал отрицать это обвинение, чтобы избежать судебного процесса, он уплатил Багадату 350 *кур* ячменя, 1 *кур* полбы, 50 *кур* пшеницы, 50 бочек пива высшего качества, 200 *кур* фиников, 200 голов мелкого скота, 20 голов крупного рогатого скота и 5 талантов шерсти [BE X, 9].

Однако в 1951 г. на основании тщательного анализа документов архива Мурашу Г. Кардашиа отверг мнение об откупе податей [195, с. 189—198; см. также: 604, с. 278 и сл.]. Откупщики податей собирали налоги по поручению центральной власти, приобретая у государства монополию на откуп. Они выплачивали государству заранее установленную сумму податей и лишь затем взимали ее с налогоплательщиков. Правда, дом Мурашу постепенно сосредоточил в своих руках уплату податей в значительной части Центральной Вавилонии. Но персидская администрация

вовсе не стремилась к такой практике, и дом Мурашу платил подати за других лиц лишь на чисто частноправовой основе по просьбе самих налогоплательщиков и при этом не прямо в государственную казну, а с выдачей соответствующих сумм в руки налогоплательщиков, чтобы они сами внесли подати в казну через своих начальников или других посредников. Иногда дом Мурашу передавал требуемую сумму податей начальникам налогоплательщиков. При этом необходимые для уплаты податей деньги Мурашу получали не с самих налогоплательщиков, а путем продажи продуктов сельского хозяйства, которыми обычно и расплачивались налогоплательщики со своим кредитором. Часто дом Мурашу выплачивал подати за право пользования землей, принадлежавшей налогоплательщикам. Иногда, если подать не вносилась своевременно, начальники тех или иных округов передавали землю неисправных или несостоятельных налогоплательщиков в распоряжение дома Мурашу, с тем чтобы в будущем последний регулярно вносил подать с этих земель. Поскольку подать надо было платить серебром, землевладельцам часто приходилось занимать деньги у Мурашу или других ростовщиков, складывая свои земли, что в конечном счете приводило к разорению налогоплательщиков. Однако Мурашу или другие подобные им дельцы не выполняли функций откупщиков податей, и в Ахеменидской державе откупа податей не существовало.

За сбор податей были ответственны сатрап, номархи, градоначальники и сельские старосты, а в провинциях, расположенных на границах державы, племенные вожди. По сообщению Ксенофонта (*Anab.* IV, 5, 24), в Армении существовали укрепленные селения, управляемые комархом и коллективно платившие подати персидскому царю. За сбор этих податей и доставку их сатрапу были ответственны комархи (деревенские старосты) [176, с. 180; 175, с. 105; ср. у Э. Бикермана: 147, с. 109: «подать уплачивалась от имени общины ее старейшинами»].

Обычно сумма налогов с наделов определенной группы землевладельцев колеблется от 30 сиклей до 15 мин серебра, сверх которых уплачивается также натуральная подать пивом, мукой, ячменем и баранами. С одного надела, как правило, уплачивается одна мина серебра.

Дом Мурашу функционировал только в Южной и Центральной Вавилонии. В других частях страны подати могли уплачиваться с помощью местных деловых домов или же не прибегая к их посредству. Во всех случаях подать поступала в казну через начальников определенных общин землевладельцев или царских сборщиков налогов. Например, некий Бел-икиша получает с одного лица в качестве царской подати $7\frac{1}{4}$ сиклей серебра [NRV 554]. С двух других лиц в качестве годовой подати было взято 28 сиклей [NRV 557]. Иногда в зависимости от доходов налогоплательщика годовая подать равнялась 1,5 сиклям [BE VIII, 100]. Ряд документов свидетельствует о том, что для уплаты

государственных налогов приходилось продавать дома [Dag 323; UET IV, 60; BIN I, 118].

Все землевладельцы, кроме персидских вельмож и так называемых благодетелей царя, обязаны были платить государственные налоги.

Кроме землевладельцев подати платили также ремесленники с доходов своих изделий, а также другие лица. Например, по свидетельству одного документа, вавилонянин Иддин-Набу, получивший из храма определенную долю доходов, обязан был уплатить ячмень и финики, «наложенные на него дворцом» [NRV 590].

Кроме прямых податей царь получал также различные пошлины и другие налоги деньгами и натурой (портовые, рыночные пошлины и т. д.). Например, «египтянин Бел-иддин, инспектор по пошлине», получил с одного вавилонянина 4 мины 5 сиклей серебра [NRV 575]. За пользование причалом была уплачена пошлина в 70 *кур* ячменя [Dag 268]. В другом случае «пошлина дому царя» за пользование причалом, «по закону (*dāta* — иранское слово) царя», составила 17 *кур* ячменя, 3 *кур* 3 *пан* эммера и 2 *пан* 2 *сут* горчицы [NRV 681]. Эту сумму уплатило несколько лиц. Пошлину необходимо было платить также за проход кораблей по судоходным каналам, за пользование некоторыми мостами и т. д. [TCL IX, 147; TCL XIII, 196 и 232; Peek 18 и др.].

Псевдо-Аристотель (Оес. II, 4) пишет, что государственные доходы в Персидском государстве складывались, в частности, из пошлин, продуктов скотоводства и других источников. Самым значительным и прочным был доход от земли (или налог от урожая, который в некоторых источниках называется десятиной). Далее в трактате упоминаются портовые сборы, ввозные пошлины, рыночные пошлины, десятина со скота, поголовный налог и налог на ремесленные изделия. Тот же автор (II, 13а—14а) рассказывает также следующие любопытные случаи из налоговой практики. Когда династ Карию Мавсол получил от персидского царя предписание послать подать со своей области, он собрал богатых людей страны и предложил им внести деньги. Специально подготовленные люди сразу же заявили, что они внесут определенные суммы, а остальные богачи последовали их примеру. Кондал, один из подчиненных Мавсолу чиновников, заявил лидийцам, любившим носить длинные волосы, что от персидского царя получено письмо с требованием прислать волосы для париков. Кондал добавил, что Мавсол требует обстричь их, но если они уплатят соответствующий налог, то волосы можно купить в Элладе, на что лидийцы охотно согласились.

Сверх государственных податей подданные должны были нести расходы и по содержанию сатрапов. Так, в Книге Неемии (V, 14—18) говорится, что последний в течение 12 лет, когда он был областеначальником Иудеи, не ел «хлеба областеначальнического», в то время как прежние наместники брали с народа

кроме серебра хлеб и вино. Но вместе с тем, согласно Ксенофону [Hell. II, 1, 14], часть дани с городов Малой Азии шла в личное пользование сатрапа Кира Младшего. Это, вероятно, объясняется тем, что Кир был сыном царя и поэтому занимал особое положение.

Суммы податей, установленные при Дарии I, оставались неизменными до конца существования Ахеменидской державы, несмотря на значительные экономические изменения в подвластных персам странах. Например, Геродот (VI, 42) пишет, что жители Малой Азии с 492 г. до его времени (приблизительно 425—415 гг.) платят «тот *форос*, который был установлен Артаферном» (сатрап Лидии при Дарии I). Когда в IV в. афиняне захватили некоторые малоазийские города, они оставили без изменений сумму податей, установленную персами. Подобным же образом поступил позднее и Александр Македонский, покорив страны Ахеменидской державы.

Согласно подсчетам Ф. Альтхейма и Р. Штиль, с 521 г. до битвы при Иссе в 333 г. прошло 189 податных лет. За это время Ахемениды собирали в год в среднем приблизительно 24 266,7 солонowego таланта в качестве подати, и в течение 189 лет в сокровищницы было положено 229 630 талантов. Следовательно, ежегодно в сокровищницы складывали около 1215 талантов, т. е. $\frac{1}{19}$ общей суммы податей [119, с. 134 и сл.]. Однако при этих гипотетических подсчетах, основанных на античных сообщениях о захвате Александром Македонским сокровищ персидских царей, следует иметь в виду, что Ахемениды после покорения Мидии, Лидии, Вавилонии, Египта и некоторых других стран стали хозяевами сокровищниц, золотые и серебряные запасы которых пополнялись в течение десятилетий и даже многих веков.

Подати, установленные Дарием, по-видимому, были умеренные, однако произвол провинциальных чиновников разорял налогоплательщиков. Особенно большим бременем для подданных было содержание персидской армии, когда она проходила через их территорию. Согласно Геродоту (VII, 118—119), во время греческого похода Ксеркса эллинские города, принимавшие на постой персидское войско, впали в великую нужду, а граждане даже лишились своих жилищ и имущества. О прибытии войска сообщалось заранее и давалось распоряжение, чтобы все приступили к заготовке запасов продовольствия. В течение многих месяцев мололи пшеничное и ячменное зерно и откармливали скот и птицу. Заготавливали также золотые и серебряные кубки и другую столовую утварь, которую затем персы уносили с собою. Судя по вавилонским документам, в V в. в Нинпуре зерно и финики стоили значительно дешевле, чем в Вавилоне. По-видимому, это объясняется тем, что в Вавилоне находился значительный персидский гарнизон [635, с. 25].

На положении налогоплательщиков отрицательно сказывалось и то, что для уплаты денежных податей приходилось занимать

деньги под залог недвижимого имущества или членов семьи. Как свидетельствует Книга Неемии (V, 3—5), в Иудее многие занимали серебро для уплаты царских податей, отдавая своих сыновей и дочерей в рабство. Жители Иудеи жаловались, что они не имеют возможности выкупить своих детей из рабства, а также виноградники и поля у кредиторов. Документы из Вавилонии также показывают, что многие жители этой сатрапии закладывали свои поля и сады, чтобы достать серебро для уплаты подати царю. Часто они не в состоянии были выкупить их и становились безземельными наемными работниками, а иногда вынуждены были отдавать своих детей в долговое рабство. Денежные ссуды для уплаты налогов привели в Вавилонии к увеличению процентов (например, если при Кире и Камбизе годовая процентная ставка равнялась 20, то в конце V в. она доходила до 40).

В IV в. сбор налогов начал превращаться в прямой грабеж и насилие, что явилось причиной многочисленных восстаний против персидского господства. Согласно египетским источникам, в саисско-персидский период подати были настолько тяжелы, что земледельцы, не будучи в состоянии платить их, бежали в города, но номархи захватывали их и насильственно возвращали обратно [637, с. 31 с ссылкой на папирус Rylands IX; 294, т. II, с. 203]. Согласно «Демотической хронике» из Египта, после захвата страны «мидийцами» (т. е. персами; по-видимому, имеется в виду покорение Египта Артаксерксом III в 342 г.) земля и острова наполнились плачем, в египетских домах не осталось людей; «мидийцы» захватили дома египтян и жили в них [DC III, 18—23; IV, 1—13; V, 1]. Хотя в Египте налоговое бремя всегда было велико, до захвата страны персами фараоны тратили собранные средства на месте, а Ахемениды стали увозить их в Иран.

Подати шли на содержание армии, администрации и царского двора. Создание большого административного аппарата, который был далек от производительного труда и паразитировал на труде земледельцев и ремесленников, раздача земли большими массивами персидской знати и царским воинам, денежные подати и огромные расходы зерна на содержание гарнизонных войск отрицательно сказывались на развитии производительных сил стран Ахеменидской державы. Все это явилось причиной повышения цен на продукты питания, особенно на зерно, в полтора раза в Вавилонии и, вероятно, в других странах [ср. 498, т. I, с. 366 и сл.; 238, с. 20 и сл.; 635, с. 24 и сл.].

Кроме уплаты податей подданным приходилось отдавать своих детей, чтобы они выполняли домашние работы на персидских царей в качестве пекарей, поваров, виночерпиев, евнухов и т. д. Согласно Книге Эсфирь, подданные должны были посылать персидским царям сотни наложниц (ср. выше, с. 181).

Существовали также различные другие повинности. Например, в вавилонском контракте, составленном в 525 г., отмечается,

что владелец «зерновых полей [должен нести] царскую повинность» [ЕКВК, 30]. Документ из Нишпура, фиксирующий раздел поля между несколькими лицами, содержит оговорку о том, что «каждый [из землевладельцев] будет служить царю со своей доли „земельного участка“» [TCL XIII, 203]. Если в обоих этих текстах повинность выражается термином *ilku*, в других документах употреблены выражения «работа на дворец», «работа на царя» или «служба царю» [УВТ III, 133; СТ XXII, 244; ВЕ X, 15; УЕТ IV, 1/2 и др.]. Характерно, что в вавилонских текстах ахеменидского времени для обозначения государственных повинностей встречается и слово *pirku* — «несправедливость», «зло» [550, с. 176].

По свидетельству Геродота (III, 97), персы занимали в государстве особое, привилегированное положение и были освобождены от принудительных работ. Если персов было около 0,5 млн., то из общей годовой суммы денежных податей в 14 560 эвбейских талантов серебра на каждого человека в среднем приходилось немногим меньше двух мин. Это весьма значительная сумма, хотя, конечно, не могло быть и речи о более или менее равном распределении ее.

В ахеменидских надписях Персия также не включена в перечень стран, выполнявших повинности. Особенно наглядно это видно из надписей Дария I о сооружении различных дворцов в Сузах. Согласно этим надписям, персы в отличие от остальных народов были освобождены от строительных работ. Эта политика четкого противопоставления персов другим народам стала характерной для Дария I, который в своих надписях многократно заявляет, что он «перс, сын перса, ариец, арийского происхождения» [например, DNa]. За счет податей царь щедро вознаграждал своих преданных слуг, особенно персов. Согласно одному документу из Персеполя, по личному распоряжению Дария I 530 каршей серебра было выдано 13 лицам, большинство которых носят иранские имена (Маздаясна, Багабигна и др.), за какую-то важную услугу, оказанную ими царю [РТТ 4]. В одной из своих надписей Дарий I заявляет: «Верных людей я обильно вознаграждаю» [DNb, ср. 386, с. 8].

Денежные системы

Еще в VIII—VII вв. в Малой Азии, Греции и других странах роль денег играли золотые и серебряные слитки в форме кирпичиков, блинов и т. д. [295, с. 5 и сл.]. В Малой Азии (Ионии и Лидии) их изготавливали кушцы. Геродот (I, 94) пишет, что первыми золотые и серебряные монеты изобрели лидийцы. Чеканка лидийских монет относится ко времени не ранее 640—630 гг. (сохранились монеты, выпущенные около 615 г. [589, с. 1—8]). Это были монеты из электро (естественного сплава золота и серебра) с клеймом на лицевой стороне с изображением головы

льва. Это клеймо служило гарантией полновесности монет и доброкачественности состава металла. Теперь впервые стала возможной торговля без взвешивания металла, игравшего роль денег. Лидийские монеты были основаны на вавилонском стандарте весовых единиц и имели 8,12 г (в Вавилонии сикль весил 8,45 г).

В литературе многократно высказывалось предположение, что персидские цари еще до Дария I чеканили монеты. Например, по мнению П. Гарднера, невероятно, чтобы Малая Азия до времени Дария не имела удовлетворительного золотого обращения в течение 25—30 лет после падения Лидийского царства [295, с. 11 и 15]. Он считал, что персидские *дарики* выпускались непосредственно после захвата Лидии персами и поэтому их ввел в обращение Кир, а не Дарий I. Но в пользу этого предположения нет каких-либо достоверных данных, если не считать утверждения александрийского грека II в. н. э. Гарпократона, который писал, что *дарики* существовали еще до царствования Дария I и получили свое название по имени более древнего царя с тем же самым именем (однако, судя по источникам, такого царя вообще не существовало). Кроме того, Ксенофонт в своем историческом романе «Киропедия» (V, 2, 7) упоминает *дарики*, рассказывая о событиях времени Кира II. Но это явный анахронизм [о недостоверности традиции, приписывающей изобретение *дариков* Киру, см. подробно: 351, с. 22]. Геродот (IV, 166) с полным основанием относит изобретение персидских золотых монет ко времени Дария I. Однако вполне возможно, что после захвата Лидии персидские наместники продолжали выпускать в Сардах монеты того же типа и стандарта, которые раньше чеканил Крез, поскольку Кир обычно сохранял местные экономические и государственные институты [ср. 351, с. 23].

Утверждение Геродота о том, что чеканка персидских монет была предпринята Дарием I сразу после подавления восстаний в начале своего царствования, требует критического отношения.

В Персеполе в фундаменте *ападаны* были раскопаны золотые и серебряные дощечки с надписями Дария I. Под каменными ящиками, которые содержали эти закладные надписи, обнаружены 4 лидийские монеты из «белого золота» (электр) и 4 греческие серебряные монеты. Однако среди них нет ни одной персидской. Всего в Персеполе найдено 39 монет (они, вероятно, были случайно обронены македонскими грабителями города), однако все они происходят из западных провинций державы, и среди них вообще нет *дариков* [627, т. I, с. 138 и сл.; т. II, с. 110—114]. Фундамент персепольской *ападаны* строился между 517—514 гг. Следовательно, изобретение персидской монеты относится ко времени после 517 г. В Персеполе сохранился лишь оттиск печати с изображением *дарика* [627, т. II, с. 14]. *Terminus ante quem* чеканки персидских монет дает клад на канале Афон, сооруженном по распоряжению Ксеркса в 480 г., во время его греческого похода. В этом кладе 300 *дариков* перемешаны с ар-

хаическими тетрадрахмами Афин [627, т. I, с. 110; 624, с. 12 и сл., 24].

Дарий I ввел единую для всей державы монетную единицу, составлявшую основу ахеменидской денежной системы, а именно золотой *дарик* весом 8,42 г, т. е. несколько тяжелее лидийских монет (некоторые экземпляры *дариков* весят 8,41—8,83 г) [352, с. 80; 372, с. СХХI].

Греческий автор Поллукс (III, 87) считал, что название «дарик» происходит от имени Дария. Но это мнение, хотя и принимается некоторыми современными нумизматами [372, с. СХХI; 295, с. 11], не соответствует действительности, и *дарик*, вероятно, обязан происхождением своего названия не имени своего изобретателя (Дарайявауш), а древнеперсидскому слову *dara-pu* — «золото».

Дарик весил $\frac{1}{60}$ вавилонской мины. Таким образом, в основу ахеменидской монетной системы (подобно лидийским монетам) был положен вавилонский стандарт, который был распространен на всем Ближнем Востоке, кроме Сирии, Финикии и греческих городов Малой Азии, где превалировали греческие стандарты [351, с. 24]. *Дарик* равнялся $\frac{1}{3000}$ персидского таланта, который весил 25,92 кг. Благодаря тому, что *дарик* содержал всего 2—3% примеси *и*, следовательно, имел более высокую пробу, чем монеты Креза, он в течение нескольких веков занимал положение главного золотого обращения в торговом мире. Судя по некоторым сообщениям, в Малой Азии *дарики* нашли широкое распространение. Так, по свидетельству Геродота (VII, 28), некий лидиец Пифий наряду с 2000 талантов серебра накопил почти 4 000 000 *дариков* (около 480 г.). В начале IV в. наместник области Эолида в Малой Азии имел в своей личной казне деньги, достаточные для содержания в течение года 8000 воинов (Хен., Hell. III, 1, 15 и сл.). Однако неизвестно, состояли ли эти деньги из *дариков* или же других монет.

Чеканка золотой монеты в Персии, как до этого в Лидии, была прерогативой царя. Во время Ионийского восстания в начале V в. некоторые греческие города Малой Азии стали выпускать монеты из электра. После поражения персов при Платеях в 479 г. города Кизик, Лампсак (Малая Азия), а также острова Хиос, Самос и др. чеканили золотые *статеры*. *Статеры* Кизика наряду с *дариками* нашли широкое распространение в Малой Азии, и в конце V в. сатрап Кир Младший расплачивался со своими эллинскими наемниками *кизикинами*. В течение всего IV в. золотые монеты чеканили также цари Кипра. Некоторые нумизматы считали, что это делалось с разрешения персидского царя. Однако в IV в. власть персов на Кипре часто была неэффективной.

Обычным средством обмена служил серебряный сикль весом 5,6 г (иногда до 5,88 г) и с примесью не более 5%, чеканившийся главным образом в малоазийских сатрапиях от имени персид-

ского царя. Судя по Ксенофонту (Anab. I, 7, 18), 300 *дариков* равнялись одному (вавилонскому) таланту, или 6000 сиклей. Следовательно, 5 *дариков* равнялись одной мине серебра, а 1 *дарик* стоил 20 сиклей [351, с. 29].

Как на *дариках*, так и на сиклях помещалось одинаковое изображение персидского царя (на сиклях оно выполнено менее тщательно). Царь изображен опустившимся на колени, с бородой и в короне, с колчаном на спине и с копьем в правой руке, в вытянутой левой руке он держит лук. Единообразие стиля и отсутствие надписей делает невозможным отнесение персидских монет к тому или иному правителю [351, с. 26].

Наряду с царским в Ахеменидской державе существовали еще следующие типы чеканки: 1) сатрапская, 2) провинциальная с изображением царя и 3) местная чеканка подвластных персам стран и городов, особенно в бассейне Средиземного моря [351, с. 25; 125, с. XXII и сл.]. Все эти монеты находились в обращении одновременно с царскими.

Серебряные и более мелкие медные монеты различной стоимости чеканили также автономные города и зависимые царя. На этих монетах помещались изображения персидских или местных царей. В частности, финикийские города Сидон, Библ и Тир, династ Карию Мавсол выпускали свои монеты с различными изображениями. Например, на монетах из Тира изображен бог Мелькарт, а на реверсе — афинская сова; на библских монетах лев пожирает быка (они содержат также надписи местных царей); на сидонских монетах изображен персидский царь Артаксеркс III на колеснице, погоняемой возницей; за царем стоят двое придворных, а на реверсе — финикийский военный корабль на море. На серебряных и медных монетах из Иудеи содержится легенда *Jehud* древнееврейскими буквами (арамейское название этой провинции), на лицевой стороне — бородатый бог, на реверсе — мужчина в коринфском шлеме. На других монетах из Иудеи изображена сова с легендой *Jehud*, а на оборотной стороне помещено имя жреца Езекии (*Yhzykyh*). Это были монеты, выпущенные первосвященником Иерусалима [418, с. 41; 293, с. 182].

В V—IV вв. серебряные монеты выпускали в своих резиденциях сатрапы Малой Азии и других областей Кир Младший, Фарнабаз, Тиссаферн, Датам, Тирибаз, Оронт и т. д. Но эти деньги предназначались не для экономических потребностей соответствующих сатрапий, а для расплаты с наемниками во время войн. На выпуск золотых монет эти сатрапы не решались даже во время своих неоднократных восстаний против царя.

На монетах сатрапов в большинстве случаев изображен персидский царь, но иногда они сами. Кроме того, монеты содержат греческие или арамейские легенды с именами соответствующих наместников (например, *Trybzw*, *Prnbzw*, *Trdmw* = *Datames*) [125, с. 24—40, табл. III—VI]. Сатрап Киликии в 376—372 гг. Датам изображен в персидской одежде, на коленях у него — колчан,

в руках он держит стрелу, а перед ним — лук. В Даскилее Фарнабаз выпускал серебряные монеты с греческой легендой, содержащей его имя и изображение головы.

В городе Тарс в IV в. собственные монеты выпускал Мазай, сатрап Киликии, куда при Артаксерксе III входила и Финикия (Мазай был наместником Финикии с 361 по 333 г.). На этих монетах встречается его имя (*Mzy*) арамейскими буквами. Другие монеты чеканились от имени Мазая в Финикии (вероятно, в Сидоне), и на них имеется легенда «Мазай, который над Заречьем (Абар-нара) и Киликией». Некоторые моменты чеканки Мазая найдены в Сузах. На них изображен Артаксеркс III, сидящий на троне в египетском головном уборе. В руке он держит скипетр, оканчивающийся цветком лотоса. Сохранились также монеты, выпущенные находившимся на персидской службе Фемистоклом (правителем города Магнесия в Малой Азии) с изображением орла и бога Аполлона [465, с. 386 и сл.; 241, с. 344 и сл.; 372, с. 65 и сл.]. На монетах царя Кипра Эвагора последний изображен с копьём в поднятой правой руке, а на лицевой стороне персидский царь стреляет из лука [125, с. 55].

Согласно Геродоту (IV, 166), Дарий I казнил египетского сатрапа Арианда за то, что выпущенные им серебряные монеты были чище царских. По словам Геродота, в его времена монеты Арианда еще находились в обращении, но до нас они не сохранились. Возможно, Арианд действительно был наказан за то, что его монеты были более высокой пробы, чем царские. Но, скорее всего, причиной казни послужило нелояльное отношение Арианда к Дарию, поскольку Геродот говорит, что Арианд был обвинен в стремлении к мятежу [ср. 351, с. 30].

Однако монеты персидской чеканки мало использовались вне Малой Азии и даже в финикийско-палестинском мире IV в. до н. э. еще не играли никакой роли, хотя первые монеты, упомянутые в Библии, — *далики* [Esr. II, 69; ср. 293, с. 104]. В VI—V вв. во многих странах Персидской державы господствовали греческие серебряные деньги, которые были в регулярном обращении в странах Эгейского бассейна вплоть до Сицилии и Египта. Еще чаще в этих странах ходили слитки нечеканенного серебра, а сикли персидской чеканки играли лишь второстепенную роль. Этим объясняется, что в кладе серебряных монет, найденном в 1933 г. в Кабуле и свидетельствующем о существовании чеканных денег в Восточном Иране (клад был зарыт около 380 г. до н. э.), всего 8 сиклей персидской чеканки. В этом кладе сохранился также квадратный кусочек серебра с двумя клинописными знаками. Х. Фигулла в этих знаках видел имя Кира и считал, что мы здесь имеем персидскую монету, выпущенную около 500 г. Однако это маловероятно, и указанный кусочек был частью серебряной коробики из сокровищницы Ахеменидов [356; 397].

В то же время клад содержит греческие деньги чуть ли не со всех областей Греции (греческих городов Малой Азии, Хиоса,

Эгины, Фасоса и т. д.) и всех времен, начиная от архаических слитков квадратной формы с клеймами до *статеров* и тетрадрахм. Доминирующую роль среди них играют афинские тетрадрахмы (34 из 64 греческих монет VI—V вв.). Афинские тетрадрахмы найдены и в Амударьинском кладе из Северной Бактрии. Таким образом, если персидские *дарики* занимали место мирового золота, среди серебряных денег это место принадлежало греческим (особенно афинским) деньгам [624, с. 6, 25 и сл.].

В IV в. во многих странах Ахеменидской державы появились более или менее самостоятельные чеканки монет, выпущенных по образцу афинских тетрадрахм с греческими легендами и изображением совы и богини Афины [624, с. 13 сл.]. Аттический стандарт превалировал и в Иудее, а также был известен в Сирии и Финикии [119, с. 314; 418, с. 40 и сл.; 213, с. 118; 214, с. 48]. В IV в. палестинские монеты подражают сидонской чеканке [214, с. 48].

До завоеваний Александра Македонского использование монет почти не распространялось на страны, далекие от берегов Средиземного моря, в том числе даже на провинциальные центры Малой Азии [125, с. XXI]. Хотя в V в. купцы некоторых народов (например, финикийцев) широко пользовались не только деньгами своей страны, но и чужеземными, во внутренней торговле в Вавилонии, которая была одной из наиболее экономически развитых сатрапий, вместо чеканной монеты уплата производилась слитками серебра в виде брусочков, стержней, кружочков, звездочек и т. д. [266, с. 329]. В Кальху (современный Нимруд в Ираке) найден клад таких слитков от IV в. до н. э. Эти слитки содержали различные доли примеси (чаще всего $\frac{1}{8}$, реже $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{12}$ и т. д.) и сопровождались штампами с указанием пробы. В документах упоминается также «очищенное серебро», в котором примеси устранялись путем плавки. Такое серебро шло главным образом на уплату царских податей. Меньшую ценность представляло так называемое белое серебро, где процент примесей был высок. При частой купле-продаже слитки стирались, и вес их уменьшался, но это не имело значения, потому что они каждый раз взвешивались.

В тех случаях, когда монеты попадали в обращение в Вавилонии, они тоже принимались по весу как нечеканенный металл. *Дарики* в вавилонских текстах совершенно не упоминаются, а первое упоминание греческого *статера* относится к 319 г. до н. э., т. е. к селевкидскому времени [UET IV, 43]. Еще при первых Селевкидах одновременно с монетами в обращении находились и слитки. Характерно, что в аккадском языке понятие «купить» выражается словами «увести (унести) за серебро», а сам термин «серебро» (*kaspu*) происходит от глагола со значением «ломать» (на куски).

Золото в Вавилонии, Египте и вообще на всем Ближнем Востоке было товаром и не употреблялось в качестве денег.

Вавилонский сикль был весовой единицей, равной 8,4 г, 60 сиклей составляли одну мину (505 г), а 60 мин — талант (30 кг). Многие ассириологи полагали, что монеты местной чеканки были широко распространены в Месопотамии еще в новоассирийский и нововавилонский периоды (VIII—VI вв.). Эти ученые ссылаются на надпись Синаххериба, где говорится об изготовлении в глиняных формах полусиклей бронзы (Luckenbill, с. 123, стб. I, 29; 634, стб. 278; 543, с. 231 и сл.; 640, с. 184 и сл.; 607, с. 22 и сл.; 480, с. 345]. Но такое мнение находится в противоречии с большим количеством документов, и чеканная монета даже при Ахеменидах еще не циркулировала в Вавилонии и в лучшем случае могла употребляться лишь для торговли с греческими городами. Нумизматы ссылались также на слово *dariku* в аккадских текстах I тысячелетия, считая его вавилонской транскрипцией для слова «дарик». Но впоследствии выяснилось, что это слово обозначает какой-то сосуд для фиников.

Приблизительно такое же положение было и в Египте персидского времени, где серебро при уплате взвешивали «царским камнем». Как полагает Э. Крэлинг, государственные учреждения в Египте везде имели такие стандартные камни для взвешивания серебра. Однако вместе с ослаблением могущества Ахеменидов царские меры стали постепенно вытесняться мерами частных лиц. Например, в одном арамейском папирусе упоминается «камень (бога) Птаха» [AP 11]. По мнению Крэлинга, папирус этот был написан, когда в Египте произошло восстание и был принят древний египетский стандарт, который упоминается и в демотических документах времени Дария I [Kraeling, с. 38 и сл.]. Иногда в арамейских папирусах встречается выражение «очищенное серебро», что свидетельствует о влиянии вавилонской денежной системы. Это влияние сказалось и на подразделениях сикля (упоминаются $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$ сикля).

Большой интерес представляет арамейский контракт о продаже в 402 г. дома на Элефантине, принадлежавшего «каспийцу» Багазшту. Дом был оценен в 1 *каршу* (10 сиклей, ср. ниже) и 3 сикля, которые были уплачены «яванским (т.е. ионийским) серебром в 6 *статеров* и 1 сикль» [Kraeling, с. 12]. Таким образом, 2 сикля в тексте почти приравняются одному *статеру* (очевидно, по весу). Б. Портен считает, что в таком случае элефантинский сикль должен был весить 8,76 г, поскольку афинская тетрадрахма весила 17,52 г. [573, с. 64 и сл.]. Содержащееся в этом папирусе упоминание о *статере* является самым древним в арамейских текстах. Греческий *статер* упоминается также в арамейском папирусе, составленном на рубеже V—IV вв. (AP 35—5-й год Амиртея; см. также AP 37 — без даты; документ фиксирует получение ссуды в 12 *статеров*). В текстах речь идет об афинских тетрадрахмах (Яван — Иония, но в Египте и Вавилонии так называли вообще все греческие области). Следовательно, в конце V в., когда в Египте пошатнулось персидское господ-

ство, а в Нижнем Египте вспыхнуло восстание под руководством Амиртея, даже на юге этой страны, оставшемся верным персам, начали циркулировать греческие монеты [ср. Kraeling, с. 40]. А в IV в. в Египте стали широко распространяться греческие монеты разных типов. Кроме того, в Мемфисе найдены золотые монеты с различными изображениями и иероглифическими надписями, которые переводятся «хорошее золото». По-видимому, это были монеты, выпущенные местными фараонами IV в., когда Египет был самостоятельной страной [428, с. 117].

В самой Персии монеты не находились в обращении, и работники царского хозяйства и даже высшие государственные чиновники получали свою плату и жалованье печеканенным серебром и натуральными продуктами⁴⁰. Такая же практика засвидетельствована и в документах из Вавилонии и Египта. Возможно, что лишь в малоазийских сатрапиях жалованье выдавалось чеканенным серебром. Во всяком случае, воины-наемники в Малой Азии жалованье получали золотыми, серебряными и медными монетами. *Дарики* вообще не упоминаются в персепольских документах, а сикль и *карша*, о которых часто говорится в этих текстах, были весовыми единицами, а не денежными знаками [ср. 119, с. 167 и сл.]. Персидский сикль был равен вавилонскому, а 10 сиклей составляли одну *каршу* (83,33 г.). По-древнеперсидски сикль назывался *радика* — дословно «баран». Как полагает Я. Харматта, когда возник этот термин, баран стоил 1 сикль серебра (вероятно, еще в VII в. у мидийцев) и в те времена скот был платежным средством [347, с. 301 и сл.; см. также: 302, с. 184]. Попутно отметим, что в Луристане найден клад слитков серебра начала I тысячелетия до н. э., игравших роль денег [159]. В персепольских текстах упоминается также *дāпака*, которая составляла $\frac{1}{10}$ сикля, а позднее обозначала и мелкую серебряную монету. В Персеполе найдена гиря в одну *каршу*, а гиря в две *карши* с клинописной надписью была опубликована еще в 1916 г. Ф. Х. Вейссбахом [712, с. 78 и сл.; см. также: 710, с. XXII; 424, с. 114]. В Персеполе найдена также гиря из диорита в 120 *карш* (9,950 кг) с трехязычной клинописной надписью, удостоверяющей ее вес [627, т. I, с. 193; т. II, с. 105 и сл.]. Одна диоритовая гиря имеет вес 60 *карш* [386, с. 7; 42, с. 373, примеч. 203]. Одна из этих гирь (весом 2222,425 г) хранится в Ленинградском Эрмитаже. При этом на ней, как и на других гирях, клинописный текст удостоверяет вес. Недавно гиря ахеменидского времени была найдена также и в Афганистане [684, с. 277—280]⁴¹.

⁴⁰ Сначала издатель персепольских текстов Дж. Камерон считал, что последние свидетельствуют о переходе от натурального хозяйства к денежному [РТТ, с. 25 и сл.]. Но это мнение, хотя и было принято большинством исследователей, оказалось неверным, и позднее Камерон отказался от него.

⁴¹ Что касается других мер, в Персеполе найден парфюмерный флакон, объем которого указан на нем самом — $8\frac{1}{3}$ *ка* (1 *ка* = 0,945 л; однако верх-

Все эти каменные гири пирамидальной формы были стандартными весовыми единицами, которые персидская администрация считала обязательными не только для Персии, но, вероятно, также и для сатрапий, но крайней мере при уплате царских податей, хотя в Египте, Вавилонии и других странах сохранялись и старые местные меры веса. Например, в Вавилонии каждый храм и крупные деловые дома имели свои меры веса и объема, которые отличались друг от друга и постепенно вытеснялись царской мерой. До нашего времени сохранились вавилонские гири с клинописными надписями, указывающими их вес [например: BIN II, табл. LXXIII]. Одна из египетских гирь имеет вес 8,78 г, что соответствует стандарту эфептинского сикля в 8,76 г [573, с. 63]. Такие же гири известны и из Иудеи. Они сделаны из камня и бронзы, и некоторые имеют надписи: «сикль», « $\frac{1}{4}$ сикля» и т. д. [40, с. 144]. В Абидосе (на Гедлесионте в Малой Азии) найдена бронзовая гиря V в. в форме льва с арамейской надписью. Ее вес — 31,099 кг (до недавнего времени неверно считали, что ее вес равнялся 25,157 кг), что близко к вавилонскому (30,30 кг) и солонову таланту (29,628—30,96 кг) [издавалась многократно; последняя публикация: 514, там же и предшествующая литература]. Олмстед переводит надпись на этой гире: «в точном соответствии с сатрапией царя» [547, с. 158]; перевод этот, несомненно, следует отвергнуть в пользу следующего: «в точном соответствии с серебряным *статером*(?)».

Персы в основном монетами пользовались для коммерческого обмена с греками на границах державы и для уплаты жалованья наемникам [125, с. XXI].

В ахеменидский период области Восточного Ирана впервые ознакомились с монетами, и на территории Средней Азии были найдены образцы *дариков* и других ахеменидских монет [56, с. 6], но нет оснований говорить об их широком распространении. Все это легко объясняет то обстоятельство, что кроме Малой Азии монетные клады ахеменидского времени встречаются очень редко, в том числе в Вавилонии и в самой Персии.

В тех странах, где платежи производились нечеканенным серебром, по-видимому, и частные лица, не говоря о храмах, имели право изготавливать слитки серебра, придав им определенную форму, вес и чистоту подобно тем слиткам, которые уже находились в обращении. Храмы и дворец в Вавилонии, Египте и других странах Ближнего Востока выработали определенную технику для реализации больших сумм податей и добровольных даров, и эта техника была принята государственной администрацией Ахеменидов. Уплата податей осуществлялась серебром довольно

няя часть сосуда отломана, поэтому полной уверенности в точности определения его объема нет) [627, т. II, с. 108 и сл.; 378, с. 237 и сл.; ср. 676, с. 123, согласно которому 1 *ка* в Вавилонии равнялось 0,97 л]. Наряду с этой вавилонской мерой существовала и чисто персидская мера — *артаба* весом 30 *ка* (по другим источникам, гораздо больше).

плохого качества, а натуральные налоги оценивались официальными экспертами, чтобы установить их цену в серебре [551, с. 116—120]. Чтобы получить необходимое единообразие, серебро направлялось в храмовые и государственные мастерские для очищения и переплавки в слитки стандартного веса и качества, после чего эти слитки клались в сокровищницы.

Среди табличек сокровищницы Персеполя сохранился один документ, написанный на аккадском языке и фиксирующий уплату государственных податей в 19—20-м финансовом году царствования Дария I (502 г.). Внесенное серебро было оценено по чистоте и весу, и после такой оценки был произведен окончательный подсчет и установлено, какую сумму еще необходимо внести указанным налогоплательщикам исходя из того, что налоги должны были уплачиваться серебром определенного стандарта. В документе отмечается, что четырьмя налогоплательщиками было внесено серебро трех видов (белое, второсортное и низшего сорта) и в зависимости от качества металла уплаченные суммы были уценены от 0,416 до 10% [РТТ, с. 4 и 200—203]. В свете этого документа становится понятным и то обстоятельство, что на большом числе персидских серебряных сиклей обнаружено множество мелких штампов и других отметок, которые, вероятно, были оставлены финансовыми чиновниками [ср. 295, с. 5 и сл.].

Драгоценный металл, принадлежавший государству, подлежал чеканке по усмотрению царя, и большая его часть оставалась нечеканенной. Геродот (III, 96) пишет, что в Персии металл вливают в расплавленном виде в глиняные кувшины и затем эти кувшины разбивают. Когда нужны были деньги, царь указывал, сколько золота надо отрубить. Согласно Страбону (XV, 3, 21), персы хранили золото и серебро большей частью в виде утвари, а в монете — немного: лишь столько, сколько нужно для обращения. В «Экономике» (II, 1—4) псевдо-Аристотеля говорится, что персидский царь регулировал соотношение между золотом и серебром и большая часть этих металлов оставалась нечеканенной и что чеканка монет была исключительной монополией персидского царя. Царь решал, какая часть поступающих от сатрапов натуральных податей пойдет на содержание армии, двора и государственного аппарата, а также для выплаты работникам государственного хозяйства. При этом большая часть расходов производилась натурой. Царь решал также, какую часть платы выдать работникам натурой и какую деньгами. Таким образом, царь манипулировал курсом драгоценных металлов в свою пользу на основе огромных запасов нечеканенного металла, который Ахемениды накопили в своих сокровищницах начиная со времени Кира II [148, с. 192 и сл.].

В то время как в Греции золото стоило в десять раз дороже серебра, в Персидской державе это соотношение равнялось 1:13^{1/3} (утверждение Геродота о соотношении золота к серебру как 1:13,

как показал Э. Мейер, неточно). Такая политика дешевого серебра обеспечивала царской сокровищнице ряд выгод, так как работники царского хозяйства получали свою плату в серебряном исчислении, т. е. значительно меньше, чем они получали бы, если бы мерилом обмена было более дорогое золото. Кроме того, сам принцип оплаты был выгоден для сокровищницы, так как она вместо денег выдавала, в частности, такие скоропортящиеся продукты, как вино и баранина. Часть этих продуктов работники продавали обратно сокровищнице по установленным последней ценам, и таким образом государство извлекало дополнительные выгоды [119, с. 168].

Однако политика дешевого серебра имела для царской сокровищницы и свои отрицательные последствия, так как греки могли покупать нечеканенное серебро в странах Ахеменидской державы, привозить его в Грецию и чеканить там, с тем чтобы потом реализовать серебряные монеты в Персидском государстве. Это приводило к утечке серебра в Грецию. Поэтому царская сокровищница перешла к чеканке собственной полноценной серебряной монеты, которая была на $\frac{1}{4}$ тяжелее аттической драхмы, стремясь противопоставить эту монету греческим серебряным деньгам [119, с. 169].

Когда Александр Македонский захватил Сузы, в царской сокровищнице было найдено 40 000 талантов в слитках и только 9000 в монетах (Curt. V, 2, 11 и сл.; Diod. XVII, 7). Кроме того, македонцы захватили в Иссе 3000 талантов благородных металлов, в Вавилоне — 20 000, в Пасаргадах — 6000, в Экбатанах — 12 000, в Персеполе — 120 000, в Сардах — 2000, в Дамаске — 3000 и в Арбеле — 3500 (Curt. V, 6, 10). Общее количество золота и серебра, которое хранилось в ахеменидских сокровищницах к концу существования Персидской державы, составляло, считая по тарифу серебра, не менее 235 630 аттических талантов (более 7 млн. кг) [119, с. 109 и сл.; ср. 627, т. I, с. 156 и сл.].

Таким образом, деньги, поступавшие в качестве государственных податей, в течение многих десятилетий откладывались в царских сокровищницах; они были изъяты из обращения, и только небольшая часть этих денег поступала обратно в качестве жалования для наемников, а также расходовалась для содержания двора и администрации. Поэтому для торговли не хватало чеканной монеты и даже драгоценных металлов в слитках [195, с. 3; 341, с. 70 и 74; 547, с. 298; 614, с. 20 и сл.]. Это наносило большой вред развитию товарно-денежных отношений и принуждало к сохранению натурального хозяйства или заставляло прибегать к прямому обмену товарами. Как свидетельствуют документы из Вавилонии, в этой стране при Ахеменидах нередко из-за нехватки серебра имела место меновая торговля (например, финики или ячмень обмениваются на овец и крупный рогатый скот, рабов, шерсть, одежду, золото, вино и пиво; см. [BIN I, 95; Camb 44; Dar 282 и 291; NRV 658, 850 и др.]). Поэтому стремление ахеме-

нидских царей к установлению монетного стандарта и его внедрению в торговлю большого успеха не имело. Во многих странах продолжало преобладать натуральное хозяйство, а денежное хозяйство в большинстве случаев играло лишь подчиненную роль.

Сокровищница

Сокровищница являлась финансовым управлением государства и распоряжалась не только золотом, серебром, слоновой костью, сосудами из драгоценных металлов, драгоценными камнями, оружием, коврами, шелком и т. д., но также зерном, вином, маслом, скотом, одеждой и т. д. [411, с. 52; 220, с. 239; 119, с. 162 и сл.; ср. 511, т. III, с. 86 и сл.]. Например, в персепольских текстах говорится о доставке растительного масла, шкур овец и крупного рогатого скота в сокровищницы в Ширазе, Батракаташе, Матеззише и т. д. [PF 58—71, 75, 76, 128—131]. Далее, в некоторых местах при сокровищнице была расположена и пекарня [PF 405, 406]. Однако наряду с сокровищницами существовали и склады (эламское *amparaš*, которое является транскрипцией др.-иран. *hambāra*; отсюда происходит и русское слово «амбар») [литература: PF, с. 666]. Заведующий складом (*hambārabara*) имел дело с зерном, овцами, маслом и т. д.

Заведующий сокровищницей, его помощник и многочисленный штат учетчиков и писцов занимались приемом, проверкой, запечатыванием, хранением и выдачей различных товаров (ср. в арамейских документах из Египта выражения: «секретари сокровищницы» и «счетоводы сокровищницы» — AP 17, 26 и др.) [литература: 627, т. I, с. 172; 332, с. 180].

Само слово для обозначения сокровищницы (*ganza*) было заимствовано ахеменидской администрацией из мидийского языка [301, с. 10; 358, с. 197; 488, с. 13 и сл.]. Оно наряду с *ganzabara* («сокровищепхранитель») встречается в разных формах в эламских, арамейских, аккадских, библейских, греческих и других источниках ахеменидского времени [610, с. 245 и 264; AD, с. 77]. Слово *praganzabara* («помощник заведующего сокровищницей») встречается в арамейских надписях V в. до н. э. из Персеполя [627, т. II, с. 55, примеч. 69 — с ссылкой на В. Эйлерса]. Первоначально слово *ganza* не относилось лишь к благородным металлам и значило «изобильный» [358, с. 198]. Впоследствии оно было заимствовано эламским (в форме *kanzam*, ср. его эламский коррелят *kapnuški*), почти всеми семитскими (в том числе аккадским — *aktenzi*, ср. также *ganzabara* вавилонских текстов), греческим, ливийским, санскритом и многими другими языками, включая и русский, со значением «сокровище», «казна» [610, с. 245; 264, с. 43—123 и сл.; 434, с. 190 и 1062].

Как показали раскопки, сокровищница в Персеполе, строительство которой закончилось к 492 г., составляла громадный комплекс зданий длиной 133,90 м и шириной 77,60 м (общая площадь около

11 000 кв. м), построенных из сырцового кирпича [627, т. I, с. 157 и сл.]. В ней было почти 110 отдельных помещений, и она функционировала более 150 лет, пока ее не разграбили македонские завоеватели.

О содержании этой сокровищницы говорят найденные там археологами вещи. Это осколки разбитой царской посуды, ассирийский кубок из гранита, когда-то принадлежавший царю Ашшур-банапалу (сохранилась надпись с его именем), алебастровые вазы, статуэтки египетских божеств, различные предметы с именами фараонов Нехо и Амасиса, а также нововавилонских царей, вавилонская скульптура, греческая мраморная статуя, около двухсот печатей, часть из которых — чужеземные (среди них даже периода Джемдет-Наср), каменная посуда, стеклянные изделия, бронзовые сосуды, оружие и т. д. Часть этих вещей поступила в сокровищницу в качестве даров или податей персидскому царю, а другая являлась военной добычей [ср. 627, т. I, с. 156 и сл.]. О содержании персепольской сокровищницы яркое представление дают также рельефы с изображением представителей различных народов, доставлявших подати и дары ахеменидским царям.

Главные сокровища Ахеменидов, по-видимому, хранились в Персеполе, несмотря на утверждение Геродота (V, 49), что богатства персидских царей находились только в Сузах. По свидетельству Диодора (XVII, 7) и Курция Руфа (II, 16, 9), македонцы захватили в Персеполе 120 000 талантов благородных металлов, т. е. почти половину всей денежной добычи, доставшейся им во время войны с персами (правда, согласно Страбону, XV, 3, 9, в Сузах и Персиде было захвачено 40 000 — 50 000 талантов).

Персепольская сокровищница постоянно упоминается в эламских хозяйственных текстах, и поэтому без труда можно восстановить механизм ее функционирования в течение нескольких десятилетий. Ее заведующими неизменно выступают иранцы (Фарнадат, Багадат, Датамитра и т. д.). В распоряжении заведующего сокровищницей была царская печать с клинописной трилингвой: «я, Дарий...», которой продолжали пользоваться и в период царствования Ксеркса [384, с. 262]. Сохранилось также много ярлыков с оттисками печатей, которые в качестве учетных документов были прикреплены к положенным в сокровищницу предметам, разграбленным затем войнами Александра Македонского или сгоревшим в пожаре (от некоторых оттисков печатей уцелели лишь обугленные фрагменты) [627, т. II, с. 5].

Многие тексты фиксируют доставку из разных мест в Персеполь золота и серебра. В одном документе говорится о приеме в Персеполе 600 *кари* золота, привезенного из города Увадачайя [РТТ 83]. Согласно другому тексту, в 500 г. 4 человека во главе с заведующим сокровищницей были заняты доставкой серебра из Суз в Матезиш [РФ 1342]. Вероятно, в конечном итоге это серебро также предназначалось для Персеполя. В следующем году какое-то «вавилонское сокровище» было привезено из Суз в Персе-

поль, и начальник охраны имел специальный пропуск, полученный в Сузах [PF 1357]. По мнению В. Хинца, заведующий сокровищницей в Персеполе одновременно имел в своем подчинении и другие сокровищницы, расположенные в Персии (в Ширазе, Пасаргадах и т. д., всего семь сокровищниц, не считая персепольской) [384, с. 265].

Дж. Камерон высказал предположение, что персепольская сокровищница была не общегосударственной, а провинциальной царской сокровищницей Персиды [РТТ, с. 11 и сл.]. Однако в Ахеменидской державе, по всей вероятности, не существовало четкого разграничения государственной и царской собственности, как и государственных и царских доходов. Все государственные поступления, в том числе подати, пошлины и т. д., считались царской собственностью, так же как и доходы с царских владений в собственном смысле слова [ср. 411, с. 52, примеч. 1; 327, с. 41; 119, с. 81]. Об этом, в частности, свидетельствуют арамейские папирусы с Элефантины, которые фиксируют выдачу жалованья воинам-наемникам из «царского дома». Под последним имелась в виду царская сокровищница на Элефантине, которая была всего лишь небольшим складом натуральных продуктов. Во время археологических раскопок в здании этой сокровищницы было найдено много кувшинов и других сосудов с финикийскими и арамейскими надписями [Kraeling, с. 80; 173, с. 138]. В текстах говорится, что лица, взявшие ссуду зерном, должны вернуть ее из рационов, которые будут выданы из «сокровищницы царя». Далее в документах в качестве синонима того же выражения употреблены слова «дом царя» [AR 2; Kraeling, с. 11]. Но в другом папирусе отмечается, что ссуда в 4 сикля серебра должна быть погашена должником из жалованья, которое он получит из «сокровищницы» [AR 11].

Крупные царские сокровищницы были, судя по литературным данным, также в Пасаргадах, Экбатанах, Сузах, Вавилоне, Мемфисе и т. д. (ср. выше, с. 212). Например, Александр Македонский захватил в Сузах, не считая золота и серебра, 5000 талантов пурпура и много других ценностей [Plut., Art. 36]. Согласно Арриану (Anab. III, 16,7 и сл.), добыча македонских завоевателей в Сузах включала также все, что Ксеркс увез из Греции во время своего похода туда, в том числе бронзовые статуи Гармодия и Аристоклитона. Как полагает Шмидт, эти статуи хранились в царской сокровищнице, поскольку в персепольской сокровищнице также найдена греческая статуя [627, т. I, с. 156 и сл.].

Страбон (XV, 3, 21), ссылаясь на Поликлета, современника Александра Македонского, пишет, что каждый персидский царь строил в Сузах сокровищницу и склады для хранения податей, собранных в течение своего царствования. Рассказывая о богатствах персидских царей, хранившихся в Сузах, Афиней (Deipnosoph. V, 197 B; XII, 539 D) упоминает золотую виноградную лозу, украшенную алмазами, которая была протянута над царским ложем, а также платановые деревья, изготовленные из золота.

Как известно, после захвата Вавилоны персами начальником царской сокровищницы в Вавилоне был назначен иранец Митрадат, который по приказу Кира II выдал представителю иудейской общины Шешбацару 5400 золотых и серебряных сосудов, увезенных Навуходоносором из Иерусалимского храма (Esr. I, 7—11). По-видимому, преемником этого Митрадата был другой иранец, Багасар, который занимал должность заведующего царской сокровищницей в Вавилоне по крайней мере 18 лет, с 518 по 500 г. [220, с. 237].

В аккадских текстах ахеменидского времени для обозначения чиновника финансового ведомства по оценке поступающих в сокровищницу податей встречается и иранское слово *gitepatu*, которое первоначально имело значение «надзиратель над скотом» [об эволюции этого термина см. 680].

Судя по текстам из Египта, государственная сокровищница этой сатрапии находилась в Мемфисе под покровительством бога Птаха. В демотических папирусах упоминается «серебро сокровищницы Птаха» [173, с. 176]. При Дарии I ее заведующим был египтянин Птахотец, статуя и стела которого сохранились до наших дней (см. ниже, с. 300). Кроме того, каждый египетский округ (ном) имел свою местную сокровищницу со счетоводами и писцами. В текстах, в частности, упоминаются чиновники сокровищницы, которые выплачивали жалованье воинам [173, с. 137 и сл.]. Общий надзор над всеми этими сокровищницами осуществлял сатрап страны. Из писем египетского наместника Аршамы видно, что сатрапы и другие знатные иранские вельможи имели собственные сокровищницы со значительным штатом счетоводов и писцов.

Торговля

Относительное политическое спокойствие, наступившее на всем Востоке после 20-х годов VI в., хозяйственный расцвет, хорошие морские пути, образцовое содержание старых торговых дорог и строительство новых, более широкое использование денег, а также оживленные контакты между представителями различных народов — все это способствовало развитию международной торговли в неизвестных до того времени масштабах.

В Ахеменидской державе было несколько крупных караванных дорог, которые соединяли области, удаленные друг от друга на многие сотни километров. Одна такая дорога начиналась в Лидии, пересекала Малую Азию и продолжалась до Вавилона. Другой путь из Месопотамии проходил через бывшую территорию коренной Ассирии и также вел в Малую Азию. Из Тарса в Малой Азии два торговых пути вели: один через Киликийские ворота на север и в конечном итоге к Черному морю, второй — на запад по берегу моря, затем через Карманию. С Северного Причерноморья по южнорусским степям через Урал в Сибирь был проложен путь, по которому в западные страны поступало золото. Большое значение имела караванная дорога, которая, пересекая Загросские горы,

соединяла Вавилон с Экбатанами и продолжалась далее до Бактрии и индийских границ. Связи района Эгейского моря с Закавказьем и северной частью Передней Азии осуществлялись по дороге, которая шла от Иссенского залива до Синопы, через Малую Азию, Иран с долиной Инда связывала дорога через Мекран.

Наконец, самой большой дорогой являлась так называемая царская дорога протяженностью около 2400 км. Она шла из Эфеса на западном берегу Малой Азии к Сардам, далее через Месопотамию вдоль Тигра, через Персеполь и Пасаргады в Сузы. Через каждые 25—30 км здесь были расположены станции со служебными помещениями. Часть пути была вымощена камнем, и кое-где до сих пор сохранились следы каменного покрытия, и в одном месте в Персии обнаружены остатки павильона с базами колонн в ахеменидском стиле, украшенными цветами лотоса. Этот павильон был расположен у той части царской дороги, которая связывала Сузы и Персеполь.

За безопасностью дорог в границах своих областей следили сатрапы, которые чинили расправу над грабителями [о торговых путях в ахеменидское время см. подробно: 204; 426, с. 120 и сл.; 453, с. 89—109].

По распоряжению Дария I был восстановлен канал от Нила до Суэца, существовавший еще за сто лет до персидского правления, при фараоне Нехо, но ставший позднее несудоходным. Канал соединил Нил с Красным морем через Вади-Тумилат. Ширина канала была до 45 м, и, чтобы добраться от Бубастиса до Красного моря, требовалось 4 дня. Вдоль берегов канала было установлено 5 стел из красного гранита, содержащих надписи Дария I египетскими иероглифами и клинописной трилинговой. Согласно одной египетской надписи, царь послал корабли, чтобы проверить судоходность канала, и на расстоянии 84 км воды не оказалось. Суэцкий канал соединил Египет морским путем через Красное море с Персией, и, таким образом, из Египта в Индию тоже была проложена дорога. По свидетельству египетской надписи, флот из 24 кораблей, нагруженных податью, направился из Египта в Персию, пользуясь каналом [575, с. 180 и сл.; 576; ср. Herod. II, 158 и сл.; Diod. I, 33; Strabo XVII, 8]. До последнего времени полагали, что Суэцкий канал был сооружен в первой половине царствования Дария I. Ж. Йотт, исходя из вариантов написания имени Дария в египетских текстах, показал, что строительство канала было завершено в последней трети правления этого царя [425, с. 266]. В. Хинц, опираясь на документы крепостной стены, упоминающие доставку различных предметов в Персеполь, полагает, что сооружение канала было закончено в 498 г. [390, с. 120].

Для развития торговых связей большое значение имела и экспедиция Скилака, морехода из Карианды в Малой Азии, которому около 518 г. Дарий I велел исследовать устье Инда и возможность установления морских связей между Индией и другими странами державы. Корабли Скилака прибыли по реке Инд до

океана и затем в объезд Аравии и вдоль южных берегов Ирана добрались до побережья Красного моря за 30 месяцев. Персидский залив, с древнейших времен являвшийся центральным путем морских связей Востока и Запада, в результате мероприятий Дария I приобрел особое значение для развития торговли [622]. Лишь один морской путь потерял полностью свое значение в ахеменидское время. Ур, один из древнейших городов мировой цивилизации, расположенный на морских путях от Индийского океана к Средиземному морю, в течение многих веков играл колоссальную роль в международной торговле, особенно с западными семитами. В VIII—VII вв. Ур пережил период политического и экономического возрождения и еще в период царствования Камбиза находился в расцвете. Но после 400 г. город потерял всякое экономическое и торговое значение и практически был заброшен его жителями. Это произошло в результате того, что Евфрат резко изменил свое течение, ирригационная система городской округи стала бесполезной и гавани были занесены песком [453, с. 107 и сл.; 179, с. 347; 732, с. 2]. Это нанесло значительный урон вавилонской торговле, так как перевозка товаров по суше стоила дорого и требовала много времени.

Для развития торговых связей большое значение имело и различие в природе и климатических условиях стран, входивших в состав Ахеменидской державы. Вавилония играла роль посредника в торговле между финикийско-палестинским миром и странами к югу и востоку от Месопотамии, а также с Южной Аравией. Особенно оживленной стала торговля Вавилонии с Египтом, Сирией, Эламом и Малой Азией, где вавилонские купцы покупали золото, серебро, железо, медь, олово, вино, фрукты, полудрагоценные камни, строительный лес и т. д. Из Египта и Сирии вавилоняне покупали квасцы для крашения шерсти и отбеливания одежды, а также для производства стекла и медицинских целей [731, с. 155; 29, с. 15 и сл., там же приведены и ссылки на тексты; ср. Plin., Nat. Hist. IV, 4 и XXV, 52].

Насколько высоко ценилось дерево в безлесной Вавилонии, видно из следующих документов. Согласно одному тексту из Ниппура, Римут-Нинурта из дома Мурашу купил за 5 мин серебра две двери «полностью из дерева по 15 локтей длиной и 3,5 локтя 8 пальцев шириной... Если возникнут какие-либо претензии относительно этих дверей, [продавцы] должны очистить эти двери перед судьями [и] передать Римут-Нинурте» [УМ 173]. Другой документ из Сиппара, составленный при Кире, свидетельствует о том, что, когда возникла тяжба из-за 12 балок, истцу и ответчику пришлось ехать в Вавилон, где судьи должны были решить дело по «царским законам».

В самой Персии товарно-денежные отношения были очень слабо развиты. Согласно Геродоту (I, 53) и Страбону (XV, 3, 19), у персов не было рынков, так как они не продавали и не покупали. Но в Египте найдены зеркала, вазы и другие предметы, изготов-

ленные персидскими ремесленниками и доставленные из Персии [литература: 173, с. 392, примеч. 51 и 52]. В Египте была развита и внутренняя торговля, и Геродот (III, 139) упоминает рынок в Мемфисе.

Из Эфиопии в Египет привозили строительный лес, слоновую кость, скот, рабов и т. д.

Египет поставлял в города материковой Греции зерно, полотно, папирус, покупая у них взамен вино и оливковое масло [341, с. 6]. Первоначально греческая торговля в Египте ограничивалась городом Навкратисом. Впоследствии, по свидетельству Геродота (II, 39), на египетских рынках торговали эллинские купцы. Постепенно греки не только вытеснили финикийцев из бассейна Эгейского моря, но стали и в других районах успешно конкурировать с ними. Об этом свидетельствует распространение греческих денег во многих странах Персидской державы, начиная от территории современного Афганистана и кончая Египтом. Так, афинские монеты VI в. найдены в Загезуре (южная часть советской Армении), милетские монеты V в. — на Аринберде, предметы греческой торевтики — в Западной Армении, что свидетельствует о торговых связях Армении с Грецией и Малой Азией [93, с. 92 и сл.].

Из материковой Греции в страны Востока вывозили оливковое масло, вино и керамические изделия. Например, афинские вазы найдены не только на берегах Черного моря, но и в столицах Ахеменидской державы. Аттические и родосские керамические изделия в большом количестве найдены также в Иерусалиме. О торговле греков с Вавилонией свидетельствуют многочисленные эллинские (почти все они афинские) керамические изделия второй половины VI в., найденные в Вавилоне. Там же были раскопаны аттические лампы V—IV вв. [718, с. 51 и сл.].

Международная морская торговля в Ахеменидской державе находилась главным образом в руках купцов из финикийских городов Сидон, Тир, Арад и Библ, расположенных на стыке трех материков. В этих городах было сильно развито ремесло, изделия которого были рассчитаны на экспорт. Например, в Тире было много красивых мастерских, изготавливавших пурпурную краску, которая, по Страбону (XVI, 2, 23), считалась самой красивой в мире. В Финикии производили стеклянную посуду для экспорта (по утверждению Плиния, финикийцы были даже изобретателями стекла, что, однако, неверно). Геродот (III, 6) пишет о доставке из Финикии в Египет амфор с вином, и это сообщение подтверждается находкой там большого числа кувшинов с финикийскими надписями. Один арамейский папирус персидского времени свидетельствует о доставке в Египет «сидонского вина» [507, с. 23 и сл.]. Согласно Геродоту (I, 194), финикийцы привозили свое вино в глиняных сосудах также и в Вавилонию.

Крупные торговые колонии финикийцев существовали и на Кипре. Например, кипрский город Китион состоял из финикийского населения.

В Книге Неемии (XIII, 16) говорится о купцах из Тира, кото-

рые подолгу жили в Иудее (как в Иерусалиме, так и вне его), продавая там рыбу и другие товары. О внутренней торговле в Иудее в той же Книге Неемии (XIII, 15) говорится о том, что земледельцы окрестных мест возили в Иерусалим на ослах вино, виноград, смокву и т. д. для продажи.

Из Аравии в Иудею и другие страны доставляли пряности, косметику, мирру, алоэ и т. д. [446, с. 67]. Кроме того, Египет обеспечивал другие страны золотом, слоновой костью, стеклянными бусами, эбеновым деревом и другими предметами роскоши. Финикия и Сирия вывозили кедровое дерево, красители, посуду, мрамор, базальт и т. д. Из Малой Азии доставляли железо, серебро, с Кишра — медь, а из районов верхнего течения Тигра вывозили медь и известняк [ср. 63, с. 9]. Из Индии импортировали золото, слоновую кость и благовония. Из Согдианы и Бактрии в страны Передней Азии поступали лазурит и сердолик, а из Хорезма — бирюза [см. 618, с. 48, где приведена литература и обзор новых находок лазурита из Бадахшана на территории древней Бактрии]. Ктесий упоминает бактрийца, занимавшегося мелкой торговлей и обладавшего сотнями самоцветов [76, с. 135]. Из Бактрии в страны Ахеменидской державы поступало сибирское золото (но в V в. до н. э. приток этого металла прекратился из-за движения народов Средней Азии, отрезавшего торговые пути [668, с. 109]). Одним из основных источников золота до конца господства Ахеменидов оставались прииски на реке Пактол в Лидии. Судя по сообщению Ктесия (fr. 45), в Бактрии были глубокие серебряные рудники [73, с. 41]. В Кармании производили масло из аканфа, которое пользовалось большим спросом даже при дворе персидского царя (Athenaios, Deipnosoph. II, 74).

С берегов Персидского залива и с Геллеспонта вывозили соленую, сушеную и копченую рыбу.

Судя по предметам ахеменидского искусства, найденным в сарматских курганах V — начала IV в. близ Орска (изделия из листового серебра в виде полой фигуры лошади, золотая массивная гривна, сосуд с надписью Артаксеркса I и т. д.), южноуральские кочевники поддерживали торговые контакты со среднеазиатскими сатрапиями Персидской державы. На территории Средней Азии обнаружены даже изделия, изготовленные греческими ремесленниками города Навкратис в дельте Нила [70, с. 26]. О торговых связях Ирана со Средней Азией и областями к северо-востоку от нее свидетельствуют и раскопки алтайских курганов VI—IV вв., где в условиях вечной мерзлоты среди других предметов найден стриженный ворсовый ковер, по-видимому изготовленный мидийскими или персидскими мастерами [79, с. 22—29; 80, с. 52; о связях Ирана и Средней Азии см. также: 83]. В Персии было распространено производство ковров. Ксенофонт и другие античные авторы сообщают о мягких персидских коврах с разнообразными узорами. Изображение персидского ковра сохранилось и на рельефе из Персеполя [264, рис. 2].

В Малой Азии и за ее пределами значительную роль в торговле играли лидийцы. В Лидии высоко было развито ремесло, особенно ткацкое, и изготовление различных изделий из кожи. Лидия была расположена на перекрестке торговых путей с запада на восток и с севера на юг. Геродот (I, 93 и сл.) упоминает рыночных торговцев в Сардах и пишет, что лидийцы первыми в тогдашнем мире занялись мелочной торговлей. Возможно, лидийцы были первыми строителями постоянных дворов вдоль караванных дорог [литература: 33, с. 189, примеч. 25]. По свидетельству Ксенофонта (Анаб. I, 5, 6), в войске Кира Младшего, сатрапа в Малой Азии, всегда можно было купить хлеб на «лидийском базаре».

В V в. в малоазийской торговле произошли значительные изменения. Когда после Ионийского восстания персы разрушили крупный торгово-ремесленный город Милет, ведущая роль в греческом торговом мире перешла к Афинам и Коринфу.

Поставщиком хлеба кроме Египта была и Вавилония (см. например, документ Dag 442, фиксирующий вывоз на кораблях ячменя из Вавилонии в Элам). Кроме того, вавилонские города являлись крупными центрами по изготовлению шерстяной одежды, которая пользовалась большим спросом в других странах, в частности в Эламе. Производство одежды было развито и в городе Милет, который Геродот (V, 28) называет жемчужиной Ионии [о торговле в Ахеменидской державе кроме указанных выше работ см. также: 114; 230, с. 8 и сл., 229 и сл.; 553].

Что же касается внутренней торговли в отдельных странах державы, особенно обильную информацию дают многочисленные вавилонские документы. Товары доставлялись главным образом по рекам и каналам на лодках, грузоподъемность которых составляла около 60 т. Геродот (I, 194) пишет, что суда в Вавилонии речные, целиком сделанные из кожи. Но его утверждение, что самые большие из таких судов вмещают до 5000 талантов (130 т), невероятно, хотя на морских кораблях можно было возить до 200 и более тонн грузов. Согласно одному вавилонскому тексту, на 10 кораблей было нагружено 1600 *кур* ячменя, или по 24 000 л на каждый корабль [СТ XXII, 244]. Нередко товары доставлялись также на ослах. Тексты свидетельствуют о торговле между Вавилоном, Сиппаром, Ниппуром, Борсиппой, Уруком и другими городами ячменем, скотом, птицей и т. д. [GC I 247, 296, 332; NRV 728, 757, 765 и др.]. В вавилонских текстах часто говорится об уличных торговцах солью, пивом, вином (импортным), посудой и т. д. В ахеменидское время возникает розничная торговля импортными вещами [457, с. 186].

По свидетельству Ксенофонта (Анаб. I, 7, 15), в Вавилонии было много глубоких каналов, по которым плавали даже суда с зерном. Ксенофонт (Анаб. I, 5, 5) продолжает, что в голой местности к западу от Евфрата население живет тем, что выкапывает у реки жерновные камни и, обделав их, везет в Вавилон для продажи. Рассказывая о прохождении греческих наемников по терри-

торий вавилонской сатрапии, Ксенофонт нередко упоминает базары (Anab. II, 5, 30; III, 2, 21 и др.). В частности, он говорит о богатом вавилонском городе Кены на Тигре, откуда на кожаных ладьях вывозили пшеницу, сыр и вино (Anab. II, 4, 28).

Курций Руф (V, 1, 36) пишет, что в древности не было другого города, который мог бы сравниться с Вавилоном по испорченности нравов и соблазнам. Действительно, клинописные тексты подтверждают, что в Вавилоне можно было купить почти все что угодно, вплоть до любви, которую предлагали в публичных домах.

Для Вавилонии ахеменидского времени вообще было характерно господство в экономике могущественных частных деловых домов, которые владели большими земельными массивами, десятками и даже сотнями рабов и многочисленными зданиями, расположенными в различных городах.

Наиболее древним из таких деловых домов был дом Эгиби [709; 691]. Он функционировал еще до персидского завоевания, продолжая свою деятельность и в период царствования Кира, Камбиза, Дария I и Ксеркса, продавал, покупал, обменивал дома, поля, рабов и т. д. Наряду с этим дом Эгиби занимался и профессиональными банковскими операциями, а именно был займодавцем, принимал на хранение вклады, давал и получал векселя, уплачивал долги своих клиентов, финансировал торговлю и основывал коммерческие товарищества. Но члены дома Эгиби, как и другие вавилонские деловые дома, не давали в качестве ссуды и не использовали для кредита денежные вклады, которые были отданы им на хранение, а действовали с помощью собственных средств. Вкладчиками дома Эгиби были придворные или лица, с которыми члены семьи Эгиби были связаны деловыми интересами. Некоторые из членов дома Эгиби одновременно были на службе у персидских царей. Таким образом, в эволюции банков месопотамская стадия была стадией доденежных банковских операций. Что же касается торговли деньгами, она была изобретением греческих траpezитов V в. до н. э. Появившиеся в греческих городах в VI в. меняльные конторы постепенно стали меняльщиками-примерщиками, а затем превратились в меняльщиков-банкиров. Впервые в истории греческие траpezиты стали использовать для различных целей доверенные им вклады, т. е. начали заниматься банковскими операциями с помощью чужих денег [162, с. 105 и сл.].

Дом Эгиби играл большую роль не только во внутренней, но и во внешней торговле. Уже вскоре после захвата Вавилонии персами сфера торговой деятельности Эгиби распространилась даже на Мидию. Так, по свидетельству одного документа, в 537 г. Итти-Мардук-балату, глава дома Эгиби, занял в Экбатанах (Агамтану/Агматану) 1,5 мины серебра с условием погасить ссуду в Вавилоне 30 талантами фиников [Суг 60]. Через четыре года Итти-Мардук-балату снова поехал в Экбатаны. Он ссудил одному лицу $1\frac{1}{3}$ мины серебра, которые необходимо было уплатить с процентами в Экбатанах [Суг 227].

С помощью своих агентов Эгиби наладили также регулярную торговлю и с Эламом [Dar 575 и 577]. В частности, Эгиби посылали в Элам корабли, груженные одеждой [Dar 569]. Согласно эламским документам VI в., вавилоняне выступали поставщиками одежды для царского склада в Сузах [см. тексты: 105, № 2, с. 221; № 3, с. 206]. Согласно одному тексту, Эгиби выдали четверем своим торговым агентам «плату и продовольствие на три месяца для поездки в Элам» [Dar 572], а другому агенту в качестве платы за 6,5 месяца — 50 сиклей серебра [Dar 154]. По свидетельству Диодора (XVII, 67, 3), из Элама в Вавилонию ввозили различные сельскохозяйственные продукты.

Значительный интерес представляет документ, который был составлен в городе Опис в 528 г. В нем фиксируется продажа Итти-Мардук-балату, главой дома Эгиби, рабыни, на записье которой было татуировано имя ее продавца «по-аккадски и эламски» [Camb 143]. Очевидно, эта рабыня была куплена в Эламе, и именно этим объясняется татуировка на эламском языке [ср. 642].

Другим крупным деловым домом был дом Мурашу, занимавшийся ростовщическими и торговыми операциями в Южной и Центральной Вавилонии на протяжении 50 лет во второй половине V в. В документах засвидетельствованы три поколения этого дома, все члены которого были тесно связаны между собою единством экономических интересов и возводили свой род к основателю этого делового дома — Мурашу. Центральная контора дома находилась в Нишпуре, откуда происходит $\frac{9}{10}$ всех документов архива Мурашу. Но в текстах упоминается около 200 населенных пунктов, на которые распространялась деятельность Мурашу. На службе у дома Мурашу находилось более 60 агентов.

Характер деятельности дома Мурашу был обусловлен изменениями, внесенными персами в режим собственности в Вавилонии. Земля была распределена наделами между персидскими вельможами и коллективами воинов и чиновников, которые сами не являлись земледельцами и поэтому отдавали землю для обработки другим лицам. Дом Мурашу брал в аренду эти наделы, платил их владельцам арендную плату и вносил за них в казну государственные подати. Однако Мурашу редко обрабатывали эту землю силами принадлежавших им рабов, а сдавали ее обычно в субаренду, снабжая арендаторов рабочим скотом, семенами, орудиями производства и водой для орошения. Другими словами, дом Мурашу главным образом являлся учреждением сельскохозяйственного кредита и управлял фондами наделов, будучи посредником между землевладельцами и сельскохозяйственными работниками. Кроме того, дом Мурашу был тесно связан с персидской знатью, которая сдавала ему в аренду свои земли.

В отличие от дома Эгиби Мурашу не играли никакой роли в международной торговле. Однако поступавшие к ним продукты земледелия (финики, ячмень и т. д.) Мурашу продавали внутри страны. Например, лишь в 423-22 календарном году они получили

от своих арендаторов 20 000 кур (около 48 200 гл) фиников, что в пересчете на деньги составило 700 мин (350 кг) серебра.

Как и современные банкиры, дом Мурашу работал с помощью чужих средств. Но между теми и другими имеется поразительная разница: у Мурашу эти средства — недвижимое имущество, а не деньги. Если банк контролирует многочисленные мелкие капиталы, чтобы вложить необходимые средства в коммерческие и промышленные предприятия, Мурашу делали как раз обратное: брали в аренду большие земельные наделы и сдавали их мелкими участками в субаренду. Таким образом, дом Мурашу одновременно являлся банком, распорядителем земли и коммерческим предприятием [195, с. 195 и сл.].

Деятельность дома Мурашу пагубно отражалась на экономике страны, так как вела к разорению землевладельцев. Если вначале дом Мурашу давал ссуду предпринимателям, то через несколько десятилетий он все более и более стал занимать их место, сосредоточивая в своих руках землю, взятую в качестве залога. Поэтому не удивительно, что Мурашу разоряли не только отдельных лиц, но даже целые селения. Например, сохранился документ, по свидетельству которого агенты и рабы дома Мурашу забрались в дом одного нипшурца и унесли с собой утварь и другое имущество. Эллиль-шум-иддин из дома Мурашу, к которому обратился пострадавший, нашел разграбленные вещи и вернул их обратно, заручившись обещанием, что против дома не будет возбуждено судебное дело [BE IX, 69].

Дом Мурашу был тесно связан с царской семьей, арендуя у нее земли и каналы. Когда Дарий II вступил на престол и в Вавилоне предстояли торжественные церемонии, связанные с этим событием, Мурашу арендовали в этом городе дом сроком на несколько месяцев («до выступления царя»), для того чтобы принять участие в этих церемониях [BE X, 41].

Дом Мурашу владел даже рыбными прудами и сдавал их в аренду. Например, Рибат, раб дома Мурашу, обращается к Римут-Нинурте из этого дома с просьбой: «Дай мне в аренду на год рыбные пруды... За год я уплачу тебе 0,5 таланта очищенного серебра и, начиная с того дня, когда ты эти рыбные пруды дашь мне для ловли, я ежедневно буду класть на твой стол установленное количество рыбы» [BE X, 54]. В свою очередь, Рибат нанимает сторожей, чтобы «никто не унес оттуда рыбы... Если кто-нибудь унесет из этого [пруда хоть] одну рыбу, то он (сторож) должен уплатить 10 мин серебра без суда» [UM 111 и 112]. Согласно другому контракту, несколько человек получили у Рибата сети для ловли рыбы и обязались доставить Рибату в течение 20 дней 500 штук рыбы хорошего качества. Если они не выполнят этого условия, то в течение следующих 5 дней должны будут отдать 1000 штук [UM 208].

Несомненно, что значительная доля рыбы, выловленной в этих прудах, помимо использования ее в пищу членами семьи Мурашу

и ее контрагентами шла на продажу. Об этом, в частности, свидетельствуют как весьма высокая сумма годовой арендной платы с прудов (а именно 0,5 таланта серебра, за что можно было купить около 200 000 л ячменя или фиников), так и штраф в 10 мин серебра, если сторожа будут небрежно относиться к выполнению принятых на себя обязанностей.

Значительный интерес представляют также два следующих документа из архива Мурашу. По свидетельству одного из них, три поименно упомянутых мастера обратились к Элليلь-шумиддину из дома Мурашу со словами: «Что касается золотого перстня с изумрудом, мы ручаемся, что в течение 20 лет изумруд не выпадет из золотого перстня. Если изумруд выпадет из золотого перстня, пока не пройдут 20 лет», мастера обязались уплатить 10 мин серебра [BE IX, 41]. Второй документ, который является контрактом об аренде земли, отмечает, что Мурашу обязаны уплатить писцу, составлявшему соответствующие деловые тексты, гонорар в сумме 3 *кур* (450 л) ячменя [UM 74].

Ни Мурашу, ни их предшественники Эгиби в документах ни разу не названы купцами, потому что их деятельность не ограничивалась торговлей, а была более разносторонней.

В ахеменидской Вавилонии торговля в значительной мере оставалась в руках профессиональных купцов (*тамкаров*), и в текстах упоминаются торговцы финиками, скотом и т. д., что свидетельствует о специализации торговли. Некоторые из *тамкаров* занимались международной торговлей, а большинство — работоторговлей, куплей-продажей скота, ячменя, фиников, рыбы, фруктов, и т. д. внутри страны. Большое значение в торговле имели коммерческие товарищества, когда два или несколько человек совместно занимались торговлей, деля между собой выручку и убытки.

Значительный интерес представляет письмо, отправленное чиновником храма Эбаббарра своему начальнику, которое свидетельствует о том, что храмовые пастухи тайно продали овец *тамкарам*, а затем и пастухи и *тамкары* были задержаны в городе Опис и отправлены в Сиппар, где был расположен упомянутый храм, для следствия [СТ XXII, 3]. Согласно другому документу, составленному в Уре в V в., одна женщина получила у *тамкара* ссуду ячменем и растительным маслом на 6 месяцев, отдав в залог своего сына. Она обязалась возвратить ссуду «в Уре, в амбаре меркой *тамкара*» [UET IV, 104].

Среди вавилонских *тамкаров* известны и чужеземцы. Еще при Навуходоносоре II финикиец Хануну, будучи «старшиной *тамкаров*», являлся высокопоставленным царским чиновником. Из документов архива Мурашу видно, что в V в. в окрестностях Нишпура существовали специальные «артели *тамкаров*», которые были наделены полями из государственного земельного фонда и находились на царской службе [BE X, 54; UM 195]. Эти артели возглавлялись «начальниками *тамкаров*», которые были ответственны за уплату царских податей.

Торговлей занимались и иранские купцы. Например, по свидетельству документа времени Камбиза, «в 7-м году царя Камбиза в 1-й день месяца кислиму [...] Разамарма, сын Разамумарга [и] Аспуметана, сын Аспутатика, продали своих рабынь Кардару [и] Патизу за $2\frac{2}{3}$ мины серебра Иддина-апле...» [Camb 384]. Судя по именам, не только продавцы, но и рабыни были иранского происхождения. Позднее, как видно из текста, Разамарма и Аспуметана стали отрицать, что они получили цену за рабынь из рук купившего их вавилонянина. Тогда иранец Артаруш, «старшина *тамкаров*», в присутствии нескольких лиц (в том числе и некоего эламитаина Нириабигну — однако имя его иранское) заявил, что половина покупной цены рабынь действительно была уплачена, и приложил к документу с таким заявлением свою печать..

Цены

Относительно цен в Иране мы располагаем лишь немногими данными. Согласно текстам крепостной стены, в период между 509—494 гг. при выдаче продуктов для различных целей производилась замена одних продуктов другими. Эти документы позволяют установить цены на некоторые виды товаров. Например, при выдаче продуктов для религиозных целей и в некоторых других случаях ячмень иногда заменяли овцами. Один жрец получил для жертв богам 8 годовалых овец вместо 80 *баров* ячменя (PF 352). Вместо 10, 20, 30 и 80 *баров* ячменя было выдано соответственно 1, 2, 3 и 8 овец [PF 278, 364, 587, 588]. Следовательно, овца стоила 10 *баров* (100 л) ячменя. Однако в одном случае вместо 80 *баров* ячменя для жертв было выдано 4 (а не 8) овец. 30 *баров* зерна было заменено 4 овцами. Еще больший интерес представляет документ, согласно которому вместо 6 овец для жертвоприношений было выдано 120 *баров* ячменя, или, как это отмечается в самом тексте, за каждую овцу по 20 *баров* ячменя [PF 352]. Как видно из текстов, пропорция обмена не всегда была строгая. По-видимому, это объясняется тем, что овец выдавали по весу, а не поштучно.

43,5 *бара* ячменя было заменено 14,5 *бара* сезама, т. е. сезам стоил в три раза дороже ячменя [PF 297].

При замене ячменя различными фруктами (инжир, яблоки? и т. д.) всегда придерживаются соотношения 1:1. Отсюда Р. Т. Халлок приходит к заключению, что в царском хозяйстве было официально установлено соотношение этих продуктов 1:1, хотя на свободном рынке это соотношение могло быть иным [PF, с. 5].

Осел стоил 50 *баров* ячменя, а за ослицу было выдано 50 *баров* фруктов, из чего Халлок делает вывод, что зерно и фрукты приравнивались друг к другу [PF, с. 17]⁴². Далее, мул и корова

⁴² Однако ср. документ PF 1976, согласно которому ослица стоила 70 *баров* ячменя.

были приобретены за 1100 *баров* ячменя, а козел и коза — за $6\frac{11}{30}$ *иргиба* (т.е. 19,1 *бара*, или 191 л) *фруктов*. Из этого видно, что коза стоила 9,55 *бара* ячменя, в то время как овца стоила 10 *баров*.

Вместо 27 *марришей* вина было выдано 81 *бар* ячменя и вместо 10 *марришей* — 30 *баров*. Следовательно, 1 *марриш* (10 л) вина стоил 3 *бара* (30 л) ячменя.

Из документов сокровищницы известно, что в течение 492—458 гг. цены на овец и вино оставались неизменными (овца стоила 3 сикля серебра, а кувшин вина емкостью 9,7 л — 1 сикль). Если эти тарифы действовали и в более ранний период, к которому относятся таблички крепостной стены, то при соотношении овец и зерна 1 : 10 один *бар* ячменя стоил 0,3 сикля и при соотношении ячменя и вина 3 : 1 один *марриш* вина стоил около $\frac{1}{2}$ сикля. Р. Т. Халлок отмечает, что в декабре — августе 466 г. стоимость 1 *бара* ячменя колебалась от $1\frac{2}{3}$ до $2\frac{1}{2}$ сикля вместо нормальной цены 0,3 сикля, из чего можно заключить, что в это время ощущался большой недостаток зерна [PF, с. 17].

Согласно интерпретации Халлока, 10 отчетных текстов [PF 1972—1980, 2078] свидетельствуют о том, что чиновники в ряде случаев стремились обменять определенное количество зерна, фруктов и вина на скот. В текстах не указывается, с кем велась торговля: с другим административным ведомством или с частными лицами. Халлок полагает, что чиновники пытались обменять продуктовые излишки на более дефицитные товары, но их усилия в большинстве случаев были обречены на неудачу, ввиду того что эти чиновники должны были строго придерживаться установленных государством тарифов [PF, с. 8; 382, с. 430—433]. По-видимому, установленные государством цены для сектора царского хозяйства в Персии и Эламе оставались неизменными, хотя, судя по косвенным данным, они заметно отличались от цен на свободном рынке, где некоторые товары стоили значительно дороже.

Забегая вперед, отметим, что в Иране зерно было гораздо дороже, чем в Вавилонии, а вино там ценилось во много раз дешевле, чем в этой соседней стране. Остальные же продукты питания в обеих странах стоили более или менее одинаково.

Ко времени захвата Вавилонии персами цены на основные продукты питания были приблизительно на следующем уровне: 1 *кур* (150 л) ячменя или фиников стоил 1 сикль серебра, 1 *кур* сезама — 10 сиклей, 1 талант соли — 1 сикль, 1 мина шерсти — $\frac{1}{2}$ сикля. Кувшин ячменного или финикового пива стоил менее 1 сикля, но виноградное вино, которое преимущественно доставлялось из Сирии, было дорогим (1 кувшин — более 8 сиклей).

Вол стоил 40—50 сиклей, осел — 30—50, овца — 1—2 сикля. 10 талантов меди, привезенной с Кипра, было продано за 3 мины $\frac{1}{3}$ сикля, 37 мин свинца — $55\frac{1}{2}$ сикля, 3 таланта 53 мины египетских квасцов — за 1 мину $\frac{2}{3}$ сикля. Лодка грузоподъемностью 110 *кур*

стоила 1—1,5 мины, дом — от 2 до 4 мин. Средняя годовая арендная плата за дом равнялась от 6 до 20 сиклей, а средняя годовая плата за труд взрослого наемника (безразлично, свободного или раба) — 12 сиклей [о ценах в Вавилонии см.: 238, с. 20 и сл.; 542, с. 1052 и сл.].

После захвата Вавилонии Киром цены на продукты питания и различные товары вначале в основном оставались на прежнем уровне, но постепенно к концу ахеменидского периода они повысились приблизительно в полтора раза. Такое постепенное повышение цен, в частности связанное с увеличением поступающего в обращение серебра, игравшего роль денег, было характерно для Вавилонии на протяжении всей ее истории, и само по себе, вопреки мнению многих исследователей, вовсе не свидетельствует об упадке экономики или о снижении жизненного уровня. Наряду с ростом цен росла также и плата за труд. Но, по-видимому, на рост цен в персидское время влиял и тот факт, что в стране был создан многочисленный административный аппарат.

В ахеменидской Вавилонии, как и в более ранние периоды, государственные органы составляли официальные «перечни курсов», в которых устанавливались цены различных товаров в серебре [551, с. 120]. Например, в одном документе говорится: «Если он (т. е. должник) не уплатит серебра (ссуду) в срок, то он должен отдать [вместо серебра] ячмень по курсу, который А. и Б. (кредиторы) разужнают в Вавилоне» [Кт 113].

Армия

Существование Ахеменидской державы в значительной мере зависело от армии, которая была распределена по гарнизонам и в случае восстания или войны в какой-либо стране перебрасывалась по дорогам, существовавшим уже давно или построенным специально для этой цели.

Государство было разделено на военные топархии, количество которых менялось (например, при Ксерксе было семь топархий, а при Артаксерксе II — четыре). Малая Азия являлась отдельной топархией, которую в конце V в. возглавлял Кир Младший (сатрап Лидии, Фригии и Каппадокии). Он имел в своем распоряжении не только сухопутное войско, но также и флот. В состав его топархии входила и Армения. Ктесий говорит об объединении бактрийцев, хорезмийцев и согдийцев в единую административную область. Возможно, что страны, населенные этими племенами, составляли одну топархию [73, с. 48]. В перечне персидского войска, сохранившемся в труде Геродота, говорится о шести военачальниках, которые, возможно, возглавляли топархии [73, с. 48].

Иногда топархиями руководили специальные лица из военных, которым были подчинены военачальники нескольких сатрапий. Греческие авторы называют таких топархов словом *κατα*

(вероятно, от *kāra* — «войско») [ср. 158, с. 123, примеч. 5].

По свидетельству Ксенофонта (Оес. IV, 6 и сл.), персидский царь ежегодно устраивал смотр всему своему войску, для чего воинские части, кроме гарнизонов в крепостях, созывались в сборные пункты соответствующих военных округов. В близлежащих от его резиденций сборных пунктах царь сам производил смотр, а в отдаленные округа посылал доверенных лиц. При этом гарнизонные коменданты, тысяченачальники и сатрапы, у которых войско и снаряжение находились в полном порядке, получали награды, а нерадивые командиры подвергались наказанию. Известно, что один из таких сборных пунктов был расположен в долине Кастола в Лидии; там ежегодно производился сбор войск, размещенных в Малой Азии к западу от реки Галис (Хен., Сугор. VI, 2, 11). Относительно тактики персов Ксенофонт (Anab. I, 8, 22) пишет, что военачальники управляли войском, будучи сами в центре.

Ядро армии составляли персы, общее число которых вряд ли достигало миллиона (всего в Ахеменидской державе, по всей вероятности, было около 50 млн. человек). Ксенофонт (Сугор. I, 2, 15) пишет, что «персов, говорят, около 120 000». Вероятно, здесь имеются в виду взрослые мужчины.

Большая часть взрослого мужского населения персов являлась воинами. Согласно Геродоту (I, 136), у персов важнейшей доблестью после мужества на войне считалось наличие большого числа детей, и родители, имевшие много детей, получали от царя подарки. Детей от 5 до 20 лет обучали верховой езде и стрельбе из лука, метанию дротиков, бегу и закаливали (ср. Strabo XV, 3, 18 и сл.). По-видимому, они начинали военную службу с 20 лет (Herod. I, 209; Strabo XV, 3, 19). Геродот (IV, 84) рассказывает, что все три сына знатного перса Эобазы должны были идти вместе с царем в скифский поход, но их отец попросил Дария I оставить хотя бы одного из них в Персии. Царь ответил, что оставит всех троих, и велел умертвить их.

В войнах, которые вели Ахемениды, большую роль играли и восточные иранцы [51, с. 36 и сл.]. В частности, Бактрия поставила в персидское войско 30 тыс. всадников (Curt. VII, 4, 30). Сакские племена снабжали Ахеменидов значительным числом привычных к постоянной военной жизни конных лучников, которые служили в персидских гарнизонах в Египте, Вавилонии и других странах. Наряду с персами, мидийцами и бактрийцами саки составляли ядро ахеменидской армии. При этом важно иметь в виду и то обстоятельство, что саки и персы говорили на близких языках и понимали друг друга без переводчиков [99, с. 239]. На персепольских рельефах саки в отличие от мидийцев, египтян и представителей многих других народов изображены вооруженными. В Марафонской битве наряду с пехотой персов сакская конница отличилась своей храбростью и заставила отступить центр боевой линии афинского войска (Herod. VI, 113

и IX, 7). Сакские войны показали свою стойкость также в битвах при Платеях и Фермопилах, а Мардоний после Саламинской битвы в контингент отборных отрядов, с которыми он должен был продолжать покорение Греции, выбрал наряду с персами и мидийцами бактрийцев и саков [Herod. VIII, 113]. В одной из последних битв, которая предшествовала крушению господства Ахеменидов, а именно в битве при Арбеле в 331 г., сакское войско сражалось на стороне Дария III. Иногда саки служили и в пехоте. Терракотовые статуэтки, изображающие саков и вообще восточных иранцев (бактрийцев, хорезмийцев, согдийцев и т. д.) в башлыках и длинных узких штанах, обнаружены при раскопках во многих городах Персидской державы, начиная от Египта и кончая Средней Азией. Особенно много таких статуэток найдено в Мемфисе (Египет), Сирии и Месопотамии [394, с. 15; 117, т. I, с. 172; 83, с. 156]. Столь же велика была в ахеменидской армии и роль других восточноиранских племен. Например, Эсхил (Pers. 732 и сл.) называет бактрийцев цветом персидских союзников.

Высшие должности в гарнизонах, на основных стратегических пунктах, крепостях и т. д. находились в руках персов.

Войско состояло из конницы и пехоты. Кавалерия рекрутировалась из знати, а пехота — из земледельцев. Сами персы, как это заметил, исходя из античных источников, Э. Бикерман, в основном служили в пехоте лучниками и копьеносцами, а конница состояла главным образом из мидийцев, бактрийцев и саков. Но роль конницы была велика, и ахеменидские надписи говорят о Персии как о стране с «добрыми мужами и добрыми конями». Именно иранцы первыми стали широко применять конницу еще в начале I тысячелетия и наносить поражения менее маневренным ассирийским колесничим [667, с. 51].

Комбинированные действия кавалерии и лучников обеспечили персам победы во многих войнах, и до начала греко-персидских войн ни одна армия не могла противостоять персидской. Лучники расстраивали ряды противника, а после этого кавалерия уничтожала их. Геродот (IX, 20—22) и Плутарх (Arist. 14) так описывают вооружение знатного персидского полководца Масисты. Он ездил на нисейском коне с золотой уздечкой и другими украшениями и был одет в золотой чешуйчатый панцирь, а руки и ноги были покрыты золотыми, медными и железными латами. В конце V—IV вв. пафлагонская конница также стала играть важную роль и считалась лучшей конницей Ахеменидов (Xen., Anab. V, 6, 8).

Определенное представление о персидском вооружении дают предметы военного снаряжения, найденные в персепольской сокровищнице. Среди них сотни бронзовых и железных наконечников стрел, мечи, кинжалы, дротики, копья, боевые топоры, щиты и т. д. [627, т. I, с. 174, 186—196, т. II, с. 97—101]. Согласно Ксенофону (Anab. III, 3, 7 и 17), персы, конные и пешие, стре-

ляли из луков на далекое расстояние, а из пращей — на короткое, так как пользовались камнями в обхват руки.

Что же касается колесниц, персы и мидийцы, по-видимому, начали пользоваться ими лишь с конца V в., когда были изобретены так называемые серпоносные колесницы. К оси таких колесниц прикреплялись железные серпы, одни — остриями вверх, другие — вниз, которые уничтожали все живое на своем пути.

Своими победами персидская армия в немалой степени была обязана и тому, что в ранний период она состояла из свободных земледельцев и кочевников, среди которых социальное расслоение едва только начиналось. Кроме того, суровые природные условия способствовали воспитанию выносливых воинов. Однако персы не создали своей тяжеловооруженной пехоты и в последующем, когда она стала необходимой, начали прибегать к найму греческих воинов. Диодор (XIX, 21, 3) пишет, что персы были опытными стрелками из лука, однако у персидской пехоты не было оборонительного оружия, кроме легкого щита. Поэтому, продолжает Диодор, персы по возможности стремились избежать рукопашных схваток с тяжеловооруженными греческими гоплитами. Судя по Плутарху (Arist. 18), персидские щиты были обтянуты кожей, и такими щитами воины закрывались наглухо.

Главным оружием персидской армии был лук, заимствованный у скифов, само название которых, по мнению В. И. Абаева, значит «стрелки» [4, с. 25]. По сообщению Геродота (I, 73), мидийский царь Киаксар отдал своих детей учиться стрельбе из лука скифам. Древнегреческий поэт Симонид называл мидийцев «лучшими метателями стрел». Мидийцы (а позднее и персы) были вооружены скифскими стрелами и вообще заимствовали у скифов их конно-стрелковую тактику [35, с. 290]. По баллистическим качествам скифские луки намного превосходили аккадские (т. е. ассирийские и вавилонские). Как отметил Б. Б. Пиотровский, в комплексах археологических памятников VII в. до н. э. в Передней Азии найдены «бронзовые наконечники стрел характерной формы (двуперые, с шипом сбоку или же трехгранные), отличные от обычных переднеазиатских, но совпадающие по форме со скифскими». По мнению Пиотровского, «весьма вероятно, что эти бронзовые наконечники стрел проникли в Переднюю Азию вместе с киммерийцами и скифами в VII в.» [71, с. 238; о скифских стрелах см. также: 67, с. 124—126; 35, с. 252—254, 290; 52, с. 83—107; 54, с. 45—48].

В течение VII—VI вв. до н. э. «скифские» стрелы быстро распространились в Закавказье, Малой Азии, Вавилонии, Ассирии, Сирии и Палестине, как об этом свидетельствуют находки бронзовых наконечников скифского типа. В частности, они найдены в Малой Азии, Каркемише, Ниневи, Ашшуре, Вавилоне. Пиотровский справедливо указывает, что стрелы типа скифских изготавливались в разных местах, о чем свидетельствует и тот факт, что на территории современного Ирака в Мосуле была

найдена форма для отливки стрел, сходных по форме со скифскими [71, с. 239]. Известно также, что в состав наемников ассирийской армии входили и киммерийцы [АВИУ, с. 213, № 66 — 679 г.] и у ассирийского царя Асархаддона был киммерийский лук. По словам Пиотровского, «много стрел скифского типа было собрано на местах древних сражений, в которых участвовали мидийцы» [71, с. 238]. По мнению И. М. Дьяконова, наконечники скифских стрел обнаружены также «на местах осады городов, где исторически скифы не засвидетельствованы, а засвидетельствованы мидийцы и персы, в частности и в Вавилоне» (35, с. 229, с. 254, примеч. 2; ср. 435, с. 256—257).

До сих пор исследователи приписывали наконечники «скифских» стрел, найденные у стен древних городов Передней Азии, иранцам (как самим скифам, так мидийцам и персам) и на основании наконечников стрел пытались определить этническую принадлежность воинов. Однако не было обращено внимания на многократно засвидетельствованный в клинописных источниках факт, что скифы оказали определенное влияние на вооружение вавилонской армии еще до захвата Месопотамии персами. Нередко вавилонские воины Навуходоносора II и Набонида были вооружены скифскими стрелами с медными и железными наконечниками, скифскими луками и имели другие предметы скифского вооружения и конского снаряжения («кожаные ремни киммерийские», «200 киммерийских тростниковых стрел, из них 180 с медными наконечниками, 1 киммерийский лук») [СТ XXII, 105; GC I, 122; Pohl I, 35; YBT VI, 237]. Согласно документу TCL XII, 114, лучники, которые несли караульную службу, были вооружены копьями, железными кинжалами, щитами, «аккадскими» луками и стрелами, а также 116 «киммерийскими» стрелами, 46 из которых имели железные наконечники.

Как указывает Пиотровский, в кладовых урартской крепости Тейшебаини «обнаружено много бронзовых втульчатых наконечников стрел скифского типа, употреблявшихся урартами наряду со своими железными» [71, с. 241].

Возможно также, что ассирийцы и вавилоняне заимствовали у скифов специальный головной убор с высоким острым концом, вытнутым вверх, который в Вавилонии назывался *karballatu*. Происхождение этого слова неясно, но примечательно, что в клинописных источниках оно упоминается начиная только с ново-ассирийского и нововавилонского времени (CAD, т. 8, с. 215; ANw, с. 449). Однако, кроме тех случаев, когда речь идет о «киммерийцах», нельзя уверенно сказать, что под словом *karballatu* в аккадских текстах имеется в виду остроконечная шапка, а не просто колпак. Во всяком случае, при Ахеменидах это головной убор воина-всадника [см., например, UCP IX, 3].

В ахеменидских надписях название племени сака тиграхауда («саки с остроконечными шапками») на аккадский язык переведено «страна киммерийцев, шапки которых остроконечны». Геро-

дот (III, 92) упоминает скифское племя *orthokorybantioi*, название которого является переводом иранского слова *tigraḫaudā* [429, с. 17; 35, с. 248]. Э. Херцфельд полагает, что аккадское *karballatu* и греческое *kyrbasia* имеют в своей основе общий иранский оригинал [371, с. 327—328]. Приводя перечень сатрапий Ахеменидской державы, Геродот (VII, 64) сообщает, что саки были скифским племенем, носившим на голове остроконечные шапки. В этом месте своего труда он относит головной убор *kyrbasia* к амюргийским скифам. По мнению некоторых исследователей, Геродот путает амюргийских скифов с ортокорибантиями [429, с. 17; 371, с. 327]. Херцфельд полагает, что Геродот ошибочно поместил ортокорибантиев в Мидии и что они в действительности жили за Согдом [371, с. 327]. Согласно И. М. Дьяконову, остроконечные шапки носили не только скифы из племени тиграхауда, но и некоторые другие скифские племена, и Геродот был прав, помещая ортокорибантиев в Мидии [35, с. 248—250]. Наконец, по свидетельству лексикона византийского времени Суда, ортокорибантии жили в Малой Азии. Нам представляется, что часть скифов, вторгшихся в Мидию и Малую Азию в VII в. до н. э., осела в этих странах, что подтверждается также археологическими находками [35, с. 252—253], сообщения же Геродота и Суды не противоречат друг другу и восходят к достоверным источникам.

По свидетельству документов из Вавилонии, снаряжение и вооружение всадника ахеменидской армии состояли из железной каски, железного панциря, а также бронзового щита и двух железных копий [257, с. 208; 196, с. 83].

Костяком персидской армии являлись 10 тысяч «бессмертных» воинов. Согласно Геродоту (VII, 83), они назывались бессмертными, потому что число их было постоянным и, когда кто-нибудь из них умирал, на его место назначали нового воина. По мнению А. Пальяро, Геродот или его информатор спутал здесь слово *apīšya* — «последователь», «приверженец» с *apauša* — «бессмертный» [557, с. 134 и сл.]. Первая тысяча этих воинов состояла исключительно из представителей персидской знати и была личной гвардией царя. Ксенофонт (Anab. I, 9, 3) рассказывает, что все сыновья высокопоставленных персов воспитывались при дворе царя, где они учились повелевать и подчиняться. Несомненно, что это были будущие телохранители царя.

Они были вооружены копьями, украшенными золотыми шарами [см. сообщение Гераклида из Киме в FHG II, с. 95 и сл.]. Об этих воинах Диодор (XVII, 59, 3) пишет, что они были вооружены копьями, конец которых напоминал по своей форме айву, и выделялись своим ростом. В Персеполе сохранились изображения таких царских телохранителей, вооруженных луками, колчанами, щитами и короткими мечами. Все они имеют при себе также копы с шарами на наконечниках, золото с которых было содрано еще македонскими завоевателями города.

Остальные девять полков «бессмертных» состояли из представителей различных иранских племен, а также эламитов, как это видно из изображений на персепольских и сузских рельефах. Среди представителей 28 народов, несущих трон Дария I на рельефе в Накш-и Рустаме, только эламиты и мидийцы изображены вооруженными.

Если верить Ксенофону (Сугор. VII, 5, 68), корпус «бессмертных» был учрежден еще при Кире II, который отобрал 10 000 человек, чтобы они днем и ночью несли охрану дворца, где жил он сам, и сопровождали его в походе.

Во главе всех полков «бессмертных» стоял *хазарапат* — «тысяцкий», титул которого греческие авторы передают словом «хилиарх». По мнению Ю. Юнге, на одном из персепольских рельефов изображен *хазарапат*, докладывающий царю во время аудиенции. Царь сидит в короне под балдахином. В правой руке у него длинный скипетр, в левой — цветок лотоса. Перед ним два алтаря огня. За царем изображен человек в персидской одежде с башлыком, держащий над головой царя опахало от мух. За ним выступает гвардеец — «бессмертный», вооруженный длинным копьем. Перед царем стоит человек в мидийском костюме с акинаком на боку и с жезлом в руке, которым он управляет царским приемом [410, с. 17]. Это, по мнению Ю. Юнге, *хазарапат*, который вводит на прием к царю вельмож (ср. сообщение Гезихия о том, что *хазарапат* руководит приемом у персидского царя) [486, с. 227—234]. Поскольку этот рельеф находится на одном из портиков сокровищницы, Юнге полагал, что сокровищница также была подведомственна хилиарху. Но В. Хинц указывает, что, поскольку упомянутый человек на рельефе изображен в мидийском костюме, он не мог быть начальником над царскими телохранителями, которые сами были персами. По Хинцу, это «гофмаршал», ведавший приемами во дворце. Рукой он прикрывает рот, как полагает Хинц, чтобы не осквернить царя своим дыханием [381, с. 68]. Но, скорее, прав О. Семерени, который считает, что в действительности этот человек целует свою руку в знак почтения к царю, как бы посылая ему свой поцелуй [661, с. 383].

Во всяком случае, *хазарапат* был самым доверенным лицом царя, высшим чиновником в государстве, который отвечал за безопасность и порядок во дворце, а также заботился об удобствах и благополучии царя во время походов. Он следил за сношениями двора с внешним миром и докладывал царю о всех важных событиях [410, с. 16 и сл.; 415, с. 660 и сл.; ср. 595, с. 94 и сл., где отмечается, что должность *хазарапата* упоминается и в Библии в форме *ptšgr* — «второй», т. е. высший сановник в Персидском царстве].

По мнению Семерени, объединение функций *хазарапата* и чиновника, ведавшего дворцовыми приемами, произошло лишь в позднее время, а при Ахеменидах были две различные должно-

сти, но греческие авторы спутали между собой иранские слова *hazārapatiš* и *hazahrapatiš*, обозначающие соответственно обе эти должности. Семерени также полагает, что лишь при Артаксерксе I *hazaranat* добился выдающегося положения, став верховным савновником при дворе [661, с. 384].

Персидское войско делилось на корпуса, полки и более мелкие части по 10 000, 1000, 100 и 10 человек [Herod. VII, 84; ср. 142, с. 68 и сл.; 661, с. 377 и сл.].

Начиная с V в., когда из-за классового расслоения начало ухудшаться положение земледельческого населения Персии, персидская пехота стала отступать на задний план, и ее постепенно заменяли греческими наемниками, игравшими большую роль из-за своего технического превосходства. В одной из своих надписей (DPe) Дарий I обращается к своим преемникам с призывом заботиться о персидском народе — войске, чтобы не бояться никакого врага. Но при поздних Ахеменидах этот призыв был забыт, и угнетение персидского народа знатно привело к потере боеспособности персидской армии. Ксенофонт (Сугор. VII, 8, 26) пишет, что в начале IV в. персы без эллинов уже никогда не выступали на войну, так как у них военное дело стояло на низком уровне. Еще с начала VI в. греческие наемники считались лучшими в тогдашнем мире как по своему вооружению, так и по тактике и стратегии.

Наемные войны (в основном греки) персидских царей обычно плату получали серебряными и золотыми монетами и, судя по Ксенофону (Anab. I, 3, 14), покупали себе продовольствие на рынках, за наличие которых отвечали военачальники (ср. Anab. I, 5, 6: наемники у персов не получали пайков). Геродот (VII, 23) также упоминает о базарах в персидской армии; псевдо-Аристотель (Оес. II, 24a) пишет, что в персидском наемном войске имеются торговцы.

Согласно Афинию (Deipnosoph. IV, 145 B), некоторое число эллинских наемников находилось и в царских резиденциях. Эти наемники получали пищу с царских кухонь, но ее стоимость удерживалась из их платы серебром. Кроме греков наемниками служили также и представители других народов. Например, среди таких наемников были марды, халибы, таохи и т. д., которые принадлежали полусамостоятельным племенам, входившим в Ахеменидскую державу.

Как свидетельствуют тексты крепостной стены, в самой Персии войны, не являвшиеся наемниками, получали довольствие. Например, один лучник в течение шести месяцев получал по 2 л муки ежедневно [PF 1256]. Воин, вооруженный боевым топором, во время переездов в качестве дорожного продовольствия кроме муки ежедневно получал 2 л вина [PF 1560].

В стратегически важных пунктах на дорогах и в крепостях, в естественно укрепленных местах (например, Киликийские ворота) были размещены особые воинские части, во главе которых

обычно стояли персы. В одном вавилонском документе упоминается иранец Багавир, комендант персидского гарнизона и крепости в Вавилоне [СТ XXII, 74; ср. 264, с. 107 и сл.]. Одну такую крепость с персидским гарнизоном Арриан (Anab. I, 17) описывает как укрепление, окруженное со всех сторон тройной стеной.

В завоеванных странах были размещены войска для предотвращения восстаний покоренных народов. Состав этих войск был пестрым, но в них обычно отсутствовали жители данной области. (Однако в египетской крепости Сиен был, в частности, отряд войска из лиц местного происхождения) (АР 27). Из сообщения Геродота (III, 91) о том, что Египет ежегодно должен был доставлять для снабжения воинов царя, размещенных в этой стране, 120 000 мер зерна, можно сделать вывод, что Ахемениды держали в этой стране армию в 10 000—12 000 человек [Kraeling, с. 32]. Часть этого войска находилась в Белой крепости в Мемфисе, где стоял самый крупный гарнизон в Египте. Вероятно, приблизительно столько же насчитывали гарнизонные войска в Вавилонии, и, по-видимому, это явилось одной из основных причин того, что в этой стране при Ахеменидах цены на зерно и другие продукты питания, а также на орудия производства поднялись на 50%, хотя стоимость земли увеличилась только незначительно [195, с. 136].

На границах государства Ахемениды сажали воинов, наделив их земельными участками. Из военных гарнизонов такого типа лучше всего нам известна элефантинская военная колония, созданная для несения сторожевой и военной службы на границе Египта с Нубией. Геродот (II, 30), который сам посетил Элефантину (египетское название — Иеб), рассказывает, что там была расположена укрепленная крепость с сильным гарнизоном. Рядом была расположена и крепость Сиен (современный Асуан).

В элефантинском гарнизоне служили персы, мидийцы, хорезмийцы, вавилоняне, финикийцы, арамеи и др., но существенную часть этого гарнизона составляли иудейские поселенцы, служившие там еще при египетских фараонах и зачисленные Ахеменидами в свою армию. Включая женщин и детей, этих иудеев насчитывалось 600—800 человек [507, с. 37]. Часто в арамейских документах с Элефантины гарнизон называется «иудейским войском».

Военные поселенцы жили на Элефантине вместе с семьями. Войско делилось на подразделения (*degel*) по 100 человек в каждом, называвшиеся по имени своих командиров. Во главе таких сотен стояли персы (Артабан, Хаумадата, Атурпаран и т. д.) и вавилоняне (Иддин-Набу, Набу-кудурри). Иранец Варийзат, один из таких командиров, упоминается в текстах в течение более 30 лет. Подразделения в сто человек делились на десятки, также называвшиеся по именам своих начальников.

Резиденция командира гарнизона (*rab haila* — «начальник войска») находилась в Сиене, где были расположены также гражд-

данское управление и судебные учреждения южного административного округа Египта. Начальнику элевантинского гарнизона, по-видимому, подчинялись все военные части, расположенные в Верхнем Египте, до Мемфиса [173, с. 148]. В арамейских документах упоминается персидский чиновник Видранг, который был командиром гарнизона в Сиене, а позднее стал наместником (*frataraka* — «верховный») на Элефантине. Он имел не только военную, но и судебную власть над колонистами. В его присутствии составлен, в частности, документ об усыновлении раба [173, с. 147 и сл.; Kraeling, с. 41—48].

Лица, находившиеся на непосредственной военной службе, ежемесячно получали жалование серебром и натурой (зерном, мясом, овощами и т. д.). В одном фрагментарном папирусе сохранился перечень рационов для 54 воинов сиенского гарнизона [AP 24]. Месячные рационы колеблются в зависимости от ранга воинов от 1 до 2,5 *арба* ячменя [ср. Kraeling, с. 41]. Денежное жалование воины получали помесечно. Так, в папирусе, датированном 479 г., должник говорит кредитору, у которого он получил денежную ссуду: «Я буду платить тебе это месяц за месяцем из своей доли, которую дадут мне из сокровищницы» [AP 11].

Те, кто находился в отставке, жили с небольших наделов земли, освобожденных от уплаты податей, а также занимались торговлей и различными ремеслами. Сначала наделы этих воинов, по-видимому, нельзя было отчуждать, а только передавать по наследству по мужской линии, но с течением времени их стали продавать, дарить, закладывать и обменивать, в результате нередко владельцами таких наделов становились и женщины. Размеры наделов военных колонистов позволяют предположить, что Геродот (II, 168) о том, что каждому наемнику в Египте еще при саисских фараонах было пожаловано по 12 *аруров* (1 *арур* = 100 кв. локтей) земли, которая не облагалась налогом.

Военные колонии, подобные элевантинской, находились также в Фивах, Абидосе, Западном Гермополе и т. д. Эти колонии известны из арамейских папирусов, и Геродот (II, 30) пишет, что в долине Нила персы кроме Элефантины держали гарнизоны в Дафнах (в Пелусийской области) и в Марес, на границах с Ливией, т. е. на юге, востоке и западе Египетской сатрапии. В этих гарнизонах служили арамеи, иудеи, финикийцы и т. д. [AP, 34 и 37; 173, с. 149; 417, с. 106 и сл.]. Эти воины не только охраняли границы, но были также прочной опорой персидского господства и во время восстаний египтян оставались верными Ахеменидам.

Персидская администрация создала военные колонии из представителей различных народов также в Вавилонии. Колонисты были распределены по военным округам и получили земельные наделы (см. выше, с. 158). Среди таких колонистов были лидийцы, фригийцы, саки, ликийцы, египтяне, индийцы и т. д., а также персы и мидийцы (например, Багадат, Багавир, сын Аспадаста

и т. д.) [BE X, 55 и 56]. Владельцы этих наделов обрабатывали землю совместно, платили царю денежную и натуральную подать, а также выставляли из своей среды определенное число воинов, обеспечивая их во время военной повинности (обычно от 6 месяцев до 3 лет) продовольствием, одеждой, обувью, военным снаряжением и вычным скотом, а также определенной денежной суммой.

Судя по некоторым документам, военные колонии стали создавать в Вавилонии еще в раннеахеменидский период (ср. выше, с. 159). Например, в 529 г. персидский наместник Вавилонии Губару распорядился передать в пользование «киммерийцам» и «субарейцам» канал для орошения полей близ поселения Хандиди [BE VIII, 80]. Под киммерийцами, по-видимому, имеются в виду среднеазиатские саки. Субарейцы были древними насельниками Северной Месопотамии, но задолго до ахеменидского времени название это превратилось в анахронизм, и не вполне ясно, какое племя имеется здесь в виду.

Правители автономных государств располагали собственными войсками, которые во время войн должны были оказывать помощь персидскому царю (см., например, сообщение Ксенофонта, *Anab.* II, 4, 4 о войске киликийского царя Свиносия).

Во время важнейших военных походов (например, война Ксеркса с греками) все народы Ахеменидской державы обязаны были выделять определенное число воинских контингентов. Утверждение Ксенофонта (*Сугор.* IV, 6, 1 и VII, 5, 34; ср. *Herod.* I, 156 и сл.), что покоренные народы были разоружены и их представители в персидской армии служили только как обслуживающий персонал, не соответствует действительности. Согласно Полиэну (VII 28, 1), египетский сатрап Арсам во время похода Ксеркса против Греции потребовал у жителей Барки, чтобы они «по персидскому закону» послали войско для участия в войне. Геродот (VII, 38) рассказывает, что во время похода на Грецию все пять сыновей некоего лидийца Пифия должны были отправиться на войну. Пифий обратился к Ксерксу с просьбой освободить старшего сына от военной повинности. Возмущенный такой просьбой Ксеркс велел разрубить старшего сына Пифия пополам и затем одну половину тела положить по правую сторону, а другую — по левую сторону дороги, по которой должно было проходить войско. Наглядную картину таких военных повинностей дает письмо одного вавилонянина, который жалуется, что он стар и уже в течение двух лет болеет, а всех его сыновей царь взял в поход [BIN I, 83].

Клинописные документы свидетельствуют о том, что вавилоняне должны были отправляться для несения военной повинности в соседние страны. Например, в 510 г. один вавилонянин взял в долг 30 *кур* фиников и $\frac{1}{2}$ мины серебра, заложив зерновое поле и финиковую рощу. При этом «серебро было дано для (выполнения) военной повинности в Эламе» [Dag 308]. Другой

вавилонянин должен был поехать из Сиппара в Элам, и мать этого воина внесла начальнику последнего определенную часть денег, предназначенных для расходов во время службы в Эламе в 513 г. [NRV 559]. Ширку, член делового дома Эгиби, который должен был отправиться для выполнения военной повинности в качестве колесничего в Элам, послал вместо себя другого человека, уплатив ему за полгода 50 сиклей серебра [Dar 154]. В 516 г. один вавилонянин занял 25 сиклей серебра, чтобы отправиться в «царский поход» [Dar 156]. Три вавилонянина выдали соответствующему числу лиц деньги, осла, 12 одежд, 12 панцирей, 24 пары обуви и пр., чтобы те несли за них военную повинность в течение трех лет [Dar 253].

Автономные государства (Киликия, финикийские города и т. д.), а также союзные племена (например, арабы) тоже не были освобождены от военной повинности. Лишь в чрезвычайно редких случаях делались исключения для отдельных племен. Например, согласно Диодору (VIII, 2), некоторые греческие области, не принявшие участия в общей войне эллинов против персов, были освобождены от военной повинности.

Камбиз, собираясь в поход против Египта, среди прочих воинов взял с собой также ионийцев и эолийцев (Herod. II, 1). Из одного клинописного документа видно, что в этом походе Камбиза участвовали и вавилоняне [Camb. 334], а египетские тексты говорят, что это был поход «всех чужеземных стран» [575, с. 167]. Согласно «Демотической хронике», вместе с Артаксерксом III в Египет прибыли чужеземцы из восточных и западных стран.

У Геродота (VII, 61 и сл.) сохранился достоверный перечень войска Ксеркса во время его похода на Грецию, в котором участвовали представители многих десятков народов державы. Отец истории перечисляет воинские подразделения по племенам с указанием имен командиров, вооружения и даже одежды. Например, персов вел Отана, и они были вооружены плетеными щитами, короткими копьями, большими луками с камышовыми стрелами, а на правом боку у них висели акинаки. Отдельно шел корпус 10 000 «бессмертных», которых вел Гидарн. Мидийцы, которыми командовал Тигран из рода Ахеменидов, были вооружены так же, как и персы. Во главе бактрийцев и саков стоял Гистасп, сын Дария I, и они кроме другого вооружения имели также боевые секиры. Индийцы были одеты в хлопчатые одежды и вооружены камышовыми луками и стрелами с железными наконечниками. У фракийцев на ногах и коленях были обмотки из оленьих шкур. Эфиопские воины имели вооружение, скорее напоминающее каменный век: луки из пальмовых стеблей, камышовые стрелы с острым камнем вместо наконечника и копье с острием из рога антилопы, а сами они были одеты в барсовые и львиные шкуры. Арабские воины ехали на верблюдах и были одеты в бурнусы. Сагарты были вооружены плетеными арканами, которые

имели на конце петли. Во время боя войны забрасывали арканы на врагов или их коней и затем тащили добычу к себе. Саки были одеты в остроконечные шапки из войлока, вооружены луками и короткими мечами. Рядом с саками находились арреи, которыми командовал перс Сисамн, сын Гидарна, и парфяне и хорезмийцы, начальником которых был Артабаз, сын Фарнака. Из различных источников известно, что в ахеменидское время в Средней Азии были тяжеловооруженные всадники с панцирем, набедренником и шлемом и конской сбруей из налобника и нагрудника. К концу V в. этот конский доспех распространился из Средней Азии и в Персию [51, с. 44].

Все это огромное войско было разделено по племенам и народам и производило впечатление огромной, плохо управляемой толпы. Геродот (VII, 22, 56 и 223) и Ксенофонт (Anab. III, 4, 25) пишут, что в бой эту разноплеменную толпу гнали бичами.

Персидская знать обычно выступала в поход роскошно разодетой, в сопровождении повозок с наложницами и прислугой. Живую картину такой роскоши дает греческий автор Феопомп при описании персидской армии Артаксеркса III, подготовленной для вторжения в Египет. Ее обоз составлял груды роскошных шатров и лож, утварь из золота и серебра, целые стада выючного и убойного скота и т. д. [FHG, I, fr. 125; FGrH, fr. 263].

Сохранилось два подробных описания персидской армии в походе, которые относятся соответственно к первой четверти V в. и к самому концу существования Ахеменидской державы. Геродот (VII, 40 и сл.) рассказывает, что перед царем идут 1000 отборных персидских всадников, а за ними 1000 отборных копьеносцев, затем ведут 30 нисейских коней. Далее следует священная колесница Зевса (очевидно, Ахура-Мазды), в которую впряжено 8 белых коней (причем в колеснице не было никого, а сам возница шел позади, держа в руках узды). За нею ехал царь на колеснице, запряженной нисейскими конями. Иногда он переходил в крытую дорожную повозку. Из сообщений Ксенофонта (Сугор. VII, 1, 4 и Anab. I, 10, 12) известно, что перед царем несли царский штандарт — золотого орла с широко распростертыми крыльями, — насаженный на древко копья. Позади царя шли 1000 лучших персидских копьеносцев, затем 1000 персидских всадников, а за ними еще 10 000 пеших персидских воинов. Из них у 1000 воинов, свиты царя, на нижнем конце копий были золотые гранатные яблоки, а у 9000 — серебряные гранатные яблоки. Позади этого отборного персидского войска на некотором расстоянии следовали контингенты чужеземных воинских частей.

Согласно Курцию Руфу (III, 3, 8 и сл.), у персов был обычай не выступать в поход до восхода солнца. Сигнал к выступлению давали трубой из царского шатра. Кроме того, над шатром поднимали блестящее изображение солнца, сделанное из стекла. Впереди войска на серебряных алтарях несли вечный священный

огонь, за которым шли маги, распевавшие древние гимны. За ними шествовали 365 юношей в пурпурных плащах. Далее ехала колесница, посвященная Юпитеру (Ахура-Мазде), в которую были впряжены белые кони, а за колесницей — конь, посвященный солнцу. На некотором расстоянии следовали еще десять украшенных золотом и серебром колесниц, а за ними всадники из 12 различных стран в своем племенном вооружении. За ними шли 10 000 «бессмертных» с золотыми ожерельями, в расшитых золотом плащах и туниках, украшенных драгоценными камнями. Затем на некотором расстоянии выступали так называемые родичи царя (почетный титул) числом до 15 000 в пышных одеждах. За ними были царские копьеносцы и сам царь в колеснице. Последняя с обоих боков была украшена золотыми и серебряными изображениями богов, дышло блистало драгоценными камнями. В колеснице между двумя золотыми статуями богов находилось изображение орла с распростертыми крыльями. Царь был одет в пурпурную тунику с вытканной посередине белой полосой, в расшитый золотом плащ, *кидарис* (головной убор), украшенный фиолетовыми завязками с белыми полосками. Царя сопровождали 200 его приближенных вельмож, а затем шли 10 000 копьеносцев, и вслед за ними — еще 30 000 пехих воинов. Всю эту процессию замыкали жены и дети царя, евнухи, 360 царских наложниц, а также жены родных и приближенных царя.

При Дарии I персы начали играть господствующую роль и на море. Но персы не имели собственного флота, и морские войны велись Ахеменидами с помощью кораблей финикийцев, киприотов, жителей островов Эгейского моря и других морских народов, а также египетского флота. Согласно Геродоту (III, 19 и VI, 6), лучшими мореходами в персидском флоте были финикийцы (а среди них — сидонцы), и вся морская мощь персов зависела от них. По рассказу Геродота (VII, 89 и сл.), во время греческого похода Ксеркса в персидском флоте было 1207 боевых кораблей, среди них — 300 финикийских (совместно с сирийскими), 200 египетских, 150 кипрских, 100 киликийских, 50 ликийских, 70 карийских, 100 ионийских и т. д. Но на всех кораблях кроме местных воинов было еще по 30 человек из персов, мидийцев или саков. Число грузовых судов, предназначенных для доставки лошадей и пр., доходило до 3000. Во главе ионийских и карийских кораблей стоял Ариабан, сын Дария I, египетские суда вел Ахеман, брат Ксеркса. Кроме того, во флоте, как и в сухопутном войске, были и военачальники местного происхождения, руководившие подразделениями из своих стран. Но подлинная власть находилась в руках персидских полководцев (Herod. VII, 81 и 96). Часто в конце V—IV вв. руководящие посты во флоте занимали также египтяне [ссылки на тексты: 341, с. 86]. Например, египтянин Глус, сын Тамоса, был начальником флота Кира Младшего, а позднее стал и адмиралом Артаксеркса II. Иногда лица чужеземного происхождения занимали высокие посты и в сухо-

путном войске. Так, Датам, сын карийца и скифки, командовал отрядом, охранявшим дворец Артаксеркса II, а впоследствии и целой персидской армией (Nepos, Datam. I, 4). В этом отношении характерны следующие приблизительные данные о соотношении между военачальниками персидского и чужеземного происхождения: при Кире II в элите ахеменидской армии персов было 74%, а во время царствования Дария III — лишь 45% [583, с. 105 и сл.; ср. также 61, с. 95 и сл.].

Хотя финикийцы и другие морские народы должны были выделять для персидского флота установленное количество боевых кораблей, существовали также и государственные арсеналы по сооружению, снаряжению и ремонту судов. Например, в V в. таковой арсенал существовал в столице Египта Мемфисе (A-G, с. 61).

В 412 г. египтянин Псамсимит, который носит иранский титул *pāurati* («капитан корабля», дословно соответствует греческому слову «наварх»), сообщает иранцу Митрадату, который также был капитаном корабля, о том, что одна лодка нуждается в ремонте. В свою очередь, Митрадат сообщает об этом сатрапу Египта Аршаме, а последний дает распоряжение египтянину Вахримахи починить лодку, проверив сначала, действительно ли она нуждается в ремонте [AP 26].

Трудно сказать, сколько воинов могло вмещаться на таких лодках. Судя по Плутарху (Them. 14), в 480 г. на афинских кораблях было всего по 18 моряков. Но хиосские корабли вмещали по 40 воинов.

Для перевозки воинов и боевых коней пользовались грузовыми кораблями. Иногда берега рек соединяли при помощи пригнанных друг к другу судов. Например, Ксенофонт (Anab. I, 2, 5; II, 4, 13 и 24) рассказывает о мосте через Тигр, составленном из 37 судов и мосте через реку Меандр, наведенном на семи судах. Иногда воины на другой берег реки переправлялись на мехах, о чем рассказывается еще в Бехистунской надписи и у Ксенофонта (Anab. III, 5. 9).

АХЕМЕНИДСКАЯ КУЛЬТУРА

Пасаргады

Строительство Пасаргад, древнейшей столицы Ахеменидов, связано с именем Кира II.

В документах крепостной стены многократно упоминается местность Патракаташ, которая, по мнению Халлока, является эламской формой названия Пасаргады, сохранившегося у античных авторов [РФ, с. 676]. В пользу такого отождествления говорит и то, что там были расположены сокровищницы и храм [382, с. 425]. В. Эйлерс связывает название Патракаташ с попыткой Ф. К. Андреаса этимологизировать Пасаргады как Парсаката — «жилище персов» [268, с. 256]. Такой этимологии не противоречит и латинское название этого города в форме *Persagada*, сохранившееся в труде Курция (V, 6, 10; ср. у Анаксимена из Лампсака fr. 19: *Parsagada*), которое обычно переводят «лагерь персов» [547, с. 394, примеч. 8; 127, с. 312]. Однако не исключено, что персы сохранили за этим городом древнее эламское название местности, где он был расположен, которое античные авторы передают довольно неточно. Более ранние попытки отождествить Пасаргады с местностью Пайшиявада, откуда восстал Гаумата, очевидно, следует признать неубедительными [444, с. 17 и 107; 441, с. 195; 569, с. 287; 375, с. 35–36].

Согласно Ктесию, во время войны Кира против Астиага жены и дети персов укрывались на высокой горе, которая называлась Пасаргады [FGH, fr. 66, 35–36]. Если верить этому рассказу, город получил свое название от названия горы. Как выше говорилось, пасаргадами называлось также одно из персидских племен, куда входил и род Ахеменидов, обитавшее именно в районе города с тем же названием.

Многие исследователи полагают, что пасаргадские дворцы были сооружены еще до 550 г. Основанием для такого предположения послужило то, что в надписях из Пасаргад Кир назван просто «царем», а не «великим царем, царем царей». Поэтому Херцфельд считал, что Пасаргады были построены еще в то время, когда Кир был зависим от Астиага [369, с. 200, 205 и др.; 363, с. 26 и сл.]. Некоторые относят пасаргадские сооружения ко времени после 539 г., когда была покорена Вавилония, поскольку в надписях из этого города наряду с древнеперсидскими и эламскими вариантами

имеются и вавилонские. Ниландер не согласен с обоими этими предположениями и ввиду греческого влияния на технику строительства Пасаргад датирует сооружение этого города временем между захватом Лидии и смертью Кира, т. е. 546—530 гг. По его мнению, Кир по каким-то причинам продолжал пользоваться в Персии скромным титулом в отличие от пышных титулов своих преемников. В Эламе вавилонский язык в течение многих столетий был официальным, и поэтому, как полагает Ниландер, Кир для своих надписей пользовался, в частности, и этим языком [540, с. 127 и сл.].

Согласно преданию, сохранившемуся у греческих авторов, у местности, где позднее были построены Пасаргады, персы одержали решающую победу, и именно в честь этой победы Кир заложил там город (Strabo XV, 3, 8). Но, как известно, после победы над мидийцами Кир увез в Пасаргады добычу из экбатанского дворца. Из этого можно сделать вывод, что еще до 550 г. Пасаргады были не только обитаемым местом, но и резиденцией Кира, хотя основное строительство там развернулось после победы над Астиагом.

Судя по литературным и археологическим свидетельствам, Пасаргады были обитаемы еще с IV тысячелетия, затем весь ахеменидский период и в течение некоторого времени при Селевкидах (в частности, там найдены монеты, выпущенные около 280 г. до н. э.)¹. По свидетельству Плутарха (Art. 3), Пасаргады были священной столицей Ахеменидов, и каждый новый царь короновался именно там. В Пасаргадах найдены надписи Дария I на золотой и серебряной пластинках. Это закладные надписи, которые обнаружены также в Персеполе и Хамадане, и текст их во всех случаях идентичен. Кроме того, в Пасаргадах сохранилась копия Антидэвовской надписи Ксеркса на сером известняке, которая также является закладной надписью [190; 649, т. III, с. 19 и сл.]. Эти находки не вызывают удивления, так как при Дарии I и Ксерксе в Пасаргадах продолжалась строительная деятельность.

Город расположен на высоте 1900 м над уровнем моря в обширной Мургабской долине (25 км длиной и 15 км шириной), в 80 км к северо-востоку от Персеполя. Долина эта орошается рекой Пульвар и окружена горами. Здания, которые составляют наиболее ранний парадный комплекс ахеменидских владык и являются древнейшими памятниками персидской материальной культуры, сооружены на высокой террасе из светлого песчаника, красиво гранулированного и напоминающего мрамор (такой же камень использован и в Накш-и Рустаме). В качестве контрастного материала употребляется также темный или черный известняк. В обо-

¹ Литературные источники о Пасаргадах собраны и рассмотрены Х. Трейдлером [682]. После Э. Херцфельда, А. Стейна и Али Сами, с 1961 г. в Пасаргадах ведет систематические раскопки Британский институт по изучению Ирана во главе с Д. Стронахом. Находки дали представление об истории города между 546—200 гг.

их случаях камень добывали из каменоломен, расположенных поблизости.

Город состоял из дворцов, построенных среди парков и садов (древнейших ахеменидских парадисов), окруженных стенами. Дворцы и другие сооружения размещены в отличие от Персеполя и, может быть, всех других городов древнего Ближнего Востока на большом расстоянии друг от друга.

Дорога, выбитая в скале, проходит через «район цитадели» с громадной платформой, выложенной из камня (высота ок. 46 м), которую сейчас называют «Троном Соломона» (Тахт-и Сулейман). На этой платформе предполагалось, видимо, возвести особые культовые сооружения из камня, но работа была прекращена, и место дворцов заняли хозяйственные помещения, сложенные из необожженного кирпича. За «Троном Соломона» находится сама цитадель, от которой сохранились остатки массивных стен из сырцового кирпича, фланкированные башнями, и другие фортификационные сооружения. За цитаделью, к югу, расположен «район дворцов», когда-то стоявших в парке. Он начинается с башни со «слепыми окнами» и темным небольшим центральным помещением, куда ведет массивная каменная лестница. Башня сложена из великолепно обработанных блоков песчаника. Ее конструкция и архитектурные детали, бесспорно, свидетельствуют о том, что перед нами реплика урартской постройки — храма. Как и многие развалины Пасаргад, башня связана в народном предании с именем Соломона — сейчас ее называют «Тюрьма Соломона» (Зендан-и Сулейман). Но трудно установить, каковы были функции этой постройки в эпоху Ахеменидов, — она могла быть храмом или гробницей (ср. ниже, с. 328).

Сами дворцы расположены дальше к югу. Первым стоит здание-храм, имевшее функции парадного входа в комплекс («дворец Р»). В древности здесь возвышались громадные фигуры крылатых человекобыков. В настоящее время сохранился только каменный рельеф, украшавший одну из стен этого здания. На нем — высокая фигура четырехкрылого гения в эламском парадном платье, в тройной короне той формы, которая известна на египетских апотропеях позднего периода. Надпись над фигурой на эламском, аккадском и древнеперсидском языках гласит: «Я — Кир, царь Ахеменид». Этот памятник интерпретировался по-разному: его рассматривали как символическое изображение самого Кира или просто как фигуру гения-хранителя.

В 200 м к северу от «дворца Р» находится так называемый дворец аудиенций («дворец R»). Это здание, плоскую крышу которого поддерживало восемь колонн, окруженное со всех сторон открытыми портиками — айванами — с двойными рядами колонн. Со стороны главного входа портик фланкирован двумя глухими башнями, между которыми в два ряда располагались тридцать колонн (по 15 в ряду). Порттик на противоположной стороне имел 48 колонн, также в два ряда.

«Дворец-резиденция», расположенная к северу от «дворца R» и сходная с ним по плану, имеет лишь два портика, и перекрытие главного зала поддерживали пять рядов колонн, по шесть колонн в каждом.

К югу от «района дворцов» находится самое известное здание ахеменидской эпохи — гробница Кира. Она состоит из двух частей — высокого постамента из шести плит, отдаленно перекликающихся с месопотамскими зиккуратами, и возведенной на постаменте целлы — скромного по форме здания с высокой двускатной крышей. Общая высота монумента около 11 м. Вся постройка выполнена из тщательно пригнанных плит песчаника, скрепленных скобами. Описание внутреннего вида погребальной комнаты сохранилось у античных авторов. По их рассказам, воины Александра Македонского обнаружили в гробнице набальзамированное тело Кира в богатых одеждах, покоящееся на убранном драгоценными коврами ложе, окруженное золотыми сосудами и драгоценностями. Внутреннее помещение гробницы, правда, могло вместить и парадное ложе и золотые сосуды, — в прямоугольную комнату (длина 3,17 м, ширина 2,10, высота 2,40) вел дверной проем 1,40 м высоты и 0,78 м ширины.

Археологические раскопки в Пасаргадах, ведущиеся уже много лет, позволили установить даты строительства основных зданий (между 546—530 гг. до н. э.), выявить их планы, установить строительные приемы и последовательность возведения тех или иных частей зданий.

Некоторые черты архитектуры, и в особенности архитектурного декора, Пасаргад уникальны. Дворцы Пасаргад в отличие от более поздних дворцов Персеполя украшены черным и белым камнем, остатки каменной скульптуры представляют некоторые несвойственные Персеполю композиции, иные образы — как будто бы в ином наборе и с иной символикой. Но главным в Пасаргадах является то, что здесь были созданы основные принципы дворцового и храмового строительства ахеменидской эпохи.

В Пасаргадах найдены только разрозненные остатки рельефов, украшавших стены и дверные проемы дворцов. Эти каменные ортостаты, тесно связанные с архитектурой (как, например, в ассирийских дворцах), по стилю и составу образов также относятся к месопотамской — ассирийской и эламской — художественной традиции. Во «дворце R» сохранились нижние части рельефных панелей с изображениями демонов и чудовищ с ногами быков и птиц, бычьими хвостами и жрецов, облаченных в плащи в виде рыб.

И стиль и мелкие детали этих рельефов имеют точные аналогии в ассирийском искусстве, особенно среди ортостатов ниневийского дворца Синаххериба, где изображения людей-рыб и демонов повторялись множество раз и, вероятно, были восприняты персами как «охранители ассирийских владык».

Возможно, что и в данном случае эти мотивы были повторены в каких-то политических целях. Возможно, что здесь была осу-

щественна попытка прокламировать идею преемственности власти от ассирийских царей, но хаос в образах, полная потеря смысла ассирийских композиций свидетельствуют о том, что первоначальный религиозный акцент никак не учитывался. Во всяком случае, здесь перед нами первый пример использования прокламативных изображений сокрушенных Ахеменидами царств для прославления собственного величия и мощи.

Во «дворце Р» остатки скульптурных панелей представляют лишь плохо сохранившуюся фигуру самого Кира (его имя и титулы написаны на изображении), его вельмож и, возможно, гвардии. Это — еще одна составная часть будущей богатейшей скульптуры Ахеменидов. Если в первой группе рельефов можно отметить руку мастера месопотамской школы, то рельефы «дворца Р» представляют царя и его вельмож уже в типичном ахеменидском виде. Система драпировок, персидский покрой одежды, даже манера изображения мелких деталей, а иногда и манера расположения надписей встречаются позднее в Персеполе. Это уже работа скульпторов «персепольской» школы, но по скудным остаткам трудно судить о том, как она сложилась.

Наконец, единственный полностью сохранившийся рельеф Пасаргад — четырехкрылый гений в египтизированной короне представляет собой как бы фокус той смеси разнородных влияний, на основе которых создавалось ахеменидское искусство.

При анализе памятников Пасаргад можно вспомнить египетский гипостильный зал, несомненное ионийское влияние в конструкции колонн, лидийские, вероятнее всего, черты в планировке дворцов, урартские приемы возведения зданий на громадных искусственных платформах, использование «слепых окон» и архитектурных форм урартских храмов «суси». Еще больше влияний и заимствований встретится в Персеполе.

Но вместе с тем ясно, что ахеменидское искусство — совсем не сумма заимствований. Его труднее характеризовать как искусство «прямых цитат» или «пересказа». Заимствования быстро теряют свои первоначальные качества. Впечатление эклектики поверхностно — оно опровергается внимательным изучением самих памятников. В этом заключается парадокс искусства Ахеменидов: детали того или иного образа, той или иной архитектурной постройки, все или почти все, известны из прошлых эпох и разных стран, а сам образ отличен от всего известного и является специфически ахеменидским.

Здесь прежде всего необходимо подчеркнуть, что искусство эпохи Ахеменидов, то, каким мы его сейчас знаем преимущественно по памятникам Пасаргад, Персеполя, Суз, рельефу Бехистунской скалы, скальным гробницам ахеменидских царей в Накши-Рустаме, многочисленным памятникам торевтики и глиптики, по своему существу прокламативно: памятники прокламируют величие царской власти, величие империи, величие царской религии. Эта черта позволяет объяснить их феномен.

К. Ниландеру удалось проследить, в чем конкретно заключалась роль ионийцев, лидийцев и карийцев в строительстве ахеменидских дворцов. Выводы, к которым пришел этот исследователь, очень показательны для характеристики ахеменидского искусства в целом и участия в его создании иноземцев [540].

Ниландер описывает примерно такую ситуацию. Покорив Мидию и Малую Азию, сокрушив Вавилон, Кир стал главой громадной мировой державы. Он приказал начать строительство своей царской резиденции в Пасаргадах, имея в виду новые вставшие перед ним — великим монархом, «царем Азии» — политические, идеологические и религиозные цели. Здания в его резиденции возводились из камня и украшались рельефами. Это были или мидийские концепции и приемы, или те, которые использовались в покоренных Киrom Ассирии и Эламе. К этой категории, как считает Ниландер, принадлежат искусственные платформы, конструкции башен-храмов и высокие колонные залы (высота колонн с капителью около 13 м), известные как элементы дворцовой и храмовой архитектуры и в Ассирии, и в Урарту, и в Манне, и в Мидии. Южное происхождение (тесно связанное с Эламом) имеет и скульптурный декор, наполненный в Пасаргадах древневосточной царской и религиозной символикой.

Когда готовые традиционные формы отсутствовали, появлялся некий синтез, например гробница Кира, где идея месопотамского зиккурата была соединена с иранским типом целлы; или открытые колонны-порттики дворцов и их план, который, по мнению Ниландера, является соединением анатолийского дворца с ионийской стоей. Но весь комплекс Пасаргад в отличие от традиционной для Ближнего Востока техники строительства из необожженного кирпича предостало возвести из камня. Ниландер пишет: «В пределах персидского горизонта середины VI в. только Западная Малая Азия могла служить стимулом для такого видения. Это и было причиной того, что кроме мастеров, выученных в месопотамских и мидийских традициях и использовавшихся теперь в особенности в скульптурных работах, необходимо было привлечь большое количество специалистов по каменному строительству из Ионии и Лидии». Среди них были главным образом мастера-каменщики из Сард и Эфеса.

Итак, сооружение Пасаргад было совместным делом иранцев, вавилонян, ассирийцев и малоазийских греков и лидийцев. Кир или его приближенные направляли работу, указывали, что именно нужно изобразить и какую из существующих форм выбрать. База для такого целенаправленного отбора уже была — это было престижное, дворцовое искусство, созданное мидийцами. И поэтому не случайно, что из многочисленных «чудовищ», украшавших ассирийские и эламские дворцы, были отобраны как раз те, которые известны уже на стадии Зивие. Однако в Пасаргадах, в тех незначительных остатках «рельефов с демонами и чудовищами», которые дошли до нас, еще не чувствуются рука и стиль мидий-

цев — здесь выступает та стилизация, которая характерна именно для ассирийского и эламского искусства. Мидийцы пока еще преимущественно тореуты. Но, по-видимому, уже в Пасаргадах они становятся скульпторами, поскольку рельефы с изображениями Кира и его вельмож, скорее всего, выполнены ими. Мидийцев учили работать в камне и ионийцы, и лидийцы, и эламиты, и вавилоняне.

Так в Пасаргадах сформировалась школа мастеров, расцветшая затем в Персеполе, в которой объединились различные «формальные языки» под эгидой единого государственного идеологического заказа. В этой школе шел напряженный отбор нужных для прокламативного искусства образов и композиций, а когда они отсутствовали, создавались на старой основе новые формы и образы. Другими словами, здесь перед нами в принципе тот же процесс, который характеризовал формирование искусства ранних мидийцев. Искусство, созданное мидийцами, включено в этот процесс как определяющая составная часть.

Персеполь

Персеполь расположен около 1500 м над уровнем моря в обширной равнине в 50 км к северу от Шираза у горы Кух-и Рахмат («Гора Милосердия»). Само название города — греческое и впервые встречается лишь после захвата Персии войсками Александра Македонского у Диодора, Арриана и других античных авторов. Местное название города, которое сохранилось в сотнях хозяйственных документов на эламском языке и в одной ахеменидской надписи, было Парса. Другими словами, страна Персия (современный Фарс), ее народ и царская резиденция назывались Парса. Греки, ошибочно полагая, что это название всей страны, почти весь Иран стали называть Персией. Такое же употребление этого названия было заимствовано у греков и другими народами, пока в 1936 г. иранское правительство не обратилось ко всем странам с просьбой называть страну Ираном. В мусульманское время название Персеполя было забыто, и его руины стали называться Тахт-и Джемшид — «Трон Джемшида» по имени мифического героя иранского эпоса. Отождествление этих руин со знаменитым городом было сделано в 1620 г. испанским путешественником Дон Гарсиа. В сасанидское время на расстоянии нескольких километров от Персеполя на берегу реки Пульвар находился известный город Истахр.

Благодаря многолетним раскопкам (с 1931 г. до недавнего времени) Персеполь является одним из наиболее хорошо изученных древних городов. В настоящее время раскопки завершены и ведутся работы по ремонту и укреплению зданий.

Строительство города было начато около 520 г. (или, во всяком случае, не позднее 515 г.) Дарием I и продолжалось при его преемниках Ксерксе и Артаксерксе I приблизительно до 450 г. По мнению Э. Херцфельда, весь план будущего города был деталь-

но разработан еще до начала работ, так как отверстия системы водопроводных каналов и дренажа в точности соответствуют зданиям, которые были воздвигнуты позднее [369, с. 224 и сл.]. Площадь города составляет 135 000 кв. м. У подножия Кух-и Рахмат была сооружена искусственная терраса, облицованная громадными блоками, которая на 13 м возвышается над окружающей равниной. Для этого пришлось выровнять около 125 000 кв. м неровной скальной поверхности, придав ей определенную архитектурную форму. Город с его дворцами и другими зданиями был построен на этой террасе (ее размеры около 500×300 м), с трех сторон окруженной двойной стеной из сырцового кирпича (на южной стороне археологи обнаружили остатки крепостной стены около 200 м длиной), а с востока он примыкал к неприступной горной скале. Стены были толщиной 4,5—5,5 м и высотой от 11,5 до 15 м [627, т. I, с. 211]. В город можно было пройти по широкой парадной лестнице из двух маршей в 111 ступеней. Эти ступени сооружены из массивных каменных блоков белого известняка, и по ним можно было подняться верхом на конях. По обе стороны лестницы стояли царские гвардейцы с копьями. Лестница вела к портику (пропилю) Ксеркса с изображениями четырех колоссальных быков. Этот портик был входным зданием на террасу. В юго-западном углу террасы был расположен служебный вход, по которому в город доставляли животных, продукты и т. д.

Хозяйственные тексты и царские надписи дают возможность установить последовательность основных этапов сооружения города. После того как была выровнена скала, в ней были прорублены канавы и под поверхностью земли проведена дренажная система, куда должна была стекать вода с крыш зданий. К востоку от будущего города глубоко в земле был выкопан колодец, обеспечивавший запасы воды. Кроме того, вода шла в город по каналу, проведенному с Кух-и Рахмат (во время аэрофотосъемки были обнаружены остатки ирригационной системы, регулировавшей водоснабжение окружавшей город равнины) [627, т. I, с. 57]. Затем были сооружены крепостная стена и военные казармы, после чего и первоначальное здание сокровищницы [627, т. I, с. 40]. Все эти здания, а также дворцы были построены из темно-серого известняка, который добывался на Кух-и Рахмат. Позднее для некоторых рельефов камень доставляли из Египта. Каменоломни были также в Накш-и Рустаме близ Персеполя.

Персепольские дворцы представляют единый архитектурный ансамбль, состоящий из двух типов зданий: *тачара* — жилой дворец и *ападана*² — парадный зал. В 492 г. Дарий начал сооружение *ападаны*, которая была завершена лишь в 481 г. при Ксерксе. В фундаменте здания было найдено два каменных ящика с золотой и серебряной закладными табличками весом по 9,6 кг, на которых

² Древнеперсидское слово для обозначения парадного дворца, заимствованное эламским, аккадским и другими языками [592, с. 19].

начертаны трехязычные клинописные надписи с указанием размеров державы. Эти тексты говорят, что здание было заложено Дарием, хотя в надписях на лестнице *ападаны* ее сооружение приписано Ксерксу. На глазурованных кирпичах, украшающих внешнюю стену *ападаны*, Ксеркс заявляет, что он завершил работу, начатую отцом. В *ападану* вели так называемые Всемирные ворота, построенные при Ксерксе.

Ападана была сооружена на платформе, возвышающейся на 2,5 м, и состояла из квадратного парадного зала размером 60×60 м (3600 кв. м), закрытого со всех сторон толстыми стенами из сырцового кирпича. Зал, который мог вместить 10 000 человек, освещался факелами. Пол его был покрыт серо-зеленой штукатуркой. Входные и другие двери были деревянные, обшитые золотом (во время раскопок нашли кусок золотой пластинки, содранный с двери). С трех сторон зал был окружен портиками. Со всех сторон *ападаны* возвышались массивные четырехугольные башни с лестницами, которые вели на крышу. Потолок зала и портиков поддерживали 72 тонкие и изящные каменные колонны высотой более 20 м (в других зданиях города нередко колонны были деревянные, высотой до 7—11 м). Итальянский путешественник Пьетро делла Валле, посетивший Персеполь в 1621 г., насчитал там, где когда-то стояла *ападана*, 25 колонн, но до настоящего времени сохранилось лишь 13. Специальные коридоры связывали этот зал с личными дворцами Дария и Ксеркса (в надписи Дария его дворец назван *тачара*, а в надписях Ксеркса для дворцов всегда употребляется название *хадии*). С трех сторон здания располагались портики, крыша которых поддерживалась двенадцатью колоннами из светлого песчаника, по шесть в два ряда. Один портик выводил на край террасы, другой — на площадь с восточной стороны дворца, третий (северный) был парадным. Все, кто проходил по лестнице с двумя маршами, прежде всего попадали сюда.

Пол *ападаны* на 4 м выше уровня террасы, и две лестницы, расположенные на северной и восточной сторонах, вели в парадный зал. На этих лестницах (на правой стороне) сохранились рельефы с изображениями придворных (мидийцев и персов с шейными гривнами и браслетами; у некоторых в руках цветки). Рельефы эти имели вставки из пасты и бронзы и были покрыты красной, синей, золотистой и лазоревой краской, которая в некоторых местах (например, на губах воинов) сохранилась до настоящего времени. На левой стороне тянется длинная процессия представителей 33 народов державы, несущих подарки (или ежегодную дань) царю царей. Если эти рельефы растянуть в одну линию, они заняли бы 400 м в длину. Это настоящий этнографический музей с изображением всех характерных особенностей одежды и черт лица различных племен и народов. К сожалению, рельефы не имеют подписей, но почти всех изображенных на них представителей можно отождествить, поскольку на гробницах Дария I и Артаксеркса II в Накш-и Рустаме запечатлены представители 23 наро-

дов с указанием их этнической принадлежности и изображением тех же характерных черт, что и в Персеполе. На рельефах лестницы *ападаны* каждую делегацию покоренных народов ведет в парадный зал либо перс, либо мидиец, вооруженные мечом или кинжалом. *Ападана* символизировала мощь и величие царя и державы и служила для больших государственных приемов.

Дворец (*гачара*) Дария состоит из центрального гипостильного зала с красным полом и примыкающих к залу более мелких комнат с портиками. По бокам были расположены помещения для охраны. Здание было начато при Дарии, но завершено Ксерксом, как об этом свидетельствует надпись последнего. На рельефах у стен перед лестницами изображены слуги в 6 рядов по 19 человек, несущие еду (кубки, чаши, бурдюки с вином, ягнят, молодых оленей и т. д.) для царского стола. Судя по одежде, это были персы и мидийцы. Персы изображены в обычном *кандисе*, обуви с пуговицами и тремя застежками, а мидийцы — в подпоясанном кафтане, штанах, башлыке с куполообразным верхом и обуви с ремешками. Среди слуг есть и безбородые. Вероятно, это были евнухи-чужеземцы, одетые в персидскую и мидийскую одежду.

Там же сохранилось и изображение самого Дария в длинной одежде и высокой зубчатой тиаре, которая (судя по дырочкам, куда были вбиты гвозди) когда-то была покрыта золотом. Рядом с Дарием изображены два придворных перса в такой же длинной одежде и в тиарах, но более коротких, чем у царя [627, т. I, с. 222 и сл.].

Дворец Ксеркса (*хадииш*) по своей архитектуре похож на дворец Дария, и слуги, несущие еду, мало чем отличаются от тех, которые изображены на фасаде дворца Дария. Один мидиец ведет на заклание козла, держа его за рога и шею. Царь, защищенный небольшим зонтом, вступает из своих частных покоев в зал в сопровождении слуги-евнуха с хлопучкой от мух и полотенцем.

При Ксерксе были сооружены также здание гарема, где жили женщины царской семьи, и монументальные Всемирные ворота у входа в *ападану*.

Между 481—472 гг. строительство в Персеполе затухает, и мастера в основном заняты украшением зданий. Возможно, как полагают Камерон, в это время велось интенсивное строительство в Сузах, и туда была переведена часть ремесленников из Персеполя [РТГ, с. 13 и сл.]. Кроме того, в это время шла война с греками. В 466 г. снова начинается интенсивное строительство, и в течение двух лет было закончено сооружение Тронного зала (раньше его называли Стоколонным залом), а к 495 г. были завершены и рельефы к нему.

Тронный зал является самым большим после *ападаны* зданием в Персеполе. Потолок его держался на ста колоннах высотой 19,96 м. Это здание, вероятно, было начато Дарием, хотя надпись на аккадском языке, найденная там, относит его сооружение к Ксерксу и Артаксерксу I.

Если прав Э. Шмидт, в этом зале (площадь его 70×70 м) располагался дворцовый «музей», где были выставлены наиболее ценные царские сокровища. Здесь происходили царские приемы и пиршества. Как полагают, именно сюда складывали в торжественной обстановке подарки, преподнесенные царю. У восточной двери в зал изображен восседающий на троне Дарий I, а за ним стоит наследник престола Ксеркс (однако такое отождествление лишь предположение, ибо на рельефе нет никаких надписей). Руки обоих подняты и протянуты в жесте поклонения символу Ахура-Мазды. В правой руке Дарий держит золотой скипетр. Царский трон представлял собой золотой стул с высокой спинкой и серебряными ножками, имитировавшими львиные лапы (см. сообщения античных авторов: Plut. Themist. 13; Athen., Deipnos. XII 514C; ср. 290, с. 207 и сл.). Такой же рельеф сохранился и у здания сокровищницы. Итальянские археологи недавно сделали удивительное открытие, установив, что этот рельеф первоначально находился на центральной лестнице *ападаны* [677, с. 191—208]. Кто-то из более поздних ахеменидских царей по неизвестной причине распорядился перенести этот рельеф.

У северного входа в Тронный зал изображен царь, борющийся с чудовищем, у которого голова, туловище и передние лапы льва, шея, крылья и задние ноги птицы, а хвост скорпиона. Таких изображений в Персеполе много, и они символизируют борьбу с созданиями Аримана, восставшими против законной власти.

После 5-го года правления Артаксеркса I (459 г.), когда на строительстве Персеполя еще было занято более 1100 мастеров, тексты, фиксирующие сооружение различных зданий, исчезают. После долгого перерыва, при Артаксерксе III, был построен новый дворец в юго-восточной части террасы. Хотя при Артаксерксе I строительство в Персеполе в основном закончилось, сотни мастеров должны были постоянно следить за сохранностью зданий из сырцового кирпича, чтобы стены не обвалились от частых между декабрем и мартом ливневых дождей, предохранять дренажную систему от наносов, а также ухаживать за садами, разбитыми на террасе и в окрестностях [627, т. I, с. 43 и 210].

Позади террасы (но внутри крепостной стены) расположены гробницы Артаксеркса I, II и III, от которых сохранились лишь пустые каменные саркофаги, а также незаконченная гробница Дария III. На равнине под террасой находились дома царских садовников.

Эволюция в архитектуре Персеполя, по сравнению с Пасаргадами, очевидна, хотя дворцы Персеполя имеют, в сущности, тот же план, что и дворцы Пасаргад. Пропилеи Ксеркса представляют собой реплику пасаргадского дворца, и строители используют ту же комбинацию сырцового кирпича и отдельных деталей из камня, украшенных рельефами. В Персеполе, так же как и в Пасаргадах, архитектурные детали из камня, такие, как, например, проемы окон, наличники дверей, являются работой скульпторов, а не ар-

хитекторов. Косяки окон, например, высекались из цельных блоков. Но в Пасаргадах нет пологих лестниц в несколько маршей, иные базы и капители колонн, нет колонн с каннелюрами, используется разноцветный камень. И, главное, Персеполис — это единый комплекс, где архитектурные формы и скульптура объединены в единое, хотя и медленное повествование.

Весь комплекс создавался по единому плану, где не только каждый дворец, но и каждый рельеф имели определенное, связанное с ритуалом, место. Отсюда вполне понятна основополагающая роль символики архитектуры и скульптуры Персеполя.

В конце 331 г. Александр Македонский захватил Персеполис и отдал его на разграбление своим войскам. Царские сокровища были вывезены оттуда, и весной 330 г. город предан огню. Рассказы древних авторов об этом пожаре подтверждаются и археологическими раскопками: в руинах *ападаны*, Тронного зала и сокровищницы отчетливо видны следы катастрофы — обожженные стены и обугленные остатки различных предметов, а пол Тронного зала покрыт пеплом почти метровой толщины. Это пепел от кедровых балоков, когда-то поддерживавших потолок. Из царских архивов сохранились лишь глиняные таблички, а кожаные свитки и папирусы сгорели [627, т. I, с. 132; т. II, с. 3]. Такой поступок эллинизированного варвара оказал науке неожиданную услугу: покинутый всеми, превращенный в руины Персеполис сохранился до наших дней лучше, чем если бы он оставался обитаемым городом.

В течение многих лет в науке обсуждается вопрос, для чего был сооружен Персеполис и какие функции выполняли его здания [литература: 541, с. 137, примеч. 2]. На этот вопрос ответа не дают и хорошо осведомленные в персидских делах греческие авторы. Геродот даже не знал о существовании Персеполя. Вероятно, после Ксеркса цари мало посещали этот город. По мнению Олмстеда, Артаксеркс I покинул Персеполис около 462 г. и никогда больше не возвращался туда [547, с. 352]. Многие авторы утверждают, что даже Ктесий, живший при дворе ахеменидских царей, никогда не видел и не упоминал Персеполя [274, с. 471; 727, с. 23]. Однако Ктесий несколько раз упоминает этот город, называя его Persai³, и говорит о доставке туда для погребения тел умерших царя и царицы [на этот факт внимание обратил еще Э. Херцфельд: 605, с. 110; см. также 192, с. 56; 541, с. 138, примеч. 4].

Большинство ученых считает, что Персеполис не был центром управления, столицей мировой державы, а являлся ритуальным городом ахеменидских царей. Рельефные сцены Персеполя навели ученых на мысль, что в этом городе справляли праздник Нового года, являвшийся самым большим праздником в древности. В таком случае можно полагать, что на персепольских рельефах (осо-

³ Эта форма гораздо ближе к древнеиранскому «Парса», чем «Персеполис». Ср. у Арриана (Анаб. III, 18, 4—10) название «Персы», где имеется в виду Персеполис, ибо в контексте речь идет о расположенной там сокровищнице.

бенно на лестнице *ападаны*) изображен ритуал новогоднего праздника и запечатлены мифы и обряды древних иранцев: борьба между старым и новым годом, между добром и злом, символизировавшая битвой царя с чудовищами, надежды на благополучие в наступающем году, праздничные пиршества и доставка покоренными народами новогодних даров или подати царю царей [369, с. 222; 570; 274, с. 471; 627, т. I, с. 82 и сл., 132 и сл.; 366, с. 231; см. подробное обсуждение этого вопроса: 541]. По мнению Г. Гноли, Новый год персы отмечали в месяце адуканиш, который соответствовал вавилонскому нисанну, и ахеменидский ритуал Новруза был явно вдохновлен новогоним праздником вавилонян. Как полагают, Ахемениды со своими приближенными встречали первый день нового года, падавший на день весеннего равноденствия, т. е. на 22 марта, в Персеполе [322, с. 123; 383, стб. 1031]. Р. Гиршман попытался восстановить основные этапы этого ритуала. По парадной лестнице царь и его придворные, личная гвардия, вожди племен, военачальники и знать, а также «делегации» многочисленных царств, входивших в империю Ахеменидов, каждая с подарками, являвшимися символом богатства их стран, поднимались на террасу и проходили через так называемый портик Ксеркса. Затем вся процессия следовала через широкую площадь и подходила к подножию *ападаны*, которая даже в самых сухих археологических отчетах называется не иначе, как «одно из самых величественных зданий древнего мира» [310].

Высказывалось также малоубедительное предположение, согласно которому Персеполь являлся астрономической обсерваторией для определения дня весеннего равноденствия и его здания были расположены таким образом, чтобы вести наблюдения за небесными светилами [литература: 687, с. 163, примеч. 2]. Наконец, недавно Л. Трюмпельманн высказал мнение, что Персеполь был обычной царской резиденцией со всеми ее функциями [687, с. 170]. На наш взгляд, в пользу такого предположения свидетельствует и сообщение Афиней (Deipnosoph. XII, 513F), согласно которому в Персеполе ахеменидские цари проводили осень. Но начиная с Артаксеркса II они редко посещали этот город, ставший местом погребения правителей [285, с. 383—385]. Страбон (XV, 3, 3 и 6) пишет, что Персеполь и Пасаргады были наиболее укрепленными⁴ и овеянными славой предков городами.

Строительная деятельность Дария I в Сузах

Еще в древности эламские цари сооружали свои дворцы в Сузах. Эти дворцы были расположены на акрополе, представлявшем собою искусственно укрепленный холм к северо-западу от города,

⁴ В арамейских надписях из Персеполя этот город постоянно называется крепостью.

почти у берега Керхи. Он возвышался на 33 м над уровнем этой реки и был на 6 м выше остального города.

Если верить Страбону (XV, 3, 2), Кир II построил в Сузах свой дворец. Трехъязычная надпись (DSf) Дария I рассказывает о сооружении дворца к северу от акрополя. «Вот дворец, который я построил в Сузах. Украшения его издалека доставлены. Земля была вырыта глубоко, пока я не достиг скального грунта. Когда [земля] была вырыта, был насыпан гравий, в некоторых [местах] 40 локтей в глубину, в других — 20 локтей в глубину. На этом гравии дворец сооружен. Земля была вырыта глубоко, гравий засыпан, сыпцовый кирпич формован — вавилонский народ [все это] сделал.

Кедр доставлен с горы Ливан. Ассирийский народ доставил его до Вавилона, в Сузы его доставили карийцы и ионийцы. Тиковое дерево⁵ было доставлено из Гандхары и Кармании. Золото, которое здесь использовано, доставлено из Лидии и Бактрии. Самоцветы, лазурит и сердолик, которые использованы здесь, доставлены из Согдианы. Бирюза, которая использована здесь, доставлена из Хорезма. Серебро и эбеновое дерево, употребленные здесь, доставлены из Египта. Украшения для стен доставлены из Ионии. Слоновая кость, которая использована здесь, доставлена из Эфиопии (Куш), Индии и Арахосии. Каменные колонны, которые здесь использованы, доставлены из селения Абираду в Эламе. Работники, которые тесали камень, были ионийцы и лидийцы. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидийцы и египтяне. Люди, которые инкрустировали дерево, были мидийцы и египтяне. Люди, которые формовали обожженный кирпич, были вавилоняне. Люди, которые украшали стену, были мидийцы и египтяне.

Говорит Дарий царь: в Сузах великолепное [дело] велено было совершить [и] великолепным оно стало. Пусть Ахура-Мазда хранит меня и Виштаспу, отца моего, и мою страну».

Вероятно, дворец этот был сооружен еще до того, как в Персеполе развернулось широкое строительство, и в приведенной надписи, которая является закладным текстом, Дарий призывает благословение на своего отца Виштаспу, который тогда был еще жив (ему, вероятно, было более 80 лет). Р. Гиршман, который вел раскопки дворцовых помещений, относит его сооружение ко времени между 518—512 гг. [312, с. 148].

Как видно из надписи, материалы для сооружения дворца доставлялись из 12 стран, а гравий — с реки Керха в двух километрах от Суз. Ремесленники из многих стран были заняты на строительных и декоративных работах. Наиболее важные работы выполняли вавилоняне, которые имели богатый опыт возведения зданий на искусственных террасах. Дворец Дария стоял на прямо-

⁵ Это дерево еще и теперь растет в Южном Иране (например, в Кермане). В вавилонском варианте надписи оно названо «дерево *mesu* из Маккана» [299].

угольной террасе размером 400×260 м и занимал площадь 250×150 м. В нем было 110 комнат, коридоров и дворов, общая площадь которых равнялась 20 675 кв. м.

В надписи говорится и об украшении стен. Археологические раскопки подтвердили, что стены были украшены обширными панно глазурованных кирпичей с изображением людей (чаще всего, царских телохранителей), различных животных и мифологических существ. Гиршман полагает, что эти панно были работой эламских мастеров.

Важную информацию о комплексе дворцовых зданий в Сузах содержит Книга Эсфирь, где упоминаются «внутренний двор», «дом царя» (царские покои), «дом женщин» (гарем во главе с евнухом — «надзирателем над женщинами» [ср. 552, с. 328]. Согласно этому произведению (I, 6—7), пол царского дворца в Сузах был вымощен красным, белым, черным и желтым мрамором. Вероятно, здесь имеется в виду *ападана*, которая по распоряжению Дария была сооружена рядом с его дворцом, чтобы устраивать там торжественные приемы сановников и чужеземных послов.

Развалины *ападаны*, занимавшей площадь 10 434 кв. м, были раскопаны и обследованы французскими археологами еще в 90-х годах прошлого века. По своему плану она была почти точной копией *ападаны* в Персеполе. Потолок ее держался на шести рядах колонн высотой почти 20 м, вершины которых были украшены капителями с изображениями бычьих голов. В 1969—1970 гг. французские археологи нашли две таблички из серого мрамора с эламской и аккадской надписями, рассказывающими о сооружении *ападаны*. Сначала был снят слой почвы до каменного грунта, затем выровнена площадка для фундамента, на котором был возведен дворец из кирпича с каменными проемами дверей и окон и иными деталями. В этих надписях Дарий уже не обращается к Ахура-Мазде с просьбой о продлении жизни своему отцу Вишпашпе. Очевидно, ко времени возведения этого здания Вишпашпе не было в живых.

В аккадском тексте, в частности, говорится: «Вот материалы для украшения, которые использованы для этого дворца: золото, серебро, лазоревый камень, бирюза, сердолик, кедровые балки, дерево из Маккана, эбеновое дерево, слоновая кость... Вот страны, которые доставляли украшения для этого дворца: Персия, Элам, Мидия, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, страны за морем, Лидия, Иония, Урарту, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гандхара, Скифия, Саттагидия, Арахосия...» [издания надписей: 693; 694; 695; см. также новое издание надписей Дария о сооружении дворца в Сузах с учетом недавно найденных экземпляров: 645, с. 135 и сл., 164 и сл.].

Недавно у ворот *ападаны* была найдена надпись Ксеркса, где он заявляет, что эти ворота построил он. Очевидно, сооружение *ападаны* длилось долго и было завершено после смерти Дария I [697, с. 178]. При Артаксерксе I она сгорела, как об этом свидетельству-

ет надпись Артаксеркса II (A²Sa). «Эту *анадану* выстроил мой прапрадед Дарий. Затем при моем деде Артаксерксе она сгорела; милостью Ахура-Мазды, Анахиты и Митры я соорудил эту *анадану*. Да хранят Ахура-Мазда, Анахита и Митра меня от всякого зла и пусть то, что я соорудил, не разрушится и не пострадает».

В четырех километрах к северо-востоку от дворца Дария сохранились руины еще одного здания ахеменидского времени, возведенного на искусственной террасе. Археологи полагают, что это храм, выстроенный Артаксерксом II. В центре этого здания находилось помещение с четырьмя колоннами, в котором, вероятно, был расположен алтарь огня [235, с. 390 и сл., 411 и сл.; 273, с. 15 и сл.; 307, с. 183 и сл.; 627, т. I, с. 33].

Сокровищница, царские склады и мастерские были расположены к югу от дворца Дария. Сам город находился к юго-востоку от акрополя [308, с. 2]. Все дворцовые здания были окружены мощной стеной из сырцового кирпича. В одной из своих надписей (DSe) Дарий отмечает, что крепостная стена в Сузах обветшала и он ее восстановил. Раскопки французских археологов в 1973—1974 гг. окончательно выяснили план комплекса ахеменидских дворцов: монументальные пропилеи, внутренний двор, царский дворец, приемный зал (*анадана*). Строительство, начатое при Дарии I, было завершено Ксерксом. Входное сооружение (пропилеи) было расположено в восточной части террасы. Именно здесь в декабре 1972 г. была найдена статуя Дария I [425]. Царь изображен стоящим на прямоугольном пьедестале (высота статуи — 3,5 м; к сожалению, голова не сохранилась) в церемониальном персидском костюме. На пьедестале спереди и сзади выбита типичная для египетских статуй композиция — фигуры плодородия, а по сторонам — изображения коленопреклоненных представителей различных народов Ахеменидской державы (24 фигуры). У каждой из них в картуше египетскими иероглифами обозначено название народа. Иероглифические надписи высечены также на завязках пояса и на складках платья. Там же помещены древнеперсидские, эламские и аккадские надписи, в которых говорится, что статуя была изготовлена в Египте. Она была высечена в конце царствования Дария египетским мастером из египетского камня, но с точным повторением «имперских канонов». Первоначально статуя, вероятно, украшала один из египетских храмов в Гелиополе, и позже по приказу Ксеркса ее перевезли в Сузы, чтобы поставить перед пропилеями.

По свидетельству Страбона (X, 3, 2), каждый персидский царь строил в Сузах свой собственный дворец. Ахеменидские цари, начиная с Дария I, сооружали свои дворцы также в Экбатанах. Об этом говорят серебряная и золотая закладные дощечки с надписями Дария I, найденные в окрестностях Хамадана, а также сообщения античных авторов. Полибий (X, 27) упоминает об экбатанском дворце в семь стадиев в окружности, что приблизительно соответствует площади террасы Персеполя [627, т. I, с. 90].

Искусство Ирана эпохи Ахеменидов сравнительно хорошо изучено. Основные архитектурные памятники — Пасаргады, Персеполь, Сузы, как и произведения скульптуры и мелкой пластики, неоднократно описывались и в общих трудах и в специальных публикациях. Ниже дано краткое описание некоторых памятников, при этом внимание обращается на их происхождение и связи с предшествующими этапами.

Три памятника, раскопанных Р. Гиршманом на территории исторического Элама — террасы Масджид-и Сулейман и Бард-и Нишанде и так называемую Ахеменидскую деревню в Сузах, — автор раскопок относит к доахеменидскому и раннеахеменидскому времени [318; 309]. Террасы были сложены из громадных каменных блоков, не имели никаких дополнительных построек, кроме подия, на котором некогда возвышался алтарь огня, и *атешгаха* — небольшого помещения для хранения огня, скрытого в толще террасы. На террасу вели грандиозные лестницы (в Масджид-и Сулейман — 18 ступеней по 25 м шириной). И на террасах и в «Ахеменидской деревне» в сырцовых постройках были найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов и различные украшения.

В последнее время Д. Стронах привел, однако, существенные аргументы в пользу того, что «Ахеменидская деревня», как и Масджид-и Сулейман и Бард-и Нишанде, должны датироваться V в. (во всяком случае — не ранее 600 г. для нижнего слоя «Ахеменидской деревни») [654]. На основании передатировки керамики с так называемым фестончатым орнаментом [ср. 658], а также привлекаемая раскопки в Малиане, Д. Стронах, в частности, опровергает археологические свидетельства для установления пути миграции персов из Загроса через Хузистан в Фарс. Теперь, по его предположению, область Парсуа можно локализовать (по крайней мере с VIII в.) на севере Мах-и Дашт как поселение изолированной группы племен, а Парсумаш начала VII в. — как поселение основной массы персидских племен на северных (или восточных) границах Фарса.

На рубеже VI—V вв. оформляются определяющие черты искусства Ахеменидов: строжайшая канонизация, достигающая даже монотонности, стремление к абсолютной симметрии, зеркальное построение одних и тех же сцен. Эти черты характеризуют все рельефы Персеполя — проемы дверей дворцов, например, обязательно имеют на обоих фасах косяков не только идентичные сцены, но даже идентичные пояснительные надписи. Персеполь поражает сразу размерами платформы, высотой колонн, колоссальными человекобыками пропилеев Ксеркса, рельефами *анаданы*. Но, немного привыкнув к этому, начинаешь замечать повторы сцен, тирафетность фигур, каноничность поз и атрибутов. Рельефы Персеполя — это связный рассказ, но совсем не остросюжетный, как,

например, ортоостаты ассирийских дворцов, это медленное, назойливо ритмичное, торжественное и пышное шествие сотен персидских и мидийских воинов, сотен вельмож, чиновников и жрецов, сотен представителей подвластных народов. Все эти многочисленные процессии как бы застыли внезапно, и понятие «последовательность» выражено не отдельными фигурами и сценами, но комплексами фигур и сцен («комплекс *ападаны*», «комплекс пиршественного дворца», «комплекс трипиллона»). Предметы прикладного искусства эпохи Ахеменидов предельно точно изображены на рельефах Персеполя. Здесь можно ограничиться, пожалуй, одним примером. На одежде Дария на рельефе западных дверей *ападаны* гравировкой изображена кайма с процессией львов. Такая же точно кайма, вытканная из шерсти, с точно такими же (до мельчайших деталей) фигурами львов была найдена в одном из пазырыкских курганов на Алтае.

Каноны, созданные еще при Дарии, не нарушаются ни в чем на более поздних дворцах Персеполя, в архитектурном украшении скальных гробниц персидских царей, на памятниках торевтики V—IV вв. до н. э. В Персеполе создается тот «имперский ахеменидский стиль», который впоследствии будет господствовать на всей территории, подвластной Ахеменидам.

Ахеменидское искусство было придворным монументальным искусством, которое должно было символизировать могущество державы и величие царской власти. Выяснению происхождения отдельных элементов ахеменидского искусства посвящено много работ. Но, как указывает К. Ниландер, искусство не сумма заимствований, а, скорее, то, что в конечном итоге получилось из них, то, что создало нечто большее, чем простое сочетание заимствованных элементов. Несмотря на заимствования, все глубокие, самые существенные аспекты ахеменидского искусства остаются полностью оригинальными, и само это искусство не производит впечатления чужеземного как целого, ибо в целом оно результат специфических исторических условий, определенной идеологии и социальной жизни, давших заимствованным формам новые функции и значение. Поэтому заимствования и влияния только формальны и поверхностны, они потеряли все свои типичные и первоначальные качества в новом содержании [540, с. 144 и сл.].

В скульптуре Персеполя присутствует также пласт образов Зивие. Это прежде всего рельефы, изображающие бой «царя-героя» с демонами, силами зла, в тронном зале, а также капители колонн — протомы различных чудовищ. Среди них — рогатый и крылатый лев с хвостом скорпиона и птичьими лапами, лев с ногами быка, чудовище-грифон с бычьим хвостом. Сама композиция этих сцен — та же, что и на некоторых плакетках Зивие.

Итак, в Персеполе окончательно сложились нормы ахеменидского искусства, точнее, ахеменидского дворцового стиля, которые лишь позже, в середине IV в. до н. э., пополняются новыми мотивами и образами. Ахеменидский дворцовый стиль распростра-

нились чрезвычайно широко, фактически создав единство культуры от Инда до побережья Малой Азии.

Произведения торевтики, в особенности ритоны, исполненные, как указывают детали техники, лидийскими, малоазийскими и восточноиранскими мастерами, каноничны по форме, орнаменту, даже по размерам, независимо от места их производства. Группа печатей-цилиндров и так называемых пирамид имеет надписи на разных языках (древнеперсидском, эламском, арамейском, лидийском и др.), но одни и те же в общем стандартные сюжеты. Сюжетов совсем немного, и почти все они встречаются в монументальном искусстве, на произведениях торевтики, на немногих дошедших до нас образцах тканей. Это прежде всего царь у жертвенника с пылающим огнем, символ Ахура-Мазды, борьба «царя-героя» с чудовищем, символическая сцена борьбы животных, различные «добрые» и «злые» гении и демоны. Другим распространенным сюжетом ахеменидской глиптики являются сцены военных триумфов или охоты персидских царей и воинов. Сцены иногда точно копируют рельефы Персеполя или рельефы, украшающие царские гробницы. Часто можно уловить детали слепого копирования: например, на уже упоминавшейся ткани из Пазырыка процессия львов точно копирует не только ткань одежды Дария, но и изображения львов на его гробнице, причем воспроизведены детали рельефной моделировки. То же самое явление характерно и для многих изображений на золотых и серебряных сосудах.

Именно печати, и среди них в особенности группа пирамидальных печатей, многие из которых делались в Малой Азии, а также цилиндры, изготовлявшиеся в ахеменидскую эпоху на бывших территориях Ассирии и Вавилонии, ярко показывают процессы унификации. На печатях с лидийскими надписями, выполненных малоазийскими мастерами в местном стиле, изображаются крылатые и рогатые львы со скорпионьими хвостами и лапами грифонов, протоиранские варианты «шеду», грифонов, сфинксов, горных козлов по сторонам «древа жизни» т. е. почти весь «зивиинский набор» образов религиозного искусства Месопотамии. Вместе с тем цилиндры, имеющие традиционные вавилонские и ассирийские сюжеты, почти всегда при этом снабжаются ахеменидскими «индикациями», чаще всего — символом Ахура-Мазды, как бы осепающим изображения древних местных богов.

Культурное единство «ахеменидского мира», конечно, не исчерпывается единством стиля памятников искусства, но эти памятники характеризуют его необычайно ярко. Нужно заметить, что это касается не только произведений «престижного» ранга; как установлено археологами, в ахеменидскую эпоху в ряде мест за границами собственно Ирана меняются, например, формы и стиль столовой посуды — стеклянной и керамической. Особенно керамика повторяет ахеменидские формы и орнаментацию.

Комплекс религиозных памятников эпохи Ахеменидов в Накш-и Рустаме расположен на той же равнине, в нескольких километрах

от Персеполя. Эта святыня древнего Ирана, почитавшаяся еще до Ахеменидов (там, например, найдены остатки позднеэламского рельефа IX—VIII вв.), и много позже, уже в сасанидскую эпоху, сохранила ахеменидские памятники с конца VI по конец V в. Здесь расположены четыре гробницы (Дария I, Ксеркса, Артаксеркса II и Дария II), высеченные в скалах Кух-и Рахмат, и башня «Ка'ба Зороастра» — почти напротив гробницы Дария.

Самый ранний ахеменидский памятник комплекса — гробница Дария I. В скале вырублена квадратная комната. Центр крестообразного фасада гробницы (высота около 23 м) представляет собой как бы вход в парадный царский дворец — имитацию крышпортика поддерживают высеченные в скале колонны с точно такими же капителями в виде протом двух чудовищ, как в Пасаргадах, Персеполе или Сузах. Дверь в усыпальницу оформлена так же, как и дверь парадных дворцов. Наверху, над дверью — скульптурная композиция, в сущности повторяющая «тронные композиции» Персеполя, — представители покоренных народов поддерживают парадную платформу. На ступенчатом пьедестале изображен Дарий, опирающийся на лук, с рукой, обращенной в сторону алтаря огня. Над Дарием «парит» символ Ахура-Мазды. Гробница Дария и украшающие ее рельефы, как и религиозная символика, немедленно канонизируются — гробницы поздних ахеменидских царей повторяют те же формы и те же рельефы.

У этого типа гробниц есть предшественники — скальные урартские гробницы. Однако гробницы в Накш-и Рустаме связаны с ними, скорее, только идеей помещать тела покойников в нишах, вырубленных в скале.

Несколько кладов дают яркое представление о предметах ахеменидского искусства. Самым интересным из них был клад золотых и серебряных вещей, помещенных в большой керамический сосуд, обнаруженный при раскопках в Пасаргадах. Он состоял из 1162 предметов, в числе которых пара великолепных золотых браслетов, увенчанных головами горного козла; три пары золотых серег со вставками из лазурита, выполненные с применением техники зерни; несколько серебряных ложек с зооморфными ручками; ожерелья, составленные из бусин в виде лежащих львов, — из лазурита, халцедона, аметиста; ожерелья из миниатюрных золотых колокольчиков, из золотых головок египетского бога Бэса, женских головок, голов горного барана и льва, цветов лотоса; ожерелья из кораллов и цветных камней. Все это было богатейшим убором знатной женщины, скорее всего — царского рода, спрятанным, как показывают даты, после захвата Александром Персеполя, в ожидании, что та же участь постигнет и Пасаргады. Этот клад, один из очень немногих кладов ахеменидской эпохи, открытых археологами, демонстрирует уже упоминавшееся единство ахеменидского дворцового стиля.

Ближайшие аналоги многим предметам этого клада, и не только в форме и стиле объектов, но и в технических деталях, дают

вещи из знаменитого Амударьинского клада, найденного на городище Тахт-и Куват, у слияния Вахша с Пянджем (Южный Таджикистан) в 1877 г., серьги из не менее знаменитого Ахалгорийского клада, найденного в Грузии в 1908 г., браслеты из раскопок грузинского комплекса в Вани, из скифского кургана «Семь братьев» на Кубани, из Сард, Македонии и других мест.

Прототипы форм золотых украшений клада, найденного в Парсагах, находятся в Эламе, Ассирии, Урарту, и, как далекое эхо, только в некоторых технических деталях улавливается влияние памятников клада из Зивие.

Весной 330 г. до н. э. Александр сжег *ападану* Персеполя, и это событие явилось поворотным пунктом в истории Ирана и истории его культуры. Походы Александра на Восток открыли эпоху, которую обычно называют эпохой эллинизма.

Последние результаты раскопок Р. Гиршмана в Масджид-и Сулеймане открыли посвященный богине Афине храм, возведенный македонцами на месте древнего святилища вскоре после завоевания Ирана. Здесь наряду с остатками ахеменидских скульптур найдены превосходные памятники эпохи раннего эллинизма — обломки каменных, терракотовых и бронзовых статуй, греческая керамика и т. д. Несколько позже здесь же было основано святилище, посвященное Гераклу. Так вместе с фалангами Александра в Иран проникали художественные вкусы Эллады, ее мастера и памятники ее искусства.

Однако уже в эпоху Ксеркса было достигнуто культурное единство Востока и Запада. Артаксеркс II ставит по всей стране — в Вавилоне, Сузах, Экбатанах, Персеполе, Бактрах, Дамаске, Сардах — статуи Анахиты. Древнеиранская богиня уже представляется персам антропоморфной. Ее иконография была, скорее всего, сопоставлена с иконографией Артемиды, а статуи создавались греческими скульпторами. В развалинах храма у персепольской террасы, раскопанных Херцфельдом, были обнаружены votive надписи, в которых Анахита отождествлялась с Артемидой и «царицей Афиной», Аполлон и Гелиос — с Митрой, Зевс — с Ахура-Маздой. В трилинге из Ксанфа (358 г.) Митра отождествлен с Аполлоном. На платформе Персеполя найден великолепный торс Пенелопы греческой работы середины V в. до н. э. Ясные следы влияния ахеменидских рельефов ощущаются в рельефах Лидии (V в. до н. э.), саркофагах и каменных капителях в виде протомы двух животных из Сидона (V—IV вв.), Фасоса, Саламина на Кипре (IV в. до н. э.). Выше говорилось о «греко-персидском» стиле резных камней и о греко-персидских произведениях тореvтики.

В эпоху Ксеркса уже существовала политическая концепция «единого мира», которая имела, однако, две стороны, два противоположных подхода. Мир был един для ахеменидских царей хотя бы потому, что владыка державы был «единый над многими царь, единый над многими повелитель». Мир был един и для греков (это прекрасно отражено, например, в греческой литературе, в особен-

ности исторической) прежде всего потому, что история Ахеменидской державы стала составной частью истории Греции. Но образовавшийся на базе этой концепции новый этап в истории искусства и культуры, который можно называть «предэллинизмом» и о начальных успехах которого упоминалось выше, совсем не заглушал резкого контраста, иногда даже трагичности судеб отдельных людей — от царя до простого солдата, судеб целых народов и громадной перемены в психологии.

Древнеперсидская клинопись

Вопрос, является ли Бехистунская надпись древнейшим персидским письменным памятником или уже до Дария I ахеменидские цари пользовались родным языком для составления своих надписей, до сих пор не решен окончательно.

Многие исследователи, ссылаясь на то, что у персов задолго до Дария I была потребность в письменности, уже *a priori* приходят к выводу об изобретении персидской клинописи, по крайней мере при Кире II или еще раньше [364, с. 63; 35, с. 367]. В. В. Струве и И. М. Дьяконов даже полагают, что так называемая древнеперсидская клинопись на самом деле была мидийской, возникшей под влиянием урартского письма, и персы ее просто заимствовали в готовом виде [89, с. 49—50; 234, с. 120]. При этом, по мнению указанных ученых, стиль ахеменидских надписей сформировался под влиянием урартской анналистики через посредство мидийских надписей. Например, как в урартских, так и в ахеменидских надписях каждый новый раздел начинается со слов: «Говорит N (имя), царь» [89, с. 50; 234, с. 120—122; 60, с. 114]. Но тем не менее предположение, что персы заимствовали письменность из Мидии, не может быть доказано, если не будут найдены мидийские надписи, составленные «древнеперсидской» клинописью (на территории Мидии в Нуш-и Джан-тепе раскопана клинописная надпись на куске серебра, однако от нее сохранились лишь конец одного и начало следующего знака) [180, с. 107].

В наличии письменности в Мидийском государстве трудно сомневаться, но нельзя отрицать возможности существования там иноязычной письменности, как это имело место в древности во многих странах Ближнего Востока. Во всяком случае, на территории Мидии была найдена бронзовая табличка с надписью IX в. на аккадском языке, составленная от имени местного правителя [371, с. 238 сл.], а также несколько ваз с арамейскими надписями, которые датируются VIII—VI вв. [538, с. 123—127; 540, с. 168, прим. 54]. Поэтому вполне вероятно, что мидийцы пользовались аккадским или арамейским письмом и не изобрели собственной письменности.

Правда, И. М. Дьяконов и Е. Курилович полагают, что древнеперсидское письмо не могло быть изобретением времени Дария I, так как фонетическая и фонологическая системы этой клинописи,

по их мнению, не соответствуют персидскому языку конца VI в. [234, с. 107; там же приводится и литература; ср. 540, с. 137]. Дьяконов, например, полагает, что древнеперсидские дифтонжные написания были лишь историческими и уже ко времени Дария I дифтонги обычно монофтонгизировались [234, с. 108, 111 и 114]. Далее, по мнению Дьяконова, некоторые элементы (например, употребление словоразделителя) древнеперсидской клинописи восходят к урартскому письму, заимствованному в переработанном виде через мидийцев [234, с. 118—122]. Эти соображения, конечно, представляют большой интерес, однако относительно характера мидийской клинописи (если мидийцы действительно имели ее) нам ничего не известно и поэтому трудно уверенно говорить о происхождении древнеперсидской письменности от мидийской. Кроме того, вопрос о дифтонгах и их монофтонгизации представляется очень сложным и пока не решенным, если иметь в виду факты, которые были рассмотрены Ф. Б. Койпером и Э. А. Грантовским. Во всяком случае, имеется достаточно оснований полагать, что орфография Бехистунской надписи отражает реальное состояние древнеперсидского языка во времена Дария I [448, с. 300—302; 25, с. 294].

В подтверждение гипотезы о наличии у персов своей письменности еще при Кире II Р. Гиршман ссылается на сообщение Геродота (I, 123—125), где говорится о письме мидийца Гарпага к Киру и письме, составленном Киrom от имени Астиага. Последнее Кир показал народному собранию персов, выдав его за письмо Астиага. Гиршман полагает, что, поскольку собравшиеся по повелению Кира персы не могли в массе своей знать аккадский или эламский языки, письмо было сочинено по-древнеперсидски [313, с. 248]. Если даже это сообщение Геродота основано на каком-либо достоверном источнике, письмо Гарпага, написанное им секретно и адресованное лично Киру, могло быть написано по-эламски. Что же касается подложного письма, которое Кир собранию персов выдал за письмо Астиага, оно вообще не было зачитано персам, а только сообщено его содержание. Кроме того, имеются основания полагать, что персы, поселившиеся на исконной эламской земле и имевшие многовековые контакты с местным населением, понимали эламский язык (см. ниже. с. 282).

Еще с начала XIX в. была известна короткая надпись Кира II из Пасаргад на древнеперсидском, эламском и аккадском языках следующего содержания: «Я — Кир, царь, Ахеменид». Позднее там же на столбах и колоннах дворцов было найдено еще несколько надписей приблизительно такого же содержания (например, одна из них гласит: «Кир, царь великий, Ахеменид»). Если эти надписи действительно относятся ко времени Кира II, персидская клинопись уже была в употреблении по меньшей мере за несколько десятилетий до Дария I. Такое предположение было отвергнуто В. Хинцем, который полагает, что указанные надписи из Пасаргад были составлены лишь после смерти Кира и по повелению Дария I

[165]. К. Ниландер, который посвятил обстоятельное исследование пасаргадским надписям, пришел к выводу, что эламский и аккадский варианты этих текстов были составлены еще при жизни Кира, что же касается их древнеперсидских коррелятов, они были добавлены позднее по распоряжению Дария I. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в ряде случаев персидские варианты расположены на необычных для надписей местах (на складках рукавов царской одежды). Это можно объяснить тем, что остальные места были уже заняты вавилонскими и эламскими текстами. Ниландер подчеркивает, что эламский и аккадский издревле были в употреблении в Эламе, куда входила и территория Пасаргад [539, с. 174—177]. Это, конечно, верно, но здесь необходимо сделать одну существенную оговорку, которая ослабляет аргументацию Ниландера. Судя по имеющимся пока данным, в I тысячелетии до н. э., до Ахеменидов, в Эламе по-аккадски не составляли не только частноправовых документов, но даже и царских надписей. Однако другие соображения Ниландера заслуживают внимания. Он отмечает, что в трех дворцовых зданиях Пасаргад найдены целые или фрагментированные надписи на одном или трех клинописных языках. Всего этих надписей было обнаружено четыре, но они составлены во многих экземплярах, общее количество которых превышало 24 единицы. Две из этих надписей с большей или меньшей вероятностью могут быть отнесены к Дарию (особенно если речь идет о зданиях, сооружение которых еще не было завершено при жизни Кира). Но вряд ли Дарий велел составить более двадцати надписей с упоминанием имени Кира. Кроме того, есть надписи, составленные от первого лица, и маловероятно, что Дарий стал бы распоряжаться об изготовлении всех трех вариантов таких надписей, а не только древнеперсидского.

О надписях Кира из Пасаргад сообщают также греческие авторы, которые основываются на рассказах участников похода Александра Македонского Онесикрита и Аристобула, лично посетивших пасаргадские памятники. Однако эти сообщения заставляют сильно насторожиться. Страбон (XV, 3, 7) и Арриан (*Anab.* VI, 29, 7—8), ссылаясь на Аристобула, пишут, что на гробнице Кира в Пасаргадах была следующая надпись, составленная на персидском языке: «Человек, я — Кир, доставивший власть персам и царь Азии. Поэтому не позавидуй мне из-за этого памятника». Согласно Плутарху (*Alex.* 69), Александр Македонский прочитал на гробнице Кира надпись, которая переводится: «Человек, кем бы ты ни был и откуда бы ни шел, — а что ты придешь, я знаю — [знай, что] я — Кир, доставивший власть персам. Поэтому не позавидуй той горсти земли, которая покрывает мое тело». Эти слова не оставляют сомнений относительно того, что греческие авторы сами занимались сочинением надписей, которые они выдавали за персидские, ибо эти надписи содержат чуждые персам, по крайней мере в VI в. до н. э., представления о непостоянстве земного величия, которые у греческих авторов занимают значительное место.

Согласно Страбону (XV, 3, 7), Онесикрит нашел на гробнице Кира также надпись следующего содержания: «Здесь покоюсь я, Кир, царь царей». Эта надпись по стилю близка к надписям других персидских царей. Но Страбон пишет, что надпись идентичного содержания была высечена не только на персидском, но также и на греческом языке и притом персидскими знаками, — сообщение, которому нельзя придавать значения. Кроме того, греческий текст надписи составлен гекзаметром, что свидетельствует о его подложности.

При рассмотрении проблемы происхождения древнеперсидской клинописи обычно привлекаются также надписи отца и деда Дария I Ариарамны и Аршамы. Они составлены на древнеперсидском языке на золотых табличках (другие варианты, если только они существовали, не сохранились). Но эти надписи по своим грамматическим особенностям относятся ко времени значительно более позднему, чем даже начало V в. до н. э., и, следовательно, являются древними подделками [литература: 423, с. 206 и сл.].

В § 70 Бехистунской надписи Дарий заявляет: «Это — моя надпись, [которую] я сделал. [Она] и на арийском [языке] была, и на глиняных табличках, и на коже [...была]»⁶. Соответствующее место эламского варианта переводится: «Я писание (или надпись)⁷ другого рода сделал по-арийски, которого прежде не было, и на необожженных глиняных табличках и на коже». Под словами «по-арийски», очевидно, имеется в виду персидский вариант на Бехистунской горе. Поскольку он противопоставлен вариантам, написанным на глиняных табличках и на коже, последние, по-видимому, были составлены не на «арийском», а на других языках. На глиняные таблички, вероятно, были нанесены копии эламского и аккадского вариантов надписи, а на коже составлена арамейская копия.

Иначе понимает § 70 Р. Гиршман, который исходит из следующего перевода эламского варианта, предложенного М.-Ж. Стэвом: «Я сделал надпись другого рода, которой прежде не было: по-арийски и на глине и на коже». Гиршман вслед за Э. Бенвенистом полагает, что реформа Дария заключалась в том, что царские надписи стали впервые изготовлять во многих экземплярах одновременно на глине, коже и т. д. и распространять по всему государству [313, с. 249; 139, с. 46].

По словам Дария, его надпись была составлена на арийском языке. Из этого можно уверенно заключить, что язык этой надписи был понятен по меньшей мере персам и мидийцам. В аккад-

⁶ Ср. перевод П. Лекока: «Это — текст, который я сделал. Затем он был [написан] на арийском [языке]. И на табличках и на коже он был опубликован» [459, с. 84; см. литературу там же, с. 26 и сл.].

⁷ *Tuprime* (*tupri* — «надпись», *-me* — суффикс, придающий слову абстрактное значение). По мнению В. Хинца, указанное слово следует перевести «письменность». Но И. Леви, К. Ниландер, И. М. Дьяконов, И. М. Оранский и П. Лекок указали много контекстов, где *tuprime* имеет значение просто «надпись», «документ» [литература: 459, с. 67 и сл.].

ском варианте одной надписи Дария из Персеполя упоминаются «Персия, Мидия и страны других языков». Как видно из этого, персы считали, что у них с мидийцами был общий язык [42, с. 66]. Примечательно, что, хотя Бехистунская надпись расположена в центре Мидии, она не имеет «мидийского» варианта. И. М. Дьяконов склонен полагать, что вариант, обычно называемый «древнеперсидским», в действительности был мидийским [234, с. 98 и сл.; ср. 412, с. 63; 380, с. 98; 458, с. 56]. А. Мейе, Ф. К. Андреас и некоторые другие ученые считали, что язык ахеменидских надписей был языком персидской знати, окружавшей царя, и отличался от обычного в Персии разговорного языка [литература: 26, с. 99, примеч. 60]. Впоследствии в пользу этого мнения ссылались и на то, что в эламских документах из Персеполя встречаются заимствованные иранские слова, которые считаются древнеперсидскими, в то время как в Бехистунской надписи эти же слова, как полагают, употреблены в их мидийской форме. Но, как отмечает Э. А. Грантовский, так называемые мидийские и персидские формы в эламских документах могли быть одинаково персидскими, присущими различным диалектам персидских племен [25, с. 309]. Сходное мнение относительно лексики древнеперсидских надписей было высказано также В. И. Абавым и И. Гершевичем, но М. Майрхофер подверг эту гипотезу критике [488, с. 1 и сл.; там же и литература]. Во всяком случае, мидийские заимствования «достаточно надежно выделяются почти во всех слоях древнеперсидской лексики, и наличие среди них не только терминов, но и обиходных слов может отражать реальное воздействие мидийской лексики на язык персидской знати, начавшееся, конечно, еще до Ахеменидов и продолжавшееся при них» (сообщение В. А. Лившица).

До сих пор среди ученых много споров вызывает вопрос, в чем заключалось нововведение Дария, о котором говорится в § 70 Бехистунской надписи. В настоящее время, пожалуй, никто не поддерживает мнение Э. Херцфельда, Э. Мейера и В. В. Струве, считавших, что в § 70 речь идет о введении Дарием арамейского алфавита для составления текстов на персидском языке, которые записывались на коже и папирусе в отличие от клинописных надписей на камне и глине [литература: 26, с. 35].

И. М. Дьяконов, И. М. Оранский и некоторые другие полагают, что в § 70 говорится о сооружении Бехистунской надписи, подобных которой прежде на «арийском» языке не было [37, с. 178; 234, с. 99; 65, с. 114—115; 349, с. 260; 344, с. 54 и сл.]. По мнению В. Хинца, которое разделяет и много других ученых, § 70 свидетельствует о создании в начале царствования Дария персидской клинописи. Дьяконов, Гиршман и Оранский на основании соображений, которые были изложены выше, решительно не согласны с таким мнением. В частности, Гиршман обращает внимание на то, что в государстве, охваченном восстаниями, трудно было проявлять заботу об изобретении письменности, и, по-

скольку работа по сооружению Бехистунской надписи была выполнена в течение очень короткого срока, по его мнению, вряд ли можно было справиться с задачей составления текста, фиксации его только что изобретенным письмом и перевода на эламский и аккадский языки [313, с. 244 и сл.].

Исследование Западногерманской археологической экспедицией Бехистунского памятника в конце 1963 г. показало, что сооружение рельефа и надписи происходило в несколько этапов без заранее разработанного композиционного плана. По мнению Л. Трюмпельманна; это были следующие этапы: 1) рельеф без изображения вождя саков Скунхи и малая надпись на эламском языке над головой Дария; 2) первоначальный эламский вариант справа от рельефа и малые надписи на эламском языке; 3) вавилонский вариант и малые надписи к нему; 4) древнеперсидский вариант вместе с малыми надписями; 5) новый вариант эламского текста слева от персидского и разрушение первоначального эламского текста; добавление изображения Скунхи и пятого столбца персидского варианта, рассказывающего о событиях второго и третьего годов царствования Дария I; 6) малая надпись А на древнеперсидском языке [685, с. 286—295; 479, с. 91—94; 371, с. 95—98].

Таким образом, древнеперсидский вариант надписи был зафиксирован в последнюю очередь, после завершения работы над эламским и аккадским текстами. Из этого В. Хинц делает убедительный вывод, что эламский текст, соответствующий § 70 персидского варианта, не был включен в основной эламский текст, а был помещен далеко от него в виде особой малой надписи именно потому, что к моменту завершения эламского варианта древнеперсидской письменности еще не существовало. Персидский вариант был составлен лишь после того, как эламский текст уже был полностью нанесен на скалу, и поэтому сообщение, соответствующее § 70 персидского варианта, пришлось записать отдельно от основного эламского текста. Что же касается вавилонского варианта, который также был закончен до начала работы над древнеперсидским текстом, на скале уже не оказалось места для помещения там аккадского текста, соответствующего § 70, и этот раздел пришлось оставить без перевода на аккадский язык. Это тонкое наблюдение красноречиво свидетельствует о том, что создание древнеперсидской клинописи, по-видимому, было завершено лишь к тому времени, когда работа над Бехистунской надписью подходила к концу.

Относительно происхождения древнеперсидской клинописи было высказано много противоречащих друг другу гипотез [литература: 26, с. 47 сл.; 234, с. 115 и сл.]. Наиболее вероятно предположение, что сама идея создания персидской клинописи была подсказана существованием арамейского алфавита (точнее, консонантного письма, как это установлено И. Дж. Гельбом), и при этом были использованы многие преимущества арамейско-

го письма. В результате возникла силлабо-логографическая письменность (слоговое письмо с применением всего нескольких логограмм и ограниченного количества силлабических знаков) [515, с. 94, § 2; 234, с. 105 и сл.; ср. 459, с. 38 и сл.].

Древнеперсидский язык не был языком государственной канцелярии, и персидская клинопись, вероятно, была известна лишь очень узкому кругу писцов и отчасти поэтому всегда сопровождалась более распространенными и понятными переводами на аккадский и эламский языки. Уже при преемниках Ксеркса наблюдается полный упадок персидской клинописи. Согласно подсчетам Я. Харматты, от Дария I, не считая дубликатов, сохранилось 56 надписей, от Ксеркса — 20, от Артаксеркса I — 4, от Дария II — 3, от Артаксеркса II — 7 или 8, от Артаксеркса III — 1 или 2 [346, с. 11 и сл.]. Образцы надписей наносили на глину и затем с них готовили много экземпляров. Ряд надписей сохранился в нескольких экземплярах на глине и камне, а одна надпись Дария I (DРс) — даже в 18 копиях. Антидэвовская надпись Ксеркса найдена в нескольких экземплярах в Персеполе и Пасаргадах. Из Ирана известны также 11 золотых и серебряных сосудов с надписями либо на древнеперсидском, либо на обычных трех клинописных языках. Небольшие древнеперсидские надписи найдены также в Вавилонии, Египте и в других странах. В Орске раскопан древнеегипетский алебастровый сосуд с краткой иероглифической надписью: «Артаксеркс, царь великий». На вазе сохранились также остатки надписей того же содержания на древнеперсидском, эламском и аккадском языках [81].

То, что даже в самой Персии древнеперсидский не был языком управления, наводит на мысль, что персидская клинопись была изобретена сравнительно поздно и, по всей вероятности, создана искусственно, а не возникла исторически. Однако вряд ли можно согласиться с И. Гершевичем, который полагает, что персидская клинопись была уделом знаний только одного писца. По его мнению, когда начато было составление текста Бехистунской надписи, писца со знанием древнеперсидской клинописи уже не было в живых либо же он оказался не в состоянии записать такой большой текст, но через некоторое время нашелся человек, который справился с этой задачей, и тогда к надписи был добавлен древнеперсидский вариант [305, с. 7 и сл.]. Р. Халлок и М. Майрхофер считают, что, если даже изобретение древнеперсидской клинописи началось еще при Кире, трудно было найти достаточно компетентных писцов, которые могли бы записать такой большой текст, как Бехистунская надпись [344, с. 54; 490, с. 44].

Относительно того, на каком языке был составлен оригинал Бехистунской надписи, высказывались различные мнения. Некоторые считают оригиналом арамейский или эламский варианты, большинство же — древнеперсидский. Последнее предположение

нуждается в уточнении, поскольку древнеперсидский текст был нанесен на скалу только после эламского и аккадского. Но в эламском тексте имеется много заимствованных иранских слов. Из этого можно сделать вывод, что содержание надписи в основных частях диктовалось по-древнеперсидски и сразу переводилось на эламский, и позднее обратный перевод на язык оригинала не представлял трудностей для двуязычных писцов [ср. 380, с. 97]. Поскольку арамейский и аккадский варианты близко примыкают друг к другу и в то же время в арамейском заметны синтаксические обороты, свойственные для древнеперсидского языка, можно полагать, что арамейский перевод был сделан одновременно с эламским, когда текст диктовался персом, по всей вероятности, самим Дарием. Он, подобно большинству древневосточных царей, очевидно, не умел читать, как это видно из его же слов, что после завершения надписи она была прочтена ему.

От суеверий к началкам науки.

В Ахеменидской державе царил атмосфера, способствовавшая развитию культуры и науки, и такие великие ученые, как философ Гераклит из Эфеса, вавилонский астроном Кидинну и многие другие (в том числе и историк Геродот, часть жизни которого прошла в Галикарнассе), были подданными персидских царей. Такие произведения искусства, как храм богини Дианы в Эфесе и Галикарнасский мавзолей, причислявшиеся древними к семи чудесам света, также были созданы подданными Ахеменидов.

Продолжала существовать и развиваться древняя культура египтян, вавилонян, эламитов и других народов.

Общеизвестны достижения египетской медицины. Достаточно сказать, что мумии древних египтян, сделанные несколько тысяч лет назад, прекрасно сохранились до наших дней и до сих пор не полностью разгадан их секрет. Особенно больших успехов достигла у египтян и у вавилонян хирургия, основанная на изучении анатомии человеческого организма. Например, Геродот (II, 84) пишет, что в Египте врачи специализировались по различным болезням и были глазные и зубные врачи, лекари по внутренним болезням и т. д. Вавилонские врачи умели снимать бельмо с глаза и лечить зубы. В клинописных медицинских сочинениях даются описания симптомов болезней и списки рецептов с указанием состава и способов приготовления лекарств, главным образом из различных трав. Ксенофонт (Anab. III, 4, 30) рассказывает, что, когда греческие воины, служившие наемниками у Кира Младшего, проходили по территории Вавилонии, для лечения раненых воинов они находили достаточное число врачей даже в деревнях.

Любопытно отметить, что египтяне и вавилоняне органом разума считали сердце, а о роли мозга еще ничего не знали.

Медицина в древности была неизбежно связана с магией, и люди считали, что болезни вызываются злыми духами, про-

никшими в человеческий организм. Чтобы вылечить болезней, врач стремился изгнать злого духа из тела больного молитвами и магическими заклинаниями. Часто врачи лепили из глины изображения злых духов и разбивали их, полагая, что от этого больной может выздороветь.

Следующие вавилонские тексты могут дать наглядное представление о таких методах «лечения». Ритуальный текст относительно какой-то болезни содержит предписание: «Возьми 7 [лоскутов] крашеной шерсти, волос с правого бока осла, волос с левого бока ослицы, волос с осленка, волос с белого поросенка, дорожного жука (?), пучок черных волос с правой стороны задних ног осла [и] комок земли с сохи, завяжи тремя узелками и положи [все это] вокруг шеи» [462, с. 25].

Сохранилось также много своеобразных рецептов для профилактики болезней — руководства для предотвращения или удаления зла. Иногда для этого предлагается приносить жертвы богам, стихийным силам природы, домашним духам и т. д., а также запрещается есть рыбу в определенные дни. Один из ритуальных текстов гласит: «Если кто-нибудь увидит змею в первый день месяца нисанну или аяру, будь это днем или ночью, [этот] человек умрет. Если жизнь ему дорога, он должен нанести себе глубокую рану на голове [и] побрить щеки. В течение трех месяцев его будет одолевать боль, но [затем] он выздоровеет» [194, с. 14]. В другом тексте говорится: «Для предотвращения зла от собаки, которая крутится или скулит в чьем-либо доме или обрызгала мочой кого-либо, надо три раза повторить [заклинание], тогда зло этой собаки не коснется хозяина и его дома. [Надо выполнить] следующий ритуал: изготовить глиняное изображение собаки, положить на затылок ей кусок кедрового дерева, голову ее побрызгать растительным маслом и одеть в шерсть от козла. На хвост собаки [надо] положить лошадиную щетину. На берегу реки [следует] установить тростниковый алтарь, [посвященный богу] Шамашу, и принести [в жертву] 12 лепешек из пшеницы, а сверху насыпать финики и тонкую муку и [положить] пирожки с медом и маслом. Затем (надо) поставить (на алтаре?) кувшин с хорошим пивом, наполнить две кружки и совершить возлияние. Этот человек должен опуститься на колени и поднять изображение [собаки] и прочитать следующее заклинание: Шамаш, царь небес и земли, судья верхнего и нижнего миров, светоч богов, пастырь человечества, распорядитель судеб великих богов! К тебе я обращаюсь, ищу тебя. Повели богам, чтобы я жил. Пусть боги, которые с тобою, изрекут мое благополучие. Из-за этой собаки, которая брызнула мочой на меня, я нахожусь в страхе, тревоге и испуге. Отврати от меня зло этой собаки, чтобы я мог петь тебе благодарственные гимны». Затем пострадавший разбивал изображение собаки и мог считать себя в безопасности [194, с. 17].

Органическую часть науки составляла философия, которая,

однако, на Востоке в отличие от Греции не выделилась в самостоятельную, отдельную от религии отрасль знаний. Уже Гаты Зороастра содержат абстрактные философские воззрения, согласно которым борьба добра со злом и их противоборство заложены в человеке и человек должен нести ответственность за свои поступки.

Гераклит, живший в конце VI в., считал основным законом мироздания вечное движение (ему принадлежит знаменитое изречение: «все течет») и основой всех веществ — вечно живой огонь, который не был создан никем из богов или людей.

Египетские и вавилонские философские воззрения отразили их представления о возникновении и дальнейшем развитии мира. В этих воззрениях господствует мысль о всемогуществе богов и необходимости почитания их со стороны людей. Однако глубокая вера не мешала повседневным посягательствам на храмовое имущество, которое считалось собственностью богов, и вавилонские архивы полны судебными протоколами с разбором хищений птицы и скота, предназначенных для жертвоприношений, и краж различных предметов.

Персидские завоевания и объединения многих десятков племен в единую державу способствовали расширению интеллектуального и географического горизонта, и до нашего времени сохранились вавилонские карты ахеменидского времени с изображением Двуречья и соседних стран и необходимыми комментариями, географические справочники с названиями стран, городов и рек. Например, на одной такой карте Вавилония и близлежащие страны изображены как круглая равнина, омываемая Персидским заливом, а в центре этой равнины расположен Вавилон [СТ XXII, с. 12 и сл.]. Из труда Геродота известно также о карте Персидского государства, которую милетянин Аристагор привез в Спарту и Афины, когда он прибыл туда с просьбой о помощи греческим городам Малой Азии, восставшим против персидского владычества.

Некоторые народы Ахеменидской державы относились с живым интересом к своему далекому прошлому. Например, в Вавилонии писцы могли прочитать и правильно истолковать клинописные тексты, написанные за две тысячи лет до этого. В одном их храмовых зданий Ура был расположен музей, в котором были собраны предметы различных эпох [732, с. 17]. Такие же музеи были в летнем царском дворце в Вавилоне и в Персеполе [689, с. 224 и сл.]. Вавилонские писцы знали не только свой родной аккадский язык, но также и шумерский, который уже к середине II тысячелетия до н. э. вышел из употребления как разговорный, сохраняясь как язык науки и культа. До нас дошли шумеро-вавилонские словари, сборники текстов на шумерском языке с пояснениями трудных для понимания мест, таблицы клинописных знаков, сборники грамматических примеров и упражнений.

В Вавилонии ахеменидского времени грамотность была до-

волью широко распространена, и многочисленные писцы были выходцами не только из высших слоев населения, но и сыновьями рядовых жителей. Например, многие тексты говорят о писцах — сыновьях волопасов, рыбаков, ткачей и т. д. Из писцов чужеземного происхождения в Вавилонии довольно часто упоминаются египтяне. Еще выше была грамотность среди военных колонистов на Элефантине, где в арамейских контрактах свидетели обычно сами расписываются, хотя нередко и корявым почерком. Сами документы составлялись профессиональными писцами, часть которых была занята постоянной писцовой практикой в течение нескольких десятилетий [524, с. 22]. В архиве частного лица на Элефантине найдена также знаменитая повесть об ассирийском мудреце Ахикаре, которая еще в древности была переведена на многие языки. Но у египтян бедные не допускались к образованию, которое все еще оставалось привилегией знати. Так, например, египетский вельможа Уджагорресент заявляет, что в медицинской школе при храме богини Нейт в Саисе среди учеников не было детей «ничтожных».

В Иране даже среди знати образование начало распространяться лишь с конца V в. до н. э., и население, включая высокопоставленных персидских чиновников, было неграмотно. Персидская клинопись являлась монументальной письменностью, применявшейся в основном для царских торжественных надписей, а в государственной канцелярии персы довольствовались чужеземными (прежде всего арамейскими и эламскими) писцами. Но при Ахеменидах постепенно выработались стандартные формулы передачи арамейских терминов и канцелярских выражений на различных языках, и из ахеменидского канцелярского арамейского языка возникли парфянская, персидская, согдийская и хорезмийская идеографические системы письма [610, с. 202 и сл.; 357, с. 24–24].

В ахеменидское время продолжалось развитие технологии. Например, вавилоняне умели получать искусственным образом эмали, а также разработали совершенную техническую терминологию для определения степени чистоты серебра. В Египте, Финикии и Вавилонии было высоко развито производство стекла.

Дальнейшее развитие технологии, ремесел и товарно-денежных отношений привело к более интенсивному строительству городов как административных, ремесленных и культурных центров и улучшению жилищных условий. В ахеменидское время в Вавилоне были улицы протяженностью в 5 км и более [581, с. 69]. Хотя стены, как и раньше, строились из сырцового кирпича, теперь они были толщиной до 2 м. Дома обычно имели два этажа и были снабжены всеми необходимыми удобствами, включая ваннные комнаты. Как правило, комнаты были расположены вокруг центрального двора. Полы были покрыты обожженным кирпичом, тщательно залитым гипсом и асфальтом, а внутренние стены побелены известковым раствором. Рядом с домами бо-

гачей площадью до 1600 кв. м, имевшими несколько дворов и более 20 комнат, были расположены дома бедняков, площадь которых не превышала 30 кв. м. Дома людей среднего достатка имели площадь 500—600 кв. м [585, с. 97—105, 120 и сл.].

Еще со школьной скамьи все знают о великих достижениях египетской и вавилонской математики, особенно в области решения геометрических задач по измерению площадей и в развитии арифметики в алгебраическом направлении. Значительных успехов достигла вавилонская математическая астрономия. В Вавилонии уже с древних времен строились многоэтажные (чаще семиэтажные) башни-зиккураты. С верхнего этажа зиккурата жрецы из года в год вели наблюдения за движениями небесных светил. Таким образом вавилоняне собирали и записывали эмпирические наблюдения за Солнцем, Луной, расположением планет и созвездий. В частности, астрономы отмечали положение Луны по отношению к различным планетам. Постепенно вавилонянам удалось установить движение небесных тел, видимых простым глазом. До нашего времени сохранились таблицы с астрономическими вычислениями расстояний между звездами. Одно такое астрономическое сочинение содержит информацию об основных неподвижных звездах и созвездиях, их сравнительных позициях, периодах их солнечных восходов и заходов и т. д. [СТ XXXIII, с. 4]. В других табличках изложены наблюдения за Юпитером от 43-го года царствования Артаксеркса II до 13-го года Александра Македонского [LBAT, 1397, 1398 и 1401].

Время персидского владычества, особенно с последней четверти V в. до завоевания страны войсками Александра Македонского, было самым творческим периодом вавилонской математической астрономии. В это время существовали астрономические школы в Уруке, Сиппаре, а также в Вавилоне и Борсиппе [633, с. 220]. Из сообщений Плиния Старшего и Страбона известно имя великого вавилонского астронома Набуриана, которому приписывается разработка системы определения лунных фаз (однако в этом полной уверенности нет). Набуриан, как полагают, тождествен Набуриманну в колофонах вавилонских астрономических текстов V—IV вв. Другой вавилонский астроном, которого также упоминают античные авторы, а именно Киден из Сиппара, по-видимому, тождествен Кидинну, составителю многих астрономических текстов V—IV вв. Киден различал солнечный год от тропического и высчитал продолжительность последнего, который, по его подсчетам, составлял 365 дней 5 часов 41 минуту и 4,16 секунды, т. е. на 7 минут 17 секунд меньше истинной продолжительности тропического года. Киден еще до Гиппарха открыл солнечные прецессии [633, с. 219 и 237; 62, с. 139 и 146]. Третий вавилонский астроном, Сиден, которого упоминают античные авторы, пока неизвестен из клинописных текстов.

Однако при всех своих успехах вавилонская астрономия была неразрывно связана с астрологией — лженаукой, пытавшейся

предсказывать будущее по звездам. Астрономические тексты, в частности, содержат указания о связях между звездами и теми или иными болезнями [LBAT, 1597].

К тому времени, когда настал конец персидскому владычеству в Вавилонии и в других странах Востока, местная наука в основном уже исчерпала возможности своего развития. Закостенелые формы древних традиций, многовековое господство религиозных представлений без каких-либо заметных изменений, отсутствие новых методов познания природы мешали развитию науки. Наука была уделом узкой касты жрецов. К тому же вавилонская наука начала терять свои жизненные силы, так как языком религиозного культа, юридической, медицинской и математической литературы оставался аккадский, а в определенной мере и давно мертвый шумерский, в то время как население повсюду в стране уже переходило к арамейскому в качестве разговорного языка.

Но, прежде чем древневосточная наука сошла с исторической сцены, многие ее крупные достижения были заимствованы греками. Греческая культура достигла блестящего расцвета в незначительной степени именно потому, что ей предшествовали вавилонская и египетская математика, финикийское письмо и многие другие достижения Востока. При этом сами греки охотно подчеркивали, что они многому научились у народов Востока, заимствовали их изобретения и научные достижения. Греки считали, что они заимствовали у египтян их геометрию. По преданию, Пифагор совершил путешествие в Египет и ознакомился там с египетской математикой. Великий материалист Демокрит провел в Египте пять лет, знакомясь с местной наукой. Наблюдения египетских врачей были включены в корпус Гиппократов [148, с. 60]. Геродот (II, 109) пишет, что вавилоняне были учителями греков в астрономии. Труды вавилонских астрономов (в частности, Кидинну) были переведены на греческий язык. Большую роль в передаче грекам вавилонских астрономических знаний играла школа, организованная вавилонским ученым Бероссом на острове Кос около 270 г. до н. э. Менее достоверны предания, согласно которым некий иранец ознакомил Платона с учением Зороастра, а Каллисфен, дядя Аристотеля, привез в Афины вавилонские астрономические сочинения. Во всяком случае, греки имели прямой доступ к вавилонской математике, уровень которой во многих отношениях не уступал уровню в эпоху раннего Возрождения [62, с. 62]. В греческих папирусах заметно прямое развитие вавилонских арифметических методов; эллинистическая наука уходила своими корнями в науку восточных народов [62, с. 17 и 157]. Таким образом, достижения восточных цивилизаций не были утрачены после завоеваний Александра Македонского, а благодаря непрерывности традиции вошли в сокровищницу мировой культуры. Поэтому не удивительно, что мы до сих пор продолжаем пользоваться многими словами, заимствованными

через различные промежуточные звенья из древневосточных языков. Это мидийское «казна», вавилонские «книга», «драгоман», «гипс», «ладан», «мирра», «нефть», малоазийское «мавзолей» и многие другие. И письмо, которым мы пользуемся, было изобретено финикийцами, а впоследствии усовершенствовано греками.

Календарные системы

В Ахеменидской державе существовало несколько различных календарных систем.

На основании наблюдений за движением Сириуса египтяне еще в древности составили календарь, который указывал, когда будет разлив Нила или спад воды и, следовательно, когда нужно начинать сельскохозяйственные работы. Египетский календарный год состоял из 12 месяцев по 30 дней, к которым в конце каждого года прибавляли еще 5 дней. За каждые четыре года календарь по сравнению с солнечным годом отставал на один день. Год делился на три сезона в соответствии с уровнем воды в Ниле, в каждом из которых было по четыре месяца. Сутки продолжались от рассвета до рассвета.

В Вавилонии, как и в Иудее, сутки начинались с захода солнца и продолжались до следующего захода. Сутки делились на четыре части: вечер, полночь, полдень и послеобеденное время. Далее, у вавилонян была мера измерения времени *kasbu*, равная двум часам. От нововавилонского времени сохранились также тексты с перечнями дней недели, что свидетельствует о появлении понятия недели уже в этот период.

Вавилонский календарь во все периоды был лунным, поскольку состоял из 12 месяцев, соответствовавших 12 лунациям; каждая лунация длится приблизительно $29\frac{1}{2}$ суток. Месяц начинался в тот вечер, когда после захода солнца впервые появляется серп молодой луны. Месяц содержал 29 или 30 дней; 12 лунных месяцев составляли 354 дня. Таким образом, вавилонский лунный год был на 11 дней короче солнечного года. Поэтому через три года разница между лунным и солнечным календарем достигала 30–33 дней, и, чтобы устранить эту разницу, через три года необходимо было добавлять к году дополнительный (високосный) тринадцатый месяц. Этот месяц вставляли либо после улулу (6-й месяц), либо после аддару (12-й месяц). Новый год начинался ранней весной, с первого дня месяца нисанну (конец марта — начало апреля).

Постепенно на основе систематических наблюдений за лунными затмениями и лунными солнцестояниями был разработан календарный цикл с семью фиксированными вставками дополнительных месяцев в течение каждых 19 лет. Сначала выбор високосного месяца происходил от случая к случаю, и до 480 г. до н. э. еще не было какой-либо определенной системы во вставках тринадцатого месяца. Так, два письма от чиновников храма Эсагила в Вавилоне в храм Эанна в Уруке, которые были отправлены при Кире

и Камбизе, свидетельствуют о том, что в это время еще не существовало определенного цикла високосных вставных месяцев. В этих письмах просто указывается, что после следующего месяца или месяца улулу надо добавить еще один месяц (до 150 г. до н. э. в Греции дополнительные месяцы также добавлялись совершенно нерегулярно). Но начиная с 367 г. до н. э. в Вавилонии дополнительные месяцы вставлялись в строго определенные годы. Благодаря этому колебания начала нового года сократились до 27 дней [13, с. 10 и сл.; 153, с. 605 и сл.; 62, с. 22 и сл., 114; 674, т. I, с. XIX; 560, с. 1 и сл.; 549, с. 16; 705, с. 107].

В Иудее еще в древние времена год начинался осенью (с месяца тишри — сентябрь — октябрь), и такой календарь сохранялся и в ахеменидское время (см., например, Neh. I, 1 и II, 1, где годы царствования Артаксеркса I отсчитываются с месяца тишри). Но во время вавилонского плена иудеи заимствовали вавилонские названия месяцев, которые до сих пор сохранились в культовой службе [ср. 672, с. 23 и сл.].

В арамейских папирусах с Элефантины год, как и в египетском календаре, начинался с первого дня месяца тот. При этом в текстах приводятся двойные даты в соответствии с вавилонским лунным и египетским солнечным календарем [559, с. 298—301].

По принципам отсчета времени эламский календарь, во всяком случае в I тысячелетии до н. э., не отличался от вавилонского лунного календаря. Собственно эламские названия месяцев встречаются лишь в табличках крепостной стены (509—494 гг.), составленных в различных областях Элама и Персии. Однако и в этих текстах названия эламских месяцев встречаются реже, чем названия древнеперсидских месяцев, и лишь в той группе документов, которые происходят из областей, населенных сплошь эламитами. В сузских хозяйственных текстах VII или VI в. все названия месяцев, кроме седьмого, представлены логограммами, заимствованными из аккадской письменности, но, по всей вероятности, они читались по-эламски (так, как представлены в табличках крепостной стены). В более поздних эламских текстах сокровищницы употребляются лишь древнеперсидские названия месяцев в эламской транскрипции [РТТ, с. 41, 44 и сл.; PF, с. 74 и сл.].

Древнеперсидский календарь полностью соответствовал вавилонскому лунно-солнечному. Календарная система Персии, таким образом, была заимствована из Вавилонии, но имела свои названия месяцев [ср. 98, с. 18 и сл.]. Последние были связаны с сельскохозяйственными работами (например, месяцы чистки оросительных каналов, сбора чеснока, лютого мороза) или с религиозными праздниками (месяц поклонения огню и т. д.).

Ахеменидские цари приняли вавилонский календарь в качестве официального для всей Персидской державы (во всяком случае, для западных провинций). Это видно из следующих наблюдений. Во-первых, как выше отмечалось, в арамейских документах держатся двойные даты: по египетскому и вавилонскому календа-

рю. Во-вторых, в Вавилонии первый год правления царя начинался с первого нисанну (т. е. первого дня нового года). Естественно, почти никогда момент восшествия царя на престол не совпадал с началом нового года. Поэтому промежуток времени между вступлением царя на престол и новым годом назывался «началом царствования», а первый год его правления отсчитывали с нового года. При Ахеменидах такой же способ датировки встречается и в арамейских папирусах, в которых годы правления в соответствии с вавилонским стилем отсчитываются с первого нисана, а не с действительного момента вступления на престол. Например, один папирус с Элефантины датирован «21-м годом Ксеркса, годом вступления на престол Артаксеркса» [АР 6]. Подобным же образом арамейский документ из Самарии датирован «20-м днем [месяца] адара 2-го года [Арсеса], года вступления на престол Дария (III)» [214, с. 45]. Однако пока нет полной ясности, велся ли при самом персидском дворе счет годов царствования со дня восшествия на престол нового правителя или же от начала нового года. Э. Бикерман полагает, что при персидском дворе годы царствования отсчитывались со дня восшествия на престол, так как в Книге Неемии (I, 1 и II, 1) в рассказе о событиях при дворе в Сузах говорится о месяце кислее и затем о нисане 20-го года Артаксеркса I. Поскольку Артаксеркс I стал царем в начале августа 465 г., его царские годы в Сузах отсчитывались от августа до августа. Как полагает Бикерман (устное сообщение), такая система отсчета годов правления была заимствована персами у эламских царей [ср. 153, с. 605; Kraeling, с. 51; 214, с. 45; 614, с. 30]. В египетских демотических документах и при Ахеменидах не употреблялась система датировки по году вступления царя на престол. Поэтому египетское летосчисление по правлению царей расходилось с вавилонским на один год, т. е. по египетской хронологии царь правил на год больше, чем по вавилонской (561, с. 209, примеч. 3].

В Иране существовал также младоавестийский, или зороастрийский, календарь, в котором названия месяцев и дней образованы от имен зороастрийских божеств (Ахура-Мазды, Митры, Анахиты, Луны, Солнца и т. д.). Год этого календаря состоял из 12 месяцев по 30 дней в каждом, к которым добавляли еще 5 дней (всего 365 дней). Таким образом, по своим принципам младоавестийский календарь не отличался от египетского солнечного. Он был официальным при Сасанидах, однако место и время его возникновения пока точно неизвестны. И. Маркварт и Х. С. Нюберг считали, что этот календарь был введен еще при Дарии I или, во всяком случае, не позднее 481 г. (начало царствования Ксеркса) и применялся для религиозных целей [536, с. 45 и 366; ср. РТТ, с. 8 и сл.]. Однако это предположение не подтвердилось, поскольку в персепольских хозяйственных документах, самые поздние из которых относятся к 459 г., представлен только древнеперсидский природный календарь. Очевидно, что зороастрийский календарь,

если он даже был известен в Западном Иране при Ксерксе, не был официально признан. С. Х. Тагизаде, основываясь на сложных подсчетах, полагает, что этот календарь был введен в качестве гражданского во всей державе около 441 г. до н. э., т. е. при Артаксерксе I (665, с. 13 и сл.; 666; см. также 240, с. 17; 725, с. 229 и сл.). По мнению Э. Биксманна, наиболее ранние свидетельства в пользу введения младоавестийского календаря содержатся лишь в текстах из Нисы (I в. до н. э.). Он считает, что персы в V в. до н. э. еще не имели точной системы интеркаляций и интервалы между последними были нерегулярными, так что новый год в ранние периоды мог и не начинаться в день весеннего равноденствия, а колебался и падал на разное время [152]. По предположению И. Гершевича, хотя ни один источник ахеменидского времени, кроме Младшей Авесты, не упоминает зороастрийского календаря, его распространение в более позднее время в Согдиане и Хорезме на востоке, а также в Армении и Каппадокии на западе не оставляет сомнений в том, что он был введен в качестве гражданского календаря еще до падения Ахеменидов [300, с. 21]. В. А. Лившиц считает, что младоавестийский календарь возник в Восточном Иране или в Средней Азии в первой половине I тысячелетия до н. э. и был воспринят в западных областях Ирана (в том числе и в Персиде) еще в ахеменидский период. При этом он, в частности, ссылается на то, что названия месяцев и дней младоавестийского календаря хотя и сохранились в более поздних текстах, но с точки зрения историко-фонетических закономерностей восходят к древнеиранскому прототипу, близкому или идентичному авестийскому. Поскольку в текстах ахеменидского времени термины младоавестийского календаря не засвидетельствованы, Лившиц полагает, что этот календарь либо был введен при поздних Ахеменидах, от которых пока нет сколько-нибудь существенных текстов на иранских языках, либо же, скорее всего, существовал уже ранее (возможно, при Дарии I), но в качестве не официального, а религиозного календаря. Этот же ученый ссылается на рассказ Курция Руфа (III, 3, 10) о том, что во время праздничного шествия перед Дарием III 365 персидских юношей были одеты в пурпурные плащи «по числу дней года», поскольку у персов год состоял именно из такого количества дней [50]. Таким образом, вопрос о времени введения зороастрийского календаря пока остается открытым.

Этнические и культурные контакты

Период господства Ахеменидов характеризуется интенсивными процессами этнического смешения и синкретизма культур и религиозных представлений различных народов. Этому прежде всего способствовало то, что теперь контакты между различными частями государства стали более регулярными, чем в предшествующий период. Кроме того, Ахемениды создавали во многих странах во-

енные колонии из представителей различных народов, нередко назначали в административный аппарат лиц, которые не являлись коренными жителями данной области. Далее, в государственных мастерских и на строительных работах использовались ремесленники чуть ли не из всех стран империи. Наконец, в ряде случаев Ахемениды осуществляли массовые депортации целых племен, поселяя их в противоположных концах государства.

Персепольские документы содержат интересные данные о чужеземцах, которые по тем или иным обстоятельствам находились временно или постоянно в Персеполе и других городах Ирана, и особенно о чиновниках, приезжавших по государственным делам в Персеполь и Сузы. Например, в текстах времени Дария I довольно часто упоминаются индийцы. В 499 г. индиец Аббатема в сопровождении 20 человек отправился из Индии в Сузы, а через месяц вернулся обратно на родину. Индеец Карабба в 498 г. был послан царем в Индию в сопровождении 180 человек.

Документы говорят также о поездках государственных чиновников и работников из Арахосии, Арэи, Гандхары, Бактрии в Сузы и Персеполь. В Персеполе приезжали также арабы. Вавилонянин Бел-этир был занят доставкой документов из Персепполя в Сузы и обратно, вавилонянин Мардука был заведующим царским складом муки и вина в иранском поселении Лидума.

В административно-хозяйственном аппарате в Юго-Западном Иране, естественно, было занято и много эламитов. Среди работников государственного хозяйства многократно упоминаются капнадокийцы, лидийцы, карийцы, термилы (ликийцы), фракийцы, понийцы, согдийцы, бактрийцы, вавилоняне, египтяне и т. д.

Огромное число упоминаемых в персепольских текстах лиц, естественно, носит иранские имена. По подсчетам М. Майрхофера, из приблизительно 1900 имен персепольских текстов $\frac{1}{10}$ составляют эламские имена, единичные имена — вавилонские, основная же масса имен — древнеиранские (около 1700 имен). Среди носителей этих иранских имен кроме персов и мидийцев были также и представители других иранских племен (хорезмийцы, бактрийцы, саки, арэи и т. д.), о чем имеются и прямые свидетельства в персепольских табличках. Этим объясняются графические варианты имен, дошедших до нас в эламской передаче — у разных племен бытовали диалектальные формы одних и тех же имен.

Возникает вопрос: почему эламских имен в Персепполе гораздо меньше, чем можно было бы ожидать? По всей вероятности, среди носителей иранских имен в Персепполе было немало эламитов, которые в результате вековых контактов с персами давали своим детям иранские имена. Еще в одном вавилонском тексте начала VI в., в котором речь идет, в частности, о 700 эламских эмигрантах при дворе Навуходоносора II, упомянут некий «Багидину эламит» [Mel. Duss., с. 929, B, rev. II, 7]. В действительности, это — иранское имя, и в том же тексте упоминается и некий «Багинду, житель страны Парсумаш». В тексте из того же архива говорится

также об «эламитах Марза», имя которого опять-таки является иранским.

На этом фоне становится более понятным и сообщение Бехистунской надписи о том, что Ассиная и Мартия подняли восстания в Эламе против Дария I. Оба имени являются иранскими, как и имена их отцов (соответственно Унадарма и Чинчахриш). При этом Ассиная до своего мятежа, по-видимому, жил в Эламе, ибо Бехистунская надпись (IV, 10) называет его эламитом. Другими словами, Ассиная и его отец, будучи сами эламитами, носили иранские имена. Что же касается Мартии, он был выходцем из местности Куганака в Персии, а позднее поднял восстание в Эламе, выдавая себя за эламского царя Уммануша. Согласно Бехистунской надписи (IV, 15—16), Мартия был персом, однако ему удавалось выдавать себя за эламита даже в самом Эламе [ср. 304, с. 208]. Очевидный вывод, который можно сделать отсюда: Мартия свободно владел эламским языком. Но дело могло обстоять и по-другому: по крайней мере в ряде областей, сами эламитами уже достаточно свободно говорили по-древнеперсидски и именно на этом языке мог общаться Мартия со своими приверженцами. Возможно, что этим, на первый взгляд смелым предположением отчасти объясняется насыщенность эламских документов VI—V вв. и эламских вариантов ахеменидских надписей V в. древнеиранскими словами. Если, например, в эламском варианте Бехистунской надписи иранских слов еще сравнительно мало, то в Антидавовской надписи их более двадцати. Но наряду с этим многие персы знали эламский язык и могли без переводчиков общаться с эламитами [384, с. 271]. Поэтому имеется достаточно оснований говорить об интенсивном взаимопроникновении эламской и персидской культур.

Еще на рубеже VIII—VII вв. в Иране находилось значительное число арамеев, переселенных туда ассирийцами [253].

Источники свидетельствуют о том, что в ахеменидское время немало греков находилось по разным причинам в Иране. Несомненно, греческие врачи, ученые и мастера культуры внесли определенный вклад в культуру верхних слоев персидского общества. Прежде всего персидские цари охотно пользовались услугами греческих мастеров и восхищались их творениями. Так, Ксеркс увез из Афин в Сузы скульптуру Гармония и Аристогитона. При дворе Дария I и Ксеркса работал скульптор Телефан с острова Фокея (Plin., Nat. Hist. XXXIV, 68). Гизела Рихтер считает, что тонкость работы и стиль многих памятников Персеполя являются типично греческими. По ее мнению, греки из Малой Азии и других областей работали в Персеполе над созданием скульптурных памятников, но эти мастера должны были творить в духе желаний царя, применяя греческий стиль к восточным концепциям и создавая таким образом новое искусство. Э. Шмидт также полагал, что персепольская скульптура была работой греческих камнерезов [586, с. 27 и сл.; 627, т. I, с. 67; 240, с. 126 и сл.; 281, с. 9 и сл.; 479, с. 89]. Греческий мастер оставил в Персеполе на ступне скульпту-

ры Дария I зарисовки двух бородатых эллинов. Эти рисунки были нацарапаны до того, как рельеф был раскрашен. В Персеполе была найдена также женская статуя из белого мрамора чисто греческой работы [548; 627, т. II, с. 66 и сл.]. Среди текстов крепостной стены сохранилась табличка с греческим текстом, а также ярлык без надписи, но с оттиском монеты с изображением совы, священной птицы Афины. Это изображение использовалось как печать какого-то грека, жившего в Персеполе. Греческие мастера, жившие в Иране в первой трети IV в., оставили много печатей на резных камнях, выполненных в духе персидских художественных традиций (борьба царя или героя с чудовищами, сцены охоты и т. д.), но в греческом стиле [46; 572, с. 136 и сл.]. Греческие художники создавали портреты сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза, сохранившиеся на монетах последних.

Но, по-видимому, нельзя переоценивать роль греческих мастеров в создании персепольских памятников. Как отмечает К. Ниландер, в отличие от Пасаргад греческие архитектурные формы в Персеполе немногочисленны и всегда подчинены негреческой композиции. В персепольских текстах, фиксирующих строительство города, ионийские ремесленники упоминаются довольно редко, они не играют важной роли и не занимают привилегированного положения. По мнению Ниландера, это были простые каменотесы, работники низкого социального положения, которые не имели больших возможностей влиять на стиль и концепции ахеменидского искусства [540, с. 16 и сл.].

При ахеменидском дворе было немало греческих врачей: Демокед из Кротона был личным врачом Дария I, Аполлодор с Коса — Артаксеркса I, Ктесий из Книды и Поликлет из Менды — Артаксеркса II. Геродот (III, 129 и сл.) рассказывает, что Дарий I на охоте за дикими зверями вывихнул себе ногу и самые знаменитые египетские врачи при дворе не смогли вылечить его. Тогда привели к царю Демокеда, которого нашли среди рабов одного перса в окопах и рубище. Когда Демокед вылечил царя, евнух отвел этого врача на женскую половину, где каждая из жен Дария щедро одарила его. Демокеда приняли также в число царских сотрапезников и предоставили ему огромный дом в Сузах.

Бежавший с родины спартанский царь Демарат жил при дворе Ксеркса и был в числе его приближенных. Знаменитый афинянин Фемистокл, также бежавший в Иран, женился на персиянке, изучил персидский язык и письмо и мог говорить с местными людьми свободно, не прибегая к помощи переводчика. Он участвовал в охоте царя и в его домашних развлечениях и даже был посвящен в учение магов (Plut., Them. 29; Diod. XI, 57, 6; Nepos, Them. X, 1). Сын афинянина Мильтиада, который попал в Персию, получил от Дария I дом, поместье и женился на персиянке, и их дети были причислены к персам (Herod. VI, 41; о греческих политических беженцах при персидском дворе см. [707]). Сестра Александра, царя Македонии (начало V в.), было замужем за персом.

Однако не всем эллинам так везло. Например, некоему Тимокреонту, искавшему счастье в Персии, пришлось довольствоваться положением клоуна и «царя обжор» при персидском дворе (Athen., Deipnosoph. X, 415 F). Там же нашли обеспеченную жизнь танцор с Крита Зенон и многие другие греческие плясуны.

Много греков жило также и при дворе персидских сатрапов, работая переводчиками и т. д. Например, Ксенофонт (Anab. II, 4, 24) говорит об «эллинах, состоявших при Тиссаферне». Сатрап Малой Азии Кир Младший бегло говорил по-гречески. Он был знаком с греческой культурой и одну из своих наложниц, гречанку с Фокеи, назвал Аспасией, по имени подруги знаменитого афинского политического деятеля Перикла (Plut., Pericl. 24). Одной из наложниц хилиарха Артабана была гречанка из Эретрии. Она помогла Фемистоклу добиться свидания с царем (Plut., Them., 27).

Еще во времена греко-персидских войн в ахеменидской армии были персы, говорившие по-эллински (Herod. IX, 16). Дарий III неплохо говорил по-гречески и общался со своими эллинскими наемниками без помощи переводчика (Curt. IV, 11, 5). Дочь знатного перса Артабаза получила эллинское воспитание и была замужем за греческим военачальником Мемноном (Plut., Alex. 24). По свидетельству Диогена Лаэртского (III, 25), один перс пожертвовал в Афинах музею Академии статую Платона со следующей надписью: «Перс Митридат, сын Родобата, посвятил музею это изображение, работу Силания».

Греки, продолжительное время жившие в Персии, ознакомили своих соотечественников с персидскими обычаями, бытом, эпосом и религиозными представлениями. Например, у Ктесия сохранились некоторые иранские эпические предания, которые более подробно известны нам из «Шахнаме» Фирдоуси [12].

Определенное влияние на философские системы греков оказал зороастризм, который был в общих чертах известен Платону, Эвдоксу, Аристотелю, Плутарху и другим греческим ученым [ср. 239, с. 1 и сл.]. На греческом языке о зороастризме писали также лидийский историк Ксанф, вавилонянин Беросс, Филон из Библа и др. Если верить Диогену Лаэртскому (IX, 34), великий материалист Демокрит был знаком с учением иранских магов. Некоторые персы жили в Греции и были знакомы с эллинской культурой (ср. ниже, с. 287). Иран, с незапамятных времен являвшийся посредником в передаче культурных ценностей с Востока на Запад и наоборот, продолжал эту свою историческую роль и при Ахеменидах.

В ахеменидское время народы Средней Азии и северо-западной части Индии впервые ознакомились с арамейским письмом [668, с. 162; 357, с. 20 и сл.]. К этому же времени относится и заимствование многих древнеиранских слов санскритом. Это прежде всего термины социально-экономической, военной и административной лексики (например, *bandi* — «пленный», «раб», слова для обозна-

чения «всадника» и «седла», *dipi* — «письмо», *kṣatrapa* — «наместник» [673, с. 88, 94 и сл.; 126, с. 7 и сл.].

Г. Моргенштерне, напомнив, что персы и авестийцы считали себя арийцами, а индийцы пользовались этим названием для обозначения индоарийской группы индоевропейцев, обитавших в Северной Индии, поставил интересный вопрос: как персы определяли жителей таких сатрапий, как Гандхара и Индия (северо-западная часть Индийского полуострова), которые, как и иранцы, считали себя арийцами? Сознавали ли ахеменидские чиновники родство между иранцами и их восточными соседями или смотрели на них как на людей, совершенно чуждых им по культуре и языку? По мнению Моргенштерне, в VI—V вв. языки соседних народов, иранцев и индийцев, были еще близки, и по обе стороны лингвистической границы сохранялись сотни общих слов. Земледельцы и кочевники иранских и индийских областей, без сомнения, в определенной степени понимали друг друга. В ахеменидский период имели место и лексические заимствования (главным образом из иранских в индийские языки). Кроме того, под влиянием иранской лексики некоторые санскритские слова изменили свое значение. Например, санскритское *āyatana*, первоначально обозначавшее «огороженное место», «жилище», под влиянием др.-перс. *āyadana* («святилище») приобрело значение «место для священного огня» [520, о культурных связях между Индией и Ираном в более ранние периоды см.: 426]. Одновременно ахеменидское искусство оказало значительное влияние на индийское, где, в частности, появились здания типа *ападаны* [719; 122].

Культурные связи Ирана и Средней Азии, которые восходят к глубокой древности, в ахеменидское время стали более регулярными и оживленными. Персы, мидийцы, бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы и саки осознавали свое общее происхождение, а также близость материальной и духовной культуры (ср. Strabo XV, 2, 8). Судя по текстам крепостной стены, уже в конце VI в. в Персии знали некоторые восточноиранские мифы [304, с. 245], которые первоначально возникли у бактрийцев и саков, а затем в Иране в них были внесены дополнения и изменения. В Средней Азии возводились дворцы для сатрапов, которые по своему стилю в определенной мере восходили к ахеменидской архитектуре [83, с. 157]. В V в. даже в далеких областях горного Алтая знать уже одевалась в мидийскую и персидскую одежду и носила, как персы, серьги, браслеты, гривны и т. д. [80, с. 23].

В ряде областей Восточного Ирана и Средней Азии жили и чужеземцы. Например, в начале V в. жители Барки были переселены из Северной Африки в Бактрию (Herod. IV, 24). Туда же были поселены и эмигранты из окрестностей Милета, которые к началу 30-х годов IV в. до н. э. еще соблюдали многие свои обычаи, но уже постепенно отвыкали от родного языка (Curt. XI, 11, 2). Артаксеркс III выселил из Иудеи в Гирканию часть местного населения (Orosius III, 7, 6).

Археологи многократно отмечали влияние иранских прототипов на сатрапские дворцы в Закавказье, на формы, орнамент и технику изготовления керамических изделий, а также на сочетание местных художественных традиций с иранскими.

В древнем эламском городе Сузах кроме местного населения и персов в довольно большом числе находились вавилоняне, египтяне, иудеи, греки и т. д. Например, согласно Ктесию, Камбиз после захвата Египта увел в Сузы 6000 египтян. В Сузах продолжительное время жил египетский сановник Уджагорресент, который был верховным врачом Дария I. В Сузах было найдено много вещей египетского происхождения (изображения божеств Бэса и Исиды, священный глаз Гора и другие талисманы), которыми, очевидно, владели египтяне, жившие там.

В Сузах при дворе пребывал также иудейский виночерпий царя Неемия. В городе находилась и многочисленная колония иудеев [ср. 151, с. 201], а также вавилонян. Например, в 447 г. в Сузах был заключен контракт, составленный на аккадском языке, и в тексте упоминается много лиц с вавилонскими именами [МАI, т. 36, № 4]. Близ Суз в селении Ардерикка Дарий I поселил пленных эретрийцев с Эвбеи. Они составляли отдельную общину и, когда в I в. н. э. их посетил Аполлоний из Тианы, они еще говорили по-гречески и помнили о своем происхождении [338; 309, с. 69]. По свидетельству Диодора (XVII, 110, 4—6), в Эламе жило много беотийцев, согнанных со своих мест во время похода Ксеркса против Греции. Еще в IV в. они говорили на своем языке наряду с местным.

Еще до ахеменидского господства некоторые области Малой Азии находились под сильным влиянием греческой культуры. Карийцы, родственные лидийцам и говорившие на языке анатолийской семьи, заимствовали у семитов финикийское письмо, превратив его постепенно из консонантного в алфавит. Позднее греки, лидийцы, ликийцы и фригийцы заимствовали это буквенное письмо. Лидийцы восприняли многие элементы греческой культуры. Геродот (I, 94) пишет, что нравы и обычаи лидийцев одинаковы с эллинами. Многие лидийцы хорошо знали греческий язык. Ксенофонт (Anab. III, 1, 31) рассказывает, что среди греческих наемников Кира Младшего был один младший командир-лидиец, свободно говоривший на беотийском диалекте. В современной деревне Эргили, в районе древней сатрапской резиденции Даскилея во Фригии, сохранился рельеф V в. изображающий сцену жертвоприношения иранскими магами, но выполненный греческими мастерами. В том же районе Даскилеи найден рельеф с изображением знатных персиянок на лошадях, который также высечен в греческом стиле [113].

Значительным было влияние греческой культуры и на Карию. Многие карийцы уже к началу V в. были двуязычны и знали греческий язык. Столица Карики Галикарнасс был наполовину ионийским, наполовину карийским городом. Кариец Скилак, который со-

ставил первое описание Индии, опубликовал свой труд на греческом языке. Кариец Пигрес, брат галикарнасской правительницы Артемисии, писал стихи по-гречески [547, с. 269]. В свою очередь, греки Малой Азии подвергались сильному влиянию местных племен. Судя по надписям из Галикарнасса, часто в одной и той же семье были карийские и греческие имена, что свидетельствует о смешанных браках. В частности, отец Геродота Ликс и его дядя Паниасад носили карийские имена. На карийском берегу Эгейского моря жили греки, высланные туда за восстание против Персии. С течением времени они стали двуязычными. По свидетельству Диодора (XI, 60, 3—5), население городов Малой Азии было двуязычным и говорило как на греческом, так и на одном из местных языков.

Плутарх (Lysand. 3) пишет, что постоянное общение с персами и проникновение персидских обычаев в город грозили Эфесу «полной варваризацией». Значительные иранские колонии существовали в Каппадокии, и обнаруженные там рельефы свидетельствуют о заимствовании персидских элементов архитектуры и искусства. В Ликии знать принимала иранские имена, и в V—IV вв. там были распространены такие имена, как Гарпат, Артембар и Митридат [282, с. 62 и сл.; 544, т. III, с. 157]. В одной лидийской надгробной надписи IV в. говорится, что гробница принадлежала Хласитини (ликийское имя), сыну Мегабата (иранское имя) [529, с. 180]. Недавно в могильных склепах близ местности Элмах в Турции найдена стенная роспись конца VI — начала V в., где в органическом сочетании выступают греческие, малоазийские и персидские элементы [502]. Сильным было влияние иранской культуры и в Армении. По словам Ксенофонта (Anab. IV, 5, 10 и 34), греческие наемники, проходившие по армянским деревням, разговаривали с местным населением (в том числе с женщинами и детьми) через переводчика по-персидски. В армянском городе Эребунни раскопан парадный приемный зал, сооруженный по плану персидской *ападаны*, и из надписи Ксеркса известно о строительстве в Армении зданий для государственных нужд [93, с. 95 и сл.].

В V—IV вв. персидский быт в Малой Азии подвергался значительному эллинскому влиянию. В частности, резиденция персидского сатрапа в Даскилее, как и соответствующее здание в Сардах, выстроено в чисто ионийском стиле. Сатрапы и другие персидские чиновники все больше и больше принимали греческую одежду и образ жизни, а греческий язык наряду с местными, лидийским и и ликийским, стал общепринятым.

В V—IV вв. в Малой Азии стало заметным и арамейское влияние. В частности, в Сардах наряду с несколькими десятками лидийских надписей была найдена и лидийско-арамейская билингва, датированная 10-м годом Артаксеркса (по-видимому, Артаксеркса III) [472, с. 154 и сл.; ср. Sardis, с. 186 и сл.]. Это — стела надгробного памятника с проклятиями по адресу тех, кто разрушит надпись и гробницу некоего Мане, сына Кумли, и с призывом к

Артемиде Калойской и Артемиде Эфесской погубить нечестивцев. В арамейской надписи на гробнице из Даскилеи арамей Элнаф, сын Исхая, возносит молитву вавилонским богам Белу и Набу, прося их защитить его памятник [IAD]. В 1973 г. в Ксанфе (древняя Кария) найдена надпись на арамейском, ликийском и греческом языках [504; 493, с. 274 и сл.; 501, с. 106, 120]. Она датируется 1-м годом Артаксеркса III (месяц сиван) и содержит декрет Пиксодара, сатрапа Кари и Ликии, об установлении нового культа в Ксанфе. В греческом тексте говорится, что, когда Пиксодар, сын Гекатомна, был сатрапом Кари и Ликии, Гиерон и Аполлодат — архонтами Ликии, а Артемилис — наместником (?) Ксанфа, жители этого города постановили соорудить алтарь богу Кавну. Жрецом назначили некоего Симиаса, даровав ему освобождение от податей. Город принял на себя расходы по регулярным жертвоприношениям и выделил земельные владения в пользу храма. В тексте упоминаются также богиня Лето и ее дети Артемиды и Аполлон. В арамейской версии, в которой наблюдаются определенные отклонения от двух других версий и содержится довольно много иранских слов (в том числе *hštrpn'* — «сатрап» и *dāta* — «закон»), вместо Аполлона назван *hštrpty*, дословно «глава власти», т. е., очевидно, Митра (указано В. А. Лившицем). Заключают надпись проклятия по адресу тех, кто отнимет у бога и его жреца то, что выделено для них.

Аналогичная картина синкретизма наблюдается и в Вавилонии. Еще ассирийские цари проводили политику насильственного переселения целых народов из их родных мест в другие области державы. Поэтому в конце существования Ассирийской державы в ассирийских городах и селлах, а также в Западной Мидии жило немало иудеев, а в Палестину было уведено большое число мидийцев. Лишь во время одного похода Саргон II увел из Иудеи 27 290 человек, поселив их в Месопотамии и Мидии. В Книге Исаии (XI, 11) говорится, что часть иудеев жила «у Ассура», в Египте, Эламе, Вавилонии и «на островах моря».

При халдейских царях Вавилония была наводнена халдейскими и арамейскими племенами, жившими бок о бок со старым местным населением. Кроме того, в Вавилонию было уведено более 10 000 иудеев, которые были поселены в окрестностях Нинпура и других местах. Согласно одной надписи, Набонид увел из области Хуме в Киликии 2850 пленников [NKI, с. 284 и сл.]. В вавилонских текстах о выдаче рационов между 590—575 гг. упоминается много чужеземцев, живших при дворе Навуходоносора II. Среди них лидийцы, эламиты, киликийцы, «ионийские плотники» («люди из Явана», т. е. выходцы из Малой Азии), персы (жители страны Парсумаш), «египтяне — сторожа кобылиц и обезьян» (в том числе Пусамиски и Нику, с хорошо известными египетскими именами), «126 жителей из Тира», «90 корабельщиков из Тира», «8 плотников из Библа» и «беглец из Мидии [по имени] Курбанну» (но имя его типично вавилонское). Все эти люди получают довольствие

с царских складов [Mel. Duss., с. 930 и сл.]. Большую их часть, по всей вероятности, представляли военнопленные или заложники, а другие прибыли в Вавилонию добровольно в качестве политических беженцев. Определенное представление о таких беженцах может дать вавилонское письмо начала VI в. В этом письме сообщается об аресте нескольких вавилонян, отец и брат которых бежали в Мидию. Как видно из текста, туда же бежали также и другие вавилоняне, и приказ царя вернуться обратно остался без ответа [GC II, 395]. Иногда военнопленные совершали попытки вернуться на свою родину. Например, в одном письме сообщается о бегстве из города Эриду двух арабских семей, которые были переселены туда из области Тема [UET IV, 167]. В войске Навуходоносора II в качестве наемников служили греки, например брат эолийского поэта Алкея Антименид [ALG, т. I, с. 412 и сл.].

Еще до захвата Вавилонии персами в аккадских частнопроводных и хозяйственных текстах встречаются иранские имена. Например, в двух вавилонских документах архива храма Эанна в Уруке еще в период царствования Набонида упоминается «царский контролер Багиязу» [YBT VI, 169 и 231]. Характерно, что его отчество не приводится: это бывает в вавилонских документах при упоминании лиц чужеземного происхождения. В другом хозяйственном документе времени Набонида упомянут некий Багадат, судя по имени, иранец [Nbd 530]. При Набониде в Борсиппе заведующим одним из складов работал эламит Уртагу [NRV 762].

Таким образом, уже к середине VI в. в этническом отношении население Вавилонии было довольно пестрым. В одном нововавилонском письме отмечается, что «люди многих языков живут в Нинпуре под сенью царя» [ABL 238]. Поэтому не удивительно, что вавилонский историк Беросс писал, что в Месопотамии жило много чужеземцев.

После захвата Месопотамии персами эта плодородная страна стала еще более доступна для иммиграции. К тому же там, как и в других сатрапиях, были созданы военные колонии из представителей различных народов. В Вавилонии стали оседать иранцы, лидийцы, фригийцы, карийцы, египтяне, западные семиты, эламиты и т. д. В документах архива Мурашу из Нинпура около $\frac{1}{3}$ всех собственных имен — невавилонские. Среди них встречаются десятки иранских имен, носителями которых были персы, мидийцы, саки, арреи и представители других иранских племен. Высший слой их составляла персидская знать.

Вавилонские документы наглядно показывают, как сильно изменился образ жизни этой знати всего через несколько десятилетий после вступления персов на путь мировых завоеваний, что являлось следствием больших социально-экономических процессов, происходивших в персидском обществе. В середине VI в., когда персы вышли на арену мировой истории, у них сохранялись сильные пережитки родовых отношений. В то время персы славились своим умеренным образом жизни, воздержанностью, храбростью

и сплоченностью. По словам Геродота (I, 171; IX, 122), они носили одежду из шкур животных и войлочные тиары, не употребляли вина, ели не столько сколько хотели, а сколько имели. По свидетельству Исаяи (XIII, 17), иранцы в ранний период не ценили серебра и не были пристрастны к золоту.

Вскоре простота и скромность в пище и одежде превратились в идеологический пережиток, сохранявшийся лишь во время обряда коронации персидских царей, когда вступающий на престол Ахеменид должен был надеть одежду, которую носил Кир II еще до того, как стал царем, съесть немного сушеных фиг и выпить чашу кислого молока, имитируя таким образом основателя династии (Plut., Art. 3). Даже во время военных походов цари и знатные персы теперь возили с собою палатки, полные золотых и серебряных лож, столов, умывальников, ваз, чаш, дорогих ковров и т. д. Кроме того, знатных персов сопровождало множество рабов-лекарей, свухов и поваров, которые прислуживали им даже во время походов. Персы стали одеваться в роскошные мидийские одежды, носить золотые ожерелья, гривны, браслеты и т. д. К столу персидских царей и знати доставляли в свежем виде рыбу из отдаленных морей, фрукты из Вавилонии и Сирии.

Персы все больше и больше стали принимать участие в деловых операциях, действуя через своих агентов, которые преимущественно были вавилонянами, арамеями, египтянами, иудеями и т. д. В Вавилонии персы приняли местное право и заключали деловые сделки, брали и отдавали в долг деньги, покупали и продавали дома, земельные участки, рабов и т. д. Уже царевич Камбиз занимался ростовщическими операциями, отдавая через своего управляющего деньги в ссуду [Суг 177]. Другой персидский царевич отдал в долг одному вавилонянину 10 кур (1500 л) ячменя [NRV 812]. В документе времени Камбиза упоминается иранец Артаруш, который жил в Вавилонии и являлся старшиной купцов [Camb 384]. Перс Багасар, занимавший должность заведующего царской сокровищницей, владел полями в окрестностях Вавилона и через своих агентов и рабов сдавал их в аренду дому Эгиби, получая плату зерном, финиками и т. д. [220]. При Дарии I в Вавилоне судьями работали иранцы Артабан, сын Багадата, Уммадат и др. [Dag 476; TCL XIII, 193]. Перс Партамму купил в центре Вавилона дом [Dag 410]. В Борсиппе «перс Арбатем» сдавал в аренду «запирающиеся склады» [NRV 138].

Хотя персы были господствующим народом, они постепенно попадали под влияние вавилонских традиций⁸. Например, персидский сатрап Вавилонии Губару назвал своего сына вавилонским именем Набугу [YBT VII, 137 и др.]. Персы Артабар, Багадат, Баган, Уштабазан и др., жившие в V в. в Ниппуре, давали своим детям чисто вавилонские имена Нидинту-Бел («дар бога Бела»),

⁸ Ср. сообщение Геродота (I, 135) о том, что персы охотно принимали чужеземные обычаи.

Бел-ибни («Бел создал»), Нана-надин («богиня Нана дала») и т. д. [BE IX, 14, 76, 82 и др.]. Царевич Аршама назвал одного из своих сыновей вавилонским именем Набу-мушетик-урри [BE X, 128]. Однако и вавилоняне давали своим детям иранские, арамейские и другие чужеземные имена. Например, Нинурта-этир, Бел-ибни, Рахим-или и др. называли своих детей иранскими именами Тиридат, Шатабарзан, Адабага («вместе с богом»), Ударна, Аспабар и т. д. [BE IX, 39, 69, 74; NRV 96 и др.].

Такое смешение имен нередко было вызвано браками между представителями разных племен. Например, Гамбия, дочь перса Фарнака, была замужем за вавилонянином Зеруту [NRV 52 — Вавилон, 494 г.]. Перс Митрадат, владевший многими полями близ Нишпура, женился на вавилонянке Экур-белит, дочери Бел-иттану, а их сын получил иранское имя Багавир [BE IX, 48]. Поскольку все приведенные имена (как вавилонские, так и иранские) являются теофорными («бог Нинурта спас», «данный богом Митрой» и т. д.), можно полагать, что носители их поклонялись как своим традиционным, так и чужеземным богам. Поэтому не удивительно, что в Уруке археологи раскопали здание, которое, по-видимому, было святилищем иранского бога Митры. В Уруке найдено также глиняное изображение Митры, убивающего быка [UVB, т. XIV, с. 18—20; ср. 452, с. 42]. Ахеменидские цари строили в Вавилоне *ападану* и другие здания в персидском стиле [436, т. I, с. 35]. В вавилонских печатях ахеменидского времени (особенно в тематике и стиле печатей архива Мурашу) прослеживается персидское влияние.

Наряду с персами и другими иранцами в гуще вавилонской жизни появляются и мидийцы. В Вавилоне в начале царствования Дария I жила мидийская семья (муж Какия и жена Ухия). Они арендовали у вавилонского дельца Иддин-Мардука дом, а у одного из членов дома Эгиби взяли напрокат обстановку и рабыню в качестве прислуги. Кроме того, дом Эгиби должен был уплатить этим мидийцам к определенному сроку 5 *кур* фиников, по-видимому, как плату за аренду финиковой рощи [Dag 51]. Другой мидиец, по имени Нинакку, жил в Борсиппе. Он отдал свою рабыню в долговой залог, но она бежала ночью из дома кредитора [NRV 677]. В самом начале персидского правления в Вавилонии один мидиец возглавлял у сатрапа Губару ведомство по мелкому скоту, а другой мидиец появляется в том же документе с вавилонским именем Шумму [Mich 89]. Но не всем иранцам так везло, и в текстах упоминаются рабыни из Бактрии и Гандхары, которые, очевидно, были уведены во время подавления там восстаний и позднее (в 512 г.) проданы в Вавилонии [Dag 397; ср. 567; 710, с. 144, примеч. 1; 735, с. 74]. В 523 г. два иранца продали в Вавилонии рабынь, которые носили иранские имена [Camb 384].

Нередко в вавилонских текстах упоминаются и эламиты. Прежде всего большой интерес представляют данные документов об использовании эламских работников в храмовых хозяйствах

Вавилонии. Один документ говорит о выдаче в 515 г. значительного количества фиников, сезама и серебра «работникам из Элама» [Dag 230]. Далее в письме, отправленном из Вавилона в Сиппар, сообщается, что «все работники из Суз уже прибыли» [СТ XXII, 59]. В тексте, фиксирующем денежные расходы храма Эбаббарра в Сиппаре за 502 г., в частности, отмечается выдача эламским работникам 25 сиклей серебра для приобретения продовольствия на дорогу [Dag 516]. «Эламит Умманшипир» был работником одного из вавилонских храмов [Böhl, 873]. Эти данные об использовании эламских работников в Вавилонии находятся в полном согласии с указаниями текстов о том, что храмы и частные лица в Двуречье в широких масштабах прибегали к труду наемников. При этом иногда очень трудно было найти необходимое число наемных работников и в таких случаях приходилось нанимать их по чрезвычайно высоким ставкам. Эламские наемники, приезжавшие на заработки в Вавилонию, очевидно, были менее организованы, чем местные работники, их можно было нанять за более низкую плату, и поэтому храмовая администрация соглашалась оплатить их путевые расходы. Эти работники приезжали во время уборки урожая, а зимой возвращались обратно на родину.

Эламцы выступают в текстах также в качестве контрагентов и свидетелей. Среди них упоминается «эламит Нириабигну» [Camb 384, имя его, однако, иранское]. Согласно контракту времени Дария I, эламит Саманнапир выдал свою дочь замуж за египтянина Пагмиусту. В качестве свидетелей контракта появляются иранцы Багапат и Митрана, египтянин, арамей, вавилоняне [Dag 304]. В ахеменидское время один из кварталов Вавилона носил название Шушан по имени столицы Элама Сузы [689, с. 81 и сл.]. По-видимому, в этом квартале преимущественно жили эламцы.

В документах из Ура, Урука, Вавилона, Ниппура, Сиппара, Борсиппы и других городов довольно часто упоминаются египтяне. Из этого можно заключить, что египтяне были разбросаны по всей Вавилонии. Часто они обозначены по их этническому названию *miširāja* («египтянин»). В других случаях об их этническом происхождении свидетельствуют собственные имена, которые обычно являются теофорными и содержат имена богов Амона, Исиды, Хапи, Гора и т. д. (см., например, имена Патап-Эси, Хапимена, сын Писамина, Хуру, Памун — «принадлежащий богу Амону»). Интересно отметить, что вавилонские писцы знали, что такие имена, как и иранские имена с элементами Бага и Митра, являлись теофорными, так как они часто перед ними ставили детерминатив для обозначения бога. В некоторых случаях элементы египетских и вавилонских имен входили в состав сложных имен, например Апат-Эси, Рахим-Эси и т. д., где первая часть имени вавилонская, а последняя — египетская.

Но в большинстве случаев египтяне, которые жили в Вавилонии, под влиянием смешанных браков, а также стремясь приспособиться к окружающей их этнической среде, постепенно стали

давать своим детям вавилонские имена. В таких случаях этническое название *miširāja* сохранялось за потомками этих египтян как их родовое имя. Нередко *miširāja* стало употребляться и как собственное имя.

В ряде случаев египтяне были государственными чиновниками (например, начальниками по сбору пошлины, писцами, надзирающими над царскими работниками, служащими полицейского аппарата и т. д.) [BE X, 15 и 88; UM 91 и др.]. Часть военнопленных египтян была обращена в рабов. Воин, участвовавший в походе Камбиза против Египта, продал в Вавилоне «египтянку из своей добычи лука» вместе с ее трехмесячной дочерью [Camb 334]. В вавилонских текстах упоминаются и другие частновладельческие и храмовые рабы египетского происхождения [ср. 731; 29].

Часто египтяне выступают в качестве контрагентов. Например, в 476 г. египтянин Писуасмакаш, сын Патнашу, ссудил в Вавилоне 1 *кур* фиников [СТ IV, 34d]. Значительный интерес представляет следующий текст. В 503 г. в храме Эбаббарра в Сипшаре пропал кусок полотна, и об этом доложили высшим храмовым чиновникам. У одного из служителей храма нашли кусок египетского полотна, и чиновники спросили у него, откуда он взял эту ткань. Тот ответил, что купил ее у египтянина, жившего в городе, за муку и финики. Свидетели подтвердили это заявление, а тем временем пропавшее полотно также было найдено [СТ II, 2].

В Сипшуре и его окрестностях в V в. были военные колонии из фригийцев, лидийцев, карийцев, армян, арабов, финикийцев и т. д. [195, с. 7]. Представители этих же и других народов жили и в Вавилоне, о чем наглядное представление может дать следующий документ, составленный в 505 г. [Dar 458]: «50 сиклей серебра, которое в каждом сикле содержит $\frac{1}{8}$ [примеси] и которое принадлежит имбукийцу Мегабаршу, за Ширку, сыном Иддины, потомка Эгиби. Начиная с 1-го дня [месяца] аддару ежемесячно на 1 мину будет расти 1 сикль процентов. Серебро, 50 сиклей и проценты с него, Ширку должен отдать Менне, гонцу Мегабарша.

Свидетели: Удия — имбукиец; Бел-итанну, сын Набу-уцуршу, потомка жреца [бога] Бела; Убар — харзибаец; Сакита — киммериец; Умарзана — имбукиец; Кашшуту — имбукиец. Писец: Бел-итанну... Вавилон...»

Как видно из приведенного текста, выходец из Малой Азии Мегабаршу ссудил представителю делового дома Эгиби определенную сумму денег. При заключении сделки свидетелями выступили несколько выходцев из малоазийских племен имбукийцев и харзибайцев [ср. 261, с. 215 и сл.], живших в Вавилоне, а также «киммериец» (архаизм вместо «сак») Сакита, само имя которого, возможно, связано с этническим названием «сак» с суффиксом *-ita*, засвидетельствованным и в других древнеиранских собственных именах.

По свидетельству Арриана (Anab. III, 8, 5), в битве при Гаугамеле вместе с вавилонянами были и карийцы, которые давно обос-

новались в Вавилонии. В документе из Борсиппы от 515 г. упоминается «кариец Лукшу» (ср. имя отца Геродота «Ликс»), который жил в этом городе как военный колонист или государственный чиновник [BRM I, 71]. В этом же тексте среди свидетелей выступают еще два карийца [261, с. 193]. В окрестностях Ниппура в V в. упоминается «поселение баннешийцев», т. е. карийцев (в аккадских версиях ахеменидских надписей древнеперсидскому *karka* — «карийцы» соответствует *bannēšu*) [714, с. 195].

Судя по одному фрагментарному тексту, в 508 г. в Вавилоне лидийцы (*luddāja*) сдали свои поля-наделы лука в аренду дому Эгиби [Dag 351]. Лидийцы упоминаются также в документах второй половины V в. из Ниппура, где они называются *sapardāja* по названию столицы Лидии Сарды (по-лидийски Сфарда) [UM 53, 144 и др.; ср. 267, с. 331]. Они населяли военную колонию в окрестностях Ниппура, а некоторые из них уже носили вавилонские имена (например, «владелец лука Бел-итанну, сын Тема, лидиец, живущий в поселении табалийцев») [текст не опубликован].

В документах из Ниппура упоминаются также фригийцы (*muškāja*), в том числе «Гундакка, сын Тигира, начальник фригийцев» [BE X, 67].

По свидетельству документа от 422 г., составленного в Ниппуре, «Тилимá, сын Миннá, термилец (*tarmilāja*)» получил арендную плату за поле, которое он отдал в распоряжение дома Мурашу [UM 53]. Как известно, Геродот (I, 73; VII, 93) пишет, что термиллами назывались жители Ликии, т. е. ликийцы [ср. 261, с. 209]. Это же словоупотребление выступает и в арамейской версии упоминавшейся выше надписи из Ксанфа.

На берегу Евфрата Ниппурского была расположена колония армян и милидийцев (*uraštāja, milidāja* — первое название, означающее «урарты», является анахронизмом и обозначает в эту эпоху армян; что же касается второго названия, по Геродоту (I, 173), оно было древним наименованием Ликии, в греческой транскрипции: Милиада). Поля этих лиц находились в аренде у дома Мурашу, который уплатил как плату с них $5\frac{1}{3}$ мины серебра Шамаш-баракку (авилонское имя), «начальнику армян и милидийцев» [BE X, 107]. Армянин (*uraštāja*), который носил авилонское имя Нергал-убаллит, упоминается в качестве чиновника еще в документе из Урука в начале царствования Набонида [TCL XII, 75]. Позднее, судя по Бехистунской надписи, армянин Араха поднял восстание в Вавилонии, выдавая себя за авилонянина Навуходоносора.

В авилонских текстах ахеменидского времени многократно упоминаются также арабы (*arbāja*) [СТ XXII, 86; Dag 162 и др.]. Эти арабы жили в Уруке, Сиппаре и других городах. В ряде случаев они носят аккадские имена, но иногда их имена отличаются от последних (например, Духхабат, сын Парбаррата) [Camb 211]. Один араб купил в Вавилоне дочь храмового раба, которую ее отец привез из Урука. Сделка эта была признана судом недействитель-

ной, так как рабыня принадлежала храму [Pohl I, 74]. Другой араб, живший в Уруке, под страхом наказания получил предостережение от храмовых властей, чтобы он перестал встречаться с рабыней храма Эанна [YBT VII, 92]. Очевидно, наличием колоний арабов в Вавилонии объясняется и находка надписей на древнем южноаравийском языке в Уруке, Нишпуре и Уре [UVB, т. XIV, с. 43 и сл.; 732, с. 31 и табл. 36; UET I, 192; ср. 163; 156, с. 36—38]. По мнению некоторых ученых, арабы, которые упоминаются в клинописных текстах, были не арабами в современном смысле, а арамеями. Сохранилось более десяти «арабских» имен от времени между Синаххерибом и Ашшурбанапалом, которые полностью совпадают с арамейскими, однако нет имен с надежной арабской этимологией [454, с. 97 и сл.]. По-видимому, это были выходцы из среды кочевников к югу и востоку от Палестины.

В текстах V в. из Нишпура часто упоминаются иудейские имена, которые носили потомки тех иудеев, которые за полтора века до этого были насильственно уведены в Вавилонию. Это имена, содержащие теофорные элементы с именем Яхве или слово *sabba-ta*, обозначающее субботний религиозный праздник. По подсчетам Э. Бикермана, около 8% собственных имен в архиве Мурашу являются иудейскими. Судя по этим именам, в Нишпуре в V в. жило около 100 иудейских семей. Однако иудеи давали своим детям вавилонские и другие чужеземные имена. Зеровавель, возглавивший возвратившихся из Вавилонии в Иерусалим иудеев, носил вавилонское имя («семя Вавилона»). Иногда иудеи в Вавилонии давали своим детям чужеземные имена с явной теофорной окраской (например, Бел-аб-уцур — «да защитит бог Бел отца»). Один иудей с теофорным именем с Яхве дал своему сыну имя, в состав которого входило «Набу», а внук его уже носил иранское теофорное имя. По-видимому, эти иудеи поклонялись вавилонским и иранским богам, сохраняя, однако, веру в своего Яхве.

Некоторые иудеи владели землей в окрестности Нишпура и занимались ее обработкой, другие служили агентами у персов, вавилонян и т. д. или же находились на царской службе. Например, некий Ханнани, сын Менахема, занимал должность «надзирателя над птицей царя». Часто иудеи выступают также как контрагенты и свидетели [ср. 164, с. 548 и сл.; 217; 256; 339].

Имеются также свидетельства о пребывании в Вавилонии других западных семитов. В документе времени Дария I упоминается некий Хантушу, сын Кемаш-или, судя по имени, моавитянин [TCL, XIII, 193]. В качестве теофорных встречаются также имена с ханаанскими и западносемитскими богами. В Уре найдена надпись на финикийском языке, фиксирующая дарение коробки из слоновой кости богине Астарте [513, с. 41]. В окрестностях Нишпура в V в. существовало «Поселение тирцев» (*Bit-Surāja*), т. е. выходцев из финикийского города Тир [BE X, 33 и 71].

Выше говорилось, что в армии Навуходоносора II были, в частности, греческие наемники. Хотя прямых указаний клинописных

текстов о пребывании греков в ахеменидской Вавилонии пока нет, об этом сохранились археологические свидетельства. При раскопках в Вавилоне как в жилых домах, так и в храмовых зданиях найдены греческие черепки. Это, разумеется, еще не свидетельствует о пребывании там греков, но имеется ряд захоронений с сожжением тела, что было чуждо вавилонянам и может быть объяснено только исходя из греческих обычаев [626, с. 792—795]. На вавилонских табличках сохранились также оттиски греческих печатей (изображение Афины с копьем и щитом и т. д.) и монет, относящихся к V—IV вв. и свидетельствующих о пребывании в стране эллинов [571; 407, с. 9]. Но влияние греческой культуры на вавилонскую до конца господства Ахеменидов было незначительным. Знакомство греков с вавилонской научной литературой относится в основном уже к эллинистическому времени, когда шумерские и аккадские тексты стали писать, в частности, греческим письмом.

В документах из архива Мурашу часто упоминаются «киммерийцы» (*gimirri*), которые, судя по параллельным вариантам ахеменидских надписей, соответствуют сакам. Определенное представление о них дает следующий текст: «[Одну] бочку пива, 1 барана, 2 пана 3 суа [муки] и ячменя, [2] мины серебра — полную повинность за 1 воина царя [...] и остальные приношения для дома царя — повинность, начиная от месяца нисанну 3-го года до конца аддару 3-го года царя Дария, которая наложена на поля с деревьями и зерновым урожаем на корню, с надела лука Идди-Бела и его совладельцев, [с полей], которые [расположены] в болотах Бит-Эллиля в поселении хаммацев и в тростниковых зарослях Магуша из общины киммерийцев, [полей], которые [находятся] в распоряжении (т. е. в аренде) Римут-Нинурты, потомка Мурашу. 2 мины серебра — повинность полностью с этих зерновых полей за 3-й год — из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу, получил Таддану, начальник киммерийцев, сын Тириямы; он оплачен...» [BE X, 97].

Тирияма — имя иранское, но сын его Таддану посит семитское имя. В 417 г., согласно другому документу, дом Мурашу уплатил царскую подать за арендованную землю Тирибазу, брату «начальника над киммерийцами» Тирипарны. К документу приложена печать Тирибазы. «Начальник над киммерийцами» Тирипарна и его брат Тирибаз, сыновья Хумата, судя по их именам, были иранцами (персами или саками). Но многие владельцы наделов лука в общинах «киммерийцев» носят вавилонские имена, и лишь их начальники — иранские. Как известно, после набегов скифов в Переднюю Азию в VI в. не все они были истреблены, а часть, вероятно, осела там. Однако скифы прибыли в Переднюю Азию, как это многократно подчеркивал И. М. Дьяконов, без женщин, и поэтому скоро были совершенно ассимилированы местным населением. Поэтому под *гимирри* документов архива Мурашу, по всей вероятности, имеются в виду представители среднеазиатских саков хаумаварга

и тиграхауда, из которых персидская администрация создала военные колонии близ Ниппура. Менее вероятно, что в текстах речь идет не о саках из Средней Азии, а о потомках скифов-ортокорибантеев из Мидии или киммерийцев из Малой Азии, служивших в Вавилонии, возможно, еще до Ахсменидов, успевших к середине VI в. принять семитские имена и подвергшихся сильному вавилонскому влиянию.

В документах архива Мурашу встречается также этническое обозначение *arumāja*, т. е. ареей (ср. греч. *areioi* или *arioi*), выходяцы из далекой иранской области Харайва (на территории современного Афганистана) [262, с. 332 и сл.; 30]. Например, восемь военных колонистов ареев получили арендную плату со своих полей, сданных дому Мурашу. Почти все их имена иранские (Бага, Успатар, Тиридат, Патиштана, Багадат и т. д.), как и их отчества (Атураман, Ахратуш, Уштабазан и т. д.). Лишь отец Тиридата и сын Уштабазана имеют вавилонские имена Нинурта-этир и Бел-иттанну [BE IX, 74]. Бага, Тиридат и Багадат через семь лет снова получают от дома Мурашу арендную плату за свои наделы [UM 122]. Один из начальников над арееями назван Бел-иддином (вавилонское имя), сыном Багадата.

В окрестностях Ниппура в V в. находилась также военная колония индийцев (ср. «Поселение индийцев» в BE IX, 75). В текстах упоминаются «начальники индийцев» (*indumāja*) Апла, сын Бел-этира, Багазушт, сын Багацата, и Багазушт, сын Парурэ (судя по именам, первый был вавилонянин, а два других иранцы) [BE IX, 76; Kr 191 и др.]. В городе Киш индианка (?*hindu*) по имени Бусаса держала постоянный двор [TCL XIII, 248]. По рассказам Ктесия, на рубеже V—IV вв. в Вавилоне можно было увидеть слонов и их погонщиков из Индии. В контракте V в. о продаже рабыни сохранилась приписка неизвестным письмом и на неизвестном языке. Полагают, что это подпись на брахми [161].

В ряде случаев чужеземцы в Вавилонии размещались значительными группами более или менее компактно в определенных районах и иногда даже имели свое народное собрание, выполнявшее функции органа местного самоуправления наряду с народным собранием вавилонских городов (подобно политевме эллинистического периода). Например, в документе времени Камбиза упоминается «собрание старейшин египтян» в Вавилоне, которое вынесло судебное решение относительно полей, принадлежавших египетским колонистам [Camb 85]. Тексты упоминают также «поселения египтян», «хутор египтянина», «канал египтян» и т. д. [BE X, 43 и др.]. В Ниппуре каждой этнической группе была выделена особая территория. Еще в начале VI в. Иезеккиль (VIII, 1; XIV, 1; XX, 1) упоминает «старейшин» иудейских поселений в Вавилонии, которые, по-видимому, решали вопросы внутреннего управления этих поселений.

Но в большинстве случаев чужеземцы были разбросаны по всей стране, жили бок о бок с коренным населением, вступали друг

с другом в различные деловые сделки, заключали смешанные браки, полностью включались в общественно-экономическую жизнь страны, были собственниками домов и земельных владений, а часть их служила и в административном аппарате. Чужеземцы постепенно ассимилировались местным населением, принимали вавилонские имена, говорили на арамейском языке, ставшем обычным разговорным языком в Месопотамии, и, в свою очередь, оказывали определенное культурное влияние на вавилонян.

К середине V в. в Иудее наблюдается далеко зашедший синкретизм. В Книгах Эзры (IX, 1), Неемии (XIII, 23—25) и в других источниках отмечается, что иудеи женились на аммонитянках, моавитянках, египтянках и т. д., выдавали своих дочерей за иноплеменников, и поэтому дети от таких браков носили чужеземные имена, плохо знали еврейский язык и говорили на других языках. Даже первосвященник Иерусалимского храма был женат на самаритянке. В иерусалимскую общину принимали много прозелитов, и в храм на богослужение приходило неиудейское население из окрестных районов.

Персидские наместники Эзра и Неемия объявили беспощадную борьбу смешанным бракам, требуя их расторжения. Перед храмом созвали собрание, и Эзра объявил имена тех, кто жил с чужеземцами, стал бить их палками и рвать у них на голове волосы. Постепенно ему и его последователям удалось изолировать иерусалимскую общину, а также иудеев диаспоры от остального мира.

Население соседней с Иудеей Самарии представляло пеструю смесь эдомитян, моавитян, иудеев, арабов, арамейев и т. д. Еще со времени ассирийского господства здесь жили также выходцы из Мидии и Элама. В стране находилось много вавилонян, о чем, в частности, свидетельствуют аккадские собственные имена на печатях. Жители Самарии поклонялись местным моавитянским и хананейским богам, а часть их и вавилонским. Большинство самаритян (в том числе и наместник этой области Санбаллат, который дал своим детям яхвистские имена) поклонялись также иудейскому Яхве и были прихожанами Иерусалимского храма, пока их не изгнали оттуда Эзра и Неемия.

Еще до захвата Самарии Александром Македонским там стало распространяться и греческое влияние. Например, на папирусах из Самарии сохранились печати с аттическими мотивами. Часть печатей свидетельствует также и о персидском влиянии [213, с. 115 и сл.; 214, с. 45 и сл.; 124, с. 224 и сл.; 420, с. 36 и сл.]. По свидетельству надписей из Сирии, арамеи поклонялись не только своим богам, но и вавилонским Мардуку, Набу, Шамашу и т. д.

Кипр и финикийские города постепенно погружались в сферу эллинской культуры. Еще в начале V в. финикийское искусство наряду с египетским стало испытывать греческое влияние. В Афинах существовала сидонская колония, которая оставила надписи на финикийском и греческом языках. Около 380 г. Афины заключили с сидонским царем Стратоном (по-финикийски Абрастарт) союз

о гостеприимстве, даровав ему почетное гражданство и связанные с этим привилегии [SIG, т. I, № 185]. Начиная с V в. культ Адониса распространился и за пределы Финикии. Саркофаг персидского наместника (или, скорее, «иранизованного» финикийского царя), изготовленный в V в. в Сидоне греческим мастером, показывает сочетание египетских и греческих элементов [434; 160, с. 55]. Сохранился также рельеф Йехамелка, царя Библа (ок. 450 г.), изображенного в персидской одежде, с надписью на финикийском языке [241, с. 19; 292, с. 47].

В глубинной аравийской области Лихьян, между Центральным Хиджазом и юго-западными границами Ахеменидской державы, найдена статуя местного чиновника (вероятно, персидского наместника), выполненная под явным влиянием ахеменидского искусства [336]. В оазисе Тема сохранилась стела первой половины V в. на арамейском языке с изображением местного бога. В надписи говорится, что в должности жреца культа этого бога утвержден один египтянин, который, однако, носил вавилонское имя [241, с. 69].

Еще в VII в. в Египте стали селиться греческие и карийские колонисты, которым саисские фараоны оказывали всяческое покровительство, так как эти поселенцы поставляли в египетскую армию большое число наемников. В Нубии, в местности Абу-Симбел, сохранились греческие и карийские граффити, оставленные там египетскими наемниками. Среди них, в частности, упоминается некий Псамметих, сын Феокла [SIG, т. I, № 1]. Очевидно, это был грек, принявший египетское имя. В Абу-Симбеле найдены также финикийские надписи [А-Г, с. 84 и сл.; 724; 428, с. 41 и сл.]. Карийские граффити VII—VI вв. обнаружены также в Фивах. Псамметих I разрешил грекам основать колонию в районе Дельты близ города Буто и отдал им для обучения греческому языку египетских юношей. Город Навкратис, который фараон Амасис предоставил для жительства эллинским поселенцам, состоял из выходцев из двенадцати греческих городов (Herod. II, 178). При Амасисе карийские колонисты были поселены в Мемфисе. В Кирену на ливийском побережье была выведена дорийская колония [485, с. 1 и сл.]. На службе у саисских фараонов находились также нубийцы, ливийцы, финикийцы и т. д.

Позднее, при Ахеменидах, число греков в Египте еще больше увеличилось. Страну наводнили чужеземцы. Геродот (III, 139) пишет, что, когда Камбиз отправился в поход против Египта, к нему присоединилось много греков: одни шли как воины, другие — для торговли, а иные хотели посмотреть страну. В египетских текстах говорится, что «жители всех чужеземных стран» прибыли в страну вместе с Камбизом и поселились там [575, с. 167]. Интерес греков к народам Востока значительно возрос, и в начале V в. в Афинах показывали пьесу Фриниха «Египтяне».

В Египте — на Элефантине, в Мемфисе, Фивах, Гермополе и в других местах кроме коренного населения были также арамеи, финикийцы, греки, киликийцы, иудеи, мидийцы, персы, хорезмий-

цы и т. д. Они часто поклонялись одновременно своим и чужим богам и даже меняли свои имена, принимая чужеземные, или же наряду со своими именами пользовались египетскими. Например, персидский чиновник Ариарша принял египетское собственное имя Тахос и поклонялся Мину, Ра, Гору, Исиде и другим египетским богам, как это видно из составленных от его имени в 461—449 гг. надписей. Его старший брат Атиявахия, сын Аршамы, занимавший должность наместника Коптоса и Фиванского нома при Камбизе и последующих царях, в своих надписях обращается с мольбой к египетскому богу Мину [575, с. 126—129 и 178; 173, с. 139 и сл.; ср. 487, с. 86 и сл.]. В одной надписи Атиявахия называет Артаксеркса I «добрым богом», любимцем Мина, и молится, чтобы жизнь этого царя была такой же долгой, как у бога Ра. Перс Багадат дал своему сыну египетское имя Пахи [A-G, № 105]. Согласно другому тексту, иранское имя Багадат было дано персу, родившемуся в Египте, как прозвище наряду с его египетским именем [A-G, с. 104].

Из Египта сохранились также печати с надписями, принадлежавшие жившим там в V—IV вв. персам. Одна из таких цилиндрических печатей изображает героя с тигром на голове и содержит имя владельца этой печати Багамараздии [111, с. 46].

В Мемфисе в V в. существовало святилище иранского бога Митры. Оно наряду с храмами Митры в Малой Азии и в Нишпуре — один из ранних этапов на пути распространения этого популярного божества, пока в период Римской империи его культ не достиг своего зенита, найдя почитателей даже на Британских островах. В Мемфисе сохранилось также votivное изображение быка с акадской надписью, которая переводится «Митра — мой отец» [512, с. 99—101]. Вероятно, это было приношение какого-то персидского чиновника в святилище Митры. Из этого же святилища происходит рельеф с изображением мидийца и его слуг в состоянии какого-то ритуального плача [291, с. 160].

Пребывание персов в стране оказывало определенное влияние на египетскую знать. Например, египтянин Петосирус, живший в Гермополе в V в., велел изобразить на своей гробнице сцену на персидские религиозные темы: с Митрой, убивающим быка [516]. Египтянин Птахотец, «начальник сокровищницы» в первой половине V в., изображен на надгробном памятнике в персидском костюме [167, с. 1—3]. Египтянин Псамметих дал своему сыну иранское имя Багадат [AP 1].

В элефантинских папирусах упоминаются также мидиец Атарпаран из области Нисея и маг Митрасарах, который тоже, по видимому, был мидийцем. Согласно одному документу, хорезмиец Даргаман, сын Харшина (Хварчайна), служивший в элефантинском гарнизоне в подразделении перса Артабана и владевший там собственным домом, претендовал на какой-то участок земли. Даргаман пожаловался судьям на то, что один иудей из подразделения иранца Вариызата владеет его полем. Но в суде ответчик поклялся

богом Йахо (Яхве), что Даргаман сам передал (продал?) ему спорный участок, и показал соответствующий документ, и тогда истец отказался от своих претензий. Среди свидетелей упомянут и вавилонянин Ададнури [АР 6]. Из восточных иранцев в папирусах упоминаются также и «каспийцы». Например, каспиец Багазупт, сын Базу, продал одному иудею дом на Элефантине, расположенный рядом с домом иранца Шатабара. Среди свидетелей контракта выступает и иранец Митрадат, сын Митраязпы [Крае-ling, с. 3].

В египетских текстах ахеменидского времени нередко упоминаются рабы ливийского и киликийского происхождения. При этом часть киликийцев носит иранские имена, другие — малоазийские, а некоторые, по-видимому, и египетские [326, с. 55–57].

В элефантинском гарнизоне находились также вавилоняне, часть которых командовала отдельными подразделениями (Хададнури, Идди-Набу, Набу-шум-ишкун и др.). Один из писцов, писавших по-арамейски, также носит вавилонское имя Набу-тукульти («Бог Набу — моя надежда») [АР 28]. Иногда отец носит вавилонское, а сын иранское имя, или наоборот (например, Сатибарзан, сын Атарили; Багадат, сын Набу-кудурри). В Мемфисе был храм вавилонского бога Набу [A-G, № 99]. В папирусах упоминаются также храмы Набу в Гермополе и Сиене и святилище Банит (Иштар) в Сиене [Bresciani e Kamil, 1–4]. Один арамейский остракон с Элефантины содержит молитвенное обращение к вавилонским богам Белу, Набу, Шамашу и Нергалу [250]. Этим богам поклонялись не только вавилоняне, но также финикийцы, арамеи и иудеи, жившие в Египте. Кроме того, все они почитали и финикийские божества Бетел и Астарту («Владычица небес»), как это видно из писем, отправленных семитами (скорее всего, арамеями) из Гермополя в Сиен и Луксор. Эти письма начинаются с благословения именем Бетел, Астарты, Набу, Банит и египетского Птаха [Bresciani e Kamil, 1–4 и др.].

В Сиене большая часть населения была семитского происхождения — главным образом финикийцы и арамеи и в гораздо меньшем числе иудеи. Они поклонялись не только своим арамейским, финикийским, вавилонским и иудейским богам, но также и богам египетским. В одном арамейском остраконе говорится, что в 417 г. два брата-сидонца (Абдвааль и Асдрувааль, сыновья Азарвааля) совершили паломничество в Абидос, священный город Осириса, чтобы поклониться этому богу [Teixidor].

Значительные колонии финикийцев и других семитов существовали также в Мемфисе. Среди них были как военные поселенцы, так и торговцы и ремесленники. В текстах из этого города упоминаются жрецы Вааля, 'Анат и Эшмуна (Вааль — бог Сидона, Эшмун — финикийский бог, 'Анат — древнеханаанская богиня, все они были приняты и в арамейский пантеон) [252; 172]. Судя по одному арамейскому письму, в V в. в Дафнах (в восточной части Дельты) существовал культ Вааля [112]. Некий Абибал, перевод-

чик общины выходцев из города Библ, послал из Египта на родину жертвенник для богини Астарты [95, с. 220].

В Мемфисе был арсенал по сооружению военных кораблей, в котором работало множество мастеров со всех концов державы (вавилоняне Набу-аххе-буллит, Мардук-этир и др., выходцы из Сидона Абд-цедек, Азер-Вааль и др., хорезмийцы, каспийцы, моавитяне, персы, мидийцы, иудеи и т. д.) [А-Г, с. 58–62]. В том же городе существовал «сиро-персидский» квартал, где жили персидские и сирийские воины (название это сохранялось и в птолемеевское время) [173, с. 151]. Финикийские колонии находились также в Фивах. Представители этих колоний переписывались между собой и часто были связаны различными деловыми интересами. Египтяне, арамеи, иудеи, финикийцы, персы, мидийцы, греки, хорезмийцы вступали в совместные сделки, заключали смешанные браки, перенимали друг у друга обычаи и поклонялись не только своим богам, но и богам чужеземцев, живших в том или ином городе. Чужеземцы, поселившиеся в Египте, поклонялись также местным богам, сохраняя веру в свои традиционные культы. Например, сохранились votivные предметы (стелы, вазы, фигурки богов), преподнесенные арамеями египетским храмам. На одном памятнике времени правления Ксеркса изображена сцена погребения арамейского мальчика, где восседает египетский бог Осирис, перед которым находится стол с дарами. Родители умершего протягивают руки к Осирису с мольбой [CIS II, № 122; ср. 211, с. 200]. На другой погребальной стеле содержится молитва, обращенная к Осирису с призывом благословить арамейку, которая при жизни не причинила никому зла и не обидела никого [CIS II, № 141; ср. 331, с. 202]. Известны также и другие стелы, рассказывающие о приношениях арамеям Осирису [CIS II, № 11 и 75; 473; 443].

Для характеристики деловых связей между чужеземцами и местным населением значительный интерес представляет письмо на папирусе, отправленное в конце V в. иранцем Спантадатой, сыном Фравартипата, двум египтянам. Как видно из письма, судно, являвшееся общей собственностью его капитана и Спантадаты, находилось у адресатов, которые должны были купить зерна на 18 сиклей серебра и послать в распоряжение своего контрагента. Спантадата просит обоих египтян, если они окажутся не в состоянии купить зерно, передать деньги некоему Армастидату (судя по имени, иранцу), чтобы тот приобрел и прислал ему зерно [525].

Многие из чужеземцев, поселившихся в Египте, в общении между собой пользовались арамейским языком, вследствие чего в арамейских папирусах появляется значительное количество заимствованных слов и целых фраз; заметно также влияние синтаксиса, чуждого арамейскому. Особенно много заимствованных иранских слов, главным образом терминов, административной лексики [168, с. 81]. В некоторых случаях арамейский текст прерывается египетским (демотическим) письмом. Сохранился также один необычный текст на папирусе, который написан демотикой, но на

арамейском языке. Это культово-ритуальный текст, в котором упоминаются не только египетские, но также арамейские, вавилонские и другие боги [ART].

Особенно ценный материал для изучения жизни чужеземцев в ахеменидском Египте дают арамейские папирусы с Элефантины. Эти тексты происходят из среды иудеев элефантинского гарнизона, которые находились на островке еще в войске фараонов, неся сторожевую службу на границах с Нубией. В письме Аристее, которое относится к эллинистическому времени, но, по-видимому, сохранило надежную информацию, говорится, что иудеи прибыли на Элефантину для помощи фараону Псамметиху в его походе против эфиопского царя. Война против эфиопов произошла при Псамметихе II в 589 г., и, возможно, что именно поход этого времени имеет в виду Аристей [Kraeling, с. 42—45]. Но не исключено также, что после захвата Иерусалима в 587 г. Навуходоносором II часть иудеев бежала в Египет, поступила на военную службу к фараону и поселилась на Элефантине [656, с. 452; 115, с. 47].

Элефантинские иудеи сохранили свою религию, но, попав в арамейское окружение, утратили свой родной язык и даже в быту говорили по-арамейски. Несколько десятилетий назад А. Каули, Х. Х. Шедер и другие исследователи полагали, что элефантинские иудеи пользовались арамейским языком только в документах официального характера, а между собой говорили по-еврейски [АР, с. 118; 610, с. 225 сл.]. Однако это мнение не нашло подтверждения в последующих находках: все частные письма и острака, оставленные иудеями с Элефантины, написаны на арамейском, среди них нет ни одного еврейского текста.

Иногда в текстах одно и то же лицо называется то иудеем, то арамеем. Были предложены различные объяснения этому факту. В частности, некоторые исследователи полагают, что эти этнические термины были синонимами. Но, пожалуй, правы те, которые считают, что в элефантинских документах термином «иудей» обозначаются лица, исповедовавшие иудаизм, а «арамей» охватывает всех тех, кто говорил по-арамейски. В таком случае иудей мог быть назван и арамеем, однако арамей не мог быть обозначен как «иудей» [702, с. 37 и сл.; 334, с. 33 и сл.; ср. 704, с. 131 и сл., где Э. Волтерра полагает, что в элефантинских текстах под иудеями имеются в виду потомки бывших подданных Иудейского государства, а под арамеями — потомки выходцев из арамеоязычных стран].

Иудеи еще не составляли замкнутой группы и находились в оживленных деловых связях с другими чужеземцами и египтянами. Так, в 437 г. иудей Анания купил у иранца Багазушта дом и участок земли, расположенные в Сиене. В документе, где зафиксирована имущественная тяжба между двумя иудеями, большинство свидетелей — вавилоняне и другие чужеземцы [Kraeling, с. 1].

Иудейка Мибтахия вышла замуж последовательно за египтян Пиа и Асхора. Во время первого брака она приняла религию мужа,

сохраняя одновременно веру в своего Йахо. На суде она клялась именем египетской богини Сати и, очевидно, исповедовала ее культ. Асхор, второй муж Мибтахии, изменил свое имя на иудейское Натан и, по-видимому, поклонялся не только египетским богам, но и Йахо [AR 20, 28 и др.]. Один из иудеев носит египетское теофорное имя Петихнум — «дар Хнума».

Иудеи на Элефантине поклонялись не только своему племенному богу Йахо, но и богам других семитских народов, и их религия была синкретической, как и религия жителей Иудеи и Палестины до введения Второзакония во второй половине VII в., когда даже в Иерусалимском храме кроме Яхве почитали также культы Вааля, Астарты, Шамаша и т. д. (II Reg. 23, 4—14). В частности, большое влияние на религию иудеев оказали арамеи [482, с. 149]. Элефантинские иудеи нередко носили теофорные имена с названиями ханаанских богов Эшем, Бетел, аккадского Набу и т. д. Иудеи Элефантины собирали деньги для нужд не только храма Йахо, но и святилищ ханаанских богов Эшембетел и Анатбетел [AR 22]. Во многих письмах, отправленных иудейскими колонистами, содержится благословение именем «богов», а не Йахо [AR 17, 21, 37 и др.]. Один иудей в письме к своему адресату приветствует его именем не только Йахо, но и египетского бога Хнума [251, с. 20]. Другой иудей, живший на Элефантине, даже носил титул жреца египетских божеств Хнума и Сати [AR 13]. Манумиссия раба, принадлежавшего иудею, производится как дар вавилонскому богу солнца Шамашу [Kraeling 5]. На печатях, которыми пользовались иудейские колонисты, заметно египетское и персидское влияние. Например, сохранился оттиск скарабея с картушем, а также изображение диска Ахура-Мазды, под которым царь борется с каким-то чудовищем. Тексты свидетельствуют также о браках между иудеями и иранцами [AR 14 и 15]. Таким образом, иудейские поселенцы в Египте были политеистами. По выражению У. Ф. Олбрайта, их религия была сочетанием еретического яхвизма (народной религии VII в.) и арамейского синкретического культа [115, с. 48; ср. 250, с. 37 и сл.; 334, с. 345 и сл.; Kraeling, с. 84].

В Египте, как и в Вавилонии, чужеземцы иногда размещались в определенных кварталах. Например, в Мемфисе карийцы и выходцы из Тира жили в особых кварталах («квартал карийцев» и «лагерь тирийцев»), а ионийцам была отведена территория близ Бубастиса [A-G, с. 59; 261, с. 189, примеч. 2]. Но в большинстве случаев чужеземцы жили бок о бок с местным населением. Представители различных народов терпимо относились к чужеземным традициям, обычаям, языкам, законам и верованиям. Чужеземцы легко включались в общественную и экономическую жизнь страны, где они поселились, постепенно ассимилировались местным населением, принимая его язык и культуру и, в свою очередь, оказывая определенное культурное влияние на остальных жителей страны.

Оживленные этнические контакты способствовали постепенно-му возникновению, по существу, новой материальной и духовной культуры, в которую свою лепту вносили все народы Ахеменидской державы. Позднее эта культура способствовала победе эллинизма, являвшегося, в частности, результатом синтеза культуры греков и восточных народов. Терпимое и доброжелательное отношение к культуре соседних и далеких народов являлось логическим результатом существования Ахеменидской державы, в которой языком государственной канцелярии был арамейский, в политическом отношении ведущая роль принадлежала персам, но в то же время продолжали существовать и развиваться древние культуры вавилонян, эламитов, египтян, иудеев и других народов.

Религия древних иранцев

На рубеже VII—VI вв. в Восточном Иране или в Средней Азии возник зороастризм — религиозное учение, основателем которого был Зороастр (Заратуштра). Ученые высказывают различные гипотезы относительно того, какая именно область была колыбелью зороастризма. Еще больше расходятся мнения по поводу времени жизни Зороастра. Многие относят его деятельность к VI в. [402, с. 174; 362; 117, т. I, с. 384]. По мнению И. Хертеля, Ф. В. Кенига и некоторых других исследователей, Зороастр был современником Дария I, поскольку в Авесте упоминается покровитель этого пророка — князь Виштаспа, которого эти ученые отождествляли с Вишпаспой, отцом Дария I [литература: 89, с. 33 и сл.]. Впервые это отождествление встречается у Аммиана Марцеллина, однако Харес Митиленский, один из чиновников Александра Македонского, излагает рассказ о Виштаспе, защитнике Зороастра, не связывая его с отцом Дария I. Следовательно, в IV в. до н. э. указанное отождествление было неизвестно персидским информаторам Хареса Митиленского [355, с. 24]. Ж. Дюшен-Гиймен полагает, что князь Виштаспа жил в отдаленной области Восточного Ирана вне всяких контактов с Персидской державой и, по всей вероятности, еще до того, как Кир покорил весь Иран [239, с. 6]. К этому близко мнение ряда исследователей (в том числе и И. М. Дьяконова), согласно которому восстание в Авесте царство Виштаспы следует локализовать в Дрангиане [40, с. 122 и сл.]. Следует также учитывать, что отец перса Виштаспы был Аршама; тогда как Виштаспа Авесты был сыном Аурватаспы. Поэтому отождествление этих двух лиц представляется несостоятельным. Многократно высказывалось также предположение о тождестве дочери Кира Атоссы с Хутаоса Авесты, которая принадлежала общине, где проповедовал свое учение Зороастр. Однако, как это отмечалось в литературе, отождествление этих лиц лишено всяких оснований.

Э. Мейер и ряд других исследователей относили деятельность Зороастра ко времени не позднее 1000 г. Основанием для такой датировки послужили теофорные имена с элементом Мазда, из-

вестные для территории Мидии еще с конца VIII в. (например, в 715 г. Саргон II получил подать от мидийских князей, двое из которых названы Машдакку). Полагая, что Ахура-Мазда не был известен до Зороастра, а религия последнего уже господствовала в VIII в. и от времени ее возникновения до утверждения в качестве официальной веры должно было пройти несколько столетий, Мейер считал, что этот иранский пророк жил на рубеже XI—X вв. до н. э. [506, с. 15—16].

В пользу такого предположения ссылались также на ассирийский текст из библиотеки Ашшурбанапала, содержащий перечень имен богов [III R 66, стб. IX, 24]. В этом перечне упоминается, в частности, Ассара Мазаш, которого еще в 1899 г. Ф. Хоммель отождествил с Ахура-Маздой [391]. В течение нескольких десятилетий это отождествление никем не оспаривалось, но в 1943 г. А. Унгнад отверг его, исходя из следующих соображений. В имени Ассара Мазаш перед обеими ее частями стоит детерминатив для обозначения бога. Поэтому Унгнад считал, что здесь имеется в виду не Ахура-Мазда, а два отдельных божества, которые были провинциальными ассирийскими богами (позднее Дюшен-Гиймен относил их к хурритским богам [239, с. 108]). Сам текст, как полагал Унгнад, относится к XIII в. до н. э., когда мидийцы еще не играли никакой роли в жизни Ассирии, и поэтому трудно ожидать упоминания иранского бога в столь ранних ассирийских текстах. Наконец, по мнению Угнада, если бы Ассара Мазаш был Ахура-Маздой, то его имя было бы передано в аккадском с *h*, а не с *s* [692].

Более двадцати лет мнение Угнада принималось всеми исследователями, но позднее оно было подвергнуто пересмотру. Прежде всего, хотя в упомянутом тексте приводятся имена богов различных городов Ассирии (Ашшур, Ниневия и т. д.), среди них содержится и имя Халди, бога урартских племен, а также имена божеств Элама и Северной Сирии. Поэтому вполне вероятно упоминание в этом списке и иранского бога Ахура-Мазды. Что же касается двойного употребления детерминатива бога, то в этом списке перечисляются многие божества с двойными именами. Поэтому можно полагать, что писец воспринимал Ассара Мазаш как двойное имя. Хронологический аргумент Угнада, который считался решающим, также оказался несостоятельным. Р. Франкена, который в 1954 г. переиздал текст, на основании параллельных источников отнес его не к XIII, а к VIII—VII вв. до н. э., когда многие мидийские племена подчинялись ассирийским царям [280, с. 1 и сл.]. Наконец, О. Семерени считает, что в иранских языках переход *s* > *h* произошел лишь после 1000 г., и поэтому, как он полагает, для начала I тысячелетия Ассара Мазаш в аккадском является закономерной формой для имени Ахура-Мазды [660, с. 192—194; 490, с. 51—52].

Таким образом, вероятно, имя Ахура-Мазды было известно в Мидии по крайней мере еще в VIII в. Однако из этого не обя-

зательно следует, что Зороастр жил в VIII в. или задолго до этого. По-видимому, Э. Мейер был не прав, считая имя Ахура-Мазды изобретением Зороастра. По всей вероятности, культ Ахура-Мазды, как общего для многих иранских племен бога, существовал еще до Зороастра, а последний придал этому культу универсальный характер, наполнив его новым содержанием [239, с. 132; 40, с. 147—148, примеч. 24; 240, с. 26; 204, с. 194; 447, с. 129; 497, с. 25]. Слова *ahura* (общий термин для обозначения богов) и *mazda* употребляются в Гатах в произвольном порядке (с склонением обеих частей) для обозначения зороастрийского бога, и лишь позднее в ахеменидских надписях оба слова сливаются в одно имя (но в одной надписи Ксеркса написаны раздельно и при этом обе части склоняются [239, с. 87—88]). По-видимому, еще в VIII в. в Мидии господствовал маздаизм, которому были чужды специфические особенности зороастризма, а религия, реформированная Зороастром, распространилась в Западном Иране, вероятно, лишь в VI в., при последних мидийских царях.

Относительно времени деятельности Зороастра сохранились два древних предания. Ксанф Лидянин и вслед за ним некоторые другие античные авторы утверждают, что Зороастр жил за 6000 лет до похода Ксеркса на Грецию. Но в течение последних десятилетий никто не выступает в поддержку этой фантастической даты. Впрочем, ссылка Ксанфа на Зороастра, которая сохранилась у Диогена Лаэртского (Ргооет. I, 2), считается некоторыми учеными сомнительной, а Э. Бенвенист полагает, что первое определенное упоминание имени Зороастра в античной литературе содержится около 390 г. у псевдо-Платона (Alc. I, 124) [155, т. II, с. 9; 138, с. 16; ср. 300, с. 37].

Согласно поздним иранским источникам, сохранившимся в пересказе у Бируни, Зороастр жил на 258 лет до Александра Македонского. Однако в этой дате много неясного. Прежде всего, неизвестно, какой момент жизни Зороастра здесь имеется в виду; согласно зороастрийской традиции он в 30 лет получил от Ахура-Мазды миссию проповедовать новую веру, но лишь через 10 лет после этого ему удалось добиться в этом определенных успехов, а в 77 лет он умер. Кроме того, неясно, имеет ли традиционная дата в виду восшествие Александра Македонского на престол или захват им Ирана [40, с. 139—140]. Учитывая все эти соображения, В. Б. Хеннинг, который считает традиционную дату достоверной, предлагает три возможные датировки жизни Зороастра, а именно 630—553, 628—551 и 618—541 гг. [355, с. 41].

Однако нет никакой уверенности в том, что какая-либо из этих дат соответствует действительности, и некоторые исследователи считают иранскую традицию о времени деятельности Зороастра ненадежной [432, с. 563—564]. И. М. Дьяконов считает эту традицию сомнительной, исходя, в частности, из того, что еще не существовало определенной эры для отсчета времени, которое исчислялось лишь по царям и событиям [40, с. 140]. По мнению

О. Климы, религия Зороастра появилась за 232 года до Дария I, которого этот ученый отождествляет с Дарабом персидской традиции [432]. Однако Р. Н. Фрай полагает, что и эта дата также недостоверна и что персы вообще не имели представления о событиях, происходивших в Восточном Иране до Кира II [287, с. 62—63].

Наиболее приемлемым представляется предположение, что Зороастр жил не позднее VII в., в пользу чего Дьяконов приводит следующие аргументы. Ахеменидское государство оказало глубокое воздействие на все народы, которые входили в состав Персидской державы. В лексике языков этих народов сохранились термины ахеменидских административных и культурных традиций. Но в Авесте нет этих терминов, и авестийские термины для обозначения царей, жрецов, воинов, рабов и т. д. отличаются от ахеменидских. Кроме того, в ранних частях Авесты нет упоминаний о деньгах, палоговой системе и других институтах, которые указывали бы на вхождение родины Зороастра в Персидскую державу. Наконец, материальная культура Авесты архаична, не знает железа, развитой городской жизни и крупных государственных образований. Правда, В. Хинц полагает, что и не следует ожидать от Авесты, где речь идет о вероучении, терминов, обозначающих государственные институты [388, стб. 390]. Но трудно себе представить, что это вероучение могло существовать совершенно изолированно от материальной жизни. Все это заставляет полагать, что Зороастр жил задолго до того, как Средняя Азия была завоевана персами [40, с. 144; 297, с. 169 и сл.; 41, с. 128 и сл.; 64, с. 92; 240, с. 7].

В советской исторической литературе долго господствовало мнение, что Зороастр не был исторической личностью, но теперь такой гиперкритицизм подвергся пересмотру. В древнейших частях Авесты (Гаты) Зороастр выступает вполне реальной личностью, профессиональным жрецом и певцом, борющимся и страдающим человеком, который в течение многих лет не имел последователей, встречал большие трудности в распространении своей религии и подвергался у себя на родине преследованиям, поэтому он бежал оттуда к князю Вишпаспе, оказавшему ему покровительство⁹. Лишь в Младшей Авесте и в более поздних религиозных сочинениях он изображается легендарным героем со сверхчеловеческими чертами, чудотворцем.

Священная книга зороастрийцев Авеста — памятник многослойный. Ее древнейшие части (Гаты) по форме и содержанию сильно отличаются от остальной Авесты. Они составлены в стихотворной форме и являются проповедями самого Зороастра. Ф. Альтгейм и Р. Штиль полагают, что Гаты были записаны в Бактрия еще

⁹ По мнению В. И. Абаева, Зороастр вышел из скифской среды, но, не встречая поддержки в распространении новой веры, вынужден был покинуть свою родину [2, с. 55; 6, с. 320; 7]. Во всяком случае, общество, где Зороастр проповедовал свое учение, было пастушеским [239, с. 12].

в конце VI в. до н. э. посредством арамейского алфавита [119, с. 14, 81 и 103; ср. 445, с. 247, где И. Х. Крамерс допускает возможность, что Гаты были записаны еще до возникновения древнеперсидской клинописи]. С этим согласиться трудно, так как самая ранняя надпись, составленная на иранском языке арамейским письмом, относится ко времени не ранее конца IV в. до н. э. [357, с. 24]. Если в самом Иране на персидском языке арамейским алфавитом начали пользоваться, как можно полагать, в послеахеменидское время, когда персидская клинопись была забыта, то нет оснований считать, что далеко к востоку от Персиды на языке Гат арамейским письмом писали еще за несколько столетий до этого. Кроме того, в областях, где, как полагают, были составлены Гаты, пока не найдено никаких эпиграфических памятников на иранских языках арамейским письмом, которые относятся к ахеменидскому времени. Хотя Гаты возникли еще в VII в.¹⁰, их долго передавали устно и они, по-видимому, были записаны лишь в послеахеменидское время [ср. 544, с. 371]. Геродот (I, 132) и Страбон (XV, 3, 14) рассказывают, что маги во время жертвоприношений пели гимны. Как полагают некоторые исследователи, эти гимны были авестийскими яштами [613, с. 407]. Пока единственным достоверным свидетельством о времени фиксации Авесты являются данные манихейских текстов, которые показывают, что она была записана, во всяком случае, до середины III в. н. э., когда Мани приступил к своим проповедям [354; 55, с. 130].

Наибольшей по объему частью Авесты является так называемая Младшая Авеста. Составление ее ядра началось, по-видимому, через сто с лишним лет после смерти самого Зороастра, в последней четверти V в. [300, с. 14]. Многие произведения младоавестийской литературы относятся к еще более позднему, аршакидскому времени. Со времени своего возникновения в результате долгого развития зороастризм пережил сложную эволюцию. Учение самого Зороастра нашло отражение в Гатах, многие из которых составлены как ответы Ахура-Мазды на вопросы Зороастра, обращенные к нему. Прежде всего Зороастр спрашивает своего бога, как он может отличить праведных от неверных. На этот вопрос был дан поразительный и в то же время характерный ответ: кто отвергает пророка, тот является сторонником зла. Согласно Гатам, Зороастр получил от Ахура-Мазды миссию обновить религию и после этого порвал с древними верованиями. Зороастр провел в жизнь кардинальную религиозную реформу, возвестив веру только в одного Ахура-Мазду и его конечную победу и отвергнув часть племенных божеств (дэвов), а других поставив ниже Ахура-Мазды, превратив их в атрибуты верховного бога [143, с. 146]. Ахура-Мазда (греч. Ормазд), по учению Зороастра, единственный всемо-

¹⁰ Мнение Ж. Дармстетера, что Гаты с их терминами, выражающими абстрактные понятия, возникли в I в. до н. э. или даже еще позже под влиянием идей Платона и Филона [224, т. II], в настоящее время единодушно отвергается исследователями.

гуций и вездесущий бог добра, который олицетворяет свет, жизнь и правду. Он существовал еще до сотворения мира и является его творцом. Но с самого начала наряду с Ахура-Маздой существовал и дух зла Ангхро Манью (Ариман), который олицетворяет мрак, смерть и вместе со своими помощниками дэвами творит зло. Ахура-Мазда непрерывно борется с Ангхро Манью и в этой борьбе опирается на своих помощников, которые олицетворяют добромыслие, правду и бессмертие (триада зороастрийской этики). Человек создан Ахура-Маздой, но свободен в выборе между добром и злом, а поэтому доступен воздействию духов зла. Своими мыслями, словами и делами человек должен бороться против Ангхро Манью и его помощников — духов зла. Аскетизм осуждается как дело, способствующее победе злых духов. Согласно зороастризму, существует загробный мир. Участь людей в потустороннем мире зависит от образа их земной жизни. Если человек способствовал победе добра, то душа его попадает в рай и будет наслаждаться там хорошей пищей, а в противном случае она обречена на вечные муки в темном аду.

Еще в IV в. до н. э. началась философская разработка зороастрийского учения о борьбе добра и зла, результатом чего явился зрванизм. Согласно зрванизму, добрый дух Ахура-Мазда и злой дух Ангхро Манью являются сыновьями-близнецами «Бесконечного времени», — бога времени Зрвана. Каждый из этих духов обладает равной силой и поэтому правит миром по три тысячи лет, после чего в течение следующих трех тысяч лет между ними будет происходить борьба [Plut., Mor. 369 E — 370 F; ср. 720, с. 391].

Зороастрийские жрецы создали сложное эсхатологическое учение, согласно которому мировая история длится 12 000 лет. Первые 3000 лет были «золотым веком», когда не было ни холода, ни жары, ни болезни и смерти, ни старости. Земля была полна мелкого и крупного рогатого скота. Это был период господства Ахура-Мазды. Однако затем золотой век кончился, и Ангхро Манью создал голод, болезни и смерть. Но в мир явится спаситель (*саошьянт*) из рода Зороастра, и в конечном счете добро одержит полную победу над злом, возникнет идеальное царство, где Ахура-Мазда будет безраздельно царствовать на небе и земле, солнце будет сиять вечно и исчезнет всякое зло. Таким образом, хотя Зороастр допускает противоборство двух начал, он верит в конечную победу Ахура-Мазды и почитает только его.

Некоторые исследователи полагают, что учение зороастрийских жрецов о конце мира и воскрешении мертвых, о грядущем спасителе и последнем суде оказало влияние на возникновение подобных же представлений в иудаизме, христианстве и в других религиях (ср. ниже). Зороастрийское учение в общих чертах было известно и древнегреческим ученым. О нем писали Аристотель (который, вероятно, получал информацию от Эвдокса), Плутарх, Диоген Лаэртский и др. Высказывалось мнение, что основные положения зороастрийского учения оказали определенное

влияние на философские концепции древних греков [242, с. 198 и сл.; 244, с. 34 и сл.; ср. 558, с. 109, где отмечается определенное сходство во взглядах Зороастра и Платона, однако не ставится вопрос о влиянии иранского пророка на греческого мыслителя].

В начальный период своего возникновения зороастризм был религией рядовых общинников и содержал много демократических элементов. Зороастр обращается к своим слушателям с призывом защитить скот от разбойничьих набегов кочевых племен, которые были объявлены им поклонниками дэвов. Он выступает против хищнического истребления скота, против массовых кровавых жертвоприношений и вменяет в обязанность каждому верующему выращивать и защищать полезных животных [239, с. 5]⁴¹. В Гатах, отразивших процесс распада доклассового общества в восточноиранских и среднеазиатских областях, также содержатся отзвуки борьбы скотоводов и земледельцев против могущественной родовой знати [497, с. 66—71; 360, с. 189]. Но впоследствии из зороастризма было выброшено демократическое начало, и он был приспособлен для защиты интересов господствующих классов. В поздних зороастрийских сочинениях больше всего внимания обращается на выполнение различных предписаний обрядового характера.

Спустя некоторое время после своего возникновения зороастризм начал распространяться в Мидию, Персию и в другие страны иранского мира.

Как выше говорилось, в VIII в. до н. э. в Мидии, вероятно, был распространен маздаизм, еще не реформированный Зороастром. Позднее, во всяком случае в период правления последнего мидийского царя Астиага, зороастризм, по-видимому, уже стал официальной религией в Мидии (ср. ниже).

В ахеменидской Персии существовали различные религиозные представления; религии персидского народа, ахеменидских царей и магов не вполне совпадали, хотя различия между ними постепенно стирались [ср. 536, с. 373; РТГ, с. 9].

Религия персидского народа нам в основном известна из трудов Геродота (I, 131 и сл.), Страбона (XV, 3, 4 и сл.), частично также из «Киропедии» Ксенофонта, из произведений Цицерона,

⁴¹ Мнение Дж. Камерона, что призыв Зороастра заботиться о сохранении скота чисто символический и что Зороастр обращался с проповедью не только к скотоводам, но и ко всем остальным племенам [191, с. 264 и сл.], на наш взгляд, игнорирует историческую обстановку, в которой жил пророк. Несостоятельными кажутся и попытки (в том числе и Камерона, там же) видеть в *gava* Гат не скот, а некое абстрактное понятие. Ссылки на то, что в Восточном Иране и в Средней Азии никогда не могло быть больших стад коров (авестийское *gava* — «корова», «бык»), также не кажутся в данном случае решающими. В. А. Лившиц обратил наше внимание на то, что в сасанидское время обычно говорится о жертвоприношениях овцами. Так могло быть и много раньше, на что указывает, в частности, персидское обозначение овцы *gusfand*, из древнего *gava-spanta*, дословно «святая корова». Поэтому возможно, что, когда в Гатах Зороастр борется против жертвоприношений *gava*, имеются в виду овцы, а не коровы.

Плутарха и других античных авторов. Персы эпохи Ахеменидов были поклонниками древних индоиранских божеств природы — Митры (бога Солнца и света), Анахиты (богини воды и плодородия) и т. д. Персы не были зороастрийцами, последователями учения Гат, так как они поклонялись божествам природных сил, отвергнутому Зороастром. Среди персидского народа зороастризм из-за своей абстрактности не имел успеха, вероятно, в течение всего периода царствования Ахеменидов.

О религии магов сохранилось значительно больше сведений. Геродот, Помпей Трог, Страбон, Апулей, Аммиан Марцеллин и другие античные авторы дают нам возможность довольно обстоятельно ознакомиться с их религией. По единодушным сообщениям античных авторов, маги были учениками и последователями Зороастра. О последнем как об основателе корпорации магов говорит уже современник Ксеркса Ксанф, написавший книгу о персидской религии¹². Иранская традиция, представленная в среднеперсидской литературе, также знает магов как зороастрийцев [503, с. 11—12].

Многие современные исследователи тоже не сомневаются в зороастризме магов [224, т. III, с. XCVI и сл.; 225, т. I, с. 12 и сл.; 503, с. 11 и сл.; 35, с. 375 и сл.]. Однако, по мнению И. Хертеля, Г. Хюзинга, Ф. В. Кенига, К. Ф. Леманн-Хаупта и Э. Херцфельда, маги в отличие от ранних Ахеменидов не были зороастрийцами [362, с. 5 и сл.; 461, с. 251 и сл.; 367, с. 40—43; 400, с. 30; 441, с. 237 и сл.]. Как полагают эти ученые, Зороастр, будучи современником и духовным учителем Дария I, выступил против магов как врагов основанной им религии. Они считают, что побежденные маги были принуждены Ахеменидами принять зороастризм, но, приняв его лишь внешне, впоследствии исказили его и внесли в Младшую Авесту культ дэвов, запрещенный Зороастром. По предположению Хертеля и Херцфельда, позднее персидские цари Артаксеркс II и III под влиянием магов отклонились от зороастризма. При этом они ссылаются на то, что у ранних Ахеменидов восхваляется только один Ахура-Мазда, а в надписях Артаксеркса II и III кроме Ахура-Мазды упоминаются еще Митра и Анахита. Введение последних божеств в царский пантеон приписывается магам, которые в IV в. усилились и вели якобы борьбу против зороастризма [361, с. 12; 367, с. 40; 369, с. 220]. Хюзинг и Кениг даже полагали, что последним сторонником маздаизма был Кир Младший, а при Дарии II в результате фанатического господства Парисатиды и усиления влияния аккадской религии народная — «дэвовская», домаздаяснийская религия стала государственной [400, с. 3; 441, с. 237 и сл.]. Однако трудно согласиться с утверждением, что Митра и Анахита были введены в царский пантеон при Артаксерксе II. Божествам этим

¹² FHG I, с. 44; Plin., Nat. Hist. 30, 3—4; Diog. Laert., Prooem. I, 2; Plut., de Is. et Osir.; Ps.-Plat., Alk. I, 122; Apul., Apol. 9, 26; Amm. Marc. XXIII, 6, 33.

поклонялись и при ранних Ахеменидах, о чем свидетельствуют Геродот (I, 131) и Ксенофонт (Сугор. VII, 5, 53). Митре Ахемениды поклонялись как богу, дарующему победу в войне. Еще при Кире II начальник сокровищницы в Вавилоне носил теофорное имя «Митрадат», а согласно элефантинским папирусам, это имя носил и командир судна при Дарии II. В этих же папирусах встречается и имя Митраязна («тот, кто поклоняется Митре»). При Артаксерксе II культ Митры и Анахиты нашел еще более широкое распространение. По сообщению Беросса, Артаксеркс II ставил для почитания в Вавилоне, Сузах, Экбатанах, Персеполе, Бактрах, Дамаске и Сардах статуи Анахиты [FHG II, с. 508 и сл.]. Относительно Сард это сообщение подтверждается и греческими источниками [ссылки на тексты: 726, с. 68]. Согласно Ксенофону (Оес. IV, 24) и Плутарху (Мор. 174А; Art. 4), Кир Младший поклонялся Митре. Ктесий также говорит о жертвоприношениях персидских царей Митре (Athen., Deipnosoph. 434D). О поклонении Дария III Митре, а также солнцу и вечному огню говорит и Курций Руф (IV, 13, 12; см. также Plut., Alex. 30). По свидетельству Элиана (Var. I, 33), Артаксеркс I также поклонялся Митре. Недавно в Сузах были найдены новые надписи Артаксеркса II и III, где оба они говорят о сооружении различных зданий с помощью Ахура-Мазды, Анахиты и Митры и просят этих богов защиты от «всякой скверны» [645, т. IV, с. 8; 696, с. 207]. Плутарх в биографии Артаксеркса II упоминает храм Артемиды в Экбатанах, которую персы называют *Anaitis*. О храме Артемиды у персов говорит и Ксенофонт [Anab. I, 6, 7; об отождествлении Артемиды и Анахиты античными авторами см. у С. Викандера: 726, с. 67]. Храм «Анаитиды» упоминается у Страбона (XI, 8, 4).

Однако причину распространения культа Анахиты и Митры при поздних Ахеменидах следует искать не в извращении зороастризма магами и не в пропитанности религии Ахеменидов халдейской астрологией, как думают некоторые [396, с. 290; 362, с. 20]. Распространение культа этих божеств у Ахеменидов было результатом влияния религиозных воззрений персидского народа, у которого эти древние божества приобрели исключительно широкое признание. Анахите и Митре поклонялись не только персы, но и многие другие иранские племена. Статуэтки Анахиты представлены при раскопках в Бактрии, Согде и Хорезме, ее изображения имеются и на печатях, найденных в Персии [107, с. 9; 54, с. 159 и сл.; 587, с. 7 и сл.]. Но первенствующее положение Ахура-Мазды в царском пантеоне не было утрачено и при поздних Ахеменидах. В царских надписях при перечне богов он всегда стоит на первом месте. По свидетельству Плутарха (Alex. 30), когда Дарий III терпел поражение от Александра Македонского, один из внуков персидского царя говорил ему, что «по воле владыки Оромасда» для персов снова воссияет солнце. Но среди народных масс культ Ахура-Мазды не имел успеха и не нашел

такого признания, как культ Митры и Анахиты. Последние бо- жества занимают важное место и в Младшей Авесте, что и подало повод обвинять магов в искажении зороастризма. Действитель- но, религия Гат и религия Младшей Авесты во многом отлича- ются друг от друга. Но авторы, считающие магов виновниками искажения зороастризма, совершенно не считаются с его внут- ренним развитием, смотрят на эту религию как на нечто в абсо- лютно законченном виде данное Зороастром, отрицают ее связь и взаимовлияния с религиозными воззрениями иранских народов. В Гатах действительно говорится о почитании только одного Ахура-Мазды, остальные же иранские божества низведены до уровня второстепенных, не требующих особого поклонения. По мнению Ж. Дюшен-Гиймена, Зороастр объявил Ахура-Мазду вер- ховным богом, но не игнорировал существование и других бо- гов (дэвов), хотя и не называет их по именам [247, с. 66]. Впро- чем, Р. Ценер полагает, что осуждение дэвов не было реформой Зороастра и что он унаследовал более древнюю традицию об Аху- ра-Мазде, исключавшую поклонение дэвам [736, с. 82]. А в Млад- шей Авесте снова появляются Митра и Анахита как божества, требующие поклонения и очень популярные, хотя и стоящие ниже Ахура-Мазды. Но это опять-таки результат влияния народ- ной религии на зороастризм, синтез этих религий, Зороастризму приходилось приспособляться к традиционным религиозным воз- зрениям иранских племен, так как его абстрактный характер не был доступен широким массам.

Некоторые исследователи считают мидийских магов чуждым иранцам «туранским» или скифским племенем, распространив- шим свое влияние позже и на Вавилонию [233, с. 22; 659, с. 99; 579, с. 86—88; 547, с. 31; 272, с. 73; 286, с. 584]. Однако такое мнение основано на ошибочном смешении религии мидийских магов с халдейской астрологией и магией, на смешении религиоз- ных представлений разных народов и эпох, на произвольном тол- ковании термина «маг» как колдун, чародей, волшебник, обман- щик. Эти исследователи игнорируют хорошо известное уже Апу- лею¹³ различие между иранскими магами и значением, которое слово «маг» приобрело позже у греков и римлян — «чародей», «астролог». Против такого смешения выступал Апулей, указывая, что у персов словом «маг» обозначают жрецов, а не волшебников.

Ко времени начала царствования Дария I маги составляли определенную касту жрецов, занимавшихся проповедью своих религиозных воззрений и обязательно присутствовавших при жертвоприношениях персов и мидийцев¹⁴. Они были знатоками ритуала и обрядов, хранителями культурных и религиозных тра- диций иранских племен, вероятно, также и распространителями зороастризма. В религиозной жизни ряда иранских племен маги

¹³ Apul., Apol. 26; см. также: Ps-Plat., Alc. I, 124; Dio Chrysos., Or. XLIV, 7; Lycian., Macr. 4.

¹⁴ Herod. I, 132; Strabo XV, 3, 13—14; Amm. Marc. XXIII, 6, 33.

занимали монопольное положение. В массе своей маги, возможно, были и мидийцами. Во всяком случае, большинство античных авторов, начиная с Геродота, считает магов мидийским племенем. Однако среди магов было и немало персов (см., например: Diog. Laert., Prooem I, 1 и сл.), а согласно Страбону (XV, 3, 1), маги были персидским племенем. По свидетельству Плиния (Nat. Hist. XXX, 3—4), многие персы проповедовали зороастризм и назывались магами (см. также: Ps.-Plat., Alc. I, 121 E; Apul., Apol. 25—26; Diod. V, 55, 3; Diog. Laert., Prooem. 23 и сл.). Дж. Мессина считает даже, что маги были персидским жреческим сословием, а не мидийским племенем [503, с. 15, 42, 99]. Как можно заключить из Аммиана Марцеллина (XXIII, 6, 35), представление о магах как об особом племени, вероятно, возникло по причине того, что они вели замкнутый образ жизни [ср. 239, с. 114]. Вряд ли можно согласиться с Р. Ценером, что маги составляли жреческую касту, отличную от мидийского племени того же названия [736, с. 163 и сл.]. Совершенно произвольно также утверждение Ф. В. Кенига, что не мидийские маги, а халдеи были жрецами при дворе Дария I, которые будто бы уступили свое место магам около 490 г. до н. э. [441, с. 81 и сл.]. Напомнив мнение Э. Бенвениста о том, что термин *magi* в Авесте обозначался особый социальный класс (а зороастрийские жрецы там называются *athravan* — «хранители огня»), И. Гершевич высказал предположение, что в Мидии этот класс превратился в жреческую касту [300, с. 29].

Начиная по крайней мере со времени Дария I маги были официальными жрецами ахеменидских царей¹⁵. В литературе распространено мнение, что при Дарии I маги подвергались преследованиям [226, с. 19; 14, с. 229 и сл.; 536, с. 479, примеч. 1]. Однако оно несостоятельно. Большое значение магов при ахеменидском дворе хорошо известно из сообщений античных авторов. Например, маги были приставлены для ухода за могилой Кира в Пасаргадах и могилой Дария I в Накш-и Рустаме (Plin., Hist. Nat. VI, 26, 29 и 116; Ctes., Pers. 29, 15). Из труда Геродота (VII, 19, 37 и др.) хорошо известно, что без предварительного совещания с магами Ксеркс не предпринимал никаких важных дел. Маги толковали сны Ксеркса и давали ему предсказания, они сопровождали персидскую армию в походах со священным огнем и молились за победу. Согласно античным источникам, в Персии маги были воспитателями и учителями царских сыновей¹⁶.

После издания персепольских табличек на эламском языке не подлежит сомнению, что маги¹⁷, начиная со времени Дария I,

¹⁵ И. М. Дьяконов, исходя из сообщений Геродота, считает, что маги были придворными жрецами еще при последнем мидийском царе Астиаге [35, с. 392 и сл.].

¹⁶ Herod. VII, 19 и др.; Ctes., Pers. 29, 14; Ps.-Plat., Alc. I, 121; Cic., De div. I, 41, 90; Cic. Leg. 2, 26; Xen., Cyrop. VIII, 3, 14; VIII, 3, 34; Nic. Dam. 28; Plut., Art. 3; Clem. Alex., Paedag. I, 7, 55, 1.

¹⁷ *Makūš* — эламская транскрипция др.-перс. *magu* (ср. греч. *mágos*).

играли важную роль при царском дворе и пользовались большим влиянием. В качестве официальных жрецов маги выступают не только в самом Персеполе, но и по всему Юго-Западному Ирану. С царских складов они получают зерно, муку, баранов, вино, пиво и фрукты, предназначенные как для потребностей культа, так и для собственных рационов. При этом весьма примечательны имена некоторых магов. Например, имя одного из них восходит к зороастрийскому термину *yazata* («божество»). Маг Ирдазана носит титул *pirramasda*, восходящий к древнеперсидскому **framazdā* — «отменно памятный». По-видимому, такой титул применялся для обозначения жрецов, которые хорошо знали гимны [303, с. 181]. По свидетельству одного текста, магу Укниш выдается 12 мер зерна: 3 — для культовых возлияний и по 3 — для культа бога Митры, горы Ариарама и реки Ахинхаришда. При этом само имя Укниш представляет определенный интерес, поскольку оно переводится «(тот, кто) обеспечивает хорошее лечение» [304, с. 243]. Другой текст фиксирует распоряжение заведующего царским хозяйством Фарнака начальнику над *курташ* Иршене выдать для мага Лимеширда, назначенного самим Фарнаком, 9 *баров* муки в качестве жалованья за 8-й и 9-й месяцы 499 г. (т. е. по 1,5 л за каждый день).

Наряду с термином *takiš*, причем гораздо чаще в текстах крепостной стены, употребляется эламское слово *šatin* — «жрец». Поскольку эти жрецы обычно носят иранские имена и служат иранским богам (но в некоторых случаях и эламским богам), возможно, что они также являлись магами, а соответствующие древнеперсидское и эламское слова были эквивалентны. Однако нельзя исключать возможности, что маги являлись лишь одной из жреческих групп и именно поэтому особо выделены в документах. В Мидии и Персии вряд ли существовали еще другие официально признанные группы жрецов кроме магов, но в эламских областях, откуда происходит часть персепольских документов, естественно, были и жрецы древних местных культов. В текстах крепостной стены встречается собственное имя *Atsarma*, которое Гершевич считает эламской транскрипцией др.-перс. слова, соответствующего авестийскому *āthrava*, которое является термином для обозначения зороастрийских жрецов (ср. греч. *pyraithoi*, которое является переводом авест. *āthrava*) [736, с. 169]. По мнению И. Гершевича, тот факт, что это имя засвидетельствовано в Персеполе не в его авестийской форме, добавляет к скудным данным о религии в Западном Иране новый момент первостепенной важности [304, с. 189—190]. В текстах крепостной стены засвидетельствовано также слово *hatarmabatiš*, которое Гершевич переводит «старшина жрецов *ātharvan*» [303, с. 170], а В. Хинц — «верховный жрец» [382, с. 428—429]. В этих же текстах маги выступают как хранители священного огня (эламское: *haturmakša* из др.-перс. *ātra-vaxš*) [РТТ, с. 7; 303, с. 170; 382, с. 429].

Деятельность магов в Персеполе засвидетельствована также арамейскими глоссами на эламских текстах крепостной стены [Bowman, с. 31].

Из вавилонских клинописных табличек и арамейских папирусов известно, что в ахеменидский период иранские маги появились в Вавилонии и Египте. Можно предположить, что они были назначены к персам и мидийцам, проживавшим в этих странах, для выполнения религиозных обрядов. Имена магов в тех случаях, когда они приводятся, иранские (например, *Mitrasarah*, см. Kraeling, 4, где упомянутый маг выступает одним из свидетелей при заключении деловой сделки). К сожалению, документы в большинстве случаев не дают представления о роде деятельности этих магов. По свидетельству одного вавилонского текста, маги наряду с *гарда* и «сыновьями дворца» получают продовольствие [NRV 678]. В документе из архива Мурашу упоминается местность «тростниковая хижина мага», расположенная близ Нипсура [Kt 184]. В одном письме из Урука сообщается, что маг выкопает хранилище для муки. Далее в том же письме говорится, что маг и храмовой писец поставлены для надзора над работниками [YBT III, 66]. Это сообщение могло бы свидетельствовать о том, что маги, в частности, выполняли определенные хозяйственные функции в административном аппарате. В. Хинц, исходя из документов крепостной стены, также полагает, что жрецы-хранители огня наряду со своими религиозными функциями выполняли и задачи административно-хозяйственного характера [382, с. 429].

Роль магов как жрецов храмов огня известна и из археологических данных. Например, на рельефе V в. из Даскилии в Малой Азии изображены алтарь огня и два мага в характерной для них одежде. Там же изображены головы быка и барана, очевидно предназначенные для жертвоприношений [242, с. 202]. Изображения магов встречаются и на печатях из Персеполя [627, т. II, с. 9 и сл., табл. 15, № 5, 20, 23].

Как выше отмечалось, относительно религии магов в современной литературе высказываются противоречивые мнения. Часть ученых считает магов зороастрийцами, а другие — врагами зороастризма. В настоящее время большинство исследователей не склонно согласиться с предположением, что маги были зороастрийцами. Например, Р. Ценер полагает, что учение Зороастра было изменено магами, чтобы приспособить его к распространенным среди народных масс в Иране представлениям [736, с. 145 и сл.]. По мнению И. Гершевича, по крайней мере до середины V в. до н. э., маги не были зороастрийцами, но к началу IV в. до н. э. они уже приняли зороастризм и объявили Зороастра своим учителем [300, с. 16, 22 и 29]¹⁸. К этому близко и мнение

¹⁸ Но вряд ли можно согласиться с Гершевичем, когда он полагает, что маги не были представителями одной определенной религии, а являлись

Ж. Дюшен-Гиймена, согласно которому маловероятно, что маги с самого начала были учениками Зороастра, а не стали зороастрийцами значительно позднее [247, с. 74].

Как известно, в сохранившихся частях Авесты не содержится бесспорного упоминания о магах. Возможно, такое упоминание сохранилось в Ясне 65, где встречается слово *mogu·tibiš* с предполагаемым значением «враг жрецов». Высказывалось предположение, что это поздняя вставка, внесенная западно-иранскими жрецами, т. е. магами [716, с. 117 и сл.]. Дюшен-Гиймен полагает, что слово *magu-* («маг») древнеперсидских надписей и авестийское *magavan* [встречается в Гатах] восходят к одному и тому же корню *magā-*, в котором он (вслед за итальянским ученым Г. Гноли) видит обозначение состояния литургической чистоты [247, с. 72—74].

В Гатах огонь играет большую роль как средство испытания правды и справедливости и постоянно связан с *aša*, олицетворением правды [242, с. 201]. Поскольку в персепольских текстах жрецы — хранители огня упоминаются довольно часто, можно полагать, что в Юго-Западном Иране в конце VI — начале V в. было немало храмов огня.

Относительно культовых возлияний Геродот (I, 132) утверждает, что персы не совершают их, но в другом месте своего труда (VII, 53 и сл. и 113), он сообщает, что маги по приказу Ксеркса совершили на Геллеспонте возлияние морю и принесли в жертву «героям» 1000 коров или в другом случае в качестве жертвоприношения реке заклали белых лошадей. Теперь из текстов крепостной стены известно, что маги действительно совершали культовые возлияния рекам, горам и т. д., а также приносили жертвы скотом.

При обсуждении вопроса о религии в ахеменидском Иране часто привлекаются также арамейские надписи на блюдах, подносах, ступках и пестиках, обнаруженные в помещениях персепольской сокровищницы. Э. Шмидт, руководивший раскопками в Персеполе, назвал эти предметы «ритуальными сосудами» [627, с. I, с. 156—200; т. II, с. 53—56]. По его мнению, они были предназначены для приготовления хаомы, опьяняющего напитка, которым пользовались в ритуальных целях. При этом Шмидт ссылаясь на то, что на найденных им предметах посуды встречается слово *hwn*, которым обозначается ступка для выжимания сока из растения хаома¹⁹. Кроме того, Э. Шмидт обнаружил в Персеполе отпечаток печати с изображением ритуала приготовления хаомы. На этой печати два мага стоят перед алтарем огня. Один из них одет в опоясанный кафтан с длинными рукавами, а на

своего рода техническими экспертами, которые за плату обслуживали культы любимых иранских богов.

¹⁹ Опьяняющий культовый напиток, который, по-видимому, приготовлялся из хвойника (эфедры). Путем растирания его веточек в ступке получали алколоидный экстракт эфедрин [84, с. 139; 306, с. 45 и сл.].

другом башлык из войлока, который Страбон (XV, 15) приписывает магам. Один из жрецов держит в правой руке прутики (вероятно, веточки, соответствующие авестийскому *барсман*, т. е. пучку прутьев, который жрец держал в руках при жертвоприношениях хаомой), а второй протягивает палочки в священный огонь. Там же под солнечным диском Ахура-Мазды изображены ступки и пестики, идентичные по форме тем, которые найдены в Персеполе [627, т. II, с. 9 и сл., табл. 7, № 20]. Можно отметить также, что из арамейских папирусов времени Артаксеркса I давно известно иранское собственное имя Хаумадата («созданный божеством Хаома»), которое позднее было найдено и в арамейских текстах на персепольской посуде [AP 8 и 9; ср. скифское племенное название хаумаварга — «почитающие хаому»].

Исходя из приведенных выше соображений, Дж. Камерон также считает, что указанная посуда употреблялась для приготовления напитка хаома. Далее Камерон обратил внимание на то, что упоминаемые в арамейских текстах на этих предметах Датамитра и Багапат названы «казначеями, которые в Арахосии». По его мнению, большая часть ритуальной посуды с арамейскими надписями была доставлена из трех крепостей, упомянутых в самих надписях и расположенных в персидской сатрапии Арахосии. Камерон полагал, что блюда, ступки и т. д. были привезены в «ритуальную столицу» (т. е. Персеполь) посетителями новогоднего праздника в дар, чтобы оставить память о себе [RTTON, с. 162—163; ср. 229; 306, с. 69—71].

Издатель упомянутых текстов Р. А. Боуман пришел к выводу, что не только предметы посуды, но и надписи на них являются ритуальными. По его мнению, эти надписи фиксируют церемонию приготовления хаомы персидской знатью, в том числе крупными военачальниками персепольского гарнизона [Bowman, с. 14 и сл., 21—23].

В 1971 г. В. А. Лившиц высказал предположение, что надписи на культовых предметах из Персеполя фиксируют изготовление ремесленниками этих предметов и сдачу их казначеям в Арахосии, а отнюдь не церемонию приготовления напитка хаома. В том же, 1971 г. М. Н. Боголюбов высказал мнение, что ритуальные предметы были изготовлены в Арахосии, а надписи на них относятся ко времени царствования Артаксеркса II (424—359 гг.) и являются регистрационными записями, упоминаемые же в них чиновники не были лицами высокого ранга [31, с. 239; 15]. В 1972 г. Ж. де Менаш высказал предположение, что арамейские надписи из Персеполя не имеют ничего общего с ритуалом хаомы и в них речь идет о дарениях или подачках [см. у Дюшен-Гиймена: 247, с. 72]. Арамеист Б. А. Левин также отвергает мнение Боумана, что упомянутые арамейские тексты описывают церемонию хаомы и фиксируют имена лиц, участвовавших в такой церемонии. Он полагает, что эти тексты являются учетными записями, фиксирующими имена посвяти-

телей тех ритуальных сосудов, на которых имеются арамейские надписи. Но вслед за Боуманом Левин считает, что сами ритуальные предметы, вероятно, были изготовлены в Персеполе [466]. По мнению П. Бернара, арамейские надписи из Персеполя являются инвентарными документами, а пестики, ступки и тарелки составляли часть посуды из дворцовых кухонь [145; см. также 526].

Сказанное, разумеется, вовсе не находится в противоречии с тем фактом, что в ахеменидское время в Персеполе напитком хаома пользовались в культовых целях и, возможно, для приготовления этого напитка употребляли блюда, ступки и пестики, найденные в персепольской сокровищнице [ср. 389; 229, с. 214].

Ученые часто высказывают мнение, что культ хаомы и кровавые жертвоприношения противоречат учению Зороастра и лишь позднее, в период составления Младшей Авесты, они стали дозволенными [РТТ, с. 5 и сл.]. Но это предположение было подвергнуто критике В. И. Абаевым и другими исследователями [2, с. 23 и сл.]. Р. Ценер и вслед за ним Ж. Дюшен-Гиймен полагают, что в Гатах нет указаний на осуждение культа хаомы, ибо Зороастр протестовал только против того, что жертвенное мясо, окропляемое напитком хаома, затем давали на съедение верующим, или же против грубого культа опьянения [736, с. 85—86; 247, с. 74; 623, с. 139].

Таким образом, документальные свидетельства последних лет, а также данные изобразительного искусства, археологии и сообщения античных авторов показывают, что маги обслуживали алтари огня, совершали культовые возлияния, приносили кровавые жертвоприношения и пользовались в ритуальных целях напитком хаома. Материал персепольских текстов позволяет предполагать, что в конце VI в. маги были жрецами зороастрийского культа независимо от того, стали ли они зороастрийцами сразу после появления нового учения или же лишь позднее приняли его.

Уже в течение нескольких веков ученые расходятся между собой относительно проблемы религиозной принадлежности ахеменидских царей. В западной науке Ф. Виндишманн, В. Фои, Э. Мейер, Р. Кенг, А. Т. Олмстед, Ф. В. Кениг, И. Хертель, Э. Херцфельд, К. Ф. Леманн-Хаупт и некоторые другие считают Ахеменидов зороастрийцами, а Х. Хартманн, Г. Виденгрэн, Ж. Дюшен-Гиймен, А. Мейе, Э. Бенвенист и Дж. Камерон отрицают идентичность религии Ахеменидов с зороастризмом [730, с. 121; 279, с. 69; 511, т. III, с. 188; 510, т. II, с. 59 и сл.; 722, с. 10 и сл.; 208, с. 124; 424, с. 305; 547, с. 103 и сл.; 350, с. 155; 497, с. 21 и 25; 138, с. 34 и сл.; РТТ, с. 9].

В советской литературе В. И. Абаев и И. М. Дьяконов считают Ахеменидов зороастрийцами, а В. В. Струве высказывал мнение, что религия персидских царей, какой она отразилась в надписях, отличалась от зороастризма [88; 1; 2, с. 55; 37, с. 185].

Сравнительно недавняя публикация текстов крепостной стены вновь вызвала оживленную полемику по этому вопросу. Часть ученых считает, что новые данные свидетельствуют о зороастризме Ахеменидов, другие же, наоборот, полагают, что последние не были зороастрийцами, и персепольские тексты отнюдь не заставляют пересмотреть такую точку зрения. По мнению Э. Бенвениста, персепольская ономастика не содержит никаких следов зороастрийского влияния [142, с. 97 и сл.]. Он полагает, что бросается в глаза полное отличие персепольских имен от имен зороастрийской общины в Яште XIII (§ 96—145) и, кроме того, в Персеполе нет имен, подобных авестийскому Спантадата. И. Гершевич же считает, что этот вопрос пока надо оставить открытым и что некоторые зороастрийские имена, засвидетельствованные в Яште XIII, появляются и в Персеполе, а термин *spanta-*, по-видимому, выступает в собственном имени Нашианда [304, с. 173]. М. Майрхофер вслед за Гершевичем считает, что для решения этого вопроса пока материала явно недостаточно, и воздерживается от попытки установить, насколько широко было распространено учение Зороастра среди персепольских слоев населения [491, с. 315]. Согласно В. Хинцу, в Персии и Эламе около 500 г. кроме местного эламского культа существовали персидская народная религия и новая зороастрийская вера, которую поддерживал Дарий, но которая еще не стала господствующей [382, с. 427—430]. Ж. Дюшен-Гиймен, отвергая тезис о зороастризме Ахеменидов, указывает на некоторые общие моменты и различия в обеих религиях [247, с. 66 и 74]. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Ахемениды и прочие персы хоронили трупы, в то время как позднейшие маги, согласно требованиям Младшей Авесты (Видедад), выставляли их для пожирания птицами и зверями и затем кости погребали и тем самым избегали осквернения земли. Правда, в сохранившихся частях Гат не содержатся предписания о погребальных обрядах. Поэтому не исключено, что обряд выставления трупов был чужд первоначальному зороастризму [ср. 362, с. 56 и сл.; 232, с. 70; 369, с. 220; 376, с. 128]. Бенвенист отмечает, что в иранских областях в зависимости от эпохи и социальных условий погребальные обряды колебались от кремации до погребения в земле или выставления трупов [141, с. 43].

Страбон (XV, 3, 20), основываясь на более ранних источниках, пишет, что персы хоронят умерших, предварительно обмазав их воском. Что же касается магов, продолжает он, их после смерти отдают на съедение птицам. Согласно Цицерону (Tusc. I, 45), тела магов отдавали на растерзание зверям, а в Гиркании народ содержал для этой цели общественных собак, знатные же имели домашних собак благородной породы. Сходные свидетельства содержатся также у Помпея Трога, Плиния Старшего, Евсевия, Секста Эмпирика и т. д. Изучив археологические дан-

ные об обрядах погребения в Средней Азии, Ю. А. Рапопорт пришел к выводу, что там существовал особый вариант зороастризма, который сохранил ряд архаических черт, уходящих своими корнями в местные первобытные верования. В оссуариях он видит археологическое свидетельство распространения зороастризма в домусульманской Средней Азии [78, с. 5 и сл.].

В Персии царей хоронили в гробницах, высеченных в скалах Накш-и Рустама и Персеполя, знатных погребали в саркофагах и в скальных могилах, а рядовых людей — в земле. Например, Ж. де Морган раскопал в Сузах богатое погребение ахеменидского времени [518, с. 29—58]. Бронзовый саркофаг III тысячелетия использован для погребения знатной женщины, которая лежит на спине, ноги ее вытянуты, руки находятся на грудной клетке, а голова приподнята. В саркофаге найдены также большое количество золотых украшений и полудрагоценных камней, алебастровые сосуды, серебряная чаша и монеты, чеканенные между 350 и 332 гг. По мнению де Моргана, рядовые персы соблюдали зороастрийские обряды погребения, а знать и цари нарушали их [518, с. 39]. Р. де Мекенам полагал, что все персы были зороастрийцами и поэтому погребенная в саркофаге женщина была ахеменидской царицей вавилонского происхождения, похороненной по вавилонским обычаям [496, с. 90 и 115]. Но эти предположения не подтвердились. В 1939 г. Э. Шмидт раскопал на расстоянии километра к северо-западу от персепольской террасы кладбище, которое, по всей вероятности, датируется IV в. до н. э. Там найдено 31 захоронение, из них 24 — в глиняных гробах. Останки семи человек (трое детей, одна женщина, остальные мужчины) найдены в простых ямах без гробов. Над некоторыми могилами насыпаны кучи камней. С покойниками положены браслеты, сосуды, игрушечные фигурки и другие предметы [627, т. II, с. 117—123]. В Персеполе найдены также оссуарии, в которых погребены кости, отделенные от мяса, но Херцфельд датирует их послеахеменидским временем. По его мнению, оссуарии ахеменидского периода имеются только в области Сакавенда и вокруг озера Урмия, т. е. на территории древней Мидии, и принадлежат они магам [367, с. 39; 369, с. 505 и сл.; однако теперь Д. Странах относит эти оссуарии к послеахеменидскому времени]. Могилы ахеменидского периода найдены также в Сузах, где взрослые похоронены в простых ямах, а дети — в сосудах [495, с. 326]. Если верить Геродоту (VII, 114; ср. Plut., Mor. 171 D—E), жена Ксеркса Аместрида, достигнув глубокой старости, велела закопать живьем 14 юношей знатного происхождения как жертвоприношение какому-то подземному богу в знак благодарности за долголетие. Геродот (VII, 117) рассказывает также, что, когда умер Артакей из рода Ахеменидов, войско насыпало курган над его могилой.

Некоторые исследователи полагают, что Ахемениды не нарушали требований зороастризма о запрете осквернять землю, так

как они обмазывали трупы воском и предавали их погребению в бесплодных скалах [279, с. 71; 503, с. 87; 40, с. 149; примеч. 41; ср. 270, с. 1030]. Но, по-видимому, прав был Цицерон (Tusc. I, 45 и 108), полагая, что обмазывание трупов воском производилось персами с целью сохранить их в течение возможно более длительного времени. В этой связи можно вспомнить сообщение Плутарха (Ages. 40) о том, что тело спартанского царя Агесилая, умершего на чужбине, было положено в воск и затем доставлено на родину. Исходя из всего сказанного выше, можно предположить, что погребальные обряды Ахеменидов и персидского народа противоречили зороастрийским предписаниям.

Уже Гаты противопоставляют зло и добро, указывая на их непримиримость. В Гатах дух зла противопоставлен доброму духу (Ясна XLV, 2), а дэвы — Ахура-Мазде, так как они путем сознательного выбора примкнули к злему духу (Ясна XXX, 2). Согласно Аристотелю, главным моментом в учении магов был дуализм, и при этом принцип добра нашел свое воплощение в Оромасде, а принцип зла — в Аримане²⁰. О дуализме магов говорят также Плутарх (Mor. 370 B—F), Гермипп, Эвдокс и Феопомп (FHG I, с. 71; III, с. 53). У Ахеменидов же не было четко разработанного учения о дуализме. Однако Ахемениды восприняли многое из зороастризма, в том числе и относительно дуализма. В персидских надписях ложь и правда противопоставляются друг другу, хотя и в политическом, а не в религиозном смысле [239, с. 121 и сл.; 521, с. 122; 138, с. 36]. Под «правдой» надписи имеют в виду преданность царю, а под «ложью» — мятеж против него. Когда Дарий I обращается в своих надписях к будущим царям с призывом беспощадно наказывать лжецов, он имеет в виду, конечно, не ложь в моральном смысле, а мятеж против законной власти. В этом отношении особенно характерна Антидэвовская надпись Ксеркса, где говорится об *arta*, персонифицирующей, как и в Авесте, правду в противоположность лжи (*drauga*), но, вероятно, опять-таки в политическом, а не в моральном плане.

Естественно, ортодоксальные зороастрийцы не поклонялись Ариману. Но, согласно Плутарху (Them. 28), когда Фемистокл бежал в Персию, персидский царь помолился, чтобы «Ариманий» внушал его врагам изгонять из своей страны лучших людей. В другом месте Плутарх (Mor. 369—370 D) пишет также о поклонении персов Ариману. По мнению Р. Ценера, это был один из культов, отколовшийся от ортодоксального зороастризма [737, с. 88].

Если у Зороастра Ахура-Мазда стал, по существу, единственным богом, у Ахеменидов он был лишь «величайшим из богов» (DPd и др.). В одной только Бехистунской надписи этот бог

²⁰ Arist., Methaph. XIV, 4. См. также фрагменты несохранившегося сочинения Аристотеля о магии: FHG III, с. 53; ср. Plut., Mor. 369E.

упомянут 69 раз, причем Дарий 34 раза подчеркивает, что все свои подвиги он совершил благодаря помощи Ахура-Мазды. В аккадском варианте надписи Дария I из Хамадана говорится, что «Ахура-Мазда более велик, чем любой другой бог». Но там же Ахура-Мазда упоминается вместе «с богами». В Бехистунской надписи (IV, 61—63) Дарий заявляет, что ему помогали Ахура-Мазда и «другие боги, которые существуют». В надписях Дария I и Ксеркса из Персеполя и Суз Ахура-Мазда также появляется не один, а вместе «со всеми богами», имена которых, однако, не приводятся (DSc 50—51; XРb 28—29 и т. д.).

Политеизм Ахеменидов ярко выступает в самых различных источниках, в том числе и в документах крепостной стены. Остановимся на этих свидетельствах.

Заведующий царским хозяйством Фарнак в 500 г. велел выдать в распоряжение одного жреца 25 *баров* зерна для возлияний богам в местности Кауширриш [РФ 1802]. Жрец Бакабана в 502 г. получил 80 *баров* зерна, из них 40 — для Ахура-Мазды и 40 — для другого иранского божества, а именно Мишдуши. Этот же жрец в предшествующем году получил 40 *баров* зерна для культа Мишдуши [РФ 336]. Другому жрецу было выдано 5,7 *марришей* вина: 7 *ка* (около 7 л) для Ахура-Мазды, 2 *марриша* (20 л) для Хумбана, верховного эламского бога, и по одному *марришу* для возлияний трем поименно названным рекам [РФ 339]. Для культа иранских божеств Пирдакания и Марираш также выдается вино [РФ 303 и 773]. Жрец по имени Упиш получил зерно для культа одной, упомянутой по имени горы и для бога Нарیشانка [РФ 1960]. Как указал Ж. Дюшен-Гиймен, это иранский бог Найрия-санха [247, с. 68]. Жертвы приносятся также богу Сакурзиш, которого следует отождествить с иранским богом Сайгрчиш [документ еще не издан, см. 247, с. 68]. В текстах упоминаются также иранские боги Наббазабба и Антузза [РФ 770 и 2073]. В 501 г. 16 *марришей* (160 л) вина было выдано жрецу Аппирка для Ахура-Мазды, эламского бога Симута и Митры [РФ 338]. Имя последнего в текстах написано Мишебака [имеются и варианты, см. РФ, с. 732], и И. Гершевич переводит его «бог Митра», считая, что здесь мы имеем дело с эламской транскрипцией древнеперсидского Митрабага [303, с. 175]. В таком случае это самое древнее упоминание имени Митры в Иране, если не считать теофорных имен. Но В. Хинц высказал предположение, что Мишебака не обозначение Митры, а транскрипция древнеперсидского выражения **visai bagā* — «все боги» [382, с. 428]. Это мнение принято Ж. Дюшен-Гийменом и М. Майрхофером [247, с. 68; 491, с. 91, 204]. Но оно представляется нам недостаточно убедительным по следующим причинам. Во-первых, во всех случаях перед Мишебака стоит детерминатив для обозначения бога, который обычно ставится перед собственными именами богов и которого трудно ожидать перед выражением «все боги». Во-вторых, в отличие от Бехистунской надписи

в текстах крепостной стены всегда приводятся конкретные имена богов. В-третьих (и это, пожалуй, важнее всего), контексты, где встречается слово «Мишебака», по-видимому, не позволяют переводить его «все боги». Например, в документе, фиксирующем возлияния для богов. Мишебака стоит между Ахура-Маздой и эламским богом Симутом [PF 338]. Трудно полагать, что здесь после имени Ахура-Мазды употреблено выражение «все боги», а затем следует имя еще одного конкретного бога. Согласно другому тексту [PF 1956], для культовых целей было отпущено 5 *иртиб* (1 *иртиба* = около 30 л), а именно по одной для богов Турма [Гершевич полагает, что это — авестийский бог Зрван: 303; с. 183] и Марираш, для культа определенного места и еще какой-то религиозной церемонии и, наконец, 1 *иртиба* — для Мишебака. Вряд ли здесь после упоминания имен двух богов Мишебака можно переводить «все боги», скорее, уместно толкование «бог Митра». Другой текст фиксирует выдачу 2 *иртиб* для бога Турма и 4 — для Мишебака [PF 1957]. Попутно можно отметить и собственное имя Митрабага, которое встречается в текстах крепостной стены (ср. также Нарипанка — авестийское Найрия-санха, засвидетельствованное в табличках крепостной стены как имя бога и как собственное имя). Кроме того, в Персеполе много теофорных имен с элементом *baga* («бог»). Обожествленный огонь, божество Хаома, звезда Тир и Солнце также появляются как составные элементы собственных имен [491, с. 314 и сл.].

В текстах крепостной стены упоминается также «великий бог», имя которого, однако, не приводится. Р. Т. Халлок сначала отождествлял его с эламским богом Хумбаном, но потом отказался от такого мнения, отметив, что неясно, какой бог имелся в виду [PF, с. V]. В. Хинц отождествляет «великого бога» с Ахура-Маздой, ссылаясь на то, что, во-первых, в ахеменидское время Хумбан не был табуирован и, во-вторых, «великому богу» возлияние совершает перс Гаубарува [382, с. 428 и сл.]. Не оспаривая мнение Хинца по существу, заметим, что оба его аргумента спорны, так как Ахура-Мазда также не был табуирован, а лица с иранскими именами в ряде случаев служили и эламским богам (ср. ниже). Одному жрецу было выдано 4 *марриша* пива, из них 2 — для «великого бога» и 2 — для аккадского бога Адада [PF 353].

В 500 г. жрец Уруру, получив со склада 80 *баров* зерна, обменял его на восемь годовалых овец, из которых двух использовал для жертв богу Ададу, а остальные для культа трех поименно упомянутых местностей [PF 352]. Хинц полагает, что администрация под влиянием зороастризма, выступавшего против жертвоприношений скота, для нужд культа выдавала зерно, но эламские жрецы обменивали его на овец [382, с. 427; ср., однако, ниже]. В 500—499 гг. на культ Адада было израсходовано 11 *баров* зерна. Кроме того, Адад вместе с эламским богом Хумбаном получил 5 *марришей* вина. Вообще Хумбан упоминается в тек-

стах чаще, чем все остальные боги, вместе взятые [РФ, с. 19]. Его жрецы в большинстве случаев, судя по собственным именам, были эламиты, но среди них встречаются и иранцы, например Мардоний [РФ 348]. Исходя из текстов крепостной стены, Хинц считает, что эламское культовое место Зила-Хумбан у скалы Курангун в Эламе считалось священным еще в начале V в. до н. э. Дословно название этого места переводится «стела Хумбана», и на скале этот эламский бог изображен сидящим на троне вместе со своей супругой [382, с. 427].

Политеизм Ахеменидов (в том числе Дария I и Ксеркса) отчетливо выступает и в греческих источниках, которые говорят о культе Митры, Анахиты и других богов при персидском дворе. Например, Эхил (Pers. 200—205 и др.) часто говорит о многобожии персидских царей. В «Киропедии» (I, 6, 1; II, 1, 1 и т. д.), автор которой хорошо был знаком с современной ему персидской религией, постоянно говорится о жертвоприношениях различным богам ахеменидскими царями. Об этом же свидетельствуют Геродот (III, 65 и др.), Плутарх (Mor. 338 F), Диодор (V, 77, 8) и Страбон (XV, 3, 13). Дарий I вовсе не помышлял о запрете популярных в народе божеств, какими были Анахита и Митра. Последнее божество, по выражению Бенвениста, было центральной фигурой иранской мифологии. Это — древний индоиранский бог, который часто упоминается еще в Ригведе. До реформы Зороастра Митра был верховным богом, и само обозначение бога (*baga*) являлось одним из его имен [247, с. 69; 44, с. 314; 359, с. 250; 245, с. 158]. При Дарии I, как справедливо полагал А. Мейе, имел место компромисс между реформой Зороастра и древней иранской религией [497, с. 14]. Поэтому трудно согласиться с предположением И. Гершевича и некоторых других исследователей, что религия Дария была монотеизмом, сконцентрированным вокруг Ахура-Мазды, а сам Дарий — последователем Зороастра [300, с. 16—18]. Тем более не правы исследователи, полагающие, что Дарий I и Ксеркс признавали только одного Ахура-Мазду [396, с. 204; 367, с. 40; 547, с. 195].

Раннему зороастризму, по-видимому, чуждо было идолопоклонство [232, с. 81]. Это нашло отражение и в учении магов, которые, согласно Диогену Лаэртскому (Ргооеп. I, 6), не знают изображений богов. В Гатах Ахура-Мазда выступает как божество абстрактное, бестелесное. А у Ахеменидов Ахура-Мазда получил антропоморфное изображение. Они должны были показать своего бога десяткам и сотням богов подвластных им народов. Символом верховного бога Ахура-Мазды был выбран символ верховного бога ассирийцев — Ашшура. Здесь даже не требовались серьезные иконографические изменения: на позднеассирийских цилиндрах Ашшур изображался в виде фигуры царя между двух распахнутых крыльев, в солнечном диске, а на эламских цилиндрах — почти так, как позже у Ахеменидов, — в зубчатой короне. Символ Ахуры-Мазды появляется, вероятно, при Дарии I

и в эту же эпоху эволюционирует — на Бехистунской скале тиару бога венчает шар со звездой, в руке у него гривна — инсигния власти. В Персеполе, например, в Трипилоне, Ахура-Мазда изображен точно так же, в той же тиаре, с той же прической, в том же платье, как и царь Дарий.

Порталы дворцов Персеполя, главные сцены на лестницах венчало изображение солнечного диска с крыльями — символа, широко распространенного в Египте, но, вероятно, истолкованного, как символ Ахура-Мазды. Ассирийские «охранители врат» (*шеду*), повторенные в Персеполе в Пропилеях Ксеркса и Пропилеях около Столоного зала, сохраняют многие детали прототипа, трансформированные иранскими скульпторами. Сохранился также фрагмент, изображающий символ Ахура-Мазды на южных дверях Столоного зала. Он был раскрашен следующим образом: платье бога, тиара и средняя часть крыльев — красные, остальные перья — зеленые, оторочка рукавов платья — синяя, центральный диск, из которого как бы вырастает фигура бога, — желтый, волосы и борода бога — черные. В Персеполе раскопано много печатей, на которых изображен крылатый Ахура-Мазда в солнечном диске. Под его фигурой выступают молящиеся люди. Изображения Ахура-Мазды встречаются в ахеменидский период в Египте и Вавилонии даже на печатях частных лиц²¹ [442, с. 24 и сл.; 479, с. 83; 464; 627, т. II, с. 9].

При Артаксерксе II антропоморфно изображались также Анахита и другие божества. Изображения Анахиты в длинном платье встречаются на печатях и монетах ахеменидского времени [587, с. 6]. На одной печати Артаксеркс II изображен перед Анахитой, наряженной в богатые одежды [647, с. 21, рис. 5]. По рассказу Курция Руфа (V, 6, 5), после взятия Персеполя Александр Македонский велел разбить изображения богов, которые были выставлены там.

Первоначальному зороастризму было чуждо и сооружение храмов [536, с. 369]. Отправление культа совершалось под открытым небом. А у Ахеменидов существовали храмы, причем это не маленькие помещения для хранения огня. Сохранились изображения Дария и других ахеменидских царей перед алтарем огня на гробницах в Накш-и Рустаме и печатях. Два великолепных алтаря, а также холм с пятью искусственными террасами известны в Пасаргадах, в самой северной части комплекса. Британская экспедиция в 1964 г. произвела раскопки в так называемой священной ограде. При этом была выяснена первоначальная конструкция алтарей. Один из них, южный, представляет собой массивный цоколь из блока светлого песчаника высотой 2,16 м,

²¹ Мнение Дж. Унвалы и А. Ш. Шахбази, что крылатое изображение на ахеменидских рельефах не относится к Ахура-Мазде, а является *фраваши* (двойник души и ангел-хранитель) царя, неубедительно [литература: 638].

утвержденного на базе из темного камня. С одной стороны к блоку пристроена лестница с семью ступенями, также из песчаника. Вероятно, первоначально по всем четырем сторонам блока находились небольшие ступенчатые алтари, типа алтаря, найденного археологами у гробницы Кира. На цоколе сохранились две плиты, напоминающие основание алтаря огня, изображенного на гробнице Дария.

Конструкция этого сооружения, бесспорно, относит его ко времени Кира. Террасовидный холм, находящийся за алтарями, как показали раскопки, также представлял собой ступенчатую платформу, на которую вела парадная лестница (нижняя терраса приблизительно 40×60 м, самая верхняя приблизительно 10×15 м). В центре платформы должно было находиться еще одно культовое сооружение — возможно, небольшой храм или алтарь. Вся эта конструкция была сооружена, вероятно, уже после смерти Кира.

О том, почему именно три культовые постройки возведены в пределах «священной ограды» Пасаргад и какому из божеств они были посвящены, можно высказывать лишь догадки. Существует предположение, что они были посвящены божественной триаде — Ахура-Мазде, Митре и Анахите, но в таком случае приходится думать, что зороастризм младоавестийского толка распространился уже при Кире и Дарии I. Предлагалась и другая триада, уже в духе Гат — Ахура-Мазда, Сраоша, Арта. Так или иначе, но перед нами несомненное свидетельство об алтарях огня уже в раннеахеменидскую эпоху [ср. 650, с. 224; 547, с. 61; 323, с. 67].

В Сузах раскопан храм огня, относящийся к эпохе Артаксеркса II, крыша которого держалась на четырех колоннах [235, с. 413, рис. 264]. Возможно, что храмами были и башенные здания в Пасаргадах и в Накш-и Рустаме. Башня в Накш-и Рустаме, возведенная, видимо, при Ксерксе, представляет собой кубическую постройку более шести метров в высоту, сложенную из великолепно обработанных плит светлого песчаника, со «слепыми окнами», обрамленными черным камнем. Здание венчает остроконечная крыша, оформленная имитацией зубчатого парапета. Цоколем зданию служит невысокая трехступенчатая платформа. Приблизительно в центре, по высоте здания, находится дверь в высокую, глухую, абсолютно темную комнату. К двери ведет длинная лестница с высокими ступенями.

Здание в Накш-и Рустаме (его называют «Ка'бой Зороастра») является точной репликой здания в Пасаргадах (так называемая «Тюрьма Соломона») и имеет прямой прототип в урартской архитектуре. Его конструктивные детали отчасти напоминают описанный выше алтарь Пасаргад.

Эти башни, скорее всего, были храмами, хотя судить об этом мы можем только по более поздним материалам — по монетам царей Парса III в. до н. э., где эти цари иногда изображались в молитвенной позе перед «Ка'бой Зороастра» или, быть может, храмом такого же типа, возведенным в Истахре, причем над ним

помещался символ Ахура-Мазды. Но, разумеется, пока нет никаких данных о том, кому были посвящены эти храмы и какие ритуалы в них совершались [ср. 606, с. 14 и сл.; 725, с. 253 и сл.]. К. Эрдмани считал эти здания дворцовыми храмами в отличие от святилища в Сузах, которое, по его мнению, было храмом, отражавшим народные верования [273, с. 11]. Но, когда стали известны и другие типы древнеиранских храмов, это мнение пришлось оставить [619, с. 1022]. Высказывалось также предположение, что упомянутые башни не являлись храмами огня, так как внутри них нельзя было хранить огонь (он там сразу потух бы), а были временными гробницами, где происходило бальзамирование тела царя [247, с. 74—78; 620, с. 185 и сл.]. По мнению некоторых ученых, «Ка'ба Зороастра» была государственным архивом [литература: 621, с. 188].

Как полагает К. Л. Оганесян, урартский храм в Эрбунни при Ахеменидах был превращен в новое святилище, напоминающее по своей композиции храм огня в Сузах. В Эрбунни был сооружен также и другой храм огня, где (как и в Сузах) имеются камера для хранения священного огня, зал для жертвоприношений и комната для жреца [31, с. 241].

Р. Гиршман, который на месте исследовал иранские храмы огня на террасах, отмечает, что эти храмы построены из громадных блоков и имеют внутренние помещения для хранения огня. Во время богослужения, которое проходило под открытым небом, огонь выносили наружу [307, с. 185; 314, с. 31; 315, с. 213 и сл.]. Вне храмов стояли также алтари огня, сооруженные из блоков светлого известняка.

Поэтому, когда Геродот (I, 131), Страбон (XV, 3, 13), Дионис (FHG II, с. 91, fr. 9) и другие античные авторы писали, что персы не ставят статуй богам и не воздвигают алтарей, а приносят жертвы под открытым небом на возвышенном месте, они, вероятно, имели в виду культ магов. Такое смешение легко могло произойти, поскольку маги всегда присутствовали при жертвоприношениях персов. Сам Страбон в другом месте своего труда (XV, 3, 5) рассказывает, что у персов имелись храмы огня — большие помещения, посредине которых находились алтари, где маги поддерживали неугасимый огонь. На монетах V в., выпущенных персидскими сатрапами, и на печатях из Персеполя также часто встречаются изображения алтарей огня [627, с. II, с. 9, рис. 20; о древнеиранских храмах огня см. также: 235, с. 401 и 413; 367, с. 28; 369, с. 231; 318; 671; 725, с. 86; 273; 620].

В «Киропедии» Ксенофонта постоянно говорится о почитании огня Киросом II. Согласно Диодору (XVII, 114, 4), в царском дворце хранился священный огонь, который гасили только во время похорон царя. Полиэн (VII, 12) пишет, что Дарий I поклонялся «бессмертному огню и священной воде». Курций Руф рассказывает, что во время походов священный вечный огонь носили перед царем на серебряных алтарях [ср. 445, с. 344

и сл.]. В древнеперсидском календаре был также месяц «поклонения огню».

Правда, культ огня характерен не только для Ахеменидов, но и для зороастризма, однако в обеих этих религиях почитание огня было общим индоиранским наследием. На территории Мидии на Нуш-и Джан-тепе в слое между 750—600 гг. Д. Стронах раскопал башнеобразный храм огня, сохранившиеся стены которого имеют в высоту 8 м. Внутри храма расположено треугольное внутреннее святилище площадью 11×7 м, которое украшено «слепыми окнами». В центре этого святилища, слева от единственной двери, находился алтарь огня высотой 185 см. Он состоял из цоколя и собственно алтаря в форме четырех ступенек. По лестнице огонь доставляли на крышу храма, чтобы он был виден издали. Это самое раннее из пока известных храмовых сооружений в Иране, существовавшее, по-видимому, еще до реформы Зороастра [652, с. 43 и сл.]. Раскопки Стронаха заставляют пересмотреть давно принятое в науке мнение, что мидийцы не сооружали храмов [см., например, у Г. Виденгрена: 722, с. 112]. О наличии у мидийцев храмов можно судить и по надписям ассирийских царей, в которых рассказывается об увозе добычи (в том числе и статуй богов) из этих храмов.

Отличие религии Ахеменидов от зороастризма показывает и тот факт, что сам Зороастр не упоминается в их надписях. Еще более примечательно, что Геродот, который любит рассказывать о мудрецах и философах, совсем не упоминает Зороастра (первое упоминание о нем в греческой литературе относится ко времени после 374 г. до н. э.). Это вряд ли было бы возможно, если имя Зороастра было популярно при персидском дворе [531, с. 273] Ахемениды не признавали его как посредника между Ахура-Маздой и людьми.

Персам было чуждо обожествление царей. Ахемениды считали себя лишь земными представителями богов. Правда, у Эсхила (Pers. 156—157 и др.) Дарий и Ксеркс выступают как «боги персов». Плутарх (Them. 27) также говорит об обожествлении персами своих царей, и, согласно Курцию Руфу (VIII, 5, 11), персы почитали своих царей как богов. Однако это явная грецизация. Некоторые ученые усматривают божественный статус персидских царей в обряде земного поклона (*проскенезис*), без совершения которого запрещалось предстать перед царем [721]. Однако Э. Бикерман показал, что *проскенезис* — приветствие, значение которого греки не поняли и исказили [149, с. 252 и сл.; ср. 284, с. 103]²².

В. В. Струве и Ж. Дюшен-Гиймен обратили внимание на различие религиозной терминологии ахеменидских надписей и

²² Ср. сообщение Геродота (I, 134), согласно которому при встрече персы одинакового положения целовали друг друга в уста, а если один по положению был ниже другого, первый целовал второго в щеки, если же его статус был совсем низкий, то он падал ниц.

Авесты [89, с. 142; 239, с. 121—123]. В надписях бог назван *baga*, т. е. термином, который в этом смысле не употребляется в Авесте, где божества называются *yazata*. Э. Бенвенист отмечает, что в надписях Ахеменидов постоянно используются термины, которым зороастризм придавал отрицательное значение [138, с. 45].

Резюмируя сказанное, можно отметить, что Ахемениды, подобно магам, почитали огонь и практиковали культ хаомы, и все это не противоречило предписаниям зороастризма. Но наряду с влиянием магов на Ахеменидов действовал и другой, не менее сильный фактор, а именно религия персидского народа, где культ стихийных сил природы и божеств, персонифицирующих их, был очень прочен.

Выше отмечалось, что среди ученых относительно древнеиранских религий существуют большие разногласия. Однако нередко такие расхождения вызываются тем обстоятельством, что Авеста памятник многослойный и между ее различными частями имеется немало противоречий. И. Гершевич справедливо указывает необходимость различать религию Гат (учение самого Зороастра), религию, отразившуюся в Младшей Авесте, и официальную веру в Иране сасанидского времени [300, с. 12]. И. М. Дьяконов также отмечает, что «досасанидские формы учения, связанного с именем Заратуштры, были очень разнообразны» [37, с. 185].

Постепенно в учение Зороастра было внесено много изменений, и в Младшей Авесте дуализм Гат контаминируется с политеизмом, так как кроме Ахура-Мазды там упоминаются и многие другие боги: Митра, Анахита, Веретрагна, Тиштрия и т. д. [ср. 300, с. 14].

На рубеже VI—V вв. в Персии зороастризм только начинал утверждаться, и ахеменидские цари, оценив преимущества учения Зороастра как своей новой официальной религии, тем не менее не отказались от культов древних племенных богов. В VI—V вв. зороастризм еще не стал догматической религией с твердо зафиксированными нормами, и, естественно, возникали различные модификации нового религиозного учения. В этом смысле с определенными оговорками можно сказать, что ахеменидская религия начиная со времени Дария I (о предшествующей эпохе пока нет надежных данных) была одной из форм раннего зороастризма, хотя и игнорировала некоторые его характерные признаки.

Религиозная политика Ахеменидов

Историческую картину развития религии Ахеменидов можно представить следующим образом.

Кир II и Камбиз, как и предшествовавшие им Ахемениды, еще целиком находились в плену древних религиозных представлений иранских племен, и трудно согласиться с предположением некоторых ученых, что они (или, во всяком случае, Кир) были

распространителями зороастризма [713, стб. 1165; 503, с. 80; 511, т. III, с. 18; 510, т. II, с. 58 и сл.; 716, с. 124; 382, с. 429; 385, с. 62]. По всей вероятности, верховное место в их пантеоне принадлежало не Ахура-Мазде, а Митре [ср. 248, с. 16 и сл., где Ж. Дюшен-Гиймен полагает, что Дарий в царском пантеоне заменил Митру, верховного бога Кира, Ахура-Маздой]. Верования Кира и Камбиза можно считать близкими к зороастрийским разве лишь на том основании, что, согласно Ксенофону (Сугор. IV, 5, 14 и др.), при дворе Кира жрецами были маги и в религиозных вопросах царь придерживался их указаний. Но в целом религия Кира, как ее излагает Ксенофонт, не похожа на зороастризм. Например, Ксенофонт (там же, VIII, 3, 24) говорит о сожжении в жертву богам лошадей и быков.

При Кире и Камбизе зороастризм не был еще широко известен и поэтому легко понять бесспорное влияние эламской, вавилонской и египетской религий на этих царей. Например, гробница Кира в Пасаргадах не имеет ничего общего с погребальными обрядами зороастрийцев. Согласно описаниям античных авторов, в этом многоступенчатом памятнике находились золотой гроб, золотое ложе, стол с кубками, драгоценные украшения и т. д. [см. выше, с. 246]. В 1970 г. Д. Стронах обнаружил над входом в гробницу Кира остатки большой сложной розетки, первоначально с золотыми или бронзовыми вставками и, вероятно, раскрашенной. По мнению Стронаха, это одно из первых символических изображений Ахура-Мазды. Но, пожалуй, скорее, прав Ж. Дюшен-Гиймен, полагающий, что это изображение является символом бога солнца Митры [248, с. 17]. В отличие от гробницы Кира могилы остальных Ахеменидов, начиная с Дария I, представляют собой ниши или саркофаги без всяких украшений.

Ранние Ахемениды относились к религиям покоренных народов очень благожелательно. Например, в Вавилонии Кир всячески покровительствовал возрождению древних культов и приносил жертвы местным богам. Трудно согласиться с теми исследователями, которые противопоставляют религиозную политику Кира и Камбиза или Камбиза и Дария I. Некоторые ученые полагают, что Кир благосклонно относился ко всем религиям, а Камбиз чувствовал отвращение к обожествлению животных египтянами и поэтому разрушал их храмы и в то же время, питая особую привязанность к иудаизму, покровительствовал элэфантинскому храму иудеев. По мнению этих исследователей, монотеистическая религия Яхве была ближе Камбизу и другим персидским царям, чем «грубые» культы халдеев, эламитов и египтян [233, с. 34 и сл.; 509, с. 311; 507, с. 77 и сл.; 531, с. 278; 254, с. 27; 499, с. 16; 503, с. 86; 615, с. 186 и 459]. А. Л. Оппенгейм полагает, что Камбиз в отличие от Кира открыто выражал свою неприязнь к вавилонским и египетским культам и шел на компромисс с ними только ради политических целей [554, с. 3501]. Но такое предположение трудно согласовать с источниками, в которых Камбиз

многократно заявляет о своем уважении к египетским святыням. Камбиз поклонялся египетским богам и приносил им жертвы. Например, в одной египетской надписи он назван «любимцем [богини] Уаджит, владычицы [города] Имет... владычицы неба», и далее в тексте говорится, что Камбизу «дана жизнь подобно [богу] Ра» [95, с. 177 и 411].

Правда, при завоевании Египта Камбиз сократил доходы храмов (см. ниже с. 348), но это не было актом безбожия, так как он отнюдь не мешал управлению культа. Камбиз, очевидно, стремился сломить мощь прежде всесильного жречества, лишив его больших привилегий и доходов. В конце своего правления, когда египтяне восстали против персидского господства, Камбиз, по-видимому, разрушил несколько египетских храмов. Но такие действия были продиктованы не его личными религиозными чувствами, а политическими соображениями, именно желанием лишить храмы их влияния на народ, чтобы легче было подавить восстание. Античные авторы подробно рассказывают о глумлении Камбиза над религиозными чувствами египтян, однако ни один египетский источник не подтверждает этих рассказов.

Нет оснований также говорить об особой благосклонности персидских царей по отношению к иудаизму. Разрешение Кира восстановить Иерусалимский храм и благожелательность Камбиза к элефантинскому храму иудеев, в частности, преследовали политические цели, чтобы создать плацдарм для нападения на Египет и чтобы позднее использовать элефантинских колонистов против сепаратистских стремлений египтян. Полагая, что Камбиз был благосклонен к иудаизму, часто ссылаются на письмо элефантинских колонистов к Багою, наместнику провинции Иудея [издание: АР, № 31]. В этом письме, которое датируется 407 г., говорится, что Камбиз, разрушая храмы египетских богов, не нанес никакого ущерба святилищу иудеев: «Во времена дней египетских царей наши отцы соорудили этот храм в Элефантинской [крепости, и когда Камбиз вступил в Египет], он нашел этот <храм> построенным. [Он разрушал] храмы египетских богов... но никакой [ущерб] этому храму не был нанесен». Однако изложенные в письме факты объясняются тем, что египтяне подняли восстание против персидского господства, а иудейские колонисты Элефантины оставались лояльными Камбизу. Кроме того, в письме преувеличенно подчеркивается разница в поведении Камбиза по отношению к храмам египетским и иудейскому, чтобы добиться восстановления последнего, когда он был разрушен египетскими жрецами [509, с. 304 и сл.].

Некоторые исследователи говорят о взаимодействии иудаизма и зороастризма во времена Кира и Камбиза и о заимствовании иудаизмом зороастрийских идей или же об обратном влиянии [342, с. 164—174; 438, с. 439—455; 208, с. 121; 215, с. 170 и сл.; 373]. Однако большинство сходных ключевых идей (ангелология, демонология, мессианство и эсхатология) в обеих религиях, по

всей вероятности, не было заимствовано, а являлось результатом параллельного развития [616, с. 228 и сл.; 639, с. 444; ср. 283, с. 75, 83 и сл.].

В Книгах Исайи, Эзры, Даниила и Эсфирь много говорится о заботе персидских царей об иудейской религии, что дало повод некоторым авторам полагать, что при Дарии I культ Яхве был объявлен высшим государственным культом всей Ахеменидской державы [166, с. 69; ср. Дан. VI, 26: Дарий повелел, чтобы все народы почитали Яхве]. Но, пожалуй, правы те исследователи, которые считают, что благосклонность персидских царей к иудейской религии преувеличена составителями Библии, мало заботившимися о реальной истории, но стремившимися придать бодрость своему народу, рассказывая, что великие цари Мидии и Персии признавали их бога и покровительствовали его поклонникам [681, с. 15].

При Кире и Камбизе и в самом Иране не было религиозных преследований. Но позднее положение меняется.

Дарий в Бехистунской надписи среди негативных мероприятий Гауматы на первое место ставит разрушение им храмов и соответственно среди собственных позитивных мероприятий выделяет их восстановление. Из этого видно, что в период царствования Гауматы происходила, в частности, и религиозная борьба.

Какие храмы имеются в виду в Бехистунской надписи и почему они были разрушены? Вопрос этот вызвал появление большой литературы и самые различные ответы, которые можно кратко суммировать следующим образом. 1) Речь идет о разрушении магми по причине религиозного фанатизма храмов покоренных народов и о восстановлении этих храмов Дарием, который руководствовался политическими соображениями [279, с. 23, примеч. 1; 278, с. 145; 224, т. III, с. LXXI; 329, с. 180; 209, с. 69; 396, с. 249; 536, с. 362; 614, с. 38, примеч. 16]. 2) Гаумата, будучи мидийцем, разрушал храмы персидского народа [146, с. 821; 392, с. 201; 362, с. 35; 503, с. 38; 259, с. 192]. 3) Гаумата разрушал храмы персидских царей [205, с. 289; 368, с. 52; 377, с. 150 и сл.; 273, с. 46; ср. 433, с. 121, где О. Клима полагает, что Гаумата, выдавая себя за представителя старшей линии Ахеменидов, разрушал храмы младшей линии ахеменидского рода, т. е. семейные святилища Дария]. 4) Гаумата, будучи противником зороастризма, разрушал зороастрийские храмы, а Дарий, будучи сам зороастрийцем, восстанавливал их [730, с. 125—129; 577, т. II, с. 121; 578, с. 3; 360, с. 440—441; 469, с. 63]. 5) Гаумата разрушал храмы Ахура-Мазды и покровительствовал культу верховного мидийского бога Митры, которому поклонялись также Кир и Камбиз; Дарий, восстановив культ Ахура-Мазды, совершил «белую революцию» [248, с. 16 и сл.].

Но ни одна из этих гипотез не представляется достаточно убедительной. Полагать, что Гаумата разрушал храмы покоренных народов, нет оснований, если не упускать из виду ту историческую обстановку, в которой он правил. Разрушение храмов покоренных

народов, несомненно, явилось бы поводом к их восстаниям, а греческие источники, наоборот, сообщают, что весть об убийстве Смердиса (Гауматы) опечалила подвластные персам народы. Поэтому надо полагать, что разрушение храмов коснулось только Персии и Мидии. Однако маловероятно, что Гаумата разрушал храмы персидского народа и царей или же зороастрийские храмы. Бардия-Гаумата (был ли он действительно сыном Кира или самозванцем) сел на трон как перс, как Ахеменид. Нет также оснований полагать, что Гаумата действовал в ущерб персам и в угоду мидийцам. Трудно говорить и о разрушении им зороастрийских храмов, поскольку нет никаких свидетельств о существовании таких храмов в период царствования Кира или Камбиза. По мнению Дж. Мессины, переворот Гауматы ставил своей целью распространение в Персии зороастризма. Поэтому, как полагает Мессина, Гаумата, вместо того чтобы добиваться привлечения персов на свою сторону, разрушал храмы племенных божеств, к которым персидский народ издавна питал большую привязанность [503, с. 80—90]. Мнение это заслуживает внимания, хотя в целом его принять трудно.

Вряд ли можно рассматривать переворот Гауматы как чисто религиозное дело. На первом месте стояла социально-политическая борьба между стремившейся к наибольшей централизации царской властью и персидской родовой знатью, отстаивавшей свои старые привилегии. И не случайно, что при такой исторической обстановке Гаумата обратился к зороастризму, религии универсальной, по духу своей мировой, не ограниченной племенными рамками [511, т. III, с. 98; 540, с. 59]. Однако Гаумата и не помышлял о превращении зороастризма в официальную религию всей державы. Он прежде всего стремился использовать зороастризм в борьбе против родовой знати, которая и в религиозной жизни отстаивала свою независимость. Родовая знать Персии, как и народ, поклонялась древнеиранским божествам, против которых выступал Зороастр. Разрушение храмов преследовало политическую цель, а не было следствием религиозного фанатизма. Гаумата стремился ослабить могущество родовой знати. Дело, конечно, не только в простом физическом разрушении храмов, а в лишении их силы и значения. Вряд ли разрушение храмов сколько-нибудь серьезно коснулось широких народных масс, на которые опирался Гаумата в борьбе против родовой знати. Если бы он разрушал храмы народных масс, как полагает Мессина, трудно было бы понять, почему он нашел единодушную поддержку со стороны большинства персидского народа. Так же трудно было бы понять, почему против Дария восстал персидский народ, если Дарий восстанавливал его храмы. Разрушению подвергались, как справедливо считает И. М. Дьяконов, только храмы персидской родовой знати [35, с. 433].

Но, если пока Гаумата ограничивался разрушением святилищ родовой знати, вряд ли можно сомневаться, что одной из задач переворота была централизация культа.

Эти тенденции были настолько своевременными, что даже Дарий, захвативший престол как ставленник родовой знати, не мог их полностью игнорировать. Он восстановил храмы незороастрийских божеств, однако и зороастризм не был им отвергнут. На этой основе возник тот синкретизм дозороастрийских древнеиранских религиозных традиций и зороастрийского учения, который, по существу, и является религией Ахеменидов. Этот синкретизм легко объяснить. Старые племенные божества не могли служить цели централизации государства. Эту роль мог выполнить только Ахура-Мазда, который был богом реформированной Зороастром веры. Только маги могли быть использованы для религиозного обоснования и укрепления царской власти. Поэтому в царском пантеоне верховным богом стал Ахура-Мазда.

Однако борьба против враждебных последнему племенных божеств одновременно явилась бы борьбой против родовой знати. На это Дарий не мог пойти, так как сам он был представителем этой знати и опирался на нее. Поэтому при Дарии были восстановлены и культы племенных божеств, хотя они и были поставлены ниже Ахура-Мазды. Вместе с превращением последнего в верховного бога маги стали придворными жрецами Ахеменидов (если они еще раньше не были ими).

При Ксерксе влияние и роль магов еще больше усилились. Цицерон (Leg. II, 26; De re publ. III, 9, 14) пишет, что Ксеркс именно по совету магов сжигал греческие храмы, поскольку маги считали, что храмом является весь мир и что грех запирать богов в стенах храмов.

Здесь уместно будет остановиться на так называемой Антидэвовской надписи Ксеркса, которая сохранилась на трех обычных для ахеменидских надписей клинописных языках, и при этом во многих экземплярах [424, с. 150 и сл.; 188, с. 470 и сл.].

Отметив, что «великий бог» Ахура-Мазда является создателем земли, неба и человека, а также перечислив страны, над которыми он сам правил, Ксеркс заявляет: «Когда я стал царем, есть среди стран, которые выше записаны, [страна, где было] восстание. Затем Ахура-Мазда принес мне помощь: волею Ахура-Мазды я низверг эту страну и поставил ее на место.

И среди этих стран была [такая], где прежде дэвы почитались. Затем волею Ахура-Мазды я разрушил это капище дэвов и провозгласил: „Дэвы не должны почитаться“. Там, где прежде почитались дэвы, я благочестиво поклонился Ахура-Мазде и *арге*.

И было [также] другое дело, что плохо сделано было: я его хорошо сделал. Что бы я ни делал, все [это] волею Ахура-Мазды я делал. Ахура-Мазда оказывал мне помощь, пока я не завершил делаемое.

Ты, который впоследствии подумаешь: „Да буду я счастливым при жизни, а после смерти — [принадлежащим] *арге*“, следуй закону, который установлен Ахура-Маздой, почитай Ахура-Мазду и

арту по бразманийскому [обряду]²³. Человек, который следует закону, который установлен Ахура-Маздой, и почитает Ахура-Мазду и *арту* по бразманийскому [обряду], он и при жизни будет счастлив, а после смерти будет [принадлежащим] *арте*.

В древнеперсидском варианте надписи говорится о подавлении восстания в одной из стран и о разрушении Ксерксом одного капища дэвов, но аккадский вариант при обоих существительных имеет множественное число («в странах» и «капища»). Какую страну и какой храм имеет в виду Ксеркс? Этот вопрос вызвал появление обширной литературы. Одни ученые считают, что в надписи речь идет о разрушении Ксерксом вавилонского храма Мардука [350; 292, с. 38; 536, с. 365 и сл.; 246, с. 8]. По мнению других, разрушению подверглись афинские храмы [468] или святилища сакского племени дахов [547, с. 232], или же храмы Бактрии [150, с. 90]. Высказывалось даже предположение, что в надписи речь идет о разрушении в 485 г. Иерусалимского храма Ксерксом [519]. Оригинальную и, по-видимому, правильную трактовку надписи предложил В. И. Абаев, который полагает, что в ее тексте речь идет о двух странах: в первой стране произошло восстание, а во второй Ксеркс ввел новый культ [4; Абаев склонен считать, что под мятежной страной имеется в виду Вавилония; ср. 184, с. 315, где А. Р. Бэрн полагает, что речь идет о восстании в Египте].

На наш взгляд, прав был Э. Херцфельд, считая, что в надписи подразумеваются святилища племенных божеств, т. е. Митры, Анахиты, Веретрагны и т. д. Однако трудно принять мнение Херцфельда, что борьба Ксеркса против упомянутых божеств была борьбой против магов, которые будто бы восстали против последнего [368, с. 129 и сл.]. Не исключено, что в надписи имеется в виду какая-то иранская область, где культ Ахура-Мазды еще не был признан. В этой связи большой интерес представляет предположение В. И. Абаева, что Ксеркс стремился добиться признания единого культа Ахура-Мазды «по всей территории ираноязычных провинций» [3, с. 116]. По всей вероятности, реформа Ксеркса была направлена к централизации культа в Персии и Мидии, но она не имела успеха, так как ко времени Артаксеркса II племенные божества были снова официально признаны. Возможно, разрушенные Ксерксом храмы были расположены в самом Персеполе. В 1968 г. итальянские реставраторы наткнулись в юго-западном углу террасы Персеполя на совершенно неожиданные объекты — высеченные из песчаника алтари, увенчанные двумя каменными «рогами». В центре некоторых алтарей были высечены различные изображения, а иногда и знаки какого-то из малоазийских алфа-

²³ Как указывает Ж. Дюпен-Гиймен, индийский жрец во время жертвоприношений богам обращался лицом к северу, а зороастрийцы избегали смотреть на север, где, по их представлениям, была расположена страна дэвов. Поэтому Ксеркс требует, чтобы во время молитв стояли спиной к дэвам и лицом к *арте*, олицетворявшей справедливость [241, с. 337].

витов. Эти алтари имеют очень далекие малоазиатские аналогии. Проведя пробные раскопки под террасой, реставраторы установили, что эти украшения, по следам инструментов и характеру обработки относящиеся, видимо, к эпохе до Ксеркса, были намеренно разрушены и сброшены с платформы. На некоторых из них заметны следы огня. Имеются основания полагать, что некогда на этом участке находился храм или дворец, намеренно уничтоженный при Ксерксе.

Вопрос, как ахеменидские цари, начиная с Дария I, относились к чужеземным религиям, требует особого рассмотрения. Диодор (I, 95, 4—5) пишет, что Дарий был обожествлен египетскими жрецами за заботливое отношение к святыням страны. Это сообщение подтверждается и египетскими источниками. Например, в одной египетской надписи говорится: «Дарий, рожденный богиней Нейт, владычицей Саиса... Когда он был в чреве матери и еще не явился на земле, Нейт признала его своим сыном и простерла ему свою руку с луком для повержения врагов его, как это она делала для своего сына Ра...» [95, с. 135].

Сравнительно недавно в Сузах была найдена статуя Дария I, когда-то стоявшая у входа в монументальные ворота, к востоку от *ападаны*. На прямоугольном постаменте Дарий изображен в образе египетского бога Атума (божество вечернего солнца), но в персидской одежде. Статуя имела магическую цель гарантировать Дарию вечные благодеяния со стороны египетских богов. Трудно сказать с полной уверенностью, была ли статуя предназначена с самого начала для установления в Сузах или была доставлена туда позднее. На ней сохранилась четырехязычная надпись; в клинописных вариантах, содержание которых идентично, в частности, говорится: «Вот каменная статуя, которую царь Дарий велел изготовить в Египте того ради, чтобы в будущем тот, кто увидит ее, знал, что перс владел Египтом». Возможно, что Дарий велел сделать статую в Египте специально, чтобы доставить ее в Сузы. Диодор (I, 58) пишет, что Дарий пожелал установить свою статую в храме города Мемфис и обсуждал с жрецами бога Птаха, где ее установить. Поэтому не исключено, что статуя Дария первоначально стояла в одном из гелиопольских храмов (поскольку в надписи упоминается гелиопольский бог Атум), а Ксеркс после подавления восстания египтян велел увезти ее, чтобы установить в Сузах²⁴. Высказывалось также предположение, что статуя была изготовлена из загросского известняка (но петрологический анализ не подтвердил этого) или из камня, доставленного из Мидии [литература: 425; 699; 588; 698; 563; 683].

В египетском тексте надписи говорится: «Бог добрый, владыка обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта) Дарий, да живёт он вечно. Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка творения

²⁴ Ср. сообщение Арриана (VII, 19, 2), согласно которому Ксеркс велел вывезти из Греции изображения богов и посвященные им предметы и доставить их в Вавилон, Пасаргады и Сузы.

вещи (т. е. обладающий волшебной силой)... государь, овладевший двойной короной (т. е. короной обеих частей Египта), великий главенством в сердцах всех людей, внушительный лицом для того, кто видит его, порождение Атума... Избранный (из прочих) Атумом, владыка Она (т. е. Гелиополя), чтобы (стать) владыкой всего того, что окружено солнечным диском (т. е. всей земли). Узнал он (т. е. Атум), что это — сын его, защитник его... Дала ему (богиня) Нейт свой лук, находившийся в ее руке, чтобы (он смог) повергнуть всех своих противников... Мощь его подобна (мощи бога войны) Монта... великан, царь царей... [сын] отца бога Виптасы, Ахеменид, воссиявший как царь Верхнего и Нижнего Египта на престоле Гора живых подобно Солнцу, предстоящему богам вечно... Изображение (т. е. статуя), сделанное... владыке обеих земель, сотворенное его величеством из желания установить свой памятник, чтобы помнили его особу наряду с отцом его Атумом... навечно. Сотворил он (бог Солнца) ему (царю) плату жизнью, процветанием всяким, здоровьем всяким, радостью всякой — как Солнцу» [перевод Е. С. Богословского; ср. издание и перевод надписи: 425, с. 254 и сл.].

Таким образом, Ахемениды (по крайней мере до Дария I включительно) выступали поклонниками египетских, вавилонских, греческих, иудейского Яхве и других чужеземных богов. В храмах этих богов приносились жертвы от имени персидских царей, которые стремились добиться благожелательного к себе отношения со стороны местных богов.

Однако в определенном противоречии с таким выводом находится заявление Дария в пятом столбце Бехистунской надписи о том, что эламцы и саки с остроконечными шапками не почитали Ахура-Мазду и поэтому оказались вероломными. Исходя из этого сообщения и из Антидавовской надписи, некоторые ученые высказывают мнение, что Дарий I и Ксеркс стремились добиться повсеместного признания народами Персидской державы культа Ахура-Мазды и устраивали военно-карательные экспедиции по религиозным мотивам. Например, С. Смит полагает, что из-за зороастрийских убеждений ранних Ахеменидов храм Эанна в Вавилонии пришел в упадок [UVB, т. I, с. 49]. Л. Вулли писал, что «при поздних персидских царях зороастризм заменил древнюю вавилонскую религию» [732, с. XI и 90]. По мнению А. Р. Берна, «в соответствии с религиозной нетерпимостью Ксеркса» персы разрушали храмы покоренных народов, что приводило к восстаниям против Ахеменидов [184, с. 317]. С таким выводом согласен и Р. Ценер, который полагает, что «Ксеркс преследовал дэвов по всей державе» [736, с. 154]. Согласно М. Майрхоферу, Ксеркс не видел необходимости терпимо относиться к чужеземным религиям [489, с. 163; см. также 3, с. 116 и сл.; 396, с. 294].

Однако, насколько Ахемениды (во всяком случае, еще в начале V в. до н. э.) были далеки от мысли навязать покоренным народам свою религию или ущемлять их религиозные чувства, по-

казывают документы крепостной стены. Из них видно, что в Персеполе и других городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахура-Мазды и других иранских богов, но также эламских богов Хумбана, Симута и аккадского бога Адада. При этом хотя при перечне богов Ахура-Мазда упоминается всегда на первом месте, но для его культа отпускается в три раза меньше вина, чем было предназначено для эламского бога Хумбана. Вообще боги иранского пантеона выступают в текстах реже, чем эламские боги, и, судя по размерам жертвоприношений и возлияний, отнюдь не занимают привилегированного положения. Как отмечает Р. Т. Халлок, экономическая администрация обращается со всеми богами как с равными [РФ, с. 5].

Параллельное существование разноплеменных (иранских, эламских и аккадских) культов в Персии и Эламе можно объяснить тем, что иранское население поклонялось Ахура-Мазде и другим иранским богам, эламиты оставались верными своей древней религии, а вавилоняне, находившиеся в Юго-Западном Иране в качестве работников царского хозяйства и чиновников государственного аппарата, молились своему богу Ададу²⁵. К этому еще можно было бы добавить, что Ахемениды терпимо относились к религиям покоренных народов, чтобы не создавать дополнительных трудностей на пути к мировому господству.

Такое заключение, хотя само по себе оно и верно, может быть, несколько упрощает реальное положение вещей. Прежде всего из персепольских текстов видно, что эламским богам Хумбану и Симуту и аккадскому Ададу жертвы приносят и совершают возлияния не только эламиты, но и жрецы с иранскими именами (например, Мардоний и Гобрий). Следовательно, по крайней мере часть персов, обитавших на исконной эламской территории Юго-Западного Ирана, поклонялась наравне со своими богами и эламским богам.

Здесь уместно будет вспомнить сообщение Геродота (VIII, 133—135) о том, что Мардоний, руководивший персидской армией, которая была оставлена в Греции для покорения этой страны, посылал своего представителя в различные греческие храмы с поручением запросить тамошних оракулов относительно исхода предстоявшей войны с противником. Перед решающей битвой при Платеях, в которой ему суждено было погибнуть, Мардоний, согласно Геродоту (IX, 37—38), приносил жертвы греческим богам «по эллинскому обычаю» с помощью местного жреца, нанятого за большое вознаграждение. Почему Мардоний не мог ограничиться предсказаниями иранских магов, которые находились при нем, а стал вопрошать греческих оракулов? Почему он приносил жертвы богам враждебных персам греков?

²⁵ Не исключено, однако, что Адад был включен в эламский пантеон еще во II тысячелетии и позднее воспринимался эламитами как их собственный бог (такое мнение высказал нам И. М. Дьяконов).

Хорошо известно, что Ксеркс во время своего похода против Греции разрушал храмы тех греческих государств, которые оказывали ему сопротивление. Однако историки мало задумывались над следующим удивительным сообщением Геродота (VIII, 54). Захватив Афины и разрушив храмы этого города, Ксеркс тем не менее собрал афинских изгнанников, принимавших участие в его походе, и велел им принести на акрополе жертвы греческим богам по местному обычаю. Имеются и другие свидетельства о том, что персы, находясь в Греции, поклонялись эллинским богам. Персидский полководец Датис, будучи на Лесбосе, «по приказу царя» поклонялся греческим богам Аполлону и Артемиде и приносил жертвы на их алтари (Herod. VI, 97). Подобным же образом греческие военачальники, находившиеся в Египте, многократно обращались в святилище Амона с просьбой дать прорицания и молились этому богу (Plut., Cimon. 17; Plut., Lys. 20).

Очевидно, все эти факты находятся в единой связи и не могут быть объяснены случайными причинами. К приведенным свидетельствам можно добавить и много других. Ксеркс приносил жертвы Афине Илионской в Малой Азии (Herod. VII, 43). Кир Младший держал на службе у себя греческого прорицателя (Xen., Anab. V, 4, 16—18 и др.). По утверждению Страбона (XI, 13, 9), у персов принято было почитать богов подвластных им народов. В частности, они почитали чужеземных богов на Балканском полуострове (Diod. VIII, 2). Дарий III, готовясь к вступлению в битву с войском Александра Македонского, помолился не только богам своего рода, но и всего царства (Plut., Alex. 30). Иранец Мегабиз был жрецом храма Артемиды в Эфесе, и персы молились в этом храме (Diog. Laert. I, 6, 7; II, 51; ср. Xen., Anab. V, 3, 6). В греческой области Троада в Малой Азии перед храмом Афины стояла статуя сатрапа Фригии перса Ариобарзана (Diod. XVII, 17, 6). Античные авторы рассказывают следующую любопытную историю. Когда Тир был осажден Александром Македонским, кто-то из жителей города видел сон, что Аполлон (греческое название местного бога) собирался покинуть город. Нануганные таким предположением жители приковали золотой цепью статую этого бога к постаменту. Позднее, захватив Тир, Александр велел расковать Аполлона и именовать его «другом Александра» (Curt. IV, 3, 22; Diod. XVII, 41, 7—8 и 46, 6). Перед битвой в Арбеле Александр пользовался услугами египетских прорицателей (Curt. IV, 10, 4). После его возвращения из Индии в Сузы эллинские жрецы и иранские маги совместно совершили возлияния богам (Arrian., Anab. VII, 11, 8). Умирая, Александр велел отвезти его тело в храм Амона (Curt. IX, 5, 4)²⁶.

Мардоний и Ксеркс, будучи в Греции, считали, что небесными

²⁶ Ср. [154, с. 72 и сл.], где Э. Бикерман приводит много случаев, когда египетские, вавилонские и ассирийские цари оказывали знаки внимания богам тех народов, которые они покорили.

хозяевами этой страны являются эллинские, а не иранские боги, которые мало чем могли помочь персам на чужбине. Подобным же образом греки, оказавшись по разным причинам в Египте, считали Амона всемогущим богом в этой стране. По этой же причине персы, жившие бок о бок с эламитами на древней родине последних, поклонялись не только своим традиционным богам, но также и богам этой страны, где они поселились. Другими словами, почитание ахеменидскими царями божеств покоренных народов было не только актом политической проницательности, как это обычно принято считать [537, с. 67 и сл.; 678, с. LXX; ср. 293, с. 36: Кир в своей веротерпимости руководствовался сознанием того, что консервативная политика поощрения древних храмов способствует укреплению его власти]. Хотя Ахемениды считали своего Ахура-Мазду самым могущественным богом, они веровали также и в богов покоренных народов, поклонялись им и искали у них поддержки²⁷. Поэтому нельзя согласиться с учеными, которые полагают, что персам были ненавистны греческие или другие чужеземные храмы [например, 727, с. 35]. Трудно также принять мнение тех исследователей, которые считают, что терпимость Ахеменидов к чужим религиям объясняется «внутренним величием» зороастрийской веры [430, с. 87 и сл.; 377, с. 154].

На первый взгляд почитание персами чужеземных богов может показаться странным. Однако древние религии (в том числе и иудаизм до Эзры и Неемии) не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов. Причинами религиозной терпимости на древнем Ближнем Востоке были не политические или моральные мотивы, а полное отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси, полное отсутствие расовой ненависти и чувства превосходства одного народа над другими. Поэтому лица, попавшие по каким-либо причинам на чужбину, сохраняя верность своим богам, тем не менее поклонялись и богам той страны, куда они прибыли. По той же причине персидский чиновник Ариарша, живший в Египте в конце VI — начале V в., поклонялся египетским богам (см. выше, с. 300). Другой перс, который жил в области за рекой Иордан, носил печать с арамейской подписью: «Гадата, благословенный

²⁷ Это наблюдение сделано Э. Бикерманом [154, с. 72 и сл.]. Сообщение составителей Библии о том, что Кир почитал Яхве, трактовалось Иеронимом, а вслед за ним и некоторыми историками нашего времени, как указание на то, что этот персидский царь выбрал Яхве в качестве своего единственного бога. Но, как это отмечает Бикерман, на самом деле здесь речь может идти только о том, что Кир включил иудейского бога в бесконечный список своих богов-защитников, распределенных по рангам в соответствии с их могуществом, и во главе этого списка стоял Ахура-Мазда, а отнюдь не Яхве или Мардук. Как заметил Бикерман, персидская администрация называла богов покоренных народов в соответствии с традиционными титулами этих богов (например, Мардук — «царь богов», Сия — «владыка небес и земли», Нейт — «владычица Саиса» и т. д.).

Милкомом», т. е. богом аммонитян. Подобным же образом иудеи, увведенные в Вавилонию Навуходоносором II, сохраняя веру в Яхве, считали, что последний может помочь им только тогда, когда он выведет их обратно в Иудею, а пока в плену необходимо заручиться и поддержкой местных богов. Когда Давид (будущий царь древнего Израиля) подвергся изгнанию из своей страны, его враги, насмехаясь над ним, говорили: «Иди, служи чужим богам», ибо, находясь в изгнании, он должен поклоняться богам той страны, куда прибыл (на эти факты наше внимание обратил Э. Бикерман). В свете всего сказанного легко понять и то глубокое почтение, с которым Геродот относится к чужеземным религиям. Лишь только отсутствием догматической нетерпимости в древних религиях можно объяснить тот факт, что одна арамейская надпись ахеменидского времени, найденная в Малой Азии, говорит о бракосочетании между вавилонским богом Белом и иранской богиней Дайна-маздаясниш («маздаяснийская вера»). Бел обращается к своей супруге со словами: «Ты — моя сестра; ты очень мудра и прекраснее, чем [другие] богини» [см. полный текст: 470, т. I, с. 69; 591, с. 28 и сл.; 14].

Правда, когда в Вавилонии вспыхнуло восстание, Ксеркс разрушил главный храм страны Эсагилу и велел вывезти оттуда статую бога Мардука. Ксеркс разрушил также несколько греческих храмов, — когда наступавшая персидская армия сталкивалась с сопротивлением эллинов²⁸. Однако эти действия, по-видимому, не дают достаточных оснований для утверждения, что Ксеркс проявлял религиозную нетерпимость. Во всяком случае, Ксеркс поклонялся тем самым богам, святилища которых он разрушал. Как нам представляется, разрушение храмов Ксерксом, к чему, впрочем, он прибегал лишь в качестве крайней меры, преследовало ту же цель, что и политика Кира, Камбиза и Дария I, искавших поддержки, в частности, у чужеземных богов. Другими словами, разрушая храмы и вывозя оттуда статуи богов, Ксеркс стремился лишить враждебное ему население помощи местных богов. В ряде случаев акции Ксеркса оказались исключительно эффективными. Например, Вавилония, которая дважды восставала при Дарии I и снова взялась за оружие в начале царствования Ксеркса, после разрушения Эсагилы и исчезновения статуи Мардука никогда больше не восставала и не стремилась к политической независимости. Теперь это было просто невозможно, так как вавилонским царем можно было стать, только приняв власть из рук Мардука, а Мардука в Вавилоне уже не было. Что же касается других храмов Вавилонии, они и при Ксерксе не подвергались преследованиям.

²⁸ Гаспространенный взгляд, что Ксеркс разрушил чуть ли не все храмы Греции, не соответствует действительности. Ср. Aesch., Pers. 810—812; Herod. VI, 19, 25 и др.; Strabo X, 3, 6; Diod. I, 95, 4; V, 63, 1; X, 3; XI, 14, 5; Cic., Leg. II, 26.

Храмы в Вавилонии, Египте и других наиболее развитых странах державы были крупными землевладельцами и рабовладельцами, занимались ростовщическими операциями, торговлей и т. д.

О размерах храмовых зданий в ахеменидский период определенное представление могут дать следующие цифры. Храм Эанна («дом небес») в Уруке занимал площадь 300×200 м (на 90×90 м простиралось само святилище, и к нему прилегалo 150 служебных и складских помещений) [463, с. 87]. Храм Эсагила в Вавилоне занимал площадь 80×80 м, святилище в Дидиме близ Милета — 106×48 м, Артемиды в Эфесе — 103×48 м [91, с. 284].

Храмы владели огромными стадами мелкого и крупного рогатого скота, а также большим количеством птицы (утки, куры и гуси), которые были необходимы для жертвоприношений. Согласно одному документу, лишь в течение года в храм Эанна поступило более 5000 кг шерсти [УВТ, VII, 27]. В Эанне были три «надзирателя над скотом», в распоряжении которых находилось около 150 «бригадиров». В подчинении у каждого из этих «бригадиров», в свою очередь, было много пастухов. В общей сложности на попечении каждого «бригадира» было около 500 голов крупного рогатого скота и 2000 голов мелкого скота, так что общее количество принадлежавшего Эанне крупного рогатого скота составляло 5000—7000 голов, а мелкого — 100 000 или 150 000.

Храмы обменивали излишки своей продукции на те предметы, которых они сами не имели или не производили (керамические изделия, строевой лес и т. д.), а также делали запасы продовольствия на случай голода.

Вся храмовая собственность считалась коллективным имуществом граждан данной храмовой округи. Храмы обеспечивали выполнение значительной части своих хозяйственных и культурных потребностей с помощью пребанды, т. е. распределения части храмовых доходов между гражданами в соответствии с видом и размером выполненной ими на храм работы. За выполнение определенных обязанностей владельцы пребанды получали право пользования храмовым имуществом (например, землей) или же им выдавали доходы натурой (зерном, финиками, мясом и т. д.). Например, на условиях получения доли из храмовых доходов работала часть пастухов, рыболовов, пекарей, пивоваров и т. д. Право на пребанду можно было продавать, передавать по наследству и сдавать в аренду другим гражданам с условием, что новый владелец или арендатор будет своевременно и добросовестно выполнять работу.

В персидской Вавилонии структура храмового управления была следующая. Высшее правление храма состояло из гражданского наместника в данном городе, начальника совета правления храма, его заместителя, управляющего хозяйственными делами,

писцов и заведующего царской кассой, явившегося государственным фискальным агентом. Начиная со времени правления Камбиза, часто упоминаются также «писцы царя», которые контролировали счетное дело в храме. Функции всех упомянутых чиновников носили административный характер, а культовой деятельностью занимались жрецы [ср. 600, с. 24 и сл.; 596]. Большинство текущих храмовых дел решалось совместно тремя лицами: начальником совета правления храма, его заместителем и царским уполномоченным. Но наиболее важные вопросы решало собрание представителей полноправных свободных (граждан) данной храмовой округи. Судя по спискам храмовых чиновников в Вавилонии, все они были вавилонянами (в отличие от других служебных ведомств, где работало много иранцев и других чужеземцев). Храмовые чиновники могли быть выбраны или назначены лишь из лиц, являвшихся членами народного собрания.

Крупным источником храмовых доходов были различные подати, самой значительной из которых являлась десятина. Судя по документам из Вавилонии, десятина уплачивалась в большинстве случаев ятменем и финиками, но нередко также серебром, эммером, сезамом, шерстью, одеждой, мелким и крупным рогатым скотом, птицей, рыбой и т. д.

Десятина приблизительно соответствовала десятой части доходов налогоплательщиков. Ее необходимо было платить с земли, которая находилась в собственности отдельных лиц, а также с доходов, которые получали арендаторы с взятой в аренду храмовой или другой земли. По-видимому, десятину платили все жители страны. Каждый уплачивал ее со своих доходов тому храму, близ которого он имел землю или другие источники дохода. Десятину платили земледельцы, пастухи, садовники, пекари, а также различные чиновники. Ремесленники тоже обязаны были платить десятину с продуктов своих изделий. Остальные платили ее с садов и полей, с приплода скота, с овечьей шерсти и т. д. Рыбаки отдавали десятую часть выловленной рыбы храму [27].

Храмовая десятина существовала и в других странах Ахеменидской державы, по крайней мере в Малой Азии, Иудее [Joseph., Ant. Jud. XI, 5—8] и Египте (по свидетельству контракта из Фив, заключенного в 510 г., при продаже земли покупателю кроме цены поля уплатил и десятину храму) [173, с. 170].

Невозможно согласиться с утверждением А. Т. Олмстеда, что после захвата Вавилонии персами десятину надо было платить государству, а не храму [547, с. 75]. В документах указывается, что десятина уплачивалась богам Шамашу, Эллилю, Мардуку, Сину и т. д.

В ахеменидский период произошли значительные изменения в храмовой политике, во всяком случае, в Вавилонии. Если халдейские цари и члены их семей платили храмам ежегодную десятину золотом, серебром, скотом и т. д., Ахемениды, хотя и сохранили эту десятину как обязательный налог с подданных,

сами не стали платить ее. Далее, цари халдейской династии редко вмешивались в храмовые дела, а вклад храмов в государственные доходы был незначителен, и наоборот, сами храмы получали в дар от царей земельные владения, рабов и т. д. Но уже при последнем халдейском царе Набониде, деятельность которого была связана с большими религиозными реформами, в храмах была создана специальная «касса царя», куда отчислялась определенная часть храмовых доходов.

После захвата Вавилонии персами Кир не отменил реформ Набонида, направленных на ограничение храмовой собственности. Наоборот, храмы Вавилонии при Ахеменидах обязаны были платить государству значительные натуральные подати мелким и крупным рогатым скотом, ячменем, сезамом, финиками, вином, пивом, маслом, пряностями, шерстью и т. д., а также снабжать продовольствием государственных чиновников (областенаачальников, писцов и т. д.) и доставлять корма скоту, принадлежавшему царю. Кроме того, храмы выполняли государственные повинности, посылая своих рабов (земледельцев, пастухов, садовников, плотников и т. д.) для работы в дворцовом хозяйстве в Вавилоне и других городах. В частности, храмовые рабы ухаживали за царским скотом, кормили и стригли его и т. д., а также формовали кирпичи для дворца.

Для обеспечения выполнения обязательств храмов перед государством в храмовое правление были введены царские уполномоченные и фискальные агенты, которые следили за своевременной и точной уплатой государственных податей и выполнением повинностей. В руки царских чиновников был дан также надзор над храмовым имуществом, и они часто устраивали ревизию этого имущества. Далее царские чиновники регулярно контролировали работу храмовых рабов, направленных для выполнения государственных повинностей [ср. 602; 28]. Остановимся на некоторых текстах.

Пять старших пастухов крупного рогатого скота — «имущества [богинь] Иштар Урукской и Наны, поклялись [богами] Белом и Набу и Киром, царем Вавилона, царем стран, управителю Эанны... царскому контролеру, распорядителю имуществом Эанны, [а также] писцу... и переводчику — гонцам Губару, заместника Вавилонии и Заречья, которые посланы для ревизии мелкого и крупного рогатого скота [богини] Белит Урукской: „Воистину ничего из крупного рогатого скота, который в нашем распоряжении, мы не утаим“. Если свидетель или следователь покажет, что [утаили], то они понесут наказание царя» [Pohl I, 61 — Урук, 531 г.].

«До 15-го дня месяца арахсамну 2-го года [правления] Камбиза, царя Вавилона, царя стран, Зерия... и Арад-Бел... главные пастухи мелкого скота, принадлежащего богине Белит Урукской, (каждый) должен пригнать [по] 100 молочных овец и козочек, всего 200 голов мелкого скота, относительно которого при-

было письменное распоряжение Фарнака, и доставить для царского стола во дворец города Абану.

Если к 28-му дню месяца арахсамну этот скот, а именно 200 [голов] не будет пригнан и во дворец в городе Абану не будет доставлен, они понесут наказание царя» [Pohl I, 67].

«[80] больших овец — имущество богинь Иштар Урукской и Наны, которых царский контролер [и] распорядитель имуществом [храма] Эанна, согласно письменному распоряжению Губару, наместника Вавилонии и Заречья, вывел из хлебов богини Иштар Урукской и для потребностей царя поручил Зерии... Он (Зерия) должен в 17-й день месяца арахсамну 2-го года Камбиза, царя Вавилонии, царя стран, пригнать в город Абану [и] для потребностей царя передать.

Если Зерия в свой срок этих овец, 80 [голов], не пригонит в дом царских потребностей и не передаст... то он понесет наказание Губару, наместника [Вавилонии] и Заречья» [GS II, 120].

В письме к управителю Эанны и царскому контролеру в этом храме чиновник, руководивший работой по изготовлению кирпичей для дворца, сообщает следующее. Работа тяжелая, и люди контролируются два-три раза в день. У них осталось совсем мало пищи и воды стоимостью всего на 3 сикля серебра. Поэтому необходимо срочно прислать деньги на хлеб и воду, ибо иначе люди оставят работу и убегут. Из одной партии работников, где насчитывалось 50 человек, на месте осталось всего 30. Беглых работников необходимо вернуть обратно [YBT III, 133]. В другом письме отправитель жалуется администрации храма Эанна на то, что дворцовый чиновник ежедневно бьет его, так как 500 человек не завершили своей работы. Автор письма просит прислать дополнительно новых работников, ибо он боится, что в противном случае его забудут до смерти [YBT III, 141]. По свидетельству одного документа, рабы храма Эанна были отправлены из Урука в Вавилон для выполнения государственных повинностей. Когда после завершения работы рабов привели обратно в Урук, храмовые чиновники спросили у одного из надзирателей над ними, какое распоряжение дал наместник Вавилонии относительно дальнейшего использования этих рабов [YBT VII, 70]. Определенный интерес представляет письмо, в котором сообщается, что лица, назначенные храмом для доставки продовольствия во дворец, зарезали и съели откормленную овцу, предназначенную для царского стола, а взамен передали управляющему царя тощую овцу [BIN I, 25].

В. Швенцер высказал предположение, что Кир после захвата Вавилонии, стремясь привлечь на свою сторону широкие массы населения, распорядился увеличить в два раза натуральные выдачи храмовым работникам [635, стб. 80—85]. Продовольственные нормы храмовых рабов действительно утверждались царем, так как в одном письме говорится: «Ты перед Камбизом изменил табличку [царей] Навуходоносора, Нергал-шар-уцура и Набо-

нида относительно продовольствия храмовых рабов» [УВТ III, 106; ср. также УВТ III, 45]. Но, судя по содержанию письма, где содержатся жалобы на голод, эти нормы были уменьшены, а не повышены.

Приведенные факты находятся в полном согласии с храмовой политикой Ахеменидов, которые не ущемляли религиозных чувств покоренных народов, но стремились урезать доходы храмов. В этом отношении особенно характерен указ Камбиза о финансовом управлении святилищами Египта. Как видно из текста, Камбиз сократил наполовину или прекратил совсем выдачу бесчисленных даров храмам серебром, птицей, зерном, строительным лесом, дровами для топлива и т. д., которые они получали от государства во время правления фараонов XXVI династии, особенно Априя и Амасиса, вынужденных для упрочения своей власти опираться на жрецов. При Камбизе только три храма (храм бога Птаха в Мемфисе, столице Египта, и святилище в Гермополе; название третьего храма не поддается уверенному чтению) сохранили свое исключительное положение. Остальным храмам выдачи скота были наполовину урезаны, а птицы — совсем отменены. В указе говорится: «Пусть жрецы сами вырапывают птицу, чтобы приносить жертвы богам». Что касается дров и строительного леса, храмам были отведены места в болотах Дельты и в Верхнем Египте, чтобы они сами заготавливали дрова. Общая сумма даров египетским храмам до указа Камбиза в денежном исчислении составляла 376 400 дебенов (1 дебен = 90,96 г) и превышала денежные подати, которые Египет платил в соответствии с реформами Дария I [DC с. 32—33; ср. 575, с. 170, примеч. 6; 509, с. 310; 174, с. 312 и сл.].

Возможно, что позднее Камбиз сделал новые исключения и восстановил привилегии еще некоторых храмов. Например, в его указе не упоминается храм богини Нейт в Саисе, но в надписи египетского сановника Уджагорресента говорится, что Камбиз вернул этому святилищу его доходы, «как это было прежде» [575, с. 171, примеч. 1; ср. Kraeling, с. 28; 174, с. 313]. По-видимому, при Дарии I суровая реформа Камбиза была несколько смягчена, и крупным храмам удалось добиться восстановления своих привилегий, вследствие чего Дарий завоевал благосклонность египетских жрецов. Судя по Геродоту (II, 37), и после реформ, затронувших экономические интересы храмов, египетские жрецы ежедневно получали из своих святилищ хлеб, говядину, гусятину и вино.

Относительно уплаты государственных податей храмами египетские источники скудны. По свидетельству папируса Райлендз IX, в саисский период настали «злые времена», и храмы были обложены налогами [294, с. 203]. Очевидно, Ахемениды сохранили или еще больше увеличили подати египетских храмов государству [ср., однако, 173, с. 134 и сл., где Э. Брешиани полагает, что имущество храмов и жрецов не облагалось налогами].

Но после правления Тахоса (т. е. после 360 г.) привилегии храмов снова были восстановлены.

Большой интерес представляет указ Дария I с повелением не взимать налогов с земледельцев, принадлежавших храму бога Аполлона в Магнесии (Малая Азия) и не привлекать их для обработки царской земли за то, что оракул Аполлона предсказал персам победу (очевидно, во время войны Кира с Лидией). По-видимому, в ответ на жалобы жрецов этого храма Дарий около 494 г. пишет управляющему своими имениями в Малой Азии Гадате: «За то, что ты пренебрегаешь моим указанием относительно богов, ты почуствуешь гнев моей души, если только ты не изменишь свои поступки; ты собрал подать со священных садовников Аполлона и приказал им обработать нехрамовую землю, не ведая о моих чувствах к этому богу, который сказал персам всю правду...» [SIG, I, № 22; последнее издание: 474].

По всей вероятности, к числу привилегированных храмов относилась и Эсагила в Вавилоне, пока она не была разрушена по приказанию Ксеркса, когда вавилоняне подняли восстание против персидского господства.

Еще Кир распорядился финансировать строительство Иерусалимского храма из налоговых поступлений Сирийской сатрапии (Esr. VI, 8). Позднее Артаксеркс I повелел хранителю царских лесов в Сирии отпускать строительный лес для потребностей этого храма. Кроме того, царь велел выдать из сокровищницы в Заречье до 100 талантов серебра, зерно, вино, масло и соль для потребностей этого святилища (Esr. VII. 15—22). Артаксеркс издал указ, освобождавший служителей Иерусалимского храма от налогов и пошлин (Esr. VII, 24).

Таким образом, можно уверенно полагать, что в Ахеменидской державе храмы, как правило, должны были платить налоги и выполнять государственные повинности. Но некоторые наиболее важные храмы занимали привилегированное положение и были освобождены от царских податей и повинностей.

По-видимому, в центральной царской канцелярии в Сузах существовало специальное учреждение для надзора над храмами. Например, предоставив Иерусалимскому храму ряд привилегий и финансовую поддержку, персидские цари одновременно принимали все необходимые меры, чтобы это святилище находилось под эффективным контролем персидской администрации. В частности, жрецы «молились о жизни царя и его сыновей» (Esr. VI, 10). В Иерусалиме, как и в других храмах, жертвы приносились от имени персидского царя [154, с. 72 и сл.]. По свидетельству Иосифа Флавия (Ant. Jud. XV, 11, 1), даже весовые меры Иерусалимского храма утверждались персидскими царями. Последние установили также дневные выдачи для персонала этого храма (Neh. XI, 23).

Из демотической переписки египетского наместника Ферендата с жрецами храма Хнума на Элефантине видно, что персидская

администрация в лице сатрапа осуществляла верховный надзор над назначением на жреческие должности. Правление храма обратилось к Ферендату с просьбой утвердить список жрецов, но он отклонил большинство предложенных кандидатур [Spiegelberg; ср. 174, с. 316]. В надписи сановника Уджагорресента возведение последнего в жреческий сан и дарение ему земли представлены как результат царского распоряжения [575, с. 166, примеч. 1]. В саисское время жрецы на должность храмового управителя назначались фараоном, и при Ахеменидах в теории такое положение продолжало сохраняться, хотя теперь обычно эти назначения осуществлялись сатрапом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ахеменидское государство было первой в истории мировой державой, провозгласившей вполне терпимое и доброжелательное отношение к культурным традициям десятков народов и племен. Она сумела обеспечить в течение значительного периода относительный мир на огромной территории, начиная от Египта и кончая Северо-Западной Индией, а также создать благоприятные условия для расцвета международной торговли и развития культурных контактов народов различных стран.

Социально-экономические и политические институты и культурные традиции, сложившиеся в ахеменидский период, сыграли большую роль в мировой истории и сохранялись в течение многих столетий, обслуживая государства Александра Македонского, Селевкидов, Птолемеев, парфян, Сасанидов и т. д. Вавилонское право, достигшее зенита своего развития при Ахеменидах, продолжало существовать при Селевкидах и парфянских правителях и оказало определенное влияние на формирование римского права. Успехи вавилонской астрономии, египетской медицины и греческой философии, первоначально возникшей и развивавшейся в подвластной персам Малой Азии, по праву считаются крупнейшими достижениями древних цивилизаций. Произведения искусства, созданные иранскими мастерами более 2000 лет назад, до сих пор поражают оригинальностью сюжетов и совершенством форм. Все это легко объясняет наблюдающийся во всем мире огромный культурно-исторический интерес к Ахеменидской державе.

ИСТОЧНИКИ

- АВИУ — И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ. 1951, № 2—4.
- ABL — L. Waterman. Royal correspondence of the Assyrian Empire. Ann Arbor, 1930.
- AD — G. R. Driver. Aramaic documents of the fifth century B. C. Ox., 1965.
- A-G — M. N. Aimé-Giron. Textes araméens d'Egypte. Le Caire, 1931.
- Aimé-Giron — M. N. Aimé-Giron. Fragments de papyrus araméens. — JA. 1921, c. 56—64.
- ALG — E. Diehl. Anthologia Lyrica Graeca. Vol. 1. Lipsiae, 1925.
- An Sen. — см. Luckenbill.
- AP — A. Cowley. Aramaic papyri of the fifth century B. C. Ox., 1923.
- Ars — J. N. Strassmaier. Arsaciden-Inscripfen. — ZA, Bd. 3. 1888, c. 129—158.
- ART — R. A. Bowman. An Aramaic religious text in Demotic script. — JNES. Vol. 3. 1944, c. 219—231.
- Bauer-Meissner — H. Bauer, B. Meissner. Ein aramäischer Pachtvertrag aus dem 7. Jahre Darius' I. — SPAW. 1936, c. 414—424.
- BE — The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform texts. Vol. 8. A. T. Clay. Legal and commercial transactions dated in the Assyrian, Neo-Babylonian and Persian periods, chiefly from Nippur; Philadelphia, 1908. Vol. 9. H. V. Hilprecht, A. T. Clay. Business documents of Murashû Sons of Nippur dated in the reign of Artaxerxes I. Philadelphia, 1898. Vol. 10. A. T. Clay. Business documents of Murashû Sons of Nippur dated in the reign of Darius II. 1904.
- BHT — S. Smith. Babylonian historical texts relating to the capture and downfall of Babylon. L., 1924.
- BIN — Babylonian inscriptions in the Collection of J. B. Nies. Vol. 1. C. E. Keiser. Letters and contracts from Erech, written in the Neo-Babylonian Period. New Haven. 1917. Vol. 2. J. B. Nies, C. E. Keiser. Historical, religious and economic texts and antiquities. New Haven, 1920.
- Bodl — R. C. Thompson. A Catalogue of the late Babylonian tablets in the Bodleian Library. L., 1927.
- Böhl — F. M. Th. Böhl. Assyrische en New-Babylonische Oorkonden. Amsterdam, 1936.
- Bowman — R. A. Bowman. Aramaic ritual texts from Persepolis. Chicago, 1970.
- Bresciani e Kamil — E. Bresciani, M. Kamil. Le lettere aramaiche di Hermopoli. — Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Ser. 8. Vol. 12. Fasc. 5. Roma, 1966.
- BRM — Babylonian records in the Library of J. P. Morgan, P. 1. A. T. Clay. Babylonian business transactions of the First Millennium B. C. N. Y., 1912.
- Burchardt — M. Burchardt. Datierte Denkmäler der Berliner Sammlung aus der Achämenidenzeit. — ZAS. Bd 49. 1911, c. 69—80.
- Camb — J. N. Strassmaier. Inschriften von Cambyses, König von Babylon. Lpz., 1890.
- CCK — D. J. Wiseman. Chronicles of Chaldaean Kings (626—556 B. C.) in the British Museum. L., 1961.
- CIWA — см. R.
- de Clercq — L. de Clercq. Collection de Clercq. T. 2. P., 1888.
- CT II, IV, XXII, XXXIII — Cuneiform texts from Babylonian tablets in the British Museum. P. 2, 4, 22, 33. L., 1866—1968.
- Cyr — J. N. Strassmaier. Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Lpz., 1890.

- Dar — J. N. Strassmaier. Inschriften von Darius, König von Babylon. Lpz., 1892.
- DC — W. Spiegelberg. Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der *Bibliothèque Nationale* zu Paris.— «Demotische Studien». H. 7. Lpz., 1915.
- EKBK — J. N. Strassmaier. Einige kleinere babylonische Keilschrifttexte aus dem Britischen Museum.— «Actes du Huitième congrès international des orientalistes». P. 2. Sect. 1. Leide, 1893. Beilage, c. 2—35.
- Erichsen — W. Erichsen. Eine demotische Schenkungsurkunde aus der Zeit des Darius.— AWL. 1962, № 6, c. 346—363.
- FHG — C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 1—3. P., 1841—1870.
- Figulla — H. H. Figulla. Lawsuit concerning a sacrilegious theft at Erech.— «Iraq». Vol. 13. 1951, c. 95—101.
- Freydank — H. Freydank. Spätbabylonische Wirtschaftstexte aus Uruk. B., 1971.
- FrGrH — F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, Leyden, 1923—1958.
- GC — Goucher College Cuneiform Inscriptions. Vol. 1. R. P. Dougherty. Archives from Erech, time of Nebuchadrezzar and Nabonidus. New Haven, 1923. Vol. 2. R. P. Dougherty. Archives from Erech, Neo-Babylonian and Persian periods. New Haven, 1933.
- Gilmore — J. Gilmore. The fragments of the *Persika* of Ktesias. L.—N. Y., 1888.
- Grayson — A. K. Grayson. Assyrian and Babylonian chronicles. Locust Valley, 1975.
- H — C. J. Gadd. The Harran inscriptions of Nabonidus.— AnSt. 8 (1958), c. 35—92.
- Hallock — R. T. Hallock. The Persepolis Fortification Archive.— Or., T. 42, 1973, c. 320—323.
- Hercher — R. Hercher. Epistolographi Graeci. P., 1873.
- IAD — A. Dupont-Sommer. Une inscription araméenne inédite d'époque perse trouvée à Daskyleion.— AIB. 1966, c. 44—57.
- Kr.— O. Krückmann. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Lpz., 1933.
- Kraeling — E. G. Kraeling. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New documents of the fifth century B. C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953.
- Knudtzon — J. A. Knudtzon. Assyrische Gebete an den Sonnengott für Staat und königliches Haus aus der Zeit Asarhaddons und Asurbanipals. T. 1—2. Lpz., 1893.
- Lambert — W. G. Lambert. Nebuchadnezzar King of Justice.— «Iraq». Vol. 27. 1965, c. 1—11.
- LBAT — A. J. Sachs, T. G. Pinches, J. N. Strassmaier. Late Babylonian astronomical and related texts. Providence, 1965.
- Levine — L. D. Levine. Two Neo-Assyrian stelae from Iran. The Royal Ontario Museum, Ontario, 1972.
- Luckenbill — D. D. Luckenbill. The annals of Sennacherib. Chicago, 1924.
- Mel. Duss.— E. F. Weidner. Jojachin; König von Juda, in babylonischen Keilschrifttexten.— «Mélanges Syriens offert à R. Dussaud». T. 2. P., 1939, c. 923—935.
- Mich — E. W. Moore. Neo-Babylonian documents in the University of Michigan Collection. Ann Arbor, 1939.
- Nbd — J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabonidus, König von Babylon. Lpz., 1889.
- Nenci — G. Nenci. Hecataei Milesii fragmenta, testo, introduzione, appendice e indici. Firenze, 1954.
- Nerab — P. Dhorme. Les tablettes babyloniennes de Neirab.— RA. T. 25. 1928, c. 53—82.

- NKI — S. Langdon. Die neubabylonischen Königsinschriften. Lpz., 1912.
- NRV — M. San Nicolò.— A. Ungnad. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden, Bd 1, Lpz., 1929—1937.
- NTPT — G. G. Cameron. New Tablets from the Persepolis Treasury.— JNES. Vol. 24. 1965, c. 167—192.
- Peek — Th. G. Pinches. Inscribed Babylonian tablets in the possession of Sir Henry Peek. P. 1—4. L., 1888—1890.
- PF — R. T. Hallock. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.
- Pinches — Th. G. Pinches. Two late tablets of historical interest.— PSBA. Vol. 38. 1916, c. 27—31.
- Pohl I—II — A. Pohl. Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner Staatlichen Museen. T. 1—2. Roma, 1933/1934 («Analecta Orientalia». Вып. 8—9).
- PTT — G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.
- PTTON — G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets old and new.— JNES. Vol. 17. 1958, c. 161—176.
- R — H. C. Rawlinson. The cuneiform inscriptions of Western Asia. Vol. 2—3. L., 1866, 1870.
- Sardis — E. Littmann. Sardis VI. Lydian inscriptions. P. 1. Leiden, 1916.
- SIG — W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum. T. 1. Lipsiae, 1915.
- Spiegelberg — W. Spiegelberg. Drei demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius' I., mit den Chnum-Priestern von Elephantine.— SPAW. 1928, c. 604—626.
- TCL — Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales. Textes Cuneiformes. T. 6. F. Thureau-Dangin. Tablettes d'Uruk à l'usage des prêtres du temple d'Anu au temps des Séleucides. P., 1922. T. 9. G. Contenau. Contrats et Lettres d'Assyrie et de Babylonie. P., 1926. T. 12. G. Contenau. Contrats néo-babyloniens I de Teglathphalasar III à Nabonide. P., 1927. T. 13. G. Contenau. Contrats néo-babyloniens II Achéménides et Séleucides P., 1929.
- Teixidor — J. Teixidor. Un nouveau papyrus araméen du règne de Darius II.— «Syria». T. 41. 1964, c. 285—290.
- Thureau-Dangin — F. Thureau-Dangin. Un relation de la huitième campagne de Sargon. P., 1912.
- UCP — H. F. Lutz. An Agreement between a Babylonian feudal lord and his retainer in the reign of Darius II.— «University of California. Publications in Semitic Philology». Vol. 9, № 3. Berkeley, 1928.
- UET — Ur. Excavations. Texts. Vol. 1. C. J. Gadd, L. Legrain, S. Smith. Royal inscriptions. L., 1928. Vol. 4. H. H. Figulla, Business documents of the New-Babylonian period. L., 1949.
- UM — A. T. Clay. Business documents of Murashû Sons of Nippur dated in the reign of Darius II.— «The University of Pennsylvania. The Museum. Publications of the Babylonian Section». Vol. 2. P. 1. Philadelphia. 1912.
- Ungnad — A. Ungnad. Neubabylonische Privaturkunden aus der Sammlung Amherst.— AfO. T. 19. 1960, c. 74—82.
- Vassal-treaties — D. J. Wiseman. The vassal-treaties of Esarhaddon. L., 1958.
- Waterman — cm. ABL
- Weidner — cm. Mel. Duss.
- Weisberg — D. B. Weisberg. Guild structure and political allegiance in early Achaemenid Mesopotamia. New Haven — London, 1967.
- Wiseman — cm. Vassal-treaties
- Xerx — B. T. A. Evetts. Inscriptions of the reigns of Evil-Merodach, Neriglissar and Laborosoarchod. Lpz., 1892 (Appendix, c. 91—94, No. 2—5).
- YBT — Yale Oriental Series. Babylonian Texts. Vol. 3. A. T. Clay. Neo-Babylonian Letters from Erech. New Haven, 1919. Vol. 6. R. P. Dougherty. Records from Erech, time of Nabonidus. New Haven, 1920. Vol. 7. A. Tremayne. Records from Erech, time of Cyrus and Cambyses. New Haven, 1925.

- ВДИ — «Вестник древней истории». М.
 ИАН — Известия Академии наук СССР. ОГН — Отделение гуманитарных наук; ОЛЯ — Отделение литературы и языка; СИФ — Серия истории и филологии.
 ИИГ — История иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
 ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Л.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., М.—Л.
 НАА — «Народы Азии и Африки». М.
 ОГН — Отделение гуманитарных наук АН СССР.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР.
 ПС — Палестинский сборник. Л.
 СА — «Советская археология». М.
 СИФ — Серия истории и филологии.
 AA — Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
 ActI — Acta Iranica. Collection fondée à l'occasion du 2500e Anniversaire de la fondation de l'Empire Perse par Cyrus le Grand. Leiden.
 AfO — Archiv für Orientforschung. Graz.
 AGWG — Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Göttingen.
 AHw — W. von Soden. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959—1976.
 AIB — Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. P.
 AiWb — Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
 AJA — American Journal of Archaeology. N. Y.
 AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
 AL — Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
 AMI — Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
 AnSt — Anatolian Studies, Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. L.
 ArAn — Archäologischer Anzeiger. B.
 ArOr — Archiv Orientální. Praha.
 ASAE — Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire.
 AWL — Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz.
 BA — Beiträge zur Assyriologie. Lpz.
 Bar — The Biblical Archaeologist. New Haven.
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Jerusalem — Baghdad.
 BCHI — Bastanchenasi va honar-e Iran. Tehran.
 BIE — Bulletin de l'Institut de l'Égypte. Le Caire.
 BIFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.
 BN — Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg.
 BO — Bibliotheca Orientalis. Leiden.
 BSLP — Bulletin de la Société de linguistique de Paris. P.
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
 CAD — The Assyrian dictionary of the University of Chicago. Chicago — Glückstadt, 1956—1976.
 CIS — Corpus inscriptionum Semiticarum. P.
 CRAI=AIB
 DAFI — Cahiers de la Délégation archéologique française en Iran. P.
 DAO — Der alte Orient. Lpz.
 EW — East and West. Roma.
 HUCA — Hebrew Union College annual. Cincinnati.
 IEJ — Israel exploration journal. Jerusalem.
 IJ — Indo-Iranian Journal. Leiden.
 Ir. An. — Iranica Antiqua. Leiden.
 Iran — Iran, Journal of the British Institute of Persian Studies. L.

- Iraq — Iraq. Journal of British Archaeology. L.
 JA — Journal Asiatique. P.
 JANES — The Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University. N. Y.
 JAOS — Journal of the American Oriental Society. New York — New Haven.
 JCS — Journal of Cuneiform Studies. New Haven (Conn.).
 JEBH — Journal of Economic and Business History. Cambridge (Mass.).
 JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden.
 JHS — Journal of Hellenic Studies. L.
 JJP — Journal of Juristic Papyrology. Warszawa.
 JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
 JQR — Jewish Quaterly Review. P.
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
 JTS — Journal of Theological Studies. L.
 KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen.
 MAI — Mission archéologique en Iran. Mémoires. P.
 MDAI — Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. P.
 MDP — France. Délégation en Perse, Mémoires. P.
 MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Lpz.
 MIFA — Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire. Le Caire.
 MMAI = MAI.
 MV — The Memorial Volume of the Vth International Congress of Iranian Art and Archaeology. Vol. 1. Tehran, 1972.
 MVAeG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft. Lpz.
 NC — Numismatic Chronicle. L.
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Lpz.
 Or. — Orientalia. Roma.
 OS — Orientalia Suecana. Stocholm.
 PEQ — Palestine Exploration Quaterly. L.
 PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology.
 PW — Reallexikon der klassischen Wissenschaft, hrsg. von Pauly-Wissowa-Kroll. Lpz.
 RA — Revue d'assyriologie. P.
 RB — Recueils de la Société Jean Bodin. Bruxelles.
 Rev. Ar. — Revue Archéologique. P.
 Rev. Bib. — Revue Biblique. P.
 RHR — Revue de l'histoire des religions. P.
 RIDA — Revue Internationale des droits de l'Antiquité. P.
 RIA — Reallexikon der Assyriologie. B.
 RP — Records of the Past. L.
 RSO — Rivista degli studi orientali. Roma.
 SCO — Studi classici e orientali. Roma.
 SPA — A Survey of Persian Art. London — New York.
 SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. B.
 StIr — Studia Iranica. P.
 TPA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Ann Arbor.
 TPS — Transactions of the Philological Society. L.
 UVB — Vorläufiger Bericht über die... in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. B.
 VS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Lpz.
 WO — Die Welt des Orients. Stuttgart.
 WVDOG — Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Lpz.
 WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie. Lpz., B.

ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Lpz.
 ZAW — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. B.
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Lpz.,
 Wiesbaden.
 ZvS — см. KZ
 YOS, Res. — Yale Oriental Series. Researches. New Haven.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Антидэвовская надпись Ксеркса. — Иранские языки. Труды Института языка и мышления АН СССР. Т. I. М. — Л., 1945, с. 134—140.
2. Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. — АгОг. Т. 24. 1956, с. 23—56.
3. Абаев В. И. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и Антидэвовская надпись Ксеркса. — ВДИ. 1963, № 3, с. 113—118.
4. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
5. Абаев В. И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. — Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 10—13.
6. Абаев В. И. Миф и история в Гатах Зороастра. — Историко-филологические исследования. Памяти Н. И. Конрада. М., 1974.
7. Абаев В. И. Зороастр и скифы. — АсIr. Sér. 2. Т. III, 1975, с. 1—12.
8. Алиев И. История Мидии. Баку, 1960.
9. Алиев И. [реф. на:] Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М. 1970.
10. Амузин И. Д. Денежно-весовая система обращения в древней Палестине в 1-й половине I тысячелетия до н. э. — Древний Восток. Города и торговля. Ер., 1973, с. 136—148.
11. Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. — Сочинения. Т. 7. М., 1971, с. 229—334.
12. Бартольд В. В. К истории персидского эпоса. — Сочинения. Т. 7. М., 1971, с. 383—408.
13. Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.
14. Боголюбов М. Н. Молитва Ахурамазде на древнеиранском языке среди арамейских надписей из Арбесуна. — ИИГ, с. 227—285.
15. Боголюбов М. Н. Арамейские надписи на ритуальных предметах из Персеполя. — ИАН ОЛЯ. Т. XXXII, 2, 1973, с. 172—177.
16. Боголюбов М. Н. Арамейская надпись из Таксилы. — «Вопросы языкознания». 1976, № 6, с. 64—69.
17. Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота. — Геродот. История (Перевод Г. А. Стратановского). Л., 1972, с. 457—499.
18. Вейнберг И. П. Город в палестинской гражданско-храмовой общине в VI—IV вв. до н. э. — Древний Восток. Города и торговля. Ер., 1973, с. 149—161.
19. Вейнберг И. П. Рабы и другие категории зависимых людей в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э. — ПС, 25, 1974, с. 63—66.
20. Вейнберг И. П. Коллективы, названные по местностям в ахеменидской Иудее, АгОг. Т. 42, 1974, с. 341—353.
21. Винников И. Н. Словарь арамейских надписей. — ПС. Вып. 3, 1958, с. 171—216.
22. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
23. Гиршман Р. М. Религия Ирана от VIII в. до н. э. и до конца ислама. Стенограмма лекции, прочитанной в Государственном Эрмитаже 20 мая 1976 г. (рукопись).
24. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

25. Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана.— ИИГ, с. 286—327.
26. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
27. Дандамаев М. А. Храмовая десятина в поздней Вавилонии.— ВДИ. 1965, № 2, с. 14—34.
28. Дандамаев М. А. Храм и государство в поздней Вавилонии.— ВДИ, 1966, № 4, с. 17—39.
29. Дандамаев М. А. Египетские поселенцы в Вавилонии в VI—V вв. до н. э.— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967, с. 15—26.
30. Дандамаев М. А. Клинописные данные об ариях.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 86—93.
31. Дандамаев М. А., Грантовский Э. А. 2500-летие иранского государства.— НАА. 1972, № 3, с. 237—243.
32. Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. М., 1974.
33. Доватур А. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
34. Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства.— ВДИ. 1951, № 2, с. 31—48.
35. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.— Л., 1956.
36. Дьяконов И. М. Рабовладельческие имения персидских вельмож.— ВДИ. 1959, № 4, с. 70—92.
37. Дьяконов И. М. [Рец. на:] Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.— ВДИ. 1964, № 3, с. 177—187.
38. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
39. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ер., 1968.
40. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса).— ИИГ, с. 122—154.
41. Дьяконов М. М. Сложение классового общества в северной Бактрии.— СА. Вып. 19. 1954, с. 121—135.
42. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
43. Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «*Historiae Philippicae*».— ВДИ, 1954, № 2.
44. Капанцян Г. Историко-лингвистические работы. Ер., 1956.
45. Кашкай С. М. Из истории Маннейского царства. Баку, 1977.
46. Книпович Т. «Греко-персидские» резные камни Эрмитажа.— «Сборник Эрмитажа». Вып. 3. 1937, с. 41—58.
47. Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра».— Арриан, Поход Александра. Перевод М. Е. Сергеевко. М.— Л., 1962, с. 5—44.
48. Ксенофонт. Греческая история. Перевод, вступительная статья и комментарий С. Лурье. Л., 1935.
49. Ксенофонт. Анабасис. Перевод М. И. Максимовой. М.— Л., 1951.
50. Лившиц В. А. «Зороастрийский» календарь.— Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., 1975, с. 320—332.
51. Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э.— ВДИ. 1966, № 3, с. 36—52.
52. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
53. Лурье С. Я. Геродот. М.— Л., 1947.
54. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА. Вып. 73. М.— Л., 1959.
55. Массон В. М., Лившиц В. А. [рец. на:] И. Алиев. История Мидии. Баку. 1960.— ВДИ. 1962, № 2, с. 126—137.
56. Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии. Ташкент, 1933.
- 56а. Медведская И. Н. Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана.— СА. 1977, № 1, с. 169—175.
- 56б. Медведская И. Н. Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана.— ВДИ. 1977, № 2, с. 93—105.
57. Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы истории маннейского царства.— ВДИ, 1949, № 1, с. 3—27.
58. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тб., 1954.

59. Меликишвили Г. А., Абаев В. И. [Рец. на:] И. М. Дьяконов. История Индии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956.—ВДИ. 1958, № 3, с. 166—172.
60. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
61. Мончадская Е. А. «Хорезмиец» Арташт.—ВДИ. 1968, № 2, с. 95—106.
62. Нейгебауер О. Точные науки в древности. М., 1968.
63. Опенгейм А. Л. Торговля на Ближнем Востоке в древности. V международный конгресс экономической истории. М., 1970.
64. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
65. Оранский И. М. Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи.—ВДИ. 1966, № 2, с. 107—116.
66. Перихаян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959.
67. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
68. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Т. 1. Ер., 1950.
69. Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток.—СА. Вып. 19, 1954, с. 158—169.
70. Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.—СА. 1958, № 1, с. 26—35.
71. Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.
72. Плутарх. Избранные биографии. Перевод с греческого под редакцией и с предисловием С. Я. Лурье. М.—Л., 1941.
73. Пьянков И. В. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э.—ВДИ. 1965, № 2, с. 35—50.
74. Пьянков И. В. Борьба Кира II с Астиагом по данным античных авторов.—ВДИ. 1971, № 3, с. 16—37.
75. Пьянков И. В. Образование державы Ахеменидов по данным античных источников.—ИИГ, с. 83—93.
76. Пьянков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов.—Древний Восток. Города и торговля. Ер. 1973, с. 126—135.
77. Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душ., 1975.
78. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
79. Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
80. Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968.
81. Савельева Т. Н., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале.—ВДИ. 1972, № 3, с. 106—123.
82. Смирнов Я. И. (Сообщение на заседании Классического отделения).—«Записки Русского археологического общества». Т. 8. Вып. 3—4, 1. сер.: «Труды Отделения археологии древне-классической, византийской и западноевропейской. Книга первая, 1895». СПб, 1896, с. 444—446.
83. Ставиский Б. Я. Средняя Азия и ахеменидский Иран.—ИИГ, с. 155—163.
84. Стеблин-Каменский И. М. Флора иранской прародины.—«Этимология 1972». М., 1974, с. 138—140.
85. Струве В. В. Манефон и его время. Гл. I.—ЗКВ, III. Вып. I. 1928, с. 109—185; гл. II.—ЗКВ, IV, 1930, с. 159—248.
86. Струве В. В. Списки Манефона царей позднего Египта.—Институт языка и мышления АН СССР. Язык и мышление. Т. 5. 1935, с. 103—123.
87. Струве В. В. Аренда податей в государстве Ахеменидов.—III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, с. 245—248.
88. Струве В. В. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов.—ИАН. СИФ. 1944, т. I, № 3, с. 128—140.
89. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

90. Тадмор Х. Три последних десятилетия Ассирии.— «Труды 25-го Международного конгресса востоковедов». Т. 1. М., 1962, с. 240—241.
91. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
92. Тиранян Г. А. Некоторые аспекты внутренней организации Армянской сатрапии.— «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», 1972, № 2, с. 99—115.
93. Тиранян Г. А. К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.).— Древний Восток. Города и торговля. Ер., 1973, с. 87—98.
94. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
95. Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. 2. СПб., 1913.
96. Тюрин В. О. Социальное положение *курташ* по документам из «Сокровищницы» Персеполя.— ВДИ. 1951, № 3, с. 21—39.
97. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
98. Фрейман А. А. Древнеперсидский календарь в свете новейших открытий.— ВДИ. 1946, № 3, с. 15—26.
99. Фрейман А. А. Плененный враг Дария — скиф Скунха.— ИАН ОЛЯ. Вып. 7. Ч. 3, 1948, с. 235—240.
100. Шилейко В. Печать царя Артаксеркса.— «Жизнь музея». Вып. 1. 1925, с. 17—19.
101. Эдаков А. Аренда земли в саисско-персидском Египте.— Проблемы всеобщей истории. М., 1974, с. 262—274.
102. Эдаков А. В. Новые надписи Ахеменидов.— ВДИ. 1976, № 1, с. 91—97.
103. Юсифов Ю. Б. Хозяйственные документы из Суз и хронология ранних Ахеменидов.— ВДИ. 1958, № 3, с. 18—32.
104. Юсифов Ю. Б. Царское ремесленное хозяйство в Эламе мидийско-персидского времени.— «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР». Вып. 13. 1958, с. 80—106.
105. Юсифов Ю. Б. Эламские хозяйственные документы из Суз.— ВДИ. 1963, № 2, с. 189—222; № 3, с. 201—261.
106. Юсифов Ю. Б. К вопросу об эламском престолонаследии.— ВДИ. 1974, № 3, с. 3—19.
107. Якубовский А. Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940.
108. Askroyd P. R. Israel under Babylon and Persia. L., 1970.
109. Africa Th. W. Herodotus and Diodorus on Egypt.— JNES. Vol. 22, 1963, с. 254—258.
110. Aharoni Y. Excavations at Ramat Rahel.— BAR. Vol. 24, 1961, с. 98—118.
111. Aimé-Giron N. Adversaria semitica.— BIFAO. Vol. 38. 1939, с. 1—63.
112. Aimé-Giron N. Adversaria Semitica III.— ASAE. Vol. 40. 1940, с. 433—460.
113. Akurgal E. Griechisch-persische Reliefs aus Daskyleion.— Ir. An. T. 6, 1966.
114. Albright W. F. Cilicia and Babylonia under the Chaldean kings.— BASOR. T. 120, 1960, с. 22—25.
115. Albright W. F. The Biblical period. Pittsburgh, 1950.
116. Alt A. Kleine Schriften. T. 2. München, 1959.
117. Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. T. 1. Halle, 1947.
118. Altheim. [Пер. на:] G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.— «Gnomon». Vol. 23. 1951, с. 187—193.
119. Altheim F., Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Lief. 1—3. Frankfurt am Main, [1961—1962].
120. Amandry P. A propos du Tresor de Ziwiyè.— Ir. An. T. 6. 1966, с. 109—129.
121. Amiet P. Glyptique Susienne des origines à l'époque des perses Achéménides. Vol. 1—2.— MDAI. Vol. 43. P., 1972.
122. Auboyer J. Les Achéménides et l'art de l'Inde ancienne.— AcIr. T. 2, 1974, с. 263—270.
123. Avigad N. A seal of a slave-wife.— PEQ. Vol. 68, 1946, с. 125—139.

124. Avigad N. Seals of exiles.—IEJ. Vol. 15. 1965, c. 222—232.
125. Babelon E. Les perses Achéménides. T. 1—2. P., 1901—1907.
126. Bailey H. W. Ariana.—OS IV, 1965.
127. Bailey H. W. Nasā and Fasā.—AcIr. T. VI. 1975, c. 309—312.
128. Balkan K. Inscribed bullae from Dascyleion-Ergili.—«Anatolia». Vol. 4. 1959, c. 123—128.
129. Barnett R. The Treasure of Ziwiye.—Iraq. T. 18. 1956, c. 111—116.
130. Barnett R. The Nimrud ivories in the British Museum. L., 1957.
131. Barnett R. Median Art.—Ir. An. Vol. 2. 1962, c. 77—95.
132. Bauer A. Die Kyros-Sage und Verwandte. Wien, 1882.
133. Baumgartner W. Das Aramäische im Buche Daniel.—ZAW. Bd. 45. 1927, c. 81—133.
134. Baumgartner W. Herodots babylonische und assyrische Nachrichten.—ArOr. T. 18. 1950, c. 69—106.
135. Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 2. Auflage. München, 1960.
136. Bengtson H. Die Staatsverträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. München, 1962.
137. Bengtson H. Griechen und Perser.—Fischer Weltgeschichte. Bd 5. Frankfurt am Main, 1965.
138. Benveniste É. The Persian religion according to the chief Greek texts. P., 1929.
139. Benveniste É. Études sur le vieux-perse.—BSLP. Vol. 47. 1951, c. 21—51.
140. Benveniste É. Notes sur les tablettes élamites de Persépolis.—JA. Vol. 246, 1958, c. 49—65.
141. Benveniste É. Coutumes funéraires de l'Arachosie ancienne.—A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh. L., 1962, c. 39—43.
142. Benveniste É. Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966.
143. Benveniste É. Hommes et dieux dans l'Avesta.—Festschrift für Wilhelm Eilers. Wiesbaden, 1967, c. 144—147.
144. Berger P.-R. Die neubabylonischen Königsinschriften. T. 1. Neukirchen-Vluyn, 1973.
145. Bernard P. Les mortiers et pilons inscrits de Persepolis.—StIr. Vol. 1. 1976, c. 165—176.
146. Bertin G. Herodotus on the Magians.—JRAS. Vol. 22. 1890, c. 821—822.
147. Bickerman E. J. Institutions des Séleucides. P., 1938.
148. Bickerman E. J. [Пер. на:] The intellectual adventure of ancient man. Chicago, 1946.—«Classical philology». T. 43. 1948, c. 58—60.
149. Bickerman E. A propos d'un passage de Chares de Mytilene.—«La parola del passato». Vol. 91. 1963, c. 241—255.
150. Bickerman E. The Seleucids and the Achaemenids.—La Persia e il mondo greco-romano (Accademia nazionale dei Lincei, № 76). Roma, 1966, c. 87—117.
151. Bickerman E. Four strange books of the Bible. N. Y., 1967.
152. Bickerman E. J. The «Zoroastrian» calendar.—ArOr. T. 35. 1967, c. 197—207.
153. Bickerman E. J. Calendar.—«Encyclopaedia Britannica». 1974, c. 604—606.
154. Bickerman E. The Edict of Cyrus in Ezra I.—Bickerman E. Studies in Jewish and Christian history. T. 1. Leiden, 1976, c. 72—108.
155. Bidez J., Cumont F. Les mages hellénisés. T. 1—2. P., 1938.
156. Biggs R. D. A Chaldean inscription from Nippur.—BASOR. T. 179. 1965, c. 36—38.
157. Bigwood J. M. Ctesias of Cnidus.—«Harvard studies in classical philology». Vol. 70. 1965, c. 263—265.
158. Bivar A. D. H. A «Satrap» of Cyrus the Younger.—NC. VIIIth series. Pt 1. 1961, c. 119—127.
159. Bivar A. D. H. A hoard of ingot-currency of the Median period from Nush-i Jan.—Iran. Vol. 9. 1971, c. 97—111.

160. Bivar A. D. H. Document and symbol in the art of the Achaemenids.—*AcIr. T.* 4. 1975, c. 49—67.
161. Bobrinskoy G. V. A line of Brāhmī (?) script in a Babylonian contract tablet.—*JAOS. Vol.* 56. 1936, c. 86—88.
- 161a. Boehmer R. M. Zur Datierung der Nekropole B von Tepe Sialk.—*ArAn. T.* 4. 1965, c. 802—822.
162. Bogaert R. Les origines antiques de la banque de dépôt. Leyde, 1966.
163. Boneschi P. L'inscription en caractères proto-arabes d'un cylindre-sceau babylonien.—*RSO. T.* 28. 1953, c. 105—107.
164. Bonkamp B. Die Bibel im Lichte der Keilschriftforschung. Recklinghausen, 1939.
165. Borger R., Hinz W. Eine Dareios-Inscription aus Pasargadae.—*ZDMG. Bd* 109. 1959, c. 117—127.
166. Bosanquet J. Chronology of the Medes, from the reign of Deioces to the reign of Darius.—*JRAS. Vol.* 17. 1859, c. 50—75.
167. Botti G. Busto di un dignitario della XXVII dinastia nel Museo Egizio di Firenze.—*«Bolletino d'arte del min. publ. istruz.».* Vol. 2. 1956, c. 1—3.
168. Bowman R. A. Arameans, Aramaic and the Bible.—*JNES. Vol.* 7. 1948, c. 65—90.
169. Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
170. Brentjes B. Studien zum Bewässerungsackerbau des Vorderen Orients.—*«Altorientalische Forschungen».* Vol. 1. 1974, c. 43—54.
171. Brentjes B. Die iranische Welt vor Mohammed. Lpz., [6. r.].
172. Bresciani E. Sacerdote di 'Anat.—*ASAE. Vol.* 55. 1958, c. 281—283.
173. Bresciani E. La satrapia d'Egitto.—*SCO. T.* 7. 1958, c. 132—188.
174. Bresciani E. Ägypten und das Perserreich, cm. Fischer Weltgeschichte. Bd 5. Frankfurt am Main, 1965, c. 311—329.
175. Briant P. Remarques sur «*laoi*» et esclaves ruraux en Asie Mineure hellénistique.—*Actes du colloque 1971 sur l'esclavage. Annales littéraires de l'université de Besançon. P.,* 1973, c. 93—133.
176. Briant P. Villages et communautés villageoises d'Asie Achéménide et hellénistique.—*JESHO. T.* 18. 1975, c. 165—188.
177. Briant P. D'Alexandre le Grand aux Diadoques: le cas d'Eumène de Kadria.—*«Revue des études anciennes».* T. 75. 1973, c. 43—81.
178. Briant P. Alexandre Le Grand. P., 1974.
179. Brinkman J. A. Ur: «The Kassite period and the period of the Assyrian kings».—*Or. T.* 38. 1969, c. 310—348.
180. Brinkman J. A. The inscribed silver fragment from Nush-i Jān.—*«Iran».* Vol. 9. 1970, c. 107.
181. Brundage B. C. Feudalism in ancient Mesopotamia and Iran.—*Feudalism in history.* Princeton, 1956, c. 93—119.
182. Bucci O. Giustizia e legge nel diritto persiano antico.—*«Apollinaris».* T. 45. 1972, c. 157—172.
183. Bucci O. Note di politica agraria Achemenide.—*Studi in memoria di Guido Donatuti. Vol.* 1. 1973, c. 181—190.
184. Burn A. R. Persia and the Greeks, the defence of the West, c. 546—478 B. C. L., 1970.
- 184a. Calmeyer P. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kermanshah. B., 1969.
185. The Cambridge ancient history. Vol. 4: The Persian Empire and the West. Cambridge, 1969.
186. Cameron G. G. History of early Iran. N. Y., 1936.
187. Cameron G. G. Darius' daughter and the Persepolis inscriptions.—*JNES. Vol.* 1. 1942, c. 214—218.
188. Cameron G. G. The «Daiva» inscription of Xerxes: in Elamite.—*WO, Bd* 2. 1959, c. 470—476.
189. Cameron G. G. The Elamite version of the Bisitun inscriptions.—*JCS. Vol.* 14. 1960, c. 59—68.

190. Cameron G. G. An inscription of Darius from Pasargadae.— «Iran». Vol. 5. 1967, c. 7—10.
191. Cameron G. G. Zoroaster the herdsman.— IJ. T. 10. 1968, c. 261—281.
192. Cameron G. G. The Persian satrapies and related matters.— JNES. Vol. 32. 1973, c. 47—56.
193. Cantineau J. Remarques sur la stèle araméenne de Sefiré-Soudjin.— RA. T. 28, c. 167—178.
194. Caplice R. I. The Akkadian *namburbi* texts: an introduction. Undena publications. Los Angeles, 1974.
195. Cardascia G. Les archives des Murašû. P., 1951.
196. Cardascia G. Le fief dans la Babylonie Achéménide.— RB. T. 1. Les liens de Vassalité. 1958, c. 55—88.
197. Cardascia G. Le statut de la femme dans les droits cuneiformes.— RB. T. 11. La femme. 1959, c. 79—94.
198. Cardascia G. Hatru.— RIA. Bd 4. 1972, c. 150—151.
199. Carratelli G. P. Greek inscriptions of the Middle East.— EW. Вып. 16. 1966, c. 31—36.
200. Caskel W. Arabien.— Fischer Weltgeschichte. Bd 4. Frankfurt am Main, 1967, c. 204—219.
201. Cavaignac E. Les deux routes d'Asie Mineure.— JA. T. 244. 1956, c. 341—347.
202. Cavaignac E. [Пер. на:] D. J. Wiseman. Chronicles of Chaldaean Kings (626—556 B. C.) in the British Museum. L., 1961.— OLZ. 1960, стр. 141—143.
203. Chahbazi Ch. Le «farré kiyani» sur un bas-relief représentant Cyrus le Grand à Pasargade.— BCH. Вып. 7/8. 1971, c. 26—29.
204. Chattopadhyaya K. Can we accept the traditional date of Zarathushtra?—Proceedings of the Twenty-sixth international congress of orientologists. Vol. 2. New Delhi, 1968.
205. Christensen A. Die Iranier. München, 1933.
206. Christensen A. [Пер. на:] G. G. Cameron. History of early Iran. N. Y. 1936.— OLZ. 1937, стр. 698—699.
207. Clay A. T. Aramaic indorsements on the documents of the Murašû sons.— Old Testament and Semitic studies in memory of W. R. Harper. Vol. 1. Chicago, 1903, c. 285—322.
208. Clemen C. Herodot als Zeuge für den Mazdaismus.— «Archiv für Religionswissenschaft». Bd 16. 1913, c. 401—421.
209. Clemen C. Die griechischen und lateinischen Nachrichten über die persische Religion. Giessen, 1920.
210. Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962.
211. Cooke G. A. A text-book of North-Semitic inscriptions. Ox., 1903.
212. Coulborn R. A comparative study of feudalism.— Feudalism in history. Princeton, 1956, c. 185—396.
213. Cross R. M. The Discovery of the Samaria papyri.— BAR. Vol. 26. 1963, c. 110—121.
214. Cross F. M. Papyri of the fourth century B. C. from Dâliyeh.— New directions in Biblical archaeology, ed. by D. N. Freedman and J. C. Greenfield. N. Y., 1971, c. 45—69.
215. Culucan W. The Medes and Persians. L., 1965.
216. Cuq E. Études sur la droit Babylonien, les lois Assyriennes et les lois Hittites. P., 1929.
217. Daiches S. The Jews in Babylonia in the time of Ezra and Nehemiah according to Babylonian inscriptions. L., 1912.
218. Dandamayev M. Foreign slaves on the estates of the Achaemenid kings and their nobles.— Труды 25-го международного конгресса востоковедов. Т. 2. М., 1963, c. 147—154.
219. Dandamayev M. A. Die Lehnbeziehungen in Babylonien unter den ersten Achämeniden.— Festschrift für W. Eilers. Wiesbaden, 1967, c. 37—42.
220. Dandamayev M. A. Bagasarū ganzabara.— Studien zur Sprachwissen-

- schaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für W. Brandenstein. Innsbruck, 1968, c. 235—239.
221. Dandamayev M. Achaemenid Babylonia.— *Ancient Mesopotamia*. M., 1969, c. 296—310.
 222. Dandamajev M. [Пер. на:] E. Herzfeld. The Persian Empire.— *OLZ*. 1972, cr.6. 475—481.
 223. Dandamayev M. A. The domain-lands of Achaemenes in Babylonia.— «Altorientalische Forschungen». T. 1. Berlin, 1974, c. 123—127.
 224. Darmesteter J. The Zend Avesta. Vol. 2—3. Ox., 1880—1883.
 225. Darmesteter J. *Études iraniennes*. P., 1883.
 226. Darmesteter J. Coup d'oeil sur l'histoire de la Perse. P., 1885.
 227. Debevoise N. C. A political history of Parthia. Chicago, 1938.
 228. Delaporte L. *Épigraphes araméens*. P., 1912.
 229. Delaunay J. A. A propos des Aramaic *ritual texts from Persepolis* de R. A. Bowman.— *AcIr*. T. 2, 1974, c. 193—217.
 230. Delbrueck R. Südasiatische Seefahrt im Altertum.— «Bonner Jahrbücher». Bd 155/156 (1955—1956), c. 8—280.
 231. Délebecque E. *Essai sur la vie de Xénophon*, P., 1957.
 232. Dhalla M. N. Zoroastrian theology from the earliest times to the present day. N. Y., 1914.
 233. Dhorme O. P. La religion des Achéménides.— *Rev. Bib.* T. 10. 1913, c. 13—35.
 234. Diakonoff I. M. The origin of the «old Persian» writing system and the ancient Oriental epigraphic and annalistic traditions.— *W. B. Henning memorial volume*. L., 1970, c. 98—124.
 235. Dieulafoy M. *L'acropole de Suse*. P., 1893.
 - 235a. Dossin G. Bronzes inscrits du Luristan de la collection Foroughi.— *Ir. An*. Vol. 2. 1962, c. 149—164.
 236. Dougherty R. P. The Sealand of ancient Arabia.— *YOS. Res.* T. 19. 1932.
 237. Driver G. R.— Miles J. C. The Babylonian laws. Vol. 1—2. Ox., 1952—1955.
 238. Dubberstein W. H. Comparative prices in later Babylonia.— *AJSL*. Vol. 56. 1939, c. 20—43.
 239. Duchesne-Guillemin J. Zoroastre. *Étude critique avec une traduction commentée des Gāthās*. P., 1948.
 240. Duchesne-Guillemin J. Ormazd et Ahriman. P., 1953.
 241. Duchesne-Guillemin J. Old Persian *artācā brazmaniy*.— *BSOAS*. Vol. 25/2. 1962, c. 336—337.
 242. Duchesne-Guillemin J. Fire in Iran and in Greece.— *EW*. Vol. 13, 1962, c. 198—206.
 243. Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. P., 1962.
 244. Duchesne-Guillemin J. Heraclitus and Iran.— *History of Religions*. Roma, 1963, c. 34—43.
 245. Duchesne-Guillemin J. L'expansion de Baga.— *Festschrift für Wilhelm Eilers*. Wiesbaden, 1967, c. 157—158.
 246. Duchesne-Guillemin J. Religion et politique, de Cyrus à Xerxes.— «Persica». Vol. 3. 1967—1968, c. 1—9.
 247. Duchesne-Guillemin J. La religion des Achemenides.— «Historia. Einzelschriften, 18: Beiträge zur Achämenidengeschichte». Wiesbaden, 1972, c. 59—82.
 248. Duchesne-Guillemin J. Le dieu de Cyrus.— *AcIr*. Première série. T. 3. Leiden, 1974, c. 11—21.
 249. Duchesne-Guillemin J. Art and religion under the Sasanians.— «Memorial Jean Menasce». Louvain, 1974, c. 147—154.
 250. Dupont-Sommer A. «Bēl et Nabū, Samaš et Nergal» sur un ostracon araméen inédit d'Éléphantine.— *RHR*. T. 128, 1944, c. 28—39.
 251. Dupont-Sommer A. Le syncrétisme religieux des juifs d'Éléphantine d'après un ostracon araméen inédit.— *RHR*. T. 130, 1945, c. 17—28.
 252. Dupont-Sommer A. Une stèle araméenne d'un prêtre de Ba'al trouvée en Égypte.— «Syria». Vol. 33. 1956, c. 79—87.

253. Dupont-Sommer A. Trois inscriptions araméennes inédites sur les bronzes du Luristan.— Ir. An. T. 4. 1964, c. 108—118.
254. Dutz W. Das Gebot des Königs. 1971. [B. m.].
- 254a. Dyson R. Protohistoric Iran as seen from Hasanlu.— JNES. Vol. 24. 1965, c. 193—217.
- 254b. Dyson R. A decade in Iran.— «Expedition». Vol. 11. 1969, c. 39—47.
- 254b. Dyson R. Hasanlu 1972.— Proceedings of the 1st annual symposium of archaeological research in Iran. Teheran, 1972, c. 1—9.
- 254r. Dyson R. Digging in Iran, Hasanlu 1958.— «Expedition». Vol. 1. 1959.
255. Dyson R. The Hasanlu Project, 1961—1967.— MV, c. 39—58.
- 255a. Dyson R. The Archaeological evidence of the second millennium B.C. on the Persian plateau.— Cambridge Ancient History. Vol. 2. P. 1. Cambridge, 1973, c. 686—715.
256. Ebeling E. Aus dem Leben der jüdischen Exulanten in Babylonien.— Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht des Humboldt-Gymnasiums. Berlin, 1914.
257. Ebeling E. Die Rüstung eines babylonischen Panzerreiters nach einem Verträge aus der Zeit Darius II.— ZA. Bd 50. 1952, c. 203—213.
258. Eveling E. Der Eid der Pachtabgabebauflieger (*êmedu*) von Uruk in neubabylonischer und persischer Zeit.— WO. Bd 2. 1954, c. 46—51.
259. Ehtéšam M. L'Iran sous les Achéménides. Fribourg, 1946.
260. Eilers W. [Пер. на:] O. Krückmann. Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Weimar, 1931.— OLZ, 1934, c. 89—100.
261. Eilers W. Kleinasiatisches.— ZDMG. Bd 94. 1934, c. 189—233.
262. Eilers W. [Пер. на:] O. Krückmann. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Lpz., 1933.— AfO. Bd 9. 1934, c. 332—335.
263. Eilers W. Eine mittelpersische Wortform aus der frühachämenidischer Zeit? — ZDMG. Bd 90. 1936, c. 160—200.
264. Eilers W. Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Ueberlieferung. T. 1. Lpz., 1940.
265. Eilers W. [Пер. на:] G. Cardascia. Les archives des Murašû. P., 1951.— ZA. Bd 51. 1955, c. 270—273.
266. Eilers W. Akkad. *kaspum* «Silver, Geld und Sinnverwandtes». — WO. T. 2. 1957, c. 322—337.
267. Eilers W. Neue aramäische Urkunden aus Ägypten.— AfO. Bd 17. 1957—1958, c. 322—335.
268. Eilers W. Die Ausgrabungen in Persepolis.— ZA. Bd 53. 1959, c. 248—260.
269. Eilers W. Der Keilschrifttext des Kyros-Zylinders.— Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1974, c. 156—166.
270. Eilers W. [Выступление на дискуссии на Конференции ориенталистов ФРГ].— ZDMG. Supplementa I. T. 3. 1969, c. 1029—1030.
271. Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1956.
272. Elwell-Sutton L. A guide to Iranian study. Ann Arbor, 1952.
273. Erdmann K. Das iranische Feuerheiligtum. Lpz., 1941.
274. Erdmann K. Persepolis — Versuch einer Deutung.— «Akten des Vierundzwanzigsten internationalen Orientalistenkongresses». München, 1959, c. 469—471.
275. Excavations in Iran. The British contribution. Ox., 1972.
276. Falk Z. W. Zum jüdischen Bürgerschaftsrecht.— RIDA. Sér. 3. T. 10, 1963, c. 43—54.
277. Falkenstein A. [Пер. на:] G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.— WO. Bd 1, 1952, c. 503—506.
278. Foy W. Altpersisches und Neuelamisches.— ZDMG. T. 54. 1900, c. 145—156.
279. Foy W. Beiträge zur Erklärung der altpersischen Keilinschriften.— KZ. Bd 35. 1899, c. 1—78; Bd 37. 1904, c. 486—575.
280. Frankena R. Tākultu. Leiden, 1954.
281. Frankfort H. Achaemenian sculpture.— AJA. Vol. 50. 1946, c. 6—14.

282. Friedrich J. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. B., 1932.
283. Frye R. N. Iran und Israel.—«Festschrift für Wilhelm Eilers». Weisbaden, 1967, c. 74—84.
284. Frye R. N. Gestures of deference to royalty in ancient Iran.—*Ir.An.* T. 9. 1972, c. 102—107.
285. Frye R. N. Persepolis again.—*JNES.* Vol. 33. 1974, c. 383—386.
286. Frye R. N. Iranian religions before Islam.—*Religions in Antiquity.* Leiden, 1968, c. 583—589.
287. Frye R. N. Methodology in Iranian history.—*Neue Methodologie in der Iranistik*, hrsg. von R. N. Frye. Wiesbaden, 1974, c. 57—69.
288. Gabra S. Lettres araméennes trouvées à Touna el Gebel (Hermopolis Ouest).—*BIE.* T. 28. 1947, c. 161—162.
289. Gadd C. J. The fall of Nineveh. L., 1923.
290. Gall H. von. Entwicklung und Gestalt des Thrones im vorislamischen Iran.—*AMI. N. F.* Bd 4. 1971, c. 207—235.
291. Gall H. von. Die Kopfbedeckung des persischen Ornats bei den Achämeniden.—*AMI. N. F.* Bd 7. 1974, c. 145—162.
292. Galling K. Syrien in der Politik der Achaemeniden bis zum Aufstand des Megabyzos 448 v. Chr.—*DAO.* Bd 26. 1937.
293. Galling K. Studien zur Geschichte Israels im persischen Zeitalter. Tübingen, 1964.
294. Gardiner A. H. The Wilbour papyrus IX. Vol. 2. Ox., 1948.
295. Gardner P. The gold coinage of Asia before Alexander the Great. L., 1908.
296. Gauthier H. Le livre des rois d'Egypte. T. 1—5. Kairo, 1907—1917.
297. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.
298. Gershevitch I. [Per. na:] G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.—«Asia Major». New Series. Vol. 2. 1952, c. 132—144.
299. Gershevitch I. Sissoo at Susa.—*BSOAS.* Vol. 19. 1957, c. 317—319.
300. Gershevitch I. Zoroaster's own contribution.—*JNES.* Vol. 23. 1964, c. 12—38.
301. Gershevitch I. Dialect variation in early Persian.—*TPS.* 1964, c. 1—29.
302. Gershevitch I. Contributions to [NTPT].—*JNES.* Vol. 24. 1965, c. 182—187.
303. Gershevitch I. Iranian nouns and names in Elamite garb.—*TPS.* 1969, c. 165—200.
304. Gershevitch I. Amber at Persepolis.—*Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata.* Vol. 2. Roma, 1969, c. 167—251.
305. Gershevitch I. Editor's preface.—*The Cambridge history of Iran.* Cambridge, 1971, c. 1—9.
306. Gershevitch I. An Iranian's view of the Soma controversy.—*Memorial Jean de Menasce.* Louvain, 1974, c. 45—75.
- 306a. Ghirshman R. Fouilles de Sialk, près de Kashan. T. 2. P., 1939.
307. Ghirshman R. La tour de Nourabad. Étude sur les temples iraniens anciens.—«Syria». Vol. 24. 1945, c. 175—193.
308. Ghirshman R. Cinq campagnes de fouilles à Suse, 1946/1951.—*RA.* Vol. 46, 1952.
309. Ghirshman R. Village Perse-Achéménide.—*MMAI.* T. 36. 1954.
310. Ghirshman R. Notes iraniennes VII. A propos de Persepolis.—«*Artibus Asiae*». Vol. 20. 1957, c. 265—278.
311. Ghirshman R. Perse. Proto-iraniens, Médes, Achéménides. P., 1962.
312. Ghirshman R. L'Apadana de Suse.—*Ir.An.* T. 3. 1963, c. 148—154.
313. Ghirshman R. A propos de l'écriture cunéiforme vieux-perse.—*JNES.* Vol. 24. 1965, c. 244—250.
314. Ghirshman R. Les sanctuaires de Masjid-i Solaiman.—*AIB.* 1972, c. 30—40.
315. Ghirshman R. Les tribus perses et leur formation tripartite.—*AIB.* 1973, c. 210—221.

316. Ghirshman R. À propos du Trésor de Ziwiye.— JNES. Vol. 32. 1973, c. 445—452.
317. Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam. P., 1976.
318. Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. ère. T. 1—2. P., 1976.
319. Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, 1977.
320. Ginsberg H. L. Aramaic dialect problems.— AJS. Vol. 50. 1933, c. 1—9; T. 52. 1936, c. 95—103.
321. Giron N. Vase quadrilingue au nom d'Artaxerxès.— RA. Bd 18. 1921, c. 143—144.
322. Gnoli Gh. Politique religieuse et conception de la royauté sous les Achéménides.— AcIr. T. 2. 1974, c. 117—190.
- 322a. Godard A. Bronzes du Luristān.— «Athar-e Iran». T. 3. 1938, c. 233—261.
323. Godard A. Les monuments du feu.— «Athar-e Iran». T. 3. 1938, c. 67—72.
324. Godard A. Le trésor de Ziwiye. Haarlem, 1950.
325. Godard A. À propos du trésor de Ziwiye.— «Artibus Asiae». T. 14. 1951, c. 240—245.
326. Goetze A. Cilicians.— JCS. Vol. 16. 1962, c. 48—58.
327. Goossens G. Artistes et artisans étrangers en Perse sous les Achéménides.— «La nouvelle Clio». T. 1/2. 1949, c. 32—44.
328. Gordon C. H. The Aramaic incantation in cuneiform.— AfO. Bd 12. 1937—1939, c. 105—117.
329. Gray L. H. The religion of Achaemenian according to their non-Iranian inscriptions.— JAOS. Vol. 21. 1901, c. 177—184.
330. Grayson A. K. Cronache dell'impero Neo-Babilonese.— «Biblia e Oriente». Vol. 6. 1964, c. 191—205.
331. Greenfield J. C. The «periphrastic imperative» in Aramaic and Hebrew.— IEJ. Vol. 19. 1969, c. 199—210.
332. Greenfield J. C. Hamarakara > 'Amarkal.— W. B. Henning memorial volume. L., 1971, c. 180—186.
333. Greenfield J. C. Iranian vocabulary in early Aramaic.— AcIr. T. 2. 1974, c. 245—246.
334. Grelot P. Documents araméens d'Égypte. P., 1972.
335. Griffith F. L. Catalogue of the Demotic papyri in the John Rylands library at Manchester. Vol. 3. Manchester, 1909.
336. Grimme H. Beziehungen zwischen dem Staate der Lihjan und dem Achämenidenreiche.— OLZ. 1934, c. 337—343.
337. Groningen B. A. van. Aristote, le seconde livre de l'économie. Leiden, 1933.
338. Grosso F. Gli Eretriesi deportati in Persia.— «Rivista di filologia e di istruzione classica». Vol. 36. 1958, c. 350—375.
339. Gry L. Israélites en Assyrie, juifs en Babylonie.— «Le Muséon». T. 35. 1922, c. 153—185; T. 36. 1923, c. 1—26.
340. Gutschmid A. Kleine Schriften. Bd 3, 5, Lpz., 1892, 1894.
341. Gyles M. F. Pharaonic policies and administration, 663 to 323 B.C. Chapel Hill, 1959.
- 341a. Hakemi A. Kaluraz et la civilisation des Mardes.— «Archaeologia vivante». T. 1. 1968, c. 63—65.
342. Halévy J. Influence du Pentateuque sur l'Avesta.— «Revue Semitique». T. 4. 1894, c. 164—174.
343. Hallock R. T. A new look at the Persepolis treasury tablets.— JNES. Vol. 19. 1960, c. 90—100.
344. Hallock R. T. On the Old Persian signs.— JNES. Vol. 29. 1970, c. 52—55.
345. Hallock R. T. The evidence of the Persepolis tablets.— «The Cambridge history of Iran». Cambridge, 1971.
346. Harmatta J. A recently discovered old Persian inscription.— AA. T. 2. 1954, c. 1—16.

347. Harmatta J. *Elamica I.*—AL. T. 4. 1954, c. 287—311.
348. Harmatta J. Das Problem der Kontinuität im frühhellinistischen Ägypten.—AA. T. 11. 1963, c. 199—213.
349. Harmatta J. The Bisitun inscription and the introduction of the Old Persian Cuneiform script.—AA. T. 14. 1966, c. 255—283.
350. Hartmann H. Zur neuen Inschrift des Xerxes von Persepolis. *Arta und brazman* bei den Achämeniden.—OLZ. 1937. стр. 145—160.
351. Head B. V. The coinage of Lydia and Persia from the earliest times to the fall of the dynasty Achaemenidae. L., 1877.
352. Hemmy A. S. The weight-standards of ancient Greece and Persia.—«Iraq». Vol. 5. 1938, c. 65—81.
353. Henning W. B. Arabisch *harāg*.—Or. T. 4. 1935, c. 291—293.
354. Henning W. B. The Disintegration of the Avestic studies.—TPS. 1942, c. 40—56.
355. Henning W. B. Zoroaster — politician or witch-doctor? L., 1951.
356. Henning W. B. The «coin» with cuneiform inscription.—NC. 1956—1957, c. 327—328.
357. Henning W. B. Mitteliranisch.—Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung. T. 4. Вып. 1. Leiden, 1958, c. 20—129.
358. Henning W. B. Coriander.—«Asia Major». New series. Vol. 10. 1963, c. 195—199.
359. Henning W. B. A Sogdian god.—BSOAS. Vol. 28/2. 1965, c. 242—254.
360. Hermes G. Zur Sociologie der Lehre Zarathustras.—«Anthropos». T. 33. 1938, c. 181—194, 424—444.
361. Hertel J. Achämeniden und Kayaniden. Lpz., 1924.
362. Hertel J. Die Zeit Zoroasters. Lpz., 1924.
363. Herzfeld E. Pasargadae. Untersuchungen zur persischen Archäologie.—«Klio. Beiträge zur alten Geschichte». Bd 8. 1908, c. 1—68.
364. Herzfeld E. Das Alter der altpersischen Keilschrift.—ZDMG. Bd 64. 1910, c. 63—64.
365. Herzfeld E. Smerdis und Pseudosmerdis.—AMI. Bd 5. 1933, c. 125—142.
366. Herzfeld E. Recent discoveries at Persepolis.—JRAS. 1934, c. 226—232.
367. Herzfeld E. Archaeological history of Iran. L., 1935.
368. Herzfeld E. Altpersische Inschriften. B., 1938.
369. Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L., 1941.
370. Herzfeld E. Zoroaster and his World. Princeton, 1947.
371. Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in geography and ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
372. Hill G. Catalogue of the Greek coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. Ox., 1922.
373. Hinnells J. Iranian influence upon the New Testament.—AcIr. T. 2. 1974, c. 271—284.
374. Hinz W. [Рең. на:] G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.—ZA. Bd 49. 1949, c. 347—353.
375. Hinz W. Die Einführung der altpersischen Schrift.—ZDMG. Bd 102. 1952, c. 28—38.
376. Hinz W. Zur achämenidischen Hofverwaltung.—ZDMG. Bd 108. 1958, c. 126—132.
377. Hinz W. Zarathustra. Stuttgart, 1961.
378. Hinz W. Zu den Persepolis-Täfelchen.—ZDMG. Bd 110. 1961, c. 236—251.
379. Hinz W. Das Reich Elam. Stuttgart, 1964.
380. Hinz W. Die Entstehung der altpersischen Keilschrift.—AMI. N. F. Bd 1, 1968, c. 95—98.
381. Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969.
382. Hinz W. Die elamischen Buchungstäfelchen der Darius-Zeit.—Or. Vol. 39. 1970, c. 421—440.
383. Hinz W. Persis.—PW. 1971, стр. 1022—1038.
384. Hinz W. Achämenidische Hofverwaltung.—ZA. Bd 61. 1971, c. 260—311.
385. Hinz W. «Reichsgründer Kyros». Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1971, c. 55—63.

386. Hinz W. Die Quellen.— *Historia*. Einzelschriften, 18: Beiträge zur Achämenidengeschichte. Wiesbaden, 1972, c. 5—14.
387. Hinz W. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.
388. Hinz W. [Реп. на:] История иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.— *OLZ*. 1975, стб. 388—393.
389. Hinz W. Zu den Mörsern und Stösseln aus Persepolis.— *AcIr*. T. 4. Leiden, 1975, c. 371—385.
390. Hinz W. Darius und der Suezkanal.— *AMI*. N. F. Bd 8. 1975, c. 115—121.
391. Hommel F. Assara-Mazash.— *PSBA*. Vol. 21. 1899, c. 117—132.
392. Hommel F. Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients. Bd 2. München, 1904.
393. How W. W., Wells J. A commentary on Herodotus. Vol. 1—2. Ox., 1912.
394. Hrouda B. Tell Halaf. Bd 4: Die Kleinfunde aus historischer Zeit. B., 1962.
395. Hrozný B. Das Getreide im alten Babylonien. Wien, 1913.
396. Huart C., Delaporte L. L'Iran antique. P., 1952.
397. Hulin P. The Signs of the Kabul silver piece.— *NC*. 1954, c. 174—176.
398. Humbach H. Die Gathas des Zarathustra. Bd 1—2. Heidelberg, 1959.
399. Hüsing G. Die iranische Ueberlieferung und das arische System. Lpz., 1909.
400. Hüsing G. Der Mazdahismus. Wien, 1935.
401. Insler S. The Gāthās of Zarathustra.— *AcIr*. T. 8. Leiden, 1975.
402. Jackson W. A. V. Zoroaster the prophet of ancient Iran. N. Y., 1899.
403. Jacoby F. Hekataios.— *PW*. Bd 7. 1912, стб. 2666—2672.
404. Jacoby F. Herodotos.— *PW*. Suppl.-Band 2. 1913, c. 205—281.
405. Jacoby F. Ktesias.— *PW*. Bd 12. 1922, c. 2032—2073.
406. Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtschreibung. B., 1956 (c. 178—206: Charon von Lampsakos).
407. Jakob-Rost L., Freydanck H. Spätbabylonische Rechtsurkunden aus Babylon mit aramäischen Beischriften.— «Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte». Bd 14, 1972, c. 7—35.
408. Johns C. H. Assyrian deeds and documents. Cambridge, 1898—1923.
409. Junge J. Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Lpz., 1939.
410. Junge J. P. Hazarapatiš.— «*Klio*». T. 33. 1940, c. 13—38.
411. Junge J. P. Satrapie und Natio. Reichsverwaltung und Reichspolitik im Staate Dareios' I.— «*Klio*». T. 34. 1941, c. 1—55.
412. Junge J. P. Darius I. König der Perser. Lpz., 1944.
413. Justi F. Geschichte des alten Persiens. B., 1879.
414. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
415. Justi F. Der Chiliarch des Dareios.— *ZDMG*. Bd 50. 1896, c. 659—664.
416. Kamil M. Papyri araméennes découvertes à Hermopolis Ouest.— *BIE*. T. 28, 1947, c. 253—256.
417. Kamil M. The Aramaic papyri discovered at Hermopolis-West.— *Actes du XXIe congrès des orientalistes*. P., 1949, c. 106—107.
418. Kanael B. Ancient Jewish coins and their historical importance.— *BAR*. T. 24. 1963, c. 38—82.
419. Kantor H. A fragment of a gold appliqué from Ziwie and some remarks on the artistic traditions of Armenia and Iran during the early first millennium B. C.— *JNES*. Vol. 19. 1960, c. 1—14.
420. Kelso J. L. Excavations at Bethel.— *BAR*. T. 19. 1956, c. 36—43.
421. Kent R. G. The Daiva-inscription of Xerxes.— «*Language*». Vol. 13. 1937, c. 292—305.
422. Kent R. G. The lists of provinces.— *JNES*. Vol. 2. 1943, c. 302—306.
423. Kent R. G. The oldest old Persian inscriptions.— *JAOS*. Vol. 66. 1946, c. 206—212.
424. Kent R. G. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1953.
425. Kervran M., Stronach D., Vallat F., Yoyotte J. Une statue de Darius découverte à Susa.— *JA*. 1972, c. 235—266.

426. Khan F. A. The Indus valley and early Iran.— MV, c. 120—127.
427. Kienast B. Mitteilungen von einer Tontafel mit altsüdarabischer Beschriftung.— UVB. T. 14. 1958, c. 43—45.
428. Kienitz F. K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953.
429. Kiessling M. H. Zur Geschichte der ersten Regierungsjahre des Darius Hystaspes. Lpz., 1901.
430. Kittel R. Die Religion der Achaemeniden.— Festschrift für Sellin. Lpz., 1927, c. 87—96.
431. Kleemann I. Der Satrapen-sarcophag aus Sidon. B., 1958.
432. Klíma O. The date of Zoroaster.— ArOr. T. 27. 1959, c. 556—564.
433. Klíma O. Gaumāta der Magier.— ArOr. T. 31. 1963, c. 119—121.
434. Koehler L., Baumgartner W. Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Leiden, 1958.
435. Koldewey R. Das wieder erstehende Babylon. Lpz., 1925.
436. Koldewey R., Wetzell F. Die Königsburgen von Babylon. Bd 1—2.— WVDÖG. Bd 54, 55. 1931—1932.
437. Komoróczy G. Berosos and the Mesopotamian literature.— AA. T. 31. 1973, c. 125—152.
438. König E. Geschichte der alttestamentliche Religion. Lpz., 1912.
439. König F. W. Der Burghau zu Susa.— MVAeG. Bd 35. H. 1. 1930.
440. König F. W. Älteste Geschichte der Meder und Perser.— DAO. Bd 33. Lpz., 1934.
441. König F. W. Der falsche Bardija; Dareios der Grosse und die Lügenkönige. Wien, 1938.
442. König F. W. Relief und Inschrift des Koenigs Dareios I. am Felsen von Bagistan. Leiden, 1938.
443. Kornfeld W. Jüdisch-aramäische Grabinschriften aus Edfu.— Anzeiger der Phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd 110, Wien. 1973, c. 123—137.
444. Kotalla E. Fünfzig babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit des Königs Artaxerxes I.— BA. Bd 4. 1902, c. 551—574.
445. Kramers J. H. Analecta Orientalia. Vol. 1. Leiden, 1954.
446. Kreissig H. Die sozialökonomische Situation in Juda zur Achämenidenzeit. B., 1973.
447. Kuiper F. B. J. The bliss of *aša*.— IJ. Vol. 8. 1964, c. 96—129.
448. Kuiper F. B. J. [Рец. на:] W. Brandenstein, M. Mayrhofer. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.— IJ. Vol. 8. 1965, c. 298—308.
449. Kutscher E. Y. Aramaic.— Curent trends in linguistics. The Hague — Paris, 1970, c. 347—412.
450. Labat R. Assyrien und seine Nachbarländer (Babylonien, Elam, Iran) von 1000 bis 617 v. Chr.— Fischer Weltgeschichte, 4. Frankfurt am Main, 1967, c. 9—111.
451. Laessøe J. The irrigation system at Ulhu, 8th century B. C.— JCS. Vol. 5. 1951, c. 21—32.
452. Lambert M. [Рец. на:] UVB. T. 14.— RA. T. 55. 1964, c. 41—42.
453. Lambert M. Le destin d'Ur et les routes commerciales.— RSO. Vol. 39. 1964, c. 89—109.
454. Landsberger B., Bauer Th. Zu neuveröffentlichten Berichtsquellen der Zeit von Assarhaddon bis Nabonid.— ZA. Bd 37. 1927, c. 61—98.
455. Landsberger B. Zu den aramäischen Beschwörungen in Keilschrift.— AfO. Bd 12. 1937—1939, c. 246—257.
456. Landsberger B. Die babylonischen termini für Gesetz und Recht.— Symbolae ad iura orientis antiqui pertinentes P. Koschaker dedicatae. Leyden, 1939, c. 219—234.
457. Landsberger B. Akkadisch-hebräische Wortgleichungen.— Hebräische Wortforschung. Festschrift zum 80. Geburtstag von W. Baumgartner. Leiden, 1967, c. 176—204.

458. Lecoq P. La langue des inscriptions Achéménides.— *AcIr.* T. 2. 1974, c. 55—62.
459. Lecoq P. Le problème de l'écriture cunéiforme vieux-perse.— *AcIr.* T. 3. 1974, c. 25—410.
460. Lehmann-Haupt C. F. Gobryas und Belsazar bei Xenophon.— «*Klio*». T. 2. 1902, c. 341—345.
461. Lehmann-Haupt C. F. Wann lebte Zaratuštra? — *Oriental Studies in honour of C. E. Pavry. L.*, 1933, c. 251—280.
462. Leichty E. Demons and population control.— «*Expedition*», 1974, c. 22—26.
463. Lenzen H. Warka.— «*Sumer*», T. 10. 1954, c. 86—88.
464. Lerner J. A. A painted relief from Persepolis.— «*Archaeology*». T. 26. 1973, c. 116—122.
465. Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520—320. Hildesheim, 1972.
466. Levine B. A. Aramaic texts from Persepolis.— *JAOS.* Vol. 92. 1972, c. 70—79.
467. Levine L. D. Geographical studies in the Neo-Assyrian Zagros. Toronto — London, 1974.
468. Lévy I. L'inscription triomphale de Xerxès.— «*Revue historique*». T. 185. 1939, c. 105—122.
469. Lewy H. Le calendrier perse.— *Or.* T. 10. 1941, c. 1—64.
470. Lidzbarski M. Ephemeris für semitische Epigraphik. Bd 1—3. Gies-sen, 1903—1915.
471. Lipiński E. From Karatepe to Pyrgi. Middle Phoenician Miscellanea.— «*Rivista di Studi fenici*». Vol. 2. 1974, c. 45—61.
472. Lipiński E. Studies in Aramaic inscriptions and onomastics. Vol. 1. Louvain, 1975.
473. Lipiński E. La stèle égypto-araméenne de Tumma', fille de Bokkori-nif.— «*Chronique d'Egypte*». Vol. 50. 1975, c. 93—104.
474. Lochner-Hüttenbach F. Brief des Königs Darius an den Satrapen Gادات.— W. Brandenstein, M. Mayrhofer. *Handbuch des Altpersischen.* Wiesbaden, 1964, c. 91—98.
475. Lommel H. Les espions de Varuna et de Mitra et l'oeil du roi.— *AcIr.* T. 2. 1974, c. 91—100.
476. Luckenbill D. Ancient records of Assyria and Babylonia. Vol. 2. Chi-cago, 1927.
477. Lüddeckens E. Ägyptische Eheverträge. Wiesbaden, 1960.
478. Luschaf F. von, Andrae P. Ausgrabungen in Sendscherli V. B., 1943.
479. Lushey H. Studien zu dem Darius-Relief von Bisutun.— *AMI. N. F.* Bd 1. 1968, c. 63—94.
480. Lutz H. F. Price fluctuations in ancient Babylonia.— *JEBH.* Vol. 4. 1932, c. 335—355.
481. Malamat A. A new record of Nebuchadrezzar's Palestinian campaigns.— *IEJ.* Vol. 6. 1956, c. 246—256.
482. Malamat A. The Aramaeans.— *Peoples of Old Testament times*, ed. by D. J. Wiseman. Ox., 1973, c. 134—155.
483. Malinine M. Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique. P., 1953.
484. Malinine M. Un contrat démotique de société.— *Festschrift für S. Schott.* Wiesbaden, 1968, c. 87—93.
485. Mallet D. Les rapports des grecs avec l'Egypte (525—331 B. C.) — *MIFA.* Vol. 48. 1922.
486. Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran.— «*Philologus*». T. 54. 1895, c. 489—527; T. 55. 1896, c. 213—244.
487. Mayrhofer M. Altpersische Späne.— *Or.* T. 33. 1964, c. 72—87.
488. Mayrhofer M. Die Rekonstruktion des Medischen.— «*Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*». Wi-en, 1968, c. 1—22.
489. Mayrhofer M. Xerxes, König der Könige. Wien, 1970.

490. Mayrhofer M. Neuere Forschungen zum Altpersischen.— *Donum indogermanicum*. Festgabe für Anton Scherer. Heidelberg, 1971, c. 41—66.
491. Mayrhofer M. *Onomastica Persepolitana*. Wien, 1973.
492. Mayrhofer M. Das angebliche iranische Etymon des Amazonen-Namens.— *Studi linguistici in onore di Vittore Pisani*. Vol. 2. Brescia, 1969, c. 661—666.
493. Mayrhofer M. Kleinasien zwischen Agonie des Perserreiches und hellenistischen Frühling.— «Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften». Wien. 1975, c. 274—282.
494. Mazahéri A. La famille iranienne aux temps anté-islamiques. P., 1938.
495. Mecquenem R. de. The Achaemenid and later remains at Susa.— *SPA*. Vol. 1.
496. Mecquenem R. de. Contribution à l'étude du palais Achéménide de Suse.— *MDP*. Vol. 30. 1947, c. 1—119.
497. Meillet A. Trois conférences sur les Gâthâ de l'Avesta. P., 1925.
498. Meissner B. Babylonien und Assyrien. Bd 1—2. Heidelberg, 1920, 1925.
499. Meissner B. Die Achämenidenkönige und das Judentum.— *SPAW*. 1938, c. 6—26.
500. Mellink M. J. The Hasanlu bowl in Anatolian perspective.— *Ir.An*. T. 6. 1966, c. 72—87.
501. Mellink M. J. Archaeology in Asia Minor.— *AJA*. Vol. 78. 1974, c. 105—130.
502. Mellink M. J. Notes on Anatolian wall painting.— *Mélanges Mansel*. Ankara, 1974, c. 537—547.
503. Messina G. Der Ursprung der Magier und die Zarathustrische Religion. Roma, 1930.
504. Metzger H., Laroche E., Dupont-Sommer A. La stèle trilingue récemment découverte au Lêtôn de Xanthas.— *CRAI*. 1974, c. 82—149.
505. Meyer E. Entstehung des Judentums. Halle, 1896.
506. Meyer E. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache und der zoroastrischen Religion.— *ZvS*. Bd 42. 1909, c. 1—27.
507. Meyer E. Der Papyrusfund von Elephantine. Lpz., 1912.
508. Meyer E. Die Lage von Opis und Kish. Die Verteidigungsanlagen Nebukadnezars.— *SPAW*. 1912, c. 1096—1108.
509. Meyer E. Ägyptische Documente aus der Perserzeit.— *SPAW*. 1915, c. 287—311.
510. Meyer E. Ursprung und Anfänge des Christentums. Bd 2. Stuttgart—Berlin, 1925.
511. Meyer E. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1939.
512. Michaélidis G. Quelques objets inédits d'époque perse.— *ASAE*. T. 43. 1943, c. 91—103.
513. Millard A. R. Alphabetic inscriptions on ivories from Nimrud.— «Iraq». Vol. 24. 1962, c. 41—51.
514. Mitchell T. C. The bronze lion weight from Abydos.— «Iran». Vol. 11. 1973, c. 173—175.
515. Mittelberger H. Zum Altpersischen.— «Die Sprache». Bd 11. 1965, c. 93—121.
516. Montet P. Note sur le tombeau de Pétosiris pour servir à l'histoire du perses en Égypte.— *Rev. Ar*. T. 23. 1926, c. 161—183.
- 516a. Moorey P. R. S. A Catalogue of the Persian bronzes in the Ashmolean Museum. Ox., 1971.
517. Moortgat A. Hellas und die Kunst der Achämeniden.— «Mitteilungen der altorientalischen Gesellschaft». Bd 2. 1926, c. 1—39.
518. Morgan J. de. Découverte d'une sépulture Achéménide a Suse.— *MDP*. T. 8. 1905, c. 29—58.
519. Morgenstern J. Further light from the Book of Isaiah upon the catastrophe of 485 B. C.— *HUCA*. Vol. 37. 1956, c. 1—28.
520. Morgenstierne G. Early Iranic influence upon Indo-Aryan.— *AcIr*. Première série. T. 1. Leiden, 1974, c. 271—279.
521. Moulton J. H. Early Zoroastrism. L., 1913.

522. Muffs J. Y. Studies in the Aramaic legal papyri from Elephantine. Leiden, 1968.
523. Muscarella O. W. Hasanlu 1964.—«Bulletin of the Metropolitan Museum of Art». Vol. 25, № 3. 1966, c. 121—135.
- 523a. Muscarella O. W. The Iron Age at Dinkha-Tepe, Iran.—«Metropolitan Museum journals». Vol. 9. N. Y. 1974, c. 35—90.
524. Naveh J. The development of the Aramaic script. Jerusalem, 1970.
525. Naveh J., Shaked Sh. A recently published Aramaic papyrus.—JAOS. Vol. 91, 1971, c. 379—382.
526. Naveh J., Shaked Sh. Ritual texts or treasury documents?—Or. T. 42. 1973, c. 445—457.
527. Negahban E. O. A preliminary report on Marlik excavation. Tehran, 1964.
- 527a. Negahban E. O. Pottery figurines of Marlik.—MV, c. 142—152.
528. Netzer A. Some notes on the characterization of Cyrus the Great in Jewish and Judeo-Persian writings.—AcIr. T. 2. 1974, c. 35—52.
529. Neumann G. Epigraphische Mitteilungen. Kleinasien.—«Kadmos». Bd 7. 1968, c. 180—189.
530. Newman J. Agricultural life of the Jews in Babylonia between the years 200—500. L., 1932.
531. Nock A. D. The problem of Zoroaster.—AJA. Vol. 53. 1949, c. 272—285.
532. Nöldeke Th. Alttestamentliche Literatur. Lpz., 1868.
533. Nöldeke Th. Aufsätze zur persischen Geschichte. Lpz., 1887.
534. Nöldeke Th. Persische Studien. Wien, 1888.
535. Norbert Schimmel Collection in Fogg Art Museum of Harvard University. Mainz, 1964.
536. Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran. Lpz., 1938.
537. Nyberg H. S. Das Reich der Achämeniden.—Historia mundi. Vol. 3. 1954, c. 56—115.
538. Nylander C. *Assyria grammata*. Remarks on the 21st «Letter of Theomistokles».—«Opuscula Atheniensia». Vol. 8. 1968, c. 119—136.
539. Nylander C. Who wrote the inscriptions at Pasargadae?—OS. Vol. 16. 1968, c. 135—180.
540. Nylander C. Ionians in Pasargadae. Studies in Old Persian architecture. Uppsala, 1970.
541. Nylander C. Al-Bērūnī and Persepolis.—AcIr. T. I. 1974, c. 137—150.
542. Oelsner J. Krisenerscheinungen im Achaimenidenreich im 5. und 4. Jahrhundert v. u. Z.—Hellenische Poleis. Bd 3. B., 1973, c. 1041—1073.
543. Olmstead A. T. Materials for an economic history of the ancient Near East.—JEBH. Vol. 2. 1930, c. 219—240.
544. Olmstead A. T. Ahura Mazda in Assyrian.—Oriental studies in honour of C. E. Pavry. L., 1933, c. 366—372.
545. Olmstead A. T. Darius and his Behistun inscription.—AJSL. Vol. 55. 1938, c. 392—416.
546. Olmstead A. T. Tattenai, governor of «Across the River».—JNES. Vol. 3. 1944, c. 46.
547. Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948.
548. Olmstead M. A Greek lady from Persepolis.—AJA. Vol. 54. 1950.
549. Oppenheim A. L. Assyriological gleanings. II.—BASOR. Vol. 93. 1944, c. 14—17.
550. Oppenheim A. L. Neo-Babylonian *pirku*.—JQR. Vol. 36. 1945, c. 171—176.
551. Oppenheim A. L. A fiscal practice of the ancient Near East.—JNES. Vol. 4. 1947, c. 116—120.
552. Oppenheim A. L. On royal gardens in Mesopotamia.—JNES. Vol. 24. 1965, c. 328—333.
553. Oppenheim A. L. Essay on overland trade in the first millennium B. C.—JCS. Vol. 21. 1969, c. 236—254.
554. Oppenheim A. L. A new Cambyses incident.—SPA. Vol. 15. 1974, c. 3497—3502.

555. Otto W. Ebir-nari, Koilesyrien und Seleukis.— «Abhandlungen der Baue-rischen Akademie der Wissenschaften». Bd 34. 1928, c. 30—42.
556. Pagliaro A. Mediopersano *bitaxš*, Armeno *bdeaxš*...— RSO. Vol. 12. 1932/1933, c. 160—168.
557. Pagliaro A. Riflessi di etimologie iraniche nella tradizione storiografi-ca greca.— «Renconti dell' Accademia dei Lincei, Cl. di scienze morali». Vol. 9. 1954, c. 134—146.
558. Panoussi E. L'origine de la notion de participation chez Zoroastre et chez Platon.— Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben. Bd 1. B., 1969, c. 91—114.
559. Parker R. A. Persian and Egyptian chronology.— AJSL. Vol. 58. 1941, c. 285—301.
560. Parker R. A., Dubberstein W. H. Babylonian chronology. Providen-ce, 1956.
561. Parker R. A. The length of reign of Amasis and the beginning of the Twenty-sixth Dynasty.— «Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo». Bd 15. 1957, c. 208—212.
562. Pearson L. Early Ionian historians. Ox., 1939.
563. Perrot J., Ladiray D. La porte de Darius à Suse.— DAFI. T. 4. 1974, c. 43—56.
564. Petschow H. Neubabylonisches Pfandrecht. B., 1956.
565. Petschow H. Gesetze. Spätbabylonische Zeit.— RIA. Bd 3. 1957, c. 276—279.
566. Pfeiffer R. H. Introduction to the Old Testament. L., 1941.
567. Pinches Th. G. A contract-tablet of the tenth year of Darius.— «The Academy». Vol. 34, № 850, 1888, c. 107—108.
568. Pirenne J. Les institutions du peuple hébreu.— RIDA. Vol. 1. 1954, c. 195—255.
569. Poebel A. Chronology of Darius' first year of reign.— AJSL. Vol. 55. 1938, c. 142—165, 285—314.
570. Pope A. U. Persepolis as a ritual city.— «Archaeology». Vol. 10. 1957, c. 123—130.
571. Porada E. Greek coin impressions from Ur.— «Iraq». Vol. 22. 1960, c. 228—234.
572. Porada E. The Art of Ancient Iran. N. Y., 1965.
- 572a. Porada E. Problems of Iranian iconography.— MV, c. 163—182.
573. Porten B. Archives from Elephantine. Berkeley, 1968.
574. Porten B. Jews of Elephantine and Arameans of Syene. Aramaic texts with translation. Jerusalem, 1974.
575. Posener G. La première domination Perse en Egypte. Caire, 1936.
576. Posener G. Le canal du Nil à la Mer Rouge avant les Ptolémées.— «Chronique d'Egypte». T. 13. 1938, c. 259—273.
577. Prášek J. V. Geschichte der Meder und Perser. Bd 1—2. Gotha, 1906—1910.
578. Prášek J. Dareios I.— DAO. Bd 14. H. 4. 1914.
579. Przyłuski J. Les Mages et les Mèdes.— RHR. T. 122. 1940, c. 85—101.
580. Radet G. Satrapies et nomes.— Mémorial Lagrange. Cinquantenaire de l'École Biblique et archéologique française de Jérusalem. P., 1940, c. 21—26.
581. Ravn O. E. Herodotus' description of Babylon. Copenhagen, 1942.
582. Rawlinson G. The history of Herodotus. Vol. 1—4. L., 1875—1880.
583. Regourd F. Le rôle de l'élite perse dans la formation de l'armée et de l'état Achéménides.— AcIr. T. 2. 1974, c. 100—107.
584. Reich N. J. The codification of the Egyptian Laws by Darius and the origin of the «Demotic Chronicle».— «Mizraim». T. 1. 1933, c. 178—185.
585. Reuther O. Die Innenstadt von Babylon (Merkes).— WVDG. Bd 47. 1926.
586. Richter G. M. A. Greeks in Persia.— AJA. Vol. 50. 1946, c. 15—30.
587. Ringbom L. Zur Ikonographie der Göttin Ardvi Sura Anahita. Abo, 1957.

588. Roaf M. The subject peoples on the base of the statue of Darius.— DAFI. T. 4. 1974, c. 73—160.
589. Robinson E. S. G. The date of the earliest coins.— NC. 1956, c. 1—8.
590. Röhlig R. Erwägungen zu neuen Stelen König Nabonids.— ZA. Bd 56. 1964, c. 218—260.
591. Rosenthal F. Die aramäistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen. Leiden, 1939.
592. Rössler O. Untersuchungen über die akkadische Fassung der Achämenideninschriften. B., 1938.
593. Rostovtzeff M. Social and economic history of the Hellenistic world. Vol. 1—3. Ox., 1941.
594. Rowley H. H. Darius the Mede and the four world empires in the Book of Daniel. Ox., 1935.
595. Rundgren F. Ein iranischer Beamtenname im Aramäischen.— OS. Vol. 12. 1964, c. 89—98.
596. Saggs W. F. Two administrative officials at Erech in the 6th century B. C.— «Sumer». Vol. 15. 1951, c. 29—38.
597. Salonen A. Die Fischerei im Alten Mesopotamien. Helsinki, 1970.
598. San Nicolò M. Vorderasiatisches Rechtsgut in den ägyptischen Eheverträgen der Perserzeit.— OLZ. 1927, c. 217—227.
599. San Nicolò M. Beiträge zur Rechtsgeschichte in Bereiche der keilschriftlichen Rechtsquellen. Oslo, 1931.
600. San Nicolò M. Beiträge zu einer Prosopographie neubabylonischer Beamten der Zivil- und Tempelverwaltung. München, 1937.
601. San Nicolò M. Haben die Babylonier Wachstafeln als Schriftträger gekannt?— Or. T. 17. 1948, c. 59—70.
602. San Nicolò M. Zur Verproviantierung des kgl. Hoflagers in Abanu durch den Eanna-Tempel in Uruk.— ArOr. T. 17. 1949, c. 323—330.
603. San Nicolò M. [Пер. на:] Ur. Excavations. Texts. Vol. 4.— Or. T. 19. 1950, c. 217—232.
604. San Nicolò M. [Пер. на:] Cardascia G. Les archives des Murašû. P., 1951.— Or. T. 23. 1954, c. 277—283.
605. Sarre F., Herzfeld E. Iranische Felsreliefs. B., 1910.
606. Sarre F. Die Kunst des alten Persien. B., 1923.
607. Sayce A. H. Aramaic papyri discovered at Assuan. L., 1906.
608. Sayce A. H. Persian plaque with cuneiform inscription discovered at Saqqara.— AfO. Bd 8. 1933, c. 225.
609. Schachermeyer F. Alexander der Große. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien, 1973.
610. Schaeder H. H. Iranische Beiträge I.— «Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft». H. 5. Heidelberg, 1930.
611. Schaeder H. H. Esra der Schreiber. Tübingen, 1930.
612. Schaeder H. H. Das Auge des Königs.— AGWG. Bd 10. 1934, c. 3—24.
613. Schaeder H. H. Ein indogermanischer Liedtypus in den Gathas.— ZDMG. Bd 94. 1940, c. 399—408.
614. Schaeder H. H. Das persische Weltreich. Breslau, 1941.
615. Scharif A., Moortgat A. Ägypten und Vorderasien im Altertum. München, 1950.
616. Scheffelowitz J. Die altpersische Religion und das Judentum. Gießen, 1920.
617. Scheil V. Susa et l'empire néo-babylonien.— RA. T. 24. 1927, c. 47—48.
618. Schippmann K. Forschungs- und Ausgrabungsergebnisse in Iran seit 1965.— MDOG. Bd 104, 1972, c. 45—79.
619. Schippmann K. Die Entwicklung des iranischen Feuerheiligtums.— ZDMG. Supplementa I. Vorträge. T. 3. 1969, c. 1021—1029.
620. Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer. B., 1971.
621. Schippmann K. Hinweise auf einige kleinere Monumente bei Naqš-e Rostam.— AMI. N. F. Bd 4. 1971, c. 187—191.
622. Schiwiek H. Der Persische Golf als Schifffahrts- und Seehandelsroute

- in Achämenidischer Zeit und in der Zeit Alexanders des Großen.— «Bonner Jahrbücher». Bd 162. Bonn. [1962], c. 4—97.
623. Schlerath B. Zarathustra im Awesta.— Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1971, c. 133—140.
624. Schlumberger D. L'argent grec dans l'empire Achéménide.— «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan». T. 14. 1953.
- 624a. Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.
625. Schmidt E. F. The Second Holmes Expedition to Luristan.— «Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology». Vol. 5. 1938, c. 205—216.
626. Schmidt E. F. Die Griechen in Babylon und das Weiterleben ihrer Kultur.— ArAn. 1941, c. 789—844.
627. Schmidt E. F. Persepolis. Vol. 1. Structures. Reliefs. Inscriptions. Chicago, 1953; Vol. 2. Contents of the treasury and other discoveries. Chicago, 1957; Vol. 3. The royal tombs and other monuments. Chicago, 1970.
628. Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot.— ZDMG. Bd 117. 1967, c. 119—145.
629. Schmitt R. Die achämenidische Satrapie *tayaiy drayahyā*.— «Historia». Vol. 21. 1972, c. 522—527.
630. Schmitt R. Deïokes.— «Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften». Wien. 1973, c. 137—147.
631. Schmitt R. Probleme der Eingliederung fremden Sprachgutes in das grammatische System einer Sprache.— «Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft». Vorträge, 11. Innsbruck, 1973.
632. Schmitt R. Der Titel «Satrap».— Studies in Greek, Italic and Indo-European linguistics offered to L. R. Palmer. Innsbruck, 1976, c. 373—390.
633. Schnabel P. Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur. Lpz., 1923.
634. Schroeder O. Über die ältesten Münzen.— OLZ. 1918, nr6. 276—279.
635. Schwenzner W. Beiträge zur babylonischen Wirtschaftsgeschichte.— OLZ, 1921, nr6. 21—25, 79—88.
636. Schwenzner W. Gobryas.— «Klio». T. 18. 1922—1923, c. 41—58, 226—252.
637. Seidl E. Ägyptische Rechtsgeschichte der Saiten- und Perserzeit. Glückstadt, 1968.
638. Shahbazi A. Sh. An Achaemenid symbol. I. A farewell to «Fravahr» and «Ahuramazda».— AMI. N. F. Bd 7, 1974, c. 135—144.
639. Shaked Sh. Qumran and Iran: further considerations.— «Israel Oriental studies». Vol. 2. 1972, c. 433—446.
640. Smith S. A pre-Greek coinage in the Near East.— NC. Ser. 5. T. 2. 1922, c. 176—185.
641. Smith S. Isaiah chapters XL—LV, literary criticism and history. L., 1944.
642. Soden W. von. Assyriologische Miscellen.— WZKM. Bd 55. 1959, c. 49—51.
643. Soden W. v. [Рец. на:] A. K. Grayson. Babylonian historical-literary texts. Toronto — Buffalo. 1975.— ZA, Bd 65. 1975, c. 282—285.
644. Spiegelberg W. Die Glaubwürdigkeit von Herodots Bericht über Ägypten im Lichte der ägyptischen Denkmäler. Heidelberg, 1926.
645. Steve M.-J. Inscriptions des Achéménides à Suse.— StIr. T. 3. 1974, c. 7—28, 135—169; T. IV. 1975, c. 7—26.
646. Streck M. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige. Bd 1—3. Lpz., 1916.
647. Strelkov A. S. The Moscow Artaxerxes cylinder seal.— «Bulletin of the American Institute for Iranian art and archaeology». Vol. 5. 1938, c. 17—21.
648. Strommenger E. Gefäße aus Uruk von der neubabylonischen Zeit bis zu den Sassaniden. B., 1967.

649. Stronach D. Excavations at Pasargadae.— «Iran». Vol. 1. 1963, c. 19—42; Vol. 3. 1965, c. 9—40.
650. Stronach D. The Kūh-i-Shahrak fire altar.— JNES. Vol. 25. 1966, c. 217—227.
651. Stronach D. Tepe Nush-i Jan: a mound in Media.— «Bulletin of the Metropolitan Museum of art». N. Y. 1968, c. 177—186.
652. Stronach D. Tepe Nush-i Jan.— Excavations in Iran, the British contribution. Ox., 1972, c. 43—45.
653. Stronach D. Median and Achaemenid parallels in architecture.— «Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University». Shiraz, 1973.
654. Stronach D. Achaemenid village I at Susa and the Persian migration to Fars.— «Iraq». Vol. 36. 1974, c. 239—248.
655. Stronach D. A fourth season of excavations at Tappeh Nuši Jān.— Proceedings of the III annual symposium on archaeological research in Iran, 1974. Tehran, 1975, c. 203—212.
656. Struve W. Zur Geschichte der jüdischen Kolonie von Elephantine.— IAH. Cep. 6. T. 20. 1926, c. 445—454.
657. Struve W. Zur Geschichte Ägyptens der Spätzeit.— IAH, OGH, 1928, c. 197—212.
658. Summer W. M. Excavations at Tal-e Malyān: a summary of three seasons' results.— Proceedings of the IIIrd annual symposium on archaeological research in Iran. 1974, Tehran. 1975, c. 157—162.
659. Sykes P. A history of Persia. Vol. 1. L., 1921.
660. Szemerényi O. Iranica II.— «Die Sprache». Bd 12. 1966, c. 190—226.
661. Szemerényi O. Iranica V.— Acta. T. 5. Leiden, 1975, c. 313—394.
662. Szlechter E. Les lois Néo-babyloniennes.— RIDA. Sér. 3. T. 18. 1971, c. 43—107; 1972, c. 43—126.
663. Tadmor H. The inscriptions of Nabunaid: historical arrangement.— Studies in honour of Benno Landsberger. Chicago, 1965, c. 351—364.
664. Tadmor M. Fragments of an Achaemenid throne from Samaria.— IEJ. Vol. 24. 1974, c. 37—43.
665. Taqizadeh S. H. Old Iranian calendars. L., 1938.
666. Taqizadeh S. H. The Old Iranian calendars again.— BSOAS. Vol. 14. 1952, c. 603—611; Vol. 15. 1953, c. 393.
667. Tarn W. W. Hellenistic military and naval developments. Cambridge, 1930.
668. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.
669. Tarn W. W. Alexander the Great. Vol. 1—2. Cambridge, 1948.
670. Taubenschlag R. Das babylonische Recht in den griechischen papyri.— JJP. Vol. 8. 1953/1954, c. 169—185.
671. Tavadia J. C. Zum iranischen Feuertempel.— OLZ. 1943, nr 6. 57—66.
672. Thiele E. R. New evidence on the chronology of the last kings of Judah.— BASOR, № 143, 1956, c. 22—27.
673. Thieme P. Über einige persische Wörter im Sanskrit.— ZDMG. Bd 91. 1937, c. 88—146.
674. Thompson R. C. The reports of the magicians and astrologers of Nineveh and Babylon. Vol. 1—2. L., 1900.
675. Thureau-Dangin F. La fin de l'empire Assyrien.— RA. T. 22. 1925, c. 27—29.
676. Thureau-Dangin F. Numération et métrologie sumériennes.— RA. T. 48. 1921, c. 123—134.
677. Tilia A. B. Studies and restorations at Persepolis and other sites of Fārs. Rome, 1972.
678. Tolman H. C. The Persian *Basileioi theoi* of Herodotus III, 65, V, 106.— TPA. T. 33. 1902, c. LXVII—LXX.
679. Torrey Ch. Esra studies. Chicago, 1910.
680. Torrey Ch. C. The evolution of a financier in the ancient Near East.— JNES. Vol. 2. 1943, c. 295—301.
681. Torrey Ch. C. Medes and Persians.— JAOS. Vol. 66. 1946, c. 1—15.
682. Treidler H. Pasargadae.— PW. Supplementband 9. 1962, c. 777—799.

683. Trichet J. Étude pétrographique de la roche constituant la statue de Darius decouvert à Suse en décembre 1972.— DAFI. T. 4. 1974, c. 57—59.
684. Trousdale W. T. An Achaemenian stone weight from Afghanistan.— EW. Vol. 18. 1969, c. 277—280.
685. Trümpelmann L. Zur Entstehungsgeschichte des Monumentes Dareios' I. von Bisutun und zur Datierung der Einführung der altpersischen Schrift.— ArAn. T. 3. 1967, c. 281—298.
686. Trümpelmann L. [Pen. na:] E. Strommenger. Gefässe aus Uruk von der neubabylonischen Zeit bis zu den Sassaniden. B., 1967.— Or. T. 38. 1969, c. 154—158.
687. Trümpelmann L. Tore von Persepolis, zur Bauplanung des Dareios.— AMI. N.F. Bd 7. 1974, c. 163—171.
688. Türk J. Die Stellung der Frau in Elephantine als Ergebnis persisch-babylonischen Rechtseinflusses.— ZAW. Bd 46. 1928, c. 166—169.
689. Unger E. Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. B., 1970.
690. Ungnad A. Keilinschriftliche Beiträge zum Buch Esra und Esther.— ZAW. Bd 17. 1940—1941, c. 240—244.
691. Ungnad A. Das Haus Egibi.— AfO. Bd 14. 1941, c. 57—64.
692. Ungnad A. Ahura-Mazdāh und Mithra in assyrischen Texten?— OLZ. 1943, стб. 193—201.
693. Vallat F. Table élamite de Darius Ier.— RA. T. 64. 1970, c. 149—160.
694. Vallat F. Deux nouvelles «Chartes de fondation» d'un palais de Darius Ier à Suse.— «Syria». Vol. 48. 1971, c. 53—59.
695. Vallat F. Deux inscriptions élamites de Darius Ier.— StIr. T. 1. 1972, c. 3—13.
696. Vallat F. Epigraphie Achéménide.— DAFI. T. 2. 1972, c. 203—217.
697. Vallat F. L'inscription trilingue de Xerxès à la porte de Darius.— DAFI. T. 4. 1974, c. 171—180.
698. Vallat F. La triple inscription cunéiforme de la statue de Darius Ier (Dsab).— RA. T. 68. 1974, c. 157—166.
699. Vallat F. Les textes cunéiformes de la statue de Darius.— DAFI. T. 4. 1974, c. 161—170.
700. Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959.
- 700a. Vanden Berghe L. Art iranien ancien. [B. m.], 1966.
- 700b. Vanden Berghe L., Joffroy R. Bronzes. Iran-Luristan, Caucasus.— «Évocations métallurgiques». T. 13. Bruxelles, 1973.
- 700c. Vanden Berghe L. Bibliographie analytique de l'archéologie de l'Iran ancien. Teheran, 1976.
- 700r. Vanden Berghe L. La Necropol du Khurvin. Leiden, 1964.
701. Verger A. L'amministrazione della giustizia nei papiri aramaici di Elephantina.— «Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei, Classe di scienze morali». Ser. 8. T. 19. Roma, 1964, c. 75—94.
702. Verger A. Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elephantina. Roma, 1965.
703. Volterra E. Osservazioni sul divorzio nei documenti aramaici.— Studi orientalistici in onore di Giorgio Levi della Vida. Vol. 2. Roma, 1956, c. 586—600.
704. Volterra E. «Yhwdy» e «a'rmy» nei papiri aramaici del V secolo provenienti dall'Egitto.— «Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei, Classe di scienze morali». Vol. 18. 1963, c. 131—173.
705. Waerden B. L. van der. [Pen. na:] R. A. Parker, W. H. Dubberstein. Babylonian Chronology. Providence, 1956.— BO. 1958, c. 107.
706. Walser G. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. B., 1966.
707. Walser G. Griechen auf Hofe des Großkönigs.— Festgabe für H. v. Greyerz. B., 1967, c. 190—194.
708. Weidner E. F. Die älteste Nachricht über das persische Königshaus. Kyros I. ein Zeitgenosse Aššurbânâpalis.— AfO. Bd 7. 1931/1932, c. 1—14.
709. Weingort S. Das Haus Egibi in neubabylonischen Rechtsurkunden. B., 1939.

710. Weissbach F. H. Die Keilinschriften der Achämeniden.— Lpz., 1911.
711. Weissbach F. H. Zu Herodots persischer Steuerliste.— «Philologus». T. 71. Lpz., 1912, c. 479—490.
712. Weissbach F. H. Neue Beiträge zur keilinschriftlichen Gewichtskunde.— ZDMG. Bd 70. 1916, c. 49—81.
713. Weissbach F. H. Kyros.— PW. Supplementband 4. 1924, cr6. 1128—1166.
714. Weissbach F. H. Die elamische Uebersetzung der Daiwa-Inschrift.— Symbolae ad jura orientis antiqui pertinentes P. Koschaker dedicatae. Leyden, 1939, c. 189—198.
715. Wells J. The Persian friends of Herodotus.— JHS. Vol. 27. 1907, c. 37—47.
716. Wesendonk O. Das Weltbild der Iranier. München, 1933.
717. Wetzel F. Babylon zur Zeit Herodots.— ZA. Bd 48. 1944, c. 45—68.
718. Wetzel F., Schmidt E., Mallwitz A. Das Babylon der Spätzeit. B., 1957 (WVDOG 62).
719. Wheeler M. The transformation of Persepolis architectural motifs into sculpture under the Indian Mauryan dynasty.— Aclr. T. 2. 1974, c. 249—261.
720. Widengren G. Hochgottglaube im alten Iran. Uppsala, 1938.
721. Widengren G. The sacral kingship of Iran.— «Numen». Supplement 4. Stuttgart, 1959, c. 242—257.
722. Widengren G. W. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965.
723. Widengren G. Der Feudalismus im alten Iran. Köln — Opladen, 1969.
724. Wiedemann K. A. Die griechischen Inschriften von Abu Simbel.— «Rheinisches Museum für Philologie». Bd 35. 1880, c. 365—386.
725. Wikander S. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1946.
726. Wikander S. Mithra en vieux-perse.— OS. Vol. 1. 1952, c. 66—68.
727. Wilber D. N. Persepolis. The archaeology of Parsa, seat of the Persian kings. N. Y., 1968.
728. Wilkinson C. W. More detail on Ziwiye.— «Iraq». Vol. 22. 1960, c. 213—220.
729. Wilkinson C. W. Ivories from Ziwiye. Bern, 1975.
730. Windischmann F. Zoroastrische Studien. B., 1863.
731. Wiseman D. J. Some Egyptians in Babylonia.— «Iraq». Vol. 28. 1966, c. 154—158.
732. Woolley L. The Neo-Babylonian and Persian periods.— Ur. Excavations. Vol. 9. L., 1962.
733. Yaron R. Introduction to the law of the Aramaic papyri. Ox., 1961.
734. Yarshater E. Were the Sasanians heirs to the Achaemenids? — Atti del convegno internazionale sul tema: La Persia nel medioevo. Roma, 1971, c. 517—531.
- 734a. Young T. Cuyler. A Comparative ceramic chronology for Western Iran, 1500—500 B. C.— «Iran». Vol. 3. 1965, c. 53—87.
- 734b. Young T. Cuyler. Iranian migration into the Zagros.— «Iran». Vol. 5. 1967, c. 11—34.
- 734c. Young T. Cuyler. The Elamites, Medians, and Achaemenids.— Encyclopaedia Britannica, s. v. Iran, 1974.
- 734r. Young T. Cuyler. Thoughts of the architecture of Hasanlu.— Ir. An. T. 6. 1966, c. 48—71.
735. Zadok R. On the connections between Iran and Babylonia in the sixth century B. C.— «Iran». Vol. 14. 1976, c. 61—78.
736. Zaehner R. C. The dawn and twilight of Zoroastrianism. L., 1961.
737. Zaehner R. C. Zoroastrian survivals in Iranian folklore.— «Iran». Vol. 3. 1965, c. 87—96.
738. Zimmer H. Akkadische Fremdwörter. Lpz., 1917.
739. 7000 years of Iranian art. New York — Washington, 1964.

- Абаев В. И. 39, 40, 231, 268, 308, 320,
337
Аббатема 281
Абдвааль 301
Абдцедек 302
Абибал 301
Абрастарт см. Стратон
Авакум 21
Аггей 21
Агесилай 30, 31, 323
Адабага 291
Адад 325, 340
Ададнирари I 63
Ададнури 301
Адонис 299
Аза 72
Азарвааль 301, 302
Александр (царь Македонии, V в.
до н. э.) 283
Александр Македонский 32, 34, 35,
37, 107, 113, 130, 150, 155, 180, 190,
194, 200, 207, 212, 214, 215, 246, 249,
254, 262, 263, 266, 275, 276, 298, 305,
307, 313, 327, 341, 351
Алиатт 85
Алиев И. 36, 39, 41, 80
Алкей 289
Алкивиад 149
Альт А. 116
Альтхейм Ф. 33, 184, 200, 308
Амасис 19, 136, 214, 299, 348
Амат-Эси 292
Аместрида 131, 322
Амиртей 208, 209
Амитида 79, 80, 131
Аммадат 133
Аммиан Марцеллин 305, 312, 315
Амон 136, 292, 341, 342
Анаксимен 243
Анания 303
Анат 301
Анатбетел 304
Анахита 68, 100, 258, 263, 273, 312—
314, 326—328, 331, 337
Ангхро Манью 253, 310, 323
Андреас Ф. К. 243, 268
Антименид 289
Антиох Эпифан 22
Антузза 324
Ану 69
Апла 133, 297
Аполлодат 288
Аполлодор из Артемисии 33
Аполлодор из Коса 283
Аполлон 206, 263, 288, 341, 349
Аполлонид 131
Аполлоний из Тианы 286
Ашпирка 324
Априй 84, 348
Апулей 312, 314
Арад-Бел 121, 346
Арамапая 114, 181
Араха 294
Арбамихри 148
Арбатем 148, 290
Ардис 78
Ариабагн 241
Арианд 206
Ариарамна 267
Ариарша 8, 115, 300, 342
Ариения 85
Ариман см. Ангхро Манью
Ариобарзан 118, 341
Аристатор 273
Аристей 303
Аристобазан 123
Аристобул 34, 266
Аристогитон 215, 282
Аристотель 167, 276, 284, 310, 323
Армастидат 302
Арриан 34, 35, 118, 148, 186, 190, 192,
194, 215, 236, 249, 254, 266, 293, 338
Арсам 238
Арсес 107, 279
Арта 328
Артабаз (военачальник) 240
Артабаз (знатный перс) 284
Артабаз (сатрап Геллеспонта) 114
Артабан (гирканец) 127
Артабан (перс в Вавилонии) 123,
290
Артабан (хилиарх) 284
Артабан (чиновник в Египте) 139,
236, 300
Артабар 147, 163, 290
Артагата 147
Артаксеркс I 7, 10, 11, 14—16, 20, 32,
111, 120, 127, 131, 161, 175, 177,
185, 220, 235, 249, 252, 254, 257, 258,
270, 278—280, 283, 300, 319, 349

Артаксеркс II 8, 16, 22, 27—29, 31, 32, 114, 129, 131, 154, 160, 189, 190, 228, 241, 242, 251, 253, 255, 258, 262, 263, 270, 275, 283, 312, 313, 319, 327, 328, 337
 Артаксеркс III 17, 32, 35, 107, 123, 180, 185, 201, 205, 206, 239, 240, 253, 270, 287, 288, 312, 313
 Артамарга 147
 Артамбар 177
 Артаруш 226, 290
 Артасари 42
 Артаферн 200
 Артахей 322
 Артембар 287
 Артемида 263, 288, 313, 341, 344
 Артемилис 288
 Артемисия 117, 287
 Артистона 156
 Артия 147
 Арукку 78
 Аршама (дед Дария I) 267, 305
 Аршама (отец Фарнака) 121
 Аршама (перс в Египте) 8, 300
 Аршама (сатрап Египта) 17, 18, 114, 119—121, 124, 127, 145, 151, 152, 161, 180, 181, 216, 242, 291
 Асархаддон 13, 76, 78, 232
 Асдрувааль 301
 Асидат 144
 Аспабар 291
 Аспадаст 237
 Аспамишпу 123
 Аспасия 284
 Аспатин 179
 Аспачана 12
 Аспуметана 226
 Аспутатик 226
 Ассара Мазаш 306
 Ассина 282
 Астарт 295, 301, 302, 304
 Астиаг 31, 79, 80, 85, 243, 244, 265, 311, 315
 Асхор 137, 303, 304
 Атарили 301
 Атарпаран 300
 Атебаг 146
 Атиявахия 115, 300
 Атосса 305
 Атсарма 316
 Атум 338, 339
 Атураман 297
 Атурпаран 236
 Аурватаспа 305
 Афина 121, 207, 263, 283, 296, 341
 Афицей 24, 33, 149, 189, 190, 193, 215, 235, 255
 Ахашверош см. Ксеркс
 Ахемён (перс в Вавилонии) 146, 147, 177

Ахемён (основатель династии) 43
 Ахемён (сатрап Египта) 113, 241
 Ахемениды 3, 6, 7, 9, 19, 20, 35, 43, 45, 51, 52, 67, 75, 97, 103, 107—109, 112, 124, 126, 128, 130, 132, 134, 143, 144, 152, 155, 157, 160, 161, 163, 179—181, 189—191, 197, 200, 201, 206, 208, 210—212, 214, 220, 229, 232, 234—237, 239, 241, 243, 245, 247, 255, 259—262, 265, 266, 268, 271, 274, 279—281, 284, 290, 296, 299, 312, 313, 320—324, 326, 329—332, 335, 336, 339, 342, 344—346, 348, 350, 351
 Ахикар 17, 274
 Ахратуш 297
 Ахура-Мазда 128, 172, 240, 241, 253, 256—258, 261—263, 279, 304, 306, 307, 310, 312—314, 319, 323—332, 334, 336, 337, 339, 340, 342
 Ахутаб 122
 Аххани 161
 Ашпазана 12
 Ашшур (бог) 12, 326
 Ашшурбанапал 13, 42, 76—78, 214, 295, 306
 Ашшурнасирипал II 65
 Ашшур-убаллит II 81, 82

 Бага 297
 Багабигна 202
 Баравир 147, 236, 237
 Багавир (в Нишпуре) 145, 291
 Багадат (египтянин) 300
 Багадат (перс в Вавилонии) 289, 290
 Багадат (перс в Египте) 300, 301
 Багадат (перс в Нишпуре) 197, 237, 290, 297
 Багадат (чиновник в Персеполе) 214
 Багазушт (иранец в Египте) 208, 301, 303
 Багазушт (перс в Вавилонии) 123, 152
 Багазушт (сын Багапата) 297
 Багазушт (сын Паруре) 297
 Багамараздия 300
 Баган 290
 Багапан 148
 Багапат (арахосиец) 319
 Багапат (начальник флота) 121
 Багапат (перс в Вавилонии) 292, 297
 Багасар 216, 290
 Багарту 69
 Багидину 281
 Багиду 281
 Багиязу 289
 Багой (евнух) 107, 123

- Багой (наместник Иудей) 114, 116, 333
 Багохи 116
 Баг Тешуб 69
 Базу 301
 Бакабана 324
 Банит 301
 Барадкама 179
 Бардия 105, 106
 Бартоломе X. 8
 Бартольд В. В. 29
 Баумгартнер В. 22
 Бауэр Т. 80
 Бел 121, 167, 288, 290, 291, 293, 295, 301, 343, 346
 Бел-аб-уцур 295
 Бел-ах-иддин 166
 Бел-буллитсу 152
 Бел-ибни 291
 Бел-иддин 197, 199, 297
 Бел-икиша 198
 Белит 346
 Бел-итанну (вавилонянин) 291, 293, 297
 Бел-итанну (лидиец) 294
 Белшмани 107
 Бел-этир 281
 Бёмер Р. 57
 Бенвенист Э. 153, 179, 267, 307, 315, 320, 321, 326, 331
 Бенгтсон Г. 36, 37
 Бернар П. 320
 Беросс 34, 276, 284, 289, 313
 Бетел 19, 301, 304
 Бикерман Э. 22, 198, 230, 279, 280, 295, 330, 341, 343
 Бируни 307
 Бица 177
 Боголюбов М. Н. 16, 319
 Богословский Е. С. 339
 Боуман Р. А. 15, 16, 319, 320
 Брентгес Б. 36
 Брешиани Э. 19, 37, 348
 Бриан П. 37, 150
 Бусаса 297
 Бэрн А. Р. 36, 337, 339
 Бэс 262, 286

 Вааль 304
 делла Валле, Пьетро 251
 Вальсер Г. 37
 Ванден-Берге Л. 38, 46, 52, 57, 58, 64, 65, 67
 Варийзат 236, 300
 Варохи 145, 151, 152
 Варфшиш 145, 180, 181
 Вахримахи 242
 Вахьяздата 106
 Ваншти 130
 Вейднер Э. Ф. 83

 Вейнберг И. П. 37
 Вейсбах Ф. X. 14, 37, 209
 Верджер А. 37
 Веретрагна 331, 337
 Вивана 112
 Виденгрэн Г. 37, 320, 330
 Видраг 237
 Викандер С. 313
 Вилбур Ч. Э. 17
 Вилкинсон Ч. 92, 93
 Виндишмани Ф. 320
 Виштаспа (в Авесте) 9, 305
 Виштаспа (отец Дария I) 9, 118, 256, 257, 305, 308, 339
 Волтерра Э. 303
 Вулли Л. 339

 Габра С. 18
 Гадал-яма 160
 Гадата (перс в Сирии) 342
 Гадата (управляющий царскими имениями) 126, 154, 349
 Галлинг К. 37, 149
 Гамбия 291
 Гарднер П. 203
 Гармодий 215, 282
 Гарпаг 27, 265
 Гарпаг (ликеец) 287
 Гарпократион 203
 дон Гарсиа 249
 Гаубарува см. Гобрий
 Гаумата 105, 151, 186, 243, 334, 335
 Гафуров Б. Г. 37
 Гезихий 234
 Гекатей Милетский 23, 24, 33, 110
 Гекатомн 288
 Гекатомниды 117
 Гелиос 263
 Гелланик 24, 29
 Гельб И. Дж. 269
 Геракл 121, 263
 Гераклид из Киме 32, 155, 233
 Гераклит из Эфеса 271, 273
 Гермипп 323
 Геродот 24—29, 31—33, 73, 75, 77—81, 84, 89, 105, 109—115, 118—120, 124, 125, 128—131, 142, 146, 149, 156, 158, 169, 179, 180, 186, 188—191, 194—196, 200, 202—204, 206, 211, 214, 218, 219, 221, 228—233, 235—241, 254, 265, 271, 273, 276, 283, 286, 287, 290, 294, 299, 309, 311—313, 315, 318, 322, 326, 329, 330, 340, 341, 343, 348
 Гершевич И. 154, 182, 268, 270, 280, 315—317, 321, 324—326, 331
 Гётце А. 180
 Гиг 77, 78
 Гидарн 148, 239, 240
 Гиерон 288

- Гимиллу 164, 165
 Гишпарх 275
 Гишпократ 276
 Гиршман Р. 10, 36, 37, 39—41, 48, 51, 56, 67, 68, 91, 255—257, 259, 263, 265, 267, 268, 329
 Гистасп (отец Дария I) см. Виш-таспа
 Гистасп (сын Дария I) 239
 Гистией 131, 149
 Глус 241
 Гноли Г. 255, 318
 Гобрый (военачальник) 31
 Гобрый (жрец) 325, 340
 Гобрый (перс в Вавилонии) 163
 Гобрый (соратник Дария I) 151
 Гобрый (наместник Вавилонии) см. Губару
 Годар А. 91, 99
 Гонгил 149
 Гор 286, 292, 300, 339
 Горгион 149
 Гофф К. 52, 86
 Грайсон А. К. 80
 Грантовский Э. А. 4, 36, 39—42, 48, 73, 112, 265, 268
 Грело П. 17
 Губару (наместник Вавилонии при Кире II) 111, 112, 132, 165, 238, 346, 347
 Губару (сатрап Вавилонии в V в.) 133, 148, 290, 291
 Гуггу см. Гиг
 Гундакка 294
 Гутшмид А. 33
 Гэрд С. Дж. 13, 80
 Дабберстейн В. Х. 37
 Давид 116, 343
 Дадаршиш 106, 112
 Дадаршу 152
 Дайаукку 73
 ван Дайк И. 7
 Дайна-маздаясниш 343
 Дайсон Р. 45, 51, 54, 63, 68
 Дандамаев М. А. 36, 37
 Даниил 20, 22, 125, 129
 Дара 9
 Дараб 9, 308
 Даргаман 139, 300, 301
 Дарий I 5—7, 9—11, 14, 15, 17—22, 24, 27—29, 32—34, 35, 43, 77, 85, 100, 105, 106, 108—114, 118, 121—129, 132, 133, 136, 143, 147—149, 151, 154, 156, 158—160, 172, 174, 175, 179, 180, 182—189, 191, 194, 196, 200—204, 206, 208, 211, 214, 216—218, 222, 229, 234, 235, 241, 244, 249, 250—253, 255—258, 260, 262, 264—271, 279—283, 286, 290—292, 295, 305, 308, 314—316, 321, 323, 324, 326—332, 334—336, 338, 339, 343, 348, 349
 Дарий II 9, 14, 28, 130, 133, 146, 160, 182, 224, 262, 270, 296, 312, 313
 Дарий III 9, 34, 107, 118, 130, 230, 242, 253, 279, 280, 284, 313, 341
 Дармстетер Ж. 309
 Датам 127, 205, 242
 Датамитра 214, 319
 Датис 341
 Дейок 73, 76, 79
 Делапорт Л. 16
 Демарат 27, 149, 283
 Демокед 27, 283
 Демокрит 276, 284
 Джемшид 9, 249
 Диана 271
 Динон 24, 28, 31—33, 193, 329
 Диоген Лаэртский 33, 283, 307, 340, 326
 Диодор 24, 27, 28, 30, 32, 33, 117, 124, 130, 131, 136, 148, 180, 191, 194, 214, 223, 231, 233, 239, 249, 286, 287, 326, 329
 Дионисий Милетский 24, 33, 110
 Дионисий из Митилены 33
 Дионисий Перизет 43
 Доватур А. И. 27
 Доугерти Р. П. 191
 Драйвер Г. Р. 17, 18
 Дундан 147
 Духхабат 294
 Дьяконов И. М. 36, 39, 41—48, 73, 75—77, 80—82, 85, 175, 178, 232, 233, 264, 265, 267, 268, 296, 305, 307, 308, 315, 320, 331, 335, 340
 Дьяконов М. М. 36
 Дюпон-Соммер А. 19
 Дюпен-Гиймен Ж. 8, 36, 37, 305, 306, 314, 318—321, 324, 330, 332, 337
 Евсевий 34, 321
 Езекия 205
 Занасана 76
 Заратустра см. Зороастр
 Захария 21
 Зевс 240, 263
 Зейдль Э. 37, 135
 Зельин К. К. 33
 Зений 117
 Зенон 284
 Зерия 346, 347
 Зеровавель 21, 116, 295
 Зеруту 291
 Зигту-Набу 133
 Зишпавиш 151, 168, 170
 фон Зоден В. 159
 Зофир (сатрап Вавилонии) 114, 194
 Зофир (перевозчик в Афины) 27

Зороастр 8, 9, 273, 276, 305—312, 314,
317, 320, 323, 326, 330, 331
Зрван 66, 68, 310, 325

Иддина 293
Иддин-апла 226
Иддин-Бел 296
Иддин-Мардук 291
Иддин-Набу 199, 236, 301
Иезекииль 21, 83, 297
Иезикия 116
Иеремия 83, 85, 182, 191
Иероним 342
Или-акаби 159
Инар 18, 107
Инслер С. 8
Интарвиш см. Дарий I
Иншүшинак 65
Иоаким 83
Иосиф Флавий 34, 81, 139, 349
Иранзу 72
Ирдабама 178
Ирдазана 316
Ирташдуна 156, 157, 179
Иршена 174, 316
Исайя 21, 288, 290
Исида 286, 292, 300
Исхай 288
Итти-Мардук-балату 135, 222, 223
Ихиэгам 147
Иштар 301, 346, 347
Иштубазан 133, 146
Йахо см. Яхве
Йехамелк 299
Йехоазар 116, 193
Йотт Ж. 217

Кавн 288
Кайлер-Янг Т. 44, 45, 48
Какия 291
Каллисфен 276
Кальмейер П. 57
Камакки 153
Камбахш-Фард С. 59
Камбиз I 84
Камбиз II 5, 14, 15, 19, 20, 28, 32, 105,
106, 112, 129, 130, 132, 136, 151,
158—160, 179, 186, 187, 190, 201, 218,
222, 226, 239, 278, 286, 290, 293, 297,
300, 331—335, 343, 345—348
Камерон Дж. 10, 11, 15, 39, 63, 77, 80,
126, 130, 174, 175, 178, 184, 209, 215,
252, 311, 319, 320
Камиль М. 19
Кандавл 33
Карабба 281
Каргуш 161
Кардара 226
Кардашиа Г. 37, 178, 196, 197
Каули А. 17, 303

Каштарити 76—78
Кашшту 293
Кеворкян 103
Кей-Кобад 9
Кейяниды 9
Кемаш-или 295
Кёниг Ф. В. 28, 39, 40, 305, 312, 320
Кент Р. 37, 320
Киаксар 77, 79—85, 106, 231
Киден 275
Кидипну 271, 275, 276
Киниц Ф. К. 37
Кир I 12, 45, 78, 160
Кир II 10, 13, 14, 21, 22, 24, 27, 28,
31—33, 43, 80, 85, 104—106, 110, 112,
123, 125, 128, 131, 148, 149, 155,
167, 179, 186, 190, 194, 195, 201, 203,
206, 211, 216, 218, 222, 228, 234, 242—
249, 256, 264—267, 270, 277, 290,
305, 308, 313, 315, 328, 329, 331—
335, 342, 343, 346, 347, 349
Кир Младший 27, 28, 30, 31, 113, 114,
120, 131, 146, 154, 180, 189, 200, 204,
205, 221, 228, 241, 271, 284, 286, 312,
313, 341
Кисслинг М. X. 195
Клей А. Т. 16
Клима О. 308, 334
Клитарх 34
Кодоман см. Дарий III
Койпер Ф. Б. 265
Кондал 199
Коталла Э. 197
Крамерс И. X. 309
Крез 203, 204
Крейссиг X. 37, 116
Кристенсен А. 28
Кронос 68
Кросс Ф. М. 17
Крэлинг Э. 17, 208
Ксанф Лидянин 33, 34, 284, 307, 312
Ксенофонт 28, 30—32, 81, 82, 85, 113,
114, 120, 122, 125, 131, 144, 146, 154,
155, 180, 186, 189, 190, 194, 195, 198,
200, 203, 205, 220—222, 229, 230,
233—235, 238, 240, 242, 271, 284,
286, 287, 311, 313, 329, 332
Ксеркс 6—8, 20, 22, 23, 26—28, 32, 34,
113, 114, 120, 125, 129, 148, 149, 158,
175, 183, 186, 192, 200, 203, 214, 215,
222, 228, 238, 239, 241, 244, 249—
255, 257—259, 262, 263, 270, 279, 280,
282, 283, 286, 287, 302, 307, 312, 315,
318, 322—324, 326—328, 330, 336—
339, 341, 343, 349
Ктесий 17—29, 31—33, 120, 131, 146,
155, 192, 220, 228, 243, 254, 283, 284,
286, 297
Кумли 287
Куммарби 69

- Кунзуушия 192
 Курбанну 288
 Курилович Е. 264
 Курций Руф 34, 117, 129, 142, 180, 190, 214, 222, 240, 243, 280, 313, 327, 329, 330
 Кутир-Наххунте II 42, 74

 Лабат Р. 42
 Лабинет см. Набонид
 Ламберт У. Г. 13
 Ландсбергер В. 80
 Леви И. 267
 Левин Б. А. 319, 320
 Левин Л. Д. 42
 Леккок П. 125, 267
 Лемани-Хаупт К. 312, 320
 Лето 288
 Леуце О. 112, 191
 Либлут 123
 Ливниц В. А. 4, 9, 153, 185, 268, 280, 288, 311, 319
 Лигдамид 25
 Лигдамис 77
 Лидзбарски М. 16
 Ликс 287, 294,
 Лимепирда 316
 Лишински Э. 149
 Лукония В. Г. 4
 Лукшу 294
 Лурье С. Я. 27

 Мавсол 199, 205
 Магуш 296
 Мадий 78
 Мазай 114, 206
 Маздаясна 202
 Майрхофер М. 37, 268, 270, 281, 321, 324, 339
 Максимова М. И. 190
 Малекс 57
 Малинин М. 143
 Малкат-шамин 19
 Мане 287
 Манефон 20, 34
 Мани 309
 Мания 117
 Манну-икабу 147
 Мануштану 147, 163
 Мардоний (жрец) 326, 340
 Мардоний (полководец) 120, 230, 340, 341
 Мардохай 23
 Мардук 298, 337, 342, 343, 345
 Мардук (чиновник) 123
 Мардука 281
 Мардук-апла-иддина II 73, 74
 Мардук-надин-аххе 65
 Мардук-нацир-апли 333
 Мардук-этир 302

 Марза 282
 Марираш 324, 325
 Маркварт И. 191, 279
 Мартия 282
 Масиста 230
 Маскарелла О. 46
 Маупарра 183
 Махсей 138, 139
 Машдакку 306
 Мегабаршу 293
 Мегабат 287
 Мегабиз (жрец) 341
 Мегабиз (наместник Сирии) 114
 Мегабиз (полководец) 27
 Мейе А. 268, 320, 326
 Мейер Э. 21, 22, 36, 39, 113, 126, 212, 268, 305—307, 320
 Мейсснер Б. 112, 197
 де Мекенам Р. 322
 Меликишвили Г. А. 73
 Мелькарт 205
 Мемнон 284
 Мемукан 22
 Менау см. Хумбан-нимена
 Менахем 295
 де Менаш Ж. 319
 Менна 293
 Меродах-Баладан 73
 Мессина Дж. 315, 335
 Мибтахия 137, 303, 304
 Мидас 76
 Милком 343
 Мильтиад 283
 Мин 300
 Минна 294
 Митра 195, 258, 263, 273, 288, 291, 292, 300, 312—314, 316, 324, 326, 328, 331, 332, 334, 337
 Митрабага 324
 Митрадат (в Вавилоне) 216, 313
 Митрадат (в Египте) 242, 301
 Митрадат (в Ликии) 287
 Митрадат (в Ниппуре) 291
 Митрана 292
 Митрасарах 300, 317
 Митразна 301, 313
 Митридат 145, 147, 152, 163
 Митридат (сын Родобата) 284
 Мишебака 324
 Мишдуши 172, 324
 Моисей 139, 140
 Моисей Хоренский 85
 Монт 339
 де Морган Ж. 322
 Моргенштерне Г. 285
 Мурашу 14—16, 134, 143, 145—147, 152, 153, 158, 160, 161, 165, 166, 177, 182, 196—198, 218, 223—225, 289, 291, 294—297, 317
 Муффс И. 37, 137

- Наббазабба 324
 Набонид 13, 15, 31, 80, 85, 111, 132,
 232, 288, 289, 294, 346, 347
 Набопаласар 79—83
 Набу 19, 121, 167, 288, 295, 298, 301,
 304, 346
 Набу-аххе-буллит 111, 302
 Набугу 290
 Набу-кудурри 236, 301
 Набу-леу 83
 Набу-мит-убаллит 146
 Набу-мушетик-урри 291
 Набу-надин-шум 121
 Набуриан 275
 Набуриманну 275
 Набу-тукульти 301
 Набу-уцуршу 293
 Набу-шум-ишкун 301
 Навуходоносор I 65
 Навуходоносор II 13, 23, 25, 79, 82—
 85, 182, 192, 216, 225, 232, 281, 288,
 289, 295, 303, 343, 347
 Навуходоносор IV 15, 294
 Найрия-санха 324, 325
 Нана 291, 346, 347
 Нана-надин 291
 Нарипанка см. Найрия-санха
 Натан 304
 Наум 21, 81
 Наппанда 321
 Неарх 34
 Негахбан Э. 52, 59, 60, 62, 63, 70
 Неemia 22, 116, 120, 127, 140, 149,
 153, 155, 165, 199, 201, 219, 220, 279,
 286, 298, 342
 Нейгебауэр О. 85
 Нейт 274, 338, 339, 342, 348
 Нельдеке Т. 21, 27, 33, 191
 Непот Корнелий 123, 149
 Нергал 301
 Нергал-убаллит 294
 Нергал-ушезиб 74
 Нергал-шар-уцур 347
 Нехо II 81—83, 214, 217
 Нехтихор 18, 145, 151, 152, 161, 180,
 181
 Нидинту-Бел 166, 290
 Николай Дамаскин 28, 33, 43
 Никон 169
 Нику 288
 Ниландер К. 24, 37, 192, 244, 248, 260,
 266, 267, 283
 Нинакку 291
 Нинурта 291
 Нинурта-этир 291, 297
 Нириабигну 226, 292
 Нюберг Х. С. 37, 279
 Оганесян К. Л. 329
 Олбрайт У. Ф. 304
 Олмстед А. Т. 3, 32, 112, 128, 191,
 210, 254, 320, 345
 Опесикрит 34, 266, 267
 Оппенхейм А. Л. 154, 332
 Оранский И. М. 267, 268
 Ормазд см. Ахура-Мазда
 Оройт 120
 Оромасд см. Ахура-Мазда
 Оронт 129, 131, 205
 Осирис 19, 302
 Отана (знатный перс) 148
 Отана (полководец) 239
 Отана (чиновник) 179
 Павсаний 24, 149
 Пальяро А. 233
 Памун 161, 292
 Паниасад 287
 Парбаррат 294
 Парисатида 120, 130, 133, 146, 312
 Паркер Р. А. 37
 Парни Олди 69
 Партамму 148, 290
 Партасем 148
 Партатуа 76
 Парурэ 297
 Патап-Эси 177, 292
 Патиза 226
 Патиштана 297
 Патишусту 292
 Патнашу 293
 Паттемиду 194
 Пахи 300
 Пенелопа 263
 Перикл 284
 Персей 43
 Петеси 20, 136
 Петосириис 161, 300
 Петихнум 304
 Петчов Г. 37
 Пиа 303
 Пигрес 287
 Пиксодар 288
 Пирдакания 324
 Пирсон Л. 34
 Пиотровский Б. Б. 80, 84, 231, 232
 Писамиш 292
 Писуасмакаш 293
 Питарх (грек из Кизика) 149
 Питарх (ремесленник) 169
 Пинамиш 159
 Пифагор 276
 Пифий 204, 238
 Платон 186, 276, 284, 309, 311
 Плиний Старший 219, 275, 315, 321
 Плутарх 24, 26, 28—30, 32, 35, 68,
 113, 120, 126, 130, 131, 150, 154, 230,
 231, 242, 244, 266, 284, 287, 310, 312,
 313, 323, 326, 330
 Позенер Ж. 20, 185

- Полибий 258
 Полигистор 34, 83
 Поликлет 215
 Поликлет из Менды 283
 Полиэн 28, 238, 329
 Поллукс 204
 Порада Э. 37, 70, 96
 Портен Б. 17, 37, 208
 Посидоний 34, 154
 Прашек Ю. 33, 39
 Прототий 76, 78
 Псамметих I 76, 77, 79
 Псамметих II 303
 Псамметих III 19
 Псамметих (грек) 299
 Псамметих (египтянин) 300
 Псамсимит 242
 Псамшек 114, 152, 161, 181
 Псевдо-Аристотель 33, 184, 189, 199, 211, 235
 Псевдо-Платон 307
 Птах 208, 216, 301, 338, 348
 Птахотеп 216, 300
 Птолеми 351
 Птолемей 34
 Пусамиски 288
 Пьянков И. В. 29, 36

 Ра 300, 333, 338
 Рад М. 57
 Разамарма 226
 Разамумарга 226
 Раматейя 76
 Рапопорт Ю. А. 322
 Рахим-или 291
 Рахим-Эси 292
 Рибат 224
 Римут-Нинурта 147, 166, 218, 224, 296
 Рихтер Г. 282
 Родобат 284
 Руса I 73
 Руфь 23
 Рушундат 145, 147
 Рушунпаттиш 145

 Сайгрчиш 324
 Сакита 293
 Сакурзиш см. Сайгрчиш
 Салманасар III 41, 42, 69
 Саманнапир 292
 Сами А. 244
 Санбаллат 114, 117, 298
 Сандакшатру 75
 Сан-Николо М. 37, 135
 Саргон II 12, 41, 48, 72, 73, 76, 288, 306
 Сасаниды 279, 351
 Сати 304
 Сатибарзан 301
 Свинесий 85, 113, 238

 Седекия 83, 84
 Секст Эмпирик 321
 Селевк 15
 Селевкиды 207, 244, 351
 Семерени О. 234, 235, 306
 Сиден 275
 Силаний 284
 Силосант 125
 Симиас 288
 Симонид 32, 231
 Симут 324, 325, 340
 Син 342, 345
 Синаххериб 65, 74, 87, 208, 246, 295
 Син-шар-ипшкун 80, 81
 Сисамн 129, 240
 Скилак 33, 34, 217, 286
 Скунха 269
 Смердис 28, 34
 Смирнов Я. И. 16
 Смит С. 339
 Соломон 245
 Софенет из Стимфалы 30
 Спантадата 302, 321
 Сраоша 68, 328
 Стейн А. 51, 244
 Стефан Византийский 33
 Столпер М. 134, 147
 Страбон 24, 32, 33, 84, 192, 194, 195, 211, 214, 215, 218, 219, 255, 256, 258, 266, 267, 275, 309, 311—313, 315, 319, 321, 326, 329, 341
 Стратон 298
 Стронах Д. 42, 51, 52, 88—90, 244, 259, 322, 330, 332
 Струве В. В. 28, 34, 37, 197, 264, 268, 320, 330
 Стэв М.-Ж. 267

 Табари 9
 Тагизаде С. X. 280
 Таддану 296
 Тадмор X. 75, 78
 Тамос 127, 241
 Таниоксарк 194
 Тари У. 37, 195
 Татнай 111, 112
 Таубеншлаг Р. 135
 Тахос 349
 Теисп см. Чишпиш
 Телефан 282
 Тем 294
 Темистоген Сиракузский 30
 Теушна 76
 Тигир 294
 Тиглатпаласар III 57, 72, 93
 Тигран 239
 Тилима 294
 Тимаген 33
 Тимокреонт 284

Тирибаз (перс в Вавилонии) 296
Тирибаз (сатрап Западной Армении)
151
Тирибаз (царедворец) 129, 205
Тиридат 291, 297
Тирипарна 296
Тирияма 296
Тиркам 148
Тиссаферн 113, 114, 144, 146, 148, 205,
283, 284
Типтрия 331
Торри Ч. 22
Тот 18
Трейдлер Х. 244
Тритантехм 149
Трог Помпей 28, 33, 312, 321
Трюмпельмани Л. 255, 269
Тугдамме 75, 77
Турма 325
Тюро-Данжен Ф. 81

Уаджит 333
Убар 293
Ударна 291
Уджагорресент 19, 274, 286, 348, 350
Удия 293
Удунат 133
Укпиш 316
Улликумми 69
Уллусуну 72
Умардат 133
Умарзана 293
Умизза 188
Уммадат 290
Уммануш 282
Умманшипир 292
Унвала Дж. 327
Унгнад А. 306
Упадарма 282
Упиш 324
Упшис 76
Уртагу 289
Уруру 325
Успатар 297
Ухия 291
Уштабазан 290, 297
Уштан 111, 112, 115, 123, 147, 163
Уэллс Дж. 27

Фалес Милетский 85
Фарнабаз 114, 117, 126, 149, 205, 206,
283
Фарнадат 214
Фарнак (отец Артабазы) 240
Фарнак (перс в Вавилонии) 147, 291
Фарнак (управляющий царским хо-
зяйством) 121, 123, 150, 156, 157,
168, 170, 171, 173, 174, 179, 188, 316,
324, 347

Фемистокл 32, 129, 148—150, 192, 206,
283, 323
Феокл 299
Феопомп 32, 67, 189, 240, 323
Ферендат 20, 126, 349, 350
Фигулла Х. 206
Филон Александрийский 309
Филон из Библы 284
Фирдоуси 9, 28, 284
Фои В. 320
Фокион 150
Форуги М. 65
Фотий 28
Фравартипат 302
Фравартиш 77, 106
Фрадат 146, 147, 163
Фрай Р. Н. 36, 308
Франкена Р. 306
Фраорт 77—79, 84
Фриних 299
Фукидид 29, 30, 33, 115, 125

Хаваккук см. Авакум
Хададнури 301
Хакими А. 52, 57, 58
Халди 306
Халлок Р. Т. 10, 16, 154, 172—175,
182, 226, 227, 243, 270, 325, 340
Халлугуш-Иншушинак II 74
Халпа 188
Хаман 22
Хаммурапи 128, 134
Ханания (в Вавилонии) 153
Ханания (в Самарии) 135
Ханнани 295
Хантушу 295
Хануну 225
Хаома 319, 325
Хапи 292
Хапимена 159, 292
Хара 100
Харес Митиленский 305
Харматта Я. 178, 209, 270
Харон из Лампсака 24, 33
Харрена 157
Хартманн Х. 320
Харшин 139, 300
Хаттууду 146
Хатубасти 151
Хаумадата 236, 319
Хеннинг В. Б. 15, 37, 177, 307
Хертель И. 305, 312, 320
Херцфельд Э. 10, 15, 33, 37, 40, 80,
191, 233, 243, 244, 249, 254, 263, 268,
312, 320, 322, 337
Хинц В. 8, 36, 37, 39, 154, 157, 175,
215, 217, 234, 265, 267—269, 316, 317,
321, 324—326
Хласитини 287
Хнум 126, 304, 349

Хоммель Ф. 306
Хувахштра 77, 79
Хумардат 133
Хумат 296
Хумбан 324, 325, 340
Хумбанигаш I 73
Хумбанигаш II 78
Хумбан-нимена II 74
Хумбах Х. 8
Хуру 292
Хурузушт 123
Хутаоса 305
Хшатрита 77—79
Хшаярша см. Ксеркс
Хюзинг Г. 312

Ценер Р. 314, 317, 320, 323, 339
Цицерон 32, 311, 321, 323

Чинчахриш 282
Чиссатахм 80
Чишпиш 43, 78

Шаламману 182
Шамаш 76, 272, 304, 345
Шамаш-баракку 294
Шамаш-риба 107
Шамаш-шум-укин 78
Шапур I 9
Шатабар 123, 301
Шатабарзан 291
Шахбази А. III. 327
Шахермейер Ф. 37
Швенцнер В. 347
Шедер Х. Х. 22, 132, 148, 303
Шейль В. 10
Шешбацар 116, 216
Шешшети 153
Шилисрух 71
Шилхак-Иншушинак 65
Шиммель Н. 102
Ширку 239, 293
Шиппманн К. 38
Шита 134
Шлехтер Э. 134
Шмидт Э. 37, 88, 178, 215, 253, 282,
318, 322

Шмитт Р. 192
Шнабель П. 34
Шпигель Ф. 37
Штиль Р. 200, 308
Шуддаюда 168
Шумму 291
Шутрук-Наххунте II 73

Эа-буллитсу 146
Эвагор 27, 206
Эвдокс 284, 310, 323
Эгиби 14, 15, 135, 222, 223, 225, 239,
290, 291, 293, 294
Эзра 20—22, 112, 116, 120, 125, 139,
140, 155, 187, 298, 342
Эйлерс В. 13, 37, 144, 178, 213, 243
Экройд П. Р. 37
Экур-белит 291
Элиан 188, 190, 313
Эллиль 345
Эллиль-шум-иддин 160, 166, 197, 224,
225
Элнаф 288
Эме-Жирон Н. 19
Эобаз 229
Эрдманн К. 329
Эсфирь 22, 120, 125, 129, 201, 257
Эсхил 26, 84, 230, 326, 330
Этана 68
Эфор 30, 33
Эшем 304
Эшембетел 304
Эшмун 301
Эшмуназар 149

Юнге Ю. 234
Юпитер 241, 275
Юсифов Ю. Б. 10, 130
Юстин 24, 32

Якоби Ф. 24, 28
Ямакшедда 156
Янг Т. К. см. Кайлер-Янг Т.
Ярон Р. 37, 137, 138
Яхве 139, 140, 295, 298, 301, 304, 332,
334, 339, 342, 343

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абану 347
 Абар-нахара см. Заречье
 Абдера 148
 Абидос 210, 237, 301
 Абираду 256
 Абу-Симбел 299
 авестийцы 285
 Азербайджан 41, 49, 63, 86, 90, 91
 Азия 110, 179, 248, 266
 Акабский залив 191
 Аканф 148
 Акес 153
 Аккад 79, 81
 алародии 195
 Александрия 33
 Алеппо 15
 Алисарна 149
 Алтай 260, 285
 Амлаш 63
 аммонитяне 298, 343
 Амударья 104
 амюргийские скифы 233
 Анзан см. Аншан
 Ани Пемза 94, 98
 Анкараккан 174
 Антилла 146, 193
 Аншан 42, 74, 78
 арабы 78, 118, 179, 189—191, 196, 239,
 281, 293—295, 298
 Аравийский полуостров 191
 Аравия 109, 110, 191, 218, 220, 257
 Арад 73, 117, 219
 арамеи 74, 127, 158, 236, 237, 282, 288,
 290, 292, 295, 298, 299, 302—304
 Арарат 85
 арахосийцы 193
 Арахосия 104, 106, 109, 110, 169, 185,
 193, 256, 257, 281, 319
 Арбела 82, 145, 212, 230, 341
 Ардерикка 180, 286
 Аребсун 16
 ареи 195, 240, 281, 289, 297
 Арейя 104, 109, 195, 257, 281, 297
 Арзухин 145
 Арирама (гора) 316
 ариаспы 148, 190
 арийцы 202, 285
 Аринберд 94, 219
 Армения 30, 84, 106, 107, 110, 111,
 141, 148, 151, 195, 198, 219, 228, 280,
 287
 армяне 195, 293, 294
 Армянское царство 85
 Аррапха 79
 Арслан Таш 93
 Арслантепе 69
 Аскалон 73
 Аспенд 193
 Асса 192
 Ассирийская держава 13, 21, 75, 78,
 80, 82, 112, 124, 194, 288
 ассирийцы 43, 49, 71—82, 159, 180,
 186, 192, 194, 232, 248, 282
 Ассирия 12, 13, 21, 28, 40, 42, 45, 47,
 49, 63, 64, 69—84, 86, 91, 92, 95—98,
 100, 103, 109, 112, 191, 194, 216, 248,
 257, 261, 263, 306
 Асуан 115, 236
 Асход 154
 Атар 117
 Афганистан 38, 209, 219, 297
 Афины 25—27, 29, 30, 107, 120, 204,
 221, 273, 276, 282, 284, 298, 299, 341
 афиняне 107, 179, 200, 283
 Афон 203
 Африка 179, 285
 Ахеменидская деревня 259
 Ахеменидская держава 3, 5, 26, 30,
 36—40, 101, 105, 106, 108, 109, 117,
 118, 120, 124, 127, 135, 140, 162, 163,
 167—169, 171, 186, 187, 189, 198—201,
 205—207, 211, 212, 215, 216, 218—
 221, 228—230, 233—236, 238, 240, 257,
 264, 271, 273, 277, 278, 299, 305, 308,
 334, 339, 351
 Ахинхаришда 316
 Ашшур 21, 70, 79, 80, 91, 231, 306
 Баба Джан-тепе 44, 52, 86, 87, 99
 Бадахшан 220
 Бази 58
 Бактиш 170
 бактрийцы 113, 168, 195, 220, 228—
 230, 239, 281, 285
 Бактрия 9, 29, 104, 106, 109, 111, 166,
 179, 195, 207, 217, 220, 229, 256, 257,
 281, 285, 291, 308, 313, 337

- Бактры 120, 263, 313
 Балих 79
 Балканский полуостров 192, 341
 Бани Сурмах 64
 баннешийцы 294
 Бард-и Бал 64
 Бард-и Нишанде 48, 259
 Барка 179, 193, 238, 285
 баркиане 179
 Барниш 170
 Батракаташ 213
 Батетираккан 157
 беотийцы 286
 Библи 205, 219, 284, 288, 299, 302
 Бикни 72
 Бит-кари 77
 Бит-кишпу 177
 Бит-Хамбан 72
 Бит-Эллиль 296
 Ближний Восток 21, 25, 32, 39, 75, 80, 97, 104, 105, 140, 162, 169, 183, 204, 207, 210, 245, 248, 264, 342
 Борсиппа 123, 133, 148, 221, 275, 289—292, 294
 Босфор 121
 Британские о-ва 300
 Бубастис 217, 304
 Буто 299
- Вавилон 5, 7, 14, 18, 21, 22, 25, 31, 73, 78, 79, 81, 85, 104, 105, 114, 118, 120, 122, 124, 132, 142, 144, 147, 151, 152, 154, 159, 165, 167, 180, 185, 192, 194, 200, 212, 215—219, 221, 222, 224, 228, 231, 232, 236, 248, 256, 263, 273, 274, 277, 290—297, 313, 338, 343—346, 349
 Вавилония 3, 13—15, 25—27, 30, 34, 49, 72—74, 78, 79, 81—85, 92, 104—106, 108—112, 115, 118, 121, 123, 124, 127, 132—135, 138, 140—147, 149, 150, 153, 158, 160, 162—166, 179, 181—185, 187—190, 194, 196—198, 200, 201, 203, 207—210, 212, 216, 218, 219, 221—223, 225, 227—229, 232, 233, 236—238, 243, 257, 261, 270, 271, 273, 274, 276—279, 288—292, 294—297, 304, 317, 327, 337, 339, 343—347
 Вавилонская сатрапия 37, 112, 115
 Вавилонское царство 21, 104
 вавилоняне 10, 73, 74, 76, 79—84, 101, 126, 127, 158, 168, 171, 172, 178, 179, 182, 183, 186, 189, 190, 192, 194, 199, 218, 219, 223, 226, 232, 236, 238, 239, 248, 249, 255, 256, 271, 274—277, 281, 284, 286, 289—298, 301, 303, 305
 Вади-Далиях 16, 17
 Вади-Тумилат 217
 Вади-Хаммамат 20
 Вани 263
 Ванское озеро 84
 Вар-Кабуд 43, 64
 Вахш 263
 Вифиния 192
 Восток 186, 216, 218, 219, 263, 273, 276, 284, 299
- Газа 84
 Гал 146
 Галиа 146
 Галикарнасс 25, 117, 271, 286, 287
 Галис 85, 229
 Гандхара 104, 109, 111, 166, 193, 256, 257, 281, 285, 291
 гандхарцы 193
 Гаугамела 108, 293
 Гедросия 195
 Гезер 142
 Гелиополь 258, 339
 Геллеспонт 24, 114, 192, 210, 220, 318
 Геой-тепе 44, 51
 Гермополь 18, 115, 237, 299—301, 348
 Гиерополь 7
 Гилян 58, 59, 63, 71
 Гимирра 76
 гимирри 75
 Гиндукуш 104
 Гиркания 84, 104, 106, 111, 118, 180, 195, 285, 321
 гирканцы 127
 Гисар 48
 Гилян 44, 51, 65
 Годин-тепе 43, 45, 52, 86, 90
 Гордион 121
 Граник 108
 греки 23, 28, 32, 75, 127, 148, 169, 190, 192, 203, 210, 212, 219, 235, 238, 248, 249, 252, 263, 276, 277, 282—284, 286, 287, 289, 296, 299, 302, 305, 342
 Греция 29, 30, 36, 106, 107, 113, 129, 141, 149, 192, 202, 206, 211, 212, 215, 219, 230, 238, 239, 264, 273, 278, 284, 286, 338, 341, 342
 Грузия 263
 Гутиум 75
- Дамаск 193, 212, 263, 313
 Дамган 48
 Дардана 117
 дарейты 195
 Даскилейская сатрапия 114, 192
 Даскилея 8, 16, 35, 120, 206, 286—288, 317
 Дафны 237, 301
 дахи 337
 Двуречье см. Месопотамия
 Дельта (Нила) 25, 299, 301, 348

Демавенд 72
Дер 73, 78
Джемдет-Наср 214
Дидиме 344
Дилбат 152
Динха-тепе 43, 45, 51, 56
Дор 149
дорийцы 25
Дрангиана 104, 109, 148, 190, 195, 257,
305
дрангианцы 195

Европа 17
Евфрат 79, 80, 82, 83, 111, 119, 154,
218, 221, 294
Египет 3, 7, 8, 15, 17—20, 23, 25, 26,
32—34, 37, 38, 76—78, 82, 83, 104—
110, 114, 115, 119—121, 124—127,
129, 135—138, 140—146, 151, 152, 158,
161, 164—167, 169, 171, 174, 179—
181, 185, 188, 190, 191, 193, 200, 206—
210, 213, 216—221, 229, 230, 236, 237,
239, 240, 242, 250, 256—258, 270,
271, 274, 276, 286, 288, 293, 299, 300,
302—304, 317, 327, 333, 337—339,
341, 342, 344, 345, 348, 351
Египетская сатрапия 37, 113, 237
египтяне 79, 82, 101, 105, 127, 142, 168,
178, 183, 193, 199, 201, 216, 229, 237,
241, 242, 256, 271, 274, 276, 277, 281,
286, 288—290, 292, 293, 297—300,
302, 303, 305, 332, 333

Заб Малый 48
Загрос 41, 42, 45, 47, 49, 51, 52, 71, 74,
91, 119, 216, 259
Закавказье 39, 40, 75, 113, 217, 231,
286
Заким 94, 98
Замуа 71
Зангезур 219
Запад 218, 263, 284
Заречье 111, 112, 114—116, 132, 191,
193, 194, 206, 346, 347
Зендан-и Сулейман 44, 51, 91, 103,
245
Зибие 91
Зивие 44, 90—103, 248, 260, 263
Зила-Хумбан 326
Зинджерли 53, 92

Ибараш 174
Ида 69
Иеб 236
Иерусалим 21, 83, 116, 120, 140, 205,
219, 220, 295, 298, 303, 304, 333, 337,
349
Изиргу 72, 91
Израиль 343

Илам 64
имбукийцы 293
Имет 333
Инд 84, 106, 114, 195, 217, 261
Индийская сатрапия 188
Индийский океан 218
индийцы 158, 195, 237, 239, 281, 285,
297
Индия 15, 29, 33, 104, 106, 107, 110,
119, 120, 195, 217, 220, 256, 281, 284,
285, 287, 297, 341, 351
Ионийская сатрапия 114, 195
ионийцы 25, 101, 168, 169, 172, 173,
179, 192, 239, 248, 249, 256, 281, 304
Иония 109—111, 113, 154, 186, 192,
202, 208, 221, 248, 256, 257
Иония 96, 149
Иордан 342
Ирак 38, 71, 207, 231
Иран 3—9, 12, 13, 15, 27, 28, 36—51,
57, 67, 69—72, 74, 78, 82, 88, 90, 91,
97—100, 102, 110, 112, 124, 131, 141,
154, 167, 178—181, 183—186, 188,
201, 206, 210, 217, 218, 220, 226, 227,
244, 249, 256, 259, 261—263, 270, 274,
279, 285, 305, 307—309, 311, 316, 318,
324, 330, 331, 334, 340
Иранское плато 40, 43, 46, 63, 72, 142
иранцы 4, 10, 37, 39—41, 49, 146, 158,
179, 197, 214, 216, 226, 229, 230, 232,
236, 242, 248, 255, 276, 285, 289—292,
296, 297, 300—305, 326, 341
Исс 108, 130, 200, 212
Иссенский залив 217
Истахр 249, 328
иудеи 127, 138—140, 158, 180, 236, 237,
278, 286, 288, 290, 295, 298—300,
302—305, 333, 342
Иудейское царство 303
Иудея 21, 22, 73, 83, 112, 114—116,
120, 139, 140, 149, 165, 193, 199, 201,
205, 207, 210, 220, 277, 278, 285, 288,
298, 304, 333, 343, 345
Ишкуза (страна) 76
ишкуза (племя) 75
Ка'ба Зороастра 9, 103, 262, 328, 329
Кабул 206
Кавказ 3, 39, 40, 48, 51, 63, 64, 75
кадусии 118, 195
Кайтарие 43, 59
Калардашт 60, 96
Кал-и Чинан 43
Калураз 43, 58, 59, 61, 63
Кальху 91, 207
Капланту 91, 100, 102
кашпадоккийцы 168, 192, 281
Капнадокия 16, 76, 78, 85, 109, 110,
119, 148, 183, 192, 228, 257, 280, 287
Каратене 70

- кардухи 118
 Карианда 33, 217
 карийцы 25, 33, 127, 168, 242, 248, 256, 281, 286, 287, 289, 293, 294, 299, 304
 Кария 27, 35, 110, 114, 117, 127, 144, 192, 199, 205, 286, 288
 Каркемиш 83, 231
 Каркутия 178
 Кармания 153, 216, 220, 256
 Кармир-блур 85, 94, 98, 124
 каспии 195
 Каспийское море 40, 43, 75
 каспийцы 208, 301, 302
 касситы 49, 70, 71
 Кастола 229
 Каунирриш 324
 Кашан 43, 51, 56, 63
 Келены 154
 Келермесский курган 99, 101
 Кены 222
 Керман 256
 Керманшах 5
 Керха 74, 256
 Кизик 149, 204
 Киликийские ворота 216, 235
 киликийцы 180, 188, 193, 288, 299, 301
 Киликия 33, 77, 82, 85, 111, 113, 114, 117, 118, 127, 141, 152, 180, 193, 205, 206, 239, 288
 Киме 32, 155, 233
 киммерийцы 75—78, 80, 231, 232, 238, 293, 296, 297
 Кипр 107, 117, 168, 192, 193, 204, 206, 219, 220, 227, 298
 киприоты 241
 Кирена 299
 Киренаика 187, 193
 Китион 219
 Киш 297
 Книд 27, 283
 Колофон 33
 колхи 118, 189, 196
 Коптос 115, 300
 Коринф 221
 Кос 117, 276, 283
 Красное море 191, 217, 218
 Крит 284
 Кротон 283
 Ксанф 35, 263, 288, 294
 Кубань 263
 Куганака 282
 Кугурди 147
 Кунакс 27
 Курангун 326
 Курдистан 44
 Курдушум 169
 Кутал-и Гулгул 64, 65
 кутии 71
 Кух-и Дашт 88
 Кух-и Рахмат 169, 249, 250, 262
 Куш 110, 256
 Куянджик 93
 Кызыл-Ырмак 85
 Ла'ир 145
 лакедемоняне 31
 Лампсак 24, 148, 150, 204, 243
 Лахин 142
 Лаарта 33
 Лемнос 179
 Лесбос 341
 Ливан (горы) 256
 ливийцы 187, 193, 196, 299, 301
 Ливия 110, 193, 237
 Лидийская сатрапия 114
 Лидийское царство 203
 лидийцы 101, 158, 168, 192, 199, 202, 204, 221, 237, 238, 248, 249, 256, 281, 286, 288, 293, 294
 Лидия 23, 25, 33, 77, 78, 82, 85, 104, 109, 120, 141, 179, 180, 192, 200, 202—204, 216, 220, 221, 228, 229, 244, 248, 256, 257, 263, 294, 349
 Лидума 281
 ликийцы 237, 281, 286, 294
 Ликия 108, 117, 169, 192, 287, 288, 294
 Лихьян 299
 Луксор 18, 122, 301
 луллубеи 71
 Луристан 43, 44, 51, 52, 55, 63—68, 86, 87, 94, 97—99, 209
 маги (племя) 315
 Магнесия 35, 126, 148, 149, 154, 206, 349
 Мадай 72, 77, 80
 Мазендаран 63
 Мака 109
 Македония 106, 110, 169, 263
 македонцы 196, 212, 214
 Маккан 256, 257
 макроны 195
 Малатья 69
 Малая Азия 16, 23, 25, 27, 29, 30, 34, 35, 38, 75—77, 80, 82, 85, 96, 107, 108, 111, 113, 116, 117, 120, 121, 126, 127, 131, 144, 149, 154, 169, 188, 189, 192, 200, 202—207, 209, 210, 216—221, 228, 229, 231, 233, 248, 261, 273, 282, 284, 286—288, 293, 297, 300, 317, 341, 342, 345, 349, 351
 Малиан 44, 259
 Манда 80
 Манна 40, 63, 69, 72, 75—78, 84, 85, 91, 99, 248
 маннеи 42, 96, 103
 марафии 179
 Марафон 26, 29
 Маргиана 9, 104—106

- маргианцы 106
 марды 235
 Марес 237
 Марлик 43, 58—65, 68, 71, 96, 97
 Марсашкаш 178
 мары 195
 Масджид-и Сулейман 48, 259, 263
 массагеты 75, 105
 Матаннан 157
 Матезиш 170, 213, 214
 матиены 195
 Мах-и Дашт 259
 Меандр 35, 149, 154, 242
 Мекран 195, 217
 Мемфис 18—20, 105, 118, 121, 184, 209, 215, 216, 219, 230, 236, 237, 242, 299—302, 304, 338, 348
 Менда 283
 Меридово озеро 153, 193
 Месопотамия 13, 16, 21, 45, 82, 111, 133, 144, 168, 208, 216—218, 230, 232, 238, 261, 273, 288, 289, 292, 298
 Мидийская держава 39, 40, 47, 84, 99, 104, 112, 264
 Мидийская сатрапия 195
 мидийцы 4, 36, 39—41, 71—74, 76, 78—82, 85, 99, 101, 103, 106, 129, 159, 186, 194, 195, 201, 209, 229—232, 234, 236, 237, 239, 241, 244, 248, 249, 251, 252, 256, 264, 265, 267, 268, 281, 285, 288, 289, 291, 299, 300, 302, 306, 315, 317, 334
 Мидия 5, 7, 12, 13, 28, 36, 40, 42, 64, 71—73, 75—80, 82, 84—89, 104—112, 141, 194, 195, 200, 222, 233, 248, 257, 264, 268, 288, 289, 297, 298, 306, 307, 311, 315, 316, 322, 330, 334, 335, 337, 338
 мики 195
 Милет 23, 134, 149, 221, 285
 милетяне 179, 273
 Милиада 294
 милидийцы 294
 Миркин 149
 Миси 73
 мисийцы 117, 118
 Мисия 144, 149, 192
 Митани 63
 Митилена 24
 Миунт 148
 моавитяне 295, 297, 298, 302
 мосинойки 195
 Мосул 231
 мосхи 195
 Мургабская долина 244

 Навкратис 219, 220, 299
 Наксос 117, 179
 Накш-и Рустам 6, 15, 103, 234, 244, 247, 250, 251, 261, 262, 315, 322, 327, 328
 Намру 42
 Нейраб 15
 Никомедия 34
 Нил 25, 191, 193, 217, 220, 237, 277
 Нимруд 65, 93, 94, 96, 207
 Ниневия 21, 76—81, 231, 306
 Нишпур 14, 16, 74, 132, 133, 144, 145, 147, 152, 153, 158, 160, 161, 165, 166, 177, 200, 202, 218, 221, 223, 225, 288—295, 297, 300, 317
 Ниса 280
 Нисейя 194, 300
 нубийцы 299
 Нубия 236, 299, 303
 Нуш-и Джан-тене 44, 47, 52, 86, 88—90, 264, 330

 Опис 144, 146, 223, 225
 Оренбург 7
 Орск 7, 185, 220, 270
 ортокорибантин 194, 195, 233, 297
 Офи 18

 павсики 195
 Пазырык 261
 Пайнигувада 243
 Пактол 220
 Палескепс 148
 Палестина 17, 37, 38, 76, 82, 83, 104, 111, 140—142, 168, 191, 193, 288, 295, 304
 Памфилия 192
 пантиматы 195
 Папремис 181
 парикании 194, 195
 Парса 41, 42, 249, 254, 328
 Парсуа (ш) 41, 42, 48, 49, 72, 74, 259
 Парсумаш 12, 41, 42, 78, 83, 259, 281, 288
 Партакка 76
 Партукка 76
 Парфия 84, 104—106, 109, 111, 118, 195, 257
 парфяне 195, 240, 351
 Пасаргады (город) 4, 7, 37, 44, 51, 52, 103, 122, 131, 212, 215, 217, 243—249, 253—255, 259, 262, 263, 265, 266, 270, 315, 327, 328, 332, 338
 пасаргады (племя) 243
 Патишхвар 76
 Патун'арри 76
 Патракаташ 243
 Пафлагония 117, 192
 пафлагонцы 188
 Пелусийская область 237
 пеоны 179
 Передняя Азия 39, 41, 75, 85, 217, 220, 231, 232, 296

- Перкота 148
Персеполь 1, 6—12, 15, 29, 35, 37, 90, 101, 118, 119, 121—123, 125—127, 129, 141, 142, 156, 168—170, 173, 174, 176, 179—182, 185, 190, 192—196, 202, 203, 209, 211—215, 217, 220, 233, 244, 247, 249—263, 268, 270, 273, 281—283, 313, 316, 317—322, 324, 327, 329, 337, 340
Персида 10, 41—43, 127, 214, 215, 280, 309
Персидский залив 118, 195, 218, 220, 273
Персия 5, 9, 15, 21, 23, 24, 26—33, 35—37, 84, 105—110, 118, 120, 126, 127, 140—142, 149, 155, 156, 167—169, 182, 186, 188, 195, 202, 204, 209—211, 215, 217—220, 227, 229, 230, 235, 240, 244, 249, 257, 268, 270, 278, 282, 285, 287, 311, 313, 315, 316, 321, 322, 331, 334, 335, 337, 340
персы 4, 6, 13, 23, 25, 34, 36, 39—43, 75, 83, 103, 107, 118, 120, 127—133, 136, 147—149, 160, 172, 179, 181, 182, 186, 188, 191, 192, 194, 196, 200—202, 204, 205, 209—211, 214, 216, 218, 221, 223, 227, 229—237, 239—244, 246, 251, 252, 263—268, 271, 274, 279—291, 295, 296, 299, 300, 302, 305, 308, 312, 315, 317, 321, 330, 341, 342, 351
Пилос 53
писидийцы 117, 118
Питтаннан 169, 172
Платей 29, 204, 230
Пригелеспонтская сатрапия 35
Приморье 79
Пропонтида 192
Пульвар 244, 249
Пут 110
Пушт-и Кух 64, 99
Пияпдж 263
Раккан 169, 172
Римская империя 300
Рудбар 59
сагартин 82, 195, 239
Сакс 274, 338, 342, 348
Сака 110
Сакавенд 322
Сакасена 75, 77
саки 75, 104, 107, 118, 158, 189, 195, 229, 230, 233, 237—241, 269, 281, 285, 289, 293, 296, 297, 339
саки-тиграхауда 195, 232, 297
саки-хаумаварга 296, 319
Саккара 7, 19
Саккыз 90
Саламин (в Греции) 29
Саламин (на Кипре) 263
самаритяне 298
Самария 17, 114—117, 120, 135, 154, 279, 298
Самарра 74
Самос 25, 65, 125, 204
Сапарда 77
саранги 195
Сарды 78, 118, 119, 144, 154, 203, 212, 217, 221, 248, 263, 287, 294, 313
саспейры 195
Саттагидия 104, 105, 109, 193, 257
Северное Причерноморье 75, 121, 216
семиты 160, 218, 286, 289, 295
Сест 30
Сефидруд 58, 59
Сиалк 43, 51, 56, 57, 60, 62, 63
Сибирь 216
Сидон 19, 84, 117, 149, 154, 180, 205, 206, 219, 263, 299, 301, 302
сидонцы 241
Сиен 18, 122, 236, 237—301, 303
Синайская пустыня 190
Синопа 217
Сиппар 14, 74, 132, 133, 142, 143, 152, 159, 218, 221, 225, 239, 275, 292—294
Сирийская сатрапия см. Сирия
Сирия 15, 38, 76, 78, 80—83, 93, 95, 96, 104, 107—108, 110, 111, 121, 141, 144, 146, 153, 168, 188, 191, 193, 194, 204, 207, 218, 220, 227, 230, 290, 298, 306, 349
Сицилия 206
Скифия 23, 109, 110, 257
Скифское царство 85
скифы 40, 71, 75, 76, 78, 80, 91, 98, 147, 231—233, 242, 296, 297
Скудра 110
Согд 233, 313
Согдиана 9, 104, 107, 109, 141, 195, 220, 256, 257, 280
согдийцы 168, 169, 195, 228, 230, 281, 285
Спарта 26, 27, 29, 31, 32, 107, 125, 126, 273
Средиземное море 205, 207, 218
Средняя Азия 3, 29, 38—40, 75, 105, 142, 153, 210, 220, 230, 240, 280, 284, 297, 305, 308, 311, 322
СССР 185
Стимфала 30
Стримон 149
субарейцы 238
Сузы 6, 7, 9, 10, 15, 18, 22, 26, 27, 37, 42, 44, 48, 65, 78, 82, 83, 100, 116, 118—125, 135, 145, 151, 152, 157, 170, 179, 180, 182, 184, 185, 202, 212, 214, 215, 217, 223, 247, 252, 255—259, 262, 263, 266, 279, 281—283, 286, 292, 313, 322, 324, 328, 329, 338, 341

Сулеймание 41
Сурх-и Думб 44, 66, 67, 88, 97
Суэц 217
Суэцкий канал 217
Сфарда 294
Сырдарья 84

Табал 77
табалийцы 294
Таджикистан 263
Талыш 59, 60
таманаи 195
Тамуккан 154, 168—170, 178
таохи 235
Тарс 206, 216
Таттулбан 43
Тахмая 177
Тахт-и Джемшид 249
Тахт-и Куват 263
Тахт-и Сулейман 245
Тевфрания 149
Тегеран 6, 43, 57—59, 91
Тейшебаини 85, 232
Тема 289, 299
термилы (ликийцы) 169, 172, 281, 294
Тиана 286
тибарены 195
Тигр 74, 217, 220, 222, 242
Тир 73, 84, 117, 205, 219, 288, 295, 304,
325, 341
Триполис 117
Троада 117, 149, 341
Троя 115
Тукраш 178
Туна эль-Джебель 18
Туркестан 75
Туртуккан 178
Турция 16, 287
Тушша 84

Увадачай 214
уксии 118
умман-манда 75, 80, 81
Ур 13, 14, 92, 152, 189, 218, 225, 273,
292, 295
Урал 216
Урандуш 173
Урартское царство 124
Урарту 12, 40, 47, 72, 73, 75, 77, 78,
82, 84, 85, 93—98, 100, 111, 248, 257,
263
урарты 42, 72, 232, 294
Урмия 40—43, 48, 49, 52, 63, 71, 98,
322
Урук 7, 14, 82, 132, 134, 164, 167, 185,
221, 275, 277, 289, 291, 292, 294, 295,
317, 344, 346, 347
Урукавабарна 76
утии 195

Фарс 41—44, 51, 52, 103, 249, 259
Фасос 207, 263
Фаяом 20
Фермопилы 230
Фессалийцы 196
Фиванский ном 300
фиванцы 148
Фивы 25, 143, 237, 299, 302, 345
финикийцы 171, 180, 188, 207, 219,
225, 236, 237, 241, 242, 277, 293, 299,
302
Финикия 16, 19, 25, 84, 93, 95, 104, 108,
111, 117, 144, 154, 168, 188, 193, 204,
206, 207, 219, 220, 274, 299
Фокея 282, 284
Фракийцы 169, 173, 174, 196, 239, 281
Фракия 106, 110, 149, 169, 183
Фригийское царство 76, 77
фригийцы 237, 286, 289, 293, 294
Фригия 76, 117, 141, 148, 149, 154, 192,
228, 286, 341

Хабур 79
Хадрамаут 191
халдеи 74, 78, 79, 315, 332
Халиб 154, 193
халибы 235
Халуле 74
Хамадан 7, 86, 100, 103, 244, 258
Хамат 73
Хаманая 147
хамманцы 296
Хандиди 238
Харайва см. Арейя
Харакурра 169
харазбайцы 293
Харран 81, 82
Хасанлу 43—46, 51—57, 63, 65, 68—
70, 90—93, 96, 97
Харсин 98
хаумаварга см. саки-хаумаварга
хетты 64, 70
Хидали 183
Хиджаз 299
Хиос 204, 206
Хирап 188
Хоасп 193
Хорезм 107, 109, 195, 220, 256, 257,
280, 313
хорезмийцы 139, 171, 195, 228, 230,
236, 240, 281, 285, 299, 300, 302
Хорремабад 86
Хубушкна 77
Хузистан 42, 259
Хуме 288
Хурвин 43, 44, 48, 52, 57—60
хурриты 64
Хутпирри 172

Чандар 58

Черное море 30, 216, 219

Шалир 168

Шарон 149

Шираз 141, 176, 178, 213, 215, 249

Шушан 292

Шушлир 154

Эбир-нари см. Заречье

Эвбея 180, 286

Эгина 207

Эгейское море 27, 106, 192, 206, 217,
219, 241, 287

эдомитяне 298

Экбатаны 5, 7, 15, 39, 73, 79, 103, 106,
118, 122, 125, 212, 215, 217, 222, 258,
263, 313

Элам 5, 10, 40, 41, 47, 63, 64, 66, 69,
70, 72—74, 78, 79, 82, 83, 85, 100,
106, 108—111, 135, 138, 140, 145, 155,
156, 166, 168—170, 172, 182, 193, 218,
221, 223, 227, 238, 239, 244, 248,
255—257, 259, 263, 278, 282, 286,
288, 292, 298, 306, 321, 326, 340

эламиты 42, 49, 71, 73, 83, 127, 179,
226, 234, 249, 271, 278, 281, 282, 288,

289, 291, 292, 305, 326, 332, 339,
342

Эламское царство 10

Элефантина 15, 17, 19, 25, 126, 137—
139, 163, 184, 193, 208, 215, 236, 237,
274, 278, 279, 299, 301, 303, 304, 333,
349

Эллада 26, 119, 263

эллины 120, 235, 239, 283, 284, 296, 343

Эллипы 74

Элмах 287

Эолида 117, 192, 204

эолийцы 239

Эргили 8, 286

Эребуни 287, 329

эретрийцы 180, 286

Эретрия 284

Эриду 289

Эритрея 149

Эфес 29, 217, 248, 271, 287, 341, 344

Эфиопия 105, 110, 114, 219, 256

эфиопы 105, 118, 189, 195, 196, 303

Яван 192, 288

Яксарт 84, 104

- ahšadarapannu 112
 ahura 307
 aktenzi 243
 amparaš 213
 Anaītis 313
 anauša 233
 anūšiya 233
 arab(u) 191
 arbāja 294
 archai 109
 archōn 115
 areioi 297
 aribi 191
 arioi 297
 arta 323
 arubu 191
 arumāja 297
 aša 159, 318
 aspa 159
 aspastum 159
 aspātum 159
 Aššuriya 168
 aštābarru 161
 āthraiva 316
 athravan 315, 316
 ātra-vaxš 316
 Atsarma 316
 āyadana 285
 āyatana 285
 azdākara 123

 бага 161, 325, 326, 331
 band- 167
 banda 167
 bandi 284
 bannēšu 294
 bar- 187
 bāra 109
 bari 189
 barra 187
 baži 187
 bazikara 187
 baziš 187
 bēlo 187
 bīt- aspātum 159
 Bīt-Surāja 295
 dajānu 133
 dānaka 209
 daranya 204
 dariku 208

 dāta 128, 199, 288
 dātabara 109, 129, 133
 degel 236
 dipi 285
 drauga 323

 * framazdā 316
 * frasaka 123, 152
 frataraka 115, 237
 gal 171
 ganza 213
 ganzabara 109, 123, 213
 garda 168, 177, 181
 gaušaka 122
 gava 311
 gava-spanta 311
 gbrn 182
 gimirri 296
 gitepatu 109, 216
 grda 167, 168, 181
 gusfand 311

 halāk 187
 hāmāarakara 109, 123
 hambara 213
 hambārabara 213
 ḥarāḡ 187
 hatarmabatiš 316
 haṭrā 158
 ḥatru 158
 haturmakša 316
 hazahrapatiš 123, 235
 hazārapatiš 235
 ḥindu 297
 'ḥšdrpn' 115
 ḥštrpn' 288
 ḥštrpty 288
 hwn 318
 hyparchos 115

 ilku 161, 187, 202
 indumāja 297

 iprasakku 152
 Iškudra 169

 kanzam 213
 kapnuški 213
 kāra 229
 karan 228

karballatu 232, 233
karka 294
kasbu 277
kaspu 207
ksatrapa 285
kssadrapa 112
kurtaš 168, 177, 181, 182
kyrbasia 233

luddāja 294

maga 318
magavan 318
māgos 315
magu 315, 318
makuš 315, 316
mandattu 187
mazda 307
mdt 187
mesu 254
middā 187
milidāja 294
misirāja 292, 293
mogu.tbiš 318
muškāja 294

nadānu 187
namurtu 189
nāupati 242
nomoi 109
orthokorybantioi 233

paqdu 115
paradaida 153
pardes 154
pardesu 154
Parsagada 243
partetaš 153, 154

pati-āxšā 122
paθuka 209
pehā 114, 115
pekīd 115
Persai 254
pirku 202
pirramasda 316
ptšgr 234
pyraithoi 316

rabbap 182, 183
rab haila 236

sabbata 295
šak 174, 175
šaknu 158
sapardāja 294
šatin 316
satrā 158
satrapēiē 109
satrapēs 115
Skudra 169
spanta 321
ššhmr 121

tarmilāja 294
tiftāye 122
tigraxaudā 233
tuppi(me) 267

upaganzabara 213
uraštāja 294
uzbarru 153

*varusanka 148
* visai bagā 324

xšaθrapāna 112, 114, 115
yazata 316, 331

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Глиняный сосуд. Хурвин, XII—XI вв. до н. э.
Государственный Эрмитаж.

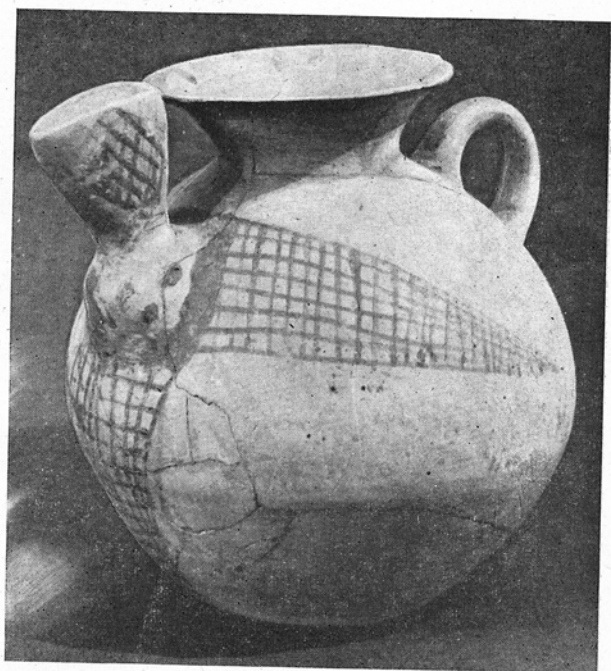

Рис. 2. Расписной глиняный сосуд. Спалк, могильник VIII в. до н. э.
Музей искусства народов Востока.

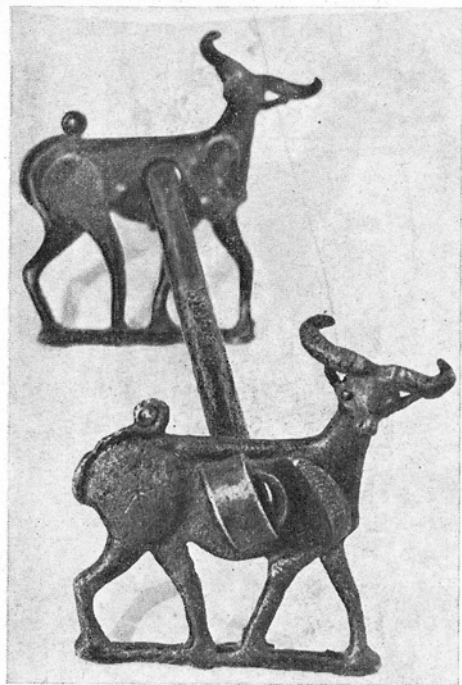

Рис. 3. Бронзовые удила и
псалии.
Луристан, IX—VIII вв. до
н. э. Музей искусства на-
родов Востока.

Рис. 4. Бронзовый «идол». Лури-
стан, IX—VIII вв. до н. э.
Государственный Эрмитаж.

Рис. 5. Бронзовое навершие штандарта. Луристан, VIII—VII вв. до н. э. Государственный Эрмитаж.

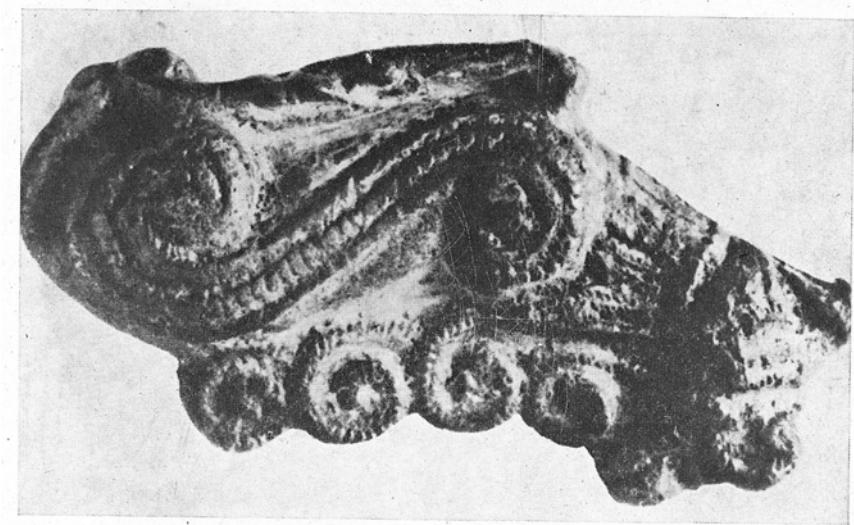
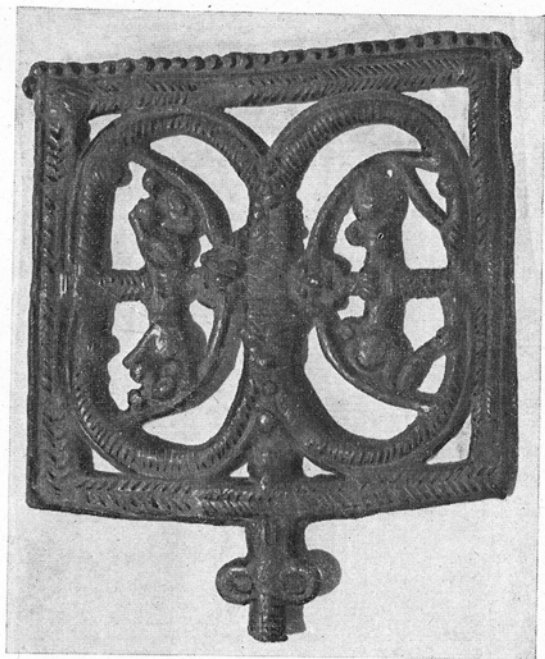

Рис. 6. Бронзовый псалий. Луристан, IX—VIII вв. до н. э. Археологический музей, Тегеран.

Рис. 7. Золотая плакетка.
Зивне, VII в. до н. э.
Метрополитен-музей, США.

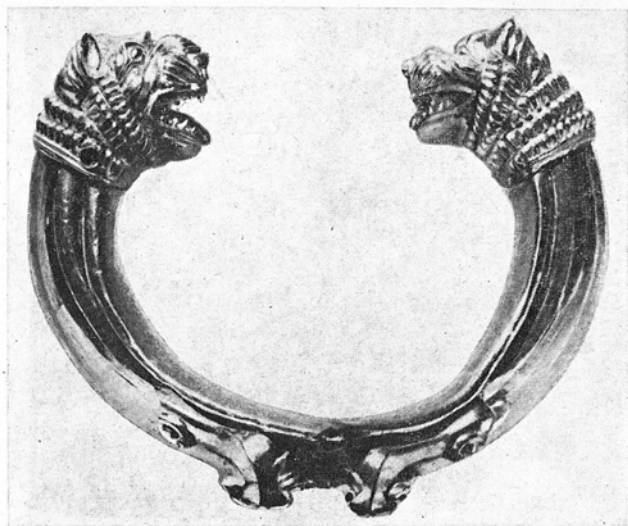
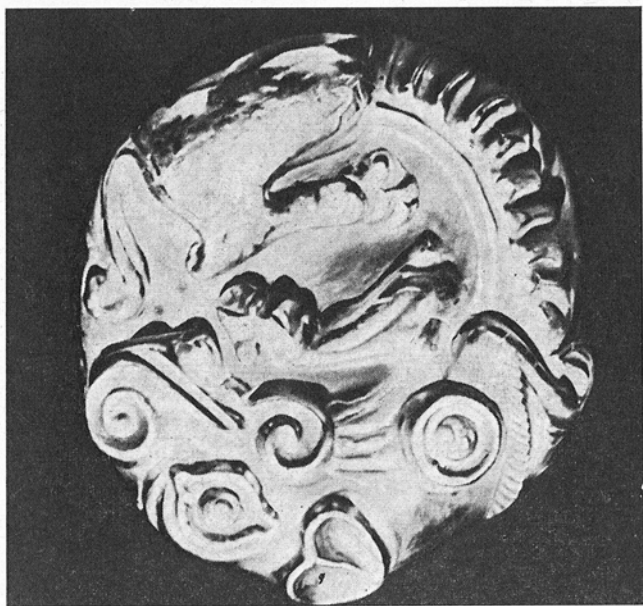

Рис. 8. Золотой браслет. Зивие, VIII—VII вв. до н. э.
Метрополитен-музей, США.

Рис. 9. Золотое навершие рукояти меча (или «яблоко» копья?). Зивие,
VII в. до н. э. Метрополитен-музей, США.

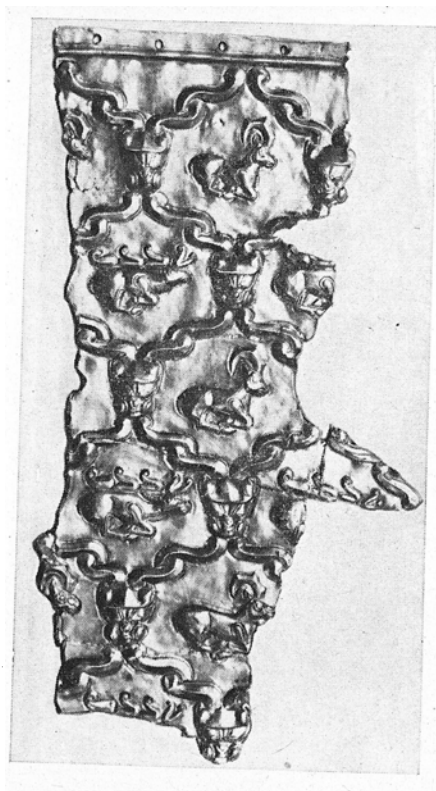
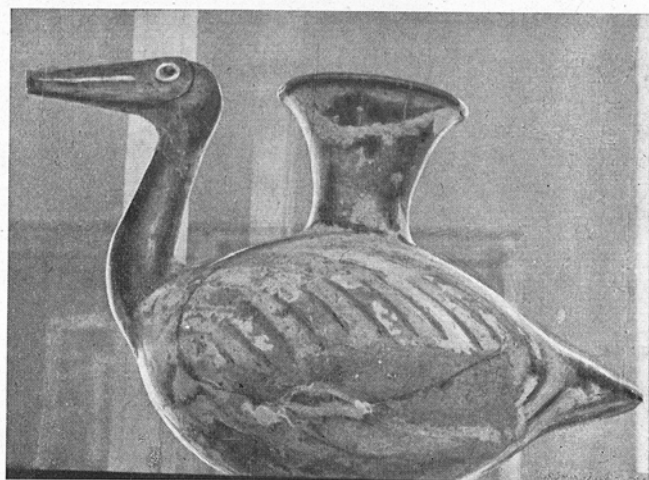

Рис. 10. Золотой пояс (деталь).
Зивие, VII в. до н. э.
Археологический музей, Тегеран.

Рис. 11. Глиняный фигурный со-
суд. Найден в Зивие,
VII (?) в. до н. э.
Археологический музей, Тегеран.

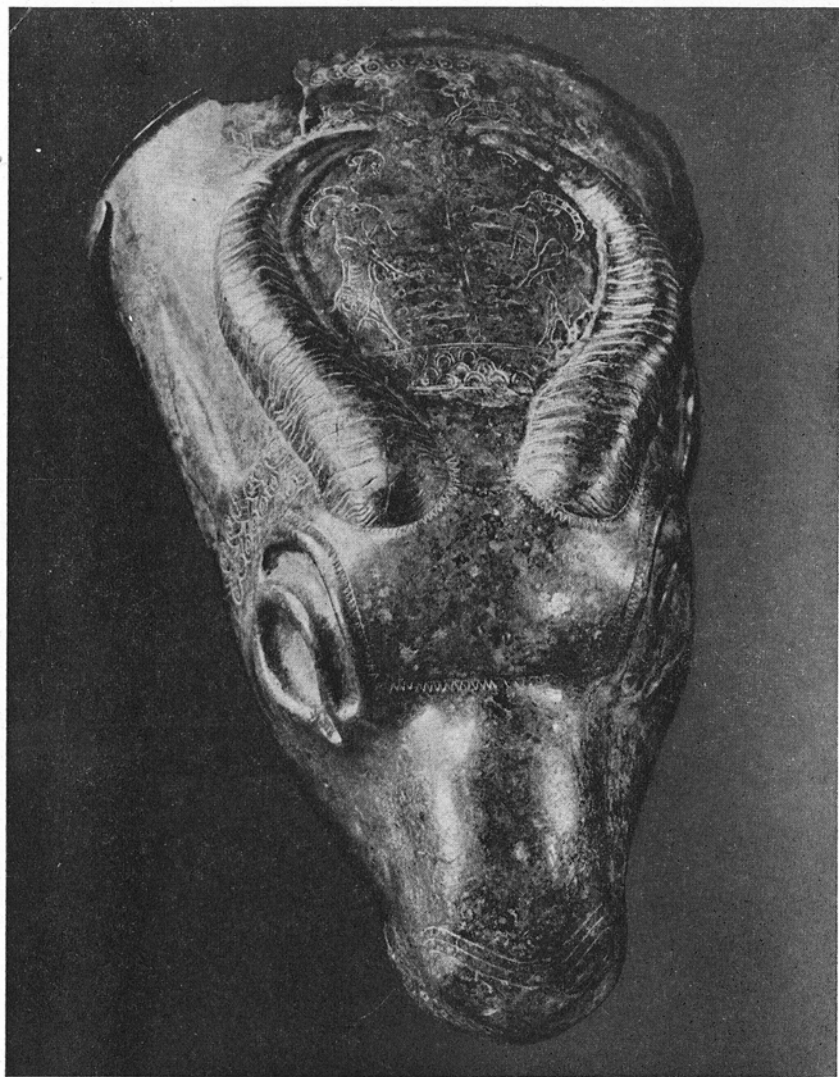

Рис. 12. Серебряный ритон. Район Кафлан-
ту, VIII—VII вв. до н. э.
Частная коллекция.

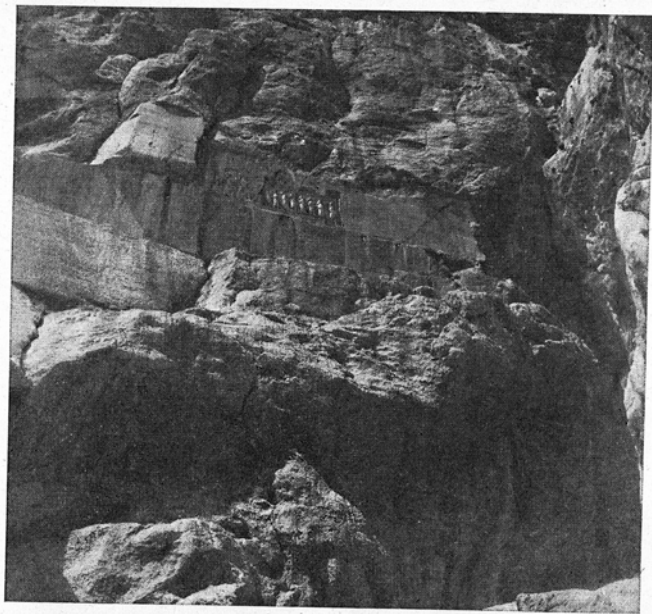

Рис. 13. Рельеф и надпись Дария в Бехистуне.

Рис. 14. Персеполь. Вид на «стоколонный зал» и ападану Дария-Ксеркса.

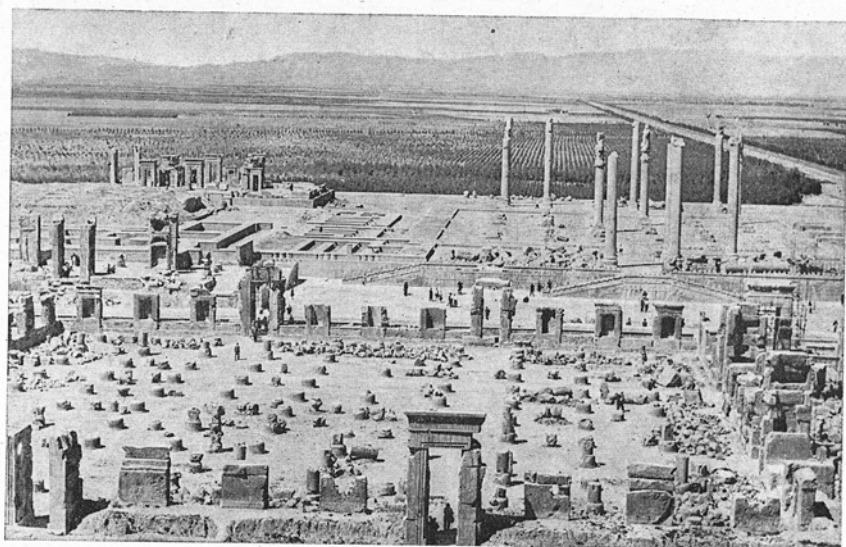

Рис. 15. Персеполь. «Пропилеи» Ксеркса.

Рис. 16. Персеполь. Рельеф лестницы ападаны (деталь).

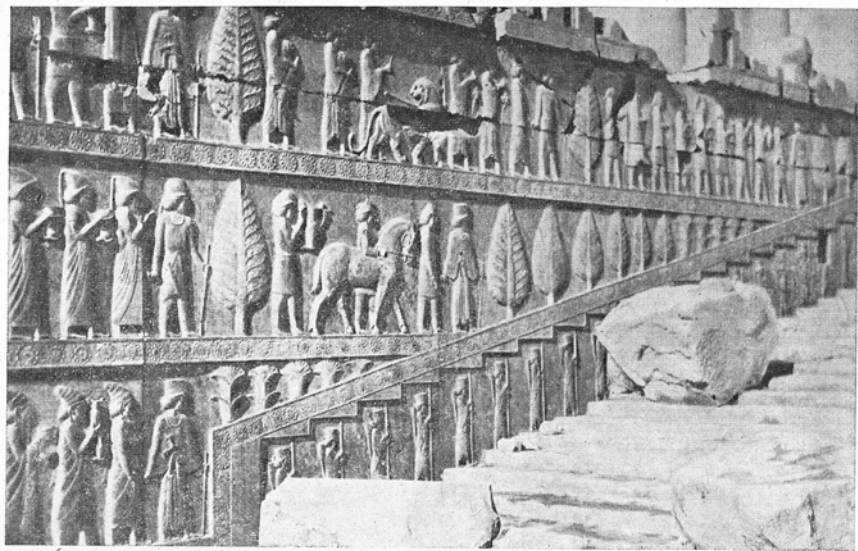

Рис. 17. Персеполь.
Лестница ападаны.

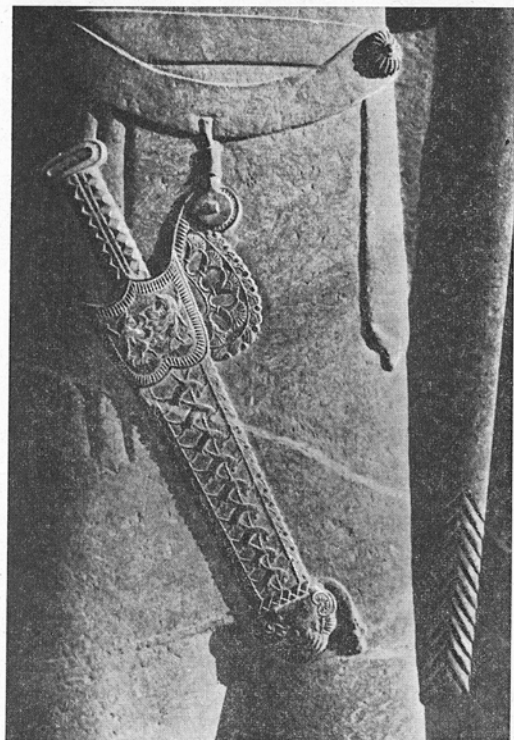

Рис. 18. Персеполь. Акинак
мидийского воина (рельеф
лестницы ападаны, деталь).

Рис. 19. Персеполь.
Персидский гвардеец.
Государственный Эрмитаж.

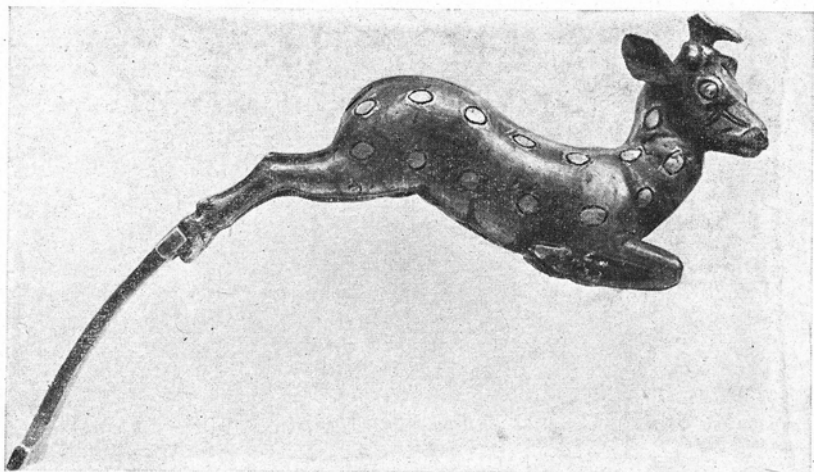

Рис. 20. Серебряная ручка сосуда.
V—IV вв. до н. э. Государственный Эрмитаж.

Рис. 21. Золотой ритон. V в. до н. э. Метрополитен-музей, США.

Рис. 22. Серебряный ритон. V—IV вв.
до н. э. Британский музей.

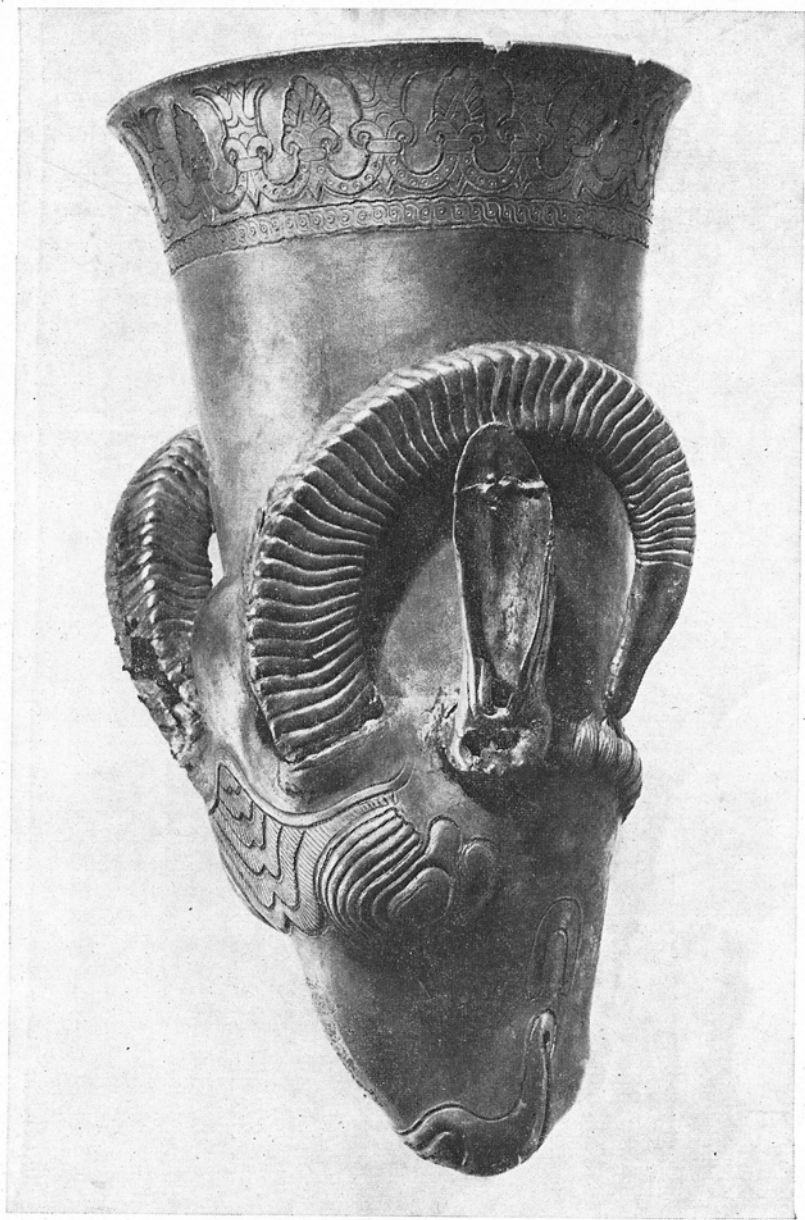
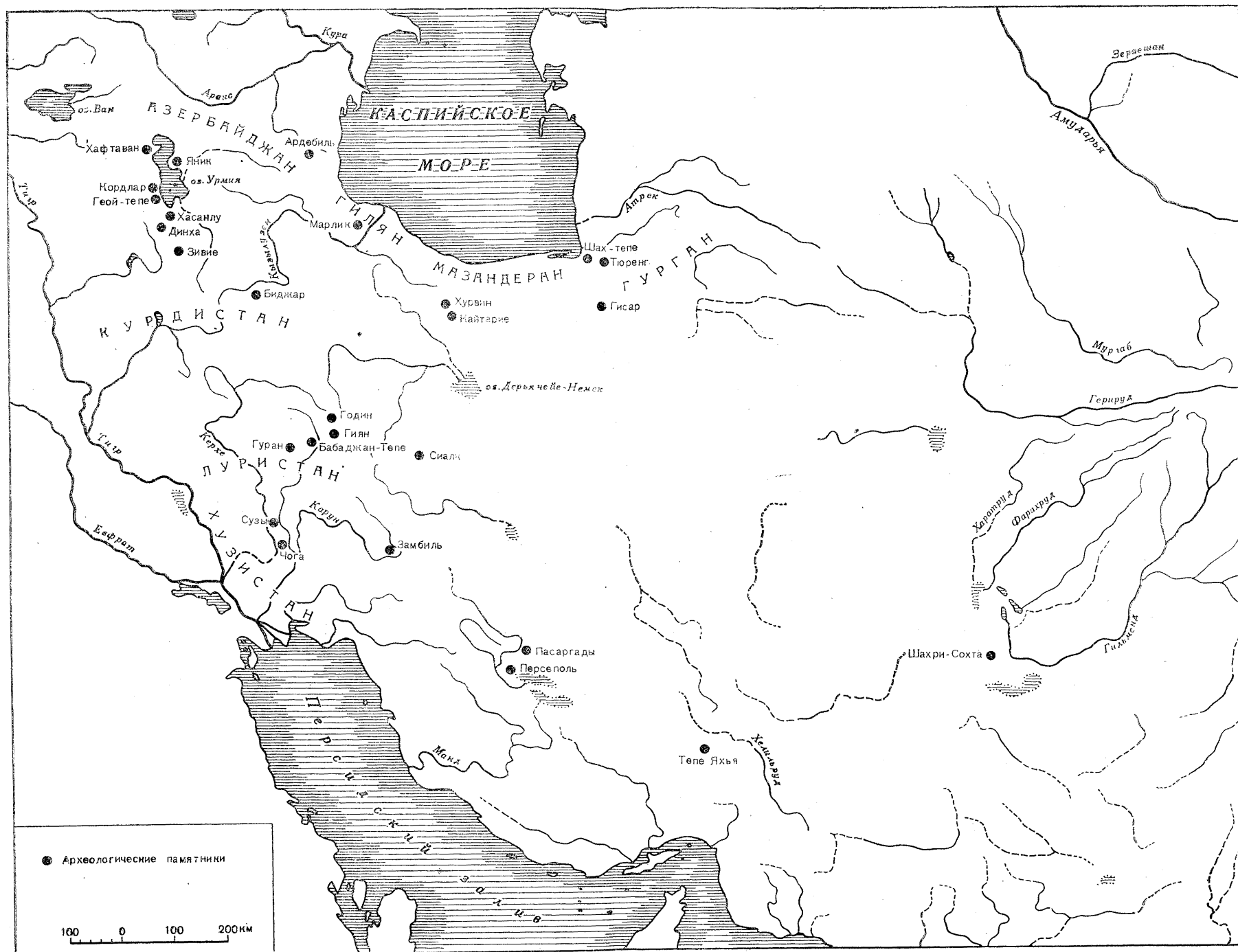

Рис. 23. Серебряный ритон. V—IV вв. до н. э.
Государственный Эрмитаж.

Рис. 24. Бронзовая фигурка
мидийца. V—IV вв. до н. э. Иран,
частная коллекция.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Обзор письменных источников	5
Важнейшая литература	36
Глава I. Ранняя история и культура иранских племен Передней Азии	39
Приход мидийцев и персов в Иран	39
Археология Ирана эпохи железного века (периодизация, формулировка проблемы)	43
Иран в IX — первой половине VI в. до н. э.	71
Мидийская культура	86
Глава II. Социальные институты и экономика Ахеменидской державы	104
Основные события политической истории	104
Государственное управление	108
Правовые системы	127
Аграрные отношения	140
Рабство и социальная структура общества	162
Государственные подати и повинности	186
Денежные системы	202
Сокровищница	213
Торговля	216
Цены	226
Армия	228
Глава III. Ахеменидская культура	243
Пасаргады	243
Персеполь	249
Строительная деятельность Дария I в Сузах	255
Ахеменидское искусство	259
Древнеперсидская клинопись	264
От суеверий к началкам науки	271
Календарные системы	277
Этнические и культурные контакты	280
Религия древних иранцев	305
Религиозная политика Ахеменидов	331
Храмовая политика Ахеменидов	344
Заключение	351
Библиография	352
Указатель имен	380
Указатель географических и этнических названий	390
Указатель терминов	398
Иллюстрации	400

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
81	6 сл.	Аккад	Аккада
83	5 св.	не могли	могли
88	20 св.	печей	печатей
178	6 св.	Г. Эйлерс	В. Эйлерс
303	7 св.	нося	неся
359	2 св.	Индии	Мидии
363	12 сл.	Culicam	Culicam
373	21 св.	problem	problem